

PHILOSOPHY
Элвин
ТОФФЛЕР
ШОК
БУДУЩЕГО
Элвин
ТОФФЛЕР
ШОК
БУДУЩЕГО

PHILOSOPHY

Элвин ТОФФЛЕР

ШОК БУДУЩЕГО

Москва
2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Т50

Alvin Toffler
FUTURE SHOCK
1970

Серийное оформление и компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева

Перевод с английского: Е. Руднева (введение, гл. 1—3); Л. Бурмистрова (гл. 4—5); К. Бурмистров (гл. 6—7); И. Москвина-Тарханова (гл. 8); А. Микиша (гл. 9, 15, 16); А. Мирер (гл. 10, 11); В. Кулагина-Ярцева (гл. 12—14); Н. Хмелик (гл. 17, 19, 20); Е. Комарова (гл. 18).

Научный редактор, автор предисловия — д.ф.н., проф. П.С. Гуревич

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Curtis Brown, Ltd. и Matlock.

Подписано в печать 10.06.2004. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 3 000 экз. Заказ № 2961

Тоффлер Э.
Т50 Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 557, [3] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-010706-4

Книга американского футуролога и публициста Э. Тоффлера «Шок будущего», несомненно, бестселлер последних десятилетий. Автор обращает внимание на неслыханный темп, который характерен для современных культурных, политических изменений. Человечество может погибнуть не из-за экологической катастрофы, ядерной реакции или истощения ресурсов. Шок, который испытывают люди, приводит к психологическому онемению, к самой реальной опасности, которая подстерегает человечество. Это главная угроза. Надо осознать ее и по возможности устранить. Автор надеется, что предложенные им меры смогут помочь человеку выжить в новой реальности и предотвратить шок будущего.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

БОГ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРЕОБРАЖЕНИЙ

Вы просыпаетесь утром и обнаруживаете, что мир, который долгие годы воспринимался как фон вашей жизни, переменился. Все, к чему вы привыкли, становится совсем иным. Причем в рекордные сроки, буквально ежесекундно. Скажем, еще в прошлом году этот день считался великим праздником. Вы сидели у экрана и смотрели демонстрацию. Вам звонили друзья, почтальоны приносили открытки. Этот день все еще считается праздником. Однако никто не звонит, не поздравляет. Осталась одна проформа. Зачем она?

Вы идете в магазин и поражаетесь, как выросли цены. Нет, можно привыкнуть, что этот день совсем не праздник, но такие цены... Кто мог предвидеть, что пучок лука... Или, допустим, баночка с вазелином... Пора бы, наверное, смириться, ведь впереди еще множество испытаний. Но душа не поспевает за переменами. Мир кажется враждебным и страшит непостижимым.

Звонит знакомая и рассказывает, что пигалица из их класса стала валютной проституткой. Вы долго обсуждаете этот вопрос и даже успеваете поинтересоваться, как здоровье ее такой благовоспитанной мамы. А тот, кто сидел с пигалицей за одной партой и мечтал стать академиком, теперь, оказывается, ходит в роскошной кожаной куртке. Он подрабатывает дворником...

Сместились все представления. Знакомая назвала дурой приятельницу, которая поступила в аспирантуру. Подземный переход оглушает вас звуками аккордеона. Вы замед-

ляете шаг. Несколько месяцев назад вы видели этого музыканта на обложке модного иллюстрированного журнала... Вечером на экране появляется телевизионный ведущий и комментирует обвальное крушение рубля. Шахтеры перекрывают железнодорожные магистрали. Учителя и профессора ищут работу в коммерческих ларьках.

Говорят, что волка может поразить инфаркт, если пространство, на котором он обитает, вдруг окажется обуженным. А что происходит с человеком, который вдруг узнает, что не может показаться в другом районе, где живут люди иной национальности? Разом изменились все ценности. Учитель подчас не знает, что он должен теперь рассказывать детям — времена изменились. Ученый поражен тем, что утратил общественный статус. Рабочий еще недавно перспективного предприятия неожиданно оказался безработным. Красный директор, трижды орденоносный, все еще надеется, что все вернется на прежний курс. Однако надежды становится все меньше...

Стремительно рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло смысл нашего бытия. Меняются ориентации. Специалист по атеизму носит православную бородку. Преподаватель научного коммунизма руководит кооперативом. Низвергаются святыни. Девушка, поступившая на работу в фирму, неожиданно получает приглашение переспать с шефом. «С какой стати?» — спрашивает она. Ей отвечают: «Ты что, психованная?» Политические домашние распри оборачиваются кровавыми расправами. Человек остается одиноким перед надвигающейся неизвестностью.

Когда в начале 70-х годов в наших журналах появились отдельные отрывки из книги Элвина Тоффлера «Шок будущего», мы читали эти страницы как некий фантастический роман. Нам, живущим в ритме застоя, в архаических социальных структурах, все это казалось далеким, хотя и заставляющим отдаться волнам воображения. Почти тридцать лет прошло с тех пор, как вышла книга американского журналиста и социолога.

Нужна ли она нам сегодня, на пороге нового тысячелетия? Найдет ли она отклик в сердцах россиян? Наконец,

сбылись ли прогнозы модного предсказателя? Ведь сам автор признавал; что его работа в потоке стремительных преображений тоже окажется устаревшей. Книга Тоффлера — продукт яркого социального воображения. Хотя автор постоянно ссылается на научные публикации, статистику, бытовые примеры, его работа раскрывает во многом мир фантазии, продуктивного заглядывания в будущее.

Тоффлер написал о том, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой болезни и свое название «футурошок» — «шок будущего». Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок.

Футурошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким грядущим. Еще до начала XXI в. миллионы обычных физически здоровых и психически нормальных людей внезапно столкнутся лицом к лицу с будущим. Смогут ли они приспособиться ко все более усиливающемуся давлению событий, знаний, науки, техники, различного рода информации? Не приведет ли это к серьезным социальным и психологическим последствиям?

Неужели человечество только теперь столкнулось с этими проблемами? Разве только в нашей стране человек вытолкнут из привычной ниши? Средневековому человеку будущее виделось как таинственная и темная сила. Даже радостный день он воспринимал с тревогой: а вдруг эти утехи обернутся казнями на Страшном суде. Войны, эпидемии, голод воспринимались как признаки надвигающегося конца света. Фрески храмов, изображающие эпизоды Страшного суда, заставляли трепетать сердца верующих при одной мысли о том, что ждет их по ту сторону бытия, в загробном мире.

Пушкин сказал о своем герое: «И жить торопится, и чувствовать спешит». И в ту пору были люди, гоняющиеся за модой, жаждущие перемен, склонные ощутить мимолет-

ность в своих чувствованиях. Но у поэта все-таки сквозит ирония, проступает дистанция. Мир все-таки был прочным или, во всяком случае, казался таким. Гоняясь за новизной, люди все-таки жили в привычном окружении, в оковах предрассудков и привычном течении жизни.

Однако в нашем столетии стали заметны поразительные преображения. Тоффлер показывает, что темпы перемен неслыханно возросли. Мы теперь не можем даже представить, что произойдет, скажем, через пару лет. Если бы несколько лет назад мне, профессору Института философии, сказали бы, что напротив нашего здания на месте бассейна вырастет храм Христа Спасителя или что останки последнего русского царя будут хоронить с участием президента нашей страны, я бы, несомненно, испытал шок...

В советские годы была такая эстрадная шутка. Конферансье говорит: «Я люблю эту женщину на всю жизнь, пропишите ее в моей квартире на три месяца». Кто мог подумать, что спустя десятилетие Тоффлер будет всерьез обсуждать в своей книге идею временного брака как социологическую реальность. Человек может прописать в своей квартире не одну жену, а целую череду: браки теперь не заключаются на небесах, не порождены любовью и вовсе не предполагают, что новобрачные станут жить вместе до конца своих дней.

По истечении многих веков, на пороге иного тысячелетия человечество, казалось бы, уже не должно страшиться своего будущего. Вооруженные новейшей техникой люди научились прогнозировать свою жизнь на несколько лет и даже десятилетий. Но вот беда — прогноз безрадостен. До дна исчерпаны кладовые земли. Нечем насыщать нашу прожорливую техническую цивилизацию.

Создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. И тут действительно оказалось, что главнейшая беда — вовсе не дефицит сырья для производства, не разрушение экологической среды. Научная мысль пытается отвести эти катастрофы. Кошмар в ином: психологические ресурсы человека не безграничны. Дело не в том, что образуется озоновая дыра или иссякнет нефтяная скважина. И даже не в том, что, засыпая в одном государ-

стве, вы можете проснуться совсем в ином... Раньше всего может не выдержать человеческая психика.

Несколько десятилетий назад газета «Известия» напечатала фельетон «Воздушные хулиганы». Там рассказывалось о том, как пилоты, проходя мимо памятника Пушкину в Москве, увидели у монумента пьяного. Они бережно подобрали его, внесли в самолет и, закончив рейс, положили, сердечного, возле памятника Тарасу Шевченко, уже в Киеве. Представляете шок протрезвевшего, когда он очнулся?.. Впрочем, теперь это детские шалости. Вся страна может встретить рабочее утро возле новых скрижалей...

Книга Тоффлера еще надолго останется бестселлером. Однако не следует читать ее как безоговорочное откровение. Блестящему сочинению явно не хватает метафизической проработанности. Исследование весьма уязвимо с точки зрения культурологии, философской антропологии и психологии. Говоря о многообразии как воплощении свободы, автор опирается на чрезвычайно обуженный культурологический фон. Социолог заворожен американской моделью жизни. Бог немыслимых преображений — культ новизны — рожден именно в этой стране.

Тоффлер убежден, что сверхиндустриальная цивилизация — универсальный феномен. Но ведь в мире существуют сегодня самые разнообразные культуры. Станет ли модернизация вселенским процессом? — на этот вопрос человечество пока не располагает ответом. Да, многие страны Азии — Япония, Китай, Корея — продвигаются к сверхиндустриальной модели. Однако культурное своеобразие не стирается, не устраняется. Остается разным во многих культурах и образ времени.

Не случайно родился другой американский бестселлер, который предрекает не только мучительный процесс схождения цивилизаций, но и их грядущий конфликт. Читатель догадался, что речь идет о концепции Самуэля Хантингтона. Проблема человечества не только в том, чтобы привыкнуть к переменам. Она в ином — как сохранить ценностно-психологическое ядро культуры. В нашей стране тоже психологический взрыв от перемен. Но мы испытываем шок не только от

будущего, но и от прошлого. Для нас это далеко не психологическая только проблема...

Мир не внял предостережению Тоффлера. Мало ли чем может испугать нас современный футуролог. Только отдельные здравомыслящие люди поспешили изменить стиль жизни, точнее сказать, постарались оградить себя от радикальной динамики. Тоффлер не обращается к философской антропологии. Он, по существу, не пытается поставить вопрос о том, какова же человеческая природа. Кто человек по своей натуре — новатор или консерватор? Или иначе — какие тенденции в обществе могут преобладать? Не должны ли они находиться в некоей гармонии?

Не случайно после выхода книги Тоффлера во многих западных странах начала набирать силу консервативная волна. Философы, политики стали размышлять о том, насколько приспособлен человек к этим переменам как биологическое, психологическое существо. Неоконсерваторы заговорили о том, как важно для человека ощущать прочность бытия. Ведь в прошлом социальный цикл зачастую соотносился с культурным, последний чаще всего был длиннее. Теперь же на протяжении жизни одного поколения культурные циклы меняются один за другим, создавая лавину цивилизационных потрясений.

Тоффлер не ставит вопрос о том, что такое психологическая норма. Он полагает, что человек, мало приспособленный к меняющейся реальности, психологически ущербен. Ему надо разъяснить, что мир постоянно преображается. Если он хочет адаптироваться к реальности, ему важно перестроить свою психику, избежать футурошока. Но предположим, людям это удалось. Люди не ощущают дискомфортности от того, что все вокруг стремительно преображается, можно ли сказать, что человек, приладившийся к действительности, это не невротик, а полноценная личность.

Разве это психологическая норма — человек, выбитый из лона семьи, из привычного ландшафта, утративший привязанность и ощущение стабильности? Скорее всего такой человек, реализующий беспредельную свободу, как раз и окажется психопатом. Пожалуй, лучше всего об этом рассказывает наша российская жизнь.

Человек, рожденный в яранге, способен поступить в вуз и обрести совсем иной статус. Он же может вернуться в родное селение и привнести в его жизнь элементы еще незнакомой культуры. Тоффлер видел исток футурошока только в машине, в технологии. Это ее скорость рождает неслыханные темпы мутаций. Вот почему, как он считал, миллионы людей охвачены возрастающим чувством тревоги. Они не могут ориентироваться в окружающей жизни, теряют способность разумно управлять событиями, которые стремительной лавиной обрушиваются на их головы. Безотчетный страх, массовые неврозы, не поддающиеся разумному объяснению поступки, необузданные акты насилия — все это, по мнению американского эксперта, лишь слабые симптомы болезни, которая ожидает нас впереди.

Реальность российской действительности и тех стран, которые еще недавно составляли с ней единое пространство, значительно изменили экспертизу Тоффлера. Дело не только в машинах, не в темпах жизни, которые навязывает нам техническая цивилизация. Преображается социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в темп неслыханных ускорений. Он вообще катапультируется, причем многократно, в иные миры.

Вчера еще респектабельный индивид вдруг становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Человек, который всю жизнь взращивал в себе нравственность, неожиданно обнаруживает, что ему надлежит обитать в воровской шайке. От бомжа ждут, что он развернет в себе качества умелого коммерсанта. Жертва синдрома «раскрестьянивания» приговаривается к владению земельным участком. Человеку, готовому променять свои акции на спирт и пачку гречки, предназначают роль совладельца капитала. Человеку, который впал в нищету от задержки пенсии, предлагают оплачивать жилье по западным стандартам...

Опять спросим: только ли нашему времени свойственно это явление? Конечно, похожие феномены можно проследить в любой исторической эпохе. Представьте себе состояние варвара-скифа, захваченного в плен и проданно-

го в рабство в какой-нибудь город античной Греции или Рима. Отрезанный от привычной среды, столкнувшийся лицом к лицу с незнакомой ему культурой, этот человек должен был пережить состояние шока.

Или пример другого рода. Вспомним известную повесть Марка Твена «Принц и нищий». Безродный и неимущий мальчик оказывается в положении наследного принца. Но вместо того чтобы возблагодарить судьбу, он испытывает постоянную тревогу, страх перед непривычной действительностью.

Однако большинство людей, попадающих в незнакомую обстановку, живут надеждой на возвращение в родную страну с привычным укладом жизни или находят утешение в том, что в любой момент могут оказаться в своей среде. Жертвы футурошока этой утешительной мысли лишены. В нашей стране масштабы социальных и культурных метаморфоз фантастически огромны. К тому же тот мир, куда зовет краснознаменная мечта и надежда, безвозвратно утрачен. Позади руины, впереди психологически непереносимые муки.

Оторвите человека от родной культуры и бросьте в совершенно новое окружение, где ему придется мгновенно реагировать на множество совершенно новых представлений о времени, пространстве, труде, сексе и т. п., и вы увидите, какая поразительная растерянность овладеет им. А если вы еще отнимете всякую надежду на возвращение в знакомую социальную обстановку, растерянность перерастет в депрессию. Психологическое онемение — жуткий синдром сегодняшних дней.

Возле Иванова разбился самолет. Погибли пассажиры, экипаж. Отказала техника? Ничуть не бывало. Печальное стечение метеорологических условий? Фатальное совмещение грозных факторов? Не гадайте... Эксперты обвинили во всем командира экипажа. Он действовал правильно, грамотно. Но в состоянии какой-то потрясающей медлительности. Командиру экипажа можно инкриминировать только одно — он руководил полетом в состоянии психологической прострации... Однако вменяем ли он?

Не достоин ли этот случай внимательного постижения? Томимые безмерной человеческой усталостью, требуют увеличения зарплаты авиадиспетчеры. На последнем пределе

действует оператор ядерного щита. Безропотный чиновник превращается в маньяка, последним всплеском истерзанной психики пытающегося восстановить утраченное равновесие. Спускается в забой шахтер, доведенный до отчаяния бессмысленностью борьбы за своевременную получку...

Представим себе, какой может оказаться дезориентация человека, если наступит хаос и вся иерархия ценностей станет постоянно меняться. Вообразим, что в обрисованный нами мир перенесли не отдельного человека, а целое общество разновозрастных людей, включая самых слабых, наименее интеллигентных, наименее приспособленных. Результатом будет не просто футурошок, а нечто большее, не имеющее пока своего обозначения.

Перемены, происходящие вокруг нас, приняли характер грандиозного снежного обвала. Большинство людей совершенно не подготовлены к ним. Бабушка, которая всю жизнь копила на похороны и теперь осознавшая, что уйдет в иной мир без должного погребения. Жильцы кооперативного дома, откладывающие деньги на капитальный ремонт дома и прознавшие, что этих денег не хватит даже на синьку. Академик, пестовавший атеизм. Физик, привыкший презирать «лириков», которому не видать отныне заказов на исследования... Беременная женщина, неожиданно столкнувшаяся с тем, что закон не охраняет ее право на материнство.

Дело не только в том, что мы расширили сферу перемен, сделали их масштабнее — мы изменили их темп. На нас обрушивается лавина быстро меняющих друг друга событий, что приводит к преображению нашего восприятия времени. Мы «ощущаем» жизнь иначе, чем наши предшественники, и именно в этом отличие современного человека.

Нафантазируем такую ситуацию... Средневековый рыцарь увидел на турнире прекрасную даму и влюбился. Добиваясь взаимности, он пишет ей страстные послания, и его гонец с величайшими ухищрениями доставляет письма своего господина в замок дамы, живущей на другом конце королевства. Представьте себе, сколько времени должно пройти, прежде чем она получит это послание и, тщательно все обдумав, напишет нежный ответ, который с еще большими предосторожностями переправит своему возлюбленному.

В течение этого времени чувства как бы замирают. Наши герои способны переживать состояние, охватившее их в момент первой встречи, бесконечное число раз... Неизменной остается ситуация, в которой они находятся. Медленно поступает информация, которая могла бы привести к перемене их чувств. Подобный роман может длиться годами, совсем не развиваясь. У несчастных влюбленных средневековья гораздо больше шансов умереть раньше своей любви, чем у наших современников.

Последним, имеющим в своем распоряжении сотовый телефон, почту и другие средства связи, нет необходимости долгое время переживать волнение, охватившее их во время первого свидания, так как за ним стремительно следуют все новые и новые события. И часто у современных влюбленных просто не остается времени, чтобы разобраться в собственных чувствах. Однако представим себе ситуацию в духе рассуждения Тоффлера о превратностях брака, о том, что брак будет многоразовым. Допустим, пушкинская Татьяна говорит Онегину: «Как хорошо, что ты вернулся. Мой брак с генералом как раз завершается. Теперь я могу быть с тобою в течение нескольких лет...» Получается диалог совсем в духе Бернарда Шоу:

— Можно ли вас на минуточку?

— Хоть на целую вечность, если это ненадолго...

Жизнь современного молодого человека мало чем напоминает жизнь его отца. Пропасть, разделяющая поколения, стремительно расширяется. В прошлые века жизнь текла гораздо медленнее. История прекрасной дамы могла произойти как с ее прабабушкой, так и с ее внучкой. Размеренный ритм жизни крепко связывал поколения друг с другом, не давая прерваться «связи времен».

Современные люди, ускорив темпы перемен, навсегда порвали с прошлым. Мы отказались от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Именно это ставит под сомнение способность человека к адаптации — выживет ли он в новой среде? Сможет ли приспособиться к иным императивам?

Ускорение темпов жизни больше не укладывается в рамки нормального человеческого существования, под его на-

пором сотрясаются все социальные институты общества. У моего шефа украли машину. Он звонит высокому чину в милицию. Оттуда раздается нечто утешительное: «Если угнали с ведома милиции, поможем, найдем. Но если это неорганизованная преступность, извините, не отыщем...» Как приспособиться к новому статусу стражей порядка?

Нарастание темпов перемен оказывает губительное воздействие на нашу психику, оно нарушает внутреннее равновесие, меняет образ нашей жизни. Таким образом, внешнее ускорение переходит во внутреннее... Ускорение перемен сокращает длительность жизненных ситуаций. Это оказывает разрушительное воздействие на психику.

Затевая социальные нововведения, обсуждая детали дальнейших «реформ», мы совершенно не учитываем симптомы названного нами феномена. Здесь царит полнейшее благодушие. Полнейшую апатию принимают порой за спокойное здравомыслие. Психологическое онемение — за верноподданничество. Интеллигенция более истерична, чем народ, вещает с экрана руководитель правительственной команды.

«Не драматизируйте ситуацию», — увещевают нас. Хочется писать о лучезарном. Но означает ли это, что мы должны проходить мимо грозных и неотвратимых предвестий, о которых говорится в книге Тоффлера.

Еще один аспект книги Тоффлера — в ней много говорится о научных открытиях, которые ставят массу этических и философских проблем. С некоторым промедлением, нежели предполагал Тоффлер, заговорили о клонировании человека, о возможностях модульного принципа человеческих отношений. Совсем недавно биологи открыли ген, который несет в себе завершение жизни природного организма. Именно в нем заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к погибели. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера можно выжечь его. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что в кругозоре биологии проблема выглядит предельно ясной...

А в доминионе философии? Может быть, только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства

на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему призванию обязан представить на суд специалистов древние интуиции-предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обостренное метафизическое звучание.

Философия — кладезь всяких возвещений, многие из которых вообще не имеют под собой теоретических оснований. Подчас эти откровения наивны, лукавы, безрассудны, оскорбительны для здравомыслия. Но если пресечь эту фонтанирующую мощь воображения, человек перестанет быть самим собой. Оскудеет и его разум. Сознание утратит собственный метафизический потенциал.

У Тоффлера есть замечательный образ. Он рассказывает о том, что карты средневековья способны вызвать сегодня усмешку. Но без них не было бы современного видения мира. Через догадку, через воображение, через философское постижение люди идут к распознаванию мира.

Но надо ли абсолютизировать скорость, перемены, смену ситуаций, возможность перемены мест. Помню, в годы застоя мне удалось поехать в Монреаль на Международный философский конгресс. Вернувшись, я с воодушевлением рассказывал всем о неожиданных впечатлениях, об открытии иных культурных стандартов. Знакомый художник остудил меня фразой, смысл которой все чаще открывается мне теперь:

— Один радуется, что пробежал по проспектам эксцентричного города, другой счастлив, что разглядел куст под окном.

Человечеству нужна активная деятельность, но потребно и созерцание. Оно должно обладать огромным потенциалом адаптированности. Однако не повредит людям и здоровый консерватизм. Свобода — это сбрасывание уз, но это и ограничение. Не стоит быть рабом мимолетностей, бесконечных новых впечатлений, потока перемен. Жаль человека, который посадит дерево, но так и не увидит, как оно растет.

П. С. Гуревич, профессор

ВВЕДЕНИЕ

Это книга о том, что происходит с людьми, когда на них обрушиваются перемены. Она о том, как мы адаптируемся — или не адаптируемся — к будущему.

О будущем много написано. В большинстве своем книги, описывающие грядущий мир, имеют жесткую металлическую интонацию. Эти страницы посвящены «мягкой», или человеческой, стороне завтрашнего дня. Кроме того, они рассказывают о том, как мы идем к завтрашнему дню. Прогноз имеет дело с общими, каждодневными вопросами — какие продукты мы покупаем и от каких отказываемся, какие места мы оставляем, в какие объединения вступаем, какие люди проходят через наши жизни, не задерживаясь рядом с нами. Исследуется будущее дружбы и семейной жизни. Рассматриваются странные новые субкультуры и стили жизни, а также множество других тем — от политики и спортивных площадок до прыжков с парашютом и секса.

Объединяет все это, как в книге, так и в жизни, грохочущий поток перемен, поток настолько мощный в настоящее время, что он опрокидывает институты, производит сдвиг ценностей и высушивает наши корни. Изменение — это процесс, с помощью которого будущее проникает в наши жизни, и важно посмотреть на него внимательно, не просто в великой исторической перспективе, но также с позиции живущих, дышащих индивидов, которые его ощущают.

Ускорение перемен в наше время само по себе стихийная сила. Эта сила имеет личные и психологические, а так-

же социологические последствия. В последующих главах эти воздействия ускорения впервые систематически исследуются. Книга убедительно, надеюсь, доказывает, что, если человек быстро не научится контролировать скорость перемен в своих личных делах, а также в обществе в целом, мы обречены на массовый адаптационный срыв.

В 1965 г. в статье, опубликованной в «Horizon», я впервые употребил термин «шок будущего» для описания разрушительного стресса и дезориентации, которые вызывают у индивидов слишком большие перемены, происходящие за слишком короткое время. Захваченный этой идеей, я провел следующие пять лет, посещая университеты, исследовательские центры, лаборатории и правительственные агентства, читая бесчисленные статьи и научные доклады и беседуя буквально с сотнями экспертов, занимающихся разными аспектами изменений, практического поведения и будущего. Нобелевские лауреаты, хиппи, психиатры, врачи, бизнесмены, профессиональные футурологи, философы и специалисты в области образования высказывали свою обеспокоенность переменами, свою тревогу по поводу адаптации, свои страхи относительно будущего. Из этого опыта я сделал два беспокоящих меня вывода.

Во-первых, стало ясно, что шок будущего — не отдаленная потенциальная опасность, а реальная болезнь, от которой уже страдает все возрастающее число людей. Это психобиологическое состояние можно описать в медицинских и психиатрических терминах. Это — болезнь перемен.

Во-вторых, я постепенно приходил в смятение от того, как мало на самом деле знают об адаптивности как те, кто призывает к преображениям и создает широкомасштабные перемены в нашем обществе, так и те, кто якобы готовит нас справляться с этими переменами. Серьезные интеллектуалы смело говорят об «образовании, нацеленном на перемены», или о «подготовке людей к будущему». Но мы на самом деле ничего не знаем о том, как это делать. Находясь в наиболее быстро изменяющемся окружении, в каком человек когда-либо пребывал, мы остаемся в жалком неведении, как человек справляется с проблемами.

Наши психологи и политики также озадачены тем внешне иррациональным сопротивлением переменам, какое высказывают некоторые индивиды и группы. Глава корпорации, который хочет реорганизовать отдел, преподаватель, желающий внедрить новый метод, мэр, который стремится к мирной расовой интеграции в своем городе, — все в тот или иной момент сталкиваются с этим глухим противостоянием. Тем не менее мы мало знаем о его источниках. К тому же почему некоторые люди жаждут, даже рвутся к переменам, делая все, что в их власти, чтобы их создать, а другие бегут от них? Я не только не нашел готовых ответов на эти вопросы, но обнаружил, что у нас нет даже адекватной теории адаптации, без которой чрезвычайно маловероятно, что мы когда-либо найдем ответы.

Цель этой книги, таким образом, помочь нам прийти к согласию с будущим — помочь нам справиться более эффективно как с личными, так и с социальными переменами, углубляя наше понимание того, как люди на них реагируют. С этой целью в ней выдвигается новая общая теория адаптации.

Она также привлекает внимание к важному, хотя часто незамечаемому различию. Почти неизменно исследования в области воздействий перемен концентрируются на том, куда перемены нас ведут, а не на скорости этого путешествия. В этой книге я пытаюсь показать, что *скорость* перемен имеет значение совершенно отличное и иногда более важное, чем *направления* перемен. Никакая попытка понять адаптивность не может быть успешной, если не осознать этот факт. Любая попытка определить «содержание» перемен должна включать последствия, вызываемые самим темпом, как часть этого содержания.

Уильям Огберн со своей знаменитой теорией культурного отставания показал, как социальный стресс возникает из неравной скорости перемен, происходящих в разных секторах общества. Концепция шока будущего — и теория адаптации, которая из нее выводится — ясно предполагает, что должно существовать равновесие не только между скоростью перемен в разных секторах, а между скоростью измене-

ния окружения и ограниченной скоростью человеческой реакции. Ибо причина шока будущего — увеличивающийся разрыв между ними.

Однако задача книги заключается не только в изложении теории. Она также ставит целью продемонстрировать метод. Раньше люди изучали прошлое, чтобы пролить свет на настоящее. Я повернул зеркало времени, уверенный, что четкий образ будущего поможет нам лучше понять настоящее. Сегодня нам все труднее осознавать наши личные и общественные проблемы без применения будущего в качестве интеллектуального орудия. В последующих главах я намеренно использую это орудие, чтобы показать, на что оно способно.

Наконец, не менее важно то, что автор стремится незаметно, но существенно изменить сознание читателя. Почему это необходимо, станет понятно из дальнейшего изложения. Для того чтобы успешно справиться с быстрыми переменами, от большинства из нас потребуется преобразовать свое отношение к будущему, осознать роль, которую оно играет в настоящем. Цель этой книги — изменить понимание будущего. Если читатель, закончив чтение этой книги, станет думать, размышлять или попытается предвосхитить будущие события, значит, автор справился со своей задачей.

Здесь уместно сделать несколько оговорок. Сегодня факты быстротечны. Каждый опытный репортер знает, что такое работать над быстро исчезающей ситуацией, которая меняет вид и смысл, прежде чем слова записаны на бумагу. Сегодня весь мир — это быстро исчезающая ситуация. Поэтому неизбежно, что в книге, которая создавалась в течение нескольких лет, ряд фактов устареет ко времени публикации. Профессора, преподававшие в университете А, за это время начали читать лекции в университете В. Политики, придерживавшиеся взглядов X, успели перейти на позицию Y.

Хотя были предприняты добросовестные усилия во время написания обновить *«Шок будущего»*, некоторые из приведенных фактов уже, несомненно, устарели. (Это, разумеется,

можно сказать о многих книгах, хотя авторы избегают этой темы.) Обветшание данных имеет здесь особое значение: оно служит подтверждением содержащегося в этой книге положения о быстроте перемен. Писателям все труднее и труднее успевать за действительностью. Мы еще не научились задумывать, исследовать, писать и публиковать в «реальном времени». Читатели, таким образом, должны больше обращать внимания на главную тему, а не на детали.

Другая оговорка касается глагола «будет». Ни один серьезный футуролог не занимается «предсказаниями». Их оставляют телевизионным оракулам и газетным астрологам. Ни один человек, хотя бы немного знакомый со сложностями прогнозирования, не претендует на абсолютное знание завтрашнего дня. Как говорится в одной восхитительно ироничной поговорке, приписываемой китайцам: «Пророчествовать чрезвычайно трудно — особенно в отношении будущего».

Это означает, что всякое утверждение о будущем должно основательно сопровождаться цепочкой оговорок — разных «если», «однако», «с другой стороны» и пр. В книге подобного рода углубляться в каждое подходящее определение — это значит завалить читателя лавиной всяческих «может быть». Я взял на себя вольность говорить твердо, без колебаний, рассчитывая, что интеллигентный читатель поймет стилистическую проблему. Рядом со словом «будет» всегда подразумеваются слова «возможно» или «по моему мнению». Подобным образом все сроки, относящиеся к будущим событиям, нужно принимать с оговоркой. Неспособность говорить точно и уверенно о будущем не может служить оправданием молчанию. «Точные данные», разумеется, всегда должны учитываться. Но если их нет, ответственный писатель — даже ученый — имеет и право, и обязанность полагаться на иные виды доказательств, включая впечатления, истории и мнения хорошо информированных людей. Я это делал постоянно и не раскаиваюсь в этом.

Исследуя будущее, важно иметь воображение и озарение, чем быть на сто процентов «правым». Теориям не обязательно надо быть «верными», чтобы быть чрезвычайно

полезными. Даже ошибка может сослужить свою службу. Карты мира, начерченные средневековыми картографами, были так безнадежно неточны, в них было столько фактических ошибок, что они вызывают снисходительные улыбки теперь, когда почти вся поверхность Земли нанесена на карту. Тем не менее без них великие исследователи никогда бы не открыли Новый Свет. И теперешние улучшенные, уточненные карты не могли бы быть созданы, пока люди, работающие с ограниченными доступными данными, не изобразили на бумаге свои смелые представления о мирах, которые они никогда не видели.

Мы, исследователи будущего, работаем в духе старинных картографов: концепция шока будущего и теория пределов адаптивности представлены здесь не как окончательное слово, а как первое приближение новых реальностей, наполненных опасностью и обещанием, созданных мощью ускорения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЕЦ ПОСТОЯНСТВА

Глава 1

800-й ОТРЕЗОК ЖИЗНИ

Через три коротких десятилетия, отделяющих сегодняшний день от XXI в., миллионы простых, психологически нормальных людей окажутся в резком конфликте с будущим. Будучи гражданами самых богатых в мире и наиболее технически развитых стран, многие из них все с большим трудом будут поспевать за непрекращающимися требованиями перемен, которые характерны для нашего времени. Для них будущее наступит слишком быстро.

Это книга о переменах и о том, как мы к ним адаптируемся. Она о тех, для кого преобразования явно благотворны, кто радостно взлетает на их волне, а также о множестве тех людей, кто сопротивляется им или пытается от них убежать. Она о нашей способности адаптироваться. Она о будущем и о том шоке, который сопровождает его приход.

Западное общество в последние триста лет было охвачено бурей перемен. Эта буря сейчас, похоже, набирает силу. Перемены проносятся по высокоразвитым странам волнами, которые все набирают силу и оказывают беспрецедентное влияние. Они несут в своем фарватере всевозможную любопытную социальную флору — от психоделических церквей и «свободных университетов» до научных городов в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии.

Они также порождают эксцентричных людей: детей, которые в свои двенадцать лет на детей уже не похожи; взрослых, которые в пятьдесят словно двенадцатилетние дети. Есть богатые люди, играющие в бедных, программис-

ты, балдеющие от ЛСД. Есть анархисты, под грязными дешевыми рубашками которых скрываются ярые конформисты, и конформисты с наглухо застегнутыми воротничками, которые в душе — ярые анархисты. Есть женатые священники, и священники-атеисты, и еврейские дзэн-буддисты. У нас есть и поп-арт... и оп-арт... и *art cinétique**... Есть клубы для плейбоев и кинотеатры для гомосексуалистов... амфетамины и транквилизаторы... гнев, изобилие — и забвение. Много забвения.

Можно ли как-то объяснить эту странную картину, не прибегая к жаргону психоанализа или туманным клише экзистенциализма? Странное новое общество явно пробивает себе дорогу среди нас. Есть ли способ понять его, направить его развитие? Как мы можем прийти к согласию с ним?

Многое из того, что сейчас поражает нас своей непостижимостью, предстало бы иным, если бы мы по-новому взглянули на то, как перемены набирают скорость, из-за которой реальность иногда кажется калейдоскопом. Ибо убыстрение перемен не просто ударяет по промышленности или странам. Это конкретная сила, которая глубоко проникает в нашу частную жизнь, заставляет нас играть новые роли и ставит нас перед лицом опасности новой и сильно подрывающей душевное равновесие психологической болезни. Эту новую болезнь можно назвать «шок будущего», и знание ее причин и симптомов помогает объяснить многое, что в противном случае не поддается рациональному анализу.

НЕПОДГОТОВЛЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Параллельный термин «шок культуры» уже начал проникать в общеупотребительную лексику. Шок культуры — это воздействие, которое погружение в чужую культуру оказывает на неподготовленного посетителя. Добровольцы

* кинетическое искусство. — *Примеч. пер.*

Корпуса мира испытали это на себе в Борнео или в Бразилии. Вероятно, Марко Поло также страдал от него в Катаи. Шок культуры — это то, что происходит, когда путешественник внезапно оказывается в таком месте, где «да» может означать «нет», где вокруг «фиксированной цены» начинаются переговоры, где ожидание в приемной — не оскорбление, где смех может означать гнев. Это то, что происходит, когда знакомые психологические подсказки, которые помогают человеку функционировать в обществе, вдруг изымаются и заменяются новыми — странными и непонятными.

Феномен шока культуры объясняет во многом замешательство, фрустрацию и дезориентацию американцев, когда они имеют дело с другими обществами. Он вызывает срыв в общении, неверное прочтение реальности и неспособность справиться с ситуацией. Тем не менее шок культуры гораздо мягче по сравнению с гораздо более серьезной болезнью — шоком будущего. Шок будущего — это вызывающая головокружение дезориентация, являющаяся следствием преждевременного прихода будущего. Он вполне может оказаться самой серьезной болезнью завтрашнего дня.

Вы не обнаружите шок будущего в *«Index Medicus»* или каком-либо справочнике психологических отклонений. Но если не предпринять разумных шагов по борьбе с ним, миллионы людей окажутся во все большей степени дезориентированными, все в возрастающей степени неспособными рационально контактировать со своими окружениями. Неудовлетворенность, массовый невроз, иррациональность и разгул насилия, которые уже ясно видны в современной жизни, это только предвестие того, что может ждать нас впереди, если мы не поймем и не станем лечить эту болезнь.

Шок будущего — это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую. Это шок культуры в собственном обществе. Но его воздействие гораздо хуже. Ибо большинство участников Корпуса мира (фактически большинство путешественников) знают, что культура, из которой они вышли, останется на прежнем

месте, когда они вернутся. Жертва шока будущего этого не знает.

Извлеките индивида из его собственной культуры и поместите его внезапно в окружение, резко отличающееся от собственного, с другим набором подсказок — другими понятиями о времени, пространстве, труде, любви, религии, сексе и всем остальном, — затем отнимите у него всякую надежду увидеть более знакомый социальный ландшафт, и его страдания от перемещения удвоятся. Более того, если эта новая культура сама находится в постоянном хаосе и если — еще хуже — ее ценности непрестанно меняются, чувство дезориентации еще больше усилится. Учитывая малое число подсказок, какого рода поведение рационально в радикально новых обстоятельствах, жертва может представлять опасность для себя и других.

Теперь представьте, что не только индивид, а целое общество, целое поколение — включая его самых слабых, наименее умных и наиболее иррациональных членов — вдруг переносится в этот новый мир. В результате — массовая дезориентация, шок будущего в больших масштабах.

Вот перспектива, которая открывается сегодня перед человеком. Перемены лавиной обрушиваются на наши головы, и большинство людей до абсурда не подготовлены к тому, чтобы справиться с ними.

РАЗРЫВ С ПРОШЛЫМ

Это все преувеличение? Думаю, что нет. Уже стало избитой фразой, что мы сейчас живем в период «второй промышленной революции». Эта фраза должна нас впечатлять скоростью и глубиной перемен вокруг нас, но она банальна и вводит в заблуждение. Ибо то, что сейчас происходит, по всей вероятности, больше, глубже и важнее, чем промышленная революция. Все больше респектабельных людей склоняются к тому, что данное движение представляет собой не

что иное, как второй великий раздел в истории человечества, сравнимый по размаху только с первым великим разрывом в историческом континууме — переходом от варварства к цивилизации.

Эта идея возникает все чаще в работах ученых и специалистов по технологии. Сэр Джордж Томсон, британский физик и нобелевский лауреат, высказывает в *«The Foreseeable Future»* мысль о том, что ближайшая историческая параллель с сегодняшним днем — это не промышленная революция, а скорее «появление сельского хозяйства в эпоху неолита»[1]. Джон Дайболд, американский эксперт по автоматизации, предупреждает, что «последствия технической революции, которые мы сейчас переживаем, будут более глубокими, чем какие-либо социальные изменения, которые мы испытывали раньше»[2]. Сэр Леон Багрит, производитель компьютеров из Великобритании, утверждает, что автоматизация сама по себе представляет «величайшую перемену во всей истории человечества»[3].

Ученые и технические специалисты не одиноки в этом мнении. Сэр Герберт Рид, занимающийся философией искусства, сообщает нам, что мы живем в период «такой фундаментальной революции, что должны искать параллель во многих прошлых столетиях. Возможно, единственным сравнимым изменением является то, которое произошло между Старым и Новым каменным веком...»[4] А Курт У. Марек, который под псевдонимом К. У. Серам больше известен как автор произведения *«Gods, Graces and Scholars»*, замечает, что «мы в двадцатом веке завершаем период человеческой истории длиною в пять тысяч лет... Мы не находимся, как предполагал Шпенглер, в положении Рима в начале эпохи христианства на Западе, а в 3000 году до нашей эры. Мы открываем глаза как доисторический человек, мы видим абсолютно новый мир»[5].

Одно из наиболее поразительных замечаний на эту тему сделал Кеннет Боулдинг, выдающийся экономист и обладающий ярким воображением социальный мыслитель. Обосновывая свою точку зрения о том, что наступил критический поворотный момент в истории человечества, Боулдинг заме-

чает, что «относительно многочисленные статистические данные о деятельности человечества свидетельствуют: дата, разделяющая историю человечества на две равные части, находится на памяти нынешнего поколения»[6]. Действительно, наше столетие представляет собой Великую Осевую Линию, бегущую из центра истории человечества. «Сегодняшний мир, — утверждает Боулдинг, — так же отличается от мира, в котором я родился, как тот мир от мира Юлия Цезаря. Я родился приблизительно в середине человеческой истории. Со времени моего рождения произошло почти столько же событий, сколько до него»[7].

Это поразительное заявление можно проиллюстрировать разными способами. Например, было замечено, что если последние 50 000 лет существования человека разделить на отрезки жизни приблизительно в 62 года каждый, то окажется около 800 таких отрезков жизни. Из этих 800 полных 650 прошли в пещерах.

Только за последние 70 таких отрезков жизни стало возможным эффективно передавать информацию от одного поколения к другому благодаря письменности. Только в последние шесть отрезков жизни массы людей увидели печатное слово. Только за последние четыре стало возможным измерить время с любой степенью точности. Только в последние два кто-то где-то использовал электрический двигатель. И подавляющее большинство всех материальных благ, которыми мы пользуемся в повседневной жизни в настоящее время, были придуманы в течение настоящего, 800-го отрезка жизни.

Это 800-й отрезок жизни ознаменовал резкий разрыв со всем прошлым опытом человечества, потому что в течение именно этого отрезка отношение человека к ресурсам радикально изменилось. Это наиболее заметно в области экономического развития. За период одного такого отрезка времени сельское хозяйство, основа цивилизации, утратило свою доминирующую роль во многих странах. Сейчас в десятке наиболее развитых государств в сельском хозяйстве занято меньше 15% экономически активного населения. В Соединенных Штатах, чье фермерское хозяйство кормит 200

млн. американцев плюс еще 160 млн. человек в мире, эта цифра уже ниже 6% и быстро уменьшается[8].

Более того, если сельское хозяйство — это первая стадия экономического развития, а индустриализация — вторая, мы теперь можем видеть, что внезапно достигнута еще одна стадия — третья. Около 1956 г. Соединенные Штаты стали первой крупной страной, в которой более 50% несельскохозяйственной рабочей силы перестали носить синие воротнички, ставшие синонимом фабричного или ручного труда. «Синие воротнички» оказались потесненными так называемыми беловоротничковыми. Это люди, занятые в розничной торговле, работники администраций, системы коммуникаций, науки, образования и др. В течение одного и того же отрезка жизни общество впервые в истории человечества не только сбросило иго сельского хозяйства, но также смогло в течение нескольких коротких десятилетий сбросить иго ручного труда. Была создана первая в мире экономика сферы услуг.

С тех пор одна за другой технически развитые страны двинулись в этом направлении. Сегодня в Швеции, Великобритании, Бельгии, Канаде, Нидерландах и в других странах, где сельское хозяйство находится на уровне 15% и ниже, «белые воротнички» уже численно превосходят «синих воротничков». Десять тысяч лет сельского хозяйства. Одно-два столетия индустриализации. А теперь перед нами открывается супериндустриализация[9].

Жан Фурастье, французский философ, занимающийся общественным планированием, объявил: «Ничто не будет менее индустриальным, чем цивилизация, рожденная индустриальной революцией»[10]. Значение этого поразительного факта еще нужно осмыслить. Возможно, У Тан, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, ближе всех подошел к формулировке смысла этого сдвига к супериндустриализации, когда он заявил: «Главным фактом огромной важности является то, что развитые экономики сегодня могут иметь в любое, хотя не ближайшее, время тот вид и то количество ресурсов, которые они решат иметь... Ресурсы больше не ограничивают решения. Теперь решения создают ре-

сурсы. Это фундаментальное революционное изменение — возможно, самое революционное, которое человек когда-либо знал»[11]. Это поразительное преобразование произошло в течение 800-го отрезка жизни.

Этот отрезок жизни также отличается от других огромным расширением масштабов перемен. Ясно, что эпохальные перевороты происходили и в течение других отрезков жизни. Войны, эпидемии чумы, землетрясения и голод сотрясали общественный порядок и раньше. Но эти потрясения и перевороты происходили в границах одного или нескольких близлежащих обществ. Сменялись поколения, даже столетия, прежде чем их влияние распространялось за пределы этих границ.

В наш отрезок времени границы сметены. Сегодня сеть социальных связей сплетена так тесно, что последствия современных событий немедленно распространяются по всему миру. Война во Вьетнаме изменяет политический расклад в Пекине, Москве и Вашингтоне, вызывает протесты в Стокгольме, сказывается на финансовых сделках в Цюрихе, служит толчком к секретным дипломатическим шагам в Алжире.

Действительно, не только *современные* события немедленно распространяются, теперь мы ощущаем влияние всех *прошлых* событий по-новому, ибо прошлое возвращается к нам с новой силой. Мы оказались в ситуации, которую можно назвать «скачком времени».

Событие, затронувшее лишь горстку людей во время своего свершения в прошлом, может иметь широкомасштабные последствия сегодня. Пелопоннесская война, например, была по современным стандартам небольшой стычкой. Когда Афины, Спарта и несколько близлежащих городов-государств сражались, население остальной части земного шара в большинстве своем не знало о войне и не было ею затронуто. Индейцы из племени Запотеков в Мексике совершенно о ней не подозревали. Древние японцы не чувствовали ее влияния.

Однако Пелопоннесская война глубоко изменила будущий ход истории Греции. Преобразуя движение людей, географическое распределение генов, ценностей и идей, она

повлияла на последующие события в Риме и через Рим — во всей Европе. Сегодняшние европейцы в какой-то незначительной степени другие люди из-за того, что произошел этот конфликт.

Сегодня в тесно переплетенном мире эти европейцы влияют на мексиканцев и японцев. Пелопоннесская война повлияла на генетическую структуру, идеи и ценности сегодняшних европейцев, которые сейчас экспортируются ими во все части света. Таким образом, сегодняшние мексиканцы и японцы чувствуют отдаленное влияние этой войны, хотя их предки, современники этой войны, его не чувствовали. Так, события прошлого, перескакивая через поколения и века, преследуют и изменяют нас сегодня.

Когда мы думаем не только о Пелопоннесской войне, но о строительстве Великой китайской стены, эпидемии черной чумы, сражении банту с хамитами — о всех событиях прошлого, — кумулятивное значение принципа скачка времени становится более очевидным. Что бы ни случилось с какими-то людьми в прошлом — это реально влияет на людей сегодня. Так было не всегда. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что вся наша история догоняет нас, и именно это различие, как ни парадоксально, подчеркивает наш разрыв с прошлым. Сегодня диапазон перемен фундаментально иной. Во времени и пространстве перемены имеют такую силу и область воздействия в этот 800-й отрезок времени, какого не имели никогда.

Но качественное отличие между этим и всеми предыдущими отрезками времени легко упустить из виду: ибо мы не только увеличили диапазон и силу перемен, мы радикально преобразовали их скорость. Наше время высвободило абсолютно новую социальную силу — поток перемен настолько ускорил свой ход, что он влияет на наше чувство времени, революционизирует темп повседневной жизни и сказывается на том, как мы «ощущаем» мир вокруг нас. Мы больше не воспринимаем жизнь так, как люди в прошлом. И это основное отличие, которое ставит истинно современного человека особняком. Ибо в этом ускорении кроется непостоянство (временность), которое проникает и пропиты-

вает наше сознание, радикально влияя на связь с другими людьми, с вещами, со всем миром идей, искусства и ценностей.

Вступая в эпоху супериндустриализации, мы должны проанализировать процессы ускорения и рассмотреть понятие временности. Если ускорение — это новая социальная сила, то временность — ее психологическая параллель, и без понимания ее роли в поведении современного человека все наши теории личности, вся наша психология не будут отвечать современным требованиям. Психология без понятия временности не может учитывать именно те явления, которые особенно актуальны.

Изменяя наше отношение к окружающим нас ресурсам, сильно расширяя диапазон перемен и, что наиболее важно, ускоряя их темп, мы безвозвратно порвали с прошлым. Мы отрезали себя от старых способов мышления, восприятия и адаптаций. Мы расчистили сцену совершенно новому обществу и теперь устремляемся к нему. Это наиболее трудная проблема 800-го отрезка жизни. И это ставит вопрос о способности человека к адаптации: как ему будет житься в этом новом обществе? Может ли он приспособиться к его императивам? А если нет, может ли он изменить эти императивы?

Прежде чем попытаться ответить на подобные вопросы, мы должны сосредоточиться на двух неразрывно связанных друг с другом силах: ускорении и временности. Мы должны узнать, как они изменяют текстуру существования, выковывая из нашей жизни и психики новые, незнаковые формы. Мы должны понять, как — и почему — они ставят нас, впервые в жизни, перед лицом взрывного потенциала шока будущего.

---

[1] Сравнение Томсона появляется в [175], с. 1.

[2] Работа Дайболда взята из [57], с. 48.

[3] Багрит цит. по: The New York Times, March 17, 1965.

[4] Заявление Рида можно найти в его эссе «New Realms of Art» в [302], с. 77.

[5] Цитата из Марека взята из [165], с. 20–21. Замечательная книжка.

[6] Боулдинг о постцивилизации: [134], с. 7.

[7] Ссылка Боулдинга на Юлия Цезаря взята из «The Prospects of Economic Abundance», его лекции на нобелевской конференции в Колледже Густавуса Адольфуса, 1966 г.

[8] Данные о сельскохозяйственной продукции США приводятся по: Malthus, Marx and the North American Breadbasket by Orville Freeman // Foreign Affairs, July, 1967, p. 587.

[9] До сих пор не существует общепризнанного или вполне удовлетворительного термина для описания новой стадии общественного развития, к которой мы, кажется, движемся. Социолог Даниел Белл придумал термин «постиндустриальный» для обозначения общества, в котором экономика основана главным образом на услугах, доминируют классы профессиональных и технических работников, теоретическое знание занимает центральное положение, интеллектуальная технология — системный анализ, построение моделей и тому подобное — высоко развита, а технология, по крайней мере потенциально, способна самостоятельно развиваться. Этот термин подвергался критике за то, что он предполагает, будто бы будущее общество уже не будет основано на технологии, хотя Белл специально тщательно избегает этого подтекста.

Любимый термин Кеннета Боулдинга — «постцивилизация» — употребляется для противопоставления будущего общества и «цивилизации» — эпохи оседлых сообществ, сельского хозяйства и войн. Проблема с «постцивилизацией» заключается в ее намеке на то, что все за ней следующее будет варварским. Боулдинг отвергает эту ложную коннотацию столь же решительно, как и Белл. Збигнев Бжезинский предпочитает выражение «технотронное общество», подразумевая под этим общество, в значительной степени основанное на передовых средствах коммуникации и электронике. Здесь можно возразить, что, делая сильный упор на технологию, фактически на особый вид технологии, оно не дает характеристики социальным аспектам общества.

Еще, разумеется, есть «мировая деревня» Маклюэна и «электрический век» — опять попытка описать будущее в терминах одного или двух довольно узких измерений: коммуникаций и единения. Возможны также другие термины: трансиндустриальное, постэкономическое и т. п. Я все-таки предпочитаю говорить о «суперийндустриальном обществе». Здесь тоже есть серьезные недостатки. Этот термин служит для обозначения сложного, быстро

движущегося общества, опирающегося на высокопередовую технологию и постматериалистическую систему ценностей.

[10] Фурастье цитируется в [272], с. 28.

[11] Заявление У Тана цитируется в [217], с. 184.

Глава 2

СИЛА УСКОРЕНИЯ

В начале марта 1967 г. на востоке Канады одиннадцатилетний мальчик умер от старости.

Рикки Голланту было только одиннадцать лет, но он страдал странной болезнью, называемой прогерия — прогрессирующее старение организма, — и имел многие характерные черты девяностолетнего человека. Симптомы прогерии: дряхлость, отвердение сосудов, облысение, слабость и морщинистая кожа. Действительно, Рикки был стариком, когда умер, биологическое изменение длиною в жизнь было спрессовано в его одиннадцать коротких лет[1].

Случаи прогерии чрезвычайно редки. И все же в метафорическом смысле технологически развитые общества все страдают от этой странной болезни. Они не стареют и не дряхлеют. Но они *ощущают* сверхнормальную скорость перемен.

Многие из нас испытывают смутное «чувство», что все происходит быстрее. Врачи и руководители одинаково жалуются, что не успевают следить за последними открытиями в своих областях. Сегодня практически ни одно совещание или конференция не проходят без ритуального упоминания о «том вызове, который нам бросают перемены». Многих беспокоит, что преобразования выходят из-под контроля.

Однако не все разделяют это беспокойство. Миллионы людей, словно лунатики, бредут по жизни, как будто ничего не изменилось с 30-х годов и ничего никогда не изменится. Живя, несомненно, в один из наиболее волнующих периодов

в истории человечества, они пытаются отстраниться от него, отгородиться, будто, проигнорировав, его можно заставить уйти. Они стремятся к «сепаратному миру», дипломатической неприкосновенности для себя от преобразований.

Их встречаешь везде: старые люди, ушедшие на пенсию и доживающие свой век, пытаясь любой ценой избежать вторжения нового. Уже состарившиеся люди тридцати пяти или сорока пяти лет, нервно реагирующие на студенческие волнения, секс, ЛСД или мини-юбки, лихорадочно пытающиеся убедить себя, что в конце концов юности свойственно бунтарство и то, что происходит сегодня, не отличается от того, что было в прошлом. Даже среди молодых мы обнаруживаем непонимание перемен: студенты так плохо знают прошлое, что не видят ничего необычного в настоящем.

Тревожно, что значительное большинство людей, в том числе образованных и умудренных опытом, считают мысль о переменах такой угрожающей, что пытаются отрицать их существование. Даже те, кто умом понимает, что преобразования ускоряются, не прочувствовали это, не принимают этот важный социальный факт во внимание при планировании своей жизни.

ВРЕМЯ И ПЕРЕМЕНЫ

Откуда нам *знать*, что перемены ускоряются? Ведь нет абсолютного способа измерить перемены. В пугающей сложности Вселенной, даже в рамках любого данного общества практически бесконечное число потоков изменений происходит одновременно. Все «вещи» — от крошечного вируса до огромной галактики — в действительности вовсе не вещи, а процессы. Нет статической точки, нет нирваноподобной неизменности, относительно которой можно измерить преобразование. Изменение, таким образом, относительно.

Изменение также неравномерно. Если бы все процессы происходили с одной и той же скоростью или ускорялись

или замедлялись в унисон, было бы невозможно наблюдать изменение. Однако будущее проникает в настоящее с разной скоростью. Таким образом, можно сравнивать скорость разных процессов по мере их развертывания. Мы знаем, например, что по сравнению с биологической эволюцией видов культурная и социальная эволюции происходят чрезвычайно быстро. Мы знаем, что некоторые общества технологически или экономически трансформируются быстрее, чем другие. Мы также знаем, что разные секторы одного и того же общества показывают разную скорость изменения — это несоответствие Уильям Огберн назвал «культурным отставанием». Именно неровный характер перемен позволяет их измерить.

Нам, однако, необходим критерий, позволяющий сравнить сильно отличающиеся процессы, и этот критерий — время. Без времени изменение не имеет смысла. И без изменения время бы остановилось. Время можно представить как интервалы, в течение которых происходят события. Как деньги позволяют нам оценить и яблоки, и апельсины, время позволяет нам сравнить непохожие процессы. Когда мы говорим, что нужно три года, чтобы построить плотину, мы в действительности говорим, что для этого нужно в три раза больше времени, чем Земля оборачивается вокруг Солнца, или в 31 000 000 раз больше времени, чем на заточку карандаша. Время — это разменная монета, которая позволяет нам сравнивать скорости развертывания очень разных процессов.

Учитывая неравномерность перемен и вооружившись этим критерием, мы все же испытываем огромные трудности в их измерении. Когда мы говорим о скорости преобразований, мы имеем в виду ряд событий, втиснутых в произвольно фиксированный интервал времени. Таким образом, нам необходимо определить «события». Нам необходимо точно отобрать наши интервалы. Нам необходимо тщательно взвешивать выводы, которые мы делаем из наблюдаемых различий. Более того, что касается измерения перемен, мы сегодня больше осведомлены о физических, чем социальных процессах. Мы знаем намного лучше, на-

пример, как измерить скорость, с которой кровь течет по сосудам, чем скорость, с которой слух распространяется в обществе.

Однако даже со всеми этими оговорками большинство — от историков и археологов до ученых, социологов, экономистов и психологов — считают, что многие социальные процессы поразительно, даже захватывающе убыстряются.

ПОДЗЕМНЫЕ ГОРОДА

Рисуя широкую картину, биолог Джулиан Хаксли сообщает: «Темп эволюции человека за время письменной истории по крайней мере 100 000 раз быстрее, чем темп эволюции до появления человека». Крупные изобретения или усовершенствования, на которые ушло, вероятно, 50 000 лет в период раннего палеолита, были, говорит он, «совершены за одно тысячелетие до его конца, а с приходом оседлой цивилизации единица изменения вскоре была сведена к одному столетию». Темп изменения, ускоряясь в течение последних 5000 лет, стал, по его словам, «особенно заметным за последние 300 лет»[2].

К. П. Сноу, ученый и писатель, также комментирует очевидность перемен. До этого столетия, пишет он, социальное изменение было «таким медленным, что проходило незамеченным за период жизни одного человека. Сейчас это не так. Скорость перемен возросла настолько, что наше воображение за ним не поспевает». Социальный психолог Уоррен Беннис отмечает, что скорость за последние годы увеличилась настолько, что «никакое преувеличение, никакая гипербола, никакое грубое приближение не может реалистично описать степень и скорость изменения... В действительности только преувеличение оказывается верным».

Какие перемены оправдывают такой эмоционально окрашенный язык? Давайте взглянем на некоторые из них, например на изменения в процессе формирования городов.

Мы сейчас переживаем наиболее экстенсивную и быструю урбанизацию, какую мир когда-либо видел. В 1850 г. только четыре города на планете имели население 1 000 000 или больше. К 1900 г. это число возросло до 19. Но к 1960 г. их было 141, и сегодня городское население в мире увеличивается со скоростью 6,5% в год, согласно Эдгару де Вриесу и Д. П. Тиссу из Института общественных наук в Гааге. Только одни эти голые цифры означают удвоение городского населения Земли за 11 лет[3].

Один из способов понять значение перемен в таком феноменальном масштабе — это представить, что произошло бы, если бы все существующие города не развивались, а сохранились неизменными. В таком случае, для того чтобы разместить новые миллионы людей в городах, нам пришлось бы построить город-дубликат для каждого из сотен, которыми уже усеян земной шар. Новый Токио, новый Гамбург, новый Рим и Рангун — и все за 11 лет[4]. (Это объясняет, почему французские градостроители уже создают эскизы подземных городов — магазинов, музеев, складов и фабрик и почему один японский архитектор создал чертеж города на сваях над океаном.)

Та же тенденция ускорения постоянно проявляется в потреблении человеком энергии. Д-р Хоми Бхабха, покойный индийский ученый-атомщик, который председательствовал на первой Международной конференции по мирному использованию атомной энергии, однажды проанализировал эту тенденцию. «Для иллюстрации, — сказал он, — будем использовать букву Q для обозначения энергии, получаемой при сгорании 33000 млн. тонн угля. За восемнадцать с половиной веков после рождества Христова вся потребленная энергия составила в среднем менее половины Q за столетие. Но к 1850 г. скорость возросла до одного Q за столетие». Это означает, грубо говоря, что половина всей энергии, потребленной человеком за прошедшие 2000 лет, оказалась использованной за прошедшие сто лет.

Столь же драматически очевидно ускорение экономического роста в тех странах, которые сейчас устремились к

супериндустриализации. Несмотря на тот факт, что они начинают с широкой индустриальной базы, годовой процент роста производства в этих странах внушителен. И темп роста сам растет.

Во Франции, например, за 29 лет между 1910 г. и началом Второй мировой войны промышленное производство выросло только на 5%. Между 1948 г. и 1965 г., только за 17 лет, оно увеличилось примерно на 220%[5]. Сегодня темпы роста от 5 до 10% в год — обычное явление для большинства индустриально развитых стран. Конечно, есть взлеты и спады. Но направление перемен не оставляет сомнений.

Так, в 21 стране, принадлежащей к Организации экономического сотрудничества и развития, среднегодовой темп прироста валового национального продукта в 1960–1968 гг. составил от 4,5 до 5,0%. Соединенные Штаты имеют темп прироста 4,5%, а Япония возглавила список с годовым приростом в среднем 9,8%.

Эти цифры говорят о не менее революционном удвоении валового производства товаров и услуг в развитых странах примерно каждые 15 лет — и периоды удвоения уменьшаются. Это означает, что по сравнению со своими родителями ребенок, достигший подросткового возраста, в любой из этих стран окружен двойным количеством всего заново созданного человеком. Когда сегодняшний подросток достигнет возраста 30 лет, возможно, и раньше, произойдет второе удвоение. За отрезок времени в 70 лет, возможно, произойдет пять таких удвоений — это значит (поскольку рост умножается), что, когда человек достигнет преклонного возраста, общество будет производить в 32 раза больше, чем тогда, когда он родился.

Такие перемены в соотношении старого и нового воздействуют, как мы покажем, подобно электрическому разряду, на привычки, убеждения и самовосприятие миллионов людей. Никогда в предыдущей истории это соотношение не изменялось так радикально за столь краткое мгновение времени.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДВИГАТЕЛЬ

Технология — основа этих удивительных экономических перемен. Это не означает, что технология — единственный источник изменения в обществе. Социальные перевороты могут быть вызваны изменением в химическом составе атмосферы, изменениями климата, плодородия почвы и многими другими факторами. Тем не менее технология, бесспорно, — главная сила, лежащая в основе ускоряющего рывка.

Для большинства людей слово «технология» вызывает в воображении образы дымящих сталелитейных заводов или лязгающих механизмов. Возможно, классическим символом технологии все еще остается сборочный конвейер, созданный Генри Фордом полвека назад и превращенный в мощный социальный символ Чарли Чаплином в *«Новых временах»*. Однако этот символ всегда был неадекватным, даже вводил в заблуждение, ибо технология — это всегда больше, чем фабрики и машины. Изобретение хомута для лошади в средние века привело к значительным изменениям в методах ведения сельского хозяйства и было таким же технологическим шагом вперед, как изобретение Бессемеровой печи столетия спустя. Кроме того, технология включает технические приемы, а также машины, которые могут быть необходимы или необязательны для их применения. Она включает способы осуществления химических реакций, разведения рыбы, посадки лесов, освещения театров, подсчета голосов или преподавания истории.

Старые символы технологии еще более ложны сегодня, когда наиболее передовые технологические процессы происходят далеко от сборочных конвейеров или открытых топок. В электронике, в космической технологии, в большинстве новых отраслей промышленности относительная тишина и чистота окружающей обстановки оказываются характерной, а иногда существенно важной чертой. А сборочный конвейер — организация армии людей для выполнения простых повторяющихся функций — это анахро-

низм. Пришло время поменять наши символы технологии в соответствии с убыстряющимися переменами в самой технологии.

Это ускорение часто подчеркивается кратким описанием прогресса в транспортных средствах. Отмечалось, например, что в 6000 г. до н. э. наиболее быстрым средством передвижения, доступным человеку для длинных расстояний, был верблюжий караван, передвигающийся со средней скоростью восемь миль в час. И только около 1600 г. до н. э., когда была изобретена колесница, максимальная скорость увеличилась приблизительно до 20 миль в час[6].

Это изобретение было таким впечатляющим, так трудно было преодолеть этот скоростной барьер, что почти 3500 лет спустя, в 1784 г., первый почтовый дилижанс, разъезжавший по дорогам Англии, преодолевал в среднем десять миль в час. Первый паровой локомотив, появившийся в 1825 г., смог развить скорость до тринадцати миль в час, а крупные парусные суда того времени не развивали и половины этой скорости. Вероятно, не раньше 1880 г. человек с помощью более передовой конструкции парового локомотива смог достичь скорости сто миль в час. Миллионы лет ушли у человеческой расы на достижение этого рекорда.

Только 58 лет ушло, однако, на то, чтобы превзойти этот предел в четыре раза, и к 1938 г. человек на самолете преодолел барьер 400 миль в час. Через какие-нибудь 20 лет эти цифры удвоились. К 60-м годам реактивные самолеты достигли скорости 4000 миль в час, а люди в космических кораблях летали вокруг Земли со скоростью 18 000 миль в час. На графике линия, представляющая прогресс за последнее поколение, вертикально уйдет за край листа.

Рассматриваем ли мы пройденные расстояния, достигнутые вершины, найденные минералы или используемую силу взрыва, мы видим одну и ту же тенденцию ускорения. Модель здесь и в тысяче других статистических выкладок абсолютно ясна и безошибочна. Проходят тысячелетия или столетия, затем, в наше время, — внезапный прорыв границ, фантастический рывок вперед.

Причина этого в том, что технология сама служит себе питательной средой. Технология делает возможной все большее количество техники. Посмотрим на инновационный процесс. Технологическая инновация состоит из трех стадий, связанных вместе в самовозобновляющийся цикл. Во-первых, имеется созидательная, осуществимая идея. Во-вторых, ее практическое применение. В-третьих, ее распространение в обществе.

Процесс завершен, круг замкнулся, когда распространение технологии, воплощающей новую идею, в свою очередь помогает генерировать новые созидательные идеи. Сегодня есть доказательства, что время между каждой из ступеней этого цикла укорачивается.

Таким образом, не просто верно, как часто отмечается, что 90% всех ученых, которые когда-либо жили, живы и поныне. Новые научные открытия совершаются каждый день. Эти новые идеи приводятся в действие гораздо быстрее, чем когда-либо раньше. Время между оригинальной концепцией и практическим использованием радикально сократилось[7]. Это поразительная разница между нами и нашими предками. Аполлоний Пергский открыл конические сечения, но прошло 2000 лет, прежде чем они были применены для решения инженерных проблем. Только через столетия как анестезирующее средство стали применять эфир, свойства которого первым открыл Парацельс.

Разрыв между открытием и внедрением был значительным еще недавно. В 1836 г. была изобретена машина, которая жала, молотила, вязала солому в снопы и насыпала зерно в мешки. Эта машина была сама основана на технологии, которая в то время уже была известна 20 лет. Но лишь 100 лет спустя, в 30-е годы, такой комбайн был выпущен на рынок. Первый английский патент на пишущую машинку был выдан в 1714 г., а в продажу машинки поступили через полтора столетия. Только через век открытие Николаса Апперта — консервация продуктов — заняло важное место в пищевой промышленности[8].

Сегодня такой разрыв между идеей и ее реализацией почти невозможно представить. Мы не энергичнее наших

предков, но мы с течением времени изобрели все виды социальных приспособлений для ускорения процесса. Таким образом, время между первой и второй стадиями инновационного цикла — между идеей и применением — резко сократилось. Франк Линн, например, исследовав 20 главных нововведений (замороженные продукты питания, антибиотики, интегрирующие схемы, искусственная кожа и пр.), обнаружил, что с начала нашего столетия более чем на 60% сократилось среднее время, необходимое для того, чтобы крупное научное открытие было переведено в полезную технологическую форму[9]. Сегодня широкомасштабная и растущая индустрия исследований и развития сознательно работает над тем, чтобы еще больше сократить отставание.

Но если уходит меньше времени на то, чтобы предложить новую идею на рынок, меньше времени уходит на распространение ее в обществе. Таким образом, интервал между второй и третьей стадиями цикла — между применением и распространением — также сокращается и темп распространения увеличивается с поразительной быстротой. Это подтверждается историей нескольких знакомых домашних приспособлений. Роберт Б. Янг из Станфордского исследовательского института изучал промежуток времени между первым коммерческим предложением нового электроприбора и производственным максимумом.

Янг обнаружил, что для группы приборов, внедренных в Соединенных Штатах до 1920 г. — в том числе пылесос, электроплита и холодильник, — средний промежуток времени между предложением и максимальным производством был 34 года. Но для группы, которая появилась в 1939—1959 гг. — в том числе электрическая сковорода, телевизор и комбинация стиральной и сушильной машины, — промежуток времени был уже восемь лет. Отставание сократилось более чем на 76%. «Послевоенная группа, — заявил Янг, — ярко показала быстро ускоряющийся характер современного цикла»[10].

Ускоренный темп изобретения, эксплуатации и распространения в свою очередь еще больше ускоряет весь цикл.

Ибо новые машины или технологии — это не просто продукт, а источник свежих созидательных идей.

Каждая новая машина или технология в некотором смысле изменяет все существующие машины и технологии, позволяя нам сочетать новые комбинации. Число возможных комбинаций возрастает экспоненциально по мере того, как число новых машин или технологий возрастает арифметически. В самом деле каждая новая комбинация может сама по себе рассматриваться как новая супермашина.

Компьютер, например, сделал возможными сложные космические исследования. Соединенный с чувствительными приспособлениями, коммуникационным оборудованием и источниками питания, компьютер стал частью системы, которая в целом образует единую новую супермашину для исследования космического пространства. Но для того чтобы машины или технологии соединялись по-новому, их надо видоизменить, адаптировать, усовершенствовать или внести какие-либо дополнения. Поэтому само усилие интегрировать машины в супермашины приводит к новым технологическим инновациям.

Кроме того, важно понимать, что технологическая инновация — это не просто сочетание и перестановка машин и технологий. Новые технологии не только предполагают или требуют вносить изменения в технику, они предполагают новые решения социальных, философских, даже личных проблем. Они изменяют все интеллектуальное окружение человека и его мировоззрение.

Мы все учимся у нашего окружения, постоянно ища в нем — хотя, возможно, бессознательно — модели для подражания. Эти модели — не только другие люди. Все чаще это машины. Их присутствие незаметно заставляет нас думать в определенном направлении. Было отмечено, например, что часы появились вместе с предложенным Ньютоном образом мира — больше похожего на часы механизма, — и это философское понятие имело огромное влияние на интеллектуальное развитие человека. В этом образе космоса как больших часов были имплицированы идеи о причине и следствии и о важности внешних по сравнению с внутренними стимулов,

которые сегодня определяют ежедневное поведение всех нас. Часы также оказали влияние на нашу концепцию времени, мы органично воспринимаем то, что день разделен на 24 равных отрезка по 60 минут каждый.

Недавно компьютер вызвал бурю новых идей о человеке как взаимодействующей части более крупных систем, о его физиологии, о том, как он учится, запоминает, принимает решения. Практически каждая научная дисциплина — от политологии до семейной психологии — была затронута волной образных гипотез, вызванной изобретением и распространением компьютера, и его влияние еще не исчерпано. Инновационный цикл, подпитывая сам себя, убыстряет темп.

Однако если технологию рассматривать как великий двигатель, мощный ускоритель, то знание следует рассматривать как его топливо. Итак, мы подходим к трудному вопросу процесса ускорения в обществе, ибо двигатель каждый день заполняется все более обогащенным топливом.

ЗНАНИЕ КАК ТОПЛИВО

Скорость, с которой человек накапливает полезную информацию о себе и Вселенной, идет по спирали вверх в течение 10 000 лет. Эта скорость резко возросла вверх с изобретением письменности, но даже тогда она оставалась мучительно медленной в течение веков. Следующий большой скачок в приобретении знаний произошел только с изобретением печатного станка в XV в. Гутенбергом и другими. До 1500 г., согласно большинству оптимистичных оценок, Европа выпускала книги со скоростью 1000 названий в год. Это означает, в некотором приближении, что ушел целый век на выпуск библиотеки в 100 000 книг[11]. К 1950 г., спустя четыре с половиной столетия, скорость возросла так резко, что Европа выпускала уже 120 000 названий в год, т. е. за десять месяцев выпускалось столько же

названий, сколько раньше за сто лет. К 1960 г., через 10 лет, произошел еще один значительный скачок: столетняя работа могла быть выполнена за семь с половиной месяцев. А к середине 60-х годов выпуск книг в мировом масштабе, включая Европу, приблизился к ошеломляющей цифре — 1000 названий в *день*.

Вряд ли можно спорить с тем, что каждая книга увеличивает прогресс знаний. В действительности кривая ускорения в публикации книг примерно параллельна скорости, с которой человек открывает новые знания. Например, до Гутенберга были известны только одиннадцать химических элементов. Антимоний, двенадцатый, был открыт примерно тогда, когда Гутенберг работал над своим изобретением. Это произошло целых 200 лет спустя с момента открытия одиннадцатого, мышьяка. Если бы тот же темп открытий сохранился, мы бы сейчас добавили только два-три элемента в периодическую таблицу времен Гутенберга. Однако за 450 лет после изобретения печатного станка было открыто около 70 других элементов. А с 1990 г. мы выделяем оставшиеся элементы не со скоростью один в каждые 200 лет, а один в каждые три года[12].

Более того, есть основания полагать, что скорость продолжает резко возрастать. Сегодня, например, число научных журналов и статей удваивается, как промышленное производство в развитых странах, примерно каждые 15 лет. Согласно биохимику Филипу Сикевицу, «то, что узнали за последние три десятилетия о природе живых существ, затмевает своими масштабами знаний любой сравнимый период научного открытия в истории человечества». Сегодня только правительство Соединенных Штатов выпускает 100 000 докладов ежегодно плюс 450 000 статей, книг и сообщений. В мировом масштабе научно-техническая литература увеличивается со скоростью около 60 000 000 страниц в год.

Компьютер вырвался на сцену около 1950 г. С его беспрецедентной способностью к анализу и распространению чрезвычайно разных видов данных в невероятных количествах и с головокружительной скоростью он в последнее время стал главной силой ускорения в приобретении зна-

ний. В сочетании с другими все более мощными аналитическими системами для наблюдения за невидимым миром он развил скорость приобретения знаний до ошеломляющего темпа.

Фрэнсис Бэкон говорил: «Знание — сила». Это можно перевести на современный язык. В нашем социальном окружении «Знание — это перемены» — и ускоряющееся приобретение знаний, питающее великий двигатель технологии, означает ускорение преобразований.

ПОТОК СИТУАЦИЙ

Открытие. Применение. Влияние. Открытие. Мы видим здесь цепную реакцию изменения, резко возрастающую кривую ускорения социального развития человечества. Это ускорение теперь достигло уровня, при котором его уже нельзя при каком угодно большом воображении считать «нормальным». Институты индустриального общества больше не могут его выдерживать, и его влияние сотрясает их все. Ускорение — это одна из наиболее важных и наименее понятых из всех социальных сил.

Но это еще не все. Ибо ускорение перемен — это также и психологический фактор. Хотя его почти полностью игнорировали психологи, возрастающая скорость перемен нарушает наше внутреннее равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни. Внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее.

Это можно проиллюстрировать, хотя в весьма упрощенном виде, если мы представим жизнь одного человека как большой канал, по которому течет опыт. Этот поток опыта состоит из бесчисленных «ситуаций». Ускорение перемен в окружающем обществе резко изменяет поток ситуаций, идущий через этот канал.

Нет четкого определения ситуации, но мы не могли бы учиться на опыте, если бы мысленно не разбивали его на

эти управляемые отрезки. Кроме того, хотя границы между ситуациями бывают нечеткими, каждая ситуация имеет определенную «целостность», определенную интегрированность.

Каждая ситуация имеет также определенные идентификационные компоненты. Сюда входят «вещи» — физическое окружение естественных или созданных человеком предметов. Каждая ситуация происходит в каком-то «месте» — действие происходит на определенном месте или арене. (Не случайно латинский корень *«situ»* означает место.) Каждая социальная ситуация имеет, по определению, набор персонажей — людей. Ситуации также включают расположение в организационной сети общества и контекст идей или информации. Любую ситуацию можно проанализировать в терминах этих пяти компонентов.

Но ситуации также включают отдельное измерение, которое, поскольку оно проходит через все остальные, часто упускается из виду. Это длительность ситуации. Две похожие во всех других отношениях ситуации вовсе не одинаковы, если одна длится дольше другой. Время решающим образом изменяет смысл или содержание ситуаций. Если похоронный марш играть слишком быстро, он превращается в веселенькую мелодию, так и ситуация, растянутая во времени, имеет явно другой оттенок или смысл, чем та, которая ударяет нас на манер стаккато, проявляясь внезапно и также быстро исчезая.

Это первая важная точка, в которой усиливающийся удар большого общества обрушивается на обыденный опыт современного человека. Ибо ускорение перемен, как мы покажем, сокращает длительность многих ситуаций. Это не только разительно изменяет их «оттенок», но подстегивает их прохождение через канал опыта. Сейчас (по сравнению с жизнью в менее быстро меняющемся обществе) больше ситуаций проходят через этот канал в любой данный интервал времени, и это обусловливает глубокие трансформации в психологии человека.

Пока мы пытаемся сосредоточиться только на одной ситуации в один момент времени, возросшая скорость, с

которой ситуации протекают мимо нас, значительно осложняет всю структуру жизни, умножая число ролей, которые мы должны играть, и выбор, который мы вынуждены делать. Это в свою очередь объясняет ощущение удушающей сложности современной жизни.

Кроме того, ускорение ситуаций требует гораздо больше работы сложных механизмов сосредоточения, с помощью которых мы переключаем наше внимание с одной ситуации на другую. Все больше переключений туда-сюда, все меньше времени на то, чтобы неторопливо углубиться в одну проблему или ситуацию в один отрезок времени. Вот что кроется за смутным ощущением, отмеченным ранее, — «Все движется быстрее». Все действительно движется быстрее. Вокруг нас. И через нас.

Ускорение изменения в обществе увеличивает трудность преодоления жизненных проблем еще и потому, что на нас обрушивается фантастический поток нового. Каждая ситуация уникальна. Но ситуации часто похожи одна на другую. Это фактически позволяет нам учиться на опыте. Если бы каждая ситуация была абсолютно новой, без какого-либо сходства с ранее пережитыми ситуациями, наша способность справляться с ней была бы безнадежно подорвана.

Однако ускорение изменения радикально меняет равновесие между новыми и знакомыми ситуациями. Возрастающие темпы перемен вынуждают нас не просто справляться с более быстрым потоком, но со все большим числом ситуаций, к которым предыдущий личный опыт не подходит. А психологические последствия этого простого факта, которые мы рассмотрим в последующих главах, — не что иное, как взрыв.

«Когда вещи начинают меняться вовне, у вас происходит параллельное изменение внутри», — говорит Кристофер Райт из Института по исследованию влияния науки на человека. Характер этих внутренних изменений настолько глубок, что по мере того, как ускоряющий рывок набирает скорость, он будет проверять нашу способность жить в тех

рамках, которые до сих пор определяли человека и общество. По словам психоаналитика Эрика Эриксона, «в нашем обществе в настоящее время «естественный ход событий» заключается как раз в том, что темп перемен должен продолжать ускоряться до пока еще недостигнутых границ человеческой и институциональной приспособляемости»[13].

Для того чтобы выжить, чтобы предотвратить то, что мы назвали шоком будущего, индивид должен стать бесконечно более адаптируемым и знающим, чем когда-либо раньше. Он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни — религия, нация, общность, семья или профессия — уже шатаются под ураганным натиском силы ускорения. Однако прежде чем он сможет это сделать, он должен понять, как воздействия ускорения проникают в его частную жизнь, сказываются на его поведении и изменяют качество существования. Другими словами, он должен понять временность вещей.

---

[1] О случае прогерии сообщается в выходящей в Торонто Daily Star, March 8, 1967.

[2] Хаксли о темпе перемен см. в: [267], с. viii-ix.

[3] Данные о росте городов взяты из: Ekistics, July 1965, Таблица 4, с. 48.

[4] Оценка темпов урбанизации взята из: World Health, December, 1964, с. 4.

[5] Данные о производительности во Франции из [283], с. 64.

[6] Скорость перевозок в прошлые годы приводится в: «Biggest Challenge: Getting Wisdom by Peter Goldmark // Printer's Ink, May 29, 1964, с. 280. См. также: [137], с. 61 и [151], с. 5.

[7] Материал об отставании между изобретением и применением см.: [291], с. 47–48.

[8] Ссылка на Апперта взята из: «Radiation Preservation of Food» by S.A. Goldblith // Science Journal, January, 1966, с. 41.

[9] Исследование Линна кратко излагается в «Our Accelerating Technological Change» by Frank Lynn//, Management Review, March, 1967, с. 67–70. См. также: [64], с. 3–4.

[10] Работа Янга опубликована в: Product Growth Cycles — A Key to Growth Planning by Robert B. Young// Menlo Park, Calif.: Stanford Research Institute, без даты.

[11] Данные о выпуске книг взяты из: [206], с. 21, [200], с. 74 и [207], статья об инкунабулах.

[12] Скорость открытия новых элементов дана по: [146], документ I, с. 21.

[13] Высказывание Эриксона приводится в [105], с. 197.

Глава 3

ТЕМП ЖИЗНИ

До недавнего времени его изображение было повсюду: его показывали по телевизору, он смотрел на вас с рекламных щитов в аэропортах и на железнодорожных вокзалах, с листовок, спичечных коробков и обложек журналов. Он был вдохновенным созданием Мэдисон-авеню — выдуманный персонаж, с которым миллионы людей могли себя подсознательно отождествлять. Молодой и аккуратно подстриженный, он нес портфель-«дипломат», бросал взгляд на часы и выглядел как обычный бизнесмен, спешащий на очередную деловую встречу. Однако на спине у него был какой-то огромный нарост. Сзади, между лопатками, у него торчал огромный ключ в форме бабочки, вроде тех, которыми заводят механические игрушки. Сопровождающий текст призывал заведенных руководителей «ослабить пружину» — расслабиться — в отелях Шератон. Этот заведенный, постоянно занятой человек был и остается убедительным символом людей будущего, миллионы которых чувствуют, что их подстегивают и подгоняют, как будто у них в спине тоже торчит огромный ключ.

Простой человек знает мало и беспокоится еще меньше о цикле технологических инноваций или связи между приобретением знаний и темпом перемен. Но в то же время он

остро ощущает темп своей собственной жизни — каким бы он ни был.

Простые люди часто говорят о темпе жизни. Но странно, что ему практически не уделяют внимания ни психологи, ни социологи. Эта несостоятельность наук, изучающих поведение человека, удивительна, ибо темп жизни глубоко влияет на поведение, вызывая сильные и противоречивые реакции у разных людей.

Действительно, не будет преувеличением сказать, что темп жизни прочерчивает линию по человечеству, разделяя нас на лагеря, вызывая горькое непонимание между родителями и детьми, между Мэдисон-авеню и Мейн-стрит, между мужчинами и женщинами, между американцами и европейцами, между Востоком и Западом.

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Жители Земли разделены не только по расовому, религиозному или идеологическому признаку, но также в каком-то смысле и во времени. Изучая нынешнее население земного шара, мы обнаруживаем небольшую группу людей, которые еще живут охотой и собирательством, как тысячи лет назад. Другие, их большинство, полагаются не на медвежью охоту или сбор ягод, а на сельское хозяйство. Они живут во многих отношениях так же, как жили их предки столетия тому назад. Эти две группы вместе составляют около 70% жителей Земли. Это люди прошлого.

Более 25% населения Земли живут в промышленно развитых странах. Они живут современной жизнью. Они продукт первой половины XX в., сформированные механизацией и массовым образованием, воспитанные на оставшихся в памяти воспоминаниях о сельскохозяйственном прошлом своей страны. Они — люди настоящего.

Оставшиеся 2—3% населения планеты нельзя назвать ни людьми прошлого, ни людьми настоящего. Ибо в главных

центрах технологических и культурных перемен, в Санта-Монике (Калифорния) и Кембридже (Массачусетс), в Нью-Йорке, Лондоне и Токио о миллионах мужчин и женщин можно уже сказать, что они живут в будущем. Эти первопроходцы, часто неосознанно, сегодня живут так, как другие будут жить завтра. И хотя сегодня они составляют только несколько процентов населения земного шара, они уже формируют международную нацию будущего. Они разведчики человечества, самые первые граждане мирового рождающегося в муках суперindустриального общества.

Что отличает их от остальных людей? Разумеется, они богаче, лучше образованы, более мобильны, чем большинство. Они также дольше живут. Но что особенно отличает людей будущего — это то, что они уже попали в новый, ускоренный темп жизни. Они «живут быстрее», чем люди вокруг них.

Некоторые глубоко привязаны к этому высокоскоростному темпу жизни. Они всячески пытаются вызвать его и чувствуют тревогу, напряжение или дискомфорт, когда темп замедляется. Они отчаянно хотят быть там, «где происходят события». (Действительно, некоторых едва ли волнуют события, которые происходят в удобно быстром темпе.) Джеймс А. Уилсон обнаружил, например, что притягательность быстрого темпа жизни — один из скрытых мотивов широко дискутируемой «утечки мозгов» — массовой миграции европейских ученых в Соединенные Штаты и Канаду[1]. Исследовав 517 английских ученых и инженеров, которые мигрировали, Уилсон пришел к заключению, что их привлекли не только более высокая заработная плата и лучшие условия для проведения исследований, но также более быстрый темп. Мигранты говорят, пишет он, что их «не отпугивает «более быстрый темп» Северной Америки; напротив, они явно *предпочитают* этот темп другому». То же сообщает ветеран движения за гражданские права в Миссисипи: «Люди, которые привыкли к ускоренному темпу городской жизни... не могут долго выносить жизнь на сельскохозяйственном Юге. Вот почему люди всегда куда-то едут без особой причины. Путешествие — это наркотик нашего Дви-

жения». Эти разъезды, на вид бесцельные, служат компенсаторным механизмом. Понимание сильной притягательности определенного темпа жизни для человека помогает во многом объяснить иначе необъяснимое или «бесцельное» поведение.

Но если некоторые получают мощную подпитку от нового быстрого темпа, у других он вызывает неприязнь, они ни перед чем не останавливаются, чтобы «избавиться от этой карусели», как они говорят. Принимать участие в зарождающемся супериндустриальном обществе — значит принимать участие в мире, движущемся все быстрее, чем когда-либо, но они предпочитают не участвовать, а бездействуют на собственной скорости. Не случайно несколько сезонов назад в Лондоне и Нью-Йорке огромной популярностью пользовался мюзикл под названием *«Остановите мир — Я хочу сойти»*.

Квиетизм и поиски новых способов «делать выбор» или «улизнуть», который характерен для некоторых (хотя не всех) хиппи, может быть менее мотивированным их громко выражаемым неприятием ценностей технологической цивилизации, чем бессознательной попыткой убежать от темпа жизни, который многие находят невыносимым. Не случайно они применяют к обществу специфический термин «бешеная гонка».

Люди старшего поколения еще сильнее реагируют на всякое дальнейшее ускорение перемен. Для сделанного наблюдения имеется прочная математическая основа: возраст часто коррелирует с консерватизмом, так как для пожилых время идет быстрее.

Когда пятидесятилетний отец говорит своему пятнадцатилетнему сыну, что ему придется подождать два года, прежде чем он сможет иметь собственную машину, этот интервал в 730 дней составляет только 4% от жизни отца к данному моменту и более 13% от жизни мальчика. Поэтому мальчику отсрочка кажется в три-четыре раза длиннее, чем отцу. Два часа в жизни четырехлетней девочки может ощущаться как эквивалент 12 часов в жизни ее двадцатичетырехлетней матери. Просить ребенка подождать два часа, пока будет

готов пирог, все равно что попросить ее мать подождать 14 часов, пока сварится кофе.

Субъективная реакция на время имеет биологическое обоснование. «С возрастом, — пишет психолог Джон Коэн из Манчестерского университета, — календарный год кажется все меньше. В ретроспективе каждый год кажется короче, чем только что прошедший, возможно, это результат постепенного замедления процессов метаболизма»[2]. Поскольку собственные биологические ритмы замедляются, пожилым людям кажется, что мир движется все быстрее.

Какими бы ни были причины, любое ускорение перемен, которое дает эффект втискивания все большего количества ситуаций в канал опыта в данный интервал времени, увеличивается в восприятии более старого человека. По мере ускорения перемен в обществе все большее число пожилых людей становятся аутсайдерами, замыкаясь в частном окружении, обрывая контакты с быстро движущимся снаружи миром, погружаясь в собственное субъективное восприятие времени, в котором они пребывают до самой смерти. Мы можем никогда не решить психологические проблемы пожилого возраста, пока не найдем средство — с помощью биохимии или повторного образования — изменить их чувство времени или обеспечить для них структурированные группы, в которых темп жизни контролируется и даже, возможно, регулируется в соответствии с календарем со «скользящей шкалой», который отражает их собственное субъективное восприятие времени.

Причины большей части иначе непостижимых конфликтов — между поколениями, между родителями и детьми, между мужьями и женами — можно найти в разных реакциях на ускорение темпа жизни. То же самое верно о конфликтах между культурами.

Каждая культура имеет свой характерный темп. Ф. М. Эсфандиари, иранский романист и эссеист, рассказывает о коллизии между двумя по-разному движущимися системами. Немецкие инженеры перед Второй мировой войной помогали построить железную дорогу в этой стране. Иранцы и жители Ближнего Востока обычно более спокойно относятся к времени, чем американцы или западноевропей-

цы. Когда бригады рабочих-иранцев постоянно появлялись на работе с десятиминутным опозданием, немцы, сами сверхпунктуальные и всегда спешащие, увольняли их толпами. Иранским инженерам с трудом приходилось им объяснять, что по ближневосточным стандартам рабочие проявляли чудеса пунктуальности и что, если увольнения будут продолжаться, скоро придется набирать на работу женщин и детей[3].

Подобное безразличие к времени может сводить с ума тех, кто то и дело поглядывает на часы. Так, итальянцы из Милана или Турина, промышленных городов Севера, свысока смотрят на сравнительно медлительных сицилийцев, жизнь которых еще приспособлена к более медленным ритмам сельского хозяйства. Шведы из Стокгольма или Гётеборга чувствуют то же самое по отношению к лапландцам. Американцы с издевкой говорят о мексиканцах, для которых *manana* значит довольно скоро. В самих Соединенных Штатах северяне считают южан неповоротливыми, а негры, принадлежащие к среднему классу, осуждают негров, принадлежащих к рабочему классу с Юга, за то, что они живут по «В. Ц.» — Времени Цветных. Напротив, по сравнению с почти всеми остальными белые американцы и канадцы считаются толкающимися, спешащими предприимчивыми дельцами[4].

Население иногда активно противостоит изменению темпа. Это объясняет патологический антагонизм к «американизации» Европы. Новая технология, на которой основана супериндустриализация, большая часть которой создана в американских исследовательских лабораториях, приносит с собой неизбежное ускорение перемен в обществе и сопутствующее убыстрение темпа индивидуальной жизни. Хотя антиамериканские ораторы выбирают мишенью для своего остроумия компьютеры или кока-колу, действительное возражение может вызывать вторжение в Европу чуждого чувства времени. Америка как передовой отряд супериндустриальности показывает новый, более быстрый и весьма нежелательный темп.

Именно темп вызвал сердитые протесты парижан против появления в городе аптек в американском стиле. Для

многих французов они — символ зловещего «культурного империализма» со стороны Соединенных Штатов. Американцам трудно понять такую страстную реакцию на совершенно невинный фонтанчик с содовой. Это объясняется тем, что в аптеке испытывающий жажду француз торопливо проглатывает молочный коктейль, хотя еще совсем недавно он часок-другой потягивал аперитив на веранде кафе. Следует отметить, что так как новая технология распространилась за последние годы, около 30 000 кафе повесили замки на свои двери навсегда, став жертвами, по словам журнала *«Time»*, «культуры быстрого заказа». (Действительно, вполне возможно, что широко распространенная неприязнь европейцев к самому *«Time»* не чисто политического свойства, а бессознательно связана с коннотацией его названия. *«Time»* со своей краткостью и напряженным стилем экспортирует не только американский образ жизни. Он воплощает и экспортирует американский темп жизни.)

ОЖИДАЕМАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ

Чтобы понять, почему ускорение темпа жизни может оказаться разрушительным и вызывать дискомфорт, важно понять идею «ожидаемой длительности».

Восприятие времени человеком тесно связано с его внутренними ритмами[5]. Но его реакции на время культурно обусловлены. Уже у ребенка есть внутреннее ожидание длительности событий, процессов или отношений. В самом деле одной из наиболее важных форм знаний, которую мы вкладываем в ребенка, является знание о ходе привычных вещей. Этому знанию обучают тонко, неформально и часто неосознанно. Без богатого набора социально адекватных ожиданий длительности невозможно жить.

С самого детства ребенок знает, например, что когда папа уходит на работу утром, это значит, что он не вернется в течение многих часов. (Если он возвращается, что-то слу-

чилось; порядок нарушился. Ребенок это чувствует. Даже живущая в доме собака, зная набор ожиданий длительности, понимает, что привычный ход вещей «сломался».) Ребенок вскоре узнает, что «время для еды» — это не одна минута, не пять часов, а от пятнадцати минут до часа. Он узнает, что поход в кино длится от двух до четырех часов, но что посещение педиатра редко длится более часа. Он узнает, что школьный день обычно длится шесть часов. Он узнает, что отношение с учителем обычно не прекращается по окончании учебного года, но что его отношение со своими дедушкой и бабушкой имеет гораздо большую продолжительность. Некоторые отношения, как предполагается, должны длиться всю жизнь. В поведении взрослого человека практически все, что мы делаем — от отправки письма до занятия любовью, — исходит из определенных выраженных или невыраженных предположений относительно длительности.

Эта ожидаемая длительность, разная в каждом обществе, но воспринятая с ранних лет и глубоко укоренившаяся, сотрясается, когда изменяется темп жизни.

Этим объясняется решающая разница между теми, кто остро страдает от убыстрившегося темпа жизни, и теми, кто явно подпитывается этим. Если индивид не адаптирует свои ожидания длительности к продолжающемуся ускорению, он, вероятно, может предположить, что две ситуации, похожие в других отношениях, также будут похожи по длительности. Однако сила ускорения предполагает, что по крайней мере некоторые виды ситуаций будут сжаты во времени.

Индивид, который внутренне чувствует принцип ускорения, который понимает и умом, и сердцем, что вещи движутся быстрее в мире вокруг него, автоматически, неосознанно компенсирует сжатие времени. В результате предвидения, что ситуации будут длиться меньше времени, его реже можно застать врасплох, чем человека, чьи ожидания длительности застыли, и он обычно не предвидит частое сокращение длительности ситуаций.

Короче говоря, темп жизни — это не только и не столько разговорная фраза, источник шуток, вздохов, жалоб или

этнических записей, это решающе важная психологическая переменная, которая практически игнорируется. В течение прошлых эпох, когда изменение во внешнем обществе было медленным, люди могли не осознавать, и не осознавали, эту переменную. В течение всей жизни одного человека темп мог измениться мало, однако сейчас сила ускорения иная. Возросший темп жизни, возросшая скорость широких научных, технических и социальных изменений влияют на жизнь индивида. Поведение человека в значительной степени мотивировано привлекательностью или отрицанием темпа жизни, который навязывает индивиду общество или группа, в которые он включен. К сожалению, образование и психология еще не способны понять этот принцип и подготовить людей к плодотворным ролям в супериндустриальном обществе.

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕННОСТИ

Большая часть наших теоретических рассуждений о социальных и психологических переменах дает верный образ человека в сравнительно статичных обществах, но образ истинно современного человека искажен и неполон, поскольку не учитывается существенное различие между людьми прошлого или настоящего и людьми будущего. Это различие суммируется в слове «временность».

Концепция временности дает давно отсутствующее звено между социологическими теориями перемен и психологией отдельных индивидов. Объединяя и то, и другое, она позволяет нам по-новому анализировать проблемы высокоскоростных изменений. И, как мы увидим, она дает нам метод — неразработанный, но мощный — измерить темп потока ситуаций.

Временность — это новая «краткость» в каждодневной жизни, она вызывает чувство непостоянства. Философы и теологи, разумеется, всегда понимали, что человек эфеме-

рен. В этом великом смысле временность всегда была частью жизни. Но сегодня чувство непостоянства более остро и глубоко. Так, персонаж Эдварда Олби, Джерри в пьесе «Зоопарк», характеризует себя как «постоянного временного жильца». А критик Харольд Клерман, комментируя Олби, пишет: «Никто из нас не занимает безопасное жилище — настоящий дом. Мы все равно являемся «везде людьми в сдающихся квартирах», отчаянно и яростно пытаясь установить удовлетворяющие душу связи с нашими соседями». Мы все фактически граждане Века Временности[6].

Однако не только наши отношения с людьми кажутся все более хрупкими и непостоянными. Если мы разделим опыт общения человека с окружающим миром, мы можем идентифицировать определенные классы отношений. Так, помимо связей с другими людьми, мы можем говорить об отношении индивида с вещами. Мы можем выделить для рассмотрения его отношения с местами. Мы можем проанализировать его связи с институциональным или организационным окружением. Мы можем даже исследовать его отношение к определенным идеям или к потоку информации в обществе.

Эти пять отношений — плюс время — формируют ткань социального опыта. Вот почему вещи, места, люди, организации и идеи являются основными компонентами всех ситуаций. Именно характерное отношение индивида к каждому из этих компонентов составляет структуру ситуации.

И именно эти отношения, по мере того как в обществе происходит ускорение, являются в перспективе, просматриваются через телескоп времени. Отношения, которые когда-то продолжались длительное время, теперь становятся более короткими. Это сокращение, эта сжатость порождают почти осязаемое чувство, что мы живем без корней и уверенности среди зыбучих песков.

Временность можно ощутить достаточно конкретно, если измерить темп наших связей и отношений. Хотя может быть трудно доказать, что ситуации быстрее проходят через наш опыт, чем раньше, можно разбить их на компоненты и измерить темп, при котором эти компоненты появляются и

исчезают из нашей жизни, — измерить, другими словами, длительность отношений.

Понять концепцию временности нам поможет, если мы будем думать в терминах идеи «оборота». В гастрономе, например, молоко оборачивается быстрее, чем, скажем, консервированная спаржа. «Пропускная способность» быстрее. Внимательный бизнесмен знает темп оборота каждого продаваемого им предмета и общий темп для всего магазина. Он знает, что его темп оборота — ключевой показатель нормального функционирования предприятия.

Мы можем по аналогии думать о временности как скорости оборота разных отношений в жизни индивида. Более того, каждый из нас может быть охарактеризован в терминах этого темпа. Для некоторых жизнь отмечена гораздо более медленным темпом оборота, чем для других. Люди прошлого и настоящего ведут жизнь с относительно «медленной временностью» — их отношения имеют тенденцию длиться долго. Но люди будущего живут в условии «высокой временности» — условии, при котором длительность отношений сокращается, пропускная способность отношений чрезвычайно ускорена. В их жизни вещи, места, люди, идеи и организационные структуры — все «расходуется» быстрее.

Это безмерно влияет на их ощущение реальности, их чувство вовлеченности и их способность — или неспособность — справляться с ситуациями. Эта ускоренная пропускная способность в сочетании с возрастающей новизной и сложностью в окружении вызывает сильную нагрузку на способность адаптироваться и создает опасность шока будущего.

Если мы можем показать, что наши отношения с внешним миром становятся все более временными, мы имеем убедительное доказательство для предположения, что поток ситуаций ускоряется. И мы можем по-новому, проницательно, взглянуть на себя и других. Итак, давайте исследуем жизнь в обществе с высокой степенью временности.

[1] Данные об утечке мозгов взяты из: Motivation Underlying the Brain Drain [131], с. 438, 447.

[2] Ощущение течения времени разными возрастными группами обсуждается в: Subjective Time by John Cohen в [342], с. 262.

[3] Беседы автора с Ф. М. Эсфандиари.

[4] Более подробно о культурных различиях в отношении к времени см.: White People's Time, Colored People's Time by Jules Henry // Trans-action, March — April, 1965, с. 31—34.

[5] О биологических ритмах человека см.: «The Physiological Control of Judgments of Duration: Evidence for a Chemical Clock» by Hudson Hoagland в [339].

Понятие «ожидаемой длительности» подтверждается изучением привычек питания тучных людей. Психолог Стенли Шехтер показал с помощью воображаемых часов, идущих со скоростью, равной половине нормальной, что голод частично обусловлен восприятием времени. См.: «Obesity and Eating» by Stanley Schachter// «Science», August 23, 1968, с. 751—756.

[6] Олби и Клерман цитируются по эссе последнего о первом The New York Times, November 13, 1966.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Глава 4

ВЕЩИ: ПРИНЦИП ОДНОРАЗОВОСТИ

«Барби» — двенадцатидюймовая пластмассовая фигурка девушки — самая известная в истории и пользующаяся наибольшим спросом игрушка. Со времени ее появления в 1959 г. количество населивших мир кукол Барби достигло 12 000 000 и превысило количество жителей в таких городах, как Лос-Анджелес, Лондон или Париж. Девочки обожают Барби, потому что она похожа на настоящую женщину и так превосходно одета. Изготовители Барби — корпорация «Мэттел» — поставляют для нее целый гардероб, включая повседневную одежду, наряды для торжественных случаев, одежду для плавания и катания на лыжах.

Недавно «Мэттел» выпустил на рынок усовершенствованную куклу Барби. Новый вариант обладает более стройной фигурой, «настоящими» ресницами, она может сгибаться в поясе и поворачивать верхнюю часть туловища, что делает ее еще более похожей на человека. Более того, фирма объявила, что на первых порах любой юной леди, пожелавшей приобрести новую Барби, предоставляется скидка за ее сданную старую куклу[1].

Конечно же, ни слова не было произнесено о том, что, отдавая свою старую куклу в обмен на технически усовершенствованную модель Барби, сегодняшние девочки, гражданки завтрашнего супериндустриального мира, усваивают основное правило нового общества: отношения человека с вещами приобретают все более временный характер.

Великое множество созданных руками человека материальных предметов, которые окружают нас, находится в по-

истине безбрежном море природных предметов. Однако для человека все большее значение приобретает окружающая обстановка, сотворенная при помощи техники. Фактура пластмассы или бетона, переливчатый блеск автомобиля при уличном освещении, ошеломляющее зрелище раскинувшегося внизу города из окна самолета — все это близкие ему реальности повседневной жизни. Созданные человеком вещи получают идеальное воспроизведение в его мышлении и индивидуализируют его сознание. Их количество как в абсолютном, так и относительном выражении неуклонно возрастает в природной среде. Сегодня это еще не столь очевидно и в большей мере проявит себя в суперииндустриальном обществе.

Антиматериалисты склонны высмеивать значение «вещей». Однако же вещи чрезвычайно важны не только из-за своей функциональной полезности, но и из-за их психологического воздействия. Мы проявляем специфическое отношение к вещам. Вещи воздействуют на наше чувство преемственности или ощущение разрыва. У них своя роль в структуре ситуаций, и степень нашего отношения к вещам ускоряет ход жизни.

Кроме того, наше отношение к вещам отражает основные ценностные критерии. Ничто не впечатляет так, как различие между новым поколением девочек, радостно отдающих своих Барби ради новой усовершенствованной модели, и теми, кто, подобно их матерям и бабушкам, долго играл одной и той же куклой и был к ней нежно привязан, пока она не разваливалась от старости. В столь разном подходе выражается главное различие между прошлым и будущим, между обществом, базирующимся на постоянстве, и новым, быстро формирующимся обществом, базирующимся на недолговечности.

БУМАЖНОЕ СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ

Тот факт, что отношению человека к вещи все более свойственна быстротечность, хорошо прослеживается на явлениях материальной и духовной культуры, которая ок-

ружает девочку, обменивающую свою куклу. Этот ребенок с раннего возраста усваивает, что кукла Барби всего лишь один из материальных предметов, которые в великом множестве появляются и быстро исчезают в этот период его жизни. Пеленки, нагрудники, подгузники, бумажные салфетки, полотенца, пластиковые бутылки из-под напитков — все в доме быстро используется и безжалостно выбрасывается. Кукурузные лепешки приносят упакованными в жестяные банки, которые сразу же отправляются в мусор. Шпинат покупают в пластиковых мешочках, которые можно опустить в кастрюлю с кипящей водой для разогревания, а потом выбросить. Готовые обеды часто разогреваются и подаются в одноразовой посуде-подносе. Дом похож на большую перерабатывающую машину, в которую предметы стекаются, затем потребляются и исчезают со все большей скоростью. С самого рождения ребенок оказывается погруженным в одноразовую культуру.

Идея одноразового или краткосрочного использования изделия с последующей его заменой никак не согласуется с сущностью общества или людей, не расставшихся с психологией бедности. Не так давно Юриель Рон, специалист по рыночной конъюнктуре, работающий во французском рекламном агентстве «Publicis», сказал мне: «Французская домохозяйка не пользуется одноразовыми изделиями. Ей нравится хранить вещи, даже если они старые, она ни за что не выбросит их. Мы пробовали протолкнуть на рынок одну фирму, которая намеревалась предложить пластиковые одноразовые занавески. Изучив спрос, мы обнаружили явное нежелание покупать их». И все же повсюду в развитых странах сопротивление приобретению данного рода продукции ослабевает.

Так, писатель Эдвард Мейз подметил, что многие американцы, посещавшие Швецию в начале 50-х годов, были поражены царящей здесь чистотой. «То, что на обочинах дорог не валялись бутылки из-под пива и безалкогольных напитков, как к нашему стыду в Америке, вызвало у нас почтительное отношение. Но вот к 60-м годам пустые бутылки внезапно разукрасили шведские автострады... Что

произошло? Швеция, следуя американскому образцу, стала приобретающим, использующим и выбрасывающим обществом». В Японии одноразовые ткани получили сегодня столь широкое распространение, что пользоваться хлопчатобумажным носовым платком считается не только старомодно, но и негигиенично. В Англии за 6 пенсов можно купить одноразовую зубную щетку, которая продается уже покрытой зубной пастой, а после употребления выбрасывается. И даже во Франции повсюду применяются одноразовые зажигалки. Все более многочисленными становились изделия, выпускаемые для одноразового или краткосрочного использования, начиная от картонных молочных пакетов и кончая ракетами, которые снабжают силовыми двигателями космические корабли, и это стало главной чертой нашего образа жизни.

С введением в употребление бумажной и полубумажной одежды выбрасывать стали еще больше. В модных магазинах и тех, где продавалась рабочая одежда, возникли целые отделы, где предлагалась одежда из бумаги ярких расцветок и разнообразных фасонов. Журналы мод представляли потрясающе роскошные платья, костюмы, пижамы и даже свадебные наряды, сделанные из бумаги. Невеста была изображена в эффектном платье с длинным белым бумажным шлейфом с кружевным узором, и все это сопровождалось пояснением, что после церемонии бракосочетания из такого шлейфа можно сделать «замечательные кухонные занавески».

Бумажная одежда особенно хорошо подходила для детей. Один знаток моды писал: «Скоро девочки смогут заляпывать свои платьица мороженым, рисовать на них картинки и делать аппликации, а матери будут только улыбаться, глядя на их проделки». И для взрослых была предусмотрена возможность выразить себя в творчестве, им предлагались комплекты с приложенными кистями для раскрашивания одежды по своему вкусу. Цена: 2 долл.

Конечно же, цена явилась определяющим фактором роста спроса на бумажные изделия. Так, в одном из отделов разрекламированной продукции продавалась обычная одеж-

да трапециевидного силуэта из «целлюлозного волокна и нейлона». Каждый предмет стоил 1,29 долл., для потребителя дешевле купить новую вещь и после носки выбросить ее, чем, имея обычную одежду, пользоваться услугами химчистки. Скоро так и будет. Все это больше относится к области экономики, однако распространение одноразовой культуры имело более важные психологические последствия.

Потребление одноразовых изделий влияло на сферу духовной жизни людей. В числе прочих ценностей кардинальному пересмотру подверглось отношение к собственности. Распространение в обществе идеи одноразового использования заключало в себе сокращение продолжительности отношений человека и вещи. Вместо того чтобы в течение относительно долгого времени быть привязанным к одному предмету, мы на короткие промежутки имеем в своем распоряжении предметы, непрерывно вытесняемые другими.

ОТСУТСТВУЮЩИЙ СУПЕРМАРКЕТ

Тенденции к недолговечности проявляются даже в архитектуре, той части материальной среды, которая в прежние времена главным образом порождала в человеке чувство постоянства. Девочка, которая сдает свою куклу Барби, конечно же, видит недолговечность домов и других больших зданий в своем окружении. Мы перекраиваем городские территории. Мы сносим целые улицы и города и с умопомрачительной скоростью воздвигаем на их месте новые.

«Средний возраст жилища неуклонно уменьшался, — писал Э. Ф. Картер из Стэнфордского исследовательского института. — В пещерные времена он, в сущности, был безграничен... составлял примерно сто лет для домов, построенных в Соединенных Штатах в колониальный период, а в наши дни он около сорока лет».[2] А вот мнение англичанина Майкла Вуда: «Американец начал строить свой мир совсем

недавно, он хорошо знает, как хрупок этот мир и непостоянен. Здания в Нью-Йорке внезапно пропадают, и облик города за год может полностью перемениться»[3].

Писатель Луис Очинклос сердито жалуется: «Ужас жизни в Нью-Йорке в том, что это город без истории... Все мои деды и прадеды жили в этом городе... но из домов, которые они занимали, сохранился лишь один. Как раз это я и имею в виду, рассуждая об исчезающем прошлом»[4]. У некоренных ньюйоркцев, чьи предки прибыли в Америку не так давно из кварталов Пуэрто-Рико, сел Восточной Европы или южных плантаций, совсем иное восприятие этого города. Однако же «исчезающее прошлое» — реальное явление и, судя по всему, оно получает все большее распространение, захватывая даже многие пропитанные историей города Европы.

Бакминстер Фуллер, архитектор-философ, однажды охарактеризовал Нью-Йорк как «непрерывный эволюционный процесс освобождения, сноса, вывоза, временно пустующих участков земли, новых сооружений и повторение того же порядка. Этот процесс в принципе сходен с ежегодным циклом земледельческих работ на ферме — вспашка, посев семян, уборка урожая, выкорчевывание... и переход на другую сельскохозяйственную культуру... Большинство людей относятся к строительным работам, преграждающим улицы Нью-Йорка... как временным неудобствам, на смену которым вскоре придет покой. Они по-прежнему считают обязательным сохранение незыблемости, что является пережитком ньютонова взгляда на мир. Те, кто жил в Нью-Йорке и с Нью-Йорком с начала века, на опыте получили представления об эйнштейновском принципе относительности»[5].

В том, что дети в самом деле усваивают «эйнштейновскую относительность» по окружающей жизни, я убедился на собственном опыте. Некоторое время назад моя жена послала дочь, которой тогда было 12 лет, в супермаркет, находящийся в нескольких кварталах от нашего дома в Манхэттене. До этого девочка была там пару раз. Через полчаса она вернулась домой растерянная. «Должно быть, его

снесли, — сказала она, — я не могла найти его». В действительности это было не так. Еще плохо ориентируясь в новом районе, Карен пришла не туда. Но она — дитя эпохи недолговечности, и ее предположение, что дом снесли и на его месте построили другой, было вполне естественным для двенадцатилетней девочки, живущей в Соединенных Штатах в наши дни. Подобная мысль, возможно, никогда бы не пришла в голову ребенку, столкнувшемуся с похожей ситуацией полвека назад. Материальная среда была более долговечной, наши связи с ней не столь краткосрочными.

ЭКОНОМИКА НЕУСТОЙЧИВОСТИ

В прошлом неизменность была идеалом. Занимался ли человек пошивом обуви или строительством кафедрального собора, все его силы и помыслы были сосредоточены на том, как сделать то, что он производит, более прочным. Он хотел, чтобы творение его рук пережило время. Пока общество вокруг него было относительно устойчивым, каждый предмет имел свое определенное назначение, и экономическая логика подсказывала следовать курсом, не подверженным переменам. Даже если нужно было время от времени чинить ботинки, которые стоили 50 долл. и носились 10 лет, они оказывались не такими дорогостоящими, как те, которые стоили 10 долл., а служили только год.

Но когда в обществе возрастает темп перемен, экономика постоянства неизбежно уступает место экономике недолговечности.

Первое: развивающаяся технология скорее движется в направлении снижения издержек производства, чем стоимости ремонтных работ. Издержки производства зависят от его автоматизации, ремонтные работы в значительной степени остаются ручной операцией. Отсюда следует, что часто вещь выгодней заменить, чем починить. Поэтому экономически разумнее производить дешевые, не поддаю-

щиеся ремонту одноразовые изделия, пусть даже они не служат так же долго, как вещи, которые можно починить.

Второе: развивающаяся технология с течением времени делает возможным усовершенствовать изделие. Компьютеры второго поколения лучше выпускавшихся прежде, а третьего — превосходят по своим характеристикам предшественников. С тех пор как мы можем предвидеть дальнейший технический прогресс, все больше усовершенствований за укорачивающиеся промежутки времени, экономически выгоднее производить вещи, которые не будут служить долго, а не товары длительного пользования. Дэвид Льюис, архитектор и проектировщик, работающий в Союзе городского дизайна в Питтсбурге, рассказывал о некоторых многоквартирных домах в Майами, которые были снесены уже через десять лет после их строительства. Улучшенные системы кондиционирования воздуха в новых зданиях снизили число желающих снять квартиры в этих «устаревших» домах. Если произвести экономические расчеты, то ясно, что выгоднее снести эти десятилетние дома, чем их усовершенствовать.

Третье: в то время как темп перемен ускоряется и они доходят до самых отдаленных уголков общества, возрастает неуверенность в будущих потребностях. Признавая неизбежность перемен, но неуверенные в том, как они отразятся на нас, мы не решаемся вкладывать большие ресурсы в жестко закрепленные предметы, призванные служить неизменным целям. Избегая «привязки» к установленным формам и функциям, мы производим изделия для краткосрочного использования или же пытаемся сделать их легко приспосабливаемыми. Мы стараемся действовать осмотрительно с технической точки зрения.

Увеличение товаров одноразового использования — распространение одноразовой культуры — представляет собой реакцию на постоянно испытываемое давление. В то время как перемены ускоряются, а трудности множатся, мы можем предположить дальнейшее расширение круга действия принципа одноразовости, дальнейшего сокращения отношений человека с вещами.

РАЗБОРНЫЕ ИГРОВЫЕ ПЛОЩАДКИ

Помимо одноразового использования, существуют и другие явления, оказывающие тот же психологический эффект. Например, в настоящее время мы наблюдаем массовое производство предметов, призванных служить нескольким краткосрочным целям вместо одной-единственной. Они уж никак не одноразовые. Обычно они слишком крупные и дорогостоящие, чтобы просто выбросить. Но они сконструированы таким образом, что при необходимости могут быть демонтированы, а для очередного использования собраны вновь.

Так, местный отдел образования Лос-Анджелеса решил, что 25% классных комнат этого города станут в будущем временными сооружениями, которые, если нужно, могут быть преобразованы в другие помещения. В любом большом образовательном центре Соединенных Штатов сегодня отчасти используются временные классные комнаты[6]. Эта тенденция будет расширяться. В самом деле временные классные комнаты для индустрии школьного строительства то же, что бумажная одежда для швейной промышленности, — предвкушение будущего.

Предназначение временных классных комнат — помочь школьной системе справиться с быстро меняющейся плотностью населения. Такие временные классы, подобно одноразовой одежде, подразумевают более короткую продолжительность отношений человека с вещью, чем в прошлом. Таким образом, временная классная комната отчасти учит даже в отсутствие учителя. Как и в случае с куклой Барби, ребенку дается понятие о непостоянстве его окружения. Пока он привыкает к новому помещению, узнает, каково в нем в жаркий день, как разносятся в нем звуки, какие здесь запахи, какова фактура материалов, из которых оно построено, — все то, что придает любой комнате только ей присущее своеобразие, он усваивает, что данная классная комната может быть изъята из его окружения и станет служить другим детям в другом месте.

Передвижные классные комнаты не чисто американское явление. В Англии архитектор Седрик Прайс спроектиро-

вал то, что он назвал «thinkbelt» — полностью передвижной университет, предназначенный обслуживать 20 000 студентов в Северном Стаффордшире. «Нужно делать упор, — утверждал он, — на полностью разборные здания, а не на стационарные». Необходимо «как можно шире использовать мобильные и разнообразные материальные средства» — к примеру, комнаты для занятий можно оборудовать внутри железнодорожных вагонов, а те где угодно могут быть установлены на запасном пути вдоль четырехмильной территории университета[7].

«Геодезические купола» вмещали выставки, надутые воздухом пластиковые пузыри использовались как командные пункты или строительные управления, великое множество разборных временных сооружений сходило с чертежных досок инженеров и архитекторов. В Нью-Йорке департамент парков решил построить 12 «разборных спортивных площадок» — маленькие, временные площадки для игр создавались на незанятых участках земли, пока решался вопрос их использования, а потом могли быть демонтированы и перевезены куда-нибудь в другое место. Было время, когда спортивная площадка была постоянной принадлежностью городского района, и дети, а возможно даже и дети этих детей, могли ею пользоваться. Супериндустриальные строительные площадки отказываются оставаться на одном месте. Они временны по замыслу.

МОДУЛЬНЫЙ «ДВОРЕЦ РАЗВЛЕЧЕНИЙ»

Сокращение продолжительности общения человека с вещью, вызванное введением в употребление одноразовых предметов и временных сооружений, еще более усилилось с распространением модульного принципа конструкции. Модульность можно рассматривать как попытку придания структуре в целом большего постоянства за счет меньшей долговечности субструктур. Так, университетский проект

Седрика Прайса предполагал: квартиры студентов и преподавателей представляют собой модули из штампованной стали, которые могут с помощью подъемного крана вставляться в остов здания. Этот остов был единственной сравнительно постоянной частью сооружения. Квартирные модули могли перемещаться по мере необходимости, а теоретически даже сняты совсем и заменены.

Здесь необходимо подчеркнуть, что, с точки зрения продолжительности отношений, существует разница между одноразовостью и разборностью, хотя и достаточно тонкая. Когда модули монтируются по-новому, в результате появляется новая конфигурация, новая вещь. По сути, получается, что одна материальная структура как бы отбрасывается, а возникает новая, даже если некоторые или все ее компоненты остались прежними.

Даже многие считающиеся «постоянными» здания строятся сегодня по блочному методу, причем внутренние стены и перегородки можно переместить по желанию жильца и образовать новые огороженные структуры. Изменяющаяся внутренняя планировка действительно может служить символом быстро меняющегося общества. Сегодня как только посетитель заходит в большую контору, он непременно наталкивается на бригаду рабочих, деловито передвигающих мебель и с помощью передвижных перегородок преобразующих внутреннее пространство. В Швеции модульный принцип конструкции недавно одержал новый триумф: в выстроенном в Упсале жилом доме все стены и стенные шкафы могли перемещаться. Жильцу нужна была лишь отвертка, чтобы полностью перепланировать все и создать поистине новую квартиру[8].

Тем не менее иногда модульность непосредственно связана с одноразовостью. Примером может служить простая, повсеместно распространенная шариковая авторучка. Первому орудию для письма чернилами — гусиному перу — было суждено существовать долго. Обычно им пользовались долго, время от времени оно приобретало новую форму (т. е. восстанавливалось), что продлевало его жизнь. Авторучка стала великим техническим дости-

жением, потому что в ней была применена модульность. Новое орудие письма заключало в себе собственную чернильницу, что значительно повышало степень его полезности. Изобретение шариковой ручки знаменовало собой новый успех. Ко всем преимуществам предшественницы добавилось важное качество: шариковая авторучка была настолько дешевой, что, когда переставала писать, ее можно было выбросить. Появилось первое орудие письма одноразового пользования.

И все же мы до сих пор не отделались от психологического состояния, которое порождает нехватка. Еще и сегодня многим людям кажется грехом выбрасывать уже исписанную ручку. Промышленность соответственно отреагировала на эту психологическую реальность, была создана шариковая ручка, построенная по модульному принципу — наружный корпус, который можно было оставлять для употребления, и внутренний пишущий элемент, который можно было выбросить и заменить новым. Если стержень использован, вещи в целом гарантирована продолжительная жизнь за счет субструктуры.

Здесь речь идет скорее о частях, чем о целом. Пусть даже человек использует сменные элементы, создавая новое целое, а израсходованные выбрасывает, на протяжении жизни он все быстрей меняет вещи, все равно спад средней продолжительности отношения «человек — вещь» очевиден. Возникает новая изменчивость, мобильность и недолговечность.

Одним из наиболее крайних примеров архитектуры, предназначенной воплощать эти принципы, явился проект, предложенный английским театральным режиссером Джоан Литлвуд и разработанный с помощью инженера Фрэнка Ньюбай, консультанта по системам Гордона Паска и архитектора-модулиста Седрика Прайса.

Мисс Литлвуд мечтала о театре, где максимально была бы воплощена идея изменчивости, где могло бы происходить что угодно, обычный спектакль или политический съезд, танцевальное представление или соревнование по борьбе — предпочтительно в одно и то же время. Она хотела, по выражению критика Рейнера Бэнхема, «зоны абсо-

лютной возможности». Результатом стал фантастический проект «Дворца развлечений», известного также как «Первый в мире гигантский пространственный модуль». По замыслу это был как бы строительный набор в натуральную величину, комплект модульных частей, которые могли скрепляться вместе самыми разнообразными способами. Ставились более или менее «постоянные» вертикальные башни различных служб — таких, как туалеты и оборудование электронного контроля, — а подъемные краны размещали модули на нужных местах и соединяли их, создавая любую желаемую временную конфигурацию. Когда заканчивался вечер развлечений, появлялись подъемные краны, демонтировали зрительный зал, выставочные холлы и рестораны и убирали конструкции.

Рейнер Бэнхем так отзывался об этом: «Дворец развлечений» — часть рассчитанного на десять лет потребления городского оборудования... Изо дня в день эта гигантская неофутуристическая машина будет двигать и перетасовывать свои передвижные части — стены и пол, лестницы и галереи, управляемые эскалаторы, кресла и крышу, театральные подмостки и киноэкраны, системы освещения и звука, — иногда выгораживается лишь небольшая часть, но любопытствующая публика прогуливается по галереям и лестницам, нажимает кнопки, чтобы все происходило само собой.

Таким образом, когда это случится (а возможно, это произойдет очень скоро), неопределенность обретет новую силу: тут нет постоянного монументального внутреннего пространства или торжественного силуэта, которым суждено сохраниться для потомства... Единственными постоянно видимыми частями «Дворца развлечений» станут башни «жизнеобеспечения», где будут крепиться меняющиеся архитектурные части».

Сторонники такой идеи, получившей название «вставленной» («plug-in») или «скрепленной» («clip-on») конструкции, задумывали целые города, создаваемые в стиле «недолговечной архитектуры». Отталкиваясь от принципов, заложенных в проекте «Дворца развлечений», они предла-

гали строительство различных типов модулей, предназначавшихся для разных целей. Стержень «здания» мог служить по меньшей мере 25 лет, тогда как навешиваемым модулям помещений отводился срок только три года. Позволив себе полет фантазии, они строили планы подвижных небоскребов, опиравшихся не на стационарные фундаменты, а на гигантские наземные механизмы или воздушную подушку. Такое «строение» было бы свободно от закрепленного местоположения, снабжалось ядерной энергией и изменяло свою внутреннюю форму еще быстрей, чем сегодня Нью-Йорк.

Станут ли эти планы реальностью или нет, важно то, что общество движется в данном направлении. Распространение одноразовой культуры, создание все более временных сооружений, развитие модульного принципа конструкции происходит быстро, и все это создает один психологический эффект: недолговечность связи человека с вещами, которые его окружают.

ПРОКАТНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Еще один фактор радикально меняет характер связи человека и вещи — прокатный переворот. Распространение проката, характерная черта обществ, вступающих в супериндустриальную эпоху, тесно связано со всеми вышеописанными тенденциями[9]. На первый взгляд, связь между электромобилями, одноразовыми полотенцами и «Дворцом развлечений» Джоан Литлвуд не видна, однако при внимательном рассмотрении обнаруживается явное внутреннее сходство. Прокатная система также утверждает недолговечность.

В период депрессии, когда миллионы людей не имели работы и крыши над головой, страстное желание иметь собственный дом было в капиталистических обществах одним из наиболее сильных экономических стимулов. И сегодня в

Соединенных Штатах многие мечтают иметь свой дом, однако со времени окончания Второй мировой войны в процентном соотношении количество домов, предназначенных для сдачи квартир внаем, неуклонно росло. Так, в 1955 г. в возводимом новом жилом фонде квартиры для найма составляли лишь 8%. К 1961 г. эта цифра достигла 24%. В 1969 г. в Соединенных Штатах впервые число домов для квартиросъемщиков превысило число частных домов. По многим причинам на первый план выдвинулась аренда квартир. Приобретение квартиры внаем было особо распространено среди молодых людей, которые, по выражению профессора Массачусетского технологического института Барнхэма Келли, хотели «минимума затруднений в жилищном вопросе».

Минимум затруднений — это как раз то, что получает за свои деньги пользователь одноразового изделия. Именно это обеспечивает временная структура и модульные компоненты. Непосредственное отношение к жилью возникало лишь на короткий срок по сравнению с отношением владельца дома к своей собственности. Таким образом, общее стремление к найму квартир отражало тенденцию ко все большему сокращению своих отношений с материальным окружением*.

Еще более поразительным является наблюдающееся в последнее время развитие прокатной системы в тех сферах, где прежде она не существовала. Дэвид Ризман писал: «Люди испытывают привязанность к своим автомобилям; им нравится рассказывать о них при встречах друг с другом, однако подобная привязанность к какой-либо одной машине редко бывает длительной». Среднестатистический владелец

---

* Следует отметить, что миллионы американских «собственников» домов, заплативших при покупке 10% их стоимости или меньше, для банков и других организаций, выдающих ссуды, фактически не являются домовладельцами в подлинном значении слова. Ежемесячная плата, которую эти семьи должны вносить в банк, ничем не отличается от платы, вносимой за снятую квартиру. Фактически их право собственности условное, и пока они не выкупили значительную часть дома, они сами не чувствуют себя в полной мере его владельцами.

автомобиля в Соединенных Штатах меняет машину через три с половиной года; более богатые люди меняют свой автомобиль каждый год или раз в два года. В свою очередь, это привело к развитию в Соединенных Штатах торговли подержанными автомобилями, объем которой достиг 20 млрд. долл. Автомобильная промышленность первой стала разрушать традиционное представление о том, что крупная покупка предполагает длительное пользование. Ежегодный выпуск новых моделей, мощная реклама, подкрепляемые готовностью производителя принять старый автомобиль в счет оплаты нового, — все это сделало приобретение нового (или нового подержанного) автомобиля обычным делом в жизни среднего американца. Сокращение отрезка времени между очередными покупками автомобиля привело к сокращению продолжительности взаимоотношений между владельцем и его транспортным средством.

Однако в последние годы возникло набирающее размах новое явление, поколебавшее традиционные подходы, принятые в автомобильной промышленности. Это широко поставленная система проката автомобилей. Сегодня в Соединенных Штатах миллионы автомобилистов периодически берут автомобили напрокат на срок от нескольких часов до нескольких месяцев. Жители многих крупных городов, особенно Нью-Йорка, где огромные трудности с хранением автомобиля, отказываются иметь собственную машину и предпочитают брать ее напрокат, чтобы на выходные дни поехать за город или даже для поездок внутри города, если неудобно пользоваться общественным транспортом. Сегодня автомобили могут быть взяты напрокат без всякой волокиты с оформлением в любом аэропорте США, почти на любой железнодорожной станции, в каждой гостинице.

Более того, американцы не захотели отказываться от удобств проката даже за пределами страны. Около полумиллиона из них каждый год пользуются прокатом автомобилей за границей. Предполагается, что к 1975 г. эта цифра возрастет до миллиона, и крупные американские прокатные фирмы, работающие на сегодняшний день почти в 50

странах мира, начали сталкиваться с местными конкурентами. А тут и европейские автомобилисты стали подражать американским. Карикатура в «Пари-матч» изображает инопланетянина, стоящего у своей летающей тарелки и спрашивающего полицейского, где он может взять напрокат автомобиль. Идея вполне понятна.

Тем временем развитие системы проката автомобилей шло параллельно с появлением в Соединенных Штатах нового типа универсальных магазинов, где товары не продавали, а предоставляли во временное пользование. Сейчас таких магазинов в Соединенных Штатах около 9000, и их годовой доход составляет примерно 1 млрд. долл. при ежегодном приросте от 10 до 20%. Фактически 50 процентов этих магазинов пять лет тому назад не существовало вовсе. Сегодня трудно найти предмет, который нельзя бы было взять напрокат, это может быть лестница или сенокосилка, норковое манто или картина Руо.

В Лос-Анджелесе прокатные фирмы предоставляют настоящие кусты и деревья для застройщиков, желающих временно оформить свои земельные участки вокруг домов. «Зеленые насаждения — живые растения напрокат» — было написано на борту грузового автомобиля в Сан-Франциско. В Филадельфии можно получить во временное пользование рубашки. Американцы теперь берут напрокат все: платья, костюмы, драгоценности, телевизоры, туристское снаряжение, кондиционеры, инвалидные кресла, постельное белье, лыжи, магнитофоны, столовое серебро. Один мужской клуб на Западном побережье давал напрокат человеческий скелет, а в рекламном объявлении, помещенном в *«Wall Street Journal»*, предлагалась напрокат корова.

Недавно шведский женский журнал *«Svensk Damtidning»* выпустил в пяти частях приложение с мировым прогнозом на 1985 г. Среди прочего здесь говорится о том, что к тому времени «мы будем брать спальное место напрокат, как сейчас берем во временное пользование стол, картины или стиральную машину»[10].

Нетерпеливые американцы не ждали 1985 года. Одним из наиболее важных аспектов прокатного бизнеса стало

расширение ассортимента. Некоторые производители и многочисленные прокатные фирмы за небольшую цену — от 20 до 50 долл. в месяц — предоставляют теперь полностью обставленные маленькие квартиры, где есть все, включая портьеры, ковры и пепельницы[11]. «Вы прибываете в город утром, — говорила одна из стюардесс, — а к вечеру в вашем распоряжении удобная постель». «Это нечто новое, превосходно задуманное, — восхищался канадец, который делал пересадку в Нью-Йорке. — Я беспрестанно разъезжаю по миру, и теперь при пересадках у меня нет никаких проблем».

Уильям Джеймс однажды писал, что «люди, стремящиеся обладать собственностью, гораздо менее свободны, чем те, кто стремится делать или быть». Развитие прокатной системы позволяет человеку избавиться от тяги к собственности и обратить свою энергию и помыслы в другое русло. Поскольку темп жизни все время убыстряется, люди должны легче приноравливаться к обстоятельствам, а потому им не следует отягощать себя собственностью. Они желают пользоваться благами изобилия и последними достижениями техники, но не хотят ответственности, которую непременно налагает накопление собственности. Они осознают, что для того чтобы выжить в обстановке непонятных быстрых перемен, им следует учиться менять свое местоположение, будучи ничем не обремененными.

Распространение системы имущественного найма еще более сократило продолжительность отношений человека с вещами, которыми он пользуется. Это особенно становится понятным, если задать простой вопрос: сколькими автомобилями — взятыми напрокат или собственными — пользуется среднестатистический американец за свою жизнь? Ответ для владельцев собственных машин таков: от 20 до 50. Для тех, кто активно пользуется прокатом автомобилей, эта цифра составляет 200 и больше. Тогда как отношения среднестатистического покупателя с личным транспортным средством длятся месяцы, а то и годы, наниматель автомобиля связан с каждой машиной лишь очень короткий промежуток времени.

Система проката позволяет увеличить число людей, последовательно вступающих во взаимоотношения с одним и тем же предметом, и тем самым снизить в среднем продолжительность такой связи. Поскольку подобный принцип распространяется на очень широкий круг вещей, можно прийти к выводу, что небывалое развитие системы имущественного найма не только сопровождает, но и усиливает воздействие на человека предметов одноразового использования, временных сооружений и модульных конструкций.

ВРЕМЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

Необходимо остановиться вкратце на таком понятии, как устаревание. Боязнь того, что их продукция устареет, вынуждает бизнесменов внедрять новшества, а наряду с тем предоставлять потребителю возможность брать вещь напрокат, приобретать одноразовые изделия или изделия, рассчитанные на короткий срок пользования. Само понятие устаревания противоречит укоренившемуся в человеке идеалу постоянства, и все же приходится принимать данное обстоятельство в расчет. Планируемое устаревание было совсем недавно темой многих критических работ, и у читателя вполне могло возникнуть представление, что это есть главная или даже единственная причина углубления общей тенденции к сокращению жизни изделий. Нет сомнений, что некоторые производители сговариваются укорачивать полезную жизнь своих изделий, чтобы поддерживать сбыт. Несомненен и тот факт, что многие из ежегодно меняющихся моделей, предлагаемых американским (и другим) потребителям, не содержат явных технических новшеств. Производимые в Детройте автомобили тратят галлон бензина на такое же расстояние, как десять лет назад, а нефтяные компании, превозносящие новые присадки, все же по-прежнему помещают на бензобак черепаху, а не тигра. Кроме того, неоспоримо, что Мэдисон-авеню часто пре-

увеличивает значение новых свойств и побуждает потребителя освободиться от частично изношенного изделия, заменив его на новое.

Верно то, что потребитель иногда попадает в ловко расставленную западню: производитель преднамеренно укорачивает жизнь старого изделия и одновременно выпускает «новую усовершенствованную» модель, разрекламировав ее как последнее достижение передовой технологии.

Тем не менее сами по себе эти причины не могут объяснить небывалый темп сменяемости предметов в нашей жизни. Быстрое устаревание есть всего лишь часть всеобъемлющего процесса ускорения, затрагивающего все общество в целом. Тесно связанный с развитием науки и ускорением в приобретении знаний, этот исторический процесс едва ли можно приписать проискам некоторых современных торгашей.

Конечно же, устаревание неизбежно, будь оно запланированным или нет. Что касается вещей, то устаревание происходит при трех условиях. Оно случается, когда изделие портится до того состояния, когда уже не может далее выполнять свои функции — подшипник разрушился, ткань порвалась, труба проржавела. Поскольку потребителю нужно, чтобы эти функции по-прежнему выполнялись, а порча изделия препятствует этому, возникает потребность в его замене. Это есть устаревание, вызванное невозможностью функционировать дальше.

Устаревание происходит, когда на рынке появляется новое изделие, выполняющее те же функции более эффективно, чем прежняя вещь. Новые антибиотики более эффективны против инфекции, чем старые. Новые компьютеры несравнимо более надежны в работе и дешевле по сравнению с моделями начала 60-х годов. Это — устаревание, обусловленное независимым техническим развитием.

Но устаревание неизбежно и потому, что меняются потребности потребителя, меняются сами функции, отводимые изделию. Эти потребности не так просто описать, как иногда полагают критики планируемого устаревания. Любое изделие, будь то автомобиль или консервный нож, мо-

жет быть оценено по разным параметрам. Автомобиль, например, не только транспортное средство. Он выражает личность своего владельца, является символом его общественного положения, предметом удовольствия, получаемого от быстрой езды, источником самых разнообразных сенсорных ощущений — осязания, обоняния, зрения и пр. Удовольствие, получаемое от таких факторов и придающее автомобилю особую ценность, может значительно превысить удовольствие от более экономного потребления бензина или повышения мощности двигателя.

Традиционное представление, что предмет может иметь только одно легко поддающееся определению назначение, сталкивается с тем, что мы теперь знаем о психологии человека, о роли ценностных критериев в принятии решений и просто о здравом смысле. Все изделия многофункциональны.

Вот прекрасный пример. Недавно в маленьком магазине канцелярских принадлежностей я наблюдал за мальчиком, покупавшим полдюжины розовых ластиков. Удивленный тем, что он берет так много, я выбрал один и принялся его рассматривать. «Они хорошо стирают?» — поинтересовался я у мальчика. «Не знаю, — ответил тот, — но уж больно хорошо они пахнут!» И он был прав. Ластики были очень надушены японским производителем, возможно, для того, чтобы замаскировать неприятный химический запах. Короче говоря, потребности, удовлетворяемые изделием, зависят от покупателя и со временем меняются.

Когда в обществе дефицит, потребности соответственно универсальны и неизменны, поскольку они полностью соотносятся с «пищеварительными» функциями. С появлением изобилия человеческие потребности перестают быть непосредственно связанными с биологическим выживанием и все более индивидуализируются. Кроме того, в обществе, переживающем сложные, быстрые перемены, потребности человека, возникающие от его взаимодействия с окружающей средой, также преобразуются относительно быстро. Чем скорее в обществе осуществляются перемены, тем более временными становятся потребности. При всеобщем изобилии в новом обществе оно может обеспечить удовлетворение большинства этих краткосрочных потребностей.

Часто, даже не имея четкого представления о том, какие потребности он хотел бы удовлетворить, потребитель испытывает смутное желание перемен. Реклама поощряет и делает деньги на этом чувстве, но едва ли ей следует доверять и полагаться на постороннюю помощь. Тенденция ко все большему сокращению продолжительности отношений человека и вещи имеет глубинный характер в общественной структуре в отличие от аргументов, обосновывающих планируемое устаревание или регулирование спроса, предлагаемого Мэдисон-авеню.

Быстрота, с которой меняются потребности потребителя, видна по поведению покупателей, перестающих приобретать изделие или сохраняющих свое пристрастие. Заместитель министра юстиции генерал Дональд Ф. Тернер, главный критик рекламы, считает: одна из основных целей рекламы — поддержание «устойчивого спроса»[12]. Если так, то реклама не достигает своей цели; часто и повсеместно рекламируется продукция одних и тех же марок, и это, по словам одного издания пищевой промышленности, становится «одной из главных неудач национальной рекламы».

Многие торговые знаки перестали существовать. Марки, продолжающие производиться, постоянно меняются местами. Согласно утверждению Генри М. Шехта, «не столь многочисленная группа потребительских товаров... имеет на своей крышке клеймо, которое держится уже десять лет»[13]. Так, среди десяти ведущих марок американских сигарет лишь одна, «Pall Mall», сохранила в 1966 г. тот же уровень продажи, который она имела в 1956 г. Спрос на «Camels» упал с 18 до 9%; на «Lucky Strike» еще более круто, с 14 до 6%. Другие марки повысили уровень продажи, например, «Salem» с 1 до 9%. Со времени появления данного обзора произошли дополнительные изменения[14].

Историку с его масштабным подходом такие данные могут показаться несущественными, однако происходящие за короткое время колебания и перегруппировки, на которые влияла, но не столь уж безусловно, реклама, свидетельствуют о динамике. Они дают человеку ощущение скорости, беспорядочной суеты и неустойчивости в обществе.

ПРОИЗВОДСТВО МОДНЫХ ПРИЧУД

Быстро меняющийся спрос, обусловленный стремительным развитием техники и технологии и в свою очередь влияющий на него, не только приводит к быстрой смене изделий и марок, пользующихся популярностью, но и укорачивает жизненный цикл товаров. Эксперт по автоматизации Джон Диболд беспрестанно рекомендует бизнесменам ориентироваться на короткую жизнь своей продукции[15]. Такие фирмы, как «Smith Brothers' Cough Drops», «Calumet Baking Soda», «Ivory Soap», завоевали репутацию, долгое время сохраняя лидерство на американском рынке. Но в будущем, утверждает Диболд, немногие изделия будут обладать таким долголетием. Со всяким потребителем случалось, что, придя за определенной покупкой в супермаркет или универмаг, он не мог приобрести ту же марку или то же изделие. В 1966 г. в американских супермаркетах появилось 7000 наименований новых товаров. 55% продававшихся в них товаров десять лет назад не существовали. Из имевшихся тогда в наличии товаров 42% постепенно сошли с прилавков. Каждый год процесс повторяется в более сильной форме. Так, в 1968 г. в сфере потребления было 9500 новых товаров, но лишь один из пяти достиг цели сбыта. Тихое, но быстрое устаревание убивает старое, новые же товары сметаются словно волной[16].

«Товары, которые выпускались для продажи на двадцатипятилетний срок, — пишет экономист Роберт Теобальд, — теперь часто рассчитаны не более чем на пять лет. В изменчивой фармацевтической и электронной областях этот период еще короче — шесть месяцев»[17]. Поскольку темпы перемен все ускоряются, производители могут создавать новые изделия, отлично зная, что они продержатся на рынке всего лишь несколько недель.

И здесь тоже настоящее дает нам возможность почувствовать будущее. Оно обнаруживается в неожиданном месте: по обществам высокой технологии волна за волной проносятся модные новинки. Только за последние пять лет

в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии мы были свидетелями стремительного взлета и падения популярности прически под Бардо, «наружности Клеопатры», Джеймса Бонда и Бэтмана, не говоря уж об абажурах Тиффани, супермячах, железных крестах, воздушной кукурузе, значках и пуговицах с лозунгами протеста или порнографическими шутками, афишах Аллена Гинзберга или Хэмфри Богарта, искусственных ресницах и неисчислимом множестве других безделушек и причудливых вещей, которые отражают быстрые изменения в поп-культуре.

Поддерживаемые средствами массовой информации и продвигаемые на рынок, такие забавные безделицы производят фурор и стремительно исчезают. Люди, искушенные в изготовлении подобного типа продукции, заранее ориентируются на все более укороченный срок жизни своего товара. Так, в Сан-Габриэле, штат Калифорния, существует промышленная компания под названием «Wham-O Manufacturing Company», которая специализируется на модных новинках: в 50-е годы она ввела в употребление хула-хуп, а совсем недавно так называемые супермячи. Ее последнее изобретение — высоко подпрыгивающий каучуковый мяч — быстро завоевало популярность не только у детей, но и взрослых. Посетители Фондовой биржи Тихоокеанских штатов изумлялись, видя, как весело скачут там по полу такие мячики. Биржевики Уоллстрит дарили их друзьям, а один высокопоставленный чиновник радиовещательной корпорации жаловался: «Все наши служащие проводят время в холлах с этими супермячами». «Wham-O» и другие подобные ей компании не оказывались захваченными врасплох, когда их продукция переставала пользоваться спросом, они были к этому готовы. Они — специалисты в разработке и изготовлении таких «временных» товаров.

Тот факт, что модные причуды внедряются на рынок искусственно и повсеместно, лишь подчеркивает их значение. Даже инженерные причуды в истории не новость. Но никогда еще они не наводняли мир в таком изобилии и не завоевывали его с такой скоростью, никогда прежде не было столь четкой координации между теми, кто создает забаву,

средствами массовой информации, энергично ее популяризирующими, и компаниями, приводящими весь механизм в действие.

Хорошо отлаженный механизм для создания и распространения модных забав сегодня представляет собой часть современной экономики. Его методы все больше перенимают другие производители, поскольку они признают неизбежность укорачивания срока существования изделия. Граница между «модной причудой» и обычным изделием постепенно стирается. Мы быстро вступаем в эру временной продукции, изготовляемой временными методами и призванной удовлетворять временные потребности.

Текучесть вещей в нашей жизни безудержно возрастает. Мы сталкиваемся со все увеличивающимся потоком предметов одноразового использования, неустойчивой архитектурой, мобильными и модульными изделиями, предоставляемыми внаем товарами и предметами потребления, изготовленными на короткий срок. Все эти факторы оказывают одинаковое воздействие, утверждая неотвратимую эфемерность взаимоотношений человека и вещи.

Определение наших связей с материальной средой, убыстряющаяся текучесть вещей представляют собой только малую часть всей совокупности обстоятельств. А потому позвольте нам далее продолжить наше исследование жизни в быстро меняющихся обществах.

---

[1] История кукол Барби изложена в: Marketing Briefs// Business Week, March 11, 1967, с. 188.

[2] О возрасте жилища см.: Homes of the Future by E. F. Carter in [136], vol. 2, с. 35.

[3] Майкл Вуд изложил смысл недолговечности в своей статье America the Unreal // New Society, April 14, 1966.

[4] Луи Очинклос цит. по: The New York Times, March 17, 1966.

[5] Замечание Бакминстера Фуллера см. [146], Document 3, с. 61–62.

[6] Сведения о временных классных комнатах взяты из: The Schoolhouse in the City, a report of the Educational Facilities Laboratories, Inc. Не путать с [115].

[7] Описание идеи передвижного университета см.: Potteries Thinkbelt by Cedric Price// New Society, June 2, 1966, c. 14.

[8] О развитии сборно-разборной архитектуры см.: Reyner Banham Design Quarterly 63 // Minneapolis: Walker Art Center, 1965.

[9] Сведения о бизнесе проката см.:

Correspondence with C.A. Siegfried, Jr., Executive Secretary, American Rental Association.

You Name It — We Rent It by Harland Manchester // Reader's Digest, July, 1966, c. 114.

[10] Svensk Damtidning, November 2, 1965.

[11] Значение имущественного найма еще не вполне осознанно. Продолжающееся развитие проката может изменить политическое равновесие между производителем и потребителем во многих отраслях промышленности. Рост многочисленных арендных организаций на национальном и международном уровне — это новая мощная сила, стоящая между производителем и потребителем. Герц и Авис, например, управляют таким громадным парком автомобилей и приобретают их в таких количествах, что могут диктовать производителям цену, условия комплектации и сервисного обслуживания, на что индивидуальный покупатель автомашины не мог и рассчитывать. То же происходит в любой отрасли промышленности. Таким образом, появление крупных прокатных организаций путем концентрации покупательной способности создало компенсирующую силу. Это обстоятельство не было упущено из виду американскими автомобильными промышленниками, и по крайней мере один из них, Форд, озаботился возможностью воспрепятствовать подобному развитию событий, сам занявшись прокатным бизнесом.

Если промышленники входят в прокатный бизнес, имущественный найм вынуждает их производить революционные перемены в организации производства и его перспективах. Несмотря на то что у рядового производителя нет необходимости думать о судьбе изделия после продажи, те, кто предоставляет оборудование во временное пользование, несут ответственность за его обслуживание. Это диктует необходимость повышать надежность изделия. Кроме того, это может требовать радикальной переориентации административной политики уже на проектном уровне.

Не так давно я брал интервью у главного инженера одной из крупнейших корпораций Соединенных Штатов — компании, которая, подобно некоторым производителям компьютеров, предоставляет свое оборудование напрокат непосредственно пользователям. Я спросил его, как это повлияло на инженерный

персонал фирмы. Его ответ ясно обрисовывает разницу между проектом для продажи и проектом для проката.

«Первое — нужно изменить позицию людей, которым вы будете давать напрокат... Мы пригласили группу инженеров из других отраслей промышленности и были счастливы, когда они сэкономили для нас две сотни, перепланировав кое-что. Мы были вынуждены объяснить, что подобные шаги могут нам стоить сервисного вызова, а сервисный вызов обходился от 20 до 30 долларов... Очень трудно привлечь образованных людей для повышения качества и надежности изделия после того, как они были обучены совсем другому. Это свелось к следующему: мы не перекладывали на клиента свои заботы. Конечно же, в наших изделиях могли появиться неполадки, но именно мы несли за них ответственность, а потому брали на себя заботы по их устранению.

Экономика проката могла поднять качество продукции и избавить потребителя от усиливающегося раздражения проблемами сервисного обслуживания и ремонта».

Использование арендных форм развивалось далее, а это приводило к повышению скорости и так довольно высокого темпа технических перемен. Компания, которая предоставляет напрокат вещь, может взять ее обратно. Договор имущественного найма действует короткий срок. Он подразумевает, что, если на рынке появляется технически усовершенствованная модель, клиент может без всяких трудностей вернуть устаревшую модель и взять новую. Такое условие рисует любому производителю ужасающую картину: однажды сразу тысячи их изделий вернутся назад; подобная пугающая перспектива заставляет их вкладывать высокий процент своих доходов в исследования и развитие производства, они беспрестанно и неистово стремятся быть первыми в своей группе. Не случайно IBM, которая предоставляет свои компьютеры, или корпорация «Ксерокс», которая снабжает копировальной техникой, столь много внимания и средств уделяют научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам. Так, президент корпорации «Ксерокс» Джозеф Вильсон предложил: «Именно мы, а не наши клиенты, должны взять на себя риск устаревания».

Прокат укоренился, но все же его значение для финансовой структуры любой экономики осознано не до конца. Постепенно возникает образ совершенно избавленного от собственности будущего. Реалистичен этот образ или нет, но прокат изменяет распределение капитала в обществе. Производитель или прокатная организация ссужает капитал для использования потребителем. Это позволяет потребителям перемещать капитал из сферы, на-

зываемой экономистами «недвижимой и частной собственностью», в ценные бумаги. И действительно, если представить целое общество, построенное на имущественном найме, где многочисленные прокатные организации являются опорами власти и доходов, лучшим помещением денег для всех может оказаться их вложение в систему проката.

[12] Тернер: [67], с. 41.

[13] О фабричной марке и распределении рынка см.: [67], с. 54.

[14] Текучесть первенства фабричных марок обсуждается в Advertising, Competition, and the Anti-Trust Laws by Henry Schachtre // 26 American Bar Association Anti-Trust Section, c. 161.

[15] Замечания Диболда см.: в [57], с. 19–20.

[16] Темпы устаревания потребительских продуктов см.: The New York Times, June 9, 1967; также Time, October 24, 1969, c. 92.

[17] Теобальд: [63], с. 29.

Глава 5

ЖИЛИЩЕ: НОВЫЕ КОЧЕВНИКИ

Каждую пятницу в половине пятого вечера высокий и седой администратор с Уолл-стрит по имени Брюс Роб засовывает груду бумаг в свой черный кожаный портфель, снимает с вешалки пальто и выходит из офиса. Все эти действия он регулярно проделывает вот уже три года. Сначала он спускается на лифте вниз с 29-го этажа и выходит на улицу. Затем он десять минут идет по заполненной людьми улице к вертолетной станции. Здесь он садится на вертолет, который через восемь минут доставляет его в аэропорт Джона Ф. Кеннеди. Пересев на самолет «Транс-Уолд Эрлайнс», он приступает к ужину, в то время как огромный воздушный лайнер покачивается над Атлантикой, затем делает вираж и берет курс на запад. Через час десять минут, если нет задержек, он торопливо выходит из здания аэропорта в Колумбусе, штат Огайо, и садится в поджидающий его автомобиль. Еще через 30 минут он прибывает на место, он дома.

Четыре ночи в неделю Роб проводит в одном из отелей в Манхэттене. Три другие — с женой и детьми в Колумбусе, за 500 миль от Нью-Йорка. Прекрасно устроившись в этом мире, имея работу в крупнейшем финансовом центре Америки и проживая с семьей в довольно спокойном местечке Среднего Запада, он ежегодно преодолевает 50 000 миль, ездя туда и обратно.

Случай Роба довольно редкий, но не столь необычный. В Калифорнии владельцы ранчо каждое утро отправляются самолетом в свои хозяйства из жилищ, расположенных на Тихоокеанском побережье или в Сан-Бернардино, а вечером так же самолетом возвращаются домой. Один подросток из Пенсильвании, сын разъезжающего инженера, регулярно летает к ортодонту во Франкфурт, в Германию. Философ Ричард Мак-Кен, профессор Чикагского университета, раз в неделю на протяжении семестра проделывает путь в 1000 миль, чтобы провести занятия в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Молодой житель Сан-Франциско каждый уик-энд видится со своей любимой девушкой, проживающей в Гонолулу, поочередно они летают друг к другу, пересекая 2000 миль через Тихий океан. А одна почтенная мать семейства из Новой Англии регулярно совершает поездки в Нью-Йорк, чтобы посетить своего парикмахера.

Никогда еще в истории расстояние не значило так мало. Никогда еще отношения человека с местом проживания не были столь хрупкими и недолговечными. Во всех технически развитых обществах, а особенно среди тех, кого я назвал «людьми будущего», совершать регулярные поездки на работу в город из пригорода, путешествовать и регулярно менять местожительство семьи стало второй натурой. Выражаясь фигурально, мы «используем» жилище и избавляемся от него во многом так же, как избавляемся от бумажного носового платка или банки из-под пива. Мы являемся свидетелями того, как утрачивается для человека значение места проживания. Мы воспитали новую расу кочевников, и лишь немногие отдают себе отчет, сколь многочисленна, повсеместно распространена и существенна такая миграция.

КЛУБ ДЛЯ ПРОДЕЛАВШИХ ТРИ МИЛЛИОНА МИЛЬ

В 1914 г., по утверждению Бакминстера Фуллера, типичный американец в среднем преодолевал в совокупности 1640 миль в год, из которых около 1300 миль занимали пешие переходы туда и обратно. Это означает, что только около 340 миль в год он преодолевал на лошади или механическом транспортном средстве[1]. Взяв эти 1640 миль за основу, можно прикинуть, что средний американец того времени проделывал в целом за свою жизнь путь в 88 560 миль*. В наше время средний американец преодолевает на автомобиле ежегодно 10 000 миль, а живет он дольше, чем его отец или дед. «В свои шестьдесят девять лет, — писал Фуллер несколько лет назад, — я являюсь одним из группы в несколько миллионов человек, каждый из которых на протяжении своей жизни преодолел 3 000 000 миль или больше» — расстояние в 30 раз большее, чем преодолевал американец 1914 г.

Общие цифры поражают. Например, в 1967 г. 108 000 000 американцев совершили 360 000 000 экскурсий с ночевками более чем за 100 миль от дома. Все эти поездки составили 312 000 000 000 пассажиро-миль.

Даже без учета парка больших реактивных самолетов, грузовиков, автомобилей, поездов, метро и т. п. наш социальный вклад в мобильность поистине удивителен. Общая протяженность дорог и улиц с покрытием, дополняющих американский пейзаж, возрастает невероятными темпами — более 200 миль в день, так по крайней мере происходит ежедневно на протяжении последних 20 лет. Это составляет 75 000 миль новых дорог и улиц в год, т. е. достаточно, чтобы трижды опоясать земной шар. В то время как население Соединенных Штатов увеличилось за этот период на 38,5%, протяженность дорог и улиц возросла на 100%. Если взять другой пример, то цифры еще более впечатляющие: пассажироперевозки в преде-

---

* Это рассчитывалось, исходя из продолжительности жизни 54 года. В 1920 г. средняя продолжительность жизни белых мужчин в Соединенных Штатах составляла 54,1 года.

лах Соединенных Штатов возросли по объему в шесть раз больше, чем население в последние 25 лет.

Это потрясающее увеличение движения через пространство происходило более или менее одновременно во всех технически развитых странах. Всякий, кто видел напряженное движение в час пик по некогда спокойной Страндвег в Стокгольме, остался под большим впечатлением. В Роттердаме и Амстердаме улицы, проложенные всего лишь пять лет назад, уже не справляются с транспортными потоками: число автомобилей увеличилось быстрее, чем предполагалось.

Помимо возросшего передвижения человека между домом и разными другими ближними местами, чрезвычайно увеличилось количество деловых поездок и путешествий во время отпуска с ночевками вдали от дома. Почти 1 500 000 немцев этим летом проведут свой отпуск в Испании, а еще сотни тысяч заполнят пляжи Голландии и Италии. Шведы ежегодно принимают более 1 200 000 туристов из нескандинавских стран. Более миллиона иностранцев посещают Соединенные Штаты, тогда как 4 000 000 американцев каждый год отправляются за границу. Автор одной из статей в «Фигаро» справедливо говорил о «гигантском человеческом обмене».

Такое оживленное перемещение людей — одна из характерных черт супериндустриального общества. Если сравнивать, то доиндустриальные страны кажутся застывшими, замороженными, их население прочно привязано к одному месту. Специалист по перевозкам Уилфрид Оуэн рассуждал о «расхождении между неподвижными и мобильными нациями». Он указывал, что для достижения той же пропорции соотношения протяженности дорог к общей площади, которая существует сегодня в Европейском Экономическом Сообществе, Латинская Америка, Африка и Азия должны наложить покрытие на 40 000 000 миль дорог[2]. Такой контраст дает глубокие экономические последствия, но существуют также еле уловимые, оставляемые без внимания культурные и психологические последствия. Переселенцы, путешественники и странники совсем иные люди, чем те, кто живет на одном месте.

Наверное, психологически самым важным перемещением человека является смена географического места проживания. Такая форма географической мобильности свойственна и Соединенным Штатам, и другим развитым странам. Говоря о Соединенных Штатах, Питер Друкер отмечал: «Самая многочисленная миграция в нашей истории началась во время Второй мировой войны и продолжалась даже после нее с тем же темпом»[3]. А социолог Дэниел Элазар описывал большие массы американцев, которые «начали передвигаться с места на место внутри каждой [городской] зоны... сохраняя кочевой и в то же время городской образ жизни...»[4]

В период между мартом 1967 г. и мартом 1968 г. — за один только год — 36 000 000 американцев (без учета детей в возрасте менее одного года) сменили свое местожительство. Это больше, чем население Камбоджи, Ганы, Гватемалы, Гондураса, Ирака, Израиля, Монголии, Никарагуа и Туниса вместе взятых. Представьте, если бы все население этих стран внезапно поменяло место проживания. И такое массовое перемещение происходит в Соединенных Штатах ежегодно. Каждый год начиная с 1948 г. один из пяти американцев меняет свой адрес, забирает детей, кое-какие домашние вещи и перебирается жить на новое место[5]. В сравнении с этой статистикой даже великие миграции монгольских орд или перемещение европейцев на Запад в XIX в. кажутся незначительными.

Несмотря на то что высокий темп географической мобильности в Соединенных Штатах, по-видимому, не имеет себе равного в мире (к сожалению, имеющиеся в распоряжении статистические данные неоднородны), даже в более традиционных из развитых стран вековые связи между человеком и местом были разрушены. Так, *«New Society»*, издаваемый в Лондоне социологический журнал, писал: «Англичане более мобильная раса, чем сами они, возможно, о себе думали... В 1961 г. почти 11% населения Англии и

Уэльса жили на одном месте менее года... Оказалось, что в некоторых частях Англии происходили бурные миграционные процессы. В Кенсингтоне свыше 25% проживали в своих домах менее года, в Хэмпстеде — 20%, в Челси — 19%». А Энн Лапинг в другом номере того же журнала отмечала: «Новые домовладельцы в отличие от поколения родителей рассчитывают неоднократно сменить местожительство. Средний срок ипотеки — восемь или девять лет...» Это лишь немного отличается от того, что в Соединенных Штатах.

Во Франции дефицит жилья замедлил внутреннюю мобильность, но даже там, согласно утверждению социолога Ги Пурше, ежегодно от 8 до 10% французов меняют квартиры[6]. В Швеции, Германии, Италии и Нидерландах темп внутренней миграции возрастает. А вся Европа переживает волну массовой международной миграции, которой она не видела со времен Второй мировой войны. Экономическое процветание в Северной Европе создало повсеместную нехватку рабочей силы (кроме Англии) и привлекло массы незанятых сельскохозяйственных рабочих из стран Средиземноморья и Среднего Востока.

Они приезжали тысячами из Алжира, Испании, Португалии, Югославии и Турции. Каждую пятницу после полудня 1000 турецких рабочих в Стамбуле забирались в поезд, направлявшийся на север к земле обетованной. Похожий на пещеру железнодорожный вокзал в Мюнхене стал местом высадки многих из них; в Мюнхене теперь выходит газета на турецком языке. В Кельне на огромном заводе Форда четверть рабочих — турки. Другие иностранные рабочие осели в Швейцарии, Франции, Англии, Дании и даже на севере — в Швеции. Недавно в Англии, в городке Пэнбурн, история которого восходит к XII в., нас с женой обслуживали официанты-испанцы. А в Стокгольме мы посетили ресторан «Вивел». Расположенный в деловой части города, он стал местом встречи испанских переселенцев, которые за обедом жаждали слушать музыку фламенко. Из шведов здесь никого не было, только несколько алжирцев и мы, все кругом говорили по-испански. Поэтому неудивительно, что шведские социологи сегодня горячо спорят о

том, должны ли иностранные рабочие ассимилироваться в шведскую культуру или же следует поощрять их сохранять собственные культурные традиции, т. е. речь идет о том самом «тигле», о котором возбужденно толковали американские социологи во время массовой свободной иммиграции в Соединенные Штаты.

МИГРАЦИЯ В БУДУЩЕЕ

Тем не менее имеется существенное различие между теми, кто перемещается по Соединенным Штатам, и теми, кого «подхватили» европейские миграции. В Европе значительная часть миграции вызвана продолжающимся переходом от сельского хозяйства к промышленности, от прошлого к будущему. Пока только малая часть связана с переходом от индустриализма к супериндустриализму. В Соединенных Штатах, напротив, продолжающееся перераспределение населения уже не связано в такой степени со снижением занятости в сельском хозяйстве. Скорее оно вызвано распространением автоматизации и новым образом жизни, связанным с супериндустриальным обществом, будущим образом жизни.

Это становится понятным, если мы посмотрим, кто переезжает на жительство в Соединенные Штаты. Верно то, что некоторые технически отсталые и находящиеся в бедственном положении группы (такие, как городские негры) отличаются большой географической мобильностью, однако в пределах того же жилого района или округа. Но эти группы составляют лишь малую часть всего населения, и было бы серьезной ошибкой предположить, что географическая мобильность в значительной степени соотносится с бедностью, безработицей и невежеством. Люди, за плечами которых хотя бы год высшего образования (а их количество возрастает), передвигаются больше и дальше, чем те, кто не имеет образования. Специалисты и промышленные рабо-

чие — наиболее мобильны. Возрастает число высокооплачиваемых должностных лиц, которые ездят далеко и часто. (Среди работников концерна «Интернэшнл бизнес машин» есть ходячая шутка, что IBM держится только благодаря кочующим администраторам.) В нарождающемся супериндустриализме возрастает абсолютная численность специалистов, промышленных рабочих и менеджеров, а также пропорциональное отношение к совокупной рабочей силе. Они придают обществу характерный отпечаток, как некогда в прошлом рабочие ткацких фабрик.

Когда в Европе миллионы бедствующих и незанятых сельских рабочих совершают свой путь из сельскохозяйственного прошлого в индустриальное настоящее, тысячи европейских ученых, инженеров и техников перебираются в Соединенные Штаты и Канаду, наиболее супериндустриальные страны. В Западной Германии профессор Рудольф Мосбауэр, лауреат Нобелевской премии в области физики, объявил, что он подумывает эмигрировать в Америку из-за разногласий с администрацией и в знак протеста против проводимой бюджетной политики. Европейские правительства, тревожась о «технологическом отставании», беспомощно наблюдают, как «Вестингауз», «Олайд Кемикал», «Дуглас Эркрафт», «Дженерал Дайнэмикс» и другие крупные американские корпорации засылают разведчиков на поиски талантов в Лондон или Стокгольм, которые соблазняют всех — от астрофизиков до инженеров по турбинам.

Но одновременно происходит «утечка мозгов» и внутри самих Соединенных Штатов; тысячи научных работников и инженеров движутся взад и вперед подобно частицам атома. Это движение отлично просматривается. Существуют два больших потока, один с Севера, а другой с Юга, оба они сходятся в Калифорнии и других тихоокеанских штатах с промежуточной остановкой в Денвере. Другой большой поток движется с Юга в направлении Чикаго и Кембриджа, Принстона и Лонг-Айленда. Встречный поток несет людей к предприятиям космической и электронной промышленности во Флориде[7].

Вот типичный пример. Молодой инженер из числа моих знакомых оставил работу в космическом центре (RCA) в Принстоне и перешел в «Дженерал Электрик». Дом, который он приобрел только два года назад, был продан, его семья временно переехала во взятый внаем дом в пригороде Филадельфии, пока для них строился новый дом. Они переберутся в этот новый дом — четвертый по счету за пять лет, — если он не перейдет или ему не предложат лучшую работу где-нибудь в другом месте. И все время его манит Калифорния.

Имеются менее яркие географические примеры перемещения людей, работающих в сфере управления, но, пожалуй, текучесть среди них выше. Десятилетие назад Уильям Уайт в своей работе «Организационный человек» заявил: «Человек, который покидает дом, не является исключением в американском обществе, а составляет его основу. По определению, организационный человек — это такой человек, который покидает дом и... продолжает перемещаться»[8]. Если его характеристика отвечала тому времени, то теперь она еще более верна. «*The Wall Street Journal*» пишет о «корпоративном кочевом образе жизни» в статье, озаглавленной «Как семья администратора приспосабливается к беспрестанному кочеванию по стране». В ней описывается жизнь М. Э. Якобсона, администратора сети розничной торговли Монтгомери. Ко времени появления газетного материала ему и его жене было по 46 лет, за 26 лет совместной жизни они переезжали 28 раз. «Мне кажется, мы все время на колесах», — сказала его жена журналистам[9]. Несмотря на то что этот случай не типичен, тысячи таких же, как и они, в среднем раз в два года перебираются на новое место, причем их количество неуклонно возрастает. Это происходит не только потому, что корпоративная необходимость гонит человека с места на место, главный администратор обычно считает частую перемену местожительства своих потенциальных преемников необходимой ступенью в их обучении.

Такое перемещение должностных лиц из дома в дом, словно шахматные фигуры в натуральную величину на дос-

ке размером с континент, заставило одного психолога в шутку предложить обменную систему под названием «Модульная семья». По этому проекту должностное лицо не только покидает свой дом, но и свою семью тоже. Затем фирма на новом месте обеспечивает его подходящей семьей (тщательно подбираются кандидаты с теми же личностными характеристиками, чтобы «продублировать» оставленных жену и детей). А какой-то другой кочующий администратор «вставляется» в оставленную им семью. Похоже, никто не принял идею всерьез, но это пока.

Помимо большой группы специалистов, техников и администраторов, которые вовлечены в постоянную круговерть переездов, имеются и другие достаточно мобильные слои общества. Многочисленной военной элите, включая десятки тысяч семей, и в мирное время, и во время войны приходится беспрестанно перемещаться. «Больше я не занимаюсь никаким украшательством дома, — с иронией в голосе заметила жена армейского полковника. — Занавески из одного дома никогда не подходят в другом, а ковер вечно не того цвета или размера. Теперь я украшаю свой автомобиль». Десятки тысяч квалифицированных строительных рабочих дополняют этот поток, плюс более 750 000 студентов, посещающих университет далеко от дома, плюс к ним сотни тысяч тех, кто находится далеко от дома, но ощущает себя в родных стенах. Для миллионов людей, а особенно для «людей будущего», дом там, где они находятся.

САМОУБИЙЦЫ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ АВТОСТОПОМ

Такие приливо-отливные движения людей дают все виды редко подмечаемых побочных эффектов. Бизнесмены, направляющие почту непосредственно в дома клиентов, тратят огромные суммы, чтобы поддерживать свои списки адресов на должном уровне. То же относится и к телефонным компаниям. В Вашингтоне из 885 000 абонентов, вне-

сенных в 1969 г. в телефонную книгу, более половины поменяли свои адреса. Различные организации и общества также испытывают большие трудности, сверяя списки своих членов. Только за прошедший год треть членов Национального общества программного обучения, организации, объединяющей педагогов-исследователей, сменили свое местожительство. Даже друзья с трудом поддерживают переписку, лишь приблизительно зная местонахождение друг друга. Можно лишь посочувствовать сетованиям бедного графа Ланфранко Распони, сокрушавшегося, что путешествия и переезды разрушили «общество». И нет в том никакого социального смысла, утверждал он. Высказывания милого графа стоят того, чтобы быть процитированными. «В прежние времена, если вам нужно было пригласить на обед двадцать человек, вы должны были приглашать сорок, теперь же предпочтительней 200».

Несмотря на подобные неудобства, свержение тирании географии дало возможность миллионам людей ощутить вкус свободы. Скорость, движение и даже смена местожительства повлекли за собой положительные последствия для многих. Этим объясняется психологическая привязанность, проявляемая американцами и европейцами к автомобилям — техническому воплощению пространственной свободы. Исследователь мотивации Эрнест Дихтер, который в свое время высказал немало ерунды фрейдистского толка, оказался весьма проницателен, когда говорил, что автомобиль — «самое мощное орудие господства», имеющееся в распоряжении западного человека. Автомобиль стал современным символом инициации. Водительские права, выдаваемые с семнадцати лет, открывают доступ в общество взрослых».

В богатых странах, писал он, «большинство людей вполне сыты и достаточно хорошо обеспечены жильем. Достигнув этой тысячелетней мечты человечества, они тянутся к удовлетворению других потребностей. Они желают путешествовать, совершать открытия, чувствовать свою самостоятельность. Автомобиль — подвижный символ мобильности...»[10] Действительно, при испытываемых финансовых трудностях всякая семья от автомобиля отказывается в

последнюю очередь, а самое худшее наказание, которому американские родители могут подвергнуть подростка, — это лишить его возможности пользоваться автомашиной.

Девушки в Соединенных Штатах, когда их спрашивают, что, на их взгляд, главное в молодом человеке, прежде всего называют автомобиль. 67% опрошенных в недавно проводимом исследовании считают, что автомобиль «необходим», а девятнадцатилетний юноша из Альбукерке, Нью-Мексико, Алфред Уранга уныло заметил, что «если у парня нет автомобиля, у него нет и девушки». Трагической иллюстрацией того, насколько глубоко пристрастие к автомобилям среди молодежи, явилось самоубийство семнадцатилетнего юноши из Висконсина Уильяма Нэбела, отец которого запретил ему пользоваться автомобилем после того, как у него отобрали права за превышение скорости. Перед тем как выстрелить из винтовки 22-го калибра себе в голову, юноша написал записку, которую закончил словами: «Без водительского удостоверения у меня нет машины, а значит, и жизни для меня нет. Вот я и считаю, что лучше покончить с ней счеты сразу». Конечно же, миллионы молодых людей по всему миру согласны с поэтом Маринетти, который еще полвека тому назад воскликнул: «Ревущий, рвущийся вперед автомобиль... прекрасней крылатой богини победы».

Свобода от закрепленного социального места настолько тесно связана со свободой от закрепленного географического места, что когда супериндустриальный человек чувствует, что жизненные обстоятельства тяготят его, его первым побуждением бывает поменять свое местонахождение. Подобная мысль редко приходит в голову сельскому жителю, выросшему в глубинке, или работающему в забое шахтеру. «Масса проблем решается при перемещении с места на место. Надо постоянно быть в движении. Путешествовать!» — сказал студент, изучающий горное дело, который стремился вступить в Корпус мира. Движение стало позитивной ценностью само по себе, утверждением свободы, а не только реакцией на окружающее или бегством от него. Исследование, охватившее 539 подписчиков «Redbook»,

ставило целью выяснить, почему в истекший год у них сменился адрес. Среди таких причин, как: «Старый дом стал тесен для увеличившейся семьи» или «Желание жить в более приятном месте», 10% опрошенных указали: «Просто захотелось перемен».

Крайнее проявление страсти к перемене мест — путешествие женщин автостопом. «Голосующие» на дорогах стали составлять особую социальную группу[11]. Так, девушка-католичка из Англии оставила свою работу в журнале, где она продавала места для рекламных объявлений, и отправилась с подругой в путь, рассчитывая на попутных машинах добраться до Турции. В Гамбурге их пути разошлись. Первая девушка, Джекки, побывала на греческих островах, в Стамбуле, а потом вернулась в Англию и нашла работу в другом журнале. Она намеревалась заработать денег на очередную такую поездку, но дело шло медленно. Тогда она ушла из журнала и стала работать официанткой, от предложения стать старшей официанткой она отказалась: «Я не собираюсь долго пробыть в Англии». В свои двадцать три года Джекки — заядлая путешественница. Останавливая проезжающие автомобили, она неутомимо колесит по всей Европе с газовым пистолетом в рюкзаке, возвращается в Англию на шесть—восемь месяцев, а затем снова отправляется в дорогу. Рут, которой двадцать восемь лет, ведет такой образ жизни уже очень давно. Ее самое долгое пребывание в одном месте длилось три года. Путешествие автостопом как стиль жизни — это прекрасно, считает она, поскольку встречи с людьми «не дают возможности погрязнуть в проблемах».

Особенно горячо стремятся к путешествиям девочки-подростки, возможно, чтобы вырваться из семьи, где, как они считают, ограничивают их свободу. Так, исследования, проведенные среди девушек, читающих «Seventeen», показывают, что 40,2% опрошенных минувшим летом совершили одно или более «больших» путешествий. 69% составили поездки за пределы родного штата, 9% — поездки за границу. Но непреодолимое желание путешествовать возникает задолго до подросткового возраста. Так, когда Бет, дочь од-

ного нью-йоркского психиатра, узнала, что один из ее друзей вернулся из Европы, она была готова заплакать: «Мне уже девять лет, а я никогда не была в Европе!»

Положительное отношение к перемене мест отразилось в исследованиях, выявивших, что американцам присуще восхищаться путешественниками. Так, исследователи из Мичиганского университета установили, что респонденты часто называют путешественников «счастливыми» или «удачливыми» людьми. Путешествовать — значит добиться определенного статуса, вот почему еще долго после возвращения из поездки многие американцы сохраняют бирки авиалинии на своем багаже или атташе-кейсах. Один шутник утверждал, что некоторые даже отчищают и гладят старые этикетки, чтобы иметь репутацию путешественника.

Однако человеку, перебирающемуся с семьей на новое место, скорее высказывают сочувствия, чем поздравления. Каждый считает своим долгом порассуждать о неудобствах переезда. Но все говорит о том, что тот, кто однажды сменил местожительство, скорее всего будет переезжать еще в отличие от того, кто никогда не двигался с места. Французский социолог Ален Турен объясняет: «Переселившись один раз и не будучи столь привязанными к окружающему, они более склонны к новой смене обстановки...»[12] А английский профсоюзный деятель Р. Кларк в своем выступлении на международной конференции заявил, что мобильность могла быть привычкой, сформированной еще в годы студенчества. Он обратил внимание, что те, кто учился вдали от дома, действуют в не столь ограниченных рамках, чем не имеющие образования и более привязанные к дому работники физического труда. Люди с университетским образованием не только более подвижны в своей последующей жизни, утверждал он, но свои жизненные установки, склонность к перемене мест они передают детям. Тогда как для многих рабочих семей переезд — это тягостная необходимость, вызванная безработицей или иным жизненным испытанием, для среднего и высшего класса переезд большей частью ассоциируется с улучшением жизни. Для них переезд всегда радость. Повсюду в странах, переживающих пе-

реходный период к супериндустриализму, среди людей будущего движение является образом жизни, освобождением от ограничительных рамок прошлого, шагом в светлое будущее[13].

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ТОСКА

Однако же «не передвигающиеся» люди кардинальным образом отличаются друг от друга. Речь идет не только о занятых в сельском хозяйстве жителях Индии или Ирана, которые большей частью закреплены всю свою жизнь на одном месте. То же относится и к миллионам рабочих, в особенности к тем из них, кто трудится в отсталых отраслях промышленности. Когда технологические перемены врываются в передовые экономики, делая целые промышленные отрасли не соответствующими современности и с невероятной быстротой создавая новые отрасли, миллионы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих оказываются вынужденными перебираться на новое место. Экономика требует мобильности, и большинство западных правительств, особенно таких стран, как Швеция, Норвегия, Дания и Соединенные Штаты, расходуют значительные суммы, поощряя рабочих выучиться новой специальности и перебраться в места, где они могут найти себе применение. Для шахтеров в Аппалачах, как и для рабочих текстильных предприятий во французской провинции, это оказывается мучительно трудно. И происходящий в больших городах процесс обновления вынуждает рабочих переменить место жительства пусть не столь далеко от прежнего дома, но это воспринимается также болезненно.

По утверждению доктора Марка Фрида из Центра общественных исследований Главного госпиталя Массачусетса, «вполне можно расценивать реакцию этих лиц как ощущение случившейся беды. Они испытывают чувство тягостной утраты, тоски, общей депрессии, крайней раздражительности, проявляют симптомы психологического,

социального или физического недомогания... испытывают чувство беспомощности, склонны идеализировать утраченное место». Все это, констатирует он, «поразительно похоже на скорбь по случаю потери близкого человека»[14].

Социолог Моника Вьо из французского министерства социального обеспечения говорит: «Французы очень привязаны к местам, откуда они родом. Из-за работы они неохотно, крайне неохотно переезжают километров за тридцать или сорок от родных мест. Профсоюзы называют такое переселение «депортацией»[15].

Даже некоторые образованные и состоятельные переселенцы болезненно переживают переезд на новое местожительство. Писатель Клифтон Фадиман, рассказывая о своем переезде из тихого городка в Коннектикуте в Лос-Анджелес, жаловался, что вскоре после того как он прибыл на новое место, на него «навалилась беспрестанная череда странных недугов, физических и душевных... В течение полугода моя болезнь сошла на нет. Невролог... диагностировал мое нездоровье как «культурный шок»[16]. Переселение человека пусть даже в лучшие условия сопряжено с трудной психологической приспособляемостью.

В известном исследовании канадского пригорода Криствуд Хайтс социологи Дж. Р. Сили, Р. А. Сайм и Э. У. Лусли констатируют: «Скорость, с которой должен быть совершен переход, и сила его воздействия на личность таковы, что это требует чрезвычайной гибкости поведения и устойчивости личности. Мировоззрение, а порой и манера говорить, привычная еда, вкусы в оформлении должны сравнительно быстро перемениться, причем в отсутствие четких ориентиров поведения»[17].

О том, как люди приспосабливаются к происходящим переменам, пишет психиатр Джеймс С. Тайхерст из университета Британской Колумбии: «В области исследования людей, переживших иммиграцию, может быть обозначена несомненно стойкая модель. В начальной стадии человека больше всего заботит настоящий момент, когда он пытается получить работу, заработать денег и найти крышу над

головой. В это время обычно проявляется нетерпение и возрастающая психомоторная активность».

Когда усиливается чувство чужеродности и несовместимости с новым окружением, наступает вторая стадия — «психологическое прибытие». «Его отличительной чертой являются возрастающая тревога и депрессия; глубокая озабоченность часто с соматической рассеянностью и соматическими симптомами; полный отход от общества по сравнению с предшествующей активностью, в некоторой степени враждебность и подозрительность. Чувство несхожести и беспомощности все усиливается, и данный период характеризуется явным дискомфортом и растерянностью. Этот период большего или меньшего смятения может длиться от одного до нескольких месяцев».

Потом наступает третья стадия. Человек относительно приспосабливается к новому окружению, привыкает или же, в крайних случаях, «развиваются более сильные нарушения, проявляемые в более тяжелом душевном состоянии, ненормальности психики и разрыве с реальностью»[18]. Некоторые люди никогда в полной мере не приспосабливаются.

ИНСТИНКТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

Тем не менее после переезда люди уже не те, что были прежде, поскольку всякий переезд по необходимости разрушает сложную, налаженную сеть взаимоотношений и создает круг новых связей. Подобный разрыв, в особенности если он происходит неоднократно, приводит к утрате «чувства причастности», которую многие писатели отмечали среди людей, часто меняющих места обитания. Постоянно переезжающий человек обычно недолго задерживается на одном месте, что мешает ему пустить тут корни. Так, когда администратора одной авиакомпании спросили, почему он преднамеренно уклоняется от участия в политической жиз-

ни своей общины, он ответил: «Потому что через несколько лет я уже буду жить в другом месте. Я сажаю дерево и никогда не вижу, как оно растет».

Такую непричастность или, в лучшем случае, ограниченное участие резко критикуют те, кто видит в данной позиции угрозу традиционному идеалу установившейся демократии. Однако они упускают из виду важное обстоятельство: возможно, те, кто не дает в полной мере привлечь себя к участию в делах общины, проявляют больше моральной ответственности, чем те, кто демонстрирует рвение, а потом уезжает. Переселенцы горячо поддерживают расценки налогов, но избегают нести расходы, поскольку перебираются в другое место. Они деятельно участвуют в школьных финансовых делах и оставляют детей других людей претерпевать последствия. Так не честнее ли остаться в стороне, чем поступать безответственно? Если человек устраняется от участия в общественных делах, отказывается вступать в организации, избегает сближения с соседями, иначе говоря, избегает связывать себя, что произойдет с общиной и с ним самим? Смогут ли люди и общество выжить в такой ситуации?

Ограничение свободы действия принимает множество форм. Одна из них — прикрепленность к месту. Понять значение мобильности можно, только признав сначала центральность закрепленного места в психической структуре обычного человека. Многообразно проявление этой центральности в нашей культуре. В самом деле, цивилизация как таковая началась с земледелия, что подразумевало оседлость, окончание мрачных скитаний и миграций кочевников эпохи палеолита. Слово «укоренение», которому мы уделяем столь много внимания, по своему происхождению связано с земледелием. Первобытный кочевник, вслушиваясь в дискуссию о «корнях», вряд ли понял бы ее суть.

Понятие корней используется в значении закрепленного места, постоянного «дома». В суровом, скудном и опасном мире дом, пусть даже это всего лишь лачуга, всегда считался вросшим в землю убежищем, переходящим от поколения к поколению, поддерживающим связь человека как

с природой, так и с прошлым. Незыблемость дома считалась сама собой разумеющейся, и литература насыщена благоговейными упоминаниями об особом значении дома. «Ищи дом для отдохновения, ибо дом — лучшее, что есть», — говорится в «Наставлениях по домашнему хозяйству», пособии XVI в. Томаса Тьюсера. «Дом человека — его крепость», «Ничто не может сравниться с домом», «Дом, милый дом...» Быть может, кульминационного момента излишняя восторженность в прославлении дома достигла в Англии XIX в., как раз когда индустриализм искоренял сельских жителей и превращал их в городскую массу. Томас Гуд, певец неимущих, уверял нас: «Всякое сердце шепчет: дома, наконец-то ты дома...», а Теннисон дает доставляющую наслаждение картину:

Английский дом — серые сумерки разлились
По покрытым росой пастбищам, влажным деревьям,
Нежные, словно сон, — все на своих местах в
Приюте древней тишины.

В мире, взболтанном индустриальной революцией, в котором все, несомненно, было «не на своем месте», дом был надежной опорой, неподвижной точкой в вихре урагана». Только и можно было рассчитывать, что хотя бы он стоит на одном месте. Увы, это всего лишь поэзия, а не реальность, дом не смог сдержать напор, легко сорвавший человека с насиженного места.

КОНЧИНА ГЕОГРАФИИ

Кочевник прошлого двигался через снежные бураны и иссушающий зной, вечно гонимый голодом, он нес с собой палатку из шкуры буйвола, с ним были его жена, дети и остальное его племя. Он нес с собой свое социальное окружение и материальный образ того, что называл домом. Если сравнить с новыми сегодняшними кочевниками, то те вся-

кий раз оставляют материальный образ там, откуда уходят. (Это становится вхождением в мир, где происходит частая сменяемость вещей.) Все, кроме семей, ближайшего социального окружения, они оставляют там, откуда ушли.

Снижение значения места, утрата привязанности к нему выражались разным образом. Самый свежий пример — решение Айви Лиг Колидж в Соединенных Штатах перестать пользоваться при приеме студентов географическим принципом. Обычно эти элитные учебные заведения руководствовались географическим критерием, намеренно отдавая предпочтение мальчикам, проживавшим далеко от их кампусов, стремясь сделать более разнообразным состав своих студентов. В период между 1930 и 1950 гг. Гарвардский университет, например, наполовину сократил процентное содержание студентов, проживавших в Новой Англии и Нью-Йорке. Сегодня, говорит служащий университета, «мы отступаем от такого географического подхода».

Теперь признано, что место не столь уж обусловливает различия. Несходство людей больше не возводится к тому, откуда они родом. Ведь адрес на бланке заявления о приеме может быть временным. Многие люди в наши дни не живут достаточно долго на одном месте, чтобы приобрести характерные региональные или местные особые черты. Человек, возглавлявший приемную комиссию в Йельском университете, говорил: «Разумеется, мы отправляем преподавателей для поиска абитуриентов в отдаленные места, вроде Невады, но Гарлем, Парк-авеню или Квинс ничем не отличаются в этом плане». По утверждению этого чиновника, Йельский университет фактически перестал использовать такой подход при отборе. А его коллега из Принстонского университета заявляет: «Действительно, важно не то, откуда они, скорее мы обращаем внимание на несходство их происхождения».

Мобильность перемешивает все, как в тигле, существенные различия между людьми больше уже не зависят столь явно от места. Нежелание связывать себя, по замечанию профессора Пенсильванского университета Джона Дикма-

на, зашло так далеко, что «верность городу или штату у многих гораздо слабее выражена, чем верность корпорации, профессии или добровольческому обществу»[19]. Таким образом, можно утверждать, что человек теперь испытывает обязательства не перед соотнесенными с местом социальными структурами (город, штат, страна или округ), а такими (корпорация, профессия, общество друзей), которые сами по себе мобильны, изменчивы и по своим практическим целям независимы от места[20].

Причастность соотносится с продолжительностью дружбы. Мы все научились облекать эмоциональной сутью такие взаимоотношения, которые кажутся нам «вечными» или не подверженными переменам, но мы, насколько возможно, воздерживаемся от эмоций в кратковременных взаимоотношениях. Разумеется, бывают исключения, например преходящий летний роман. Но в целом в широком разнообразии отношений проявляется соотнесенность. Таким образом, идущая на убыль привязанность к месту связана не с мобильностью как таковой, а с сопутствующим обстоятельством мобильности — более короткой продолжительностью отношений с местом.

К примеру, в 70 крупных городах Соединенных Штатов, включая Нью-Йорк, в среднем пребывание на одном месте длится менее четырех лет[21]. Это составляет контраст с проживанием всей жизни на одном месте — характерной чертой сельского жителя. Более того, смена места жительства — решающий фактор в определении продолжительности многих других отношений с местом, так как когда человек завершает свои отношения с домом, он обычно прерывает свои отношения со всем, что его окружает. Он меняет супермаркет, бензоколонку, автобусную остановку и парикмахерскую, обрывая таким образом всю цепь отношений с местом и домом. Следовательно, на протяжении жизни мы не только узнаем все больше мест, но и наша связь с каждым местом укорачивается.

Таким образом, мы начинаем более ясно представлять себе, как ускоряющиеся перемены в обществе затрагивают человека. Сокращение продолжительности отношений че-

ловека с местом точно соответствует сокращению продолжительности его отношений с вещами. В обоих случаях человек вынужден с большей быстротой рвать свои связи. В обоих случаях повышается степень быстротечности. В обоих случаях он испытывает ускорение темпа жизни.

---

[1] Оценки Фуллера см.: [146], Document 3, с. 28—29.

[2] Транспортные проблемы развивающихся стран рассмотрены в: Immobility: Barrier to Development by Wilfred Owen в [243], с. 30.

[3] Друкер: [140], с. 92.

[4] Проблема кочующих городских жителей обсуждается в: Are We a Nation of Cities? by Daniel Elazar // Public Interest, Summer, 1966, с. 53.

[5] Личности странствующих американцев взяты из: Population Characteristics, Series P-20, № 188. US Department of Commerce, August 14, 1969.

[6] Французские данные из: A Cohort Analysis of Geographical and Occupational Mobility by Guy Pourcher // Population, March—April, 1966.

См. также: Supplement to Chapter Five, Les Moyens de Regulation de la Politique de l'Emploi by Thérèse Join-Lambert and François Lagrange // Review Francaise du Travail, January—March, 1966, с. 305—307.

[7] Об «утечке мозгов» внутри США см. в: An Exploratory Study of the Structure and Dynamics of the R&D Industry by Albert Shapero, Richard P. Howell, and James R. Tombaugh // Menlo Park, California: Stanford Research Institute, June, 1964.

[8] Уайт: [197], с. 269.

[9] Историю Якобсона см.: Wall Street Journal, April 26, 1966.

Более недавнее исследование мобильности должностных лиц показало, что средний администратор предвидит возможность смены местожительства от одного раза в два года до одного раза в пять лет. Один управленец сообщил, что за 25 лет он переехал 19 раз. Восемьдесят процентов компаний предвидит увеличение темпа передвижения. См.: William F. Glueck in the Journal of Management Studies, vol. 6, № 2 или summary in New Society, July 17, 1969, с. 98.

[10] Замечание Дихтера см. [76], с. 266.

[11] О путешественницах автостопом см.: Traveling Girls by Ellen Goyder // New Society, January 20, 1966, с. 5.

[12] Турен цит.: по Acceptance and Resistance, [49], с. 95.

[13] Кларк: [249], с. 26.

[14] Эмоциональный ответ переселенца является темой Grieving for a Lost Home by Marc Fried в [241], с. 151, 160.

[15] Интервью с Моникой Вьо.

[16] Сообщение Клифтона Фэдимана появилось в его эссе «Mining-Camp Megalopolis» // Holiday, October, 1965, с. 8.

[17] Об изучении Криствуда см.: [236], с. 360.

[18] Утверждение Тайхерста взято из его статьи The Role of Transition States-Including Disasters-in Mental Illness // [33], с. 154.

[19] Высказывание Дикмана взято из The Changing Uses of the City в [173], с. 154.

[20] Кончина географии, конечно же, имеет важные последствия для будущего города. Как говорит Мелвин М. Уэбер, преподаватель городского планирования в Беркли, «появляется новый тип крупномасштабного городского общества, которое все в большей степени независимо от города... Поскольку общества в прошлом были пространственно структурированы, а городские общества поступают так, будто они опираются исключительно на город, мы по-прежнему допускаем, что территориальность — необходимый атрибут социальных систем». Это, убеждал он, ведет нас к абсолютно неправильному пониманию таких городских проблем, как склонность к наркотикам, расовые волнения, душевные болезни, нищета и т. д. См. его провокационное эссе The Post-City Age // Daedalus, Fall, 1968, с. 1091–1110.

[21] Средняя продолжительность проживания взята из New Urban Structures by David Lewis в [131], с. 313.

Глава 6

ЛЮДИ: МОДУЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Каждую весну во всей восточной части Соединенных Штатов начинается огромная миграция, как это бывает у леммингов. Поодиночке и группами, нагруженные спальными мешками, одеялами и купальными принадлежностями, примерно 15 000 студентов американских колледжей

забрасывают свои учебники и следуют исключительно точному внутреннему инстинкту, который ведет их к выжженной солнцем береговой линии Форта Лодердейл во Флориде. Здесь примерно в течение недели вся эта толпа поклонников солнца и секса отсыпается, флиртует, жадно глотает пиво, валяется на песке и оглашает пространство воплями. В конце этого периода девушки в бикини и их бронзовые поклонники упаковывают свои сумки и присоединяются к массовому исходу. И тогда каждый, кто окажется недалеко от палаток, воздвигнутых курортным городом специально для этого буйного войска, может слышать крики, усиленные громкоговорителем: «Машина двухместная, приглашаю попутчика до Атланты... Нужно добраться до Вашингтона... В 10.00 отбываем в Луисвилль...» Через несколько часов не остается ничего от этой пляжной компании, склонной к выпивке, кроме банок и бочек из-под пива, а также примерно полутора миллионов долларов в кассах местных торговцев — тех, кто смотрит на это ежегодное вторжение как на некое благо, которое угрожает нормальной психике живущих здесь людей, но в то же время гарантирует им личную выгоду.

Молодых людей влечет сюда не только непреодолимая страсть к солнечному свету. И это не просто зов секса — секс доступен и в других местах. Скорее это чувство свободы, не связанной с ответственностью. 19-летняя студентка одного из нью-йоркских колледжей с совместным обучением, которая недавно побывала на этом веселье, высказалась так: «Ты нисколько не беспокоишься о том, что ты здесь скажешь или сделаешь, потому что, честно говоря, ты никогда больше не увидишь этих людей».

Ритуал посещения Форта Лодердейл дает возможность огромного разнообразия кратковременных межличностных отношений. И по мере того как мы движемся все дальше по пути супериндустриализма, именно эта кратковременность все в большей степени начинает характеризовать отношения между людьми.

ЦЕНА ДРУЖЕСКОЙ «ВОВЛЕЧЕННОСТИ»

Урбанизм, т. е. образ жизни городского населения, поглощает внимание социологов с начала нашего столетия. Макс Вебер указывал на тот очевидный факт, что люди, живущие в больших городах, не могут знать своих соседей столь же близко, как люди, жившие в небольших сообществах. Джордж Зиммель продвинул еще на шаг эту идею, высказав весьма оригинальную мысль о том, что если бы городской житель эмоционально реагировал на любого и каждого человека, с которым он вступает в контакт, или если бы он загромождал свой мозг сведениями об этих людях, то он был бы «совершенно раздроблен внутренне и пришел бы в совершенно немыслимое психическое состояние».

Луи Вирт в свою очередь отмечал фрагментированность отношений между городскими жителями. Он писал: «Характерно, что городские жители встречаются друг с другом, выступая при этом в весьма ограниченной роли... Их зависимость от другого человека ограничивается лишь каким-либо частным аспектом деятельности последнего»[1]. Вместо того чтобы глубоко войти в целостную личность каждого индивида, с которым мы встречаемся, мы поддерживаем необходимые поверхностные и частные контакты с некоторыми из них, объяснял он. Мы заинтересованы только в том, насколько хорошо продавец обуви удовлетворяет наши нужды, и нам нет дела до того, что его жена страдает от алкоголизма.

Это значит, что с большинством окружающих нас людей мы вступаем в отношения ограниченного участия. Сознательно или неосознанно, но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу. Поскольку мы не принимаем участия в домашних проблемах продавца обуви, не разделяем его надежды, мечты и горе, он для нас полностью взаимозаменяем другим продавцом той же компетентности. Мы применяем модульный принцип к человеческим отношениям. Тем самым мы создаем личность, подобную предметам одноразового использования: Модульного Человека.

Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности. Каждая личность может быть представлена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей. Таким образом, никакой индивид не может быть заменен каким-либо другим, если рассматривать личность в целом, а не ее отдельные модули. Поскольку мы хотим купить всего лишь пару ботинок, а не дружбу, любовь или ненависть, постольку для нас нет никакой необходимости в том, чтобы интересоваться всеми другими модулями, формирующими личность продавца. Наши отношения весьма ограниченны. И склонность к ограничению существует с обеих сторон. Эти отношения влекут за собой принятые формы поведения и общения. Обе стороны, сознательно или неосознанно, понимают и ограничения, и законы, вытекающие из них. Трудности возникают только тогда, когда одна из сторон переступает принятые границы и пытается вступить в контакт с каким-либо модулем, который не имеет отношения к данной функции.

Обширная социологическая и психологическая литература посвящена сегодня проблеме отчуждения, которая обусловлена, как полагают, именно фрагментацией отношений между людьми. Многое в риторике экзистенциалистов и в студенческих бунтах декретирует эту фрагментацию. Говорят, что мы недостаточно «сливаемся» с близким человеком. Миллионы молодых людей заняты попытками достичь «полного слияния».

Однако прежде чем согласиться с популярным выводом о том, что модуляризация в человеческих отношениях — явление отрицательное, следовало бы более пристально взглянуть на него. Теолог Гарвей Кокс, повторяя Зиммеля, указывает, что в условиях городской жизни попытка полного «слияния» с другим человеком может привести лишь к саморазрушению и эмоциональному опустошению. Он пишет, что городской человек «должен иметь более или менее беспристрастные отношения с большинством людей, с которыми он вступает в контакт, чтобы выбрать тех, с кем у него будут дружеские отношения, и их-то и развивать... Его жизнь можно уподобить точке, на которую воздействуют

десятки систем и сотни людей. Его способность знать кое-кого из них лучше с необходимостью приводит к тому, что глубина его отношений со многими другими сводится к минимуму. Для городского человека выслушивание сплетен почтальона — акт чистого милосердия, поскольку у него скорее всего нет никакого интереса к людям, о которых хочет поболтать почтальон»[2].

Кроме того, прежде чем сокрушаться по поводу модуляризации, необходимо спросить самих себя, действительно ли мы предпочли бы вернуться к традиционной ситуации, в которой каждый индивид был связан с личностью немногих людей, а не с личностными модулями многих. Традиционный человек воспринимается так сентиментально, в таком романтическом ореоле, что часто мы не понимаем последствий возврата к нему. Те же самые писатели, которые причитают по поводу фрагментации, требуют в то же время свободы; однако при этом они упускают из виду отсутствие свободы людей, связанных неразрывными узами. Ибо любые связи предполагают взаимные требования и ожидания. Чем более интимными становятся отношения между людьми, тем большее давление оказывают друг на друга партнеры, чтобы исполнились их ожидания. Чем теснее и неразрывнее эти отношения, или, говоря другими словами, чем больше модулей при этом задействовано, тем сильнее возрастают требования, предъявляемые нами.

В любых отношениях модульного типа требования строго ограничены. Поскольку продавец обуви выполняет свою достаточно ограниченную миссию, обслуживая нас и удовлетворяя таким путем наши довольно небольшие ожидания, мы не будем настаивать, чтобы он верил в нашего Бога, или был опрятен дома, или разделял наши политические пристрастия, или любил ту же пищу или ту же музыку, что и мы. Мы предоставляем ему право быть свободным во всех других сферах, так же как и ему нет дела до того, атеист я или еврей, гетеросексуалист или гомосексуалист, Джон Бирхер или коммунист. Так не бывает и не может быть при целостных взаимоотношениях. До какого-то момента фрагментация отношений и свобода идут рядом друг с другом.

Все мы, по-видимому, испытываем в своей жизни потребность в целостных отношениях. Но бессмысленно было бы утверждать, что мы можем иметь *только* такие отношения. Отдавать предпочтение обществу, в котором индивид имел бы холистические отношения с немногими, а *не* модульные отношения со многими людьми, — это значит желать возврата к тюремной жизни прошлого — того прошлого, в котором индивиды были гораздо теснее связаны друг с другом, но в котором их жизнь была сильнее регламентирована социальными условиями, сексуальной моралью, политическими и религиозными ограничениями.

Это не означает, что модульные отношения не связаны ни с каким риском или что мир таких отношений — лучший из возможных миров. На самом деле в такой ситуации таятся глубинные опасности, и мы попытаемся это показать. Однако до сих пор дискуссия по этому вопросу, публичная или профессиональная, была нацелена не на суть дела, ибо она упускала из виду основной параметр всяких межличностных отношений — их продолжительность.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Следует упомянуть социологов вроде Вирта, отметивших транзисторную природу человеческих связей в урбанизированном обществе. Однако они не попытались систематически сопоставить феномен небольшой длительности человеческих связей с аналогичным явлением в других видах связей. Они не сделали также попыток обосновать документально постепенное уменьшение этой длительности. До тех пор, пока мы не проанализируем временные параметры человеческих связей, мы будем совершенно неправильно понимать и весь процесс перехода к супериндустриализму.

Уменьшение *средней* продолжительности человеческих отношений — вероятное следствие увеличения количества таких отношений. Средний житель города в наше время за

неделю, вероятно, вступает в контакт с бóльшим количеством людей, чем деревенский житель в феодальные времена в течение года, а может быть, даже и всей своей жизни. Узы, связывающие деревенского жителя с другими людьми, включали в себя, несомненно, и какие-то кратковременные отношения, однако большинство людей, с которыми он был знаком, он знал на протяжении всей своей жизни. Городской человек может иметь некую стержневую группу людей, с которыми он поддерживает связь долгое время, но в то же время он взаимодействует с сотнями или, может быть, тысячами людей, которых он видит только однажды или дважды и которые затем полностью исчезают из его поля зрения.

Каждый из нас подходит к человеческим отношениям, как и к другим видам отношений, имея внутри себя некий набор ожиданий относительно их продолжительности. Мы надеемся, что определенные виды отношений будут более долгими, чем другие. На самом деле отношения с другими людьми можно классифицировать, исходя из их предполагаемой длительности. Конечно, они варьируются от одной культуры к другой, от одного человека к другому. И тем не менее для широких слоев населения в развитых технологических обществах достаточно типичны следующие отношения:

Длительные отношения. Мы надеемся, что связь с нашей собственной семьей и — в меньшей степени — с другими родственниками будет длиться в течение всей жизни людей, относящихся к этой категории. Эта надежда далеко не всегда сбывается, о чем говорит рост количества разводов и распад семей. Несмотря на это, теоретически мы, вступая в брак, считаем, что «нас разлучит только смерть», и идеалом общества является связь, длящаяся всю жизнь. Реалистично ли это ожидание для общества, меняющегося с большой скоростью, вопрос спорный. Однако ожидания таковы: семейные связи будут длительными, может быть, на всю жизнь, и человеку, который разрывает такие связи, традиционно приписывается та или иная степень вины.

Отношения средней длительности. В эту категорию попадают четыре класса отношений. В порядке уменьшения

ожидаемой длительности: отношения с друзьями, соседями, коллегами по работе и членами различных добровольных организаций, как, например, церковь или клуб.

Традиционно предполагается, что дружеские отношения длятся почти так же долго или вообще так же долго, как и семейные связи. Высокая оценка дается в нашей культуре такому феномену, как «старые друзья», а прекращение дружбы считается в какой-то мере предосудительным. Однако один вид дружеских отношений, называемый знакомством, оценивается как имеющий меньшую продолжительность.

Отношения между соседями не рассматриваются больше как длительные, поскольку скорость перемещений в пространстве сейчас слишком высока. Предполагается, что эти отношения равны времени, в течение которого индивид остается на одном месте; продолжительность этого периода в среднем становится все меньше и меньше. Разрыв с соседом может быть связан и с другими причинами, но он не отягощен чувством серьезной вины.

Отношения на работе нередко «перекрещиваются» с дружескими отношениями и реже — с соседскими. Традиционно, особенно конторские служащие, адвокаты, учителя, инженеры и т. п., предполагают, что отношения, складывающиеся на работе, будут длиться относительно долго. Однако это ожидание, как мы увидим далее, уже не столь перспективно.

Отношения между членами различных добровольных организаций — в церковных или гражданских учреждениях, политических партиях и т. п. — иногда перерастают в дружбу, но если этого не происходит, связи между индивидами в таких объединениях распадаются быстрее, чем отношения между друзьями, соседями или коллегами по работе.

Кратковременные связи. К этой категории относится большинство (если не все) отношений сервисного типа, складывающихся с продавцами, служащими служб доставки, газовиками, поставщиками молока, парикмахерами и т. п. Смена контактов в этой сфере происходит относительно быстро, и человека, который прекращает их, не за что стыдить. Исключение составляют отношения со специалиста-

ми, например с врачами, юристами и бухгалтерами; ожидается, что они будут более длительными.

Такое распределение по категориям вряд ли бесспорно. Большинство из нас может сослаться на примеры «сервисных» отношений, которые были более длительными, чем некоторые дружеские, рабочие или соседские отношения. Кроме того, у каждого из нас есть собственные примеры такого рода: мы посещаем в течение многих лет одного и того же доктора или поддерживаем самые тесные связи с одним из друзей по колледжу. Такие случаи вряд ли являются необычными, и все же их относительно мало в нашей жизни. Они похожи на цветы, возвышающиеся на своих длинных стебельках над целым полем, поросшим травой, где каждая травинка может быть уподоблена какой-либо кратковременной связи, какому-либо короткому контакту. И именно большая длительность этих связей делает их заметными. Такие исключения ни в коей мере не влияют на общее правило: *средняя* продолжительность межличностных отношений в нашей жизни становится все более короткой.

ГОСТЕПРИИМСТВО В СПЕШКЕ

Продолжающаяся урбанизация — это лишь один компонент тех воздействий, которые толкают нас ко все большей «временности» в наших отношениях с людьми. Урбанизация, как об этом говорилось ранее, приводит в соприкосновение большие массы людей, увеличивая таким образом количество их контактов друг с другом. Однако этот процесс еще больше усиливается в связи с ростом географической мобильности, описанной в предыдущей главе. Географическая мобильность не только ускоряет «поток» различных мест, проходящий через нашу жизнь, то же самое она делает и с «потоком» людей.

Увеличение количества путешествий сопряжено с резким возрастанием количества временных случайных свя-

зей — с пассажирами, служащими гостиницы, водителями такси, с теми, кто резервирует билеты на самолет, с носильщиками, служанками, официантами, с коллегами и друзьями ваших друзей, с работниками таможни, агентами бюро путешествий и бесконечным количеством других людей. Чем больше перемещается индивид, тем больше у него бывает коротких неожиданных встреч лицом к лицу, контактов с людьми, каждый из которых представляет собой отношение фрагментарное и, кроме того, сжатое во времени. (Такие контакты кажутся нам естественными и несущественными. Мы редко способны задуматься о том, сколь немногие из 66 млрд. людей, которые жили на нашей планете до нас, испытывали когда-либо такую высокую скорость перемен в человеческих отношениях.)[3]

Если путешествие увеличивает количество контактов, главным образом с работниками сферы обслуживания того или иного вида, то перемена места жительства также ускоряет поток людей, протекающих через нашу жизнь. Переезд на новое место приводит к прекращению отношений почти в каждой из вышеописанных категорий. Молодой инженер подводной лодки, который переводится со своего места работы в Нэйви Ярд на Мэри Айлэнд, Калифорния, на работу в Ньюпорт Ньюс, Виргиния, берет с собой лишь ближайших членов своей семьи. Он покидает родителей и родню со стороны жены, соседей, знакомых из сферы обслуживания и торговли, а также тех, с кем он вместе служил, и многих других. Он обрывает эти связи. Поселившись в новом месте, он, его жена и ребенок должны будут завязать множество новых связей, которые опять-таки будут временными.

Вот как описывает этот процесс одна молодая женщина, которой пришлось вместе с мужем переезжать 11 раз за последние 17 лет: «Когда вы живете в одном и том же месте, вы можете наблюдать, что происходят те или иные изменения. Так, в один прекрасный день почту приносит новый почтальон. Через несколько недель после этого исчезает девушка за прилавком супермаркета, и новая занимает ее место. Потом вы узнаете, что заменили механика на

газовой станции. Тем временем сосед, живущий с вами рядом, уезжает, и вместо него селится новая семья. Эти изменения происходят все время, но постепенно. Когда же вы уезжаете, вы сразу рвете все эти связи, и вы должны опять создавать их заново. Вам нужно найти нового детского врача, нового дантиста, нового механика для вашей машины, который бы вас не обманывал; вы утрачиваете все, что было вами организовано, и должны начинать все заново». Итак, происходит одновременное нарушение целой группы сложившихся отношений, что делает перемещение с места на место психологической нагрузкой для многих людей.

И чем чаще повторяется этот цикл в жизни индивида, тем короче, конечно, становится длительность его связей с другими людьми. Сейчас для значительной доли населения этот процесс происходит столь быстро, что это резко меняет традиционные понятия о времени, сложившиеся по отношению к связям между людьми. «Во время коктейля прошлой ночью в Фрогтаун Роад возник разговор о том, сколько времени живут в Нью-Ханаан участники этой вечеринки. Никого не удивило то, что чета «долгожителей» находится здесь всего лишь пять лет», — рассказывается в газете «Нью-Йорк таймс». В те времена, когда перемещения происходили редко, пять лет — это был период, лишь немного более длительный, чем период той ломки, которую переживала семья, переместившаяся в новое сообщество. Это то время, которое требовалось, чтобы ее «приняли» на новом месте. Сегодня же период ломки всей жизни очень сильно сжат во времени.

Так, во многих американских пригородах имеется специальная коммерческая служба «Welcome Wagon» — рекламный автофургон с буклетами, образцами местной продукции и т. п., раздаваемыми приезжим или новым поселенцам, — которая ускоряет этот процесс, знакомя вновь прибывших с главными магазинами и агентствами в данном районе. Служащий такой службы, получающий зарплату за свои труды (обычно это бывает женщина средних лет), посещает новичков, отвечает на их вопросы о сообществе, в которое они попали, оставляет им брошюрки и

иногда — сертификаты дешевых подарков, которые можно получить в местных магазинах. Поскольку это оказывает влияние лишь на отношения сервисного характера и вряд ли представляет собой что-то большее, чем одну из форм рекламы, постольку воздействие, оказываемое этой службой, весьма незначительно.

Однако процесс установления отношений с новыми соседями и друзьями очень часто эффективно ускоряется благодаря некоторым людям — обычно это бывают разведенные или одинокие старые женщины, — которые выполняют функцию неформальных «интеграторов» сообщества. Такие люди встречаются во многих давно сложившихся пригородах и жилых кварталах. Их функция описана социологом-урбанистом Робертом Гутманом из университета Ратжер. Он отмечает, что хотя «интеграторша» сама по себе часто находится вне основного потока социальной жизни сообщества, она получает удовольствие от того, что служит как бы «мостиком» для вновь прибывших сюда людей. Она проявляет инициативу в организации вечеринок и других встреч. Новички бывают польщены тем, что какой-то человек, живущий здесь долго, «старожил» (во многих местах быть «старожилом» — значит прожить тут года два), хочет их пригласить. Увы, новоселы быстро понимают, что сама «интеграторша» здесь лишь сторонний наблюдатель, поэтому они обычно скоро дистанцируются от нее.

«К счастью для интегратора, — говорит Гутман, — к тому времени, когда он или она занимались тем, чтобы ввести приезжего в сообщество, а приезжий уже начинал отдаляться от интегратора, туда снова прибывали новые люди, которым интегратор опять мог протянуть свою дружескую руку».

Другие люди в округе также помогают ускорить процесс установления связей. Так, говорит Гутман, в районах-новостройках, «как показал опрос, агенты по продаже недвижимости часто знакомили соседей друг с другом еще до того, как они стали владельцами. В некоторых случаях новых домохозяек, поодиночке или группами, приглашали домохозяйки, живущие по соседству. Соседские жены или их мужья встречались друг с другом случайно, работая в саду,

или убирая свой двор, или заботясь о детях. Кроме того, бывали и другие встречи, обычно инициированные детьми, которые часто первыми устанавливали контакт с людьми, живущими в этом новом районе».

Местные организации также вносят важный вклад в то, чтобы помочь человеку быстро включиться в новую обстановку. Это чаще бывает среди домовладельцев в пригородах, чем среди жителей жилых массивов. Церкви, политические партии, женские организации предоставляют возможность установить контакты, к которым стремятся новоселы. По Гутману, «иногда какой-либо сосед говорил приезжему о наличии добровольного объединения и даже приводил его на первую встречу, но даже и в этих случаях вновь прибывший должен был сам найти свою собственную «первичную» группу внутри этого объединения»[4].

Понимание того, что эта перемена места не последняя, что кочевники опять будут собирать свои пожитки и мигрировать отсюда, препятствует созданию новых связей, которые были бы более прочными, чем модульные; это означает, что если отношения вообще должны создаваться, то пусть они входят в жизнь побыстрее.

Однако если период вживания в новую обстановку сжимается во времени, то сокращается и период отвыкания от старых условий. Это особенно верно для сервисных отношений, которые, будучи крайне ограниченными, могут и возникать, и заканчиваться очень быстро. «Они приходят и уходят, — говорит хозяин одного пригородного продовольственного магазина. Однажды вы обнаруживаете их отсутствие, а потом узнаете, что они переехали в Даллас». «Лавочники в Вашингтоне, Колумбия, редко имеют шанс установить длительные отношения со своими покупателями», — пишет репортер в «Business Week». «Все время — разные лица», — говорит кондуктор пригородного поезда в Нью-Хавен.

Даже маленькие дети быстро осознают временный характер человеческих связей. «Нянечка», которая была в прошлом, уступила свое место службе «бэби-ситтер», которая каждый раз, когда надо побыть с ребенком, присылает раз-

ных людей. Та же тенденция к усеченным во времени отношениям отражается в отказе от семейного доктора. Старый семейный доктор, врач общей практики, не имел компетенции узкого специалиста, но по крайней мере у него было одно преимущество — он мог наблюдать за одним и тем же пациентом в течение всей его жизни. Сегодня же больной не остается на одном месте. Он не общается с одним и тем же терапевтом, а порхает от одного специалиста к другому и меняет врачей каждый раз, когда переселяется на новое место. Даже в пределах какой-либо одной связи контакты между людьми становятся все более короткими. Так, авторы «Крествудских Высот», обсуждая взаимодействия с различными специалистами и юристами, отмечают «малую длительность контактов друг с другом... Природа таких контактов, а они в свою очередь являются функцией очень насыщенной жизни обоих участников, жизни в условиях до предела спрессованного времени, предполагает, что всякое сообщение должно быть сжато до пределов очень короткого коммюнике, причем даже таких коммюнике не должно быть слишком много...»[5] Влияние на здоровье фрагментации и сокращения времени отношений между пациентом и врачом — этот вопрос должен быть подвергнут серьезному специальному исследованию.

ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В БУДУЩЕМ

Каждый раз, когда семья сдвигается со своего места, она стремится также «отбросить» от себя определенное количество неблизких друзей и знакомых. Когда их покидают, то обычно и забывают. Но не все отношения прекращаются после территориального разделения людей. Мы скорее всего сохраним контакты с парой друзей из того места, где мы раньше жили, а также будем стараться время от времени общаться с родственниками. Однако с каждым новым переездом происходит неумолимое стирание этих связей. Сна-

чала оживленная переписка с обеих сторон, случайные визиты или телефонные звонки. Однако постепенно контакты становятся все реже и в конце концов прекращаются. Типичный англичанин, живущий в пригороде Лондона, рассказывает о том, что с ним было после того, как он покинул Лондон: «Вы не можете забыть его (Лондон). Ваша семья еще не полностью живет здесь. У нас еще остались друзья, живущие в Пламстеде и Элтхэме. Мы обычно бываем там каждый выходной. Однако это не может длиться долго».

Джон Барт так изобразил чувство перемены, наступающей в дружеских отношениях, в повести «Плавучая опера»: «Наши друзья плывут мимо; какое-то время нас несет вместе с ними; они уплывают вперед, и мы должны или полагаться на слухи, или совсем потерять их след; но вот они снова плывут назад, и мы должны или обновить наши дружеские связи — поймать то, чего уже нет, — или же признать, что у нас больше нет с ними общего языка, мы уже не понимаем друг друга»[6]. Единственный недостаток в этом описании — умолчание о том, что возникают, исчезают и вновь возобновляются дружеские связи в русле лениво текущей реки, которая то и дело петляет. Сегодня же этот поток движется с большим ускорением. Дружеские отношения (если использовать ту же метафору) все больше становятся похожими на контакт гребцов разных каноэ, преодолевающих быстрины в реке перемен. «Очень скоро, — говорит профессор Эли Гинцберг из Колумбийского университета, — все мы станем людьми столичного типа, не имеющими связей или обязательств по отношению к своим старым друзьям и соседям».

В замечательной статье о «Дружеских отношениях в будущем» психолог Куртни Тол предполагает, что «стабильность, основанная на близких отношениях с небольшим количеством людей, окажется неэффективной вследствие высокой мобильности, расширения круга интересов и различий в способности к адаптации и переменам, свойственным людям, живущим в высоко автоматизированном обществе... Индивиды будут развивать в себе способность к

формированию близких отношений приятельского типа на основе общих интересов или внутригрупповых связей, а также способность быстро прерывать эти дружеские связи, когда они переезжают на другое место или присоединяются к группе со сходными интересами или к другой ставшей для них интересной группе в том же самом месте... Интересы будут меняться быстро...

Эта способность быстро вступать в дружеские отношения, а затем прекращать или сводить их до уровня простого знакомства, сопряженная с возросшей мобильностью, приведет к тому, что каждый данный индивид будет иметь больше дружеских отношений, чем это возможно в настоящее время для большинства людей... Структура дружеских связей большинства людей в будущем даст им удовлетворение во многих отношениях, но при этом длительные дружеские связи с немногими, характерные для прошлого, сменятся близкими кратковременными отношениями со многими людьми».

ДРУЗЬЯ ОТ ПОНЕДЕЛЬНИКА ДО ПЯТНИЦЫ

Влияние новой технологии на.занятия людей позволяет предполагать, что тенденция к временным связям сохранится в дальнейшем. Даже если мегаполис перестанет «втягивать» людей и они будут меньше переезжать, все равно связи между людьми резко возрастут, а длительность их сократится из-за смены работы. Ибо внедрение прогрессивной технологии, называем мы ее автоматизацией или нет, экономика требуют коренных изменений и квалификации, и личности работника.

Специализация увеличивает количество различных профессий. В то же время технологические нововведения уменьшают «время жизни» любой профессии. «Появление и исчезновение профессий будут такими быстрыми, что вызовут постоянную неуверенность людей», — говорит экономист

Норман Энон, специалист по проблемам рабочей силы. Он отмечает, например, что профессия инженера авиалиний возникла — и начала сходить на нет — в течение всего 15 лет.

Один только взгляд на страницы «спроса и предложения» в какой-либо крупной газете убеждает в том, что новые профессии возникают с потрясающей скоростью. Системный аналитик, компьютерщик, кодировщик, библиотекарь, работающий с магнитными лентами, и т. п. — это лишь малая часть тех, чья деятельность связана с компьютерами. Извлечение информации, оптическое сканирование, тонкопленочная технология — все это требует новых видов специальных знаний, а старые профессии постепенно утрачивают свою важность или вообще исчезают. Когда журнал «Fortune» в середине 60-х годов провел опрос 1003 молодых администраторов в крупных американских корпорациях, обнаружилось, что по меньшей мере один из трех выполнял работу, которой просто не существовало, пока он не приступил к ней. Другая большая группа занималась работой, которую ранее выполнял один человек[7]. Даже тогда, когда название профессии остается прежним, содержание самой работы часто трансформируется, и люди, выполняющие ее, меняются тоже.

Перемена работы, однако, — это не только прямое следствие технологических изменений. Она отражает также процессы, происходящие в разных видах промышленности, которые постоянно организуются и реорганизуются, приспосабливаясь к быстро меняющимся условиям, чтобы поддерживать бесконечные сдвиги во вкусах и предпочтениях потребителей. Множество других сложных механизмов непрерывно создают эту неразбериху в профессиональной деятельности. Так, опрос, проведенный недавно американским министерством труда, показал, что 71 млн. человек, занятых принудительным трудом, сохраняли свою работу в среднем в течение 4,2 года. Всего лишь три года назад этот показатель составлял 4,6 года; таким образом, длительность непрерывной работы сократилась на 9%.

В другом отчете министерства труда говорится: «В начале 60-х годов средний двадцатилетний рабочий мог ожи-

дать, что он сменит свою работу шесть или семь раз». Таким образом, человек в супериндустриальном обществе будет планировать не какую-либо одну «карьеру», а «последовательные карьеры».

Сегодня с целью учета рабочей силы людей классифицируют в соответствии с той работой, которой они сейчас заняты: «машинный оператор», «продавец» или «программист компьютера». Эта система, возникшая в менее динамичный период, более неадекватна, по мнению многих специалистов по рабочей силе. Сейчас предпринимаются попытки охарактеризовать каждого рабочего не только исходя из его нынешнего места, но и с учетом той специфической «траектории», по которой двигалась его трудовая деятельность. У каждого человека траектория, или линия его карьеры, отлична от таковой других людей, но все же определенные типы траекторий повторяются[8]. Если спросить человека супериндустриального общества: «Что вы *делаете?*», то он обрисует себя, исходя не только из его теперешней (временной) работы, но и из всей организации его рабочей жизни, из траектории его трудовой деятельности. Такие характеристики больше подходят для супериндустриального рынка труда, чем статичные описания текущего состояния, не принимающие во внимание того, чем человек занимался в прошлом, или того, что он мог бы делать в будущем.

Высокая скорость перемены работы, очевидная для Соединенных Штатов, становится все более и более характерной и для западноевропейских стран. Так, в Англии текучесть рабочей силы в производственной сфере оценивается 30—40% в год. Во Франции около 20% всей рабочей силы каждый год вовлекается в процесс смены работы, и, как считает Моника Вьо, эта цифра постоянно увеличивается. В Швеции, по данным Олафа Густафсона, директора шведской ассоциации промышленников, «в среднем текучесть рабочей силы составляет 25—30% в год... Вероятно, во многих местах этот показатель достигает сейчас уже 35—40%».

Возрастает ли текучесть рабочей силы статистически достоверным образом или нет, не так важно, ибо те изме-

нения в этом процессе, которые поддаются измерению, — лишь одна часть вопроса. Статистики не учитывают изменений работы внутри одной и той же компании или предприятия или переходы из одного отдела в другой. А. К. Райс из Тайвисток института в Лондоне утверждает, что «переходы из одного отдела в другой, по-видимому, могли бы привести к началу «новой жизни» внутри предприятия»[9]. Поскольку суммарная статистика перемен работы не считается с такими ситуациями, то тем самым она серьезно недооценивает количество тех переходов с места на место, которые действительно происходят; при этом каждый такой переход означает разрыв старых и появление новых отношений между людьми.

Любое изменение в работе сопровождается определенным стрессом. Человек лишается старых привычек, старых способов общения и должен научиться новым. Даже если задача, которую он решает на работе, остается сходной с прежней, все равно меняется обстановка труда. Как и при переезде на новое место жительства, перед новичком стоит задача быстрее завязать новые отношения. И здесь этот процесс может быть облегчен теми людьми, которые берут на себя роль неформальных интеграторов. И здесь новичок ищет человеческих отношений, присоединяясь к каким-либо организациям, обычно неформальным и небольшим, которые не связаны со структурами компании. Понимание того, что никакая работа не может быть истинно «постоянной», обусловливает формирование отношений, условных, модульных и в большой степени временных.

«НОВОБРАНЦЫ» И «ПЕРЕБЕЖЧИКИ»

При обсуждении географической мобильности мы отметили, что некоторые люди или группы людей более подвижны, чем другие. С точки зрения профессиональной мобильности, обнаруживается та же картина: некоторые индивиды или группы чаще меняют свою работу, чем про-

чие. Предварительно можно сказать, что люди, склонные к перемене мест, будут, весьма вероятно, и часто менять свою работу. Наименее обеспеченные, наименее квалифицированные группы меняют работу чаще. Подвергаясь самым сильным ударам и потрясениям со стороны экономики, требующей образованных, постоянно повышающих свою квалификацию рабочих, эти бедняки перелетают с одной работы на другую, как пинбол между бамперами. Их нанимают в последнюю очередь, а увольняют — первыми.

Среди людей со средним уровнем образования и достатка встречаются такие, которые намного подвижнее сельских жителей и относительно стабильны. Чрезмерно высокая и постоянно растущая частота смены работы обнаруживается в тех группах людей, чья профессия наиболее типична для будущего, — ученых, инженеров, высокообразованных специалистов и техников, администраторов и менеджеров.

Так, недавно проведенное исследование показывает, что темп смены работы для ученых и инженеров, работающих в научно-исследовательской и опытно-конструкторской сферах в США, примерно в два раза выше, чем в остальных отраслях американской промышленности[10]. Причину этого легко понять. Это как раз и есть острие технологических перемен — та точка, в которой знания устаревают наиболее быстро. Например, в Вестингхаузе полагают, что длительность так называемого времени «полужизни» дипломированного инженера составляет всего лишь 10 лет; следовательно, по меньшей мере половина того, что он приобрел за годы обучения, устаревает в течение десятилетия[11].

Высокие темпы перемен характерны также для средств массовой информации, особенно для рекламной индустрии. Недавно проведенный опрос 450 американцев, работающих в сфере рекламы, показал, что 70% из них сменили работу за последние два года. То же самое разыгрывается и в Англии[12]; это отражение тех быстрых изменений, которые происходят в предпочтениях потребителей, в стилях живописного искусства, способах репродуцирования, в технологических линиях. Циркуляция персонала от одного агентства к другому время от времени вызывает тревогу внут-

ри самой этой области, и многие агентства отказываются давать статус постоянного работника тем, кто не прослужил хотя бы год.

Но самые драматичные изменения постигли, вероятно, рядовых работников сферы менеджмента, когда-то хорошо защищенных от ударов судьбы и вызывавших зависть представителей менее удачливых профессий. «Впервые в нашей области, — говорит доктор Гарольд Ливитт, профессор индустриальной администрации и психологии, — устаревание становится, по-видимому, серьезной проблемой для менеджмента, поскольку впервые относительные преимущества опыта над знанием очень быстро теряются». Поскольку требуется все больше времени, чтобы обучить человека современному менеджменту, а знания менеджеров устаревают, как и знания инженеров, примерно в течение десяти лет, то Ливитт предполагает, что в будущем «мы будем, вероятно, заниматься планированием тех профессий, которые уже сходят со сцены, а не тех, которые будут развиваться со временем... Вероятно, максимум ответственности будет приходиться на начало карьеры, а затем работник скорее всего будет двигаться по служебной лестнице вниз или будет вытеснен из своей сферы и ему придется заниматься более простой деятельностью, требующей меньшего напряжения»[13].

В каком бы направлении он ни двигался — вверх, вниз или вбок, — в любом случае в будущем смена работы станет происходить в еще большем темпе. Понимание этого уже нашло свое отражение в изменении позиции тех, кто занимается приемом на работу. «Когда я видел по резюме, что человек работал в разных местах, раньше меня это беспокоило, — признает крупный чиновник из Силанез-корпорации. — Я опасался того, что этот парень любит прыгать с места на место или он умеет пользоваться подходящим случаем. Но сейчас меня это не беспокоит. Все что я хочу знать — чем именно было вызвано каждое его перемещение по работе. Даже если за двадцать лет он менял работу пять или шесть раз — это может быть даже плюсом... На самом деле если мне надо сделать выбор между двумя людьми одинаковой квалификации, то я предпочту того, кто дважды ме-

нял работу по уважительным причинам, а не того, кто все это время работал на одном и том же месте. Почему? Да потому, что он легче приспособится на новом месте». Директор административного персонала международной телефонной и телеграфной компании доктор Фрэнк Маккейб говорит: «Чем более успешно вы привлекаете людей, прибывших откуда-то, тем выше будет у вас потенциальная скорость «оборота» работников. Именно такие люди чаще увольняются с работы».

Сменяемость кадров на административном рынке имеет собственные закономерности. Так, журнал «Fortune» сообщает: «Переход ведущего административного работника приводит не только к ряду перемещений по работе, но и обычно к серии побочных передвижений. Когда босс переходит на другое место, его непосредственные подчиненные часто просят взять их с собой; если же он их не берет, то они сразу же начинают «высовывать свои щупальца в других направлениях»[14]. Неудивительно, что отчет Стэнфордского научно-исследовательского института об условиях работы в 1975 г. предсказывает: «Можно ожидать очень сильной турбулентности на уровне высокооплачиваемых служащих... атмосфера административной деятельности будет все более неустойчивой и тревожной для тех, кто ею занимается»[15].

Маневрирование с работой обусловлено не только механизмом технологических инноваций, но и новой ситуацией, открывающей новые возможности и в то же время повышающей уровень требований для самоудовлетворенности. «Человек, пришедший на работу тридцать лет назад, считал, что он будет держаться за любую работу, пока не узнает, куда он может уйти. Но сегодня люди, по-видимому, чуют, что есть и другая работа, в двух шагах отсюда», — говорит вице-президент отдела промышленных связей Филко, филиала автомобильной компании Форда. И в большинстве случаев так оно и есть.

Нередко новая работа — не просто новый работодатель, новое местоположение, новый набор сотрудников, но и совершенно новый образ жизни. Так, модель «сериальной карьеры» проявляется в росте количества людей, которые,

убедившись в возможностях, предоставляемых богатой экономикой, принимают решение сделать поворот на 180 градусов в своей деятельности именно тогда, когда многие другие просто ждут ухода на пенсию. Мы знаем специалиста по недвижимости, который оставил свою фирму, чтобы изучать социологию. Контролер рекламного агентства, проработав 25 лет на Мэдисон-авеню, приходит вдруг к выводу: «Фальшивое очарование утратило свою новизну и стало скучным. Я просто должна была избавиться от него». Она становится библиотекарем. Торговый администратор из Лонг-Айлэнда и инженер из Иллинойса оставляют свою работу, чтобы давать уроки труда. Главный художник-оформитель возвращается в школу работать по программе борьбы с нищетой.

ЧЕЛОВЕК НАПРОКАТ

Каждая перемена работы предполагает увеличение скорости, с которой другие люди проходят через нашу жизнь, и поскольку частота таких перемен растет — длительность связей уменьшается. Это особенно ярко выражается в росте популярности так называемых служб временной помощи — человеческом эквиваленте революции в области проката. Сегодня в Соединенных Штатах примерно один из каждой сотни рабочих какую-то часть года работает по найму такой службы временной помощи, которая, по существу, отдает его или ее напрокат в те области промышленности, где наблюдается временная нехватка рабочей силы.

Около 500 таких агентств в наше время обеспечивают индустрию примерно 750 000 краткосрочных работников, от секретарей до инженеров по обороне. Когда одному из отделов авиационной корпорации понадобилось 150 инженеров по дизайну для выполнения срочного правительственного контракта, он получил их от нескольких служб проката. Вместо того чтобы тратить месяцы на прием на работу такого количества специалистов, удалось собрать полный штат

незамедлительно. Люди, нанимаемые на короткое время, использовались и в период политических кампаний для работы на телефоне и ротаторе. Их призывали в случае необходимости в типографии, больницы и на промышленные предприятия. Они использовались в деятельности, связанной с исследованием общественных отношений. (В Орландо, штат Флорида, временные рабочие были наняты раздавать банкноты в один доллар в торговом центре, чтобы привлечь внимание общественности к этому центру.) Обычно же десятки тысяч таких людей выполняют рутинную офисную работу, помогая постоянному штату сотрудников в периоды перегрузки. И вот одна из служб проката объявляет в своей рекламе, что она будет арендовать служанок, шоферов, дворецких, поваров, мастеров на все руки, приходящих нянь, практикующих сиделок, водопроводчиков, электриков и людей других профессий, нужных для обслуживания домашней жизни. Она добавляет в той же рекламе: «Так же, как Герц и Авис арендуют машины...»

Аренда временных наемных рабочих и служащих для временных нужд, так же как и аренда различных физических объектов, все более распространяется по всему индустриализированному миру. Крупнейшая из служб временной помощи, компания «Мэнпауэ», начала свою деятельность во Франции в 1956 г. С тех пор она каждый год увеличивалась вдвое, и сейчас во Франции существует 256 агентств этой компании.

Люди, нанятые на работу службами временной помощи, выдвигают ряд причин, по которым они предпочитают именно такой вид работы. Вот что говорит Хоук Хаджетт, инженер-электромеханик: «Каждая работа, за которую я берусь, является авральной, и когда от меня требуется такое сильное напряжение, я работаю лучше». За восемь лет он служил в 11 различных компаниях, встречаясь, а потом расставаясь с сотнями людей, работавших вместе с ним. На самом деле для некоторых квалифицированных работников такого рода работа предоставляет даже больше гарантий безопасности, чем для служащих, считающихся постоянными, но работающих в тех областях индустрии, которые в

высшей степени подвержены изменениям. В оборонной промышленности внезапные сокращения или временная безработица столь обычны, что «постоянный» работник всегда готов к тому, что его без особого предупреждения выкинут на улицу. А «временный» инженер просто перейдет на другую должность, где его проект будет завершен.

Для большинства «временных» работников чрезвычайно важно то, что они сами могут быть инициаторами поворотов в своей жизни. Они могут работать очень много, если они этого хотят, и там, где им нравится. Для некоторых такая работа — один из способов расширить круг своих социальных контактов. Одна молодая мать, вынужденная переехать в новый крупный город, куда перевели ее мужа, чувствовала себя одинокой, когда двое ее детей были в школе. Заключив контракт со службой временной помощи, она начала работать восемь или девять месяцев в году и, переходя из одной компании в другую, смогла установить контакты с большим количеством людей, среди которых она нашла себе и друзей.

КАК ТЕРЯТЬ ДРУЗЕЙ...

Рост темпа перемены занятий и распространение арендных отношений на систему найма рабочих и служащих будет приводить к дальнейшему увеличению темпа формирования человеческих контактов и их разрыва. Однако это ускорение по-разному влияет на различные общественные группы. Так, в целом представители рабочего класса стремятся жить ближе к своим родственникам, и они в большей степени зависят от них, чем представители среднего и высшего классов. По словам психиатра Леонарда Дуль, «их родственные связи значат для них больше, и большие расстояния, для преодоления которых требуются деньги, становятся для них помехой». Представители рабочего класса, как правило, менее склонны к деятельности временного характера. Им требуется больше времени, чтобы

установить связи с другими людьми, и они не хотят их терять. Неудивительно, что они не желают менять свою работу или переезжать в другое место. Они делают это, когда вынуждены, но это редко их собственный выбор.

Напротив, отмечает тот же психиатр, «интересы представителей интеллигенции, профессорско-преподавательского состава, высших управленцев [в Соединенных Штатах] простираются в самые отдаленные точки, и поистине можно сказать, что они имеют больше функциональных отношений. Мобильность, легко дублируемые отношения и контакты, обусловленные интересом к определенным проблемам, — вот что характеризует эту группу»[16].

Увеличение способности «пропускать» через себя людей в течение жизни связано с умением не только устанавливать связи, но и разрывать их, не только объединяться, но и разъединяться. Люди, которые в наибольшей степени обладают такими адаптивными возможностями, наиболее высоко ценятся в обществе. Сеймур Липсет и Рейнгард Бендикс в своей книге «Социальная мобильность в индустриальном обществе» утверждают, что «социально мобильные представители лидеров бизнеса обнаруживают необыкновенно развитую способность рвать с теми, кто им мешает, и вступать в отношения с теми, кто может им помочь»[17].

Они разделяют мнение социолога Ллойда Варнера, полагающего, что «наиболее важным компонентом личности преуспевающих менеджеров и владельцев корпораций является то, что после разрыва глубоких эмоциональных связей с семьей, в которой они родились, они в дальнейшем не имеют привязанности к прошлому и поэтому могут легко устанавливать контакты в настоящем и будущем. Это люди, которые покинули свой дом и телом, и душой... Они легко могут вступать в контакты с другими людьми и столь же легко — прекращать их».

И еще раз в исследовании, проведенном вместе с Джеймсом Абегленом и озаглавленном «Лидеры большого бизнеса в Америке», Варнер пишет: «Прежде всего они — люди в движении. Они оставляют свои дома и все, что с этим связано. Они оставили позади себя какой-то уровень доходов

и образ жизни, чтобы приспособиться к иному способу жизни, совершенно отличному от того, что был им дан при рождении. Мобильный человек прежде всего покидает то место на земле, где он родился. Имеется в виду и дом, в котором он жил, и соседи, которых он знал, и во многих случаях даже город, штат и регион, где он появился на свет.

Этот уход в физическом смысле — лишь малая часть процесса тотального расставания, который должен испытать мобильный человек. Он оставляет и людей, и места. Должны быть забыты друзья его ранних лет жизни, ибо знакомства прошлого, в котором его статус был низким, несовместимы с его настоящим преуспевающего человека. Часто бывает забыта и церковь, к которой он принадлежал по рождению, и клубы, и окружение его семьи и его юности. Но самое важное, что он должен до какой-то степени оставить и своего отца, мать, братьев и сестер, так же как все другие человеческие привязанности своего прошлого»[18].

Но если это так, то неудивительно читать в деловом журнале написанное в бесстрастной манере руководство для вновь выдвинутого руководителя и его жены. В нем предлагается постепенно разрывать связи со своими старыми друзьями и подчиненными, чтобы свести к минимуму чувство обиды. Ему говорят, что нужно «находить логически обоснованные оправдания для того, чтобы не присоединяться ко всей группе во время кофе и ленча». Следует также «пропускать игры в шары или в карты, организуемые в отделе, но сначала делать это от случая к случаю, а потом — более часто». Приглашения, делаемые кем-либо из подчиненных, могут быть приняты, но они не должны быть взаимными; к себе домой можно приглашать лишь группу подчиненных. Через некоторое время все такие взаимоотношения надо вообще прекратить.

В руководстве отмечается, что жены — это особая проблема, поскольку они «не понимают правил этикета, принятых на службе». Преуспевающему мужу предлагают проявлять терпение по отношению к своей жене, которая может дольше сохранять старые привязанности, чем он сам. Однако, излагает один руководитель, «жена может быть

прямо-таки опасной, если она настаивает на сохранении близких дружеских связей с женами подчиненных своего мужа. В этом случае ее дружба будет создавать трения, искажать его суждения о людях, которые находятся ниже его по служебной лестнице, подвергать опасности его работу». Более того, один человек из отдела кадров указывает, что, «когда родители отходят от своих прежних друзей, то же самое делают и дети».

СКОЛЬКО НУЖНО ИМЕТЬ ДРУЗЕЙ?

Такие инструкции, говорящие, по сути дела, о том, как разрывать связи с людьми, выливают ушат холодной воды на голову тех, кто сохранил традиционные представления о том, что дружеские отношения — это надолго. Но прежде чем осуждать мир бизнеса за его чрезмерную жестокость, важно осознать, что та же самая модель человеческих отношений используется и в других слоях общества, хотя часто она и скрыта под маской лицемерных сожалений. Профессор, которого выдвинули в деканы, военный офицер, инженер, назначенный руководителем проекта, часто играют в ту же социальную игру. Более того, можно предсказать, что нечто, сходное с этой моделью, будет скоро распространяться далеко за пределы сферы труда и формальных объединений. Ибо если дружба основана на общих интересах или склонностях, то дружеские отношения не могут не преобразиться, если изменились интересы, даже если при этом социальный статус друзей остался прежним. И было бы крайне удивительно, если бы в обществе, бьющемся в судорогах самых быстрых перемен, которые когда-либо знала история, интересы отдельных людей также не менялись бы, как в калейдоскопе.

На самом деле большую часть социальной активности индивидов можно описать сегодня как поисковое поведение — неустанный процесс социального поиска, в ходе которого человек ищет новых друзей, чтобы заменить тех, кого

уже нет, или тех, с кем утрачены общие интересы. Этот круговорот побуждает людей, особенно высокообразованных, менять место жительства и устраиваться на временную работу. Ибо найти людей с одинаковыми интересами и склонностями, на основе чего и может расцвести дружба, — это непростое дело в обществе, в котором столь быстро растет специализация. Рост специализации наблюдается не только в сфере трудовой и профессиональной деятельности, но даже и в проведении свободного времени. Далеко не всякое общество может предложить такой широкий круг привлекательных и доступных способов проведения свободного времени. И чем больше различий в работе и отдыхе, тем больше выражена специализация и тем труднее найти подходящих друзей.

Так, по оценкам профессора Саржент Флоранс, в Великобритании в наше время требуется минимум 1 000 000 человек, чтобы профессиональный рабочий мог найти среди них 20 друзей со сходными интересами. Женщина, которая стремится поступить на временную работу с целью найти себе друзей, поступает в высшей степени разумно. Благодаря увеличению количества людей, с которыми она вступает в рабочие контакты, она повышает математическую вероятность обнаружить тех немногих, кто имеет с ней сходные интересы и наклонности[19].

Мы выбираем друзей из очень большого круга знакомых. Михаил Гуревич из Массачусетского технологического института провел исследование, в ходе которого он просил участников опроса проследить за всеми своими контактами с различными людьми в течение 150 дней. В среднем каждый назвал около 500 имен. Социальный психолог Стэнли Милгрэм, который провел ряд потрясающих экспериментов, касающихся коммуникативных отношений, говорит, что у каждого американца от 500 до 2500 знакомых[20].

На самом деле, как полагает профессор Флоранс, у большинства людей менее 20 друзей, хотя он определяет дружбу, вероятно, менее строго, чем обычные люди. При опросе 39 супружеских пар, относящихся к среднему классу, в Линкольне, штат Небраска, их просили перечислить своих друзей. Цель этого исследования была — выяснить, кто в семье

(муж или жена) сильнее влияет на выбор друзей для всей семьи. Исследование показало, что средняя супружеская пара насчитала примерно семь «дружеских единиц», представленных или отдельными людьми, или супружескими парами. Следовательно, количество людей, считающихся друзьями средней супружеской пары, могло колебаться от 7 до 14. Их значительная часть проживала в другом месте, и тот факт, что жены назвали таких друзей больше, чем их мужья, говорит о том, что они менее склонны забывать своих друзей после переезда на другое место. Короче говоря, мужчины, по-видимому, обладают большим мастерством в разрыве сложившихся взаимоотношений, чем женщины[21].

ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ ВЫСОКИМ ТЕМПАМ ИЗМЕНЕНИЙ

В наши дни обучение тому, как надо «отсоединяться» и «прекращать контакты» с людьми, начинается весьма рано. Можно сказать, что этот показатель представляет собой одно из главных различий между поколениями, ибо сегодня дети школьного возраста испытывают в своих классах очень высокую скорость перемен. Согласно данным Лабораторий по анализу педагогических условий, созданных Фордом Фаундэйшн, «стало вполне обычным, если в городской школе состав учеников в классе меняется наполовину в течение года»[22]. Эта исключительно высокая скорость перемен не может, конечно, не повлиять на детей.

Уильям Уайт указывал в своей книге «Организационный человек» («The Organization Man»), что такая мобильность «очень сильно влияет как на учителей, так и на учеников, ибо учителя при этом лишаются того чувства удовлетворения, которое у них возникает при наблюдении за развитием ребенка»[23]. Однако эта проблема осложняется сегодня еще и тем, что сами учителя меняются очень часто. Это справедливо не только для Соединенных Штатов, но и для других стран. Так, в отчете по Англии утверждается: «Сейчас нередко даже в средней школе ребенок изучает один

и тот же предмет у двух или трех разных учителей в течение одного года. И если преданность учителей школе столь мала, то какой же преданности можно ждать от детей? Если большая часть учителей готовится уйти на лучшую работу, перейти в лучший район, то они будут меньше заботиться о детях и меньше уделять им внимания». Можно только догадываться, как повлияет все это на жизнь детей.

Современное исследование студентов высшей школы, проведенное Гарри Муром из Денверского университета, показало, что результаты тестовых испытаний детей, менявших свое местожительство от одного до десяти раз, не отличались существенно от результатов тех детей, которые все время учились в одной и той же школе. В то же время у детей, которые переезжали с места на место, отмечена определенная тенденция — они избегают участия в добровольных школьных мероприятиях, таких как клубы, спортивные занятия, самоуправление учащихся и другие виды внепрограммной деятельности. Это выглядит так, будто они хотят, насколько это возможно, уклониться от связей, которые все равно должны будут скоро прекратиться; короче говоря, они хотят замедлить поток людей, проходящих через их жизнь[24].

Насколько быстро дети или взрослые — это не так важно — должны устанавливать и разрывать отношения с людьми? Может быть, существует какая-то оптимальная скорость, превышение которой представляет для нас угрозу? Этого никто не знает. Однако если к этой картине уменьшающейся длительности человеческих отношений мы добавим такой фактор, как разнообразие этих отношений (признание того, что каждая новая связь с людьми требует от нас особой формы поведения), то становится совершенно ясно одно: чтобы успешно приспосабливаться к постоянно возрастающим переменам в вашей личной жизни, нужен иной уровень адаптации, который никогда ранее не требовался от человека.

Объединим все вышеизложенное с высокоскоростным «пропусканием через себя» мест, вещей и людей, и тогда мы начнем слегка понимать, насколько сложное поведение требуется от людей сегодня. Очевидно, что логическим за-

вершением того направления, в котором мы сейчас движемся, должно быть общество, основанное на системе временных встреч и совершенно новой нравственности, исходящей из того убеждения, которое в столь краткой форме было высказано одной студенткой в Форте Лодердейл: «по правде говоря, вы никогда не встретите этих людей еще раз». Нелепо предполагать, что в будущем нас не ждет ничего, кроме прямолинейной проекции тех тенденций, которые имеются в настоящем, и что поэтому мы вынужденно придем к предельно кратковременным человеческим отношениям. В то же время есть смысл попытаться распознать то направление, в котором мы движемся.

Вплоть до настоящего времени большинство из нас исходило из предположения, что временные отношения между людьми поверхностны, и только длительно сохраняющиеся связи могут перейти в истинное взаимопонимание. По-видимому, такое предположение ложно. По-видимому, и целостные, немодульные отношения между людьми могут развиваться гораздо быстрее в быстро меняющемся обществе. Может быть, станет более быстрым формирование истинно дружеских отношений между людьми и процесс взаимопонимания. Пока этого не произошло, и в ушах звучит все тот же навязчивый вопрос: «Не является ли Форт Лодердейл нашим будущим?»

Итак, мы выяснили, что по отношению ко всем трем очевидным компонентам ситуации — людям, местам и вещам — скорость перемен увеличивается. Теперь самое время посмотреть те скрытые от глаз факторы, столь же важные для формирования нашего жизненного опыта, — информацию, которой мы пользуемся, и организационные рамки, внутри которых протекает наша жизнь.

---

[1] Ссылки на Вебера, Зиммеля и Вирта взяты из [239], с. 70–71.

[2] Кокс об ограниченной степени вовлеченности: [217], с. 41–46.

[3] О количестве людей, живших до нашего времени, см.: Nathan Keyfitz, How Many People Lived on Earth? // Demography, 1966, vol. 3, № 2, с. 581.

[4] Концепция интегратора и цитата взяты из книги: Robert Gutman, Population Mobility in the American Middle Class, [241], с. 175–182.

[5] Данные по «Крествудским Высотам» — из [236], с. 365.

[6] Цитата из Барта — см.: [216], с. 13–14.

[7] Обзор журнала «Fortune» — [84], с. 136–155.

[8] Я признателен Marvin Adelson, в то время ведущему научному сотруднику в System Development Corp., за идею траекторий трудовой деятельности.

[9] Цитата из Райса — см.: A. K. Rice, An Examination of the Boundaries of Part-Institutions // Human Relations, 1951, vol. 4, № 4, с. 400.

[10] Перемена работы в среде ученых и инженеров обсуждается в книге: Albert Shapero, Richard P. Howell, James R. Tombaugh, An Exploratory Study of the Structure and Dynamics of the R&D Industry // Menlo Park, California: Stanford Research Institute, 1966, с. 117.

[11] Данные о Вестингхаузе — см.: Thomas J. Watson, Jr., Creativity: A Major Business Challenge // Columbia Journal of World Business, Fall, 1965, с. 32.

[12] Данные о текучести работников в рекламной сфере в Англии — см.: W.W. Daniel, The Rat Race // New Society, April 14, 1966, с. 7.

[13] Цитата взята из: Harold F. Leavitt, Are Managers Becoming Obsolete? // Carnegie Tech Quarterly, November, 1963.

[14] Цитаты должностных лиц компании взяты из: Seymour Freedgood, The Churning Market for Executives, Fortune, September, 1965, с. 152, 236. См. также: [84], с. 71.

[15] Ссылка на отчет Стэнфордского научно-исследовательского института — см.: [183], с. 148.

[16] Различия в мобильности разных слоев общества обсуждаются в: Leonard Duhl, The Human Measure, [51], с. 138; Leonard Duhl, Urban Design and Mental Health // AIA Journal, March, 1961, с. 48.

[17] Липсет и Бендикс — см.: [242], с. 249.

[18] Цитаты из Варнера — см.: [350], с. 51; [96], с. 62.

[19] Оценка Флоранса взята из: The Pattern of Cities to Come, New Society, March 10, 1966, с. 6.

[20] Об исследованиях Гуревича и данных Милгрэма — см.: Stanley Milgram, The Small-World Problem // Psychology Today, May, 1967, с. 61–67.

[21] Об исследовании, проведенном в штате Небраска, — см.: Nicholas Babchuk, Alan P. Bates, The Primary Relations of Middle-Class Couples, [122], с. 126.

[22] О текучести состава учеников в классе — см.: The Schoolhouse in the City, a report by the Educational Facilities Laboratories, Inc., 1966, с. 8.

Не следует путать с [115].

[23] Цитата из Уайта — см.: [197], с. 383.

[24] Исследование Мура упоминается в: American Education, April, 1967.

Интересная заметка о явлении временности, быстротечности сегодняшней жизни — в бюллетене местного отдела фермерского хозяйства за лето 1969 г. (приводится в «Difficult but Possible Supplement to Whole Earth Catalog», Sept., 1969, p.23):

«Я надеюсь, что на этой неделе ферма достигла своего самого низкого показателя за лето, потому что, если спад продлится, мне негде будет жить... Я думаю об этом доме как моем временном жилье. Я люблю, чтобы в моем доме не было разбитых стекол и ненужных бумаг, чтобы инструменты и запасы лежали на своих местах, я люблю принимать гостей, ухаживать за своими животными... Однако здесь все не так...

Наш средний фермер говорит самому себе: «Я здесь в гостях (на день, неделю, месяц или год), и на самом деле я не часть этой фермы, а просто гость, и не могу сделать ничего существенного, чтобы изменить ситуацию на ферме»... Я думаю, что ключ к решению этой проблемы вот в чем: СТАБИЛЬНОСТЬ ПРИВОДИТ К ЧУВСТВУ ОБЩНОСТИ.

У нас здесь очень не развито чувство общности... Это — распад общества. Естественные качества, формируемые семьей (помощь друг другу, совместный труд, чувство любви и нежности), вытесняются эгоистическими наклонностями... Я считаю, что этот распад, это ощущение, что мы — просто свиньи у кормушки, обусловлены НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ.

Когда какая-нибудь стабильная группа из десяти человек живет вместе неделями, естественные силы работают на чувство общности. Когда на ферме более 20% туристов, когда семейная жизнь разрушается каждые один-два дня разными отъездами и приездами — тогда я не вижу никакой надежды».

Глава 7

ОРГАНИЗАЦИИ: ГРЯДУЩАЯ АДХОКРАТИЯ*

Один из наиболее стойких мифов о будущем рассматривает человека как беспомощную мелкую сошку, «винтик» внутри огромной организационной машины. В этом кошмарном прогнозе каждый человек видится замороженным внутри узкой и неизменной в своих размерах ниши в некоем бюрократическом крольчатнике или муравейнике. Стены этой ниши выдавливают наружу его индивидуальность, уничтожают его личность, заставляют его в конце концов или приспособиться к ним, или погибнуть. Поскольку очевидно, что организации все время растут и становятся все более мощными, то будущее, согласно этим прогнозам, грозит превратить всех нас в самые ничтожные создания, в бесхребетных и безликих функционеров.

Это пессимистическое пророчество завладело умами людей, особенно молодых. Страх перед бюрократией, вбитый им в головы потоком кинофильмов, пьес и книг, сочинениями известных авторов — от Кафки и Оруэлла до Уайта, Маркузе и Эллюля, — этот страх пронизывает все их мысли. В Соединенных Штатах каждый человек «знает», что именно безликие бюрократы изобрели такие длинные телефонные номера, они рассылают открытки, на которых написано «не сгибать, не вытягивать, не портить», они неустанно дегуманизируют образование, с ними невозможно бороться в Сити Холл. Страх быть проглоченным этим механизированным чудовищем толкает руководителей на бесконечные самопроверки, а учащихся — на вспышки протеста.

Эта проблема вызывает так много эмоций, поскольку несомненно, что организация — неизбежный компонент всей нашей жизни, как связь человека с вещами, местами и другими людьми. Каждое действие, совершаемое человеком, происходит не только в определенном географическом локусе, но и в некоем организационном локусе, в особом локу-

* От *ad hoc (лат.)* — «для этого», «применительно к этому», (специально) для этого случая, для определенного случая. — *Примеч. ред.*

се, находящемся внутри незримой географии человеческой организации.

Таким образом, если ортодоксальные социальные критики правы в своих предсказаниях относительно регламентированного супербюрократического будущего, мы уже сейчас должны возводить баррикады, портить ЭВМ, использовать каждую возможность для разрушения организационного аппарата. Однако если мы отодвинем в сторону наши концептуальные схемы и обратимся к фактам, то обнаружим, что бюрократия — та система, которая, как говорят, скоро сокрушит нас своей тяжестью — сама по себе страдает под бременем изменений.

Эти критики необдуманным образом проецируют в будущее как раз те формы организации, которые с наименьшей вероятностью будут доминировать завтра. Ибо мы являемся свидетелями не только триумфа, но и распада бюрократии. Мы присутствуем при рождении новой системы организации, которая будет все более соперничать с бюрократией и в конце концов займет ее место. Это — организация будущего, которую я называю «ад-хок-ратией».

Пытаясь приспособиться к новому стилю организации, человек встретится с огромным количеством трудностей. Но он увидит себя не заключенным в узкую щель, уничтожающую его личность, а освобожденным, странствующим в мире кинетической организации с новой, свободной формой. В этом незнакомом пейзаже его позиция станет постоянно меняющейся, текучей, разнообразной. И его организационные связи, так же как его связи с вещами, местами и людьми, будут обновляться с огромной и постоянно увеличивающейся скоростью.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И НЕБОЛЬШИЕ ГРУППЫ ПО ИНТЕРЕСАМ

Прежде чем мы сможем понять значение этого необычного термина — «адхократия», — необходимо осознать, что не все организации являются бюрократическими. Существу-

ют альтернативные способы организовать людей. Бюрократия, как указал Макс Вебер, стала основным способом человеческой организации на Западе лишь с приходом индустриализма.

Здесь не место детально описывать все свойства бюрократии, но нам представляется важным отметить три основных факта. Во-первых, в этой специфической системе организации индивид традиционно занимал вполне определенное место в системе разделения труда. Во-вторых, он был вписан в некую вертикально ориентированную иерархию: цепь указаний исходила сверху вниз — от босса и вплоть до занимающего самое низкое положение слуги. В-третьих, эти организационные отношения, как подчеркивал Вебер, стремятся к постоянству[1].

Поэтому каждый индивид заполнял собой строго определенное место, занимал некую фиксированную позицию в составе более или менее фиксированной окружающей обстановки. Он знал совершенно точно, где кончается его отдел и где начинается соседний; демаркационные линии между организациями и их подструктурами были жестко определены в пространстве. Присоединяясь к какой-либо организации, человек брал на себя ряд обязательств в обмен на определенное вознаграждение. Эти обязательства и вознаграждения оставались неизменными в течение больших отрезков времени. Таким образом, индивид находился в относительно постоянной паутине отношений не только с другими людьми (которые также стремились сидеть в своих щелях подольше), но и с организационным каркасом, самой структурой организации.

Некоторые из этих структур устойчивее других. Католическая церковь — это стальной каркас, который сохраняется в течение 2000 лет, причем некоторые из его внутренних подструктур остаются фактически неизменными в течение столетий. Нацистская партия в Германии сумела утопить в крови Европу, и все же как формальная организация она существовала меньше четверти века.

Как организации могут сохраняться в течение длительных или коротких периодов, так и отношения индивидов с

какой-либо специфической организационной структурой могут быть более или менее длительными. Так, привязанность человека к определенному ведомству, отделу, политической партии, правлению, клубу или чему-то подобному имеет свое начало и конец во времени. То же справедливо по отношению к его членству в неформальных организациях — каких-либо группировках, фракциях, компаниях, встречающихся во время короткого перерыва на работе, и т. п. Его связь возникает тогда, когда он берет на себя обязанности члена какой-либо организации, просто присоединяясь к ней или записываясь в нее. Его связь с ней заканчивается, когда он покидает ее или освобождается от выполнения своих обязательств или когда сама организация перестает существовать.

Так происходит, конечно, тогда, когда организация формально распускается. Это бывает, когда ее члены просто утрачивают интерес к ней и перестают в ней участвовать. Однако организация может «прекратить свое существование» и в другом смысле. На самом деле организация — это не что иное, как собрание человеческих намерений, ожиданий и обязанностей. Другими словами, это некая структура ролей, заполненных людьми. И когда реорганизация резко меняет эту структуру путем изменения значения этих ролей или их перераспределения, мы можем сказать, что старая организация умерла, а на ее месте возникла новая. Это верно даже в том случае, если сохраняется старое название и остаются старые члены. Перестановка ролей создает новую структуру, как перестановка подвижных стен внутри здания превращает *его* в новую структуру.

Отношение между личностью и организацией разрывается по следующим причинам: человек выходит из организации, организация расформировывается или трансформируется путем реорганизации. Когда случается последнее, т. е. реорганизация, то индивид порывает свои связи со старой, знакомой ему, но более не существующей структурой и вступает в отношения с новой, которая заняла ее место.

Сегодня все возрастающее количество данных говорит о том, что длительность отношений человека с организацией

становится меньше, а сами отношения обновляются все быстрее. И мы увидим, что несколько мощных сил, включая и этот, на первый взгляд, простой факт, обрекают бюрократию на разрушение.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Было время, когда штаты, или табельный список организации, представляли собой четко выстроенную серию ящиков, в каждом из которых содержались сведения о служащем и тех организационных субъединицах, за которые он отвечал. Бюрократическая организация любого размера, будь это корпорация, университет или правительственное учреждение, имела свой собственный табельный список, обеспечивая своих администраторов детально разработанной картой организационной «топографии». Нарисованная однажды, такая карта становилась фиксированным компонентом книги приказов организации и находилась в употреблении многие годы. В наше время организационные границы меняются столь часто, что табельный список трехмесячной давности часто рассматривается как исторический артефакт, что-то вроде свитков Мертвого моря.

Сейчас организации меняют свою внутреннюю форму с такой частотой, а иногда и стремительностью, что от этого кружится голова. Названия меняются почти каждую неделю. Работа трансформируется. Ответственность меняется. Огромные организационные структуры разделяются, снова как бы скрепляются болтами, но в новых формах, затем снова перестраиваются. Ведомства и отделы возникают за одну ночь только затем, чтобы тут же исчезнуть в ходе следующей и следующей за ней реорганизации.

В какой-то мере эта лихорадочная перетасовка связана с потоком объединения и разъединения банков, предприятий и т. п., который несется сейчас по Соединенным Штатам и Западной Европе. Конец 60-х годов продемонстрировал

огромную катящуюся волну приобретений, рост гигантских конгломератов и разнообразных корпоративных монстров. 70-е годы стали свидетелями столь же могучей волны разоблачений и вслед за тем — реквизиций: компании стремятся консолидировать и освоить новые субсидии, а затем сбывают то, что представляется бесперспективным. Между 1967 и 1969 гг. Квестор-Корпорация (Questor Corporation, бывшая Dunhill International, Inc.) скупила восемь компаний и продала пять. Другие корпорации поступали примерно так же. Как говорит консультант по менеджменту Алэн Зэкон, «в перспективе таких кругооборотов с отдельными структурами будет еще больше»[2]. Поскольку потребительский рынок сильно меняется, компании вынуждены постоянно подстраиваться под него.

За такими корпоративными сделками почти неизбежно следуют внутренние реорганизации, которые, однако, могут быть вызваны и многими другими причинами. Недавно в течение трех лет по меньшей мере 66 из 100 крупнейших индустриальных компаний в Соединенных Штатах публично сообщили о крупных организационных перетряхиваниях. Но это лишь видимая верхушка всем известного айсберга. Происходит куда больше реорганизаций, чем об этом сообщается. Большинство компаний пытается избежать паблисити в период перестройки своей организации. Кроме того, небольшие и частичные реорганизации происходят постоянно на уровне отделов или более низком уровне, и на них смотрят как на столь мелкие или не важные, что они вообще не достойны упоминания.

«Мое собственное наблюдение как консультанта, — говорит Д. Р. Дениэл, служащий одной крупной фирмы, консультирующей по вопросам менеджмента, — что одна крупная реструктуризация каждые два года — это, вероятно, скромная оценка скорости организационных изменений среди крупнейших индустриальных корпораций в наше время. Наша фирма провела в прошлом году свыше 200 организационных исследований для отечественных корпоративных клиентов, а за пределами Соединенных Штатов аналогичные организационные проблемы составляют даже

большую часть нашей работы»[3]. Более того, добавляет он, нет никаких признаков какого-либо выравнивания ситуации. Если что и происходит, так это рост частоты организационных переворотов.

Кроме того, эти изменения идут все дальше, возрастая по своей силе и размаху. Профессор Л. Е. Грейнер из Гарвардской высшей школы деловой администрации говорит так: «Несколько лет назад цель организационных изменений ограничивалась какой-либо маленькой рабочей группой или одним отделом... сейчас, однако, в фокусе находится вся организация как целое, и нередко ставится задача сразу реорганизовать многие отделы и уровни и даже высшую администрацию». Он называет «революционными» попытки трансформировать организацию «на всех уровнях управления»[4].

Если установленный раз и навсегда табельный список не может сохраниться даже в индустрии, тогда то же самое становится все более и более справедливым в отношении крупных правительственных органов. Вряд ли в технологически развитых странах существует важное министерство или департамент, которые не претерпели бы в последнее время ряд организационных перемен. В Соединенных Штатах за период с 1913 по 1953 г., несмотря на депрессию, войну и другие социальные потрясения, к правительственным структурам не прибавилось ни одного нового ведомства на уровне кабинета министров. Однако в 1953 г. Конгресс учредил министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения. В 1965 г. он создал министерство жилищного строительства и городского развития. В 1967 г. появилось министерство транспорта, объединившее в себе функции 30 различных служб; примерно в то же время президент объявил о слиянии министерства труда и министерства торговли.

Такие перемены внутри правительственных структур наиболее заметны, но организационный тремор ощущается и во всех ведомствах более низкого уровня. Действительно, внутренняя реорганизация стала повседневным явлением в Вашингтоне. В 1965 г., когда Джон Гарднер стал министром здравоохранения, образования и социального обеспечения, и

перестройка сверху донизу потрясла это министерство. Ведомства, бюро и отделы перекраивались с такой скоростью, что давние служащие министерства пришли в состояние полного умственного истощения. (Когда эта перетряска достигла своего апогея, одна служащая, с которой я дружил, каждое утро, уходя на работу, оставляла своему мужу записку. В записке был ее номер телефона на *этот* день. Перемены происходили так часто, что у нее не было постоянного телефонного номера.) Те, кто пришел вслед за мистером Гарднером, продолжали переделывать организацию, и к 1969 г. Роберт Финч, проработав в министерстве 11 месяцев, произвел еще одну крупную ревизию, придя в конце концов к заключению, что министерство в том виде, в котором оно ему досталось, чересчур громоздко и неуправляемо.

В небольшой, но имевшей принципиальное значение книжке «Самообновление», написанной незадолго до прихода в правительство, Гарднер утверждал: «Дальновидный администратор... проводит реорганизацию, чтобы разрушить закостеневшие организационные границы. Он передвигает сотрудников с места на место... Он пересматривает саму работу, чтобы лишить ее чересчур жестких рамок»[4]. В другом месте Гарднер говорит об «организационном кризисе» в правительстве и предполагает, что и в общественном, и в частном секторах «большинство организаций имеют такую структуру, которая предназначена для решения уже не существующих проблем». Он дает определение «самообновляющейся» организации — организации, постоянно меняющей свою структуру в ответ на меняющиеся потребности.

Гарднеровская идея означает призыв к перманентной революции в организационной жизни, и все больше умудренных опытом управленцев начинают осознавать, что в мире, подверженном постоянно нарастающим переменам, реорганизация является и должна быть не травматическим актом, совершающимся один-единственный раз в жизни, а постоянным процессом. Это понимание распространяется и за пределами корпораций и правительственных органов. Так, газета «Нью-Йорк таймс» в том же номере, в котором сообщается о предполагаемых слияниях производств, выпускающих пласт-

массы, фанеру и бумагу, сообщает и о крупном административном перевороте в Британской широковещательной корпорации, о полном обновлении структуры колумбийского университета и даже полной реорганизации наиболее консервативного учреждения — художественного музея Метрополитен в Нью-Йорке. Вся эта деятельность не случайна, она представляет собой историческое движение. Организационное изменение — самообновление, как это называет Гарднер — это необходимая, неизбежная реакция на ускорение социальных перемен.

Для индивидов, находящихся внутри этих организаций, перемены создают совершенно новый климат и новый круг проблем. Изменчивость организационной структуры означает, что связь индивида с какой бы то ни было структурой (а такая связь предполагает ряд обязательств человека перед организацией и систему поощрений его деятельности со стороны организации) становится усеченной, кратковременной. При каждой перемене он должен переориентироваться. В наши дни «усредненному» человеку приходится часто перестраиваться, поскольку он пытается проникнуть из одной подструктуры в другую. Но даже если он остается в том же самом ведомстве, то часто обнаруживает, что оно само изменилось, перейдя на какой-либо весьма подвижный табельный лист, так что его привычное место внутри этого лабиринта тоже стало другим.

В результате этого отношения между человеком и организацией сегодня имеют тенденцию меняться такими быстрыми шагами, как никогда ранее. В среднем эти отношения менее постоянны, или более временны, чем когда бы то ни было раньше.

НОВАЯ АДХОКРАТИЯ

Высокая скорость обновления символизируется наиболее драматично в быстром росте феномена, который управленцы называют «проектным» или «оперативным» менеджментом.

Люди собираются вместе, чтобы решить определенные краткосрочные задачи. После этого, точно так же, как это бывает с мобильными спортивными площадками или площадками для игр, происходит «разборка» этих структур, в том числе и людей, которые в них входили. Иногда такие команды создаются весьма наспех и всего лишь на несколько дней, иногда они работают в течение нескольких лет. Однако в отличие от функциональных ведомств и подразделений традиционной бюрократической организации, которые рассчитаны на постоянное существование, эти проектные, или оперативные, структуры являются временными по самой своей сути.

Когда авиационная корпорация «Локхид» добилась успеха в подписании спорного контракта, связанного со строительством 58 гигантских военных транспортных самолетов С-5А, то для этой цели специально была создана новая организация в 11 000 человек. Чтобы завершить выполнение многомиллионного заказа, корпорация должна была координировать работу не только своих людей, но и тех, кто входил в сотни фирм-субподрядчиков. В итоге для производства более чем 120 000 отдельных деталей, необходимых для каждого из этих гигантских самолетов, потребовалось участие 6000 различных компаний. Проектная организация локхидовской корпорации, созданная для этой цели, имеет свою собственную администрацию и сложную внутреннюю структуру.

Первый самолет С-5А появился в марте 1969 г., в точном соответствии с намеченным сроком, через 29 месяцев после подписания контракта. Последний из 58 транспортных самолетов должен быть выпущен через два года. Следовательно, вся эта внушительная организация, созданная для выполнения данной работы, имела запланированный срок жизни в пять лет. То, что мы видим на этом примере, — не что иное, как создание организационной структуры с ограниченным сроком использования — что-то вроде бумажного платья или одноразового полотенца.

Проектные организации широко распространены в авиакосмической индустрии. Когда какому-либо ведущему производителю удается добыть крупный заказ от Агентства

национальной аэронавтики и космоса, он собирает команду примерно из сотни человек из различных функциональных подразделений компании. Проектная команда работает примерно полтора года до официальной заявки правительства, чтобы собрать данные и проанализировать предстоящую работу. Когда наступает время подготовить формальную заявку, называемую в индустрии «предложением», тогда команда, работавшая над его подготовкой, распускается, а ее участники возвращаются в свои функциональные подразделения. Затем набирается новая группа людей для того, чтобы написать истинное «предложение».

Команды для написания предложения работают вместе всего лишь несколько недель. Как только предложение принимается, команда сразу же распускается. Когда происходит подписание контракта (если оно происходит), то последовательно создаются различные новые структуры, осуществляющие разработку и, наконец, производство требуемых товаров. Некоторые работники в течение этого процесса присоединяются к различным проектным командам. Однако, как правило, люди принимаются на работу лишь на ограниченное время, соответствующее одной или нескольким стадиям выполнения проекта.

Хотя такая форма организации широко применяется именно в аэрокосмических компаниях, она все больше начинает использоваться и более традиционными видами промышленности. Ее берут на вооружение тогда, когда требуется решение нерутинной задачи, когда требуется одноразовая организация.

Как отмечает «Business Week», «буквально через несколько лет проектный менеджер станет совершенно обычным явлением». Проектная организация управления стала признаваться особым искусством управления, и уже имеется небольшая, но постоянно растущая группа менеджеров (как в Соединенных Штатах, так и в Европе), переходящих от проекта к проекту, из одной компании в другую, нигде не задерживаясь надолго для выполнения рутинных или долгосрочных операций. Начинают появляться и книги по проектному или оперативному менеджменту. А командование

военно-воздушными силами США в Дэйтоне, штат Огайо, организует школу подготовки персонала для проектного менеджмента.

Оперативные группы и другие *ad hoc* структуры в настоящее время распространяются внутри правительственной и деловой бюрократии как в Соединенных Штатах, так и в других странах. Кратковременные команды, члены которых собираются вместе только для решения какой-нибудь отдельной задачи, особенно типичны для современной науки; они помогают объяснить динамичные свойства научных коллективов. Члены таких команд постоянно находятся в движении, если не буквально в пространстве, то в организационном движении.

Джордж Козмецкий, соучредитель компании Теледин, а в настоящее время декан школы бизнеса в Техасском университете, проводит различие между «рутинными» и «нерутинными» организациями. Последние наиболее часто пытаются разрешить какую-то одну проблему. Он приводит статистику, показывающую, что нерутинный сектор (к которому он относит правительственные агентства и многие компании, связанные с передовой технологией) растет столь быстро, что к 2001 г. он будет охватывать 65% всей рабочей силы в Соединенных Штатах. Организации, входящие в этот сектор, — это именно те организации, которые сильнее всего полагаются на краткосрочные команды и оперативные задачи[5].

Очевидно, что в идее собирать группу людей для решения какой-либо особой задачи, а затем «демонтировать» ее после выполнения задачи нет ничего нового. Новое заключается в той частоте, с которой организации вынуждены прибегать к созданию таких временных структур. Кажущиеся постоянными структуры многих крупных организаций — нередко именно *потому*, что они противостоят переменам — сейчас в большой степени пронизаны этими временными ячейками.

Рост временных организаций может показаться не имеющим особого значения, если смотреть на него поверхностно. Однако такой способ управления разрушает традиционные представления об организации, состоящей из более или менее

постоянных образований. Организации, прекращающие свое существование после выполнения задачи, *ad hoc* команды или комитеты, т. е. структуры, специально создаваемые для определенной цели, не обязательно замещают устойчивые функциональные образования, но они меняют их до неузнаваемости, лишая их людских резервов и власти. Сегодня там, где продолжают свое существование функциональные подразделения, внутри них возникает, а затем исчезает все больше и больше проектных команд, оперативных организационных структур и т. п. И люди не заполняют раз и навсегда одни и те же, созданные для них пазы или щели, а движутся взад-вперед с весьма высокой скоростью. Часто они сохраняют свой функциональный «дом», но то и дело уходят из него, чтобы стать участником временных объединений.

Таким образом, мы видим, что этот процесс, повторяющийся достаточно часто, меняет верноподданнические чувства людей, изменяет поведение начальства, увеличивает скорость, с которой индивиды вынуждены приспосабливаться к организационным переменам. В данный момент важно осознать, что рост *ad hoc* образований — следствие нарастания перемен в обществе в целом.

Пока общество относительно стабильно и неизменно, оно обычно ставит перед людьми проблемы рутинные и предсказуемые. В такой обстановке и организации могут быть относительно постоянными. Но если перемены ускоряются, появляется все больше и больше новых, впервые возникающих проблем, то традиционные формы организации уже не могут соответствовать новым условиям и не могут справляться с проблемами. Пока дела обстоят так, говорит доктор Доналд А. Шон, президент Организации по социальным и техническим инновациям, нам нужно создавать «саморазрушающиеся организации... множество автономных, полуприкрепленных структур, которые можно... разрушить, с которыми можно распрощаться, когда потребность в них исчезла»[6].

Традиционные структуры функциональной организации, созданные для работы в не отличающихся новизной, предсказуемых условиях, оказываются неспособными эффектив-

но реагировать на радикальные изменения окружающей обстановки. Таким образом, временные структуры создаются тогда, когда организация как целое борется за то, чтобы сохранить себя и обеспечить себе возможность роста. Этот процесс — точная аналогия того, что в архитектуре известно как сдвиг к модуляризму. Раньше мы определяли модуляризм как попытку придать большую долговечность целой структуре за счет сокращения срока жизни ее компонентов. Это применимо и к организации; таким образом можно объяснить рост числа недолговечных, отбрасываемых, когда в них отпадает надобность, организационных компонентов.

Поскольку ускорение продолжается, организационные реконструкции становятся постоянными. Согласно Бернарду Муллер-Тиму, консультанту по менеджменту, новая технология в комбинации с прогрессивными методами управления создает совершенно новую ситуацию. Он говорит: «То, что находится сейчас в нашей власти, — это такой вид продуктивной способности, который содержит в себе массу информации, поэтому в своих лучших проявлениях он отличается исключительной гибкостью; если кому-либо это будет нужно, то есть возможность производить полную реорганизацию промышленного предприятия каждый час». А то, что справедливо для предприятия, в еще большей степени применимо к организации как целому.

Короче говоря, можно ожидать, что организационная топография супериндустриального общества будет все более кинетической, полной завихрений и перемен. Чем быстрее меняется окружающая обстановка, тем короче время жизни организационных форм. В административной структуре, как и в архитектурной, мы движемся от форм, выдерживающих испытание временем, к временным формам, мы движемся от постоянства к быстротечности. Мы находимся на пути от бюрократии к адхократии.

Таким образом, давление, оказываемое ускорением, преобразуется в организацию особого сорта. Постоянство, одна из отличительных особенностей бюрократии, разрушается, и мы вынуждены сделать неумолимый вывод: связи челове-

ка с невидимой организационной топографией становятся все более и более текучими, точно так же, как его отношения с вещами, местами и людьми, входящими в эти постоянно меняющиеся организационные структуры. Как новые кочевники, люди мигрируют с места на место, из одной организационной структуры в другую.

КРУШЕНИЕ ИЕРАРХИИ

Происходит и кое-что еще, а именно — революционный сдвиг в отношениях с властью. Дело не только в том, что крупные организации вынуждены менять свою внутреннюю структуру и создавать временные образования, но и в том, что им все труднее сохранять свою систему командных отношений.

Думать, будто в наше время работники сферы промышленности или правительства на самом деле «участвуют» в управлении своими предприятиями, независимо от того, идет ли речь о капиталистических, социалистических или коммунистических странах, думать так — значит смотреть на действительность сквозь розовые очки. И все же есть свидетельства того, что бюрократические иерархии, отделяющие тех, кто «принимает решения», от тех, кто их выполняет, находятся в процессе изменения или разрушаются.

Этот процесс заметен в промышленности, где, согласно профессору Уильяму Риду из Высшей школы бизнеса при университете МакГилл, иерархическая организация разрушается «давлением, которому невозможно противостоять». Он заявляет, что «центральная, самая важная, решающая деятельность организаций все больше переходит от прямых отношений верх — низ к отношениям, направленным как бы «вбок»[7]. Такой сдвиг — подлинная революция в организационной структуре и человеческих отношениях. Ибо люди, общающиеся друг с другом таким образом, т. е. примерно на одном и том же уровне организации, ведут себя иначе,

работают, испытывая совсем не то давление, чем те, кто находится внутри иерархической системы верх — низ.

Для наглядности давайте посмотрим на типичную обстановку, в которой действует традиционная бюрократическая иерархия. В молодости я работал пару лет помощником слесаря-монтера в литейном цехе. Здесь, в огромной темной пещере здания, трудились тысячи людей, создавая автомобильные картеры. Сцена была как у Данте — дым и копоть оседали на наших лицах, черная грязь покрывала пол и пронизывала воздух, резкий, удушливый запах серы и сжигаемого песка опалял ноздри. Сверху скрипучий конвейер доставлял красные горячие болванки и капал горячим песком на стоящего внизу человека. Повсюду летали искры расплавленного железа, сияло желтое пламя огней, была слышна безумная какофония звуков: крики людей, грохот цепей, пронзительный свист сжатого воздуха, глухие удары прокатных станов.

Для постороннего человека эта сцена казалась хаотичной. Но те, кто был внутри, знали, что все здесь тщательно организовано. Здесь доминировал бюрократический порядок. Люди все время делали одну и ту же работу. Каждая ситуация регулировалась своими законами. И каждый человек знал совершенно точно, какое место он занимает в вертикальной иерархии, которая простиралась от самого низкооплачиваемого рабочего до невидимых «они», занимавших роскошные управленческие апартаменты в другом здании.

В том огромном ангаре, где мы работали, что-нибудь постоянно делалось не так. Мог выгореть какой-нибудь подшипник, какой-нибудь ремень мог лопнуть, а шестерня — сломаться. Как только это случалось в какой-либо секции, раздавался крик об остановке работы и безумные сообщения начинали циркулировать вверх и вниз по иерархии. Рабочий, ближе всего оказавшийся к месту поломки, должен был уведомить своего мастера. Тот, в свою очередь, должен был сообщить об этом контролеру производства. Последний должен был сказать что-то ответственному за ремонт. И только тогда высылались специальные люди для ремонта.

В этой системе информация передается рабочим «вверх» через мастера к контролеру производства. Последний передает ее «вбок» — человеку, занимающему в иерархии нишу, находящуюся примерно на том же уровне (ответственному за ремонт), который, в свою очередь, посылает ее «вниз» — слесарям по ремонту, на самом деле исправляющим ситуацию. Таким образом, прежде чем может начаться сам ремонт, информация должна пройти четыре ступени по вертикальной лестнице и одну ступень — по боковой.

Эта система исходит из само собой разумеющегося постулата: грязные, потные люди внизу не могут сами принимать разумных решений. Только тем, кто занимает более высокое положение в иерархии, доверяется судить и действовать в соответствии с обстановкой. Служащие наверху принимают решения; люди внизу — их исполняют. Одна группа — мозг организации, другая — ее руки.

Это типично бюрократическое устройство идеально приспособлено для решения рутинных проблем с умеренной скоростью. Однако когда скорость возрастает или проблемы перестают быть рутинными, хаос часто вырывается на свободу. Нетрудно понять, почему так происходит.

Во-первых, ускорение темпа жизни (и в особенности увеличение скорости производства благодаря автоматизации) означает, что каждая минута «внизу», потерянная для производства, стоит больше, чем раньше. Задержка производства обходится все дороже. Информация должна поступать быстрее, чем прежде. В то же время быстрые перемены увеличивают количество необходимой информации, поскольку возрастает масса новых, неожиданных проблем. Чтобы справиться с новой проблемой, требуется больше сведений, чем это было нужно для решения старой, с которой уже приходилось сталкиваться множество раз. Таким образом, одновременное требование *большего* количества информации и более *быстрой* ее передачи — вот что разрушает сейчас великие иерархические вертикали, столь типичные для бюрократии.

Радикальное ускорение могло бы повлиять на описанный выше литейный цех тем, что рабочему просто было бы

разрешено самому обращаться к ответственному за ремонтные работы или даже к самой ремонтной бригаде, а не передавать сообщение о поломке сначала мастеру, потом — контролеру производства. Таким образом из четырехступенчатого коммуникативного процесса можно было бы изъять один или два этапа, что сэкономило бы 25 или 50% времени. Существенно, что этапы, которые можно было бы элиминировать, находятся внутри вертикали (верх — низ).

Сейчас такие способы экономии лихорадочно ищут менеджеры, стремящиеся не отстать от перемен. Кратчайшие пути, идущие в обход иерархии, все больше используются на тысячах фабрик и заводов, в конторах, лабораториях, даже в армии. Кумулятивным результатом таких небольших изменений является мощный сдвиг от вертикальных к латеральным коммуникационным системам. Результат, который предполагается достичь таким образом, — более высокая скорость коммуникаций. Однако этот процесс выравнивания наносит сильный удар по когда-то священной бюрократической иерархии; он подрывает и выше упомянутое сравнение с «мозгом и руками». Действительно, если вертикальная цепочка команд все больше остается не у дел, то получается, что «руки» тоже начинают принимать решения. Когда рабочий в обход своего мастера или контролера сам зовет на помощь ремонтную бригаду, то он принимает решение, которое в прошлом было зарезервировано для «заправил», находящихся наверху.

Это совершающееся молча ослабление иерархической системы затронуло в наши дни и высшую исполнительную власть, и администраторов низкого уровня, работающих внутри производства. Ослабление иерархической системы усиливается благодаря появлению массы экспертов всякого рода — специалистов в жизненно важных, но столь узких областях, что часто даже те, кто находится наверху, не всегда их понимают. Все в большей степени управленцы должны полагаться на суждения этих экспертов. Физики — специалисты по полупроводникам, компьютерные программисты, системные дизайнеры, операционные исследователи, специалисты по проектированию — именно та-

кие люди могут взять на себя функцию принятия решений в наши дни. Раньше они были просто консультантами, а право принятия решений сохранялось за управленцами. Сегодня последние утрачивают свою монополию на право принимать решения.

«Специалисты, — отмечает профессор Рид из университета МакГилл, — не могут хорошо вписаться в командную систему; они не могут ждать, пока их экспертное предложение будет одобрено на высшем уровне». Поскольку у них нет времени ждать, пока решения неторопливо перемещаются вверх и вниз внутри иерархической системы, «советники» просто перестают давать советы и принимают решения сами. Часто они делают это в ходе прямых консультаций с рабочими и техническим персоналом низшего уровня.

В результате, как говорит Франк Мецгер, руководитель отдела планирования Международной телефонной и телеграфной корпорации, «сейчас нет жесткой привязанности к корпорации. В ходе одной встречи вы можете взаимодействовать сразу с пятью или шестью различными иерархическими уровнями. Вы пытаетесь забыть о различиях в зарплате и иерархическом положении и думать только о том, чтобы работа была выполнена».

Такие факты, как полагает профессор Рид, «свидетельствуют о поразительной перемене в мыслях, действиях и принятии решений в организациях». Вполне вероятно, по мнению Рида, что «единственные эффективные методы решения проблем координации и коммуникации в нашей постоянно меняющейся технологии будут найдены в новых формах организации людей и ставящихся перед ними задач, в таких формах, которые решительно порвут с бюрократическими традициями».

Потребуется очень много времени, прежде чем исчезнет последняя иерархическая бюрократия. Ибо бюрократия хорошо приспособлена для решения задач, которые требуют выполнения рутинных операций множеством людей со средним уровнем образования, и, очевидно, какие-то операции подобного рода сохранятся и в будущем. И все же ясно, что

со многими заданиями компьютер и автоматизированные устройства справляются гораздо лучше, чем люди. В супериндустриальном обществе, несомненно, многие задачи такого рода будут осуществляться огромными саморегулирующимися системами машин, что ликвидирует потребность в бюрократической организации. Автоматизация не укрепляет власть бюрократии над цивилизацией, а приводит к ее свержению.

Поскольку машины берут на себя рутинные операции, а ускорение меняет окружающую обстановку, все большая часть энергии общества (и его организаций) должна быть направлена на решение нестандартных проблем. Это требует такой степени воображения и творческих способностей, которых нет в бюрократической системе, с ее постоянными структурами и иерархическими отношениями, с ее организацией, в которой каждый человек занимает свое определенное место. Таким образом, неудивительно, что повсюду, где организации вовлекаются сегодня в поток технологических или социальных перемен, повсюду, где становится важным исследование и проектирование, повсюду, где люди должны справляться с впервые возникающими задачами, — крах бюрократических форм наиболее очевиден. И в этих передовых организациях быстро вырастает некая новая система человеческих отношений.

Чтобы жить, организации должны сбросить с себя те виды бюрократической практики, которые их иммобилизуют, снижая их чувствительность и тем самым снижая их реакцию на перемены. Благодаря этому, как считает Джозеф Рафаэль, профессор экономики Дрекселского технологического института, мы движемся к «обществу равных друг другу технических работников», в котором «демаркационная линия между руководителями и руководимыми становится расплывчатой».

Суперндустриальный Человек не стремится занять постоянное, четко определенное место и осуществлять бессмысленные рутинные задачи, исходящие сверху, он все более понимает, что должен взять на себя ответственность за принятие решений, именно так он должен поступать,

находясь внутри организационной структуры, меняющейся, как в калейдоскопе, и построенной на кратковременных и в высшей степени человеческих отношениях. Можно добавить также, что это *не та* старая, хорошо знакомая бюрократия, описанная Вебером, в которую — с большим опозданием — все еще мечут свои заржавевшие копья многие наши писатели и критики.

ПОСЛЕ БЮРОКРАТИИ

Если Макс Вебер впервые дал определение бюрократии и предсказал ее триумф, то Уоррен Беннис может войти в учебники социологии как человек, который впервые убедительно предсказал ее кончину и обрисовал контуры организаций, которые придут ей на смену. В тот самый момент, когда гневные протесты против бюрократии достигли своего пика в американских университетах и в других местах, Беннис, социальный психолог и профессор промышленного менеджмента, решительно заявил, что «в ближайшие двадцать пять — пятьдесят лет все мы будем свидетелями конца бюрократии». Он призывал нас начать обращать свой взгляд «за пределы бюрократии».

Беннис утверждает, что «в то время, как различные защитники «добрых отношений между людьми» борются против бюрократии, исходя из гуманистических оснований и христианских ценностей, бюрократия, по-видимому, скорее всего начинает погибать от своей неспособности адаптироваться к быстрым переменам...»

«Бюрократия, — говорит он, — процветает в условиях стабильной, высококонкурентной и недифференцированной среды, такой, какая существовала в период ее молодости, приходящийся на индустриальную революцию. Пирамидальная структура власти, концентрируемой в руках немногих... была и остается в высшей степени подходящим социальным устройством для решения рутинных задач.

Однако окружающая обстановка изменилась таким образом, что действие этого механизма стало проблематичным. Стабильность исчезла»[8].

Каждая эпоха создает форму организации, соответствующую ее собственному темпу жизни. В течение долгого периода сельскохозяйственной цивилизации общество жило неспешно. Скорость, с которой передавалась информация, была медленной из-за трудностей коммуникации и транспортировки. Сравнительно медленным был и темп жизни отдельного человека. И перед организациями лишь очень редко возникали проблемы, требующие того, что мы назвали бы сейчас «скоростным» решением.

Эпоха индустриализма принесла с собой ускорение темпа как индивидуальной жизни, так и жизни организаций. И именно это было причиной, обусловившей появление бюрократических форм организации. Ибо хотя они кажутся нам сейчас громоздкими и неэффективными, в то время они были способны принимать лучшие решения быстрее, чем рыхлые и обветшавшие структуры, которые им предшествовали. Обладая правилами на все случаи жизни и набором принципов, указывающих способы решения разнообразных рабочих проблем, бюрократические структуры могли ускорить передачу необходимых команд и достичь того темпа, который пришел вместе с индустриализмом.

Вебер был весьма проницателен, отметив это; он указывал, что «исключительное увеличение скорости, с которой делаются публичные заявления и становятся известными новые факты экономической и политической жизни, оказывает постоянное и сильное давление на убыстрение темпа административного реагирования...» Однако он заблуждался, говоря, что «оптимальное время реакции достигается в нормальных условиях только сильно бюрократизированной организацией». Сейчас ускорение перемен достигло такого высокого темпа, что его не может выдержать и сама бюрократия. Информация обрушивается на общество лавиной, огромные изменения в технологии происходят столь стремительно, что будущее,

конечно, требует новых, обладающих более высокой реактивностью форм организации.

Что же в таком случае будет характерно для организаций супериндустриального общества? «Ключевым словом, — говорит Беннис, — будет слово «временный»; возникнут адаптивные, быстро меняющиеся *временные системы*». Проблемы будут решаться оперативными структурами, создаваемыми из «относительно незнакомых людей, обладающих целым рядом профессиональных навыков».

В этой системе управленцы и администраторы будут выполнять функцию координаторов между различными рабочими группами, созданными на определенный срок. Они будут понимать специфический жаргон, присущий разным группам специалистов, и осуществлять коммуникацию между разными группами, выступая в качестве переводчиков и интерпретаторов с языка одной группы специалистов на язык другой. В этой системе, согласно Беннису, люди «будут дифференцироваться не по вертикали, в соответствии с их рангом и их ролью, а гибко и функционально, в соответствии с их навыками и профессиональными знаниями».

Вследствие высокой скорости перемещения из одной временной группы в другую, — продолжает он, — «обязательства по отношению к рабочим группам будут уменьшены... В то время как в общении между людьми профессиональные навыки приобретут еще большее значение, обусловленное все растущей потребностью в кооперации при решении сложных задач, одновременно будет наблюдаться и ослабление групповой сплоченности... Люди должны будут научиться тому, чтобы развивать быстрые и сильные отношения, связанные с работой; в то же время они должны научиться тому, чтобы переносить спокойно утрату более длительных рабочих контактов».

Такова картина грядущей адхократии — исключительно подвижной, обогащенной информацией динамической организации будущего, представленной временными рабочими ячейками и исключительно мобильными индивидами. Более того, из этого краткого описания можно составить коекакую характеристику людей, которые будут входить в эти

новые организации и которые уже сейчас присутствуют в организациях-прототипах. То, что возникает в таких структурах, резко отличается от привычного стереотипа «человека организации», т. е. функционера. Ибо ускорение перемен и всевозрастающая новизна окружающей обстановки требуют и новой формы организации, человека нового типа.

Три основные особенности бюрократии — постоянство, иерархия и разделение труда. Эти особенности сформировали особый сорт людей, из которых состояли эти организации.

Постоянство — понимание того, что связь между человеком и организацией будет достаточно продолжительной — повлекло за собой обязательства по отношению к организации. Чем дольше человек находился в ее объятиях, тем больше он смотрел на свое прошлое как на вклад в эту организацию и тем крепче он связывал с ней свое личное будущее. Долгий стаж работы предполагал верность организации, привязанность к ней. В рабочих коллективах эта естественная тенденция в огромной степени усиливалась пониманием того, что прекращение связей может привести к потере средств для существования. В мире, в котором многого не хватало, работа была большой драгоценностью. Таким образом, бюрократ был человеком иммобильным и ориентированным прежде всего на свои экономические гарантии. Чтобы сохранить работу, он добровольно подчинял свои собственные интересы и убеждения потребностям своей организации.

У облеченной властью иерархии, посредством которой действовала администрация, был кнут, которым можно было держать индивида в строю. Понимая, что его отношения с организацией будут относительно перманентными (или по крайней мере надеясь на это), человек организации искал у нее одобрения. Награды и наказания спускались по иерархии вниз, и человек, смотрящий обычно наверх, на следующую ступеньку иерархической лестницы, постепенно приучался к подчинению и подобострастию. Система формировала слабого, нерешительного, склонного к пустым разговорам функционера, человека без личных убеж-

дений или не смеющего их высказывать. Его конформизм был оплачен.

И, наконец, функционер должен был хорошо знать свое место внутри системы; он занимал вполне определенную нишу и выполнял только действия, предписанные законами организации; его труд оценивался в соответствии с тем, насколько точно он выполнял задания, записанные в конторской книге. Сталкиваясь с относительно рутинными проблемами, он приучался к поиску стандартных ответов. Такие качества, как отступление от установленных правил, творчество, склонность к риску, не поощрялись, ибо они приходили в противоречие с предсказуемостью, которая требовалась от всех составных частей организации.

Сегодняшняя адхократия, находящаяся еще в эмбриональном состоянии, требует от человека совершенно другого сочетания качеств. Место постоянства занимают кратковременность и мимолетность — высокая степень подвижности при переходах от одной организации к другой, никогда не кончающаяся реорганизация внутри них, постоянное порождение и отмирание временных рабочих группировок. Неудивительно, что мы являемся свидетелями упадка старомодной «преданности» организациям и их структурам.

Уолтер Газарди, говоря о молодых управленцах в современной американской индустрии, отмечает: «Соглашения между современным человеком и современной организацией не похожи на незыблемые законы, бывшие когда-то у мидян и персов. Они не предназначены быть вечными... Человек периодически оценивает свою позицию по отношению к организации и ее отношение к нему. Если он не удовлетворен, то старается изменить ситуацию. Если это ему не удается, тогда он уходит»[9]. Джордж Пек, отвечающий за прием на работу, говорит: «Количество управленцев высокого уровня, у которых в ящиках их письменного стола лежат автобиографии*, удивительно велико».

Прежняя преданность человека-функционера, по-видимому, исчезает как дым. Возникает преданность иного

---

* Заготовленные на случай перехода на другую работу. — *Примеч. пер.*

рода — преданность своей профессии. Во всех обществах с новой технологией увеличивается специализация. В Соединенных Штатах с 1950 до 1969 г. число специалистов выросло более чем в два раза, и этот слой продолжает расти быстрее, чем какая-либо другая категория рабочей силы. Специалисты действуют не поодиночке, как свободные предприниматели. Миллионы инженеров, ученых, психологов, бухгалтеров и других специалистов вступают в ряды организации. Это хороший пример диалектической противоположности. Веблен писал об индустриализации профессионала. То, что мы наблюдаем сегодня, — это профессионализация индустрии.

Так, Джон Гарднер заявляет: «Преданность человека-профессионала относится к его профессии, а не к организации, которая может служить в какой-то момент ему крышей. Сравните химика или инженера-электронщика с администраторами, не имеющими определенной профессии. Люди, о которых химик думает как о своих коллегах, — не те, кто находится в соседней конторе, а его собратья по профессии, где бы они ни находились и как бы они ни были удалены от него в масштабах страны или даже мира. Благодаря этим братским узам с людьми, разбросанными по всему миру, сам он становится чрезвычайно мобильным. Но даже если он остается на одном месте, его преданность местной организации совсем иная, чем у настоящего функционера. Он никогда полностью не доверяет ей.

Рост количества профессий означает, что в современной крупномасштабной организации немало людей с совершенно иным представлением о том, что такое организация...»[10] По существу — это «аутсайдеры», работающие внутри системы.

Сам термин «профессия» стал приобретать новое значение. Вертикальные иерархии бюрократической системы разрушаются под совместным влиянием новой технологии, нового знания и социальных перемен, разрушаются и горизонтальные иерархии, которые до сих пор определяли границы различных областей человеческого знания. Стираются старые границы между специальностями. Люди все чаще

понимают, что новые проблемы, встающие перед ними, можно решить, только выйдя за пределы узких дисциплин.

Традиционный бюрократ поместил бы инженеров по электронике в один отсек, а психологов — в другой. Действительно, у инженеров и психологов разные профессии. Однако в наши дни в аэрокосмической промышленности, в образовании и других областях инженеры и психологи часто собираются вместе в составе кратковременных объединений. Новые организации, в которых есть такие интеллектуальные объединения, иногда кажутся экзотическими. Сейчас они вырастают вокруг всех основных профессий, уже работают биоматематические и психофармакологические группы, инженеры-библиотекари и компьютерные музыканты. Различия между дисциплинами не исчезают, но становятся более тонкими, более проницаемыми, причем постоянно идет процесс пересмотра границ.

В такой ситуации даже профессиональные привязанности превращаются в краткосрочные обязательства, и сама работа, задача, которая должна быть выполнена, проблема, которую нужно решить, — все это начинает создавать такой вид обязательств, который раньше был зарезервирован для организаций. Согласно Беннису, для специалистов-профессионалов, «по-видимому, наградой служат внутренние критерии совершенства, признание профессиональных коллективов, внутреннее удовлетворение своей задачей. На самом деле они обязаны решить задачу, а не работу для начальства, причем решить в соответствии с определенными собственными критериями. А поскольку они имеют научные степени, то они еще и путешествуют. Это не добрые «компанейские люди»; они не связаны никакими обязательствами, кроме стимулирующих их окружающих условий, в которых они могут «поиграть с проблемами».

Эти люди будущего уже входят в некоторые адхократии, существующие сегодня. Стимулирующая, творческая обстановка возникла в компьютерной промышленности, в сфере образования, в применении технических систем к урбанистическим проблемам, в новой океанографичес-

кой индустрии, в правительственных организациях, связанных с охраной окружающей среды, и т. п. В каждой из этих областей, в большей степени представляющих не прошлое, а будущее, возник новый дух предприимчивости, абсолютно противоположный той ортодоксии и конформности, нацеленным на личную безопасность, которые присущи человеку-функционеру.

Новый дух, характерный для этих временных организаций, ближе предпринимателю, чем функционеру. Бесстрашный, не задумывающийся о будущем предприниматель, который затевает крупное дело, не боясь поражения или недоброжелательного мнения, — это народный герой эпохи индустриализма, в особенности в Соединенных Штатах. Парето заклеймил предпринимателей как «авантюристов, изголодавшихся по новизне... которые вовсе не напуганы переменами»[11].

Вряд ли правильно утверждать, что эпоха предпринимателей окончилась и что их место занимают исключительно функционеры или бюрократы. То, что происходит сейчас, представляет собой возрождение предпринимательства внутри самой сердцевины крупных организаций. Тайна, стоящая за этим, — новая кратковременность и исчезновение боязни экономической ненадежности для больших масс образованных людей. С ростом богатства появилась новая готовность идти на риск. Люди готовы пойти на риск, поскольку они не могут поверить, что им когда-нибудь придется голодать. Так, Чарлз Элуэл, управляющий производственными отношениями в «Hunt Foods», отмечает: «Управленцы смотрят на себя как на индивидуальных предпринимателей, продающих свои знания и умения». На самом деле, как указал Макс Уэйс в «Fortune»: «Профессионал в управлении имеет прекрасную основу своей независимости, вероятно, более крепкую, чем имел когда-либо в своих правах собственности мелкий бизнесмен».

Таким образом, на наших глазах возникает новый тип человека организации — человек, который, несмотря на свои многочисленные контакты, по существу, не присоединяется ни к какой организации. Он хочет использовать свои

навыки и творческую энергию, чтобы решать проблемы, используя оборудование организации, находясь внутри временных объединений, созданных ею. Но он делает это только постольку, поскольку проблемы интересуют *его лично*. Он имеет обязательства по отношению к своей собственной карьере, к своему собственному чувству самоудовлетворения.

И не случайно, в свете всего вышеизложенного, что термин «associate»* стал вдруг столь популярным в больших организациях. Теперь появились «объединенные руководители маркетинга», «партнеры по научно-исследовательской работе»; даже правительственные агентства полны «помощниками директора» и «помощниками администратора». Слово «associate» означает «равный другому», а не подчиненный ему, и тот факт, что оно стало широко распространенным, прекрасно отражает сдвиг от вертикальных иерархических структур к новым коммуникационным объединениям с преимущественно боковыми связями.

Функционер занимал подчиненное положение по отношению к организации, а для Ассоциированного Человека она почти безразлична. Человек организации был иммобилизован заботой о своей экономической стабильности, а Ассоциированный Человек считает ее само собой разумеющейся. Человек организации страшился рисковать, а Ассоциированный Человек приветствует риск (понимая, что в богатом и быстро меняющемся обществе даже неудача является временной). В иерархической системе функционер пытался приобрести статус и уважение внутри организации, а Ассоциированный Человек ищет того же за пределами организации. Человек организации находился в заранее определенной для него щели, а Ассоциированный Человек переходит из одной ниши в другую неким сложным и самомотивированным образом. Человек организации посвящал свою жизнь решению рутинных проблем и в соответствии с жестко установленными правилами, избегая любого признака неортодоксальности или творчества, а Ассоциированный Человек, столкнувшись с новыми проблемами,

---

* Объединенный, связанный, присоединенный, товарищ, коллега, партнер и т. п. — *Примеч. пер.*

вдохновляется возможностью инноваций. Человек организации должен был подчинять свою личность, «играя в команде», тогда как Ассоциированный Человек осознает, что сама команда недолговечна. Он может в каких-то пределах по собственному решению подчинять ей свою личность, однако это «погружение» никогда не бывает перманентным.

Ассоциированный Человек несет в себе тайное знание: сама временность его отношений с организацией освобождает его от многих уз, которые опутывали его предшественника. В этом смысле скорость перемен является освобождающим фактором.

И все же есть еще одна сторона медали, о которой ему тоже известно. Обновление отношений с формальными организационными структурами приводит к ускорению перемен и в неформальных организациях, что требует более быстрой адаптации, поскольку каждая перемена заставляет учиться заново. Необходимо знать правила игры, которые постоянно меняются. Появление адхократии повышает приспосабливаемость организаций; однако оно усложняет адаптацию людей. Так, Том Бернс, изучив ситуацию в британской электронной промышленности, отметил резкий контраст между менеджерами, работающими в стабильных организационных структурах, и теми, кто находится в условиях быстро меняющихся образований. Он говорит, что «быстрая адаптация происходит за счет личного удовлетворения и приспособления. Особенно сильны различия между людьми, занимающими высшие управленческие должности в условиях быстро меняющихся и стабильных организаций. Она проявляется в уровне их личного напряженного состояния». О том же заявляет Беннис: «Справляться с быстро происходящими переменами, жить в условиях временной работы, устанавливать (в очень малые сроки) необходимые отношения, а затем разрывать их — все это не может не привести к социальной напряженности и психологическому стрессу».

Возможно, что для большинства людей будущее — в том виде, в котором оно касается их отношения с организациями, а также и других областей жизни — наступает чересчур стремительно. Для индивида переход к адхократии означа-

ет резкое ускорение «оборачиваемости» его отношений с организациями. Таким образом, наше исследование общества, характеризующегося высоким уровнем изменчивости, привело к выявлению новых проблем. Становится ясно, что это ускорение сокращает наши связи с организацией во многом так же, как оно обрывает наши отношения с вещами, местами и людьми. Увеличенная «оборачиваемость» всех этих отношений накладывает на индивидов, выросших и воспитанных для жизни в социальной системе с более медленным темпом, тяжелый груз — необходимость адаптации в новых условиях.

Именно здесь и лежит опасность шока будущего. Эта опасность, как мы увидим, становится еще больше из-за воздействия на человека процессов ускорения в мире информации.

---

[1] О Вебере — см.: гл. 8 в [256].

[2] Слова Зэкона — в Finding Buyers for the Bad Buys // Business Week, Sept. 13, 1969, с. 49–51.

[3] Организационные перемены обсуждаются в статье D. Ronald Daniel, Reorganizing for Results // Harvard Business Review, Nov. — Dec., 1966, с. 96; см.: также Larry E. Greiner, Patterns of Organization Change // Harvard Business Review, May — June, 1967, с. 119–120.

[4] Цитата из Гарднера — см.: [39], с. 26.

[5] Об оперативных группах в науке и о росте «нерутинных» производств — см.: Howard Reiss, Jack Balderston // The Usefulness of Scientists, Science and Technology, May, 1966, с. 44; George Kozmetsky, How a Businessman Ramrods a B-School // Business Week, May 24, 1969, с. 84.

[6] Шон цит. по: [179], т. 1, с. 106.

[7] См. дискуссию по поводу The Decline of Hierarchy in Industrial Organizations, William H. Read, Business Horizons // Fall, 1965, с. 71–75.

[8] Цитаты из Уоррена Бенниса на этой и др. страницах этой главы взяты из его статей: Beyond Bureaucracy, Transaction, July — August, 1965, с. 31–35; Changing Organizations, J. Appl. Behav. Sci., vol. 2, № 3, с. 261; более подробно — см.: [252].

[9] Газарди: [84], с. 71.

[10] Гарднер: [39], с. 83.

[11] Парето: [19], с. 231.

Глава 8

ИНФОРМАЦИЯ: КИНЕТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

В обществе, которое привыкло к пище быстрого приготовления, блицобразованию и городам-однодневкам, существует нечто, возникающее и предаваемое забвению с еще большей скоростью, чем все остальное. Речь идет о «знаменитостях-на-час». Нации, продвигающиеся к супериндустриализму, с неизбежностью вносят свой вклад в эту продукцию «психоэкономики». «Знаменитости-на-час» действуют на сознание миллионов людей как своеобразная имидж-бомба, и именно в этом состоит их назначение.

Потребовалось меньше года с того момента, когда девочка-кокни по прозвищу Твигги впервые вышла на подиум, чтобы ее образ запечатлелся в умах миллионов людей по всему земному шару. Твигги, блондинка с влажными глазами, плоской фигурой и длинными тонкими ногами, стала мировой знаменитостью в 1967 г. Ее обаятельное лицо и худосочная фигура внезапно появились на обложках журналов Англии, Америки, Франции, Италии и других стран, и сразу же потоком хлынули накладные ресницы, манекены, духи и одежда в стиле «твигги». Критики глубокомысленно рассуждали о социальном значении Твигги, а газетчики отводили ей примерно столько же столбцов, сколько обычно приходится на долю мирных договоров или избрания нового Папы.

Однако к настоящему времени образ Твигги в умах людей в значительной степени стерся. Внимание публики переключилось на другие объекты. Действительность подтвердила ее собственную трезвую оценку: «Может быть, я не продержусь и полгода». Причина в том, что имиджи становятся все более и более недолговечными, и это касается не только моделей, спортсменов или звезд эстрады. Недавно я спросил весьма интеллигентную девочку-подростка, есть ли у нее и ее одноклассников герои. Я сказал: «Например, считаете ли вы героем Джона

Гленна?» (На случай, если читатель не помнит, Джон Гленн — первый американский космонавт, остававшийся на орбите.) Девочка дала исчерпывающий и многое объясняющий ответ: «Нет, он слишком старый».

Сначала я подумал, что она считает сорокалетнего мужчину слишком старым для роли героя, но вскоре понял, что дело не в этом. Она имела в виду, что полет Гленна происходил слишком давно, чтобы представлять интерес. (Это было в феврале 1962 г.) Сегодня публика уже утратила интерес к космонавту, а его образ потускнел.

Твигги, «Битлз», Джон Гленн, Билли Сол Эстес, Боб Дилан, Джек Руби, Норман Мейлер, Эйхман, Жан-Поль Сартр, Георгий Маленков, Жаклин Кеннеди — тысячи «выдающихся личностей» проходят по сцене современной истории. Реальные люди, возвеличенные и приукрашенные средствами массовой информации, они запечатлелись в виде имиджей в умах миллионов людей, которые с ними никогда не были знакомы, никогда с ними не разговаривали, никогда не видели их «живьем». Но они представляют собой реальность почти такую же ощутимую, а иногда даже более ощутимую, чем множество людей, с которыми мы непосредственно общаемся.

С этими людьми-субститутами, людьми-имиджами у нас складываются такие же отношения, как с друзьями, соседями и коллегами. При этом «пропускная способность» нашей жизни в отношении реальных людей непрерывно возрастает одновременно с уменьшением средней продолжительности связи с каждым из них, и то же самое справедливо для личностей-имиджей, населяющих наш разум.

Скорость этого потока связана с реальной скоростью изменений в мире. Например, в политике мы видим, что в Великобритании с 1922 г. частота смены премьер-министров увеличилась на 13% по сравнению с периодом 1721—1822 гг.[1] В спорте чемпионы среди боксеров-тяжеловесов меняются в два раза чаще, чем во времена юности наших отцов*. Уско-

* Между 1882 и 1932 гг. появилось десять новых чемпионов, и каждый из них держал первенство в среднем пять лет. Между 1932 и 1951 гг. было семь чемпионов, и каждый продержался в среднем 3,2 года. В период 1951—1967 гг. каждый из семи чемпионов сохранял титул в среднем 2,3 года.

ряется поток событий, и это постоянно вовлекает все новых и новых людей в заколдованный круг знаменитостей, и прежние имиджи уходят со сцены, уступая место новым.

То же самое можно сказать в отношении вымышленных героев, появляющихся на страницах книг и журналов, на телеэкранах, сцене, в кино. Ни одно из предшествующих поколений не имело дела с таким множеством вымышленных личностей. Историк Маршалл Фишвик в комментарии по поводу средств массовой информации с неудовольствием отмечает: «Не успеем мы привыкнуть к Супергерою, Хорошему Капитану и Плохому Джентльмену, как они исчезают с телеэкрана навеки»[2].

Эти люди-имиджи, как живые, так и вымышленные, играют существенную роль в нашей жизни, создавая модели поведения, роли и ситуации, согласно которым мы делаем заключения относительно собственной жизни. Хотим мы того или не хотим, но мы извлекаем уроки из их действий. Мы учимся на их победах и поражениях. Они дают нам возможность «примерить на себя» различные социальные роли и стили жизни без последствий, которые повлекли бы за собой подобные эксперименты в реальной жизни. Стремительный поток личностей-имиджей не может не способствовать увеличению нестабильности личностных параметров множества реальных людей, испытывающих трудности в выборе стиля жизни.

Интересно, что личности-имиджи зависимы друг от друга. Каждый из них играет определенную роль в «общественной драме», которая, по словам социолога Оррина Клаппа, автора увлекательной книги под названием «Символические лидеры», в значительной степени является продуктом новых коммуникационных технологий. Эта общественная драма, в которой знаменитости все быстрее и быстрее вытесняют и смещают друг друга, согласно Клаппу, усугубляет нестабильность системы лидерства. «Неожиданные осложнения, разочарования, борьба, преступления, скандалы поставляют материал для развлечения публики и вертят колесо политической рулетки. Причуды общественного мнения сменяют друг друга с ошеломляющей скоростью...

В стране, подобной США, идет открытая для обозрения общественная драма, в которой ежедневно возникают новые имена, вечно идет борьба за первенство и всегда может произойти и происходит все что угодно». По словам Клаппа, мы становимся свидетелями «быстрой смены символических лидеров»[3].

Это утверждение, однако, можно значительно расширить: происходящее — это не просто быстрая смена реальных людей или вымышленных персонажей, это смена образов и структуры образа в наших умах. Наши взаимоотношения с образами, являющимися отражением реальности и основой, на которой мы строим свое поведение, становятся все более и более краткосрочными, преходящими. Происходит переворот всей системы знаний в обществе. Понятия и термины, в которых мы мыслим, изменяются ускоренными темпами и точно так же возрастает скорость формирования и разрушения образов.

ТВИГГИ и К-МЕЗОНЫ

У каждого человека в сознании существует ментальная модель мира — субъективное представление о внешнем мире. Эта модель состоит из десятков тысяч образов. Они могут быть простыми, как отражение облаков, плывущих по небу, а могут представлять собой абстрактные построения относительно устройства мира. Можно назвать эти мысленные модели внутренним складом, вместилищем образов, в котором хранятся наши мысленные портреты Твигги, Шарля де Голля или Кассиуса Клея, наряду со всеобъемлющими представлениями типа «Человек по природе добр» или «Бог мертв».

Мысленная модель любого человека заключает в себе как образы, в значительной степени приближающиеся к реальности, так и искаженные и неточные. Но для того чтобы человек мог функционировать, а иногда даже для того что-

бы он мог выжить, его модель должна иметь некоторое общее сходство с реальностью. Как писал В. Гордон Чайльд в работе «Общество и знание», «любое отображение внешнего мира, построенное и используемое для руководства в деятельности любым историческим обществом, должно до определенной степени соответствовать реальности. В противном случае общество оказалось бы нежизнеспособным; его члены, действуя согласно совершенно неверным представлениям, не смогли бы обеспечить себя самыми простыми орудиями, пищей и кровом для защиты от внешнего мира»[4].

Ни одна мысленная модель окружающего мира не является чисто личным произведением. Хотя некоторые из мысленных образов строятся на основе личных наблюдений, все большая их часть основывается на информации, поставляемой средствами коммуникации и окружающими людьми. Таким образом, степень точности мысленной модели в некоторой мере отражает общий уровень знаний общества. Постепенно новые знания, новые понятия, новые способы мышления вступают в противоречие с устаревшими идеями и представлениями, вытесняя их.

Если бы общество само по себе оставалось неизменным, индивидуум не испытывал бы необходимости пересматривать собственную систему представлений и образов, чтобы увязать ее с новейшими знаниями, функционирующими в обществе. Пока общество стабильно или изменяется медленно, образы, на основе которых он строит свое поведение, также могут меняться медленно. Но для того чтобы существовать в быстро изменяющемся обществе, чтобы идти в ногу с быстрыми и многообразными переменами, индивидуум должен пересматривать свой набор образов со скоростью, которая бы коррелировала с темпом этих перемен. Он должен приводить свою модель в соответствие с требованиями современности. При запаздывании ответ индивидуума на изменения становится неадекватным, и его деятельность встречает все больше препятствий и не приносит желаемых результатов. Постоянный пресс вынуждает индивида придерживаться общего темпа.

В настоящее время в технологическом обществе перемены происходят так быстро и неотвратимо, что вчерашние истины вдруг оказываются фикцией, и большинство самых одаренных и интеллигентных членов общества признают, что справляться с лавиной новых знаний даже в очень узкой области чрезвычайно трудно.

«По всей вероятности, уследить за всем, что вас интересует, просто невозможно», — жалуется доктор Рудольф Столер, зоолог из Калифорнийского университета (Беркли). «От 25 до 50% моего рабочего времени уходит на то, чтобы быть в курсе всего происходящего», — говорит доктор И. Е. Уоллен, руководитель отделения океанографии Смитсонианов-ского института (Вашингтон). Доктор Эмилио Сегре, нобелевский лауреат, физик, заявляет: «Невозможно просмотреть всю литературу, посвященную хотя бы одним только К-мезонам». Еще один океанограф, доктор Артур Стамп, признает: «Единственный выход — запретить все публикации лет на десять».

Новые знания либо расширяют, либо перечеркивают старые. И в том, и в другом случае человек, имеющий отношение к той или иной сфере знания, должен пересматривать свой набор представлений. Каждый день он вынужден переучиваться. Лорд Джеймс, проректор университета Йорка, рассказывает: «Первую ученую степень по химии я получил в 1931 г. в Оксфорде». Держа перед глазами список вопросов по химии, предлагающихся на экзамене сегодня, он продолжает: «Я понимаю, что никогда не смог бы с ними справиться, поскольку по крайней мере две трети вопросов касаются знаний, просто не существовавших в то время, когда я сдавал экзамен на бакалавра». А доктор Роберт Хиллиард, главный специалист по образованию в Федеральной комиссии по средствам коммуникации, развивает эту мысль: «При современной скорости прироста знаний происходит следующее: к тому времени, как ребенок, родившийся, скажем, сегодня, окончит колледж, общее количество знаний увеличится примерно в четыре раза, а к тому времени, как этот ребенок достигнет пятидесятилетнего возраста, — примерно в тридцать два раза, причем 97% всего, что будет

знать человечество, оно узнает на протяжении этих пятидесяти лет его жизни».

Разумеется, термин «знание» в достаточной степени расплывчат, а подобная статистика с неизбежностью дает большие погрешности, но все же не вызывает сомнений тот факт, что растущая волна новых знаний обрекает нас на еще более узкую специализацию и требует ускоренных темпов пересмотра нашего внутреннего образа реальности. И это имеет отношение не только к чисто научной информации о физических частицах или генетической структуре. В равной степени это относится ко всем категориям знания, оказывающего влияние на повседневную жизнь миллионов людей.

ВОЛНА ФРЕЙДИЗМА

Многие новые знания выходят за пределы непосредственных интересов обычного человека. Его не интересует и не впечатляет тот факт, что инертный газ ксенон способен давать соединения, а совсем недавно большинство химиков считали это невозможным. Это знание может произвести впечатление, если найдет воплощение в какой-нибудь новой технологии, но до той поры обычный человек останется к нему равнодушным. Однако многие новые знания связаны с повседневной жизнью обычных людей — работой, политикой, семейными отношениями, даже сексуальной жизнью.

Как пример можно привести сложное положение современных родителей, которое обусловлено радикальными изменениями в образе ребенка и теории воспитания.

В частности, в конце прошлого века доминирующая теория воспитания отражала научные представления о наследственности как определяющем факторе поведения. Матери, никогда в жизни не слышавшие о Дарвине или Спенсере, воспитывали детей в полном соответствии с глобальными

идеями этих мыслителей. Вульгаризированные и упрощенные, передававшиеся из уст в уста, эти идеи нашли воплощение в расхожих представлениях миллионов людей типа «плохой ребенок — результат дурной наследственности», «склонность к преступлению — наследственная черта характера» и т. п.

Однако в первых десятилетиях нашего века эти представления отошли в прошлое под натиском энвайронментализма, а вера в то, что личность формируется окружающей средой и что раннее детство — самый важный период, послужила созданию нового образа ребенка. В общественное мнение стали проникать идеи Уотсона и Павлова, и новые поведенческие теории находили отражение в поведении матерей, которые отказывались брать на руки плачущего ребенка, кормить его по первому требованию и сокращали срок кормления грудью, чтобы ребенок быстрее освободился от зависимости к матери.

В исследовании Марты Вольфенштейн сравниваются советы, предлагаемые родителям в семи выпусках «Ухода за младенцем» — справочника, издававшегося Детским бюро США в период 1914—1951 гг. Она обнаружила существенные изменения в отношении к кормлению грудью, сосанию большого пальца, мастурбации, тренировке кишечника и мочевого пузыря. Из этого исследования становится ясно, что к середине 30-х годов сформировался очередной новый образ ребенка[5].

Приходит волна фрейдистских понятий, революционизирующая практику воспитания[6]. Матери вдруг слышат о «правах младенца» и необходимости «орального удовлетворения». Родители становятся снисходительнее и терпимее.

В скобках заметим, что в то же самое время, когда фрейдовский образ ребенка производил глубокие изменения в поведении родителей Дейтона, Дубьюка и Далласа, изменился и сам имидж психоаналитика. Психоаналитик становится культурным героем. Фильмы, телевизионные передачи, романы и журнальные статьи представляют его мудрым и добрым кудесником, способным восстановить разрушенную личность. С появления фильма «Зачарован-

ный» в 1945 г. и до конца 50-х средства массовой информации выставляют образ психоаналитика в исключительно положительном свете.

Однако уже к середине 60-х он превращается в комический персонаж. В фильме «Что нового, кошечка» Питер Селлер сыграл психоаналитика гораздо более сумасшедшего, чем его пациенты, и не только нью-йоркские и калифорнийские умники, но и весь народ стал обмениваться «психоаналитическими» шуточками, их подхватили те же самые средства массовой информации, которые в первую очередь и создавали миф о психоаналитике.

Резкое изменение публичного имиджа психоаналитика (а публичный имидж — не что иное, как сплав образов, присутствующих в сознании членов общества) отражало также изменения, связанные с дальнейшим развитием научных исследований. Накапливалось все больше и больше свидетельств того, что психоаналитическая терапия не оправдывает возлагаемых на нее надежд, а на фоне новых знаний в области наук о поведении, в первую очередь в области психофармакологии, фрейдовские методы стали казаться архаичными. В то же время интенсивно развивались исследования в области теории обучения и соответственно происходил новый поворот в практике воспитания — на сей раз в сторону своего рода необихевиоризма.

На всех стадиях этого пути широко распространенные системы представлений и образов вытеснялись новыми. Человек, придерживавшийся одной системы, подвергался воздействию отчетов, статей, советов авторитетов, друзей, родственников и даже случайных знакомых, проповедовавших противоположные взгляды. Одна и та же мать, обращавшаяся к одному и тому же врачу в разные периоды воспитания ребенка, получала разные рекомендации, основанные на разных представлениях о реальности. Если для людей прошлого представление о воспитании ребенка оставалось неизменным на протяжении нескольких веков, то для людей настоящего воспитание детей, как и многие другие сферы реальности, превратилось в поле битвы систем

образов, многие из них появились в результате научных исследований.

Таким образом, новые знания видоизменяют старые. Средства массовой информации постоянно и настойчиво создают новые образы, а рядовые обыватели, ищущие помощи в усложняющихся социальных условиях, пытаются за ними угнаться. В то же время события — независимо от научных исследований как таковых — также разрушают старую структуру образов. После восстаний в черных кварталах только ненормальный может продолжать представлять себе негров как «счастливых детей», вполне довольных своей нищетой. А после молниеносной победы Израиля над арабами в 1967 г. вряд ли кто-нибудь станет цепляться за образ еврея-пацифиста, подставляющего для удара другую щеку, или еврея-труса, бегущего с поля боя.

В образовании, политике, теории экономики, медицине, международных отношениях новые образы — волна за волной — разрушают нашу оборону и мысленную модель реальности. Результат этой постоянной бомбардировки новыми образами — ускоренное вытеснение старых образов, увеличение умственной «пропускной способности» и новое глубокое ощущение непостоянства, недолговечности самого знания.

УРАГАН БЕСТСЕЛЛЕРОВ

Эта недолговечность в более или менее явном виде характерна для всего происходящего в обществе. Один из наиболее ярких примеров — воздействие информационного взрыва на классическое вместилище знаний — книгу.

По мере того как знания становятся все более многообразными и преходящими, мы наблюдаем исчезновение твердой кожаной обложки и замену ее сначала матерчатой, а потом и бумажной. Сама книга, подобно информации, которую она содержит, становится все более недолговечной.

Десять лет назад дизайнер коммуникационных систем, признанный пророк в области технологии библиотечного дела Сол Корнберг заявил, что чтение скоро перестанет быть основной формой получения информации. «Чтение и письмо, — предположил он, — превратятся в устаревшие навыки»[7]. (По иронии судьбы жена мистера Корнберга пишет романы.)

Прав он или нет, ясно одно: небывалый поток новых знаний означает, что каждая новая книга (увы, в том числе и эта) заключает в себе прогрессивно убывающую долю общего знания. А революция в издательском деле, дешевые, доступные издания уменьшают ценность книги как предмета в то самое время, когда быстрое устаревание знаний уменьшает ее информационную ценность. Так, в Соединенных Штатах одна и та же книга в дешевой бумажной обложке появляется одновременно на 100 000 книжных прилавков, а уже через месяц ее сменяет другое подобное издание. Таким образом, по сроку жизни книга приближается к ежемесячному журналу. И действительно, многие книги представляют собой не что иное, как «одноразовый» журнал.

Интерес публики к книге — даже очень популярной книге — постепенно угасает. Судя по списку бестселлеров, публикуемому в «Нью-Йорк таймс», средний срок жизни бестселлера быстро уменьшается. Разумеется, год на год не приходится, а некоторые книги выбиваются из общего ряда. Тем не менее если мы сравним первые четыре года, по которым существуют интересующие нас данные (1953—1956), с таким же периодом, но спустя десятилетие (1963—1966), то мы увидим, что в более ранний период бестселлер в среднем находился в списке 18,8 недели, а десятилетие спустя этот срок сократился до 15,7 недели, т. е. за десять лет средняя продолжительность жизни бестселлера уменьшилась почти в 1,5 раза.

Эти тенденции можно понять только в том случае, если осознать явление, лежащее в их основе. Мы — свидетели исторического процесса, который с неизбежностью приведет к изменению человеческой психики. Ибо во всех сфе-

рах жизни, начиная с мелочей вроде Твигги и кончая триумфальными технологическими достижениями, наши внутренние образы реальности в полном соответствии с возрастающими темпами внешних изменений становятся все более временными, недолговечными. Мы создаем и используем идеи и образы все быстрее и быстрее, и знания, как люди, места, предметы и организационные формы, приобретают все менее устойчивый характер.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Одной из причин «увеличения оборота» внутренних образов реальности может быть увеличение потока имиджсодержащих информационных сообщений, воздействующих на сенсорные системы человека. Это явление недостаточно исследовано, но существуют явные свидетельства того, что частота воздействия имиджсодержащих стимулов на индивидуума возрастает.

Чтобы понять, почему это происходит, необходимо сначала изучить основные источники системы внутренних образов. Откуда берутся тысячи образов, составляющих нашу мысленную модель мира? Окружающая среда обрушивает на нас поток стимулов. На наши органы чувств воздействуют сигналы, имеющие внешнее происхождение, — звуковые волны, свет и т. п. Воспринятые, эти сигналы в ходе пока еще загадочного для нас процесса трансформируются в символы реальности, то есть в образы.

Поступающие извне сигналы бывают нескольких видов. Некоторые можно назвать некодированными. Например, предположим, человек идет по улице и замечает лист, который ветер несет по тротуару. Человек воспринимает это событие посредством органов чувств. Он слышит шелест, он видит движение и зеленый цвет, он ощущает ветер. На основе этой сенсорной информации создается мысленный образ. Мы можем рассматривать эти сенсорные стимулы

как информационное сообщение. Но это сообщение никто специально не создавал, чтобы что-то кому-то передать, а его понимание человеком не зависит от того или иного социального кода — набора специально оговоренных знаков и определений. Каждый из нас участвует в такого рода событиях, мы извлекаем из них некодированную информацию и преобразуем ее в мысленные образы.

Однако из внешнего мира мы получаем и кодированные информационные сообщения. Кодированная информация — это информация, смысл которой известен только знающим код. Все языки, на чем бы они ни были построены — язык слов, жестов, барабанов, иероглифическое, пиктографическое или узелковое письмо, — являются кодами. И вся информация, которая передается посредством языков, тоже кодирована.

Мы можем с известной долей надежности предполагать, что по мере того как общество растет и усложняется, увеличивается число кодов для передачи образов от одного человека к другому и соответственно относительное количество некодированной информации, получаемой обычным человеком, уменьшается. Другими словами, сегодня большая часть нашей системы образов строится на основе информационных сообщений, созданных человеком, а не на основе личных наблюдений «некодированных» явлений.

Далее мы можем отметить имеющие важное значение изменения в самой кодированной информации. Неграмотный крестьянин аграрного общества получал в основном «самодельные» сообщения. Он участвовал в обычном разговоре о хозяйстве, обменивался шутками с друзьями за кружкой пива, выслушивал ворчание, жалобы, хвастовство, детский лепет (и речь животных) и т. п. В силу своей природы эта информация имела следующие особенности: она была расплывчата, растянута, неструктурирована и неотредактирована.

Сравните эту информацию с кодированными сообщениями, которые регулярно получает горожанин современного индустриального общества. В дополнение ко всему вышеупомянутому он получает также — в основном через

средства массовой информации — сообщения, искусно составленные специалистами по коммуникации. Он слушает новости, он смотрит тщательно срежиссированные пьесы, передачи и фильмы, слышит подготовленные речи, музыку (которая является весьма жестко организованной формой коммуникации). Кроме всего прочего, в отличие от своего предка-крестьянина он читает по нескольку тысяч слов ежедневно, слов, подвергшихся предварительной редакции.

Индустриальная революция, способствуя небывалому развитию средств массовой информации, вносит коренные изменения в природу информации, получаемой обычным человеком. В дополнение к некодированным сообщениям, получаемым из окружающей среды, и кодированным, но «самодельным» сообщениям от окружающих, индивидуум получает всевозрастающее количество кодированных и предварительно спроектированных сообщений.

Эти спроектированные сообщения коренным образом отличаются от «самодельных»: они более сжаты, жестко организованны и менее расплывчаты. Они подчинены определенной цели, в них отсутствуют ненужные повторы, они сознательно созданы для того, чтобы содержать максимальное количество информации (теоретики коммуникации называют подобные сообщения «информационно обогащенными»).

С этим очень важным, но часто недооцениваемым фактом может столкнуться всякий, кто даст себе труд сравнить записанные на пленку 500 слов обычного домашнего разговора (т. е. кодированного, но неспроектированного сообщения) с 500 словами газетного текста (т. е. кодированного и спроектированного). Обычный разговор, как правило, изобилует повторами и паузами, идеи повторяются по нескольку раз, часто одними и теми же или почти одними и теми же словами.

500 слов газетного текста или кинодиалога тщательно отредактированы и сформированы. Идеи в них практически не повторяются. Грамматические правила, а в случае устного выражения артикуляция, в них соблюдаются четче, чем в обычном разговоре. Все лишнее отбрасывается. Ре-

дактор, писатель, режиссер — все, участвующие в конструировании сообщения, заинтересованы в том, чтобы «сюжет не стоял на месте», «действие развивалось». Не случайно в рекламе книг, фильмов, телеспектаклей звучит: «читается на одном дыхании» или «захватывающий приключенческий сюжет» и т. п. Ни один издатель или продюсер не станет представлять свое произведение как «монотонное» или «изобилующее повторами».

Итак, когда общество находится под непрерывным воздействием радио, телевидения, газет и журналов, когда доля спроектированных сообщений, получаемых индивидуумом, увеличивается (и соответственно уменьшается доля некодированных и неспроектированных), мы наблюдаем неуклонное увеличение скорости представления индивидууму имиджсодержащей информации. Поток кодированной информации с небывалой силой воздействует на его органы чувств.

И это можно считать одной из причин постоянной спешки современного человека. Но если для индустриального общества характерно ускорение обмена информацией, то в супериндустриальном обществе этот процесс развивается дальше. Волны кодированной информации вздымаются все выше и выше и обрушиваются на нервную систему человека.

УСКОРЕННЫЙ МОЦАРТ

Ныне в Соединенных Штатах среднее время, уделяемое взрослым человеком чтению газет, составляет 52 минуты в день. Этот же человек, тратящий почти час на чтение газет, читает также журналы, книги, объявления, рецепты, инструкции, этикетки на упаковках и т. п. Окруженный печатной информацией, он «усваивает» из великого множества бомбардирующих его печатных слов около десяти — двадцати тысяч. Тот же человек, вероятно, около часа с четвер-

тью в день слушает радио (или больше, если у него есть приемник, настраивающийся на разные станции). Если это новости, реклама, политические комментарии или другие подобные программы, он слышит около 11 000 прошедших предварительную обработку слов. Он также смотрит телевизор — добавим еще около 10 000 слов плюс целенаправленно сформированные визуальные образы.

Ничто, однако, не носит такого целенаправленного характера, как реклама, и сегодня средний американец подвергается воздействию около 560 рекламных сообщений ежедневно[8]. Из этих 560 он обращает внимание на 76, т. е. он «пропускает мимо ушей», чтобы сохранить запас внимания для другой информации.

Все это отражает пресс спроектированных информационных сообщений на воспринимающие системы человека. И этот пресс непрерывно усиливается. Стараясь передавать все более насыщенные имиджнесущей информацией сообщения со всевозрастающей скоростью, специалисты по коммуникации, художники и т. п. сознательно прилагают усилия к тому, чтобы каждое мгновение работы средств массовой информации несло возможно большую информационную и эмоциональную нагрузку.

Например, мы видим широкое использование символов для концентрации информации. Сегодняшний специалист по рекламе в стремлении вложить как можно больше информации в сознание потребителя в каждый данный момент времени усиленно пользуется приемами искусства, в частности образной символикой. Вспомним так часто используемого «тигра». В данном случае одно-единственное слово передает отчетливый визуальный образ, который в нашем сознании с детства связывается с мощью, силой и скоростью. Специальные журналы по промышленной рекламе (такие, например, как «Принтерз Инк») полны изощренных методических разработок по использованию вербальной и визуальной символики для увеличения образного потока. Пожалуй, в наше время многим художникам следовало бы поучиться новым приемам создания образов у рекламщиков.

Если специалисты по рекламе, которым приходится платить за каждую секунду рекламного времени на радио или телевидении и сражаться за внимание читателя на страницах газет и журналов, стараются вложить максимум образной информации в минимум времени, то есть свидетельства и того, что сама публика хотела бы увеличить скорость восприятия информации и преобразования ее в образы. Именно этим объясняется феноменальный успех курсов быстрого чтения у студентов колледжей, бизнесменов и политиков. Одна из ведущих школ быстрого чтения обещает увеличить исходную скорость чтения почти любого человека в три раза, а некоторые читатели заявляют, что умеют читать со скоростью буквально десятков тысяч слов в минуту (что, однако, оспаривается многими специалистами). Возможно это или нет, но ясно одно: общая скорость коммуникации возрастает. Занятые люди совершают героические усилия, ежедневно стараясь «перепахать» как можно больше информации. Предполагается, что в этом им может помочь быстрое чтение.

Увеличение скорости коммуникации ни в коей мере не ограничено лишь рекламой или печатью. Тем же желанием вложить максимальное количество информации в минимум времени объясняются эксперименты, проводимые психологами Американского исследовательского института. Они проигрывали запись лекции студентам со скоростью, превышающей нормальную, а потом проводили тестирование слушателей. Целью эксперимента было установить, усвоят ли студенты больше, если лектор будет говорить быстрее.

То же намерение увеличить поток информации связано с недавним увлечением мультиэкранными фильмами. На Всемирной выставке в Монреале почти в каждом павильоне зрители видели не традиционный экран с последовательно сменяющими друг друга визуальными образами, а два, три, пять экранов, функционировавших одновременно. В этом случае демонстрируется несколько сюжетов одновременно, что требует от зрителя либо способности воспринимать в каждый момент значительно больше информации, чем воспринимал любой заядлый любитель кино в прошлом, либо

производить отбор, блокировать восприятие определенных сообщений, чтобы поток стимулов оставался в разумных пределах.

Автор статьи в журнале «Лайф» под названием «Революция в кино для человека с блицумом» описывает мультиэкранное кино следующим образом: «Видеть одновременно шесть образов, а за двадцать минут увидеть эквивалент полнометражного фильма — это возбуждает и стимулирует разум». Далее он высказывается по поводу другого мультиэкранного фильма, утверждая, что, «вкладывая больше в каждый момент, мы сжимаем время».

Та же тенденция к ускорению заметна даже в музыке. На конференции композиторов и специалистов по компьютерной технике, не так давно состоявшейся в Сан-Франциско, говорилось о том, что в течение последних веков в музыке происходит «увеличение количества акустической информации, передаваемой за данный отрезок времени»[9]. Известно, что современные музыканты исполняют Моцарта, Баха и Гайдна в более быстром темпе, чем в те времена, когда они были созданы[10]. Итак, мы занимаемся ускорением Моцарта.

ПОЛУГРАМОТНЫЙ ШЕКСПИР

Если наши образы реальности меняются все быстрее, а процесс передачи образов ускоряется, то параллельные изменения должны затрагивать и системы кодов, которыми мы пользуемся. Язык тоже преобразуется. Согласно утверждению лингвиста Стюарта Берга Флекснера, главного редактора «Словаря английского языка» (Random House), «слова, которые мы употребляем, в наше время меняются быстрее и не только на уровне сленга, но на всех уровнях. Скорость, с которой слова входят в употребление и выходят из употребления, быстро растет. И это справедливо, по-видимому, не только для английского языка, но и для французского, русского или японского».

Флекснер иллюстрирует свою мысль интригующим предположением, что из 450 000 английских слов, употребляющихся сегодня, только около 250 000 были бы понятны Уильяму Шекспиру. Если бы Шекспир вдруг появился в современном Лондоне или Нью-Йорке, он смог бы понимать в среднем пять из девяти произносимых слов нашего словаря. Великий поэт оказался бы полуграмотным.

Это означает, что если во времена Шекспира в английском было столько же слов, сколько сейчас, то за четыре прошедших века по крайней мере 200 000 слов (а возможно, во много раз больше) вышли из употребления и были заменены. Более того, Флекснер считает, что около трети всего этого количества сменилось за последние пятьдесят лет[11]. Если это так, то, значит, сейчас словарь обновляется в три раза быстрее, чем в период 1564—1914 гг.

Это явление отражает изменения объектов, процессов и окружающего мира. Некоторые новые слова приходят прямиком из мира товаров широкого потребления и технологии. Так, например, такие слова, как fast-back, wash-and-wear, flashcube (кубик-обойма из четырех ламп-вспышек) пришли в массовый язык из рекламы. Другие появились благодаря газетным заголовкам. Sit-in (демонстрация против расовой дискриминации путем занятия мест в кафе и других местах, куда не пускают негров) и swim-in — продукт движений за гражданские права, teach-in (собрание) — кампании против войны во Вьетнаме, а be-in (дружеская встреча) и love-in (секс в общественных местах) — из субкультуры хиппи. Культ ЛСД привнес в язык такие новые слова, как acid-head (человек, регулярно пользующийся ЛСД) и psychedelic (психоделический).

На уровне сленга этот «словооборот» идет так быстро, что составители словарей вынуждены пересматривать свои критерии. «В 1954 году, — говорит Флекснер, — когда я начал работу над словарем американского сленга, я не включал слово в словарь, если не находил свидетельств его троекратного употребления в течение пяти лет. Сегодня такой критерий неприменим. Язык, как и искусство, становится все более подвержен быстротечным влияниям. Сленговые

термины fab (классный, сказочный) и gear (великолепный, отличный) не продержались и года. Они вошли в словарь подростков в 1966 г., а в конце 1967 г. их уже никто не употреблял. Пользоваться временным критерием для сленга больше нельзя».

Слова так быстро приходят в язык и уходят из него, потому что в современных условиях любое новое слово можно с необычайной скоростью ввести в общее употребление. В конце 50-х — начале 60-х годов можно было детально проследить путь некоторых слов. Например, слова из научного жаргона, такие как rubrick (рубрика, заголовок) и subsumed (отнесенный к какой-либо категории), были взяты из академических научных журналов и появились вначале в малотиражных периодических изданиях вроде «New York Review of Books» или «Commentary». Потом их принял «Эсквайр» с его тиражом 800 000 – 1 000 000 и, наконец, эти слова вошли в широкое употребление с помощью «Тайм», «Ньюсвик» и других крупных массовых журналов. Сегодня этот процесс не имеет промежуточных стадий. Издатели массовых журналов больше не пополняют свой словарь за счет промежуточных интеллектуальных изданий. Они в своем стремлении «не отстать» выуживают новые словечки непосредственно из научной литературы.

Когда Сьюзан Зонтаг в конце 1964 г. выкопала из забвения слово camp (лагерь) и построила на его основе очерк для «Партизан ревью», «Тайм» уже через несколько недель посвятил статью этому слову и давшей ему вторую жизнь писательнице, а еще через несколько недель это слово употреблялось всеми средствами массовой информации[12]. Сегодня оно уже снова вышло из употребления. Другое слово, промелькнувшее с поразительной скоростью, — teenybopper (девчонка-хиппи).

Более значительным примером постоянного обновления словаря является внезапное изменение значения слова «черный» (black). Многие годы чернокожие американцы считали употребление этого слова признаком расистских убеждений. Либерально настроенные белые добросовестно учили детей употреблять слово Negro (негр) и писать его с

заглавной буквы. Однако вскоре после того как Стокли Кармайкл в июне 1966 г. в Гринвуде, Миссисипи, провозгласил доктрину «власть черным», слово «черный» стало предметом особой гордости как среди чернокожих, так и среди белых сторонников движения за расовую справедливость. Белые либералы тогда пережили период некоторого смятения, не зная толком, как же теперь следует говорить — «черный» или «негр». Когда средства массовой информации приняли новый термин, слово «черный» было быстро узаконено. За несколько месяцев в язык вошло слово «черный», полностью вытеснив слово «негр».

Отмечены случаи еще более быстрого проникновения в повседневную речь новых слов. «Битлз», — говорит Флекснер, — когда находились на вершине славы, могли придумать любое слово, записать его на пластинку, и через месяц оно входило в язык. Какое-то время во всем НАСА от силы пятьдесят человек употребляли слово «А-ОК» (в наилучшем состоянии). Но когда американский астронавт произнес его во время полета, который показывали по телевизору, оно за один день стало общеупотребительным. То же самое справедливо в отношении других терминов, связанных с космосом, например «sputnik» (спутник) или all systems go (все в порядке)».

По мере того как новые слова входят в употребление, старые забываются. Сегодня картинка с обнаженной девушкой уже не называется «pin-up» или «cheesecake shot», она носит название «playmate». «Hep» (знающий, информированный) уступило место «hip» (то же значение), «hipster» — «hippie» (хиппи). «Go-go» (относящийся к танцовщицам в ночных клубах) вошло в обиход с ошеломляющей скоростью, но столь же быстро исчезло.

Быстрое обновление затрагивает и невербальные формы коммуникации. У нас есть не только сленговые слова, но и сленговые жесты: большой палец, выставленный вверх или вниз, большой палец, приставленный к носу, детский жест «как тебе не стыдно», жест, имитирующий перерезание горла и т. п. Специалисты, занимающиеся изучением

языка жестов, отмечают, что он также стал изменяться быстрее.

С изменением отношения к сексу некоторые жесты, ранее считавшиеся неприличными, стали более принятыми. Другие жесты получили более широкое распространение, чем в прошлом. В качестве примера Флекснер приводит жест презрения и вызова, когда человек размахивает поднятым кулаком. Возможно, это связано с появлением на американских экранах итальянских фильмов в начале 60-х. Многие жесты выходят из употребления или приобретают новое значение. Кружок, образованный большим и указательным пальцем, — знак того, что все идет хорошо, по-видимому постепенно выходит из моды, а изобретение Черчилля — два пальца в форме буквы V, — когда-то означавшее победу, теперь используется как знак протеста против войны.

В прошлом человек овладевал языком своего общества и пользовался им на протяжении всей жизни, его «отношения» с каждым словом или жестом оставались неизменными. Сегодня эти отношения непрерывно меняются.

ИСКУССТВО: КУБИЗМ И КИНЕТИЗМ

Искусство, как и жесты, представляет собой один из видов невербального выражения и основной канал передачи образов. Эта форма человеческой деятельности в настоящее время носит еще более эфемерный характер, чем прочие. Если рассматривать каждое художественное направление как язык, то мы увидим процесс вытеснения и замены уже не слов, а языков в целом. В прошлом человеку в течение его жизни достаточно редко приходилось быть свидетелем фундаментальных изменений художественного стиля. Стиль или школа, как правило, держались по крайней мере поколение. Сегодня же различные направления в искусстве сменяют друг друга с такой скоростью, что начина-

ет рябить в глазах — едва зритель успевает познакомиться с новой школой и понять ее язык, как она уже исчезает.

Возникнув в последней четверти прошлого века, импрессионизм был первым шагом в череде последовательных изменений. Он возник в то время, когда индустриализм совершал мощный рывок к вершине, что привнесло заметные изменения в темп повседневной жизни. «Это превосходит чудовищную скорость [технологического] развития, и ускорение кажется патологическим, особенно в сравнении со скоростью прогресса в более ранние периоды истории искусства и культуры», — высказывается специалист по истории искусств Арнольд Хаузер по поводу смены художественных стилей. Быстрое развитие технологии не только ускоряет перемены в моде, оно также меняет критерии эстетического вкуса... Продолжительное и ускоряющееся вытеснение старых предметов повседневного быта новыми... определяет и скорость переоценки явлений философии и искусства...»[13]

Импрессионизм был господствующим направлением в искусстве примерно с 1875 по 1910 г., т. е. приблизительно тридцать пять лет. С тех пор ни одно направление, ни одна художественная школа от футуризма до фовизма, от кубизма до сюрреализма не занимала доминирующего положения в течение хотя бы такого же по продолжительности периода. Стили непрерывно сменяли друг друга. Наиболее устойчивое течение XX столетия, экспрессионизм, продержалось почти двадцать лет, с 1940 по 1960 г. За ним в ураганном темпе последовали период «поп-арта», продолжавшийся примерно пять лет, и «оп-арт», школа, владевшая вниманием публики два или три года. Потом появилось «кинетическое» искусство, самим принципом которого является подвижность, непостоянство.

Эта фантасмагория происходит не только в Нью-Йорке или Сан-Франциско, то же самое творится в Париже, Риме, Стокгольме и Лондоне — везде, где есть художники. Роберт Хьюз в «Новом обществе» пишет: «В Англии любимым спортом стало провозглашение новых гениев... Ежегодное открытие нового направления в искусстве превратилось в

настоящую манию. Это эйфорическая, почти истерическая вера в обновление». Он считает, что стремление каждый год «открывать» новое направление в искусстве и собирать новый «урожай» художников — это «пародия на ситуацию, которая сама по себе является пародией — сплошные авангардистские перевороты в авангарде»[14].

Если художественные школы можно уподобить языку, то отдельные произведения искусства можно сравнить со словами. В таком случае процесс, происходящий в искусстве, совершенно аналогичен тому, что мы наблюдаем на вербальном уровне. Здесь также слова, т. е. произведения искусства, входят в употребление и исчезают со всевозрастающей скоростью. Работы художников на какое-то время запечатлеваются в нашем сознании, когда мы видим их в галерее или на страницах журнала, а потом они исчезают бесследно. Иногда они исчезают в буквальном смысле, потому что многие их этих работ представляют собой коллажи или конструкции, созданные из недолговечных материалов, и они по прошествии некоторого времени просто разваливаются на куски.

Неразбериха, происходящая сегодня в мире искусства, до некоторой степени связана с неспособностью культурного истеблишмента осознать, что ориентация на элиту и постоянство отжили свое, — по крайней мере так считает Джон Макхейл, наделенный богатым воображением шотландец, художник и социолог, возглавляющий Центр интегративных исследований при Нью-Йоркском государственном университете (Бингхэмптон). В смелом эссе «Пластмассовый Парфенон» Макхейл пишет, что «традиционные каноны оценки произведений искусства и литературы выдвигают на первый план нетленность, уникальность и непреходящую универсальную ценность». Он утверждает, что эти эстетические критерии были приемлемы в мире, где товары производились вручную и существовал относительно тонкий слой элиты, формирующий вкусы общества. Однако эти стандарты «ни в коей мере не адекватны современной ситуации, когда астрономическое число произведений искусства создается в процессе массового

производства, циркулирует и потребляется. Эти произведения могут быть идентичны или иметь незначительные различия. Это произведения искусства «разового употребления», они не обладают непреходящей «ценностью» и не несут в себе никакой уникальной «истины».

Современные художники, как считает Макхейл, не работают для немногочисленной элиты и не принимают всерьез идею нетленности как добродетели. По его мнению, будущее искусства «не в создании шедевров, живущих многие века». Современные произведения искусства недолговечны. Макхейл приходит к выводу о том, что «быстрые изменения условий человеческого существования требуют соответствующего им потока быстро сменяющих друг друга символических образов и сиюминутных впечатлений». Нам нужны «серийные, взаимозаменяемые «одноразовые» образы»[15].

Можно не согласиться с убеждением Макхейла, что недолговечность искусства — желательное явление. Вероятно, уход от постоянства — тактическая ошибка. Можно даже говорить о том, что наши художники пользуются средствами своего рода гомеопатической магии и поступают как примитивные народы, которые, сталкиваясь с недоступными пониманию силами, пытаются управлять ими, простодушно имитируя их действие. Но как бы мы ни относились к современному искусству, его изменчивость, недолговечность остаются неоспоримым фактом. Эту социальную и историческую тенденцию, являющуюся центральной для нашего времени, нельзя игнорировать. И совершенно понятно, что художники также не могут не реагировать на эту тенденцию.

Именно этим движением в сторону изменчивости объясняется появление самого быстротечного из произведений искусства — хэппенинга. Аллан Капроу, которому часто приписывают заслугу изобретения хэппенинга, неоднозначно указывает на связь этого художественного направления с особенностями нашей культуры. Согласно защитникам хэппенинга, в идеальном случае он должен происходить один

и только один раз. Таким образом, хэппенинг уподобляется чему-то вроде туалетной бумаги в искусстве.

Кинетическое искусство сродни конструированию из модулей в строительстве и технике. Кинетические скульптуры или конструкции ползают, свистят, скулят, изгибаются, дергаются, пульсируют, мигают, в них крутятся магнитофонные ленты, а их пластмассовые, железные, стеклянные и медные составные части организуются и реорганизуются в рамках некоей заданной, хотя подчас трудноуловимой мысли. Наиболее неизменной их частью являются проводка и крепеж, совсем как во «Дворце развлечений» Джоан Литлвуд, где самой долгоживущей частью являются портальные краны, предназначенные для постоянной перестановки модулей. Сама цель кинетического искусства заключается в создании максимальной изменчивости и максимального непостоянства. Джин Клэй говорит о том, что в традиционном произведении искусства «отношение каждой части к целому определено раз и навсегда, в кинетическом искусстве соотношение форм непрерывно меняется».

Сегодня многие художники работают в сотрудничестве с инженерами и учеными в надежде использовать последние достижения науки и техники для достижения собственной цели — символического воплощения общей тенденции к ускорению. «Скорость, — пишет французский критик Франкастель, — стала поистине невообразимой, а постоянное движение — интимным переживанием каждого человека». Искусство отражает эту новую реальность.

Итак, мы видим, что во Франции, Англии, Америке, Шотландии, Швеции, Израиле — по всему земному шару художники создают подвижные, кинетические образы. Их кредо, возможно, наилучшим образом выражено Иаковом Агамом, израильским кинетистом, сказавшим: «Мы отличаемся от того, чем были три минуты назад, а еще через три минуты снова будем другими... Я пытаюсь найти пластическое выражение этого подхода, создавая сиюминутные визуальные формы. Образ появляется и исчезает, но ничто не сохраняется».

Кульминацией подобных устремлений, безусловно, является создание вполне реальных так называемых дворцов развлечений, ночных клубов, где клиент попадает в среду с непрерывно меняющимися световыми, цветовыми и звуковыми параметрами. В результате он оказывается как бы внутри произведения кинетического искусства. И снова в данном случае самой долгоживущей частью целого является само здание, а дизайн интерьера рассчитан на создание временных комбинаций сенсорных сигналов. Считать ли это развлечением, наверное, зависит от конкретного человека, но общее направление движения очевидно. В искусстве, как и в языке, мы стремительно движемся в сторону непостоянства. Отношения человека с системой символических образов приобретают все более и более временный характер.

ВКЛАД СО СТОРОНЫ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

События проносятся в бешеном темпе, вынуждая человека пересматривать свои понятия, ранее сформированный образ реальности. Новые исследования опровергают старые представления о человеке и природе. Идеи приходят и уходят с безумной скоростью. (Эта скорость по крайней мере в науке, по существующим оценкам, возросла в 20—100 раз по сравнению с предыдущим веком.[16]) Имиджсодержащая информация обрушивается на наши чувства. Язык и искусство, коды, посредством которых мы передаем эту информацию, сами изменяются с возрастающей скоростью.

Все это не может не затрагивать человека. Он с большей скоростью должен оперировать своей системой образов для успешной адаптации к изменяющейся окружающей среде. В действительности никто не знает в точности, как мы преобразуем поступающие извне сигналы во внутренние образы. И все же психологи и специалисты в области информации способны пролить некоторый свет на процессы, происходящие при рождении нового образа.

Для начала они предполагают, что мысленная модель организована как система весьма сложных образных структур и что новые образы встраиваются в эти структуры в соответствии с определенными принципами классификации. Вновь формирующийся образ подключается к ряду образов, относящихся к тому же предмету. Мелкомасштабные и ограниченные по значению умозаключения занимают более низкий уровень, чем крупномасштабные обобщения. Образ проходит проверку на соответствие с теми, что уже находятся в данном ряду. (Есть свидетельства существования специфических нервных механизмов, ответственных за эту процедуру.) Каждый образ оценивается: если он тесно связан с нашими целями, он обладает ценностью, в противном случае он для нас маловажен. Каждый образ оценивается и по признаку «хорош» или «плох» он для нас. И наконец, мы оцениваем его истинность, решаем, насколько можно ему верить, достаточно ли он точно отображает реальность, можно ли на его основе строить свое поведение.

С новым образом, укладывающимся в уже сформированную систему образов, касающихся определенного предмета и соответствующего им, проблем не возникает. Но если, как это случается все чаще и чаще, новый образ неясен, если он не вполне соответствует или, хуже того, противоречит предыдущим умозаключениям, то вся мысленная модель должна пересматриваться. При этом необходимо заново классифицировать, увязывать друг с другом и изменять большое количество образов, пока не будет решена задача их приемлемой интеграции. Иногда приходится перестраивать целые группы образных структур, а в крайних случаях возникает необходимость коренной перестройки всей модели в целом.

Таким образом, мысленную модель следует рассматривать не как статичную «библиотеку» образов, а как живое существо, обладающее энергией и активностью. Мы не получаем извне некую «данность» пассивным путем, мы непрерывно конструируем и реконструируем воспринимаемое. Без устали сканируя окружающую среду с помощью орга-

нов чувств в поисках информации, относящейся к нашим потребностям и желаниям, мы постоянно реорганизуем и «подгоняем» нашу мысленную модель.

В каждый момент времени бесчисленные образы исчезают в бездне забытого. Другие входят в систему и встраиваются в ту или иную структуру. В то же время мы извлекаем образы, «пользуемся» ими и снова возвращаем в систему, возможно, на другое место. Мы постоянно сравниваем образы, устанавливаем между ними связи, меняем их взаимное положение. Именно эти процессы входят в понятие «умственной деятельности». Как и мышечная деятельность, умственная деятельность — это работа, и она требует большого расхода энергии.

Изменения, сотрясающие общество, увеличивают разрыв между нашими представлениями и тем, что есть на самом деле, между образами и реальностью, которую, как предполагается, эти образы отражают. Когда этот разрыв относительно невелик, мы можем более или менее рационально приноравливаться к изменениям, можем разумно реагировать на новые условия, т. е. мы сохраняем контакт с реальностью. Когда же разрыв велик, мы теряем способность к приспособлению, неадекватно реагируем, терпим неудачи, отступаем, наконец, впадаем в панику. В самом крайнем варианте, когда разрыв чрезмерно увеличивается, у человека развивается психоз, и он даже может умереть.

Чтобы сохранить приемлемую величину этого разрыва и способность к адаптации, мы стараемся обновлять свою систему образов, идти в ногу со временем, мы непрерывно переучиваемся. Ускорение процессов, происходящих во внешнем мире, вызывает ускорение процессов индивидуальной адаптации. Механизмы обработки образов, каковы бы они ни были, должны действовать с постоянно увеличивающейся нагрузкой.

Все это имеет последствия, которым часто не придается должного значения. Например, когда мы занимаемся классификацией образа, мы расходуем определенное и, возможно, поддающееся измерению количество энергии, что связано с деятельностью определенных структур мозга. В

процессе обучения расходуется энергия, а в процессе переучивания ее расходуется еще больше. «Все исследования обучения, — пишет Гарольд Д. Лассвелл из Йельского университета, — подтверждают, что как сохранение информации, так и ее стирание требуют затрат энергии»[17]. На уровне нервной деятельности это означает, что «любая сформированная система действует на основе сложной сети нервных клеток, проводящих путей и биохимических процессов... В каждый данный момент времени соматические структуры представляют собой сложнейший набор фиксированных форм и электрохимических потенциалов». Он имеет в виду нечто чрезвычайно простое: на переучивание — или, в нашей терминологии, на пересмотр системы образов — расходуется энергия.

Во всех разговорах о необходимости постоянно продолжать образование, в популярных дискуссиях о переучивании присутствует предположение, что человек может обучаться и переучиваться до бесконечности. Это не факт, а именно предположение, и оно нуждается в серьезной научной проверке. Процесс формирования и классификации образов в конечном итоге является процессом физиологическим, зависимым от определенных характеристик нервных клеток и химических компонентов тела. Как теперь стало известно, возможности нервной системы конкретного человека формировать образы имеют некий предел, обусловленный наследственными факторами. Как быстро и как часто может человек пересматривать внутренние образы, прежде чем он достигнет этого предела?

Никто не знает. Очень может быть, что эти пределы настолько превышают повседневные человеческие потребности, что подобные мрачные размышления просто не имеют под собой основания. И все же бросается в глаза один факт: ускорение изменений во внешнем мире заставляет человека ежеминутно менять представление об окружающем, а это, в свою очередь, предъявляет определенные требования к нервной системе. В прошлом у людей, адаптированных к относительно стабильным условиям среды, система мысленных связей, отражающих положение вещей в реальном

мире, сохранялась достаточно продолжительное время. Мы же в своем движении к обществу, отличительным признаком которого является изменчивость, должны непрерывно разрывать эти связи. И аналогично тому, как мы во все убыстряющемся темпе устанавливаем и разрываем свои связи с предметами, местами, людьми и организациями, мы должны все чаще и чаще перестраивать свои представления о реальности, мысленный образ мира.

В таком случае непостоянство, вынужденное сокращение продолжительности всевозможных связей человека — это не просто одно из условий окружающего мира. Оно отбрасывает тень на нашу внутреннюю сущность. Новые открытия, новые технологии, новое социальное устройство внешнего мира несут в нашу жизнь «ускорение оборота», сокращение продолжительности связей и отношений. Внешние изменения требуют ускорения темпа повседневной жизни. Они требуют нового уровня адаптационных возможностей. И они создают предпосылки для серьезной социальной болезни — шока будущего.

---

[1] Со всевозрастающей скоростью по сравнению с временами Ллойд-Джорджа меняются не только премьер-министры, но и кабинеты. По словам политолога Антони Кинга из Университета Эссекса, «для Великобритании сейчас характерна более высокая скорость смены высших министерских чиновников, чем для любой страны Запада, как, впрочем, и Востока. Эта скорость значительно выше, чем в 1914 г. или до 1939 г.». См.: Britain's Ministerial Turnover// New Society, August 18, 1966, с. 257.

[2] Фишвик цитируется по: Is American History A Happening? by Marshall Fishwick // Saturday Review, May 13, 1967, с. 20.

[3] Клапп цитируется по: [228], с. 251, 261.

[4] Чайльд цитируется по: [203], с. 108–109.

[5] Информацию о воспитании детей см.: в [102], с. 168–169.

[6] Распространение фрейдизма обсуждается в: [190], с. 94–95.

[7] Цитату из работы Корнберга можно найти в Libraries by Alvin Toffler in Bricks and Mortarboards, A Report from Educational Facilities Laboratories, Inc., on College Planning and Building, с. 93.

[8] О потоке рекламы, воздействующем на человека, см.: [65], с. 5–6.

[9] О конференции композиторов и специалистов по компьютерной технике см.: The New York Times, November 14, 1966.

[10] «Ускорение» музыки комментируется также Дэвидом Рисманом в [192], с. 178. Профессиональные композиторы и музыканты, с которыми я беседовал, также разделяют мнение, что сегодня мы играем быстрее. (Мы также исполняем классическую музыку в более высокой тональности, что бы это ни означало.)

[11] Цитаты из Флекснера взяты из интервью с автором.

[12] Статья о Зонтаг и слове «camp». См.: Time, December 11, 1964, с. 75.

[13] Ссылка на Хаузера приводится в: [208], т. 4, с. 67.

[14] Смена художественных направлений отмечается Робертом Хьюзом (Robert Hughes) в: Stop Wasting Time in New Society, February 2, 1967, с. 170–171.

[15] Комментарии Макхейла приводятся из его эссе The Plastic Parthenon (draft version) from Lineastruttura, June, 1966; а также из его The Expendable Ikon // Architectural Design, February/March, 1959. См. также: [164].

[16] О скорости изменения научных представлений см.: [200], с. 163.

[17] Комментарии, касающиеся энергетической стоимости переучивания, взяты из The Changing Nature of Human Nature by Harold D. Lasswell // the American Journal of Psychoanalysis, vol. XXYI, № 2, p. 164.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОВИЗНА

Глава 9

НАУЧНЫМИ ПУТЯМИ

Мы организуем новое общество. Не общество, слегка измененное. Не новую версию сегодняшнего «больше, чем жизнь» общества. А совершенно новое общество.

Эта простая мысль до сих пор не стала достоянием нашего сознания. Однако если мы не осознаем этого, то будем разрушать самих себя в попытках бороться с завтрашним днем.

Любая революция разрушает основные общественные институты и его властные структуры. Это в явном виде происходит во всех высокоразвитых странах. Студенты в Берлине и Нью-Йорке, Турине и Токио берут в заложники своих деканов, сотрясая до основания образовательную систему и угрожая сбросить само правительство. Полиция не вмешивается в дела гетто в Вашингтоне, Чикаго и Нью-Йорке, где повсеместно нарушаются древние законы собственности. Сексуальные стандарты изменяются. Великие города парализованы забастовками, крупнейшими авариями и нарушениями общественного порядка. Международные альянсы разрушаются. Финансовые и политические лидеры испытывают тайный страх, но не перед коммунистическими или другими революционерами, которые угрожают им свержением, а оттого что привычная система перестает быть стабильной и уходит из-под контроля.

Все это несомненные факты болезни социальной структуры, которая уже не может функционировать по-старому. Наше общество испытывает муки революционных измене-

ний. В 20—30-х годах коммунисты использовали клише «общий кризис капитализма». Сегодня ясно, что они слишком узко смотрели. То, что происходит — не просто кризис капитализма, а кризис всех индустриальных обществ, независимо от политических форм. Одновременно мы переживаем революцию молодости, сексуальную революцию, расовую революцию, колониальную революцию, экономическую революцию и очень быструю и глубоко идущую технологическую революцию. Поэтому вполне можно говорить, что мы находимся в эпицентре сверхиндустриальной революции.

Непонимание этого факта ослабляет способность индивида воспринимать настоящее, а также заставляет вполне умного человека говорить несуразные вещи в рассуждениях о будущем. Обычно это упрощенное прямолинейное мышление. Например, очевидность бюрократизма сегодня заставляет их думать, что завтра будет еще больше бюрократизма. Такая прямолинейность свойственна в большей части разговоров и произведений о будущем, что заставляет нас заниматься ложными проблемами будущего.

Необходимо некоторое воображение, для того чтобы противостоять революции, ведь она не развивается строго по прямой. Она закручивает спираль изменений, движется рывками, иногда возвращаясь назад. Она принимает форму квантованных рывков и диалектического единства противоположностей. И только исходя из тезиса, что мы движемся в направлении совершенно новой стадии экотехнологического развития — сверхиндустриальной стадии, — мы сможем понять наше время. Только предполагая революционные изменения, мы сможем раскрепостить наше сознание и попытаться решить задачи, которые ставит перед нами будущее.

Революция подразумевает новизну. Она наполняет новизной жизнь бесчисленного количества людей, противопоставляя их незнакомым институтам и новым ситуациям. Достигая самой глубины нашей личной жизни, быстрые и огромные изменения коснутся традиционных семейных структур и сексуальных установок. Они разобьют вдребезги привычные взаимоотношения между молодежью и стари-

ками. Они свергнут наши традиционные ценности — деньги и успех. Они изменят работу, игру и образование до неузнаваемости. Но при этом все будет сделано в рамках захватывающего, элегантного, но в то же время и пугающего научного прогресса.

Если быстротечность является одним ключом к пониманию нового общества, то «новизна» является вторым ключом. Будущее будет разворачиваться как бесконечная последовательность причудливых происшествий, сенсационных открытий, невероятных конфликтов и совершенно новых противоречий. Это значит, что многие члены сверхиндустриального общества никогда не почувствуют себя в «своей тарелке» в будущем. Представив себе путешественника, который остается чужим в чужой стране, который только ее почувствовал и приспособился к ее нравам, но уже должен двигаться дальше, в другую чужую страну, мы можем понять ощущения человека будущего.

Сверхиндустриальная революция может уничтожить голод, болезни, невежество и насилие. Более того, вопреки пессимистичным предсказаниям прямолинейных мыслителей, сверхиндустриализм не будет ограничивать человека, не будет требовать от него сурового и мучительного единообразия. Наоборот, он откроет массу новых возможностей для персонального роста, приключений и наслаждений. Он будет разноцветным и удивительно открытым для индивидуальности. Проблемой каждого человека будет не проблема выживания в условиях жестокого режима и стандартизации, а, как мы видели, проблема выживания в условиях полной свободы.

Пока человек не осознает этого, он никогда не сможет приспособиться к полному новизны окружению. Жить в более или менее знакомом окружении, даже во все более и более ускоренном темпе — не то же самое, что жить в незнакомой, странной и беспрецедентной атмосфере. Освободившиеся силы новизны поставят человека в условия необычные и непредсказуемые. Возникает проблема адаптации на новом и достаточно рискованном уровне. Быстротечность и новизна — это взрывоопасная смесь.

Для того чтобы все сказанное не казалось сомнительной спекуляцией, давайте посмотрим на некоторые из проявлений новизны, которые лежат на поверхности. Комбинируя рациональное мышление со всем воображением, на которое мы способны, давайте спроецируем нас самих (сильно, мощно, действенно) на будущее. Делая это, давайте не будем бояться ошибиться — страх сковывает свободу воображения. Более того, думая о будущем, лучше ошибаться, проявляя смелость, чем осторожность.

Мы увидим, почему в определенный момент начинают обращать внимание на тех, кто уже сегодня создает это будущее. Послушайте, что они говорят о некоторых достижениях, которые вот-вот вырвутся из их лабораторий и фабрик.

НОВАЯ АТЛАНТИДА

«В ближайшие 50 лет, — говорит доктор Ф. Н. Спайс, руководитель Морской физической лаборатории Института океанографии Скриппса, — человек пойдет к морю и в море, освоит его и будет эксплуатировать его как интегральную часть нашей планеты: для отдыха, как источник минералов, пищи, для хранения отходов, в военных целях и для транспортных перевозок и, из-за роста населения Земли, как реальное жизненное пространство»[1].

Более чем две трети поверхности планеты покрыты океанами, и только 5% морской территории хорошо изучено. Этот подводный мир богат нефтью, газом, углем, алмазами, серой, кобальтом, ураном, оловом, фосфатами и другими минералами. Он изобилует рыбой и другими живыми организмами.

Это огромное богатство будет завоевано и начнет эксплуатироваться в ошеломляющих масштабах. Сегодня только в США более 600 компаний, включая такие гиганты, как «Стандарт Ойл» и «Юнион Карбид», уже внутренне готовы к серьезному соперничеству за море.

Это состязание будет усиливаться год от года, оказывая далеко идущее влияние на само общество. Кто владеет дном океана и морской жизнью, которая его населяет? Когда горноперерабатывающие предприятия на дне океана станут экономически выгодными, мы можем ожидать нарушения баланса ресурсов между различными странами. Япония уже добывает 10 млн. тонн угля каждый год из подводных шахт; Малайзия, Индонезия и Таиланд уже добывают олово из океана. Через некоторое время вполне могут начаться войны между странами за отдельные участки дна океана. Изменяется также темп индустриализации стран, которые до сих пор считались бедными ресурсами.

С технологической точки зрения, новые индустрии будут переориентироваться на переработку продуктов океана. Отдельные отрасли будут специализироваться на производстве сложнейшей и дорогостоящей техники для работы в условиях моря: глубоководные исследовательские корабли, спасательные подводные лодки, электронные «пастухи» «рыбных стад» и тому подобное. Темп морального старения оборудования и технологий в этих отраслях будет очень быстрым. Конкуренция будет стимулировать любые ускоряющие внедрения.

В наш язык быстро проникнут новые слова. Термин «аквасельхозкультура» (научное разведение источников морской пищи) займет свое место рядом со словом «сельскохозяйственный». Само слово «вода», имеющее вполне определенные символические и эмоциональные ассоциации, приобретет совершенно новые дополнительные оттенки. Вместе с новым словарем придут новые символы в поэзию, живопись, кино и другие искусства. Образы форм океанской жизни найдут свое воплощение в графических и индустриальных проектах. Веяния моды будут отражать наш интерес к океану. Появится новый текстиль, новые пластики и другие новые материалы. Будут найдены новые лекарства для лечения болезней или для повышения иммунитета.

Что особенно важно, увеличение использования морских продуктов вызовет изменение рациона питания миллионов людей, что само по себе несет много неизведанного.

Что произойдет с жизненной энергией людей, с их честолюбием, не говоря об их биохимии, их среднем росте и весе, скорости их мутации, длительности их жизни, их типичных болезнях, даже их психологических реакциях, когда общество сместит акцент с использования сельхозпродуктов на использование аквапродуктов?

Морские открытия могут принести с собой дух первооткрывателей — образ жизни, который сулит невероятные приключения, быстрое богатство и славу. Позже, когда человек начнет колонизировать континентальные шельфы и, вероятно, даже более глубокие места, за инженерами последуют переселенцы, которые построят искусственные города под водой — рабочие, научные, медицинские и игровые города с больницами, отелями и жилыми домами.

Все эти достижения будущего видятся еще слишком далекими и неправдоподобными, но для того чтобы понять, насколько это будущее близко, достаточно упомянуть д-ра Уолтера Робба, ученого из «Дженерал Электрик», который уже держит живого хомяка под водой в коробке, которая в действительности является искусственными жабрами. Она состоит из синтетических мембран, извлекающих воздух из окружающей воды и препятствующих проникновению ее внутрь. Эти мембраны сформированы снизу, сверху и на двух сторонах коробки с подопытным животным. Без «жабер» животное задохнется, а с ними оно способно дышать под водой. «Дженерал Электрик» (GE) утверждает, что мог бы снабжать воздухом жителей подводной экспериментальной станции, используя подобные мембраны. Они могут быть размещены на стенках подводных апартаментов: домов, гостиниц и других строений или даже (не зря же они называются искусственными жабрами) на самом теле человека.

Вся прошлая научно-фантастическая художественная литература о человеке с вживленными искусственными жабрами не так уж и наивна, и не так уж надуманны все те проблемы, которые она подняла. Мы можем воспитать специалистов для работ в океане, мужчин и женщин, которые не только морально, но и физически будут готовы для та-

ких подводных работ, игр, любви и секса. Но даже если мы не будем останавливаться на подобных радикальных проектах, вполне вероятно, что освоение океана создаст не только новые профессии, но и новые стили жизни, новые морские субкультуры и, вероятно, даже новые религиозные секты или тайные морские культы.

Необходимо только не мечтать о далеком и нереальном, а суметь распознать новое окружение, которое неизбежно изменит жизнь, работу, восприятие мира, принесет новые сенсации, новые краски и формы, новые способы мышления и новые чувства. Более того, такое вторжение в море, свидетелями первой волны которого мы будем незадолго до наступления 2000 г., только одна из взаимосвязанных научно-технических тенденций, которые сегодня бурно развиваются. Все они, конечно же, наполнены новыми социальными и психологическими формами.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ И ЛИЧНОСТЬ

Завоевания океана напрямую связаны с умением точного предсказания погоды и особенно с контролем климата. То, что мы называем погодой, — в значительной степени продукт взаимодействия солнца, воздуха и океана. Постоянно контролируя океанические течения, состояние воды и другие факторы, запуская для этого все новые метеорологические спутники, мы будем усиливать нашу способность точнее предсказывать погоду. Д-р Уолтер О. Робертс, в прошлом президент Американской ассоциации развития науки, пишет: «Мы предвидим проведение полного глобального и непрерывного наблюдения за изменением погоды к середине 70-х, при этом по разумной цене. Такое наблюдение даст возможность получать более точный прогноз погоды, штормов, заморозков, пожаров, даст возможность предотвратить многие стихийные бедствия. Мы сможем предвидеть также потаенную, вне нашего сегодняшнего осознания, опасность потенциального оружия

будущих войн — умышленные манипуляции погодой для выгоды отдельных могущественных организаций и на погибель противнику (или конкуренту) и вероятным свидетелям»[2].

В научной фантастике, в новелле, озаглавленной «Человек погоды», Теодор Л. Томас изображает мир, в котором центральный политический институт — это так называемый институт погоды. В этом институте представители различных наций вырабатывают политику погоды и управляют массами, используя природные катаклизмы: шторма — здесь, засухи — там, что позволяет поддерживать значимость их указов. Сегодня мы находимся только в начале пути такого тщательного управления погодой. Однако нет сомнений в том, что прошли дни, когда человек просто получал то, что ему пошлют небеса, не пытаясь вмешиваться в развитие природных явлений. Американское метеорологическое общество прямо заявляет: «Управление погодой сегодня — это реальность»[3].

Реальная возможность управления погодой — одна из поворотных точек в истории человечества. Впервые человек может активно влиять на развитие сельского хозяйства, транспортные перевозки, коммуникации, зоны отдыха. Если не пользоваться этим оружием с величайшей осторожностью, такой дар управления погодой вполне может привести к гибели человечества. Состояние погоды полностью взаимосвязано; небольшое изменение в одном месте может вызвать губительные последствия в других местах. Даже без агрессивных целей попытка борьбы с засухой в одном месте может вызвать торнадо в другом.

Кроме того, совершенно неизвестно, каковы социально-психологические последствия манипуляций погодой. Например, многие из нас испытывают недостаток в солнечном свете — это показывает массовая миграция населения на побережья Флориды, Калифорнии или Средиземноморья. Администрация национальной аэронавтики и космоса (НАСА) изучает концепцию гигантского орбитального зеркала, способного отражать солнечный свет в направлении ночной стороны Земли. Официальный представитель НАСА Джордж Е.

Миллер заявил в конгрессе, что США будут способны вывести на орбиту огромный спутник, отражающий солнечный свет, уже где-то в середине 70-х годов (кстати, из его слов можно предположить, что вполне реально вывести такой спутник, который заслонит собой Солнце над определенными районами, погружая их по меньшей мере в полутень).

Естественный сегодня цикл дня и ночи определяет биологические ритмы человека, которые еще не до конца изучены. Вполне можно представить использование орбитальных солнечных зеркал с целью изменения светового режима для сельскохозяйственных, индустриальных или даже психофизиологических целей. Например, введение более продолжительного дня в Скандинавии могло бы значительно изменить тип культуры и национальный характер (так называемый нордический характер) этого региона. В качестве шутки предположим, что случилось бы с взлелеянным Ингмаром Бергманом искусством, порожденным темнотой Стокгольма, если бы она была развеяна? Можно ли представить, чтобы «Седьмая печать» или «Ночной свет» были написаны в другом климате?

Растущие возможности изменения погоды, новые источники энергии, новые материалы (некоторые из них просто сюрреалистичны по своим возможностям), новые транспортные средства, новые виды пищи (не только из моря, но и из гигантских гидропонных фабрик еды) — все это только первые воздействия на природу тех ускоряющихся изменений, которые еще впереди.

ГОЛОС ДЕЛЬФИНА

В «Войне с саламандрами» — прекрасном романе Карела Чапека — человек, пытаясь приручить разные виды саламандр, почти вызывает гибель цивилизации[4]. Сегодня, помимо прочего, человек учится использовать животный мир такими способами, которые вызвали бы улыбку Чапека.

Тренированные голуби используются для поиска и вытаскивания дефектных таблеток на конвейерах фармацевтических фабрик. На Украине советские ученые используют особые виды рыб для очистки от водорослей фильтров насосных станций. Дельфины обучались приносить инструменты водолазам, погружающимся у берегов Калифорнии, и защищать от акул тех водолазов, которые достигают рабочей зоны. Другие тренировались таранить подводные мины. Взрывая их, дельфины совершали самоубийство во имя человека. Такое использование дельфинов вызвало потрясение в области межвидовой этики[5].

Взаимодействие дельфина и человека очень полезно для предполагаемого контакта с внеземной цивилизацией, возможность которого некоторые ученые считают практически неизбежной. В то же время исследование дельфинов дает новые факты о том, что сенсорные аппараты человека и дельфина различны[6]. Это обусловлено некоторыми внешними ограничениями, в которых работает человеческий организм; восприятие, настроение, ощущения, не доступные человеку вследствие его биологического строения, могут быть теперь по крайней мере проанализированы или описаны.

Существование разнообразия видов животных — это не все, с чем мы можем иметь дело. Некоторые писатели в свое время писали о выведении новых форм живых организмов для специальных целей. Сэр Джордж Томсон замечает, что «с развитием знаний о генетике можно серьезно изменить разнообразные виды животных»[7]. Артур Кларк писал о возможности «увеличения умственных способностей домашних животных или выведении совершенно новых видов животных с более высоким, чем прежде, уровнем IQ[8]»*. Мы также изучаем способы управления животными на расстоянии. Д-р Хозе М. Р. Дельгадо провел серию экспериментов, ужасающих человеческими возможностями. Он имплантировал электроды в голову буйвола. Покачивая красной накидкой, Дельгадо возбуждал животное, провоцируя нападение. После этого, посылая сигнал от небольшого

* Коэффициент умственного развития. — *Примеч. пер.*

ручного передатчика, он заставлял животное разворачиваться и отбегать[9].

Будем ли мы выращивать специальных управляемых животных, послушных нам, или мы пойдем по пути создания роботов-уборщиков для дома, в основном зависит от состязания между науками о жизни и физическими науками. Вполне возможно, что более выгодно создавать машины, выполняющие различные функции, чем выращивать и тренировать животных. Биологические науки сегодня развиваются так быстро, что баланс может быть достигнут уже при нашей жизни. Фактически недалек тот день, когда мы для наших нужд будем выращивать машины.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАБРИКИ

Выращивать и тренировать животных может быть дорого. Но что произойдет, когда мы дойдем в эволюционных масштабах до уровня бактерий, вирусов и других микроорганизмов? Сможем ли мы обуздать жизнь в ее примитивных формах так, как мы объезжаем лошадь? На наших глазах появляется новая наука, основанная на принципах управления развитием микроорганизмов, которая обещает изменить саму природу индустрии, какую мы знаем.

«В доисторическом прошлом наши предки одомашнили различные виды растений и животных, — говорит биохимик Марвин Дж. Джонсон из университета штата Висконсин, — но микроорганизмы не были приручены до самого последнего времени в первую очередь потому, что человек не знал об их существовании»[10]. Сегодня мы производим и используем в больших масштабах витамины, энзимы, антибиотики, лимонные кислоты и другие полезные компоненты. Около 2000 г., если проблема питания будет расти так же интенсивно, биологи начнут выращивать микроорганизмы для использования в питании животных и, быть может, самих людей.

В университете города Упсалы в Швеции я имел возможность обсудить эти проблемы с Арне Тицелиусом, нобелевским лауреатом в области биохимии, в настоящее время президентом Нобелевского комитета. «Возможно ли, — спросил я его, — чтобы когда-нибудь мы смогли построить биологические механические системы, которые могут использоваться в производстве, но которые будут состоять не из пластика или металла, а из живых организмов?» Он ответил недвусмысленно: «Мы уже достигли этого уровня. Великое будущее индустрии связано с биологией. Один из наиболее ярких примеров начала этого огромного технологического процесса — это Япония, которая после войны имела не только свое собственное кораблестроение, но и свою микробиологию. Теперь Япония обладает огромными индустриальными мощностями, основанными на микробиологии. Большая часть их пищевой индустрии построена на процессах, в которых основную роль играют бактерии. Сегодня они производят много видов полезных продуктов. Например, аминокислоты. В Швеции сейчас все говорят о необходимости усиления позиций в области микробиологии.

Видите ли, необходимо научиться думать не только в терминах вирусов или молекул... Индустриальные процессы по большей части основываются на процессах с участием человека. Вы получаете сталь, обрабатывая железную руду с использованием угля. Вспомните об индустрии пластиков — искусственных продуктов, сделанных из нефти. Но замечательно, что даже сегодня, несмотря на огромное развитие химии и химических технологий, не существует ни одного пищевого продукта, произведенного индустриально и способного соперничать с фермерским хозяйством.

В этой области и в большей части других областей производства природа пока безоговорочно главенствует над человеком, даже над наиболее опытными инженерами-химиками и исследователями. Что же из этого следует? По мере того как мы постепенно узнаем, как природа что-либо создает, и по мере того как мы учимся имитировать природу, мы будем создавать совершенно иные процессы. Они

станут основой индустрий новых типов — биологических фабрик и биологических технологий.

Зеленые растения получают энергию с помощью Солнца и атмосферного углекислого газа. Это очень эффективный механизм. Зеленые листья являются чудесными машинами. Мы знаем об их работе сегодня гораздо больше, чем 2—3 года назад, но все еще недостаточно, чтобы имитировать этот процесс. В природе существует огромное количество таких механизмов».

«Когда-нибудь, — продолжал Тицелиус, — мы сможем использовать эти процессы. Не просто производить продукты химическими способами, а выращивать их специальные виды».

Можно представить себе даже биологические компоненты машин, например в компьютерах. «Вполне очевидно, — продолжал Тицелиус, — что компьютеры далеки от имитации работы нашего головного мозга. Когда мы узнаем больше о работе нашего мозга, я не удивлюсь, если будут созданы виды биологических компьютеров... Такие компьютеры могут иметь электронные компоненты, вживленные наряду с биологическими компонентами в реальный мозг. А в более далеком будущем вполне реально, что отдельные биологические компоненты сами могут стать частями машин»[11]. Именно такие идеи привели Жана Фурастье, французского экономиста и плановика, к довольно смелой формулировке: «Человек находится на пути интегрирования жизненных тканей в работу физических машин... мы сможем создать в ближайшем будущем машины, состоящие из металла и живых тканей одновременно... В свете этого человеческое тело само рассматривается по-новому»[12].

ДОПРОЕКТНОЕ ТЕЛО

Подобно географии планеты, человеческое тело до последнего времени представлялось неизменной основой человеческого знания, «данностью». Однако мы быстро

приближаемся к тому дню, когда тело перестанет быть данностью. Человечество в довольно короткие сроки получит возможность изменить не только человеческое тело, но и всю человеческую расу.

В 1962 г. д-р Дж. Д. Уотсон и д-р Ф. Х. С. Крик получили Нобелевскую премию за описание молекулы ДНК. С тех пор периодически сообщается о все новых и новых достижениях генетики. Молекулярная биология неудержимо врывается в мир. Новые генетические знания позволяют нам уже сегодня работать с человеческой наследственностью и манипулировать генами для создания совершенно новой «версии» человека.

Одна из наиболее фантастических возможностей заключается в том, что человек сможет сделать биологическую углеродную копию самого себя. С помощью процесса, известного как «клонирование», из ядер взрослых клеток будет можно выращивать новые организмы с теми же генетическими характеристиками человека, которые присутствуют в клеточных ядрах. Получившаяся «копия» человека начнет жизнь с генетическими способностями, идентичными способностям донора, хотя другая культурная среда может изменить не только личностное, но и физическое развитие клона.

Клонирование изменит отношение людей к своему собственному рождению и даст почувствовать, как мир скручивается вокруг нас. Клонирование, среди прочего, обеспечит нам неопровержимое эмпирическое доказательство, которое поможет разрешить раз и навсегда древние противоречия: «природа против природы» или «наследственность против окружающей среды». Решение этой проблемы и определение ценности каждого человека стало бы одним из наиболее ключевых моментов человеческого интеллектуального развития. Целые библиотеки философских спекуляций могут быть в одно мгновение выброшены на свалку. Ответ на этот вопрос открыл бы пути для быстрого, квалифицированного развития психологии, философии, морали и дюжины других областей.

Но клонирование может создать и невиданные сложности для человеческой расы. Привлекательна идея сохранить копию Альберта Эйнштейна для будущих поколений. Но как быть с Адольфом Гитлером? Должен ли существовать закон, регулирующий клонирование? Нобелевский лауреат Джошуа Ледерберг, ученый с очень высокой социальной ответственностью, вполне допускает такой вариант: если человек самовлюблен, то его клон будет также самовлюбленным и т. п.

Даже если нарциссизм скорее культурная, чем биологическая проблема, существуют другие неразрешимые трудности. Ледерберг поднял такой вопрос: может ли человеческое клонирование, если оно разрешено, «идти бесконтрольно»? «Я использую эту фразу, — говорил он мне однажды, — почти в том же смысле, что и по отношению к ядерной энергии. Оно будет находиться под контролем, если будет достаточно позитивных причин сделать это... Эти причины могут быть следующие: увеличение взаимопонимания, особенно в области образования, между одинаковыми генотипами. Подобие неврологического и физического строения может сделать более легким передачу идентичным копиям технических и других знаний от одного поколения к другому».

Когда клонирование станет возможным? «Мы уже можем клонировать земноводных, — говорит Ледерберг, — и в принципе можем и млекопитающих. Для меня не будет сюрпризом, если сообщение о таком клонировании появится в один из ближайших дней. Когда же точно кто-нибудь возьмет на себя смелость сделать клон человека, я не берусь сказать, однако предполагаю, что это произойдет в пределах 15 лет».

В пределах тех же 15 лет ученые научатся выращивать различные органы тела, и они, без сомнения, начнут эксперименты с различными средствами их модификации. Как говорит Ледерберг: «Вещи, подобные размеру мозга и определенным чувствительным качествам мозга, скоро будут находиться под прямым эволюционным контролем... Я думаю, что это вскоре произойдет»[13].

Для неспециалистов важно понимать, что в научном обществе Ледерберг не один мучается сомнениями относительно перспектив развития науки. Опасность биологической революции видят многие его коллеги. Новая биология подняла этические, моральные и политические вопросы, а также вызвала сомнения, колебания и страх. Кто будет жить, а кто умрет? Кто будет управлять исследованиями в этих областях? Кто такой человек? Как применять новые открытия? Сможем ли мы избежать чувства отвращения и ужаса по отношению к тому, к чему человек еще не подготовлен? Многие лидеры мировой науки думают о часах, отсчитывающих время до «биологической Хиросимы».

Давайте представим, например, применение биологических открытий в такой отрасли, которую можно определить как «технологию рождения». Д-р Е. С. Е. Хафез, всемирно известный биолог из Вашингтонского государственного университета, публично высказался — на основании своих удивительных работ по репродукции — о том, что «через каких-нибудь 10—15 лет женщина будет способна купить небольшой замороженный эмбрион, вручить его своему доктору, вживить в свою матку, выносить девять месяцев и после этого родить его, как если бы он был зачат в ее собственном теле. Эмбрион, как и было задумано, родится с гарантией, что он будет свободен от генетических дефектов. Покупательница может также оговорить цвет глаз и волос ребенка, его пол, его вероятные размеры в зрелости и его вероятное IQ».

Через какое-то время можно будет вырастить человека и вне женской матки. Нет принципиальных препятствий для появления детей вне человеческого тела. Результаты работ, начатых д-ром Даниэлем Петруччи в Болонье и других ученых в США и СССР, говорят о том, что это вопрос всего лишь нескольких лет. Женщины, которые хотят иметь детей без дискомфорта беременности, получат такую возможность[14].

Потенциальные применения таких открытий заставляют вспомнить роман «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли и поразительную научную фантастику. Тот же д-р Хафез

предположил, что внеутробное оплодотворение может быть очень полезным при колонизации планет. Мы могли бы послать на Марс не взрослых, а обувную коробку, наполненную такими клетками, и вырастить их, получив население большого города уже на Марсе. «Посмотрите, сколько нужно потратить топлива, чтобы поднять каждый фунт со стартового стола, — проповедует д-р Хафез, — для чего же посылать взрослых мужчин и женщин на борту космического корабля? Почему бы не отправить крошечные эмбрионы под присмотром одного опытного биолога... Чем не пассажиры?»

Задолго до того, как в отношении внешнего космоса произойдут все эти изменения, наш дом на Земле испытает на себе воздействие новейших технологий, разбивающих наши представления о сексуальности, материнстве, любви, деторождении и образовании. Пока идут дискуссии о будущем семьи, в лабораториях варится «ведьмино варево». Моральный и эмоциональный выбор, который нам предстоит в ближайшее десятилетие, поистине может свести с ума.

Среди биологов уже бушуют бешеные дискуссии об этических проблемах евгеники. Должны ли мы задумываться о разведении расы «лучших» людей? И что при этом означает «лучших»? Кто сможет это решить? Вопросы не новы. Те методы, которые вскоре будут доступны, сломают традиционные ограничения в аргументации. Мы же можем себе позволить представить замечательную человеческую расу, состоящую не из фермеров, трудолюбиво разводящих скот, а из художников, использующих для этого разведения широкий диапазон новых ярких и необычных цветов, силуэтов и форм.

Недалеко от дороги № 80, вблизи небольшого городка Хазарда, штат Кентукки, есть место, хорошо известное как Долина беспокойного ручья. Там в небольшом сообществе жителей лесной глуши есть семья, у членов которой голубая кожа. Если верить д-ру Мэдисону Кевину из Медицинского колледжа Университета штата Кентукки, который нашел эту семью и проследил ее историю, люди

с голубой кожей абсолютно нормальны во всех других отношениях. Их необычный цвет — следствие редкого дефицита фермента, и этот дефицит передается из поколения в поколение[15].

Учитывая быстрое развитие генетики, можно считать, что мы способны создать совершенно новую расу голубых, зеленых, пурпурных или оранжевых людей. В мире, все еще страдающем от моральных уроков нацизма, это сродни мыслям о колдовстве. Должны ли мы стремиться к миру, в котором все люди имеют одинаковый цвет кожи? Если мы захотим этого, то, вне всякого сомнения, найдем технические средства для осуществления этого. Или мы, наоборот, должны стремиться к еще большему увеличению разнообразия? Что тогда произойдет с самим понятием расы? Со стандартами физической красоты? Со стандартами полноценности и неполноценности?

Мы со всей стремительностью приближаемся к тому времени, когда станем способны создавать высшие расы и низшие расы. Как определил в работе «Будущее» Теодор Дж. Гордон: «Получив возможность делать на заказ расу, я удивился бы, если бы мы попытались «сделать всех людей одинаковыми», или мы все-таки выберем апартеид шаблонов? Эти расы будущего могут быть: расой руководителей, контролеров ДНК, расой смиренных слуг, расой специально выращенных атлетов для разных игр или расой ученых с 200% IQ и с небольшими телами...»[16] Мы получим возможность создавать расы идиотов и математических гениев.

Мы также получим возможность рожать детей с необычными зрением и слухом, с тончайшим обонянием, необычайно сильных или музыкально одаренных. Мы будем способны создавать сексуальных гигантов, девочек с супергрудью (и, вероятно, со стандартной грудью) и другими бесчисленными изменениями в ранее более однородном человечестве.

В конечном счете проблемы лежат не в научной или технической сфере, а скорее в политической и этической. Выбор и критерии выбора будут определяющими. Автор

знаменитых научно-фантастических произведений Уильям Тенн размышлял однажды о возможностях генетических манипуляций и трудности выбора. «Предполагаю, что в этот момент будет не диктатура, а вполне добродетельный планирующий комитет или всемогущий черный ящик, который собирается проделать генетическую селекцию для будущих поколений, тогда кто или что это? Определенно, не родители...» Далее он говорит, что «они направятся с этой своей проблемой к своему доброму соседу, Сертифицированному Генному Архитектору.

Мне кажется неизбежным, что появятся специальные конкурсные школы генной архитектуры... Функционеры будут убеждать родителей делать детей приспособленными для насущных нужд общества; прогнозисты будут планировать создание детей, которые будут занимать свободные ниши в обществе к 20 годам, романтики будут настаивать, чтобы каждый ребенок создавался по крайней мере с одним выдающимся талантом, наконец, натуралисты будут рекомендовать творить индивидуумов, настолько генетически сбалансированных, чтобы быть почти идеально уравновешенными во всех жизненных ситуациях... Стили человеческого тела, подобно стилям одежды, станут соответствовать моде так же, как генетические кутюрье, которые будут их придумывать, будут входить и выходить из моды»[17].

Спрятанная за этими словами неискренность является серьезным источником разногласий, причем они делаются более глубокими из-за необъятных возможностей — некоторые из них настолько гротескны, что кажутся сошедшими с холстов Иеронима Босха. Одна из них была упомянута ранее, когда говорилось об идее размножения людей с жабрами или с вживленными жабрами для жизни под водой. На встрече именитых биологов в Лондоне Дж. Б. С. Холдейн начал разглагольствовать о возможности создания новых, оторванных от повседневной жизни, но приспособленных для космических исследований форм человека. «Вполне очевидны ненормальные условия жизни в космическом пространстве, — заметил Холдейн, — обусловленные различием в гравитации,

температуре, давлении воздуха, его составе и радиации... Очевидно, что гиббон лучше, чем человек, приспособлен для жизни в слабом гравитационном поле, таком, которое может существовать на космическом корабле, астероиде или Луне. Плоскостопый, с цепким хвостом, он как раз подходит для таких условий. Генетические манипуляции могут сделать возможным объединение таких особенностей с человеческим телом».

В то же время ученые на этой встрече уделили много внимания моральным последствиям и опасностям биологической революции. При этом никто не оставил без внимания заявление Холдейна о том, что мы можем, если захотим, однажды создать человека с хвостом. Ледерберг просто упомянул о негенетических, более легких способах достигнуть тех же результатов. «Мы собираемся модифицировать человека экспериментально через физиологические и эмбриологические изменения, а также замещая неживыми механизмами некоторые его части, — объявил Ледерберг. — Если мы захотим сделать человека без ног, нам не нужно выводить его, мы можем их просто отрубить; если же мы захотим создать человека с хвостом, мы найдем способ привить его»[18].

На другой встрече ученых и студентов д-р Роберт Синсгеймер, биофизик из Калтеха, поставил проблему прямо: «Какое мы выберем вмешательство в древнюю природу человека? Хочется ли вам управлять сексом ваших отпрысков? Будет так, как вы захотите. Вам хочется иметь сына шести футов роста? Нет никаких проблем. Повышенная чувствительность, тучность, подагра? Все эти проблемы будут легко регулироваться. Для больных раком, диабетом и др. будут существовать специальные генетические терапии. Необходимые ДНК будут вырабатываться в нужных количествах. Вирусные и микробные болезни будут легко обнаруживаться и устраняться. Да, древние образцы этапов жизни — рост, зрелость, старение — будут объектами нашего планирования. Мы не знаем внутренних ограничений продолжительности человеческой жизни. Как долго мы хотим жить?»

И чтобы слушатели поняли его правильно, Синсгеймер спросил: «Не звучат ли эти проекты подобно ЛСД-фантазиям, не выглядят ли они любованием в кривом зеркале? Не переступайте границ нашего сегодняшнего знания. Эти возможности не могут развиваться предлагаемым нам путем, но если они правдоподобны, если они могут реализоваться, то это произойдет, и скорее раньше, а не позже»[19].

Такие удивительные вещи не только *могут* быть воплощены в действительности, но и *будут*. Несмотря на глубокие этические вопросы о том, *нужны* ли они вообще, реальность такова: научная любознательность сама является мощнейшей движущей силой нашего общества. Д-р Роллин Д. Хотчкис из Рокфеллеровского института говорит: «Многие из нас испытывают инстинктивное отвращение к опасности вмешательства в тонко сбалансированную и насыщенную систему, которое может произвести какой-либо одиночка. Однако я уверен, что это, несомненно, будет происходить или во всяком случае будут попытки сделать это. Здесь столкнутся альтруизм, личная выгода и невежество». К этому списку он мог бы добавить еще политические конфликты и вежливое безразличие. Так, д-р А. Нейфах, глава исследовательской лаборатории Института эволюционной биологии советской Академии наук, с пугающим спокойствием предсказывает, что мир вскоре станет свидетелем генетического эквивалента гонки вооружений. Его аргументация: капиталистические правительства заняты «борьбой за мозги». Для того чтобы выжать из них все, то или иное «реакционное правительство» будет «вынуждено» использовать генную инженерию для увеличения гениальности и одаренности своих ученых. Поскольку это происходит «безотносительно к их намерениям», международная генетическая гонка неизбежна. И поскольку ситуация именно такова, продолжает он, СССР должен быть готов «осуществить прыжок к оружию».

Критикуемый советским философом А. Петропавловским за его кажущуюся готовность и даже энтузиазм участвовать в такой гонке, Нейфах спокойно пожимает плечами[20]. Его, видимо, не страшит поспешное примене-

ние новой биологии. Он рассуждает просто: развитие науки невозможно остановить. Если же отбросить политическую логику Нейфаха, его заявления о страстях «холодной» войны как подходящем стимуле для развития генетического ремесла звучат пугающе.

Короче говоря, можно утверждать, что если не сделано специальных опровержений, если что-то *может* быть сделано кем-то и где-то, то это *будет* сделано. Однако природа того, что может и должно быть сделано, сильно превышает нашу готовность принять новое.

ИЗМЕНЯЕМЫЕ ОРГАНЫ

Мы напрочь отказываемся смотреть в лицо этим фактам. Мы избегаем их, упорно не замечая скорости перемен. Мы чувствуем, что лучше замедлить наступление будущего. Даже те, кто наиболее близок к переднему краю научных исследований, едва ли верят в реальность быстрых изменений. Даже они, как правило, привычно недооценивают скорость, с которой будущее врывается в нашу жизнь. Например, д-р Ричард Дж. Кливленд говорил перед конференцией специалистов по имплантации органов, которая должна была состояться в январе 1967 г., что первая операция по пересадке сердца произойдет в «ближайшие пять лет». Однако еще до 1967 г. д-р Христиан Барнард прооперировал 50-летнего бакалейщика по имени Луи Вашкански и вслед за этим последовала серия операций по пересадке сердца, которые произвели сенсацию в научном мире. Непрерывно растет число успешных операций по пересадке почек, было несколько сообщений и об успешных пересадках печени, поджелудочной железы и яичников.

Эти впечатляющие медицинские достижения, изменения методов лечения болезней должны были вызвать глубокие изменения в нашем образе мыслей. Возникают совершенно новые юридические, этические и психологи-

ческие вопросы. Например, что такое смерть? Наступает ли смерть тогда, когда сердце перестает работать, как мы всегда считали? Или она наступает, когда перестает функционировать мозг? Лечебные учреждения близки к тому, чтобы поддерживать жизнь обреченного на смерть больного как носителя здоровых органов, используя современные медицинские технологии. Какова этика решения поддерживать жизнь человека, который должен умереть, но у которого есть здоровые органы, необходимые для трансплантации другому человеку, который может выжить?

Нуждаясь в путеводных нитях или прецедентах, мы барахтаемся среди этических и моральных вопросов. Отвратительные слухи распространяются среди медицинской общественности. *«The New York Times»* и *«Комсомольская правда»* рассуждают о возможности «будущих цепочек убийств людей для продажи их здоровых органов хирургам «черного» рынка, чьи пациенты не собираются ждать, пока такие органы появятся естественным путем для обеспечения нужных им сердца, печени или яичников». В Вашингтоне в Национальной академии наук, поддержанной грантом Фонда Рассела Сейджа, начинается изучение источников социальных проблем, связанных с развитием наук о жизни. В Станфорде на симпозиуме, также поддержанном Фондом Рассела Сейджа, исследуются возможности создания банка органов пересадки, экономические вопросы рынка органов, свидетельства расовой и классовой дискриминации в доступе к такому банку или к отдельным органам[21].

Возможность использования человеческих тел или трупов, предназначенных для поставки трансплантируемых органов, страшного по своей сути, приведет к ускорению дальнейших шагов в области исследования и создания искусственных органов — пластических и электронных заменителей сердца, печени или селезенки. (В конечном счете даже это перестанет быть необходимым, когда мы научимся регенерировать поврежденные или покалеченные органы и выращивать их, как ящерица отращивает оторванный хвост.)

Гонка по созданию запасных частей для страждущих человеческих тел будет возрастать в соответствии с запросами. Производство рыночного искусственного сердца, как говорит проф. Ледерберг, «вот-вот преодолеет некоторые временные неудачи»[22]. Проф. Р. М. Кеннеди из биоинженерной группы в Университете Страсклайда в Глазго, уверен, что «примерно к 1984 г. искусственные заменители тканей и органов могут вполне стать привычным явлением»[23]. Для некоторых органов эта дата слишком пессимистична. Уже более 1300 сердечных больных в США, включая судью Верховного суда, имеют возможность жить только благодаря тому, что в их грудные клетки вживлены небольшие «задаватели ритма» — устройства, которые посылают электрические импульсы для стимуляции работы сердца.

Другие 10 000 пациентов уже снабжены искусственными сердечными клапанами, сделанными из дакроновой ткани. Имплантированные искусственные слуховые органы, искусственные почки, артерии, бедренные суставы, легкие, глазные яблоки — это всего лишь первые шаги раннего развития технологии искусственных органов. Мы будем, и для этого не понадобится десятилетий, вживлять в человеческое тело небольшие, не больше таблетки, датчики для мониторинга давления крови, пульса, дыхания и других функций организма и небольшой передатчик, посылающий сигналы тревоги, когда что-то не в порядке. Такие сигналы будут приходить в гигантский диагностический компьютерный центр, на котором будет основана медицина будущего. Некоторые из нас будут носить небольшую платиновую пластинку и маленькие стимуляторы, прикрепленные к позвоночнику. Включая и выключая миниатюрное «радио», мы будем приводить стимулятор в действие и избавляться от боли. Начальные работы в этом направлении исследования уже проводятся в «Кейз Институт оф технолоджи». Некоторые сердечные больные уже снимают боль, просто нажимая на кнопку.

Такое развитие приведет к появлению множества новых биоинженерных индустрий, сети медицинско-электронных восстановительных станций, новых технических профессий

и реорганизации всей системы здравоохранения. Они изменят представления о жизни, таблицы компаний страхования жизни и вызовут важный сдвиг в перспективах человечества. Хирургия будет менее пугающей для среднего человека, имплантация станет привычным процессом. Человеческое тело будут рассматривать состоящим из заменяемых модулей. Посредством применения модульного принципа — представление о целом при систематической замене компонент — мы сможем продлить человеческую жизнь на два или три десятилетия. Если же при этом мы не будем глубоко изучать мозг, это может привести к тому, о чем предупреждал сэр Джордж Пикеринг, королевский профессор медицины в Оксфорде: «Часть населения Земли со старческими (дряхлыми) мозгами будет непрерывно расти». «Я думаю, — добавляет он, — что это довольно пугающая перспектива»[24]. Такая «пугающая перспектива» приведет нас к ускорению исследований мозга, которые, в свою очередь, вызовут радикальные изменения в обществе.

В настоящее время мы предпринимаем усилия сделать искусственные клапаны сердца и искусственные артерии, которые имитируют естественные и проектируются для их замены. Мы пытаемся сделать их функционально эквивалентными. И однажды мы преодолеем все эти проблемы. Но мы не просто установим пластические аорты в людей, потому что их собственные пришли в негодность. Мы установим такие заменители, которые лучше оригинальных, и в результате мы придем к таким заменителям, которые позволят их хозяевам приобрести новые способности. Как и генетическая инженерия, это может привести к созданию «сверхчеловека». Мы сможем создать спортсменов со сверхъемкими легкими и сверхвыносливыми сердцами, скульпторов с нейронными устройствами, которые усиливают чувствительность к материалу, любовников с сексуально усиленными нейронными системами. Короче говоря, мы скоро будем использовать вживление не просто для сохранения жизни, но и для того, чтобы наполнить ее новыми чувствами, состояниями, настроениями, на которые сегодня мы не способны.

Что же может произойти с нашими старыми представлениями о человеческом? Какие ощущения мы, люди из протоплазмы и транзисторов, будем испытывать? Будут ли какие-либо интеллектуальные или эстетические ограничения в любви, сексе, работе? Что произойдет с нашим сознанием, когда изменятся наши тела? Ответы на вопросы, подобные этим, нельзя откладывать в долгий ящик: проблемы «киборга» — синтеза человека и машины — гораздо ближе, чем большинство из нас предполагает.

КИБОРГИ СРЕДИ НАС

Человек с искусственным сердцем или искусственной аортой все еще может рассматриваться как человек. Имплантированные элементы все еще не могут изменить его человеческого самоощущения, его личности или сознания. Но как только пропорции механических компонент возрастут, что случится с его сознанием и его внутренним опытом? Если мы предположим, что именно с мозгом связано сознание человека и его умственные способности, а другие части тела не влияют на личность или на собственное «я» слишком сильно, то возможно ввести представление об освобожденном мозге, мозге без рук, без ног, без спинного мозга и других частей тела, как собственного «я», личности, воплощающей сознание. В таком случае можно соединить человеческий мозг со всем набором искусственных датчиков, рецепторов и исполнительных механизмов, т. е. с тем, что называется сплетением проводов и пластика, в одно человеческое существо.

Все это может показаться сродни средневековым спекуляциям о том, сколько ангелов могут разместиться на головке булавки. Однако первый небольшой шаг в направлении симбиоза человек — машина уже сделан, при этом он осуществлен не одним сумасшедшим ученым, а тысячами высокообразованных инженеров, математиков,

биологов, хирургов, химиков, неврологов и специалистов по теории связи.

Механические «черепахи» д-ра В. Г. Уолтера — это машины, которые ведут себя так, будто обладают разумом. Эти черепашки были первыми образцами растущего поколения роботов, которые выстраиваются в непрерывную череду от Перцептрона, который мог обучаться и даже обобщать, до более современного робота, способного исследовать местность, занося в свою память «изображения» окрестностей, который может даже производить определенные операции сравнения и по крайней мере в некоторых отношениях производить «созерцательные измышления» и «фантазии». Эксперименты Росса Эшби, Х. Д. Блока, Фрэнка Розенблатта и других продемонстрировали, что машины могут учиться на своих ошибках, приспосабливая свои действия, в некоторых определенных видах обучения они даже превосходят обыкновенных студентов. Как говорит Блок, профессор прикладной математики в Корнэльском университете: «Я не думаю, что существует какая-либо задача, которую вы поставили бы машине и она не смогла бы ее решить в принципе. Если ставите задачу, которую может решить человек, тогда и машина, по крайней мере теоретически, может это. Обратное тем не менее не справедливо»[25]. Очевидно, что умственные способности и творчество не являются человеческой монополией.

Несмотря на некоторые задержки и трудности, создатели роботов продвигаются вперед. Недавно у них вызвал коллективный смех один из ведущих критиков роботостроения, бывший компьютерный специалист корпорации RAND по имени Хьюберт Л. Дрейфус. Споря о том, что компьютеры никогда не смогут достичь умственных способностей человека, Дрейфус написал чересчур длинную, полную сарказма статью. Среди прочих деклараций есть замечательное утверждение, что «шахматные программы никогда не смогут играть на равных даже с любителями шахмат». Меньше чем два года спустя дипломник Массачусетского технологического института (MIT) Ричард Гринблатт написал шахматную компьютерную программу, вызвал Дрейфуса на матч и получил огромное удовольствие, наблюдая, как компью-

тер буквально уничтожил Дрейфуса. Это вызвало овации исследователей «компьютерного интеллекта»[26].

Есть прогресс и в совершенно другой области робототехники. Специалисты в Диснейленде создали весьма правдоподобные копии компьютерно управляемых гуманоидов, способных не только двигать руками и ногами, гримасничать, хмуриться и улыбаться, но и имитировать страх, радость и другие эмоции. Сделанные из чистого пластика, они, по словам одного репортера, «могут все, но за деньги»: гоняются за девочками, музицируют, палят из пистолетов и настолько точно воспроизводят человеческие формы поведения, что посетители обычно кричат от страха, вздрагивают и вообще реагируют так, будто они имеют дело с настоящими людьми. Цели, для которых были созданы эти роботы, кажутся тривиальными, но технология здесь использовалась высокосложная. Она в основном заимствована из космических проектов и очень быстро находит свое применение в нашей обычной жизни.

По всей видимости, не существует принципиальных доводов против того, что развитие робототехники пойдет от этих тривиальных и примитивных роботов к созданию гуманоидных механизмов, способных на весьма разнообразное поведение, даже на «человеческие ошибки» и внешне случайный выбор. Роботы могут стать такими, что без методов сложного специального тестирования их будет невозможно отличить от настоящих людей. С этой точки зрения мы оказываемся перед лицом совершенно новых ощущений при решении проблемы: как определить, является ли уверенный в себе и улыбающийся гуманоид, находящийся за стойкой заказа авиабилетов, милой девушкой или это великолепно сделанный робот*.

---

* Это увеличивает число полушутливых, полусерьезных проблем о связи человека с машиной, включая эмоциональные и даже сексуальные связи. Проф. Блок из Корнэла предполагает, что человеко-машинная сексуальная связь не может быть слишком далекой. Указывая, что люди часто испытывают эмоциональное соединение с машинами, которые они используют, он предположил, что мы будем вынуждены уделять внимание «этическим» вопросам нашего обхождения с «этими механическими объектами нашей привязанности и страсти». Серьезное обсуждение этих проблем можно найти в статье Роланда Пуссетти в *British Journal of the Philosophy of Science*, 18 (1967), p. 39—51.

Вполне вероятно, конечно, что она и то, и другое.

Толчком к созданию форм человеко-машинного симбиоза могут стать изобретения в области коммуникации человека с машинами. Хорошо известно о работах по взаимодействию человека и компьютера. Но вдали от этих проблем русские и американские ученые экспериментируют с замещением или имплантацией детекторов, которые принимают сигналы от нервных окончаний ампутированных конечностей. Эти сигналы усиливаются и используются для активации искусственных конечностей, чтобы они чутко реагировали на нервную систему человека. При этом человеку не нужно «думать» о своих желаниях: даже непроизвольные импульсы будут восприняты. Соответствующий отклик машины на поступающие импульсы должен полностью соответствовать поведению замещаемой руки, ноги или глаза[27].

В повести «Военный летчик»* Антуан де Сент-Экзюпери, романист, поэт и пионер авиации, описал сам себя, затянутого ремнями и сидящего в истребителе во время Второй мировой войны: «Все это сложное переплетение кислородных и обогревательных трубочек, эти «говорящие» трубки, которые формируют систему, соединяющую членов экипажа. Эти маски, которые позволяют мне дышать. Я соединен с самолетом резиновыми трубками столь же необходимыми, как пуповина для младенца. Новые органы были добавлены к моим собственным, и они, казалось, были расположены между мной и моим сердцем...» Мы ушли далеко вперед от этих дней. Скоро благодаря космической биологии астронавт не просто будет затянут ремнями в своей капсуле, а станет частью ее в полном симбиотическом смысле этого слова.

Одна из целей науки — сделать космический корабль самодостаточной вселенной, в которой морские водоросли выращиваются для пищи, вода восстанавливается из естественных отходов, воздух рециркулирует для очистки его от аммиака, попадающего в атмосферу из мочи и т. д.

---

* Полет в Аррас является сюжетной канвой этой повести. — *Примеч. пер.*

В этом полностью замкнутом регенерируемом мире человеческое существование становится интегральной частью идущего микроэкологического процесса круговорота посреди безграничного космоса. Теодор Гордон, автор «Будущего» и в то же время ведущий космический инженер, пишет: «Вероятно, было бы проще обеспечить поддержание жизнедеятельности в виде машин, подключенных к астронавту. Он мог бы питаться внутривенно, используя жидкий питательный раствор, компактно хранящийся в сменных емкостях под давлением. Вероятно, непосредственная обработка жидких отходов тела и преобразование их в воду могла бы выполняться искусственной «почкой» нового типа, встроенной в корабль. Вероятно, сон будет вызываться электронно... для понижения его метаболизма...»[28] *И так далее.* Одна за другой функции человеческого тела будут переплетаться с функциями космической станции, становясь машинозависимыми.

Крайнее расширение таких работ необходимо не только для деятельности во внешнем космосе, это вполне может стать общей частью нашей ежедневной жизни здесь, на нашей родной планете. Например, подключение человеческого мозга к компьютеру, минуя другие органы тела. Вполне возможно, что биологические компоненты суперкомпьютера будущего будут основываться на человеческом мозге. Возможность усиления человеческого интеллекта (или машинного) путем связи их органически вместе открывает невероятные перспективы настолько возбуждающие, что д-р Р. М. Пэйдж, директор Военно-Морской исследовательской лаборатории в Вашингтоне, публично обсуждал вероятные возможности таких систем, в которых человеческие мысли будут считываться автоматически в запоминающее устройство компьютера, формируя основу для принятия решений[29]. Среди работников корпорации RAND был проведен опрос, когда такие возможности могут появиться. Ответы были различны — от 1990 г. до «никогда». Но средняя дата была 2020 г. — почти в пределах жизни сегодняшних школьников-подростков.

В то же время исследование различных источников позволяет судить о направлении возможного развития. В одном очень привлекательном, пугающем и интеллектуально возбуждающем эксперименте из когда-либо зарегистрированных проф. Роберт Уайт, директор отделения нейрохирургии в Главной больнице в Кливленде, получил доказательство, что мозг вполне может быть изолирован от своего тела и поддерживаться живым после смерти остального организма. Этот эксперимент описан в замечательной статье Орианы Фаллачи, которая описала действия нейрохирургов: они отрезали голову обезьяны, соединили сонную артерию с другой обезьяной, чья кровь продолжала поступать в бестелесный орган, сохраняя его живым.

Как говорит один из членов этой медицинской команды д-р Лео Массопуст, нейрофизиолог: «Активность этого мозга гораздо выше, чем у мозга с телом... В этом нет никакого сомнения. Я даже предполагаю, что без ощущения тела он может думать быстрее. О чем думать — я не знаю. Я предполагаю, что в первую очередь он обрабатывает информацию, полученную, когда он имел свое тело; он не сможет развиваться дальше, так как у него нет больше информации, получаемой из опыта. Хотя уже это, конечно, является новым опытом». Мозг прожил пять часов. Он мог бы прожить гораздо больше, если бы это было нужно для целей исследований. Профессор Уайт успешно поддерживал другой мозг живым один день, используя аппарат, а не живую обезьяну для обеспечения мозга кровью. «Я не думаю, что мы уже достигли такой стадии, — говорит мисс Фаллачи, — когда мы сможем превращать человека в робота, в послушную овцу. И еще... это может случиться, поскольку не является невозможным. Если же мы предположим, что сможем перенести голову одного человека на тело другого, если мы учтем, что сможем изолировать мозг человека и поддерживать его работоспособность без тела... Для меня уже давно не существует какого-либо четкого разделения между научной фантастикой и наукой... Мы могли бы поддерживать мозг Эйнштейна живым и его функционирование нормальным».

Не только, как подчеркивает профессор Уайт, мы можем перенести голову одного человека на плечи другого, не

только поддерживать мозг «живым» и работоспособным, но это все может быть сделано на основе уже «существующих технологий». Он заявил, однако, что «Япония будет первой в [поддержании изолированной человеческой головы живой]. Это будет не потому, что я еще не нашел решения дилеммы «Правильно ли это?»[30]. Благочестивый католик, д-р Уайт глубоко обеспокоен философскими и моральными проблемами своей работы.

Так как нейрохирурги и нейрологи проводят свои исследования дальше, так как биоинженеры и математики, специалисты по теории коммуникации и роботостроители становятся все более искусными, поскольку космонавты и их капсулы все теснее и теснее «сживаются» друг с другом, поскольку машины начинают воплощать собой биологические компоненты и человек вооружается сенсорами и механическими органами, достигается предельный симбиоз. Все эти работы сходятся в одну точку. И тем не менее величайшим чудом является не трансплантация, симбиоз, люди-амфибии, не технология и не сама наука.

Величайшим и наиболее опасным чудом является ориентированное в прошлое благодушие человеческой расы, ее неготовность повернуться лицом к действительности ускорения. Человек очень быстро двигается в неисследованную Вселенную, в полностью новую стадию экотехнологического развития, твердо убежденный, что «человеческая природа является неизменной» или что «стабильность вернется». Он ошибается, не замечая наиболее мощную революцию в человеческой истории, бормоча слова одного великого, хотя и близорукого человека, что «процесс модернизации... становится более или менее завершенным». Он просто отвергает будущее.

ОТКАЗ ОТ ИЗМЕНЕНИЯ

В 1865 г. редактор одной газеты говорил своим читателям, что «хорошо информированные люди знают, что невозможно передать голос по проводам и что, если бы это

было возможно, такая штука не нашла бы практического применения». Едва ли десятилетие спустя из стен лаборатории мистера Белла вышел первый телефонный аппарат и изменил весь мир.

В тот же самый день, когда братья Райт сделали крыло, газеты опровергали сообщения об этом событии из-за трезвых, твердо стоящих на земле редакторов, которые просто не могли позволить себе поверить, что такое возможно[31]. Знаменитый американский астроном Саймон Ньюком незадолго до этого уверял мир, что «никакой возможной комбинацией известные формы механизмов и известные формы взаимодействий не смогут быть объединены в практический механизм, с помощью которого человек полетит на далекие расстояния»[32].

Вскоре после этого другой эксперт сообщил, что «только слабоумные могут ожидать, что кареты будут двигаться без лошадей»[33]. Шесть лет спустя первая миллионная машина Форда сошла с конвейера. И тогда уже жил великий Резерфорд, первооткрыватель атома, который сказал в 1933 г., что энергия атомного ядра никогда не будет реализована[35]. Девять лет спустя была осуществлена первая цепная реакция.

Снова и снова человек, включая первоклассных ученых, закрывает глаза на новые возможности будущего, сужает свои интересы, время от времени грубо сотрясаемые толчками ускорения.

Это не означает, что абсолютно все научно-технические достижения, ныне отвергаемые, будут реализованы или осуществятся в ближайшее столетие. Некоторые, без сомнения, умрут так и не родившись, некоторые не смогут преодолеть узких границ применения. Другие же выйдут из лабораторий, но будут непрактичны по той или иной причине. Однако все это не важно. Даже если ни одно из этих достижений не будет реализовано, другие, вероятно, еще более шокирующие, произойдут.

Мы едва соприкоснулись с компьютерной революцией и широко ветвящимися изменениями, которые следуют за ней. Мы лишь немного упомянули о приложениях

разработок для внешнего космоса, завоевание которого еще до 2000 г. радикально и непредсказуемо изменит всю нашу жизнь и наше мировоззрение. (Что бы случилось, если бы астронавт или космический корабль вернулся на Землю, зараженный быстро размножающимися, несущими смерть микроорганизмами?) Мы не сказали ничего о лазерах, голографии, о мощных новых инструментах персональной и массовой коммуникации, о новых технологиях преступлений и шпионажа, новых формах транспорта и строительства, о вызывающем страх химическом и бактериологическом оружии, о сияющих перспективах применения солнечной энергии, о поразительных новых инструментах и методах образования и о бесконечном списке достижений в других областях, в которых эти достижения являются как раз определяющими.

В ближайшие десятилетия развитие во всех этих областях унесет нас, как локомотив, из прошлого, погружая все глубже и глубже в новое общество. Это новое общество долго будет неустойчивым. Все будет дрожать и трещать невообразимо. Ожидая человека, который хочет жить в свое время, быть частью будущего, сверхиндустриальная революция не предлагает передышки от изменений. Она предлагает только сверхгорючую смесь мимолетного и нового.

Эта массированная инъекция скорости и новизны в структуры общества заставит нас не просто быстрее справляться с привычными ситуациями, событиями и моральными дилеммами, а преодолевать ситуации совершенно незнакомые, что называется «с первого раза», странные, нерегулярные и непредсказуемые.

Значительно меняется баланс, который преобладает в любом обществе между привычными и непривычными элементами ежедневной жизни его членов, между предсказуемым и непредсказуемым. Эту связь элементов жизни можно назвать «пропорциями новизны» общества, и, поскольку уровень новейшего и новизны возрастает, все меньше и меньше наших привычных форм существования. Все больше и больше усиливается усталость, осторожность, пессимизм, разрушается наша жизненная энергия. Окружающая

среда становится все более и более хаотической и бесконтрольной.

Сходятся две величайшие силы: неумолимое увеличение быстротечности создает потенциальную опасность увеличения «пропорций нового». Как мы увидим далее, эта новизна не может выражаться только в технологическом изменении общества. Мы можем предвидеть также социальные изменения общества, чьи формы будут иметь странный, беспримерный, незнакомый вид.

---

[1] Об освоении океана и работах Ф. Спайса см.: The New York Times, July 17, 1966; Lure of a Lost World в Kaiser Aluminium News, № 2, 1966; и The Feedback between Technology and Values by T. J. Gordon в: [131], с. 167–169. См. также: Aquaculture by J. Bardach, Science, September 13, 1968, p.1098–1106. Данные о мировой рыбной индустрии можно найти в: [130], с. 43.

[2] Dr. Walter Orr Roberts цитируется по своей работе Science — the Wellspring of Our Discontent, опубликованной в Space Digest, June, 1967, с. 78.

[3] Утверждение Американского метеорологического общества взято из Forecast: Weatherman in the Sky в журнале Time, July 29, 1966, с. 18. См. также: Weather Modification by Gordon J. F. MacDonald в Science Journal, January, 1968, с. 39.

[4] Чапек К. См.: [271].

[5] Использование рыб и дельфинов описано в различных публикациях в Bulletin of the Centre d'Etude des Consequences Generales des Grandes Techniques Nouvelles. Особо см.: № 32, Juny, 1965; № 33, August — September, 1965; а также № 35, January, 1966.

[6] О связях между человеком и дельфинами см.: [294] и последующие работы Лилли (Lilly).

[7] Томсон о животных: [175], с. 125.

[8] А. Кларк цитируется по: [137], с. 24.

[9] Знаменитые опыты Дельгадо подытожены в популярной форме в Science Digest, August, 1965, с. 38. См. также его книгу [275].

[10] Джонсон цитируется по своей статье Horizons of Industrial Microbiology в Impact, vol. XVII, № 3. Для великолепного введения в микробиологию на непрофессиональном уровне см.: также Living Chemical Factories by Robert K. Finn & Victor H. Edwards в Engineering, a Cornell University quarterly, Winter, 1968, vol. 2.

[11] Тицелиус цитируется по интервью, данному автору.

[12] Фурастье цитируется по: [78], с. 17.

[13] Информация о клонировании извлечена из ксерокопированного оттиска статьи Джошуа Ледерберга Experimental Genetics and Human Evolution (Department of Genetics, Stanford University School of Medicine) и из интервью, которое Ледерберг дал автору.

[14] Работа Хафеза и Петруччи отражена в статье On the Frontiers of Medicine // Life, September 10, 1965, и в статье The New Man — What Will He Be Like by Albert Rosenfeld, Life, October 1, 1965.

[15] О находке М. Кевина и голубых людях сообщалось в Medicine at Work, vol. 6, № 4.

[16] T. J. Gordon цитируется из: [149], с. 34.

[17] Комментарии У. Тенна о генетических работах взяты из статьи The Playboy Panel — 1984 and Beyond, помещенной в журнале Playboy, July, 1963, с. 36.

[18] Холдейн и Ледерберг цитируются по: [177], с. 354, 362.

[19] Замечание Синсгеймера взято из его речи на 75-й годовщине Калифорнийского технологического института The End of the Beginning.

[20] О возможности различных омерзительных вещей д-р Хотчкис цитируется по: Science Digest, October, 1965, с. 7; спор между Нейфахом и Петропавловским описан в Spectre of a Genetic "Arms Race" by Victor Zorza в Guardian Weekly, December 13, 1969, с. 6.

[21] Annual Report of the Russell Sage Foundation, 1967—1968, с. 13, 15.

[22] Ледерберг цитируется здесь по интервью, данному автору.

[23] Профессор Кеннеди цитируется по: [136], с. 204.

[24] Слова Пикеринга взяты из его статьи Reflections on Research and the Future of Medicine, помещенной в журнале Science, July 22, 1966, с. 442.

[25] Материал о роботах частично основан на интервью с Блоком и на его статьях, включая Bionics and Robots в Engineering, a Cornell University quarterly, Winter, 1968; и The Perception: A Model for Brain Functioning, I из Reviews of Modern Physics, vol. 34, № 1, с. 123—135. См. также: The Psychology of Robots by H. Block and H. Ginsburg, Psychology Today, April, 1968, с. 50—55.

[26] О различных мнениях относительно компьютеризации шахмат см.: Alchemy and Artificial Intelligence by Hubert L. Dreyfus, RAND Paper P-3244, the RAND Corporation // Santa Monica, California, 1964, the SICART Newsletter of the Association for Computing Machinery, October and December, 1967.

[27] О кибернетике в медицине см.: [285], с. 281.

[28] T. J. Gordon цитируется по: [149], с. 170.

[29] Д-р Пэйдж цитируется по: [285], с. 282. Данные корпорации RAND взяты в: [155], с. 56—57.

[30] Слова д-ра Уайта и д-ра Массопуста взяты из статьи Орианы Фаллачи The Dead Body and the Living Brain, опубликованной в Look, November 28, 1967, с. 99.

[31] Отношение к изобретению телефона и работам братьев Райт описано в: [162], с. 11.

[32] Слова С. Ньюкома взяты из: [137], с. 2.

[33] Отношение к автомобилю взято из: [97], с. 177.

[34] О миллионном автомобиле, сошедшем с конвейера, см.: [270], с. 151.

[35] Слова Резерфорда обсуждаются в: [216], с. 34.

Глава 10

ТВОРЦЫ ОЩУЩЕНИЙ

Двухтысячный год ближе к нам во времени, чем Великая депрессия, однако травмированные этим историческим крушением экономисты всего мира словно застыли в прежней позиции. Экономисты, даже говорящие на языке революций, — существа особенно консервативные. Если бы удалось выудить из их голов суммарную картину, скажем, 2025 года, то год этот выглядел бы весьма похожим на любой из 70-х, и только.

Экономисты привыкли думать прямолинейно, и им чрезвычайно трудно вообразить себе альтернативы коммунизму и капитализму. В развитии широкомасштабной организации они не видят ничего, кроме линейного развития старомодной бюрократии. Технологический взрыв рассматривают как обычное, нереволюционное расширение прежних достижений. Эти люди рождены в скудости, научены мыслить в понятиях ограниченных ресурсов и вряд ли могут представить себе общество, в котором основные материальные потребности людей удовлетворены.

Единственная причина подобной ограниченности воображения такова: когда они размышляют о развитии техники, в зачет принимаются только *средства* экономической деятельности. Однако супериндустриальная революция равным образом подвергает сомнению и результаты деятельности. Революция грозит изменить производство не просто в отношении как это «делается», но и в отношении «почему». Коротко говоря, она трансформирует сами цели экономической деятельности.

Перед лицом такого переворота становятся бесполезными наиболее изощренные инструменты нынешних экономистов. Таблицы вложений в производство и их отдачи, эконометрические модели и прочий аналитический инструментарий экономистов даже отдаленно не могут учесть воздействия внешних сил, которым в ближайшие десятилетия предстоит изменить экономическую жизнь. Силы эти — политические, социальные и этические. Что будет означать «продуктивность» или «эффективность» для общества, принявшего как высшую ценность психическую самореализацию? Что произойдет с экономикой, когда — что достаточно вероятно — понятие собственности станет практически бессмысленным? Как повлияет на экономики разных стран развитие межнационального планирования, единых налогов и управляющих органов? Или своего рода диалектический возврат к «надомной промышленности» (cottage industry), основанной на самых развитых кибернетических технологиях? И самое важное: что произойдет, когда вместо «роста» целью экономики станет «отсутствие роста», когда валовой национальный продукт уже не будет Святым Граалем?

Только выйдя за рамки ортодоксальной экономической мысли и рассмотрев эти возможности, мы начнем готовиться к завтрашнему дню. И нет возможности более важной, чем смена ценностей, которая, по-видимому, будет сопровождать супериндустриальную революцию.

Живя в скудости, люди изо всех сил стремятся удовлетворить свои повседневные материальные нужды. Ныне, в условиях изобилия, мы приспосабливаем экономику к но-

вому уровню людских потребностей. Систему, созданную для материального удовлетворения, мы стремительно преобразуем в экономику, нацеленную на психическое удовлетворение. Этот процесс «психологизации», одно из важнейших направлений супериндустриальной революции, экономисты полностью проглядели. Однако он приведет к новой экономике, полной неожиданностей и доселе неизведанной. В результате этого процесса великий конфликт XX века, конфликт между капитализмом и коммунизмом, будет ослаблен и станет сравнительно несущественным. Ибо последствия «психологизации» выходят далеко за пределы экономических или политических догматов. Они затрагивают, как мы попытаемся показать, не что иное, как здравый смысл, способность человеческого существа отличать иллюзию от реальности.

ПОЛУФАБРИКАТЫ ДЛЯ ДУШИ

Великие волнения вызвал прогноз, согласно которому в ближайшем будущем в индустриальном обществе станет активнее развиваться сфера обслуживания. Многие специалисты видели в подъеме обслуживания дальнейшие перспективы. Они предположили, что скоро во всех индустриальных странах обслуживание оттеснит производство на задний план — и этот прогноз уже начинает подтверждаться.

Но вот чего не сделали экономисты — не задались очевидным вопросом: куда двинется экономика после этого, т. е. после эры обслуживания?

В наступающие годы высокоразвитым странам придется направить обширные ресурсы на восстановление окружающей среды и улучшение того, что называется «качеством жизни». Война с загрязнениями окружающей среды, эстетической деградацией, скученностью, шумом требует, без сомнения, огромных усилий. Кроме этого, мы можем пред-

видеть постепенные перемены в производстве товаров личного потребления.

Именно возбуждение, поднявшееся из-за стремительного роста сектора обслуживания, отвлекло внимание специалистов от других перемен, а они в будущем глубоко заденут *и то, и другое*: и товары, и обслуживание. Речь идет о переменах, которые ведут к очередной подвижке в экономике, к росту странного нового сектора, базирующегося на том, что можно назвать «индустрией ощущений». Ибо основой экономики, грядущей после эпохи обслуживания, будет психологизация всего производства, начиная с материального.

В любом высокотехничном обществе (особенно в США) производитель стремится оформить товар так, чтобы он был психологически привлекателен. Производитель снабжает основной продукт «довесками для психики», и покупатель с радостью платит за это.

Классический пример — действия производителя автомобилей. Он устанавливает лишние кнопки и рукоятки, добавляет циферблаты на приборную панель. Производитель усвоил, что, увеличивая до предела число кнопок и прочего, он дает покупателю почувствовать себя водителем более сложной машины и посему человеком более искусным. Психологическая «надбавка» здесь встроена в продукцию.

Прилагаются усилия и к тому, чтобы сохранять психологическую привлекательность товара. Например, большая американская компания очень гордилась выпуском нового полуфабриката для выпечки: «Просто добавь воды!» Но оказалось, что женщины отказываются от этого продукта и предпочитают смеси, требующие дополнительных усилий, т. е. такие, в которые, кроме воды, надо добавить еще и яйцо. Введя в полуфабрикат яичный порошок, компания сделала труд домашней хозяйки чересчур простым, лишила ее творческого ощущения. Из смеси поспешно изъяли яичный порошок, и женщины с наслаждением принялись разбивать яйца. Иными словами, и здесь продукт был модифицирован для сохранения психологического преимущества товара.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности, их можно отыскать почти во всех важных отраслях производства — от выпуска мыла и сигарет до изготовления посудомоечных машин и диетических напитков с колой. Вот что говорит доктор Эмануель Демби, президент «Мотивейшнл Прагрэммерз, Инкорпорейтид» — исследовательской фирмы, обслуживающей такие первоклассные корпорации США и Европы, как «Дженерал Электрик», «Калтекс» и IBM: «В будущем учет психологических факторов при разработке промышленной продукции станет важным критерием не только для потребительских товаров, но и для промышленного оборудования. Этот принцип сегодня учитывается даже при создании больших подъемных кранов и дерриков — их обтекаемые кабины превосходны, как будто они из XXI в. Так делают все: «Катерпиллер», «Интернейншнл Харвестер», «Фергюсон». Зачем? Эти механические чудища не станут лучше копать или поднимать грузы из-за эстетичности кабин. Но и подрядчикам, и машинистам, и заказчикам, нанимающим подрядчиков, они нравятся больше. Теперь даже производители землеройных машин начинают уделять внимание неутилитарным, т. е. психологическим факторам»[1].

Кроме того, утверждает Демби, производители стали стремиться снизить напряженность, возникающую при пользовании некоторыми продуктами. Например, изготовители гигиенических салфеток получают информацию: женщины боятся, что салфетки могут засорить унитаз. «Выпускается новый вид салфеток, — говорит Демби, — растворяющихся при контакте с водой. Это не улучшает их основной функции, но зато устраняет некоторую тревогу пользователя. Психологическая инженерия в самом чистом виде!»

Обеспеченные покупатели могут оплачивать такие удобства и охотно это делают. По мере того как растут их доходы, они все меньше заботятся о цене и все больше интересуются тем, что называют «качеством». Качество многих продуктов еще оценивается в прежних критериях: отделка, долговечность, свойства материала. Но есть стре-

мительно растущий класс продукции, где такие отличия фактически нельзя выявить. Покупательница не может на глаз отличить первосортный продукт от второсортного, но зачастую начинает яростно спорить, доказывая, что один из них лучше другого.

Это перестает выглядеть парадоксальным, если принять в расчет психологические свойства продукта, ибо даже идентичные в других отношениях товары могут быть отмечены некими психологическими особенностями. Специалисты по рекламе стремятся придать каждому продукту свой, приметный облик. Он функционален — в нем содержится то, что нужно части покупателей. Однако товар должен отвечать более психологической, чем утилитарной потребности в обычном смысле слова. Таким образом, понятие «качество» все скорее связывается с настроением, духом покупателя, его общественным положением, а в результате — с психологической коннотацией продукта.

Поскольку удовлетворяется все больше и больше основных нужд покупателей, можно твердо предсказать, что экономика будет еще энергичней идти навстречу тонким, разнообразным и глубоко персональным потребностям покупателя, потребностям в красивых, престижных, индивидуализированных и чувственно приятных для него продуктах. Производственный сектор направит еще больше ресурсов на сознательную разработку психологических особенностей продукции, приносящих удовольствие потребителям. Психическая составляющая товара будет становиться все более важной.

«СЛУЖАНКИ» В НЕБЕСАХ

Однако это лишь первый шаг к психологизации экономики. Следующим будет расширение психологической составляющей в обслуживании.

Здесь мы опять-таки движемся в предсказуемом направлении, что видно при беглом взгляде на воздушные сооб-

щения. Некогда полеты были всего лишь средством перемещения из одного места в другое. Но довольно скоро авиакомпании начали состязаться, привлекая пассажиров хорошенькими стюардессами, питанием, роскошной отделкой самолетов, кинофильмами, демонстрируемыми в полете. Компания ТВА недавно пошла еще дальше: она предлагает так называемые полеты с иностранным акцентом между крупными городами Америки.

Сегодня пассажиры ТВА могут выбрать лайнер, на котором еда, музыка, журналы, фильмы и мини-юбки стюардесс будут французскими. Можно выбрать «римский» рейс, на котором девушки будут наряжены в тоги, или рейс «Манхэттенский пентхаус»*. Можно сесть в лайнер «Добрая старая Англия»; там девушки зовутся «служанками», а декор похож на обстановку английской пивной.

Ясно, что ТВА больше не продает транспортные услуги в чистом виде: заодно предлагается тщательно разработанная психологическая упаковка. Можно ожидать, что в недалеком будущем авиакомпании применят световые или мультимедийные эффекты, создавая для пассажиров меняющуюся внешнюю среду и ощущения, близкие к театральным.

Скоро эксперименты могут выйти и за театральные рамки. «Бритиш Оверсиз Эйруэй Корпорейшн» недавно объявила (несколько неуверенно) о новом плане на будущее: неженатым пассажирам-американцам будут предложены «научно подобранные» свидания с незнакомыми дамами в Лондоне. В случае, если подготовленное компьютером знакомство окажется неудачным, будет предложена другая встреча. Предполагается также устраивать вечеринки с участием «лондонцев обоего пола и разных возрастов», так что путешественник, который побывает на дискотеках и в ресторанах, ни при каких обстоятельствах не останется в оди-

---

* Пентхаус — надстройка на крыше высокого дома, где располагаются особо дорогие квартиры, кафе и т. д. Особо славятся пентхаусы Манхэттена, центрального района Нью-Йорка. — *Примеч. пер.*

ночестве. Эта программа, названная «Прелестные незамужние дамы Лондона», была внезапно аннулирована: «Бритиш Оверсиз», государственную авиакомпанию, раскритиковали в парламенте[2]. Тем не менее мы можем предвидеть и дальнейшие экзотические попытки облечь в яркие психологические одежды еще многие сферы обслуживания покупателей, в том числе и розничную торговлю.

Каждый, кто прошелся по «Ньюпорт-сентер» — на редкость приятному торговому центру в Ньюпорт-Бич (штат Калифорния), — наверняка был поражен вниманием, с которым дизайнеры отнеслись к эстетической и психологической сторонам оформления. Высокие, белые, сияющие на фоне голубого неба арки и колонны; фонтаны, статуи, искусно устроенное освещение, детская площадка в стиле поп-арт и, наконец, огромная японская эолова арфа — все должно производить на покупателя впечатление необыкновенной изысканности. Это не простое изобилие украшений; их рассчитанное изящество делает поход за покупками по-настоящему запоминающимся переживанием. Можно предвидеть фантастическое разнообразие и хитроумие тех же приемов при постройке магазинов в будущем. Мы выйдем далеко за границы любой «функциональности»; все виды обслуживания — в магазине, кафе, парикмахерской — превратятся в обдуманный, специально подготовленный источник впечатлений.

Мы будем смотреть кино или слушать камерную музыку во время стрижки, а колпак, что надевают женщинам на голову в салоне красоты, станет чем-то большим, чем простая сушилка для волос. Облучая мозг дамы электронными волнами, он сможет в буквальном смысле пробуждать в ней приятные фантазии.

Банки и торговцы недвижимостью, брокерские и страховые компании станут применять тщательнейше выбранные средства: декор, музыку, непрерывный круг изображений на цветном телевизоре, одорацию помещений; станут применять самое совершенное оборудование, чтобы повысить (или нейтрализовать) эмоциональное напряжение,

сопровождающее любую, даже самую рядовую сделку. Никакой вид серьезного обслуживания не будет предложен потребителю, прежде чем помещение не обследуют и не усовершенствуют специалисты по инженерной психологии.

ИНДУСТРИЯ ОЩУЩЕНИЙ

Заглянув за границы простых разработок нынешнего времени, мы также станем свидетелями развития особой индустрии, продукцией которой будут не товары и даже не обычное обслуживание, а запрограммированные «ощущения». Эта индустрия ощущений может оказаться одним из столпов супериндустриализма, а на деле — основой экономики эпохи, грядущей вслед за эрой обслуживания.

По мере того как рост благосостояния и ускорение темпа жизни безжалостно подрубают древнее стремление к собственности, потребители начинают столь же сознательно и страстно собирать ощущения, как некогда собирали материальные предметы. Сегодня — это показывают примеры с авиакомпаниями — ощущениями торгуют, как дополнением к традиционным услугам. Ощущения, так сказать, служат глазурью на пирожном. В будущем, однако, все больше и больше ощущений станет продаваться в собственном своем качестве, точно так же, как вещи.

Именно такой процесс начинается уже сегодня. Он становится все более заметным в некоторых областях индустрии, которые всегда — хотя бы отчасти — занимались производством ощущений. Хороший тому пример — сфера искусства. Индустрия культуры в основном предназначена для созидания или изображения особых психологических переживаний. Сегодня мы видим, как основанная на искусствах индустрия ощущений бурно растет практически во всех высокотехничных странах. Отдых, массовые развлечения, образование, некоторые виды психиатрии тоже «продуцируют» ощущения.

Когда «Средиземноморский клуб» продает туристическую путевку и молодая француженка-секретарша едет на Таити или в Израиль, чтобы неделю наслаждаться солнцем и сексом, ощущения для нее готовятся так же тщательно и систематично, как в фирме «Рено» готовятся автомобили. Рекламы клуба подчеркивают эти цели. Так, заголовок над рекламным разворотом в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» гласит: «Соберите 300 мужчин и женщин. Бросьте их на экзотическом острове и избавьте от всех социальных условностей». Сейчас этот французский клуб владеет 34 «деревнями» для отдыха по всему миру.

Когда «Исэйлн инститьют», что в Биг-Сёр (штат Калифорния), предлагает недельные семинары по «телесному обучению» и «невербальному общению» по 70 долл. с персоны или пятидневные практикумы за 180 долл., это обещает не рутинное обучение, а богатые, «приятнейшие» и новые личные ощущения. Эту рекламу многие воспринимают как обещания сексуальных приключений или опытов с ЛСД. Групповые психотерапевтические сеансы и тренировки также дают комплексные ощущения. Иными словами, здесь сходные группы явлений. Подобным образом, когда человек приходит в танцевальную студию Артура Марри или Фреда Астера, чтобы научиться новинкам степа, он действительно может овладеть искусством, которое даст ему радость в будущем, но заодно этот холостяк или незамужняя девушка получает приятные сиюминутные ощущения. Именно переживания, возникающие при обучении, наиболее привлекательны для потребителя.

Все сказанное, однако же, дает лишь самое слабое представление о свойствах грядущей индустрии ощущений и о крупных психологических фирмах, которые будут в ней властвовать.

ИМИТАЦИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Важной разновидностью продукции ощущений будут имитированные «мирки», где потребитель без риска для жизни или репутации ощутит вкус приключений, опасности,

сексуального возбуждения. Компьютерщики, роботехники, дизайнеры, историки и музейные специалисты общими усилиями создадут своего рода «территории ощущений», на которых со всем мастерством, доступным изощренной технике, будет воспроизводиться величие древнего Рима, помпезность двора королевы Елизаветы, «сексуальность» дома гейш Японии XVIII в. и тому подобное. При входе в эти храмы удовольствий потребители будут оставлять обычную свою одежду (и заботы), облачаться в соответствующие костюмы и затем участвовать в подготовленном спектакле. Он должен создать у потребителя подлинные ощущения того, что могла бы дать истинная, т. е. неимитированная реальность. Потребителям, по существу, будет предложена жизнь в прошлом или, возможно, даже в будущем.

Производство подобных ощущений развернется скорее, чем мы думаем. Его с отчетливостью предвещает участие зрителей в актах современного искусства. «Хэппенинги», в которых участвует аудитория, можно оценивать как первые неуверенные шаги к будущим имитациям окружающего мира. Это относится и к более ортодоксальным работам. Когда в Нью-Йорке был показан «Дионис в 69», критик определил идеи драматурга Ричарда Шехнера* следующим образом: «Традиционно театр говорил зрителям: «Сидите, а я вам поведаю одну историю». Но почему бы ему не сказать: «Поднимайтесь, и мы поиграем вместе»? Пьеса Шехнера, вольная трактовка Еврипида, призывает зрителей присоединиться к танцам в честь Диониса.

Художники также начали создавать целые «мирки» — произведения искусства, в которые зрители на самом деле могут войти и внутри которых что-то происходит. Шведский «Модерна Музеет» выставляет колоссальную даму из папье-маше по имени Хон (Она), внутрь которой зрители проходят через вагину. Внутри статуи помещаются пандусы и лестницы, мигают огни, раздаются странные звуки и есть нечто, называемое «машиной для битья бутылок»[3]. Десятки музеев Европы и США сейчас показы-

---

* Известный американский режиссер-экспериментатор, создавший в 1968 г. свою труппу. — *Примеч. пер.*

вают такие «мирки». Художественный критик журнала «Time» предположил, что авторы намеренно бомбардируют зрителя «дурацкими изображениями, эксцентричными звучаниями, потусторонними картинами, имитируя все на свете, от ощущения невесомости до пьяных психоделических галлюцинаций». Такие художники воистину есть «инженеры-экспериментаторы».

На обманчиво убогой улице Южного Манхэттена, застроенной фабриками и складами, я посетил «Церебрум», или «электронную студию соучастия». Почасовая оплата; клиентов вводят в поразительно белый зал с высоким потолком. Они снимают платье, надевают полупрозрачные одежды и с удобством располагаются на белых возвышениях, заваленных подушками. Привлекательные «гиды» обоего пола, также прикрытые лишь легкими накидками, подают каждому клиенту стереофонические наушники и прозрачную маску, а затем время от времени подносят шарики, калейдоскопы, тамбурины, пластиковые подушки, кристаллики, конфеты, слайды и аппаратики для просмотра слайдов. В ушах звучит то народная, то рок-музыка; ее перебивают обрывки телевизионной рекламы, уличных шумов и лекции Маршалла Маклюэна или, возможно, лекции о нем. Музыка становится более волнующей, и клиенты вместе с гидами начинают танцевать на возвышениях и белых ковровых дорожках. С потолка плывут вниз мыльные пузыри. «Хозяйки» снуют между ними, прыская в воздух разными благовониями. Огни меняют цвет, и на клиентах, гидах, стенах возникают странные изображения. Общее настроение, вначале холодное, становится теплым, дружественным и умеренно эротичным[4].

«Церебрум», это примитивное и в художественном, и в техническом отношении заведение, — скромное предвестие «увеселительного суперкомплекса «Окружающий мир» стоимостью в 25 000 000 долларов», авторы которого с энтузиазмом объявляют, что в один прекрасный день они его построят. Какими бы эти люди ни оказались художниками, подобные эксперименты — прямая дорога к более изощ-

ренному строительству псевдомиров будущего. Уже сегодня молодые художники и устроители спектаклей, в которых участвуют зрители, ведут исследования для будущих психофирм и готовят им почву.

ЖИВОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Знания, полученные при этих исследованиях, позволят соорудить фантастические имитации мира и, кроме того, создать сложное живое окружение, которое, с согласия потребителя, будет подвергать его опасностям или вознаграждать. Достаточно бесцветный вариант такой игры — современные сафари в Африке. В будущем творцы ощущений могут, например, устраивать казино, в которых потребитель играет не ради денег, а ради ощущений: скажем, при выигрыше он получает свидание с очаровательной и податливой дамой, а при проигрыше — сутки одиночного заключения. По мере повышения ставок назначаются все более изысканные вознаграждения и наказания.

Проигравший может несколько дней служить «рабом» у выигравшего (по добровольно принятым условиям игры). Вознаграждением может быть бесплатное электронное возбуждение центра удовольствия в мозгу — скажем, на десять минут. Проигравший получает порку либо ее психологический эквивалент: выигравшим разрешается целый день изливать на него свою агрессивность и враждебность — глумиться над ним, кричать, браниться и ущемлять «я» проигравшего иными способами.

Игроки по-крупному могут пытаться выиграть сердце или иной орган для пересадки, если такое понадобится на будущее. Проигравшим будет грозить утрата почки. Создатели ощущений могут обращаться за идеями к Крафт-Эбингу или маркизу де Саду. Их возможности будут ограничены лишь воображением, техническим снаряжением и повсеместно ослабленной моралью. Поднимутся города игорных

домов, затмевающие Лас-Вегас и Дювилль, соединяющие в себе черты Диснейленда, всемирных ярмарок, мыса Кеннеди, клиники Мэйо*, притонов Макао**.

Вот еще примеры того, как события наших дней предрекают будущее. Рядовая американская телевизионная программа «Игра в свидания» вознаграждает игроков ощущениями; аналогичная тема недавно обсуждалась в парламенте Швеции. Речь шла о том, что порнографический журнал премировал читателя недельной поездкой на Майорку в компании с одной из своих «топлесс-моделей». Консервативный член парламента внес запрос: пристойны ли такие действия? По-видимому, он ощутил облегчение, когда министр финансов Гуннар Стрёнг ответил, что эти операции подлежат налогообложению[5].

Возможны сочетания искусственно созданных и спонтанных ощущений — сочетания, при которых резко нарушается контакт человека с реальностью. В ярком романе Рэя Бредбери «451° по Фаренгейту» семейная пара, жители предместья, из последних сил копят деньги, чтобы приобрести видеоэкраны на три или четыре стены — это позволит им участвовать в некоей разновидности телевизионной психодрамы. Они станут актерами-соучастниками «мыльных опер», длящихся неделями и месяцами, причем будут чрезвычайно глубоко погружены в действие. И сейчас мы с помощью развитых коммуникационных технологий фактически начинаем продвигаться к внедрению таких интерактивных фильмов. В будущем сочетание имитации с «реальностью» породит множество продуктов индустрии ощущений — и во множестве вариаций.

---

* Ричард Крафт-Эбинг (1840—1902) — немецкий психоневролог, известный своими работами по сексопатологии. Лас-Вегас — город в США со знаменитыми игорными домами. Дювилль — фешенебельный французский курорт. Клиника Мэйо — известнейший медицинский центр США с несколькими больницами и гостиницами. — *Примеч. пер.*

** Блистательное и дерзкое проникновение в суть азартной игры и ее философское осмысление см.: «Лотерея в Вавилоне» Хорхе Луиса Борхеса — аргентинского философа-эссеиста, рассказ опубликован в сборнике под названием «Лабиринты».

Однако психофирмы завтрашнего дня не будут торговать лишь отдельными, штучными ощущениями. Они предложат последовательность ощущений, организованных таким образом, что само их сочетание будет придавать окраску, гармоничность или контрастность людской жизни, которой недостает этих качеств. Красота, волнения, опасности или восхитительные чувства будут по программе сменять друг друга. Такие цепочки (или последовательности) ощущений смогут частично создать основу жизни для людей, которые в ином случае жили бы хаотично и неструктурированно. Здесь психофирмы, без сомнения, будут сотрудничать с общественными центрами душевного здоровья. В результате психофирмы скажут: «Позвольте нам спланировать для вас вашу жизнь — хотя бы частично». В текучем, полном перемен мире завтрашнего дня это предложение найдет множество заинтересованных потребителей.

Комплексные ощущения, ожидаемые в будущем, уйдут далеко за пределы воображения богатых потребителей; все вокруг будет наполнено бессчетными новациями. Психофирмы будут наперебой создавать самые диковинные, самые приятные ощущения. Скорее всего некоторые из этих ощущений — как в случае со шведской «топлесс-моделью» — будут выходить за пределы даже грядущих, расширенных социальных ограничений. Их могут скрытно предлагать публике незарегистрированные, подпольные психофирмы, и это лишь придаст ощущениям волнующий привкус запретного плода.

(Скрытно действует древнейшая разновидность индустрии ощущений — проституция. Кроме нее, в этот подпольный бизнес входит много других незаконных видов деятельности, но ему недостает воображения и технических средств. В будущем все изменится. Напрашивается простое сравнение с возможностями общества, которое к 2000 г. — или даже раньше — создает роботов, совершенные компьютеры, индивидуальные наркотики, стимулирующее и приносящее удовольствие зондирование мозга, равно как иные технические новинки.)

Разнообразнейшая продукция ощущений, предлагаемая потребителю, будет разрабатываться дизайнерами ощущений, рекрутируемыми из наиболее творческих членов общества. Рабочая поговорка у них будет такая: «Когда не можешь подать на стол реальность, найди заменитель. Если хорошо сработаешь, потребитель в жизни не заметит разницы». Границы между реальным и ирреальным будут размываться, и общество встретится с серьезными проблемами — что не отменит и даже не замедлит возникновения «индустрии психообслуживания» и «психофирм». Огромные синдикаты, опоясывающие весь мир, будут сооружать сверхдиснейленды, столь разнообразные по масштабам, возможностям и эмоциональному воздействию, что сегодня это трудно себе представить.

Поэтому мы можем лишь наметить смутные очертания сверхиндустриальной экономики будущего, идущей на смену экономике обслуживания. В сельском хозяйстве и промышленном производстве будет занято все меньше и меньше работников, поскольку обе отрасли станут почти полностью автоматизированными. Оформление этой новой продукции и процесс разработки более прочной и красивой, более эмоционально насыщенной и «психологичной» упаковки, напротив, потребует всей изобретательности самых лучших и находчивых предпринимателей завтрашнего дня.

Сектор обслуживания колоссально расширится по сравнению с сегодняшним днем, и в нем также увеличится процент времени, энергии и средств, выделяемых корпорациями на психологическую сторону обслуживания. Инвестиционные компании — например, с внутренними взаиморасчетами — могут применять игровые компоненты обслуживания, предлагая держателям акций некое некоммерческое вознаграждение и дополнительные переживания. Страховые компании могут не только выплачивать страховки по смерти, но и по нескольку месяцев опекать вдов и вдовцов, обеспечивая им сиделок, психологические консультации и иную помощь. Основываясь на подробной информации о своих потребителях, эти компании могут учредить компьютерный поиск но-

вых спутников жизни для овдовевших людей. Говоря коротко, обслуживание должно стать гораздо более сложным и тщательно разработанным. Будет уделяться внимание психологическим обертонам продукции в целом и всех ее составляющих.

В конце концов мы увидим неудержимый рост компаний, уже целиком занятых производством ощущений, увидим формирование абсолютно новых предприятий, как коммерческих, так и некоммерческих, которые станут разрабатывать, комплектовать и распространять спланированные или программированные ощущения. Искусства станут — как сказали бы Рёскин или Моррис* — служанками индустрии. Психофирмы и другие предприятия будут нанимать множество актеров, режиссеров, музыкантов и оформителей. Рекреационная индустрия будет расти, поскольку сама природа досуга начнет определяться в терминологии ощущений. Средства связи и компьютеры также найдут для своих машин и программ важный рынок в производстве ощущений. Короче говоря, отрасли, которые тем или иным способом связаны с технологиями, воздействующими на восприятие, отрасли, производящие что-то, кроме материальной продукции и традиционного обслуживания, будут расширяться наиболее стремительно. В итоге творцы ощущений создадут основной — если не главный — сектор экономики. И тогда процесс психологизации будет завершен.

ЭКОНОМИКА ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Сутью грядущей экономики, объявляет Служба долговременного планирования Станфордского исследовательского института, будет «основной упор на внутренние потребности индивидуума и группы людей в той же мере,

* Джон Рёскин (1819—1900) — английский писатель, искусствовед и социолог. Моррис — по-видимому, имеется в виду Уильям Моррис (1834—1896), английский художник и поэт. — *Примеч. пер.*

как и на материальные нужды». Этот новый акцент, по мнению института, будет проставлен не только из-за требований потребителя, а ради выживания самой экономики. «В странах, где все основные материальные потребности можно удовлетворить с помощью трех четвертей или даже половины производственного потенциала, необходимы фундаментальные изменения для поддержания здоровья экономики»[6].

Именно это совместное давление — со стороны потребителей и тех, кто хочет развития экономики — продвинет развитые технические общества к индустрии ощущений будущего.

Это продвижение может быть замедлено. Измученные голодом людские массы во всем мире могут и возмутиться, когда привилегированное меньшинство этого же мира вступит на путь психологических излишеств. Есть что-то отвратительное, с точки зрения морали, в том, что группа людей стремится потворствовать себе психологически, ищет новых и редкостных удовольствий, а основная часть рода человеческого живет в нищете и голоде. Развитые страны могут отсрочить явление «ощущенчества», временно поддерживать обычную экономику, максимизируя традиционное производство, а затем учредить по-настоящему мощные программы борьбы с нищетой в других странах.

Выпуская «излишнюю» продукцию и, как следствие, отдавая ее на сторону, заводы смогут продолжать работу; излишки сельскохозяйственного производства найдут себе применение, и общество в целом будет по-прежнему нацелено на материальные потребности. Пятидесятилетняя, например, кампания по уничтожению голода во всем мире будет иметь огромное моральное значение, а развитые страны получат столь необходимое время для мягкого перехода к экономике будущего.

Такая пауза даст нам время всерьез поразмыслить о философских и психологических последствиях индустрии ощущений. Если потребители не смогут ясно отличать реальное от имитированного, если целые отрезки их жизни будут на коммерческой основе программироваться, то пе-

ред нами встает комплекс психоэкономических проблем головокружительной сложности. Эти проблемы подвергают сомнению наши главнейшие понятия не только и не просто о демократии и экономике, но о самой природе здравого рассудка, здравого смысла.

Один из важнейших и до сих пор не заданных вопросов нашего времени: каково в нашей жизни соотношение между искусственными, заимствованными и непосредственными ощущениями? Ни одно из предыдущих поколений не испытывало и десятой доли тех искусственных ощущений, что мы щедро отпускаем себе и своим детям. Никто не имеет истинного понятия о том, как такой кардинальный переворот воздействует на личность. Наши дети физически взрослеют раньше, чем мы. Время первых менструаций с каждым десятилетием наступает раньше на четыре — шесть месяцев[7]. Средний рост людей увеличивается еще быстрее. Телевидение, потоки информации обусловливают и преждевременное умственное развитие. Но что происходит с эмоциональным развитием, когда возрастает доля заимствованных ощущений? Способствует ли возрастание заимствований эмоциональному взрослению или, напротив, замедляет его?

И наконец, что произойдет, когда, нащупывая новые направления, экономика всерьез займется производством ощущений уже в собственных целях? Таких ощущений, которые размоют границы между заимствованным и подлинным, между подделкой и реальностью? Одно из определений здравого смысла — способность отделить реальное от ирреального. Понадобится ли нам тогда новое определение?

Пора задуматься над этими вопросами, но, возможно, в любом случае обслуживание в конце концов возьмет верх над материальным производством, а индустрия ощущений — над обслуживанием. Рост производства ощущений может быть всего лишь неизбежным следствием изобилия, поскольку удовлетворение простых материальных потребностей открывает дорогу для новых, более сложных и изысканных удовольствий. Мы продвигаемся от «экономики брюха» к «экономике души», ибо сейчас только душа требует насыщения.

Мы стремительно движемся к такому обществу, в котором вещи, предметы, материальные сооружения становятся все более недолговечными. Не только отношение людей к вещам, но и сами вещи. И возможно, ощущения — единственное, что потребитель не сможет отторгнуть, выбросить в мусор, как одноразовую бутылку из-под шипучки или зазубренное бритвенное лезвие.

Для старинной японской знати любой цветок, каждая супница или пояс «оби» были наполнены многозначным смыслом; любой предмет был символичен и имел ритуальное значение. Движение к психологизации материальных предметов ведет нас в аналогичном направлении, но это вступает в противоречие с мощным рывком к быстротечному, мимолетному, в котором предметы сами по себе становятся преходящими. Потому нам и легче придать символическое значение обслуживанию, чем реальным вещам. И в конце концов мы уйдем за пределы экономики обслуживания, за пределы воображения нынешних экономистов, мы станем первой цивилизацией в истории, которая заставит высокие технологии производить самый недолговечный, но и самый устойчивый продукт: человеческие ощущения.

---

[1] Цитируется интервью Демби, данное автору.

[2] Экспериментальная затея «Бритиш Оверсиз Эйруэй Корпорейшн» была описана в The New York Times, September 13 and 16, 1969.

[3] Хон была описана в Scandinavian Times, August — September 1966. Автор посетил «Модерна Музеет» летом 1966 г. и самолично «ощутил» это зрелище.

[4] «Церебрум»: в день открытия автор сам облачился в прозрачное одеяние. «Церебрум» описан в Village Voice, November 7, 1968, с. 10–11.

[5] О случае с «топлесс-премией» сообщалось в Sweden Now, April, 1968, с. 6.

[6] Отчет Станфордского исследовательского института цит. по: A Social and Cultural Framework for 1975 by Ely M. Brandes and Arnold Mitchell в [183], с. 172.

[7] Информацию о раннем созревании детей см.: [166], с. 39—40.

Глава 11

СЛОМАННАЯ СЕМЬЯ

На нас вот-вот обрушится поток новаций. Из университетов и исследовательских центров — на заводы и в конторы; с рынка и из массовых средств информации — на наши социальные отношения; из общества — на домашнюю жизнь. Новации глубоко проникнут в нашу частную жизнь и создадут небывалые напряжения внутри семей.

Некогда семья считалась «могучим средством от ударов общества»; после сражений с большим миром человек возвращался в семью избитым, в синяках и обретал здесь единственно устойчивое место среди все более изменчивого окружения. Но по мере развития сверхиндустриальной революции это «противошоковое средство» само становится источником шоков.

Для критиков общества наступило блаженное время спекуляций: семья «на грани полного исчезновения», заявляет Фердинанд Ландберг в труде «Наступающее преобразование мира»[1]. Ему вторит психоаналитик Уильям Вулф: «Семья мертва; она держится первый год или два после рождения ребенка. Такой будет ее единственная функция впредь»[2]. Пессимисты уверяют нас, что семья стремительно уходит в небытие, но редко говорят, что именно придет ей на смену.

Напротив, оптимисты уверяют: как семья существовала во все времена, так и будет существовать. Некоторые даже пытаются доказать, что семья приближается к своему золотому веку. С увеличением досуга, теоретизируют они, члены семьи будут все больше времени проводить вместе и получать большое удовлетворение от совместной деятельности. «Семья, где все вместе играют, вместе и остается», — и так далее[3].

Есть воззрения и более глубокие: бури грядущего времени заставят людей глубже уйти в семью. «Люди будут вступать в брак, чтобы войти в устойчивую структуру», — пишет

доктор Ирвин М. Гринберг, профессор психиатрии Медицинского колледжа Альберта Эйнштейна. С этой точки зрения семья служит человеку «компактной корневой системой», страхующей его в бурях перемен. Короче говоря, чем изменчивей и непривычней внешний мир, тем более важной становится роль семьи.

Возможно, в этом споре обе стороны неправы, поскольку будущее различимо яснее, чем кажется. Семья может и не исчезнуть, и не войти в новый золотой век. Вероятнее всего, что она разобьется вдребезги, но лишь затем, чтобы потом принять новый и странный облик.

ТАИНСТВО МАТЕРИНСТВА

Самая очевидная из всех сил, грозящих семье разрушением в ближайшие десятилетия, — новая технология деторождения. Ныне следует считать реальной возможность заранее выбрать пол младенца или даже запрограммировать его IQ, предопределить его внешний облик и черты личности. Имплантация эмбрионов, выращивание младенцев «в пробирке», возможность принять пилюлю и тем обеспечить себе рождение двойни или тройни — и более того, возможность пойти в «эмбриобанк» и попросту приобрести эмбрионы, — все это уходит столь далеко за пределы любого человеческого опыта, что в будущее надо смотреть скорее глазами поэта или живописца, чем социолога или традиционного философа.

Принято считать, что обсуждение таких материй не слишком академично и даже легкомысленно. Но достижения науки и техники — или даже одной репродуктивной биологии — могут очень скоро смести ортодоксальные понятия о семье и ее обязанностях. Если детей начнут выращивать в лабораторных колбах, то что тогда произойдет с самим понятием материнства? И что будет с представлениями женщины о себе, если общество от начала времен счита-

ло первейшей миссией женщин рождение и воспитание детей?

Пока что немногие социологи начали заниматься этими проблемами. Один из них — психиатр Хаймен Г. Вайтцен, заведующий психоневрологической службой Нью-Йоркской поликлинической больницы. Он полагает, что цикл деторождения «удовлетворяет главную творческую потребность большинства женщин... Они гордятся своей способностью рожать детей... Особая аура благости, окружающая беременных женщин, нашла широкое отображение в литературе и искусстве как на Западе, так и на Востоке». Вайтцен задается вопросом: что произойдет с культом материнства, если «ребенок в буквальном смысле не будет потомством женщины, а вырастет из генетически «выдающейся» яйцеклетки, перенесенной в ее матку от другой женщины или даже из чашки Петри?» По его мнению, если женщины будут иметь общественный вес, то уже не потому, что они могут рожать детей. Близится конец мистического отношения к материнству[4].

Не только материнство, но и само понятие родительского статуса может быть радикально пересмотрено. На деле вскоре может оказаться, что в рождении ребенка могут участвовать больше двух биологических партнеров. Доктор Беатрис Минц, специалист по биологии развития из Филадельфийского института исследований рака, вырастила создания, которых называют «мультимышами», поскольку у них много родителей. «Мультимышей» получали следующим образом: из двух беременных самок извлекались эмбрионы; их помещали в лабораторную кювету и выращивали там, пока два зародыша не превращались в единый растущий эмбрион. Тогда его помещали в матку третьей мыши. Появившийся на свет мышонок нес на себе явные генетические характеристики обеих пар мышей-доноров. Эти типические «мультимыши», рожденные от двух пар родителей, имели белую шерсть и белые усы на одной стороне головы, темные шерсть и усы на другой стороне, а на теле — полосы обоих цветов. Выращенные таким образом 700 мышей уже произвели больше 35 000 потомков[5]. Итак, если уже есть «мультимыши», то почему бы не появиться «мультилюдям»?

Кого надо считать родителем при таких обстоятельствах? Когда женщина вынашивает ребенка, зачатого в матке другой женщины, кто его настоящая мать? И совершенно так же — кто отец?

Когда супружеские пары действительно смогут покупать эмбрионы, статус родителей станет понятием юридическим, а не биологическим. Если такой процесс не будет под строгим контролем, то можно представить себе гротескную ситуацию: некая пара покупает эмбрион, выращивает его «ин витро», а затем покупает второй эмбрион — от имени первого, в качестве его доверенных лиц. Юридически эта пара может стать «дедом и бабкой», когда первый ребенок еще будет ходить в коротких штанишках. Нам потребуется новая терминология для обозначения таких родственных связей.

Более того, если эмбрионы продаются, почему бы фирме не купить одну штуку? Или десять тысяч штук? И продать их? А если не фирме, то как насчет некоммерческой лаборатории? Еще вопрос: покупая и продавая эмбрионы, не возвращаемся ли мы к рабовладению в новой форме? Таковы кошмарные вопросы, которые нам вскоре придется обсуждать. Поэтому абсолютно неразумно размышлять о будущем семьи только в общепринятых понятиях.

Перед лицом стремительных социальных перемен и потрясающих возможностей научной революции члены сверхиндустриального общества могут быть принуждены к экспериментам с новыми формами семьи. Возможно, предприимчивые малые группы будут опробовать некие экзотические семейные отношения. Они начнут с изменений существующих форм семьи.

УПРОЩЕННАЯ СЕМЬЯ

Они внесут одну несложную перемену: упростят семью. Типичная семья допромышленной эпохи не только имела много детей, в ней было немалое число и других членов —

деды, бабки, дядья, тетки, двоюродные братья и сестры. Такие «расширенные» семьи хорошо подходили для выживания в медлительных сельскохозяйственных сообществах. Но такие семьи не приспособлены для переездов. Они иммобильны.

Индустриализация потребовала огромного числа рабочих, готовых сняться с места в поисках работы и, если потребуется, переехать еще раз. Поэтому расширенная семья постепенно сбросила «лишний вес», и образовалась так называемая нуклеарная семья — компактная и состоящая только из родителей и детей. Эта новая форма, более мобильная, чем традиционная расширенная семья, стала стандартом для всех промышленных стран.

Однако же супериндустриализация, этот очередной шаг технико-экономического развития, требует еще большей мобильности. Поэтому можно ожидать, что в будущем многие останутся бездетными, семья примет самую простую форму: мужчина и женщина. Два человека — возможно, со сходными карьерами — сумеют более эффективно преодолевать социальные невзгоды, тяготы обучения, смены работы и переезды с места на место, чем семьи, отягощенные детьми. Антрополог Маргарет Мид в свое время указала на то, что мы, возможно, уже продвигаемся к системе, в которой «родительские обязанности примет на себя только малая часть семей, главной функцией которых будет воспитание детей», а остальная часть населения будет «впервые в истории вольна действовать поодиночке»[6].

Компромиссным решением будет, вероятно, отсрочка деторождения. Сегодня мужчины и женщины зачастую стоят перед тяжким выбором между карьерой и детьми. В будущем многие пары будут решать эту проблему, откладывая процесс рождения и воспитания детей до ухода с работы.

Нашему современнику это может показаться весьма странным. Но когда деторождение будет оторвано от его биологической основы, ничто, кроме традиции, не заставит людей заводить детей в молодости. Почему бы не выждать и не купить себе эмбрионы позже, когда рабочая карьера останется позади? Поэтому, похоже, не молодые и средне-

возрастные семьи будут воспитателями детей, а люди, перевалившие за шестьдесят. Семья пенсионеров может стать признанным и заметным социальным институтом.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ РОДИТЕЛИ И РОДИТЕЛИ-ПРОФИ

Если лишь малая часть семей воспитывает потомство, то почему дети должны быть рождены именно в них? Почему бы не возникнуть системе, в которой функции ухода за детьми будут передаваться «профессиональным родителям»?

Воспитание детей, кроме всего прочего, требует воистину универсального мастерства. Мы не позволим первому встречному делать операции на мозге или, скажем, торговать акциями и ценными бумагами. Любой государственный служащий, даже низшего ранга, обязан пройти проверку профессиональной пригодности. Но при этом мы разрешаем практически любому человеку, почти вне зависимости от его умственных и моральных качеств, воспитывать юные человеческие существа — только потому, что это родитель. Родительские обязанности остаются единственным — и огромным — заповедником для дилетантской деятельности, хотя задача воспитания становится все более сложной.

Когда треснет существующая система и по нашим головам прокатится супериндустриальная революция; когда вырастут армии юных правонарушителей; когда сотни тысяч подростков станут убегать из дома и во всех развитых странах студенты начнут громить университеты — тогда можно ожидать громогласных требований, чтобы родительскому дилетантизму был положен конец.

Есть способы разрешить проблемы юношества, однако наверняка будет предложено профессиональное родительство, хотя бы потому, что оно великолепно согласуется с неодолимым движением общества к специализации. Более того, есть сильнейшая, хотя и затаенная потребность в такой общественной инновации. Уже сегодня миллионы ма-

терей и отцов, будь у них возможность, с радостью отказались бы от родительских обязанностей — притом не обязательно из-за безответственности или нелюбви к детям. Вечно спешащие, неистовые, загнанные в угол люди начинают понимать, что эти обязанности им не под силу. При хороших доходах и наличии специально подготовленных и дипломированных профессиональных родителей многие биологические родители уже сегодня отдали бы им своих детей. Отдали бы не просто с радостью, но смотрели бы на это, как на акт любви, а не измены.

Родители-профессионалы не должны быть врачами; они будут составлять настоящие семьи, призванные — за хорошие деньги — растить детей. В эти семьи может входить несколько поколений, дети смогут общаться с разными типами взрослых людей и учиться у них, как это было при старинном фермерском укладе. Взрослым, которым платят за родительство, не придется постоянно переезжать в поисках работы и возить за собой детей. Такие семьи могут принимать новых детей по мере «выпуска» прежних, поэтому разделение по возрастам будет минимальным.

Возможно, в газетах будущего появятся объявления, адресованные молодым семейным парам, например: «Стоит ли задыхаться от родительских обязанностей? Мы можем вырастить вашего ребенка и сделать его ответственным и преуспевающим человеком. Предлагаем профи-семью 1-го класса: отец — 39 лет, мать — 36 лет, бабушка — 67 лет. Здесь же проживают дядя и тетка 30 лет, работающие поблизости неполный день. В группе из 4 детей есть место для еще одного; возраст — 4—6 лет. Выверенное питание по стандартам правительства. Все взрослые имеют диплом по воспитанию и руководству детьми. Допускаются нечастые визиты биородителей. Разрешены контакты по телефону. Летние каникулы дети могут проводить с биородителями. Религиозные, художественные и музыкальные занятия — по особому соглашению. Минимальный контракт — пять лет. О подробностях запрашивайте письменно».

«Настоящим» или «биородителям» в этой рекламе отводится роль, которую сегодня исполняют усердные крест-

ные родители — дружественные посторонние помощники. Таким способом общество сумело бы и дальше сохранить все свое генетическое разнообразие, поручив заботу о детях матерям и отцам, эмоционально и интеллектуально пригодным для воспитания детворы.

КОММУНЫ И ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЕ ПАПАШИ

Совершенно другой тип отношений — групповая семья. По мере того как быстротечность времени усиливает одиночество и отчужденность членов общества, можно ожидать все больше экспериментов с разными формами групповых браков. Когда несколько взрослых и детей создают единую «семью» — это некая страховка от одиночества. Даже если один-два человека покинут дом, семья сохранится. Такие коммуны возникли по моделям, изображенным психологом Б. Ф. Скиннером* в работе «Уолден второй» и писателем Робертом Риммером в романе «Эксперимент и 31-й план Харрада». В позднейшей работе Риммер всерьез предложил узаконить «корпоративную семью», в которой от трех до шести взрослых принимали бы общую фамилию, сообща жили и воспитывали детей, объединившись также и официально, чтобы иметь экономические и налоговые послабления[7].

По мнению некоторых наблюдателей, уже есть сотни коммун, живущих открыто или тайно на всем пространстве Америки. Далеко не все они созданы молодежью или хиппи. Некоторые создавались ради специфических задач — например, три колледжа Восточного побережья потихоньку финансируют группу для подготовки студентов-новичков к жизни в университетском городке. Цели могут быть социальными, религиозными, политическими; даже отдых может быть общей целью. Поэтому вскоре мы увидим

---

* Скиннер, Беррес Фредерик (1904—1990) — известный американский психолог-бихевиорист. — *Примеч. пер.*

групповые семьи любителей серфинга, рассыпанные по пляжам Калифорнии и Южной Франции (возможно, они есть уже сейчас). Увидим возникновение коммун, основанных на политических доктринах и религиозных верованиях. В фолкетинг (парламент) Дании уже внесен законопроект о легализации групповых браков. Хотя его не обязательно примут, но само появление законопроекта — знаменательный признак перемен.

В Чикаго 250 взрослых и детей уже живут в «семейном монашестве» под покровительством нового, быстро расширяющегося религиозного общества — Экуменического института (ЭИ). Члены сообщества живут в общих квартирах, совместно готовят и едят, вместе молятся и растят детей, объединяют свои доходы. По меньшей мере 60 000 человек окончили курсы ЭИ; подобные коммуны начали создаваться в Атланте, Бостоне, Лос-Анджелесе и других городах. «Создается совершенно новый мир, — говорит профессор Джозеф В. Мэтью, глава ЭИ. — Но люди все еще оперируют понятиями старого мира. Мы пытаемся переучить людей и дать им орудия для возведения новых социальных условий»[8].

Своих последователей, похоже, найдет еще один вид семейного союза, который можно назвать «старческой коммуной», — групповой брак пожилых людей, объединившихся для общения и взаимной поддержки. Такие люди отчуждаются от продуктивной деятельности, требующей переездов, и они осядут в одном месте, объединят свои средства, станут нанимать общую прислугу и сиделок и так будут доживать отпущенное им время.

Коммунное движение создает нечто противоположное всевозрастающей пространственной и социальной мобильности, порожденной рывком к суперindустриальному устройству мира. Для коммун нужны «оседлые» люди. По этой причине на эксперименты с коммунами поначалу пойдут те члены общества, которые свободны от промышленной дисциплины: пенсионеры, молодежь, люди без определенных занятий, учащиеся, специалисты и инженеры, живущие «на вольных хлебах». Позже, когда развитие техники и инфор-

мационных систем сделает для многих возможной работу на дому с помощью компьютеров и средств связи, в коммунное движение вольется еще больше людей.

Мы увидим и множество «семейных объединений», состоящих из одного взрослого-холостяка и одного или нескольких детей. Отнюдь не все такие взрослые будут женщинами. В некоторых местах неженатые мужчины уже могут становиться приемными отцами. Например, в 1965 г. в штате Орегон музыкант 38 лет по имени Тони Пиацца стал первым в этом штате (а возможно, и во всей стране) неженатым мужчиной, получившим право усыновить младенца. Со своей стороны, суды стали охотнее поручать опеку разведенным отцам. Лондонский фотограф Майкл Купер, женившийся в 20 лет и вскоре получивший развод, добился права воспитывать сына и выразил желание принять в семью еще одного ребенка. Купер понял, что он не хочет жениться еще раз, но любит детей. Он говорит: «Я бы хотел, чтобы можно было попросить прекрасную женщину родить для тебя ребенка. Или любую женщину, которая тебе нравится, или ту, в которой есть что-то восхитительное. Мой идеал — иметь большой дом, полный детей. Разного цвета кожи, облика и возраста». Романтик? Женоподобный мужчина? Возможно. Однако в будущем подобные социальные установки широко распространятся среди мужчин.

Уже сейчас два смягчающих фактора воздействуют на культуру, готовя ее к принятию этой новации. Первый: в некоторых регионах много детей без родителей. Например, в Калифорнии диск-жокеи зачитывают платные объявления: «У нас много восхитительных младенцев всех рас и национальностей, которые ждут возможности принести добропорядочным семьям любовь и счастье... Звоните в Лос-Анджелесское окружное бюро по усыновлению». Второй: похоже, что средства массовой информации, не сговариваясь, одновременно решили, что мужчины, воспитывающие детей, особенно интересны публике. Недавно чрезвычайно популярные телевизионные программы в самых привлекательных чертах показывали домашние хозяйства, ведомые мужчинами без женщин, — мужчины мыли полы, готовили

и, что самое примечательное, ухаживали за детьми. Называю для примера четыре программы: «Мои три сына», «Стрелок», «Бонанца» и «Отец-холостяк».

По мере того как гомосексуализм становится социально более приемлемым, мы начинаем даже обнаруживать семьи, основанные на гомосексуальных «браках» между партнерами, взявшими на воспитание детей. В дальнейшем станет ясно, какого пола эти дети — того же или противоположного. Однако скорость, с которой гомосексуальные отношения ныне становятся респектабельными в индустриальных странах, ясно указывает, что процесс разворачивается. Не так давно в Голландии католический священник «повенчал» двоих гомосексуалистов, а в ответ на критику сказал, что «они из тех верующих, кому следует помогать». Англия изменила соответствующие законы: теперь добровольные гомосексуальные отношения между взрослыми не считаются преступлением[9]. А в Соединенных Штатах на совете служителей епископальной церкви было решено и публично объявлено, что гомосексуализм при некоторых обстоятельствах можно считать «добром». Не исключено, что настанет день, когда суд решит, что пара солидных и образованных гомосексуалистов может считаться достойными «родителями».

Различимо также постепенное ослабление препятствий для полигамии. Полигамные семьи встречаются даже сейчас, причем чаще, чем принято считать, и внутри «нормального» общества. Писатель Бен Мёсон побывал в нескольких таких семьях в штате Юта, где полигамия все еще считается обязательной для некоторых мормонов-фундаменталистов. Он утверждает, что в Соединенных Штатах примерно 30 000 человек нелегально составляют полигамные союзы. Возможно, по мере того как взгляды на отношения полов будут становиться более вольными, а имущественные права из-за растущего благосостояния — менее важными, общественные репрессии против полигамии начнут считаться иррациональными. Этим переменам как раз может помочь мобильность жизни, которая заставляет мужчин проводить значительное время вне дома. Старинная мужская фанта-

зия насчет «рая для капитана»* обернется реальностью, однако оставленные жены тоже потребуют права на внебрачные связи. Вряд ли сегодняшние «капитаны» осознают эту возможность, но завтрашние могут взглянуть на нее совсем по-иному.

Во всяком случае, уже сейчас в нашей среде есть другие, новые семьи — сообщества, воспитывающие детей, которые я называю «сводными (aggregate) семьями». Они строятся на отношениях между разведенными и вступившими в другой брак парами; здесь все дети становятся частью «одной большой семьи». Хотя социологи пока уделяют мало внимания этому явлению, оно уже столь распространено, что легло в основу веселой сцены в недавнем американском фильме «Развод по-американски». Можно ожидать, что в грядущие десятилетия сводные семьи будут приобретать все большее значение.

Бездетные браки, профессиональное родительство, пенсионеры, воспитывающие детей, корпоративные семьи, коммуны, гомосексуальные семейные союзы, полигамия — все это, однако, малая часть семейных форм и отношений, над которыми новаторские меньшинства будут экспериментировать в предстоящие десятилетия. Разумеется, не все захотят участвовать в этих опытах. Итак, что пожелает большинство?

У ЛЮБВИ МАЛО ШАНСОВ

Меньшинство экспериментирует; большинство придерживается обычаев прошлого. Можно уверенно сказать, что огромное число людей не станет выбрасывать за борт общепринятые взгляды на брак и связанные с ним формы семейных отношений. Однако даже эти люди будут вынуж-

---

* «Рай для капитана» — кинофильм, в котором знаменитый актер Алек Гиннес играл двоеженца (1953 г.). — *Примеч. пер.*

дены в конце концов отступиться, ибо жизненные преграды могут оказаться неодолимыми.

Ортодоксальный план жизни предполагает, что двое молодых людей «найдут» друг друга и поженятся. Предполагается, что каждый будет удовлетворять психологические потребности партнера и что эти две личности будут долгие годы развиваться — более или менее в тандеме, продолжая соответствовать друг другу. Далее предполагается, что это продлится, «пока смерть не разлучит».

Такие установки прочно встроены в нашу культуру. Теперь не считается достойным вступать в брак без любви, как то было принято прежде. Любовь — уже не второстепенное обстоятельство семейной жизни, а ее первейшее оправдание. Для многих людей поиски любви в семейной жизни фактически стали смыслом и сутью жизни.

Надо заметить, что любовь определяют в упомянутых уже понятиях совместного роста. Она понимается как очаровательная смесь из дополнительных потребностей, перетекающих от одного партнера к другому, переполняющих обоих, создающих ощущение тепла, доброты и преданности. Несчастливые мужья часто жалуются на то, что «жена отстала» — в социальном, образовательном или интеллектуальном росте. О партнерах в удачных браках говорят, что они «растут вместе».

Теория «параллельного развития» любви пользуется поддержкой консультантов по вопросам семьи, психологов и социологов. Поэтому специалист по социологии семьи Нелсон Фут указывает, что качество отношений между мужем и женой зависит «от уровня их соответствия в данной фазе их индивидуального, но сопоставимого развития».

Если любовь есть производное от совместного развития супругов и нам следует определять успешность брака по уровню и взаимному соответствию этого развития, то можно дать решительные и зловещие предсказания на будущее.

Можно показать, что даже в сравнительно застойном обществе математическая вероятность решительно не в пользу пары, стремящейся к идеалу параллельного развития. Однако ее шансы на успех падают еще ниже, если возра-

стает темп изменений в обществе (что сейчас и происходит). В быстро развивающемся социуме, где многое изменяется, причем не одноразово, а постоянно; где мужья продвигаются вверх и вниз в различных экономических и социальных измерениях; где семьи вновь и вновь меняют свои дома и окружение; где люди все дальше отходят от своих родителей, своих исконных религий, своих традиционных ценностей, — в таком социуме будет почти что чудом, если двоим удастся развиваться хотя бы относительно на равных.

Если средняя продолжительность жизни возрастет, скажем, с 50 до 70 лет, а потому увеличится время, когда надо проделывать акробатические трюки с параллельным развитием, то шансы на успех практически падают до нуля. Поэтому Нелсон Фут и заметил со сдержанной иронией: «Ожидая того, что в новых условиях брак будет длиться до бесконечности, вы хотите слишком многого»[10]. Желая, чтобы до бесконечности длилась любовь, мы будем хотеть еще большего, но темп жизни и новации — против этого.

ВРЕМЕННЫЙ БРАК

Именно падение статистических шансов на любовь и выражается в высоком проценте разводов и раздельной жизни супругов в большинстве высокотехничных стран. Чем выше темп перемен и продолжительность жизни, тем ниже становятся эти шансы. Что-то должно сломаться.

Точнее, нечто уже, разумеется, сломалось — прежняя приверженность к стабильности. Миллионы мужчин и женщин ныне следуют тому, что им кажется разумной и консервативной стратегией. Они не выбирают какой-то новаторский вариант семьи, а они вступают в брак на традиционный манер, затем пытаются заставить его «работать», потом, когда дороги партнеров окончательно расходятся, наступает развод или разъезд супругов. Большинство ищет

новых партнеров, чей уровень развития на данный момент отвечает их собственному.

По мере того как человеческие отношения становятся все более быстротечными и многосложными, стремление к любви становится, можно сказать, все более неистовым. Однако понятия о ее продолжительности меняются. Поскольку традиционный брак все менее и менее способен дарить обещанную любовь до конца жизни, можно прогнозировать, что широкие слои перейдут к временным бракам. Не ожидая совместной жизни «пока смерть не разлучит», люди будут создавать семьи, заранее зная, что этим отношениям суждено быть недолговечными.

Они также будут осознавать, что, когда дороги мужа и жены разойдутся (при слишком большом несоответствии уровней развития), пара может сказать «хватит», не испытав при этом ни потрясения, ни смятения, ни даже боли, которая сопровождает разводы сегодня. И когда представится возможность, они будут вступать в брак снова — и снова, и снова...

Серийный брак — модель успешного временного союза — вполне соответствует Эпохе Быстротечности, в которой все взаимоотношения людей, все их связи с окружающим становятся непродолжительными. Такой брак естествен; он — неизбежное порождение социального устройства, при котором автомобили берут напрокат, кукол отдают в счет покупки новых, одежду перестают носить, надев ее один раз. Это главная модель брака недалекого будущего.

В некотором смысле серийный брак уже стал тщательно охраняемым секретом высокоразвитых стран. Профессор Джесси Бернар, всемирно известный социолог семьи, утверждает: «В нашем обществе множественные браки сейчас более распространены, чем в обществах, где допускается полигамия. Основное различие в том, что мы ввели в обычай не одновременную, а серийную, или последовательную, форму множественного брака». Повторные браки так участились, что в Америке почти четверть «новобрачных» уже успела прежде побывать перед алтарем. Это стало настолько обычным, что один служащий отдела кадров IBM сооб-

щил о таком пикантном случае: заполняя анкету, разведенная женщина задумалась над графой «семейное положение». Закусила зубами авторучку, секунду поколебалась и написала: «Вторично не замужем».

Темп жизни неизбежно отражается на долговременных ожиданиях, связанных с реакцией на новые ситуации. Человек жаждет устойчивых отношений, но внутренний голос говорит ему, что это — роскошь, и чем далее, тем более невероятная.

Даже молодежь, которая страстно стремится к взаимообязательным, глубоким связям с людьми — и с событиями, — ощущает могущество этого броска к быстротечности. Послушайте, например, что говорит юная чернокожая американка, работающая в Движении за гражданские права. Вот как она выражает свои взгляды на время и на брак: «В мире белых замужество считают каким-то «концом», как в голливудских фильмах. Это не для меня. Не могу себе представить, чтобы я обещала пробыть с кем-то всю свою жизнь. Сейчас я, может, и хочу замуж, но как насчет будущего года? Это вовсе не неуважение к институту [брака], а самое глубокое уважение. В нашем Движении нужно иметь ощущение сиюминутности, чтобы делать свое дело так хорошо, как можешь, пока оно не кончено. При традиционных отношениях время становится тюрьмой»[11].

Не только молодежь — или меньшинство населения, или его политически активная часть — будет разделять подобные воззрения. Они расшевелят целые страны, когда новации зальют общество и темп жизни еще более возрастет. И тогда резко увеличится число временных — серийных — браков.

Эту мысль отчетливо подытожил шведский журнал «Svensk Damtidning», опубликовав интервью с несколькими ведущими шведскими социологами, правоведами и другими специалистами на тему будущих отношений между мужчинами и женщинами. Журнал представил их изыскания в форме пяти фотографий. На каждой была одна и та же очаровательная невеста, которую пять раз вносили в дом — пять разных женихов[12].

ТРАЕКТОРИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Когда серийные браки станут более обычными, мы начнем характеризовать людей не по их семейному статусу на данный момент, а по их семейной карьере или «траектории». Она будет формироваться решениями, принимаемыми человеком в некоторые жизненно важные поворотные моменты.

У большинства людей первый такой поворот будет происходить в юности, при вступлении в «пробный брак». Уже теперь в Соединенных Штатах и Европе молодежь участвует в массовом эксперименте с такими браками, устраивая формальные свадьбы или обходясь без них. В самых солидных и степенных американских университетах начинают закрывать глаза на совместное проживание студентов. Положительно к пробному браку относятся даже некоторые религиозные философы. Так, известно, что теолог Зигфрид Кайл из Марбургского университета настаивает на том, что он называет «ознакомительным пред-браком». В Канаде священник Жак Лазу публично предложил ввести «испытательный брак» на срок от трех до 18 месяцев[13].

В прошлом социальное давление и недостаток средств сводили эксперименты с пробными браками до минимума. В будущем эти ограничения исчезнут. Пробный брак станет первым шагом серийной брачной «траектории» и его сделают миллионы людей.

Вторым решительным поворотом в жизни людей будущего станет окончание пробного брака. В этот момент семейная пара может либо решиться оформить свои отношения и сделать следующий совместный шаг, либо разойтись и искать новых партнеров. В обоих случаях перед ними будет стоять несколько возможных решений: остаться бездетными, завести своего ребенка, одного или нескольких, взять детей на воспитание или «купить». Они смогут растить детей сами или отдать их профессиональным родителям. Эти решения они будут принимать, как правило, вскоре после своего двадцатилетия — в этом возрасте многие молодые люди будут уже состоять во втором браке.

Третий знаменательный поворот семейной карьеры наступит, как и в наши дни, тогда, когда дети окончательно покинут родительский кров. Это поворот мучительный для многих, особенно для женщин, ибо в отсутствие детей они лишатся смысла жизни. Даже сейчас после ухода детей из семьи следуют разводы, если родителям не удается приспособиться к травмирующей ломке привычного обихода.

Для самых консервативных семей завтрашнего дня, для тех, кто станет воспитывать собственных детей традиционно, этот момент по-прежнему окажется болезненным. Однако наступать он будет раньше. Уже сегодня молодежь уходит из дома раньше, чем предыдущее поколение. Завтра она, возможно, станет покидать родителей в еще более юном возрасте. Множество юношей 15—16 лет станут уходить из дома, чтобы вступить в пробный брак либо зачем-то еще. Поэтому можно предвидеть, что для миллионов людей важный переломный момент семейной карьеры будет наступать в 35—40 лет. Во время этого перелома многие решат вступить в третий брак.

Третий брак может оказаться самым продолжительным и ровным отрезком их семейной жизни — примерно от сорока лет до смерти одного из супругов. Фактически этот союз может оказаться и единственным «настоящим» браком, основой для единственных в жизни этих людей истинно прочных семейных отношений. Два зрелых человека, предположительно с совпадающими интересами и взаимодополняющими психологическими запросами, находящихся на сравнимом уровне личного развития, смогут с неплохой статистической вероятностью предполагать, что их союз окажется прочным.

Не все эти браки продлятся до самой смерти, ибо семью будет ожидать четвертый кризис. Он наступит — как часто бывает в наше время, — когда оба супруга или один из них оставят работу. Новая ситуация резко изменит повседневную жизнь и создаст в семье сильнейшую напряженность. Некоторые пары вступят на стезю «пенсионерской семьи»

и с этого момента займутся воспитанием детей. Такое решение может заполнить вакуум, в котором ныне оказывается так много семейных пар, закончивших трудовую жизнь. (Сегодня многие женщины поступают на работу, вырастив детей; завтра будет иначе: сначала отработают свое, потом займутся детьми.) Другие пары будут справляться с пенсионным кризисом другими способами, совместно создавая новый образ жизни, находя новые интересы и занятия. Но еще кто-то посчитает такую реорганизацию слишком тяжелой, попросту разрубит семейные узы и присоединится к «подвешенным» — к подвижному резерву временных холостяков.

Без сомнения, найдутся счастливчики, которые благодаря умению ладить с людьми и высокому интеллекту сумеют добиться успеха в длительном моногамном браке. Некоторым удастся, как и сегодня, сохранить единственный брак, взаимную любовь и привязанность на всю жизнь. Но другие не сумеют сделать даже последовательные браки сколько-нибудь продолжительными. Поэтому кто-то попытается на последнем этапе создать семью с двумя или даже тремя партнерами. С учетом всех обстоятельств, среднее число браков на душу населения будет возрастать медленно, но неуклонно.

Большинство людей, вероятно, будут идти в русле этой тенденции, заключая один «общепринятый» временный брак за другим. Но когда в обществе широко распространятся эксперименты с семьей, все больше смелых и отчаянных людей начнут делать вылазки в менее принятых направлениях, возможно, экспериментируя с коммуной или воспитывая детей в одиночку. В конечном итоге сложатся разнообразные брачные траектории, по которым двинутся люди, появятся расширенный выбор схем жизни и бесконечные возможности для новых опытов. Некоторые схемы станут более приемлемыми для большинства. Однако временные браки будут стандартной, возможно, доминирующей формой семейной жизни будущего.

Мир, в котором брак есть состояние скорее временное, чем постоянное, в котором внутрисемейные связи разнообразны и экзотичны, в котором гомосексуальные пары могут быть приемными родителями, а пенсионеры растят младенцев, — такой мир весьма отличается от нашего. Сегодня считается, что все мальчики и девочки найдут себе супругов на всю жизнь. В мире будущего одиночество перестанет считаться чем-то неправильным. Супруги не будут вынуждены оставаться вместе, как сегодня, не будут сохранять брак, который уже распался. Процедура развода станет легкой при условии, что дети будут надлежащим образом обеспечены. Фактически само учреждение профессионального родительства может поднять мощную освободительную волну разводов, поскольку людям станет легче выполнять свои родительские обязанности, не оставаясь в оковах ненавистного брака. Когда исчезнет сильнейшее внешнее давление, вместе будут жить лишь те, кто хочет, кого брак действительно удовлетворяет, короче говоря, люди, любящие друг друга.

Похоже, что при такой более свободной и разнообразной системе семейных отношений участятся браки между разновозрастными людьми. Все больше пожилых мужчин станут жениться на юных девушках и наоборот. В расчет будет приниматься не возраст, а значащие для обоих ценности, интересы и, превыше всего, уровень личного развития. Говоря иначе, людей станет интересовать не год рождения, а положение партнера.

В сверхиндустриальном обществе дети будут расти в постоянно расширяющемся круге детворы, который можно назвать «полусестрами-и-братьями», — внутри целого клана мальчиков и девочек, произведенных на свет их родителями в разных браках. Было бы очень любопытно посмотреть, что произойдет дальше с такими «агрегатными» семьями. Отношения «полуродичей» могут стать такими, как отношения нынешних кузенов. Возможно, они будут

при нужде помогать друг другу в профессиональном смысле. Но они также создадут новые проблемы для общества, например: разрешать ли им жениться между собой?

Несомненно, в целом отношения между ребенком и семьей станут драматически напряженнее. Семья — может быть, за исключением коммунальных групп — утратит то малое, что осталось от ее способности передавать свои ценности молодому поколению. Это будет и дальше ускорять ход перемен и отягощать сопутствующие им проблемы.

Однако сквозь все изменения просвечивает — и даже уменьшает их значимость — нечто более важное и куда более тонкое. В людских делах есть скрытая цикличность, которая до сей поры была одной из ключевых сил, стабилизирующих общество. Это семейный цикл.

Мы начинаем жизненный путь детьми, взрослеем, оставляем родительское гнездо; затем даем жизнь своим детям, которые в свою очередь вырастают, уходят, и цикл запускается снова. Он крутится так давно, так самопроизвольно, с такой неизменной повторяемостью, что люди принимают его как данность. Он — часть общей картины человеческой жизни. Задолго до достижения половой зрелости дети уже знают роль, которую им предстоит сыграть, чтобы поддержать ход великого цикла. Эта предсказуемая последовательность семейных событий дает всем людям, во всех социальных стратах, ощущение преемственности, указывает им место в общем потоке времени. Семейный цикл был одним из постоянных хранителей здравого начала в человеческом бытии.

В наши дни этот цикл ускоряется. Мы раньше взрослеем, раньше оставляем родительский дом, вступаем в брак, рожаем детей. Разница в возрасте между детьми становится все меньше, и период родительских обязанностей сокращается. Доктор Бернис Нойгартен (Чикагский университет) пишет: «Общая тенденция — ускорение ритма событий на протяжении большей части семейного цикла».

Но если индустриальная эра с ее ускоренным ритмом жизни укорачивает семейный цикл, то сверхиндустриализм уже сейчас грозит разбить его вдребезги. С учетом реали-

зуемых фантазий специалистов по деторождению; с учетом экзотических опытов с семьей, производимых новаторскими меньшинствами, возможного развития таких институций, как профессиональное родительство, на фоне усиливающегося движения к временным и серийным бракам можно предсказать, что цикл не просто закрутится еще стремительней. Нет, мы введем нечто непостоянное, неопределенное, непредсказуемое, словом, новое в то, что было таким же размеренным и обычным, как смена времен года.

Когда «мать» сможет сократить процесс деторождения до короткого визита в магазин, торгующий эмбрионами, когда пересадка эмбрионов из матки в матку уничтожит даже древнюю уверенность в том, что ребенка вынашивают девять месяцев, тогда дети начнут расти в таком мире, где семейный цикл, в прежние времена ровный и неколебимый, станет рваным и аритмичным. Так из обломков старого распорядка жизни будет удален еще один ключевой стабилизирующий фактор, еще одна опора душевного здоровья.

Вне сомнения, пути развития, очерченные на предыдущих страницах, отнюдь не неизбежны. В нашей власти наметить грядущие перемены. Мы можем выбрать либо то, либо другое будущее. Однако нам не дано сохранить прошлое. В семейных отношениях, как и в экономике, науке, технике и социальных отношениях, мы будем вынуждены иметь дело с новациями.

Сверхиндустриальная Революция освободит людей от варварства, вызванного тесной, сравнительно безальтернативной системой семейных отношений прошлого времени и нынешнего дня. Революция предложит каждому человеку неведомый доселе уровень свободы. Но за эту свободу она настоятельно потребует непомерную плату.

Очутившись в будущем, миллионы рядовых мужчин и женщин столкнутся с набором волнующих возможностей, настолько незнакомых и неизведанных, что прошлый опыт почти не сумеет помочь в них разобраться. В своих семей-

ных отношениях, равно как и во всех жизненных коллизиях, им придется справляться не только с быстротечностью событий, но и с проблемой нового бытия.

Таким образом, во всех серьезных и всех маловажных действиях, в самых широких и гласных конфликтах и самых частных, личностных событиях будет нарушено равновесие между рутинным и необычным, предвидимым и непредсказуемым, известным и непознанным. Коэффициент новизны будет возрастать.

Следуя по жизненному пути в такой незнакомой и быстро меняющейся обстановке, мы будем вынуждены выбирать из великого множества возможностей. Третья, главная характеристика близкого будущего — *многообразие*; к нему мы и должны теперь обратиться. Ибо окончательное слияние указанных трех факторов — быстротечности, новаций и многообразия — формирует период исторического кризиса приспособленности к жизни, являющегося темой этой книги — шока будущего.

---

[1] Ландберг цит. по: [163], с. 295.

[2] Замечания Вулфа — из его интервью автору.

[3] О досуге как факторе, скрепляющем семью, см.: [183], с. 7.

[4] Вайтцен цитируется по статье The Programmed Child in Mademoiselle, January 1966, с. 70–71.

[5] Об экспериментах с «мультимышами» сообщалось в The New York Times, May 30, 1968.

[6] Маргарет Мид писала о бездетности в работе The Life Cycle and its Variations: The Division of Roles в [132], с. 872.

[7] О романах Скиннера и Риммера см.: [125], [126], [328].

[8] Деятельность Экуменического иститута описана в The New York Times, November 9, 1968.

[9] «Закон о сексуальных правонарушениях» в Англии принят 27 июля 1967.

[10] Нелсона Фута цитирует Рубен Хилл: The American Family Today в [109], с. 93–94.

[11] Чернокожая сотрудница Движения за гражданские права цит. по статье Элизабет Сазерленд ...Because He was Black and I was White by Elizabeth Sutherland // Mademoiselle, April, 1967, с. 244.

[12] Статья из шведского журнала Svensk Damtidning, November 9, 1965 — четвертая в серии из пяти статей, озаглавленная «Женщина-85».

[13] Цитаты из Кайла (Keil) и Лазу (Lazure) приводятся в статье Trial by Marriage в Time, April 14, 1967, с. 112.

[14] Нойгартен (Neugarten) цитируется по ее неопубликованной работе The Changing Age-Status System. О раннем деторождении также см.: [121], с. 68 и [118], с. 33.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МНОГООБРАЗИЕ

Глава 12

ИСТОКИ СВЕРХВЫБОРА

Сверхиндустриальная революция обречет на забвение большую часть наших представлений о демократии и будущей возможности человеческого выбора.

Сегодня в технологически развитых обществах существует почти нерушимое единогласие относительно того, какой будет свобода. Максимальные возможности индивидуального выбора считаются демократическим идеалом. Но большинство людей пишущих предрекают, что мы будем далеки от этого идеала. Они предсказывают мрачную картину будущего, в котором люди предстают как неразумные создания-потребители, окруженные стандартизированными товарами, получающие образование в стандартизированных школах, вскормленные стандартизированной массовой культурой и вынужденные принимать стандартизированный образ жизни.

Подобные предсказания, как можно было ожидать, создали поколение людей, ненавидящих будущее и технофобов. Один из самых ярких антипрогрессистов — французский религиозный мистик Жак Эллюль, книги которого пользуются широкой популярностью в университетских кругах. По мнению Эллюля, человек был гораздо свободнее в прошлом, когда «выбор для него был реальной возможностью». Напротив, сейчас «человек больше ни в каком смысле не совершает выбора». «В будущем, — считает Эллюль, — человек будет, очевидно, сведен к роли записывающего устройства». Лишенный выбора, он будет не действовать, а подвергаться

действиям. Он станет жить, как утверждает Эллюль, в тоталитарном государстве, которым правит гестапо в бархатных перчатках[1].

Та же тема — отсутствие выбора — проходит нитью через большинство работ Арнольда Тойнби[2]. Это же повторяют все — от предводителей хиппи до судей Верховного суда, от издателей бульварных газет до философов-экзистенциалистов. В самой простой форме эта Теория Исчезнувшего Выбора основывается на голом силлогизме: наука и техника способствовали стандартизации. Наука и техника будут развиваться, делая будущее еще более стандартизированным, чем настоящее. Следовательно: человек постепенно утратит свободу выбора.

Однако если не принимать этот силлогизм слепо, а задуматься и проанализировать его, мы придем к необыкновенному открытию. Поскольку здесь не только логика ошибочна, но и сама мысль основана на абсолютном незнании фактов, имеющих отношение к природе, значению и направлению сверхиндустриальной революции.

Вся ирония в том, что люди будущего могут страдать не от отсутствия выбора, а от парализующего обилия выбора. Они могут стать жертвами этой своеобразной сверхиндустриальной дилеммы: сверхвыбора.

СКОНСТРУИРУЙТЕ «МУСТАНГ» САМИ

Все путешествующие по Европе или Соединенным Штатам Америки отмечают архитектурное единообразие бензозаправочных колонок или аэропортов. Каждый, кто чувствует жажду, обнаруживает, что бутылки кока-колы почти абсолютно похожи. Явное следствие технологии массовой продукции — единообразие некоторых аспектов нашего материального окружения — уже давно возмущало интеллектуалов. Некоторые осуждают «хилтонизацию» наших гостиниц, другие выдвигают обвинение в гомогенизации человечества в целом.

Разумеется, трудно отрицать, что индустриализация дает уравнительный эффект. Наша способность производить миллионы почти одинаковых вещей — это высшее достижение индустриальной эры. Таким образом, когда интеллектуалы оплакивают единообразие наших материальных благ, они размышляют о состоянии дел при индустриализации.

Но при этом они, однако, обнаруживают потрясающее неведение относительно характера сверхиндустриализации. Сосредоточившись на том, каким было общество, они не хотят видеть, каким оно вскоре станет. Общество будущего предложит не узкий, стандартизированный поток товаров, а величайшее разнообразие *нестандартизированных* товаров и услуг, какое только может представить себе любое общество. Мы движемся не к расширению стандартизации материальных благ, а к ее диалектическому отрицанию.

Конец стандартизации уже близок. Темпы разнятся от индустрии к индустрии и от страны к стране. В Европе пик стандартизации еще не пройден. (Это может занять ближайшие двадцать — тридцать лет.) Но в Соединенных Штатах имеются явные свидетельства того, что исторический поворот пройден.

Несколько лет назад американский эксперт по рынку Кеннет Суортц сделал удивительное открытие. «Нельзя назвать иначе, чем революционным преобразованием, то, что произошло на массовом потребительском рынке за последние пять лет, — пишет он. — Из единого и однородного массовый рынок превратился в ряд отдельных рынков, у каждого из которых свои нужды, свои вкусы и свой образ жизни»[3]. Этот факт положил начало изменению американской индустрии до неузнаваемости. Результатом стали удивительные перемены в существующем потоке товаров, предлагаемых потребителю.

Например, компания «Филип Моррис» продавала единственную ведущую марку сигарет в течение 21 года. С 1954 г. она представила шесть новых марок в 16 вариантах. Сейчас курильщик может выбирать сигареты различных размеров, с разными фильтрами, ментолом и пр. В этом не

было бы ничего особенного, если бы то же самое не повторялось фактически в каждой большой области производства. Бензин? Несколько лет назад американский автомобилист выбирал между «обычным» и «первым сортом». Сегодня он, подъезжая к бензоколонке, должен сделать выбор между восемью марками и смесями. Бакалея? В 1950—1963 гг. число различных сортов мыла и моющих средств на полке американского магазинчика возросло с 65 до 200; замороженных продуктов со 121 до 350; муки и смесей для выпечки с 84 до 200. Даже количество сортов корма для животных возросло с 58 до 81.

Большая компания «Корн Продактс» производит сироп для блинчиков «Каро» двух видов, поскольку пенсильванцы по каким-то своим причинам предпочитают менее густой сироп, чем остальные американцы. В области декорирования и меблировки происходит тот же процесс. «Сейчас в десять раз больше новых стилей и красок, чем десять лет назад, — говорит Джон Э. Сондерс, президент «Дженерал Файрпруфниг компани», один из ведущих производителей в этой области. — Каждому архитектору требуется свой собственный оттенок зеленой краски»[4]. Другими словами, компании видят большое разнообразие потребительских нужд и налаживают производство так, чтобы удовлетворить их. Эту тенденцию поддерживают два экономических фактора: во-первых, у потребителя стало больше денег на то, чтобы их тратить на свои индивидуальные желания; во-вторых, и это даже более важно, *с совершенствованием технологии стоимость введения различных вариантов снижается.*

Вот положение, которое наши социальные критики — большинство из которых не искушены в технологии — не могут понять: только примитивная технология предлагает стандартизацию. Напротив, автоматизация прокладывает путь к бесконечному, ослепительному, сбивающему с толку разнообразию.

«Жесткое единообразие и большие партии одинаковых изделий, которые являются отличительной чертой наших традиционных заводов массового производства, становятся

менее значимыми, — сообщает инженер-производственник Борис Явитц. — Станки с цифровым управлением быстро переходят от одной модели или размера к другим простым изменениям программ... малые партии изделий становятся экономически выполнимыми». По словам профессора Ван Курт Хейра-мл. из бизнес-магистратуры Колумбийского университета, «автоматическое оборудование... позволяет производить широкое разнообразие изделий малыми партиями по ценам, не намного отличающимся от массового производства»[5]. Многие инженеры и эксперты по бизнесу предвидят время, когда разнообразие будет обходиться не дороже, чем единообразие.

Обнаружить, что неавтоматизированная технология дает стандартизацию, а развитая технология позволяет разнообразие, можно при беглом взгляде на такое противоречивое американское новшество, как супермаркет. Как бензозаправочные станции и аэропорты, супермаркеты похожи и в Милане, и в Милуоки. Уничтожив тысячи «семейных» магазинчиков, они, несомненно, внесли свой вклад в архитектурное единообразие. Но поток товаров, который они предлагают потребителю, несравненно более разнообразен, чем мог предложить любой угловой магазинчик. Таким образом, содействуя архитектурному однообразию, они в то же время способствуют гастрономическому разнообразию.

Причина этого противоречия проста: технология производства пищи и ее упаковки гораздо более развита, чем строительная технология. Строительство едва достигло уровня массового производства; оно остается в большой степени доиндустриальным ремеслом. Местные законы строительства и консервативные профсоюзы тормозят темпы индустриального развития технологического прогресса в строительстве. Чем более развита технология, тем дешевле разнообразие продукции. Поэтому мы можем с уверенностью предсказать, что, когда строительная индустрия достигнет такого же технологического развития, как и сфера производства, бензозаправки, аэропорты, гостиницы и супермаркеты не будут выглядеть так, слов-

но выполнены по одному трафарету. Единообразие уступит место разнообразию*.

В то время как часть Европы и Япония все еще строят свои первые многоцелевые супермаркеты, Соединенные Штаты поднялись на следующую ступень — создание специализированных супермагазинов, которые еще больше расширяют (во что почти невозможно поверить) разнообразие товаров, доступных потребителю. В Вашингтоне один из магазинов, специализирующихся на продуктах питания из других стран, предлагает такие деликатесы, как стейк из мяса гиппопотама, мясо аллигатора, дикого зайца-беляка и 35 сортов меда.

Мысль о том, что примитивная индустриальная техника приводит к единообразию, в то время как развитая техника отдает предпочтение разнообразию, находит яркое подтверждение в процессах, происходящих в автомобильной индустрии. Широкое распространение европейских и японских автомобилей на американском рынке в конце 50-х годов открыло множество новых возможностей для покупателя, увеличив выбор от полудюжины до полусотни моделей. Сегодня этот широкий выбор кажется узким и ограниченным.

Столкнувшись с конкуренцией иностранцев, Детройт стал по-другому смотреть на так называемого массового потребителя. Был продуман не один единообразный массовый рынок, а целое объединение временных мини-рынков. Выяснилось, как сказал один журналист, что «потребитель хочет машину, как бы изготовленную на заказ, которая дает ему иллюзию обладания единственным в своем роде автомобилем». При прежней технологии поддерживать эту иллюзию было бы невозможно; однако новая компьютеризованная сборочная система способна не только

---

* Там, где этот процесс начался, результаты потрясающи. Например, в Вашингтоне существует рассчитанный при помощи компьютера жилой многоквартирный дом — Уотергейт Ист, — в котором ни один этаж не похож на другой. Из 240 квартир 167 построены по различным планам. В планировке нигде не было сквозных прямых линий.

поддерживать эту иллюзию, но даже — в скором времени — реализовать мечту потребителя.

Так, прекрасный и эффектный «мустанг» предлагается Фордом так: «автомобиль, который вы можете сконструировать сами», поскольку, как объясняет Райнер Банэм, «обычного, повторяющегося «мустанга» больше нет, а есть на выбор варианты в комбинациях из 3 (корпуса) х 4 (двигатели) х 3 (трансмиссии) х 4 (основные комплекты усовершенствованного двигателя) — 1 (базовый шестицилиндровый автомобиль, к которому эти модификации не применяются) + 2 (модели Шелби для дальних путешествий и для гонок подходят только к одному варианту корпуса и не ко всем комбинациям двигатель-трансмиссия)»[6].

Здесь даже не принимаются в расчет возможные варианты окраски, обивки и оборудования по выбору.

Как покупателей автомобилей, так и продавцов все больше смущает обилие выбора. Проблема выбора для покупателя стала гораздо сложнее, появление каждого нового варианта создает потребность в большей информации, в большем количестве решений более и менее значимых. Так, тот, кто пытается в последнее время купить автомобиль (что пришлось сделать мне), скоро обнаруживает, что задача узнать о различных марках, сериях, моделях и вариантах (даже в пределах определенной стоимости) требует нескольких дней чтения и езды по магазинам. Короче говоря, автомобильная индустрия скоро достигнет точки, когда ее технология сможет в экономическом отношении производить больше разнообразных изделий, чем требуется или хочется потребителю.

Но мы только в начале пути дестандартизации нашей материальной культуры. Маршалл Маклюэн заметил, что «даже сегодня большинство автомобилей США в каком-то смысле произведены на заказ. Так, например, сосчитав всевозможные комбинации стилей, вариантов и цветов для новой семейной спортивной машины, компьютер показал 25 000 000 различных ее вариантов для покупателя... Когда автоматизированное электронное производство достигнет полной мощности, сделать миллион различных изделий

будет почти так же легко, как миллион точных копий. Единственным ограничением производства и потребления будет служить человеческое воображение»[7]. Многие утверждения Маклюэна в высшей степени спорны. Но это — нет. Он абсолютно прав, когда говорит о направлении, в котором движется технология. Материальные блага будущего велики, но они не будут стандартизированы. Мы движемся к «сверхвыбору» — точке, в которой преимущества различия и индивидуализации будут уничтожены сложностью процесса принятия решений покупателем.

КОМПЬЮТЕРЫ И КЛАССНЫЕ КОМНАТЫ

Важно ли это? Некоторые утверждают, что разнообразие материального окружения не имеет значения, поскольку мы движемся к культурному или духовному единообразию. «В расчет принимается только то, что внутри», — говорят они, парафразируя известную сигаретную рекламу.

Эта точка зрения серьезно недооценивает важность материальных благ как символического выражения индивидуальных различий человека и глупо отрицает связь между внутренней и внешней средой. Те, кто боится стандартизации людей, будут тепло приветствовать дестандартизацию изделий, поскольку разнообразием изделий, доступных человеку, мы увеличиваем математическую вероятность различий в образе жизни современного человека.

Однако более важна сама *посылка* — мы идем к культурному единообразию, — поскольку при ближайшем рассмотрении обнаруживается прямо противоположное. Говорить об этом не принято, но мы быстро движемся к дроблению и разнообразию не только в материальном производстве, но и в искусстве, образовании и массовой культуре.

Один в высшей степени показательный тест культурного разнообразия в любом грамотном обществе связан с чис-

лом различных книг, публикуемых на миллион населения. Чем более стандартизованы вкусы публики, тем меньше названий публикуется на миллион жителей; чем более различны вкусы читателей, тем больше число названий. Увеличение или уменьшение этого показателя в определенный отрезок времени характеризует направление культурных изменений в обществе. Согласно исследованию, проводимому ЮНЕСКО (исследование возглавляет Робер Эскарпи, глава Центра социологии литературы Бордоского университета), издания книг явно свидетельствуют о мощном возрастании культурной дестандартизации в международном масштабе.

Так, с 1952 по 1962 г. индекс разнообразия возрос в 21 из 29 главных стран-издателей. Среди стран, где отмечено наибольшее повышение литературного разнообразия, — Канада, Соединенные Штаты и Швеция, в них индекс повысился на 50% и выше. В Великобритании, Франции, Японии и Нидерландах индекс повысился на 10—25%. В восьми странах — Индии, Мексике, Аргентине, Италии, Польше, Югославии, Бельгии и Австрии — индекс понизился, т. е. возросла стандартизация литературной продукции[8]. Коротко говоря, чем более развита технология страны, тем больше вероятность того, что она идет в направлении литературного разнообразия, уходя от единообразия.

То же самое стремление к плюрализму заметно и в живописи, где спектр направлений невероятно широк. Реализм, экспрессионизм, сюрреализм, абстракционный экспрессионизм, поп, кинетическое искусство и сотня других стилей существуют в обществе одновременно. То или иное направление может временно преобладать в галереях, но универсальных стандартов или стилей нет. Это плюралистический рынок.

Когда искусство было видом религиозной деятельности в племени, художник работал для всего сообщества. Позже он работал для единой небольшой аристократической элиты. Еще позже его зрители представали как единая недифференцированная масса. Сегодня его зрители составляют множество мелких подгрупп. По словам Джона Макхейла,

«наиболее единообразный культурный контекст представляют типично примитивные замкнутые группы. Самая поразительная черта нашей современной масс-культуры — это огромный спектр и разнообразие ее альтернативного культурного выбора... Эта «масса» даже при беглом рассмотрении распадается на множество различных зрительских аудиторий»[9].

Художники больше не пытаются работать для всей публики. Даже если они думают, что творят для всех, на деле их работы, как правило, соответствуют вкусам и стилям, которые предпочитает та или иная подгруппа общества. Как производители автомобилей или сиропа для блинчиков, художники тоже работают для «мини-маркетов». И если число этих «мини-маркетов» возрастает, художественная продукция становится разнообразнее.

В то же время стремление к разнообразию создает острый конфликт в образовании. Даже с возникновением индустриализма образование на Западе и частично в Соединенных Штатах было организовано для массового производства в основном стандартизированных образовательных программ. Не случайно, что именно в тот момент, когда потребитель начал требовать и получать большее разнообразие, в тот момент, когда новая технология обещает сделать возможной дестандартизацию, волна протестов охватила университетские кампусы. Хотя эта связь отмечается редко, события в кампусах и события на потребительском рынке внутренне связаны.

Одна из основных претензий студентов в том, что к ним относятся не как к личностям, но как к массовому, а не штучному продукту. Подобно покупателю «мустанга», студент хочет сконструировать себя сам. Различие в том, что индустрия в высокой степени отвечает требованиям потребителя, образование же, как правило, безразлично к желаниям студентов. (В одном случае мы говорим, что «потребитель лучше знает», в другом — настаиваем, что «отец — или замещающий его преподаватель — лучше знает».) Таким образом, студент-потребитель вынужден бороться за то, что-

бы образовательная индустрия отвечала его требованию разнообразия.

Большинство колледжей и университетов заметно расширили число предлагаемых курсов, но в то же время они все еще связаны с комплексными стандартизированными системами званий, специализаций и тому подобным. Эти системы определяют путь, по которому должны пройти все студенты. Хотя преподаватели быстро увеличили число альтернативных путей, разнообразие приходит к студентам недостаточно скоро. Это объясняет, почему молодые люди устраивают «парауниверситеты» — экспериментальные колледжи и так называемые свободные университеты, здесь студент свободен выбирать, что захочет, из ошеломляюще обильного «шведского стола» курсов от тактики партизанской войны и техники работы на фондовом рынке до дзен-буддизма и театра андерграунда.

Задолго до 2000 г. вся устаревшая структура званий, специализаций и репутаций превратится в руины. Каждый студент будет идти по собственному пути образования, поскольку студенты, борющиеся сегодня за дестандартизацию высшего образования, выиграют сражение.

Знаменательно, например, что одним из основных результатов студенческих забастовок во Франции стала децентрализация университетской системы. Децентрализация создает большее региональное разнообразие, курсы обучения, студенческие уставы и административная деятельность утверждаются на местах.

Параллельная революция происходит в средних школах. Там уже вспыхнул открытый протест. Как беспорядки в Беркли послужили началом всемирной волны студенческого протеста, так и в школе эта революция, на первый взгляд, началась с чисто локального события.

Так, в Нью-Йорке, где общеобразовательная система охватывает около 900 школ (т. е. ответственна за каждого сорокового ученика), состоялась самая заметная в истории забастовка учителей — именно по поводу децентрализации. Выстроившиеся пикеты учителей, бойкоты родителей и чуть ли не бунт были обычными событиями в школах города.

Разгневанные неэффективностью школы и тем, что они справедливо считали явными расовыми предрассудками, черные родители при поддержке различных общественных сил потребовали, чтобы вся школьная система была разбита на более мелкие, «управляемые общественностью» школьные системы[10].

На самом деле черное население Нью-Йорка, не добившись расовой интеграции и квалифицированного образования, хочет собственной системы школ. Оно хочет курсов негритянской истории. Оно хочет большей вовлеченности родителей в школы, чем это возможно при нынешней огромной бюрократической и косной системе. Коротко говоря, черное население добивается права создать иную школьную систему.

Однако основной предмет спора выходит за рамки расовых предрассудков. До сих пор школьная система большого города в Соединенных Штатах обладала мощным гомогенизирующим влиянием. Фиксированные нормы и учебные расписания, выбор текстов и подбор персонала в рамках города поддерживали относительное единообразие в школах.

Сегодня стремление к децентрализации, которое уже распространилось в Детройте, Вашингтоне, Милуоки и других больших городах Соединенных Штатов (и которое также в иных формах распространится по Европе), представляет собой попытку не просто улучшить образование негров, но и подорвать саму идею централизованной школьной политики в рамках города. Это попытка создать локальное разнообразие в среднем образовании путем передачи контроля за школами местной власти. Это, короче говоря, часть большой борьбы за разнообразие образования в последней трети XX в. Это усилие, временно приостановленное в Нью-Йорке по большей части упорным сопротивлением мощных профсоюзов, не означает, что исторические силы, стремящиеся к децентрализации, удастся всегда сдерживать.

Неудача попытки разнообразить образование *внутри* системы просто приведет к росту альтернативных возможностей образования *вне* системы. Так, сегодня ведущие де-

ятели образования и социологи, среди которых Кеннет Б. Кларк и Кристофер Дженкс, предлагают создать новые школы, конкурирующие с официальной системой общеобразовательных школ. Кларк призывает к созданию региональных и государственных школ, федеральных школ, школ, которыми руководили бы колледжи, профсоюзы, корпорации и даже военные подразделения. Такие конкурирующие школы смогут, утверждает он, создать разнообразие, в котором сейчас отчаянно нуждается образование. В то же время, менее формальным образом, уже создаются различные «парашколы» — общинами хиппи и другими группами, считающими основное направление образовательной системы слишком однородным.

Следовательно, и главную культурную силу общества — образование — подталкивают к разнообразию продукции. И здесь, как и в области материального производства, новая технология не способствует стандартизации, а ведет нас к суперииндустриальному разнообразию.

Компьютеры, например, помогают составить более гибкое расписание в большой школе. Они облегчают школе организацию независимых занятий с широким спектром предлагаемых курсов и более разнообразной деятельностью вне обязательного курса. Еще более важно то, что образование с применением компьютера, программных инструкций и тому подобной техники, несмотря на общую недооценку, коренным образом увеличивает возможность разнообразия. Технические средства позволяют каждому студенту продвигаться вперед в собственном индивидуальном темпе. Они позволяют ему следовать «сделанным на заказ», индивидуальным путем к знаниям, а не учиться по жестко установленным программам, как было принято в традиционных классах времен индустриального периода.

Более того, в мире образования будущего пережиток массового производства — централизованное место обучения — тоже будет менее значимым. Так же как экономическое массовое производство требует наличия большого числа рабочих на фабриках, образовательное массовое производство требует присутствия большого числа учащихся в

школах. Это само по себе, принимая во внимание единую дисциплину, специальные часы, учет посещаемости и тому подобное, служит стандартизирующей силой. В будущем развитая технология внесет изменения и в образование. Обучение будет происходить в основном в комнате учащегося или в общежитии, в часы, выбранные им самим. С огромной базой данных, доступных ему через компьютерные информационные системы, с собственными видеозаписями и видеомагнитофоном, со своей собственной лингвистической лабораторией и собственной кабиной для занятий с электронным оборудованием студент будет свободен большую часть времени от ограничений и прочих неприятностей, ждавших его в замкнутом пространстве классной комнаты.

Технология, которая будет лежать в основе этой новой свободы, неизбежно распространится по учебным заведениям в ближайшие годы — ее достаточно активно продвигают такие большие корпорации, как IBM, RCA и «Ксерокс». В течение 30 лет образовательная система Соединенных Штатов и некоторых западноевропейских стран решительно порвет с массовым производством педагогики прошлого и пойдет вперед, в эру образовательного разнообразия, основанную на освободительной мощи новых машин.

В образовании, следовательно, как в производстве материальных благ, общество неуклонно отходит от стандартизации. Это не просто вопрос большего разнообразия автомобилей, стиральных порошков и сигарет. Социальная тяга к разнообразию и росту индивидуального выбора воздействует как на наше ментальное, так и на материальное окружение.

ФИЛЬМЫ О ГОМОСЕКСУАЛИСТАХ-ТРАНСВЕСТИТАХ

Из всех обвиняемых в унификации современных умов мало что подвергалось такой постоянной и жесткой критике, как масс-медиа. Интеллектуалы Соединенных Штатов

и Европы громят телевидение, в частности, за стандартизацию языка, привычек и вкусов. Они представляют его себе огромной газонокосилкой, уничтожающей региональные различия, стирающей последние следы культурного разнообразия. Преуспевающая научная индустрия выдвигает подобные же обвинения против журналов и фильмов. Хотя в некоторых из этих обвинений есть правда, сами обвинители пропускают важные движения во встречном направлении, порождающие не стандартизацию, а разнообразие. Телевидение, требующее высоких затрат на производство и обладающее ограниченным числом каналов, все еще по необходимости зависит от очень большого количества зрителей. Но почти во всех других информационных средствах мы можем проследить уменьшающуюся зависимость от массовой аудитории. Везде действует процесс «сегментирования рынка».

Поколение назад американские любители кино не видели почти ничего, кроме голливудских фильмов, нацеленных на завоевание так называемой массовой аудитории. Сегодня в городах по всей стране к этой «основной» кинопродукции добавились иностранные фильмы, фильмы по искусству, эротическое кино и целый поток специализированных фильмов «движения», сознательно ориентированных на субмаркеты — для любителей серфинга, мотоциклистов, любителей старых автомобилей и так далее. Продукция кинематографа настолько специализированна, что, например, в Нью-Йорке можно найти кинотеатр, постоянные посетители которого почти исключительно гомосексуалисты, которые смотрят специально снятые для них фильмы, главные герои которых трансвеститы или гомосексуалисты, переодетые в женское платье.

Все это помогает объяснить стремление к маленьким кинотеатрам в Соединенных Штатах и в Европе. Согласно журналу «Экономист», «Времена «Трокадеро» на 4000 мест... прошли... Массовая публика прежних дней, регулярно посещавшая кино раз в неделю, совершенно исчезла». Сейчас увеличивается число малых групп зрителей, предпочитающих определенные виды фильмов, и экономика этой индустрии поднимается. Так, «Синесента» открыла комплекс из

четырех 150-местных кинотеатров в одном здании в Лондоне, и другие прокатчики планируют открытие маленьких кинотеатров. И в этом случае развитая технология благоприятствует разнообразию: развитие малотиражных фильмов привело к созданию новой дешевой 16-миллиметровой проекционной системы, сделанной для мини-кинотеатров. Они работают без киномеханика, и вместо обычных двух проекторов здесь нужен только один. «Юнайтид Артистс» продает эти «киноавтоматы» на льготных условиях[11].

Радио тоже, хотя и в большей мере ориентированное на массовый рынок, выказывает некоторые признаки разнообразия. Некоторые американские радиостанции передают только классическую музыку для знатоков, для высокообразованных слушателей, другие специализируются на новостях, а третьи — на рок-музыке. (Рок-станции довольно скоро разделились на еще более мелкие категории: одни адресуются к подростковому рынку, другие к более старшей группе, третьи — к неграм.) Существуют также зачаточные попытки создать радиостанции, рассчитанные только на людей одной профессии — скажем, врачей. Можно предвидеть создание сети вещания для таких специализированных профессиональных групп, как инженеры, бухгалтеры, адвокаты. Далее рынок будет учитывать не только профессиональные, но и социоэкономические и психосоциальные факторы[12].

Однако самые неоспоримые признаки дестандартизации мы замечаем в издательском деле. До возникновения телевидения главным средством стандартизации в большинстве стран были массовые журналы. Принося те же самые вымыслы, те же самые статьи и ту же самую рекламу в сотни тысяч, в миллионы домов, они быстро распространяли моды, политические мнения и стили. Как работники радиовещания и создатели фильмов, издатели стремятся получить самую большую, всеобщую аудиторию.

Конкуренция телевидения уничтожила ряд больших американских журналов, таких как «Collier's» и «Woman's Home Companion». Те издания массового рынка, которые пережили шок появления телевидения, создали ряд регио-

нальных и сегментированных изданий. В 1959—1969 гг. число американских журналов, предлагавших специализированные издания, возросло со 126 до 235. Таким образом, каждый многотиражный журнал в Соединенных Штатах сегодня печатает слегка отличающиеся издания для различных регионов страны (некоторые издатели предлагают до 100 вариантов). Специальные издания тоже адресованы профессиональным и другим группам. 80 000 врачей и дантистов, получающих «Тайм», каждую неделю берут в руки журнал, несколько отличающийся от издания для учителей, который в свою очередь отличается от того, который получают студенты колледжей. Такие «демографические издания» становятся все более специализированными. Коротко говоря, издатели журналов дестандартизируются, разнообразя свою продукцию, как производители автомобилей и электробытовых приборов[13].

Более того, темпы появления новых журналов возросли. Согласно организации «Американских издателей журналов», за последнее десятилетие на месте одного закрывшегося журнала появилось четыре новых. Еженедельно в киосках или на почте можно увидеть новые малотиражные журналы, журналы, предназначенные для «мини-маркетов» — для любителей серфинга, подводного плавания и людей старшего возраста, для любителей старых автомобилей, владельцев кредитных карточек, лыжников и авиапассажиров. Возникло множество подростковых журналов, и вскоре мы станем свидетелями того, что ни один ученый в массовом обществе не осмелился бы предсказать еще несколько лет назад: возрождения местных еженедельных журналов. Сегодня десятки американских городов, таких как Феникс, Филадельфия, Сан-Диего и Атланта, гордятся своими толстыми, блестящими, выпускаемыми при мощной поддержке новыми журналами, посвященными исключительно местным или региональным проблемам. Это вряд ли можно считать знаком размывания различий. Пожалуй, мы получаем более богатую смесь, гораздо больший выбор журналов, чем когда-либо ранее. И, как показывает исследование ЮНЕСКО, то же самое происходит и в книгоиздании.

Число различных названий книг, выпускаемых ежегодно, так резко возросло и сейчас настолько велико (более 30 000 в Соединенных Штатах Америки), что одна живущая в пригороде дама жаловалась: «Трудно найти кого-нибудь, кто читает ту же книгу, что и ты. С кем же тогда побеседовать о прочитанном?» Возможно, она преувеличивает, но работники книжных клубов тоже говорят, что с каждым месяцем все труднее выбирать книги, интересующие большое число разных читателей.

Процесс дифференциации средств информации не ограничивается лишь коммерческими изданиями. Множится число некоммерческих журналов. «Никогда еще в американской истории не было столько журналов, как сегодня», сообщает «Нью-Йорк таймс бук ревью»*. «Газеты андерграунда» возникают десятками в городах Америки и Европы[14]. Их не менее 200 в Соединенных Штатах, многие из них существуют за счет публикуемой рекламы ведущих производителей звукозаписи. Эти газеты, обращенные главным образом к хиппи, университетским радикалам и любителям рок-музыки, стали реальной силой в формировании мнений молодого поколения. От лондонской «IT» до нью-йоркской «East Village Other» и «Kudzu», выпускаемой в городе Джексоне, штат Миссисипи, все они помещают много иллюстраций, зачастую цветных, и набиты рекламой «психоделикатесов» и службы знакомств. «Газеты андерграунда» даже печатаются в высших учебных заведениях. Наблюдать рост этих стихийных изданий и говорить о «массовой культуре» или «стандартизации» — значит закрывать глаза на новую реальность.

Знаменательно, что эта тяга к разнообразию средств информации обусловлена не только богатством, но и, как мы уже видели, новой технологией — теми самыми машинами, которые, как предполагается, должны унифицировать нас и уничтожить все следы многообразия. Развитие офсетной печати и ксерографии существенно понизило стоимость малотиражных изданий, понизило до

---

* Литературно-критическое и библиографическое приложение к воскресному выпуску газеты. — *Примеч. пер.*

такой степени, что учащиеся высшей школы могут финансировать издание своей андерграундной прессы собственными карманными деньгами (и делают это). Офисные копировальные машины — некоторые их виды продаются всего за 30 долл. — позволяют выпускать настолько малотиражные издания, что, как говорит Маклюэн, каждый сейчас может стать своим собственным издателем. В Америке, где офисные копировальные машины распространены почти так же, как арифмометры, возможно, каждый уже *стал*. Резко выросшее число газет, которые ежедневно ложатся на письменный стол, яркое свидетельство того, что издание — дело легкое.

В то же время ручные кинокамеры и новое видеооборудование подобным же образом революционизировали кинематограф. Новая технология дала камеру и пленку в руки тысяч студентов и любителей, и андерграундное кино — сырое, кричащее, нарушающее нормы, в высшей степени индивидуальное и специфически местное — расцветает даже больше, чем андерграундная пресса.

Этот технологический прогресс имеет свой аналог в аудиокоммуникациях, где вездесущие магнитофоны позволяют каждому стать своим собственным «радиовещателем». Андре Моосманн, главный эксперт по Восточной Европе французского радио и телевидения, сообщает, что в Польше и России широко известны певцы, которые никогда не выступали на радио или по телевидению, их песни и голоса распространяются только через магнитофонные записи. Например, записи песен Булата Окуджавы переходят из рук в руки, каждый слушатель делает собственную запись; этот процесс трудно прекратить либо контролировать. «Песни распространяются быстро, — говорит Моосманн, — если один делает одну запись, а другой две, то скорость распространения очень велика»[15].

Радикалы часто сетовали, что средства информации монополизированы немногими лицами. Социолог С. Райт Миллс зашел так далеко, если мне не изменяет память, что призывал работников культуры взять на себя руководство средствами информации. Вряд ли это будет необходимо.

Развитие информационной технологии незаметно и быстро демонополизирует информацию без единого выстрела. Результат этого — дестандартизация культурной продукции.

Телевидение, возможно, все еще унифицирует вкусы, но другие средства информации уже прошли стадию, когда стандартизация неизбежна. Можно предположить, что когда технологический прорыв изменит экономику телевидения путем введения новых каналов и снижения стоимости производства, то и это средство информации тоже станет поставлять различные виды продукции потребителю, наращивая многообразие. Такие прорывы уже не на горизонте, а ближе. Изобретение электронной видеозаписи, возможность спутникового вещания прямо на систему кабельного телевидения указывают на заметный рост разнообразия программ. Очевидно, что тенденция к единообразию характерна лишь для определенной стадии развития любой технологии. Сейчас происходит диалектический процесс, и мы находимся прямо перед скачком к культурному многообразию различных направлений.

Уже недалек день, когда книги, журналы, газеты, фильмы и другие средства информации, подобно автомобилю «мустанг», будут предлагаться потребителю на основе принципа «сконструируй сам». Так, в середине 60-х годов Джозеф Нотон, математик и компьютерный специалист Питтсбургского университета, предложил систему, которая бы хранила «портреты потребителя» — данные о его занятиях и интересах — в центральном компьютере. Машины могли бы сканировать газеты, журналы, видеозаписи, фильмы и другие материалы, подбирать их по индивидуальным интересам потребителя и немедленно уведомлять его, как только появится что-то, касающееся его. Система соединялась с факсимильными устройствами и телепередатчиками, которые могли бы показывать или распечатывать материалы в собственной гостиной пользователя. К 1969 г. японская ежедневная газета «Asahi Shimbun» публично продемонстрировала низкую стоимость системы «Теленовости», предназначенной для печатания газет на дому, а Matsushita industries (Осака)

показала конкурирующую систему, известную как «TV Fax (H)»[16]. Это — первые шаги к газете будущего, в самом деле особой газете, которая предлагает каждому зрителю предназначенный для него вариант. Массовая информация при действии подобных систем становится уже не массовой. Мы движемся от единообразия к разнообразию.

Совершенная ерунда — настаивать, видя все это, на том, что машины будущего превратят нас в роботов, украдут нашу индивидуальность, уничтожат культурное многообразие и т. д. и т. п. Примитивное массовое производство действительно вводит некоторое единообразие, однако это не означает, что развитие супериндустриальной техники приведет к таким же последствиям. Дело в том, что само стремление к будущему направлено от стандартизации — от одинаковых товаров, от единообразного искусства, от образования «массового производства» и массовой культуры. Мы достигли диалектического поворотного пункта в технологическом развитии общества. И технология не ограничит нашу индивидуальность, а послужит увеличению нашего выбора и нашей свободы — по возрастающей.

Окажется ли человек в состоянии совладать с возросшим выбором материальных и культурных продуктов — это совершенно другой вопрос. Приходит время, когда выбор — одно из условий свободы индивида — станет настолько сложным, трудным и дорогостоящим, что может превратиться в свою противоположность. Приходит время, коротко говоря, когда выбор превращается в сверхвыбор, а свобода в несвободу.

Чтобы понять почему, мы должны выйти за рамки исследования нашего растущего материального и культурного выбора. Мы должны посмотреть, что происходит с социальным выбором.

---

[1] Эллюль цит. по: [186], с. 77, 80, 93.

[2] См.: Why I Dislike Western Civilization, Arnold Toynbee // The New York Times Magazine, May 10, 1964.

[3] Кеннет Суортц цит. по: Fragmentation of the Mass Market, Kenneth Schwartz // Dun's Review, July, 1962. См.: также More

Sense About Market Segmentation, William H. Reynolds // Harvard Business Review, September — October, 1965.

[4] Сондерс цитируется в статье Putting a New Face on the Office // Business Week, September 13, 1969, c. 152.

[5] Слова Явитца цитируются по его статье The Anomie of the "Paper Factory" Worker. Замечания Хейра взяты из его доклада The Horse that Can Save More than a Kingdom. Обе работы напечатаны в Columbia Journal of World Business, vol. VII, № 3, c. 32, 59.

[6] Цитата о «мустанге» взята из статьи Anti-technology, Reyner Banham New Society, May 4, 1967, c. 645. См. также: Selling the Golden Calf, Jeremy Bugler, New Society, October 17, 1968, c. 556.

[7] Маклюэн цит. по: The Future of Education, Marshall McLuhan and George B. Leonard // Look, February 21, 1967, c. 23.

[8] Данные о литературном многообразии взяты из: [206], c. 83.

[9] Макхейл цит. по: Education for Real, McHale// World Academy of Art and Science Newsletter, Международный форум, June, 1966, c. 3.

[10] О тенденциях к разнообразию в образовании см.: Decentralizing Urban School Systems, Mario Fantini and Richard Magat; The Community-Centered School, Preston Wilcox; Alternatives to Urban Public Schools, Kenneth Clark, все в: [115].

[11] Лондонские кинотеатры обсуждаются в статье The Smaller the Better // Economist, January 11, 1969, c. 66.

О разнообразии кинематографического репертуара говорится в сообщении Уолтера Рида-мл. (Walter Reade, jr.), ведущего прокатчика, The New York Times, August 10, 1969. Статья заслуживает того, чтобы ее процитировать:

«Посетители кинематографа в этой стране не так однородны и не так искушены, как можно предположить... Эта информация не так широко известна, но многие фильмы предназначены и сделаны исключительно для определенных регионов страны и для определенной аудитории.

Два года назад комедия Дона Нотта «Привидение и мистер Чикен», малобюджетный голливудский фильм, получила в прокате феноменальную цифру — 2,5 млн. долл. — за пределами Нью-Йорка. Где ее смотрели? На Среднем Западе и на Юге, в регионах «простых людей», которые любят также фильмы о гонках на автомобилях и с музыкой в стиле кантри. Другая голливудская студия добилась больших успехов, снимая сериал из пляжной жизни и фильмы о мотоциклистах. Они очень недолго шли в Нью-Йорке,

но не сходили с экранов пригородных кинотеатров для автомобилистов со зрителями преимущественно моложе 25 лет.

На Западном побережье показывают десятки японских фильмов, так как там много жителей родом с Востока, а в Нью-Йорке один такой фильм появляется раз в два года... Что поделать с тем, что фильм «Айседора» провалился в Лос-Анджелесе и пользовался успехом здесь? А «Недостойная старая леди»? Этот фильм успешно шел здесь и в Лос-Анджелесе, но не везде».

[12] Интересный эксперимент в проведении радиопередач для небольшой однородной аудитории был осуществлен в Буффало, штат Нью-Йорк, где станция WBFO-FM установила в помещении на первом этаже студию в негритянском гетто. Сами люди, живущие в этом районе, сделали 6-часовую передачу. Они информировали соседей о возможности получить работу, рассказывали о негритянской истории и культуре, давали различные медицинские советы.

[13] Тенденции индустрии журналов обсуждаются в The New York Times, April 17, 1966, April 27, 1969; The Wall Street Journal, August 18, 1964; и в статье Aiming at the Hip в Time, June 2, 1967. См. также: Fat Days for "How-To" Publishers // Business Week, July 30, 1966, и City Magazines are the Talk of the Town // Business Week, February 18, 1967.

[14] Об андерграундной прессе см.: Admen Groove on Underground, Business Week, April 12, 1969.

[15] Моосманн цитируется по интервью с автором.

[16] Нотон цитируется по статье Goodbye to Gutenberg // Newsweek, January 24, 1966; о достижениях японцев сообщается в лондонской The Times, December 12, 1969.

Глава 13

ОБИЛИЕ СУБКУЛЬТУР

В тридцати милях к северу от Нью-Йорка, неподалеку от его башен, автомобилей, от его городских соблазнов, живет молодой таксист, бывший солдат, который с гордостью носит на теле 700 хирургических швов. Это швы не от ран, полученных на поле боя, и не последствия автомо-

бильной аварии. Это результат его излюбленного отдыха: состязаний на родео.

Из скромных доходов таксиста этот человек ежегодно тратит более 1200 долл. на содержание собственной лошади в конюшне и тренировки. Время от времени, прицепив к машине трейлер для перевозки лошадей, он проезжает немногим более ста миль до городка в Филадельфии под названием Кау-Таун. Здесь вместе с такими же, как он сам, он участвует в ловле диких лошадей арканом, борьбе с бычком, езде на оседланной дикой лошади и других рискованных состязаниях, главный приз в которых — периодическое появление в больнице на машине «скорой помощи».

Несмотря на то что Нью-Йорк близко, он не вызывает у этого парня восхищения. Когда мы познакомились, ему было двадцать семь лет, и за всю жизнь он был в Нью-Йорке всего два или три раза. Все его интересы сосредоточены на арене родео, он — член крохотной группы фанатов родео, образующих малоизвестный андерграунд в Соединенных Штатах. Они не профессионалы, которые зарабатывают себе на жизнь, занимаясь этим атавистическим видом спорта. И не простодушные люди, которых пленяют ковбойские сапоги, шляпы, джинсовые куртки и кожаные пояса. Это крохотная, но подлинная субкультура, затерянная в огромном и сложном мире наиболее высокоразвитой в технологическом отношении цивилизации в мире.

Этой странной группе отдана не только страсть таксиста, но и его время и деньги. Она оказывает влияние на его семью, его друзей, на его мысли. Она вводит ряд стандартов, по которым он судит себя. Коротко говоря, она дарит ему то, что многие из нас с трудом ищут: самоидентификацию.

Технологически развитые общества, далекие от того, чтобы быть однообразными и монотонными, подобны сотам с весьма колоритными группировками — хиппи и любители старых автомобилей, теософы и фаны «летающих тарелок», аквалангисты и парашютисты, гомосексуалы, компьютерщики, вегетарианцы, спортсмены, занимающиеся бодибилдингом, и «Черные мусульмане».

Сегодня сокрушительные удары супериндустриальной революции буквально раскалывают общество. У нас увеличивается число этих социальных анклавов, групп и мини-культур почти так же, как число моделей автомобиля. Те же самые дестандартизирующие силы, которые создают больший индивидуальный выбор продуктов и произведений культуры, дестандартизируют и наши социальные структуры. Вот почему с кажущейся внезапностью появляются такие новые субкультуры, как хиппи. Действительно, мы живем во время «субкультурного взрыва».

Нельзя недооценить важности этого. Поскольку мы все находимся в большой мере под влиянием, наши личности формируются воздействием субкультур, которые мы выбираем, сознательно или неосознанно, чтобы идентифицировать себя. Легко высмеять хиппи или необразованного молодого человека, который готов получить 700 швов на теле в попытке проверить себя и найти себя. Но мы все участники родео или хиппи в одном смысле: мы тоже ищем свою личность, «прикрепляясь» к неформальным культурам, сообществам или разного рода группам. И чем больше выбор, тем труднее поиски.

Рост числа субкультур более всего очевиден в мире труда. Множество субкультур возникает вокруг профессий. Таким образом, по мере того как общество движется к большей специализации, оно порождает все большее разнообразие субкультур.

Научное сообщество, например, делится на все более узкие сегменты. Это накладывается на структуру официальных организаций и ассоциаций, число которых быстро увеличивается, специализированные журналы, конференции и встречи. Но эти «явные» тематические различия сопровождаются также «скрытыми». У исследователей раковых заболеваний и астрономов не просто разная работа; они разговаривают на разных языках, стремятся выработать свой тип личности; они думают, одеваются и живут по-разному. (Эти различия настолько очевидны, что зачастую проникают в межличностные отношения. Женщина-ученый гово-

рит: «Мой муж — микробиолог, а я физик-теоретик, и у меня возникает вопрос, существуем ли мы друг для друга».)

Ученые одной специальности стремятся держаться вместе, образуя тесную маленькую субкультурную «ячейку», к которой они обращаются за одобрением и поддержкой, которая определяет и манеру одеваться, и политические взгляды, и стиль жизни.

По мере развития науки появляются новые специальности и соответственно новые неформальные группы. Коротко говоря, специализация порождает субкультуры.

Этот процесс клеточного деления внутри профессии ярко виден в финансах. Уолл-стрит был когда-то относительно однородным сообществом. Один выдающийся социолог, наблюдающий финансистов, говорил: «Обычно бывало так — вы приходили сюда из собора Святого Павла, зарабатывали много денег, были членом теннисного клуба, владели домами на Северном побережье, а ваши дочери начинали выходить в свет. Вы добивались всего этого, продавая акции своим бывшим однокашникам». Это, возможно, несколько утрированная картина, но Уолл-стрит был действительно одной большой белой англо-саксонской протестантской [WASP] субкультурой, и его члены стремились ходить в те же самые учебные заведения, заниматься теми же видами спорта (теннис, гольф, сквош), посещать те же самые церкви (пресвитерианские и епископальные) и голосовать за ту же партию (республиканскую).

Если кто-либо до сих пор представляет себе Уолл-стрит так, то, значит, он черпает эти представления из старых романов, а не из новой, быстро меняющейся действительности. Сегодня Уолл-стрит раздроблен, и у молодого человека, начинающего заниматься этим бизнесом, есть выбор среди целого ряда конкурирующих субкультурных групп. В банковском деле по инвестициям все еще сохраняются группы прежнего консервативного толка WASP. Еще проводится прежняя консервативная линия в фирмах, о которых говорят: «У них скорее будет черный партнер, чем они най-

мут на работу еврея». Но в части инвестиционного фонда, сравнительно нового специализированного сегмента финансовой индустрии, встречается множество греческих, еврейских и китайских фамилий, есть несколько ведущих брокеров-негров. Здесь весь стиль жизни, подразумеваемое влияние группы совершенно иные. Инвестиционный фонд — это совершенно отдельное племя.

«Не всякому даже хочется оставаться WASP», — пишет один из ведущих финансовых журналистов. Действительно, множество молодых, активных финансовых деятелей, если даже они WASP по происхождению, отказываются от классической субкультуры Уолл-стрита и стремятся идентифицироваться с одной или несколькими плюралистическими социальными группировками, которыми переполнены каньоны Южного Манхэттена.

По мере того как специализация продолжается, по мере того как исследования захватывают новые области и все больше углубляются в них, по мере того как экономика продолжает создавать новые технологии и службы, количество субкультур будет продолжать увеличиваться. Социальные критики, которые яростно выступают против «массового общества» и в то же время обличают «сверхспециализацию», занимаются просто болтовней. Специализация означает движение от единообразия.

Несмотря на множество пустых разговоров о нужде в «специалистах общего профиля», мало что свидетельствует о том, что завтрашняя технология сможет обходиться без армии высокообразованных специалистов. Нам требуются все новые и новые виды специального знания, все большее число «мультиспециалистов» (людей, которые обладают глубокими знаниями в какой-то области, но могут также работать и в другой), а не закосневших «моноспециалистов». Но нам будут требоваться все более узкие специалисты по мере усложнения технической базы. По одной этой причине мы должны ожидать возрастания разнообразия и численного роста субкультур в обществе.

МАСТЕРА РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Даже если технология освободит в будущем миллионы людей от необходимости работать, мы обнаружим все то же движение к многообразию среди тех, кто будет иметь возможность развлекаться. У нас уже есть множество «мастеров развлечений». Мы быстро увеличиваем не только виды работ, но также и виды развлечений.

Число доступных развлечений, хобби, игр, видов спорта быстро растет, и рост различных субкультур вокруг, например, серфинга демонстрирует, что по крайней мере для некоторых свободное времяпрепровождение тоже служит основой всего образа жизни. Субкультура серфинга — указатель будущего.

«Серфинг уже развился в нечто символическое, что придает ему характер тайного братства или религиозного ордена, — пишет Реми Надо. — Отличительными признаками служат зуб акулы, медаль Св. Христофора или мальтийский крест, которые носят на шее... В течение долгого времени самым распространенным видом транспорта был фордовский «универсал» устаревшей модели с деревянной обшивкой»[1]. Серфингисты с гордостью, как доказательство своей причастности к этому братству, демонстрируют синяки и царапины. Загар de rigeur*. Стрижка определенного фасона. Члены этого братства проводят целые часы за обсуждением мастерства таких героев этой группы, как Дж. Дж. Мун, его последователи покупают футболки с его портретом, серфинговые доски и становятся членами клуба.

Серфингисты — одна из многих субкультур, основанных на развлечениях. Парашютистам, например, имя Дж. Дж. Муна неизвестно, так же как и особые ритуалы и обычаи покорителей волн. Зато парашютисты толкуют об искусстве Рода Пэка, который не так давно прыгнул с самолета без парашюта, затем в воздухе взял приготовленный парашют у своего товарища, надел его и благополучно приземлился[2]. У парашютистов свой собственный маленький мир,

---

* обязателен *(фр.)*.

как и у планеристов, аквалангистов, любителей старинных машин, гонщиков и мотоциклистов. Каждый из этих мирков представляет субкультуру, основанную на развлечениях, организованную вокруг технического устройства. Поскольку новая технология делает возможными новые виды спорта, мы можем ожидать образования весьма разнообразных новых субкультур, основанных на развлечениях.

Занятия в свободное время будут приобретать все большую важность как основа различий между людьми, по мере того как общество само перейдет от ориентации на труд к большей вовлеченности в отдых. В Соединенных Штатах только с начала века трудовые обязательства сократились по времени на треть[3]. Это большое высвобождение времени и энергии общества. Когда эти обязательства еще уменьшатся, мы приблизимся к потрясающей специализации развлечений, основанной на сложной технологии.

Можно предвидеть создание субкультур, построенных вокруг космической деятельности, голографии, воздействия на мозг, глубоководного погружения, подводного плавания, компьютерных игр и тому подобного. Мы можем даже предугадать создание неких субкультур антисоциальных развлечений — крепко организованных групп людей, стремящихся разрушить работу общества не ради материальных благ, но ради чистого спортивного желания «разбить систему» — подобный ход событий предсказали такие фильмы, как «Даффи» и «Дело Томаса Крауна». Эти группы могут подделывать компьютерные программы правительства или корпораций, запутывать работу почты, перехватывать или давать другие радио- и телевизионные передачи, устраивать детально разработанные мистификации, мешать работе на биржевом рынке, фальсифицировать случайные выборки, на которых базируются политические или другие списки избирателей, и даже, возможно, совершать хитро задуманные разбои и убийства. Писатель Томас Пинчон в романе «Крик Лота 49» описывает вымышленную андерграундную группу, организовавшую собственную частную почтовую систему и содержавшую ее в течение нескольких поколений[4]. Пи-

сатель-фантаст Роберт Шекли в страшном коротком рассказе «Седьмая жертва» пишет о возможности существования в обществе легализованного убийства в среде неких своеобразных игроков, охотящихся друг за другом, за ними в свою очередь тоже ведется охота[5]. Эта рискованная игра позволяет тем, кто опасно агрессивен, освободиться от агрессии в пределах определенных правил.

Как ни странно это звучит, здесь не следует исключать ничего кажущегося невозможным, поскольку сфера развлечений в отличие от сферы труда редко сдерживается какими-либо практическими соображениями. Здесь свободно играет воображение, и человеческий разум может изобрести невероятное разнообразие развлечений. При достаточном количестве времени и денег, а для некоторых вариантов — и технических навыков — люди будущего будут развлекаться так, как никому раньше и не снилось. Они будут играть в непривычные сексуальные игры. Они будут играть с разумом. Они будут играть с обществом. И в процессе этого, выбирая среди невообразимого числа возможностей, они будут создавать субкультуры и все дальше отстоять друг от друга.

МОЛОДЕЖНОЕ ГЕТТО

Субкультуры множатся, общество раскалывается — в том числе и по возрастным линиям. Мы становимся «специалистами по возрасту», как по работе или по развлечению. Было время, когда людей делили грубо на детей, «молодых людей» и взрослых. С 40-х годов расплывчатое понятие «молодые люди» стало заменяться более точным понятием teenager, которое охватывало возрастную категорию от 13 до 19 лет. (До окончания Второй мировой войны это слово не было известно в Англии.)

Сегодня это грубое деление на три части явно не отвечает требованиям, и мы вводим гораздо более точные кате-

гории. В имеющейся сейчас классификации обозначены «pre-teens», или «sub-teens» — возрастная категория между детством и подростковым возрастом. Мы также начинаем встречать обозначение «post-teens» и далее — «молодые супруги». Каждый из этих терминов представляет собой языковое признание факта, что мы не можем больше смешивать в кучу всех «молодых людей». Всевозрастающее глубокое разделение ставит границы между возрастными группами. Различия между ними очевидны, и социолог Джон Лофленд из Мичиганского университета прогнозирует, что они могут привести к «конфликтам, равным конфликтам между северянами и южанами, капиталистами и рабочими, иммигрантами и «аборигенами», суфражистками и мужчинами, белыми и неграми»[6].

В доказательство своего поразительного предположения Лофленд говорит о возникновении того, что он называет «молодежным гетто» — больших сообществ, почти целиком состоящих из студентов колледжей. Как для негритянского, так и для молодежного гетто характерны убогое жилье, непомерная квартирная плата, весьма высокая мобильность, беспорядки и конфликты с полицией. Как и негритянское гетто, оно тоже совершенно разнородно, с многими субкультурами, каждая из которых борется за расширение сферы своего влияния в гетто.

Дети из четко организованных «семей-ячеек», не имея других взрослых героев и ролевых моделей, кроме своих родителей, все больше подпадают под влияние единственных доступных им людей — других детей. Они проводят больше времени друг с другом и становятся более подверженными влиянию сверстников, чем когда-либо ранее. Вместо того чтобы поклоняться собственному дядюшке, они поклоняются Бобу Дилану, или Доновану, или кому-либо другому, кого группа сверстников выбирает как модель стиля жизни. Таким образом, мы начинаем создавать не только гетто студентов колледжа, но даже полугетто pre-teen'ов и teenager'ов, каждое со своими особыми клановыми характеристиками, собственными увлечениями, модами, героями и злодеями.

Одновременно мы также наблюдаем деление взрослого населения по возрастным линиям. Пригороды населены в большинстве случаев молодыми супружескими парами с маленькими детьми, или парами среднего возраста с подростками, или более пожилыми парами, дети которых уже покинули дом. Существуют специальные «сообщества пенсионеров». «Возможно, настанет день, — предупреждает профессор Лофленд, — когда некоторые города обнаружат, что их политики учитывают при выборах гетто возрастных категорий, подобно тому, как чикагские политики уже давно учитывают этнические и расовые анклавы».

Это возникновение субкультур, основанных на возрастном делении, можно рассматривать как часть поразительного исторического сдвига в основах социальной дифференциации. Время становится более важным источником различий между людьми, пространство — менее важным.

Теоретик коммуникаций Джеймс У. Кэри из Иллинойсского университета указывает, что «среди первобытных обществ и на ранних стадиях истории западных стран относительно малые разрывы в пространстве вели к огромным различиям в культуре... Племенные сообщества, отделенные сотней миль, могли иметь... совершенно непохожие системы внешней символики, мифов и обычаев». В тех же самых сообществах, однако, существовала «неразрывная связь... поколений... огромные различия между сообществами, но относительно малые различия между поколениями внутри данного сообщества».

Сегодня, продолжает он, пространство «по нарастающей исчезает как различающий фактор». Но хотя в региональных различиях наблюдается некоторое ослабление, Кэри предупреждает: «Не следует полагать, что различия между группами будут уменьшаться... как считают некоторые теоретики массового общества». Скорее, указывает Кэри, «ось многообразия переместится от пространственного... к временному или поколенческому измерению»[7]. Таким образом, у нас образовались резкие разрывы между поколениями, и Марио Сэвио подвел этому итог революционным лозунгом: «Не доверяй никому старше тридцати!» Ни в одном из преды-

дущих обществ подобный лозунг не мог бы так скоро стать модным.

Кэри объясняет этот сдвиг от пространственных к временным различиям, ссылаясь на прогресс коммуникационных и транспортных технологий, которые покрывают большие расстояния и, по существу, покоряют пространство. Но есть и другой действующий фактор, который легко не заметить: ускорение изменений. По мере роста скорости изменений во внешней среде внутренние различия между молодежью и стариками неизбежно становятся более заметными. Темп изменений настолько ошеломляющ, что даже несколько лет разницы дают большие различия в жизненном опыте человека. Вот почему некоторые братья и сестры, возрастная разница между которыми три-четыре года, субъективно ощущают себя принадлежащими к совершенно разным «поколениям». Вот почему среди тех радикалов, которые участвовали в забастовке в Колумбийском университете, старшие студенты говорили о «разрыве поколений», отделившем их от первокурсников.

БРАЧНЫЕ КЛАНЫ

Общество, разделенное по профессиональным, «развлекательным» и возрастным линиям, также делится и по семейно-половым линиям. Даже сейчас мы уже создаем различные новые субкультуры, основанные на супружеском статусе. Когда-то людей расплывчато классифицировали как одиноких, состоящих в браке и овдовевших. Сегодня это деление на три части не отвечает требованиям. Доля разводов в большинстве высокоразвитых стран так велика, что возникла определенная новая социальная группа — те, кто больше не состоит в браке, либо те, кто находится в периоде между браками. Мортон Хант, специалист в этой области, так описывает «мир людей, состоявших прежде в браке».

Эта группа, говорит Хант, представляет собой «субкультуру... со своими собственными механизмами объединения лю-

дей, собственными моделями регулирования раздельной жизни или жизни в разводе, собственными возможностями дружбы, социальной жизни и любви»[8]. Поскольку ее члены отходят от своих женатых или замужних друзей, они все более изолируются от тех, кто состоит в браке, и состоявшие ранее в браке люди, подобно teenager'ам или серфингистам, стремятся образовать социальные анклавы с собственными излюбленными местами встреч, собственным отношением ко времени, собственными различными сексуальными кодексами и соглашениями.

Заметные тенденции указывают на то, что эта социальная категория разрастется в будущем. И когда это случится, мир «состоявших прежде в браке» в свою очередь расколется на множество мирков, на все большее число субкультурных групп. Поскольку чем больше субкультура, тем больше оснований думать, что она распадется и даст жизнь новым субкультурам.

Следовательно, если первый ключ к будущему социальной организации общества лежит в идее увеличения количества субкультур, то второй — в их размере. Этого основного принципа часто не замечают те, кто наиболее реализовался в «массовом обществе». Данный принцип помогает объяснить существование различий даже при самом сильном стандартизирующем давлении, поскольку при неизбежных ограничениях социальных коммуникаций сам размер действует как сила, направленная на многообразие организации. Например, чем больше население современного города, тем более многочисленны — и различны — в нем субкультуры; чем больше субкультура, тем выше отличия, которые приведут ее к делению и многообразию. Прекрасным примером этого могут служить хиппи.

КОРПОРАЦИЯ ХИППИ

В середине 50-х годов небольшая группа писателей, художников и их разнообразных прихлебателей объединилась в Сан-Франциско и около городков Кармел и Биг-Сёр на

Калифорнийском побережье. Их очень скоро окрестили битниками. Они вели своеобразную жизнь.

Наиболее отличительной их особенностью было прославление бедности — джинсы, сандалии, лачуги и хибарки; пристрастие к негритянскому джазу и жаргону; интерес к восточному мистицизму и французскому экзистенциализму; общее неприятие общества, основанного на технологии.

Несмотря на большое внимание прессы, битники оставались крошечной сектой до появления на сцене технологического открытия — лизергиновой кислоты, больше известной как ЛСД. Прокламируемый мессиями Тимоти Лири, Алленом Гинсбергом и Кеном Кизи, свободно раздаваемый тысячам молодых людей безответственными энтузиастами, ЛСД вскоре начал завоевывать приверженцев в американском кампусе и почти так же быстро распространился в Европе. Увлечение ЛСД сопровождалось вновь возникшим интересом к марихуане — наркотику, с которым битники долго экспериментировали. Из этих двух источников — субкультуры битников середины 50-х и «наркотической» субкультуры начала 60-х — возникла большая группа — новая субкультура, которую можно определить как корпоративное объединение двух названных групп: движение хиппи. Смешав джинсы битников с бусами и браслетами группы наркоманов, хиппи стали самой новой и самой широко рекламируемой субкультурой на американской сцене.

Вскоре, однако, обнаружилось, что влияние новых приверженцев стало чрезмерным. Ряды хиппи пополнились тысячами teenager'ов; миллионы pre-teen'ов смотрели телевизионные передачи, читали журнальные статьи об этом движении и проникались к нему сочувствием; даже некоторые взрослые жители пригородов сделались «поддельными» хиппи или хиппи на уик-энд. Результат был предсказуем. Субкультура хиппи — как «Дженерал Моторз» или «Дженерал Электрик» — была вынуждена разделиться, распасться на дочерние субкультуры. Таким образом, из субкультуры хиппи вышло множество ее последователей[9].

Для непосвященного все длинноволосые молодые люди похожи. Но внутри движения возникли важные подгруппы. Согласно Дэвиду Эндрью Сили, проницательному молодому обозревателю, в период расцвета этого движения существовало, «возможно, десятка два опознаваемых различных групп». Они отличались не только мелкими расхождениями в одежде и интересах. Так, Сили сообщает: их деятельность простиралась от «вечеринок с пивом до поэтических вечеров, от курения марихуаны до современного танца; и часто те, кто получал удовольствие от одного из видов деятельности, не имели никакого отношения к другому». Затем Сили объясняет отличия таких групп, как фанаты рок-н-ролла (теперь по большей части исчезнувшие со сцены), политически активные битники, фолк-битники и потом, только потом, оригинальные хиппи per se*[10].

Отличия членов этих дочерних субкультур были значимыми для посвященных. Фанаты рок-н-ролла, например, были безбородыми, многие из них зачастую были слишком молоды, чтобы бриться. Сандалии носили только в группе фолк. Облегающие или не облегающие брюки носили в зависимости от субкультуры.

На уровне идей было много общего недовольства господствующей культурой. Но по отношению к политической и социальной деятельности возникли резкие различия. Взгляды разнились от сознательного ухода наркомановхиппи, невежественного равнодушия фанатов рок-н-ролла до деятельной вовлеченности новых левых активистов и политически абсурдной деятельности групп, подобных «Датч провос», «Крейзис» и группы театра партизанской войны.

Корпорация хиппи, назовем ее так, стала слишком большой, чтобы управлять всеми своими делами стандартизированно. Она должна была расколоться и раскололась. Она породила вполне оперившуюся субкультурную стаю[11].

---

* Как таковые *(лат.)*.

Когда это случилось, движение начало умирать. Самые страстные вчерашние защитники ЛСД стали утверждать, что «наркотики были скверным эпизодом», а различные андерграундные газеты начали убеждать последователей хиппи против одержимости наркотиками. В Сан-Франциско состоялись пародийные похороны субкультуры хиппи, и излюбленные места хиппи, Хейт-Эшбери и Ист-Виллидж, превратились в туристские мекки. Изначальное движение корчилось и распадалось, образуя новые и многообразные, но более мелкие и слабые субкультуры и мини-кланы. Затем, как бы для того чтобы процесс начался заново, появилась другая субкультура — «бритоголовые». Их отличает особое снаряжение — подтяжки, высокие ботинки, короткая стрижка — и вызывающая тревогу склонность к насилию[12].

Смерть движения хиппи и возникновение «бритоголовых» дает совершенно новое понимание субкультурной структуры завтрашнего общества. Ведь не только увеличивается количество субкультур. Они сменяют одна другую с большей скоростью. Принцип быстротечности здесь прослеживается тоже. По мере возрастания темпа изменений во всех других сферах общества субкультуры тоже становятся более недолговечными.

Свидетельством уменьшения срока жизни субкультур может послужить исчезновение агрессивной субкультуры 50-х, шаек уличных бойцов[13]. В течение этого десятилетия определенные улицы в Нью-Йорке регулярно опустошались в результате особого вида городской войны — драки между подростками. Во время такой драки десятки, если не сотни молодых людей дрались друг с другом цепями, ножами с выкидными лезвиями, разбитыми бутылками и самодельными пистолетами. Драки случались в Чикаго, Филадельфии, Лос-Анджелесе и даже в Лондоне и Токио.

Никакой прямой связи между этими вспышками насилия в так далеко отстоящих друг от друга городах, разумеет-

ся, не было, но драки ни в коем случае не были случайными явлениями. Они планировались и осуществлялись с военной точностью высокоорганизованными «боп-бандами». В Нью-Йорке эти банды зачастую носили живописные названия — «Кобры», «Вожди пиратов», «Апачи», «Египетские цари» и т. п. Они воевали за господство в своих кварталах — особых зонах, которые они закрепляли за собой.

В момент расцвета в одном Нью-Йорке было около 200 таких группировок, и за один 1958 г. они совершили не менее 11 убийств. Но в 1966 г., по данным полиции, боп-группы фактически исчезли. Только одна группа осталась в Нью-Йорке, и «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Никто не знает, на какой усыпанной мусором улице... состоялась последняя драка. Но это случилось четыре-пять лет назад (что позволяет датировать прекращение драк всего двумя-тремя годами позже 1958 г., времени расцвета). Таким образом, вдруг, после десятилетия нарастания насилия, эра уличных боев в Нью-Йорке кончилась». То же самое, очевидно, произошло в Вашингтоне, Нью-Арке, Филадельфии и других местах. С исчезновением уличных бойцов эра спокойствия в городах, разумеется, не наступила. Агрессивные страсти, которые заставляли бедных пуэрториканцев и молодых негров в Нью-Йорке вести борьбу соперничающих друг с другом группировок, теперь направлены на саму социальную организацию, в гетто возникают субкультурные группировки.

Итак, продолжается процесс, в результате которого субкультуры множатся во всевозрастающем темпе и поочередно умирают, чтобы освободить место для все большего количества новых субкультур. Происходит некий метаболический процесс в кровообращении общества, и он ускоряется точно так же, как ускоряются остальные аспекты социального взаимодействия.

Для индивида возникают проблемы выбора на совершенно новом уровне. Дело не просто в том, что число кланов быстро увеличивается. И даже не в том, что эти кланы или субкультуры вливаются одна в другую, изменяя взаимоотношения все более и более быстро. Дело в том, что

многие из них недолговечны, человек не может оценить предполагаемые преимущества или ущерб от членства в них.

Человек, ищущий некий смысл в принадлежности к субкультуре, ищущий социальных связей для самоидентификации, движется сквозь туман, в котором его возможные цели членства движутся с высокой скоростью. Ему приходится выбирать из всерастущего числа движущихся мишеней. Проблемы выбора в таком случае возрастают не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

Когда увеличиваются возможности выбора материальных благ, образования, культурного потребления, отдыха и развлечения, человеку предлагается и ошеломляющее изобилие возможностей социального выбора. И как существуют границы желаемого выбора при покупке машины — в известный момент увеличение вариантов требует больше затрат на принятие решения, чем это того заслуживает, — точно так же мы можем скоро приблизиться к моменту социального сверхвыбора.

Уровень нервного расстройства человека, неврозов и простого психологического дистресса в нашем обществе свидетельствует, что многим уже сейчас трудно создать разумный, интегрированный и постоянный личный стиль. Но существуют доказательства, что тяга к социальному многообразию так же, как в сфере потребления и культуры, только началась. Нам предстоят искушающие и ужасающие просторы свободы.

НИЗКИЙ ДИКАРЬ

Чем больше субкультурных группировок существует в обществе, тем выше потенциальная свобода личности. Именно поэтому доиндустриальный человек, несмотря на романтические мифы, горько страдал от отсутствия выбора.

Сентименталисты лепетали о предполагаемо неограниченной свободе примитивного человека, но данные антро-

пологов и историков говорят об обратном. Джон Гарднер пишет: «Примитивный клан доиндустриального сообщества обычно требовал гораздо более глубокого подчинения человека группе, чем любое современное общество»[14]. Одному австралийскому социологу человек из племени темне в Сьерра-Леоне сказал: «Когда люди темне выбирают себе какую-то вещь, мы все должны согласиться с решением — и это мы называем сотрудничеством»[15].

Мы, разумеется, называем это подчинением.

Причиной гнетущего подчинения, которое требовалось от доиндустриального человека, причиной того, что человек племени темне должен «идти вперед» вместе со своими соплеменниками, является то, что больше идти ему некуда. Его общество монолитно, еще не раздроблено на несущее освобождение множество составляющих. Социологи называют такое общество «недифференцированным».

Как пуля, ударившаяся в оконное стекло, индустриализм раскалывает такие общества, разбивая их на тысячи специализированных учреждений (школы, корпорации, правительственные учреждения, церкви, армии), каждое из которых делится на все более мелкие и более специализированные субобъединения. То же самое деление происходит на неформальном уровне, и возникает множество субкультур: участники родео, «Черные мусульмане», мотоциклисты, «бритоголовые» и многие другие.

Это раскалывание социального порядка аналогично процессу роста в биологии. Эмбрионы по мере развития становятся все более различными. Весь ход эволюции, от вируса до человека, показывает беспрерывное движение к все более высокой степени дифференциации. Очевидно, это движение живых существ и социальных групп ко все более дифференцированным формам непреодолимо.

Таким образом, мы не случайно наблюдаем параллельные движения к многообразию — в экономике, в искусстве, в образовании и массовой культуре и в самом социальном порядке. Эти движения вместе образуют часть необыкновенно большого исторического процесса. Супериндустриальная революция может быть рассмотрена как продвижение

человеческого общества к следующей, более высокой степени его дифференциации.

Вот почему нам часто кажется, что наше общество трещит по швам. Так и есть. Именно поэтому все усложняется. Где когда-то было 1000 организационных единиц — сейчас 10 000, связанных между собою все более кратковременными узами. Где когда-то существовало несколько относительно постоянных субкультур, с которыми человек мог идентифицироваться, сейчас тысячи временных субкультур, сгруппировавшихся вокруг, сталкивающихся и увеличивающихся в числе. Мощные узы, которые связывали индустриальное общество — узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизированного образования и культурного производства, — сейчас разорваны.

Все это объясняет, почему города вдруг «не поддаются контролю», а университетами «невозможно управлять». Прежние пути интеграции в общество, методы, основанные на единообразии, простоте и постоянстве, более не эффективны. Возникает новый, более тонко фрагментированный социальный порядок — сверхиндустриальный порядок. Он основан на гораздо более многообразных и краткосрочных составляющих, чем любая предшествующая социальная система. Мы еще не научились, как связывать их вместе, как интегрировать целое.

Для человека этот скачок на новый уровень дифференциации имеет пугающие последствия. Но большинство людей боятся не их. Нам так часто говорили, что мы идем к безличному единообразию, что мы недооцениваем фантастические возможности, которые несет человеку сверхиндустриальная революция. И мы едва ли задумываемся о скрытых в ней опасностях сверхиндивидуализации.

Теоретики «массового общества» говорят о мире, который уже исчезает. Кассандры, которые слепо ненавидят технологию и предсказывают будущее-муравейник, все еще рефлекторно реагируют на условия индустриализма. Но эта система уже вытесняется.

Разоблачать условия, порабощающие индустриального рабочего сегодня, замечательно. Но проецировать эти усло-

вия в будущее и предсказывать исчезновение индивидуальности, многообразия и возможности выбора — значит пускать в обращение опасные клише.

У человека прошлого и настоящего относительно немного выбора. Люди будущего, число которых возрастает с каждым днем, столкнутся не с выбором, а со сверхвыбором. Для них наступит взрывное расширение свободы.

И эта свобода придет не вопреки новой технологии, а в большой степени благодаря ей. Если для ранней технологии индустриализма требовался бездумный, роботоподобный человек, чтобы исполнять бесконечно повторяющиеся задания, то технологии завтрашнего дня выполнят эти задания более точно, оставив человеку только те функции, которые требуют решений, искусства общения и воображения. Супериндустриализм требует, и он создаст, не одинаковых «массовых людей», а людей, глубоко отличных друг от друга, индивидуальных, не роботов.

Человеческая раса не будет втянута в монотонное подчинение, она станет гораздо более социально многообразной, чем когда бы то ни было. Новое общество, сверхиндустриальное общество, которое сейчас начинает формироваться, станет поощрять пестрые, как лоскутное одеяло, быстро меняющиеся стили жизни.

---

[1] О серфингистах см.: Nadeu [231], с. 144 и Is J.J. Really King of the Surf, Jordan Bonfante // Life, June 10, 1966, с. 81.

[2] Живописный рассказ о жизни парашютистов см.: Death-Defying Sports of the Sixties, Mario Puzo, Cavalier, December, 1965, с. 19.

[3] Данные об уменьшении трудовых обязательств в обществе можно найти в: [74], с. 13–14.

[4] Pynchon: [235].

[5] Рассказ Шекли можно найти в: [237].

[6] Возрастное деление обсуждается в статье The Youthg Ghetto, John Lofland // Journal of Higher Education, March, 1968, с. 126–139.

[7] Замечания Джеймса У. Кэри взяты из его доклада Harold Adams Innis and Marshall McLuhan, представленного на Association

for Education in Journalism Convention, Айова, штат Айова, 28 августа — 3 сентября 1966.

[8] Жизнь послебрачных кланов исследуется в статье The World of the Formerly Married, Morton M. Hunt // McCall's, August, 1966.

[9] Лучшее краткое изложение происхождения и начального развития движения хиппи можно найти в: A Social History of the Hippies, Warren Hinckle // Ramparts, March, 1967, с. 5. См. также: [223], с. 63–68.

[10] О различиях внутри субкультуры хиппи см.: статью Tell It Like It Really Is..., David Andrew Seeley // Center Diary, May — June, 1967.

[11] Смерть движения хиппи описана в Love is Dead, Earl Shorris The New York Times Magazine, October 29, 1967, с. 27.

[12] Описание появления феномена бритоголовых см. в статье Hippies vs. Skinheads // Newsweek, October 6, 1969, с. 90.

[13] Материалы о шайках уличных бойцов: [240]; [114], с. 20; и Violence, James Q. Wilson, [179], vol. 4, с. 7.

[14] Гарднер о подчинении: [39], с. 62–63.

[15] Материалы о племени темне взяты из: Independence and Conformity in Subsistence-Level Societies, J.W. Berry // Journal of Personality and Social Psychology, December, 1967, с. 417.

Глава 14

РАЗЛИЧИЕ СТИЛЕЙ ЖИЗНИ

В ресторанах Сан-Франциско, куда служащие приходят на ленч, их обслуживают официантки с обнаженной грудью. А в Нью-Йорке эксцентричная девица-виолончелистка была арестована за то, что исполняла авангардную музыку в костюме «топлесс». В Сент-Луи ученые, занимающиеся психологией оргазма, нанимают проституток, чтобы заснять акт на камеру. Но в Колумбусе, штат Огайо, разгорелась городская дискуссия по поводу продажи кукол «маленький братец» с мужскими гениталиями. В Канзас-сити конференцией гомосексуальных организаций объявляется кампания за отмену запрета гомосексуалистам служить в армии,

и Пентагон в самом деле осмотрительно идет на это. Но в американских тюрьмах сидит множество людей, которые арестованы за гомосексуализм.

Редко в какой стране проблема сексуальных ценностей так запутана. Но то же самое можно сказать и об остальных видах ценностей. Америка мучается неопределенным отношением к деньгам, собственности, закону и порядку, расовым вопросам, религии, Богу, семье и самой личности. Но не одни Соединенные Штаты мучаются головной болью при определении ценностей. Во всех технологически развитых обществах царит такая же путаница. Крах ценностей прошлого вряд ли прошел незамеченным. Каждый священник, политик, каждый родитель озабоченно качает головой по этому поводу. Но большинство дискуссий об изменении ценностей бесплодны, так как в них отсутствуют два основных пункта. Первый из них — это ускорение.

«Оборот» ценностей сейчас происходит быстрее, чем когда-либо в истории. В прежние времена человек, выросший в каком-либо обществе, мог ожидать, что общественная система ценностей останется в основном неизменной в течение его жизни; гарантировать такое утверждение сейчас нельзя, разве что в самых изолированных дотехнологических сообществах.

Это подразумевает временный характер структуры как общих, так и личностных ценностных систем. *Каково бы ни было* содержание ценностей, которые возникают взамен ценностей индустриальной эры, они будут менее долговечны, чем ценности прошлых времен. Нет никаких доказательств того, что ценностные системы высокоразвитых технологических обществ могут вернуться к «устойчивому» состоянию. Если говорить о предвидимом будущем, следует предполагать еще болсе быструю смену ценностей.

В этом контексте, однако, раскрывается другое мощное направление. Ведь фрагментация общества приносит с собой многообразие ценностей. Мы становимся свидетелями раскола консенсуса.

Большинство предшествующих обществ имело обширный основной набор общепринятых ценностей. Теперь этот

набор сократился, и мало оснований предполагать, что формирование нового широкого консенсуса случится в грядущие десятилетия. Здесь действуют центробежные силы, а не центростремительные, силы, направленные к многообразию, а не к единству.

Это объясняет фантастически разноречивую пропаганду, которая обрушивается на людей, живущих в высокотехнологических обществах. Дом, школа, корпорация, церковь, сословные группы, средства массовой информации и мириады субкультур — все рекламируют различные наборы ценностей. Результатом для многих стала позиция «все проходит» — что само по себе тоже некая позиция. «Мы, — заявляет журнал «Ньюсуик», — общество, утратившее консенсус... общество, которое не может найти согласия в отношении стандартов поведения, языка или манер, всего, что можно увидеть или услышать»[1].

Картина расколотого консенсуса подтверждается открытиями Уолтера Груэна, руководителя научных социальных исследований в Род-Айлендском госпитале. Он провел серию статистических исследований того, что он называет «стержнем американской культуры». К своему удивлению, Груэн обнаружил не монолитную систему убеждений, какую приписывали среднему классу предшествующие исследователи, а «различие в убеждениях гораздо более поразительное, чем статистически подтверждавшееся однообразие. Возможно, — делает он вывод, — уже заблуждение говорить об «американском» культурном единстве».

Груэн полагает, что, в частности, в группе богатых, образованных людей консенсус уступил место тому, что он называет «карманным набором» ценностей. Можно ожидать, что по мере того, как количество и разнообразие субкультур будет возрастать, «карманный набор» тоже будет увеличиваться[2].

Оказываясь перед различными противоречащими одна другой ценностными системами, сталкиваясь с ослепляющим изобилием новых потребительских товаров, услуг, различными вариантами образования, занятий и развлечений,

люди будущего должны будут совершать выбор по-новому. Они станут «потреблять» стили жизни примерно так, как люди прошлого, менее богатого выбором, потребляли обыкновенные продукты.

МОТОЦИКЛИСТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

В елизаветинские времена понятие «джентльмен» определяло весь образ жизни, а не только факт рождения. Соответствующая генеалогия могла быть предварительным условием, но быть джентльменом означало: получить лучшее образование, иметь лучшие манеры, носить лучшую одежду, чем массы; участвовать в определенных (а не каких других) развлечениях; жить в большом, хорошо обставленном доме; держаться на расстоянии от подчиненных; короче, никогда не терять вида классового «превосходства»[3].

Класс купцов обладал своим собственным предпочитаемым стилем жизни, а крестьянство — своим. Эти жизненные стили, как и стиль жизни джентльмена, слагались из многих различных составляющих, начиная от места проживания, занятий и одежды и кончая жаргоном, характерными жестами и религией.

Сегодня мы еще создаем свой стиль жизни из мозаики составляющих. Но многое уже изменилось. Стиль жизни больше не просто демонстрация классовой принадлежности. Сами классы разбились на более мелкие группы. Экономические факторы стали значить меньше. Таким образом, сегодня важнее не классовая принадлежность, а связи с субкультурой, определяющей стиль жизни человека. У хиппи из рабочего класса и хиппи из Экзетера или Итона общий стиль жизни, хотя они принадлежат к разным классам.

Поскольку стиль жизни стал способом самоидентификации с той или иной субкультурой, подобное взрыву увеличение числа субкультур в обществе принесло с собой так же подобное взрыву увеличение числа жизненных стилей.

Таким образом, иностранец, оказавшийся сегодня в американском, английском, японском или шведском обществе, должен выбирать не между четырьмя-пятью стилями жизни, основанными на классовой принадлежности, а буквально между сотнями различных возможностей. Завтра, поскольку субкультуры множатся, это число еще увеличится.

Следовательно, то, как мы выбираем стиль жизни и что это означает для нас, оказывается одним из основных вопросов психологии завтрашнего дня, поскольку выбор жизненного стиля, сознательный или неосознанный, в огромной степени предопределяет будущее человека, внося в его жизнь определенный порядок, определенные принципы и критерии выбора.

Посмотрим, как такой выбор совершается в настоящее время. Молодая пара, намереваясь обставить квартиру, может просмотреть буквально сотни светильников: в скандинавском стиле, в японском, светильники в стиле французской провинции, лампы Тиффани, лампы-«молнии», светильники в американском колониальном стиле — десятки, дюжины ламп различных размеров, моделей и стилей, — прежде чем остановит свой выбор, скажем, на светильнике Тиффани. Пройдя целую «вселенную» возможностей, они выбрали одну вещь. В отделе мебели они опять просматривают множество вариантов, затем останавливаются на викторианском столике. Эта процедура просмотра-и-отбора повторяется — ковры, диваны, драпировки, стулья для столовой и т. д. В действительности нечто подобное той же самой процедуре происходит не только в отношении меблировки их дома. Они совершают просмотр-отбор идей, друзей, лексики, которую они употребляют, и ценностей, которые они признают.

Поскольку общество бомбардирует человека головокружительным, беспорядочным на вид набором альтернатив, сделанный выбор может быть только случайным. Потребитель (столика или идей) приходит вооруженным сложившимся набором вкусов и предпочтений. К тому же ни один выбор не может быть совершенно независимым. Каждый обусловлен предшествующим выбором. То, что молодая пара

остановилась на викторианском столике, обусловлено сделанным прежде выбором лампы. Коротко говоря, существует некая последовательность, попытка личного выбора во всех наших действиях — сознательного или неосознанного, не важно.

Некоторые мужчины-американцы носят строгие рубашки, длинные носки, туфли и берут с собой атташе-кейсы. Если присмотреться повнимательнее, можно обнаружить, что выражение лиц и манеры выдают их желание приблизиться к стереотипу чиновника. Вероятность, что такой человек отрастит шевелюру в стиле рок-музыканта Джими Хендрикса, необычайно мала. Он знает, как знаем мы все, что определенная одежда, манеры, речь, мнения и жесты сочетаются, а другие — нет. Он может знать это только интуитивно, «по ощущению», наблюдая за другими людьми, но этим знанием определяются его действия.

Мотоциклист в черной куртке, который носит украшенные стальными пластинками краги и оскорбляющую взгляд свастику, свисающую с шеи, дополняет свой костюм грубыми ботинками, не мокасинами и не строгими туфлями. Он идет преисполненный самодовольства и бормочет банальности, направленные против властей. Для него тоже важна последовательность. Он знает, что любой намек на элегантность или членораздельность разрушит цельность его стиля.

ЗАКОНОДАТЕЛИ СТИЛЯ И МИНИ-ГЕРОИ

Почему же мотоциклисты носят черные куртки? Почему не коричневые и не синие? Почему чиновники в Америке предпочитают атташе-кейсы, а не обычные портфели? Как будто они следуют одному и тому же образцу, пытаясь достичь некоего идеала, установленного свыше.

Нам мало что известно о происхождении моделей стиля жизни. Однако мы знаем, что популярные герои и знаме-

нитости, включая героев вымышленных (например, Джеймса Бонда), имеют к этому отношение.

Марлон Брандо, сыграв самоуверенного мотоциклиста в черной куртке, возможно, создал и, несомненно, разрекламировал некую модель стиля жизни. Тимоти Лири, в свободном одеянии, украшенном бусинами, бормочущий мистические псевдомудрости о любви и ЛСД, ввел модель для тысяч молодых людей. Такие герои, по словам Оррина Клэппа, помогают «кристаллизовать социальный тип». Он ссылается при этом на покойного Джеймса Дина, который сыграл отчужденного от общества юношу в фильме «Бунтовщик без идеала», или на Элвиса Пресли, который изначально закрепил за собой образ рок-н-ролльного гитариста. Затем появилась группа «Битлз» с чрезмерно длинными (по тем временам) волосами и в экзотических костюмах. «Одна из главных функций любимцев публики, — говорит Клэпп, — это делать типы видимыми, что в свою очередь делает видимыми новые стили жизни и новые вкусы»[4].

Но законодатели стиля не обязательно должны быть идолами массовых коммуникаций. Они могут быть почти неизвестными за рамками отдельной субкультуры. Так, в течение многих лет Лайонел Триллинг, профессор Колумбийского университета, был образом отца для вестсайдских интеллектуалов, субкультуры Нью-Йорка, хорошо известной в литературных и академических кругах Соединенных Штатов[5]. Мэри Маккарти воплощала образ матери еще задолго до того, как к ней пришла слава.

В статье Джона Спейчера в молодежном журнале «Cheetah» перечислено несколько наиболее известных молодежных стилей жизни конца 60-х годов. Они колеблются от Че Гевары до Уильяма Бакли, от Боба Дилана и Джоан Баэз до Роберта Кеннеди. «Круг интересов американской молодежи, — пишет Спейчер, — переполнен героями». И добавляет: «Где есть герои, там есть и поклонники, последователи»[6].

Для человека, принадлежащего к определенной субкультуре, герой, по словам Спейчера, становится «критической экзистенциальной необходимостью психологической са-

моидентификации». Разумеется, это не ново. Предыдущие поколения идентифицировались с Чарлзом Линдбергом и Тедой Бара. Новое и значимое здесь, однако, сказочное изобилие таких героев и мини-героев. По мере того как субкультуры множатся и ценности разнятся, мы обнаруживаем, пишет Спейчер, что «национальный смысл самоидентификации безнадежно раздроблен». У человека, подчеркивает он, большой выбор: «Существует огромный диапазон доступных культов, огромный диапазон героев. Можно сравнить это с покупками в магазине».

ФАБРИКИ СТИЛЕЙ ЖИЗНИ

В то время как харизматические фигуры становятся законодателями стилей, стили обретают плоть и продаются публике через субобщества или небольшие кланы, которые мы назвали субкультурами. Беря сырой символический материал из средств информации, они каким-то образом составляют вместе разрозненные фрагменты одежды, мнений, выражений и сооружают из них нечто связное: образец стиля жизни. Как только модель готова, они действуют, как любая хорошая корпорация, — продают ее. Они ищут на нее покупателей.

Любому, кто сомневается в этом, следует почитать письма Аллена Гинсберга Тимоти Лиру. Эти два человека больше чем кто-либо ответственны за создание стиля жизни хиппи с его отличительной чертой — употреблением наркотиков.

Поэт Гинсберг пишет: «Вчера выступал на ТВ вместе с Н. Мейлером и Эшли Монтэгю, произнес большую речь... советуя всем «балдеть»... Общался со всеми либеральными сторонниками наркотиков, о которых знаю, что они опубликовали и распространили [некий доклад в защиту наркотиков]... Я написал пятистраничный отчет об этой ситуации Кенни Лаву в «Нью-Йорк таймс», и он сказал, что, возможно, напишет статью... которую затем может подхватить один

парень из «Юнайтед пресс», который даст информацию по всей стране. Я послал копию Элу Ароновичу в «Нью-Йорк пост», Розалинд Констейбл в «Тайм» и Бобу Силверсу в «Харперс»...»[7]

Неудивительно, что ЛСД и все события, связанные с движением хиппи, получали немедленную огласку в средствах массовой информации. Этот небольшой отчет об энергичном взаимодействии Гинсберга с прессой читается просто как памятная записка какой-то огромной корпорации по связи с прессой из числа тех, что хиппи любили бичевать за манипуляции с общественным мнением. Успешная «распродажа» модели жизненного стиля хиппи молодым людям всех технологически развитых обществ — это одна из классических торговых историй нашего времени.

Не все субкультуры так агрессивны и так талантливы в рекламной шумихе, но их совокупная сила в обществе огромна. Эта сила происходит от нашего почти универсального безумного желания «принадлежать». Человек племенного общества чувствовал сильную привязанность к своему племени. Он знал, что «принадлежит» племени, и с трудом мог вообразить себя отдельно от него. Однако технологически развитые общества настолько велики, сложны и недоступны пониманию человека, что, только «воткнувшись» в одну или несколько его субкультур, можно ощутить некоторую самоидентификацию и свою связь с целым. Неудача в попытке самоидентификации с какой-либо группой или группами заставляет нас ощущать одиночество, отчуждение и свою бесплодность. Мы начинаем задаваться вопросом: кто же мы?

Напротив, чувство принадлежности, ощущение себя частью социальной ячейки, которая больше нас (но достаточно невелика, чтобы быть понятной), зачастую настолько вознаграждает нас, что мы чувствуем глубокую приверженность, иногда противоречащую нашим собственным суждениям, к ценностям, позициям и предпочтительному стилю жизни группы.

Однако мы платим за преимущества, которые получаем. Потому что если мы психологически принадлежим суб-

культуре, она начинает оказывать на нас давление. Мы обнаруживаем, что нужно «идти вперед» вместе с этой группой. Нас вознаграждает теплом, дружбой и признанием наше согласие с ее моделью жизненного стиля. Но она безжалостно карает нас насмешками, остракизмом или каким-то иным образом, если мы отдаляемся от нее.

Распространяя свои излюбленные модели стиля жизни, субкультуры требуют нашего внимания. В процессе этого они непосредственно воздействуют на нашу самую уязвимую психологическую собственность, на наш собственный образ. «Присоединяйся к нам, — нашептывают они, — и ты станешь больше, лучше, сильнее, более уважаемым и менее одиноким человеком». Выбирая между быстро возникающими субкультурами, мы можем только неясно ощущать, что наша самоидентификация приобретет избранную нами форму, но чувствуем жаркую требовательность их призывов и призывов других. Нас притягивают и отталкивают их психологические обещания.

В тот момент, когда между ними приходится выбирать, мы напоминаем туриста, прогуливающегося по Бурбон-стрит в Новом Орлеане. Когда он проходит мимо кабаков и притонов, швейцар хватает его за руку, тянет за собой и открывает дверь, так что ему удается увидеть дразнящее зрелище обнаженной плоти стриптизерш на подиуме за баром. Субкультуры распространяют свое влияние, чтобы привлечь нас, и взывают к нашим самым интимным фантазиям гораздо сильнее и тоньше, чем любое изобретение Мэдисон-авеню.

Они предлагают не стриптиз и не новое мыло, и не стиральный порошок. Они предлагают не продукцию, а суперпродукцию. Они обещают человеческое тепло, дружеские отношения, уважение, чувство общности. Но то же самое обещают и те, кто рекламирует дезодоранты или пиво. «Чудесный ингредиент», особый компонент, единственное, что предлагают субкультуры и не могут предложить остальные торговцы, — это передышка от напряжения, вызванного сверхвыбором. Они предлагают не один продукт или идею, а способ организации всех продуктов и идей, не отдельное

удобство, а целый стиль, комплекс предписаний, которые помогут человеку свести всевозрастающую сложность выбора к поддающимся контролю размерам.

Большинство из нас отчаянно хочет найти именно такие предписания. В путанице сталкивающихся друг с другом нравственных позиций, в сумятице, вызванной сверхвыбором, самым мощным, самым полезным «суперпродуктом» из всех является организующий принцип жизни человека. Именно это предлагает стиль жизни.

ВЛАСТЬ СТИЛЯ

Разумеется, не каждый стиль жизни может оказаться подходящим. Мы живем на восточном базаре конкурирующих моделей. В этой психологической фантасмагории мы ищем способ упорядочить свое существование, ищем стиль, соответствующий нашему собственному темпераменту и нашим обстоятельствам. Мы ищем героев и мини-героев для подражания. Человек, выбирающий себе стиль, подобен даме, которая листает страницы модного журнала, чтобы найти подходящий фасон платья. Она просматривает один журнал за другим, останавливается на привлекательной модели и решает сделать платье на ее основе. Затем она начинает подбирать необходимые материалы: ткань, нитки, отделку, пуговицы и т.п. Точно таким же образом создатель стиля жизни собирает нужные предложения. Он отращивает волосы. Он покупает плакаты в стиле арт-нуво и статьи Че Гевары в мягкой обложке. Он учится спорить о Маркузе и Франце Фаноне. Он усваивает определенный жаргон, в его лексиконе появляются такие слова, как «релевантный» и «истеблишмент».

Это вовсе не означает, что его политические действия несущественны или что его мнения несправедливы или глупы. Он может быть (или не быть) справедлив в своих взглядах на общество. Но тот особый способ, который он

выбирает, чтобы выражать их, неизбежно представляет собой часть его поисков собственного стиля.

Дама, моделируя свое платье, изменяет его там и тут, слегка отклоняясь от образца, чтобы оно больше подходило ей. Конечный продукт — настоящее сшитое на заказ платье; но оно разительно похоже на другие, сшитые по той же модели. Почти так же мы индивидуализируем наш стиль жизни, но это обычно завершается явным сходством с некоторой моделью стиля жизни, которая еще до этого была упакована и продаваема субкультурой.

Зачастую мы не осознаем момента, когда отдаем предпочтение определенной модели стиля жизни перед остальными. Решение «быть» Чиновником, или Черным активистом, или Вестсайдским интеллектуалом редко бывает результатом чисто логического анализа. Принятое решение не всегда бывает ясным сразу. Ученый-исследователь, который перестает курить сигареты и начинает курить трубку, может сделать это по соображениям здоровья, не зная, что трубка — часть целого стиля жизни, который привлекает его. Семейная пара, выбравшая светильник Тиффани, думает, что обставляет квартиру; они могут и не видеть, что их действия — попытка воплотить всеобъемлющий стиль жизни.

Большинство из нас в действительности не думает о своей жизни в терминах стиля жизни, и у нас часто бывают трудности при объективном разговоре об этом. Еще больше трудностей возникает, когда мы пытаемся сформулировать структуру ценностей, заключенных в нашем стиле. Задача становится вдвойне сложной, поскольку в стиле жизни многих из нас сочетаются элементы нескольких различных моделей. Мы можем подражать Хиппи и Серфингистам. Мы можем выбрать среднее между Вестсайдским интеллектуалом и Чиновником — слияние, довольно распространенное среди издательских работников Нью-Йорка. Когда стиль человека представляет собой гибрид, довольно трудно различить множество моделей, на которых он основывается.

Однако после того как мы выберем себе определенную модель, мы энергично боремся за ее создание, а еще сильнее за то, чтобы охранить ее от перемен. Стиль становится

для нас необыкновенно важен. Это вдвойне справедливо в отношении людей будущего, когда забота о стиле станет просто неистовой. Эта чрезмерная забота о стиле вовсе не то, что литературные критики называют формализмом. Это не просто интерес к внешнему виду. Ведь стиль жизни включает в себя не просто внешние формы поведения, но и ценности, подразумеваемые под этим поведением, и никто не может изменить свой стиль жизни, не изменив свой собственный образ. Люди будущего станут не «осознавать свой стиль», а «осознавать свой стиль жизни».

Вот почему различные мелкие вещи будут иметь для них большое значение. Любая небольшая деталь жизни может обладать большим эмоциональным воздействием, если она изменяет с трудом выработанный стиль жизни, если она угрожает разрушить целостность стиля. Тетушка Этель дарит нам свадебный подарок. Мы приходим в замешательство, потому что он в стиле, чуждом нашему собственному. Это раздражает нас и сбивает с толку, даже если мы знаем, что «тетушке Этель ничего лучше не придумать». Мы быстро запихиваем эту вещь на верхнюю полку кладовки.

Тостер или скатерть тетушки Этель не важны сами по себе. Но это послание из другого субкультурного мира, и пока мы слабы в том, чтобы придерживаться нашего собственного стиля, подарок представляет мощную угрозу. Психолог Лайон Фестинджер ввел в оборот понятие «когнитивный диссонанс» для обозначения следующей тенденции: человек опровергает или отказывается принять информацию, которая меняет уже сложившееся у него мнение. Мы не хотим слышать то, что может нарушить нашу старательно выработанную систему представлений. Подобным же образом подарок тетушки Этель представляет собой «стилистический диссонанс». Это угрожает подорвать наш старательно разработанный стиль жизни.

Почему стиль жизни обладает такой силой самосохранения? В чем источник его силы? Стиль жизни — это механизм, через который мы выражаем себя. Это способ сказать миру, какой именно субкультуре — или субкультурам — мы принадлежим. Но это едва ли объясняет его огромную важ-

ность для нас. Подлинная причина, почему стили жизни имеют такое значение (и значение это возрастает по мере того, как общество становится разнообразнее), прежде всего в том, что выбор модели стиля жизни для подражания — решающая стратегия в нашей частной войне с ощутимым со всех сторон гнетом сверхвыбора[8].

Решая, сознательно или неосознанно, быть «похожими» на Уильяма Бакли или Джоан Баэз, Лайонела Триллинга или равного ему по значимости для серфингистов Дж. Дж. Муна, мы спасаемся от необходимости принимать миллионы сиюминутных решений. Следуя стилю, мы можем отмести многие виды одежды и поведения, многие идеи и позиции как неподходящие для избранного нами стиля. Ученик колледжа, который выбирает модель Протестующего студента, не тратит зря энергию, мучаясь, голосовать ли за Уоллеса, носить ли атташе-кейс или вкладывать деньги в инвестиционный фонд.

Присмотрев для себя определенный стиль жизни, мы исключаем из дальнейших размышлений огромное количество альтернатив. Парню, выбравшему для себя модель Мотоциклиста, не нужно больше интересоваться сотнями типов перчаток, которые доступны ему на рынке, но разрушают дух его стиля. Ему нужно только выбрать из того типа перчаток, которые кажутся подходящими в рамках, поставленных этой моделью. То, что сказано о перчатках, в равной степени применимо также к его идеям и социальным отношениям.

Предпочтение одного стиля жизни другому, таким образом, представляет собой суперрешение. Это решение более высокого порядка, чем обычные, каждодневные. Это решение суживает диапазон будущих альтернатив. Пока мы действуем в границах избранного нами стиля, наш выбор относительно прост. Предписания ясны. Субкультура, к которой мы принадлежим, помогает нам ответить на любой вопрос; у нее есть руководящие принципы.

Но когда наш стиль неожиданно меняется, когда что-то вынуждает нас пересмотреть его, нам приходится совершать другое суперрешение. Мы сталкиваемся с тяжелой необхо-

димостью изменить не только себя, но также и свой собственный образ.

Это трудно, потому что, освободившись от какого-то стиля, оказавшись отрезанными от субкультуры, породившей его, мы перестаем «принадлежать». Хуже того, под вопрос поставлены наши основные принципы, и мы вынуждены заново принимать каждое решение, в одиночестве, без поддержки определенной, постоянной линии поведения. Коротко говоря, мы снова сталкиваемся с полным, гнетущим бременем сверхвыбора.

СВЕРХИЗОБИЛИЕ «Я»

Оказаться «между стилями» или «между субкультурами» — значит находиться в жизненном кризисе. Люди будущего посвятят больше времени поискам стиля, чем люди прошлого или настоящего. Изменяя свою самоидентификацию, человек супериндустриального общества прочерчивает собственную траекторию в мире противоречивых субкультур. Такова социальная мобильность будущего: не просто движение из одного экономического класса в другой, но от одной клановой группировки к другой. Беспрестанное движение от одной кратковременной субкультуры к другой прочерчивает дугу жизни человека.

Существует множество причин этого беспрестанного движения. Не просто психологические потребности человека меняются чаще, чем в прошлом; меняются также и субкультуры. По этим и другим причинам, поскольку принадлежность субкультуре становится даже менее стабильной, поиски индивидуального стиля будут все более интенсивными, можно сказать, неистовыми в ближайшие десятилетия. Снова и снова мы будем чувствовать себя огорченными или утомленными, смутно неудовлетворенными тем, «как идут дела», — другими словами, сбитыми с толку нашим собственным стилем. И тогда мы снова начнем поис-

ки нового принципа, руководствуясь которым сможем совершить выбор. Мы снова приходим к моменту суперрешения.

Если кто-нибудь станет подробно изучать наше поведение в этот момент, то обнаружит резкое возрастание того, что можно назвать Индексом Быстротечности. Темп оборота вещей, мест, людей, организационных и информационных отношений резко возрастает. Мы ощущаем, что нам надоело шелковое платье, или галстук, или старый светильник Тиффани, ужасный викторианский столик на ножках-лапах — все эти символы наших связей с субкультурой прошлого. Мы начинаем, шаг за шагом, заменять их новыми вещами, символическими для нашей новой самоидентификации. Тот же самый процесс происходит и в нашей социальной жизни — «пропускная способность» людей увеличивается. Мы начинаем отказываться от идей, которых придерживались (или объяснять, или осмыслять их по-новому). Мы вдруг оказываемся свободными от всех ограничений, которые накладывали на нас наша субкультура или стиль. Индекс Быстротечности окажется чувствительным индикатором тех моментов в нашей жизни, когда мы наиболее свободны, но в то же время наиболее потерянны.

Именно в такие периоды мы демонстрируем огромные колебания, которые инженеры называют «поисковым поведением». Сейчас мы наиболее чувствительны к призывам новых субкультур, к их требованиям и требованиям других, которые сотрясают воздух. Мы склоняемся то к одному, то к другому. Могущественный новый друг, новое увлечение или идея, новое политическое движение, некий новый герой, возникший из недр средств массовой информации, — все это в такой момент затрагивает нас с особой силой. Мы более «открыты», более неуверенны, более готовы к тому, чтобы кто-то или какая-то группа говорила нам, что делать, как вести себя.

Решения — даже мелкие — приходят труднее. Это не случайно. Справляясь с давлением повседневной жизни, мы нуждаемся в большей информации о гораздо более банальных делах, чем тогда, когда мы были ограничены заданным

стилем жизни. И поэтому мы чувствуем себя беспокойными, задавленными, одинокими, и мы движемся вперед. Мы выбираем новую субкультуру или позволяем втянуть себя в нее. Мы обретаем новый стиль.

Следовательно, по мере движения к супериндустриализму люди принимают жизненные стили и отбрасывают их в масштабах, которые поразили бы людей предыдущих поколений. Стиль жизни сам стал неким предметом, который можно отбросить.

Это большое и нелегкое дело. Это объясняется наиболее оплакиваемой «утратой следования», характерной для нашего времени. Когда люди переходят от субкультуры к субкультуре, от стиля к стилю, они должны охранять себя от неизбежной боли «непринадлежности». Они научатся справляться со светлой печалью расставания. Необыкновенно преданный католик, который бросает свою религию и погружается в жизнь активиста Новых левых, затем бросается в другое дело, движение или субкультуру, не может заниматься этим всегда. Он становится, если приложить сюда понятие Грэма Грина, «пепелищем». Он учится на прошлых разочарованиях никогда не вкладывать себя прежнего во что-либо целиком.

И таким образом, даже когда он, как кажется, принимает какую-то субкультуру или стиль, он сохраняет некую часть себя. Он подчиняется требованиям группы и получает удовлетворение от принадлежности к ней. Но эта принадлежность уже не бывает такой, как прежде, и тайно он готов переметнуться. Это означает, что даже когда он, кажется, крепко «вбит» в свою группу или клан, он прислушивается в ночной темноте к коротковолновым сигналам конкурирующих кланов.

В этом смысле его членство в группе поверхностно. Он постоянно пребывает в позиции «не-следования», и без точного следования ценностям и стилям группы он лишается явного набора критериев, необходимых, чтобы пробираться сквозь дремучие джунгли сверхвыбора.

Супериндустриальная революция, следовательно, ставит всю проблему сверхвыбора на новый уровень. Она застав-

ляет нас теперь совершать выбор не просто между лампами и абажурами, но между жизнями, не между *составляющими* стиля жизни, но между *стилями* жизни в целом.

Эта интенсификация проблемы сверхвыбора толкает нас к непрерывному самоизучению, поискам души и сосредоточенности на самом себе. Она сталкивает нас с наиболее распространенной из современных болезней — с «кризисом самоидентификации». Никогда раньше перед массой людей не стоял более сложный выбор. Поиски самоидентификации возникают не из-за предполагаемого отсутствия выбора в «массовом обществе», но именно из-за обилия и сложности возможностей нашего выбора.

Всякий раз, когда мы выбираем стиль, принимаем суперрешение, всякий раз, когда мы связываем себя с некоей определенной субкультурной группой или группами, мы что-то меняем в своем собственном образе. Мы становимся в каком-то смысле другими людьми, и мы воспринимаем себя иначе. Наши давние друзья, те, кто знал нас в предыдущих «воплощениях», при встрече только удивленно поднимают брови. Им все труднее и труднее узнавать нас, и мы тоже испытываем всевозрастающие трудности в идентификации себя с нашими прежними, пусть даже вызывающими симпатию «я».

Хиппи становится добропорядочным чиновником, чиновник становится парашютистом, не замечая ступеней перехода. В этом процессе он отказывается не только от внешних проявлений стиля, но также и от многих основных позиций. И однажды он задаст себе вопрос, который будет, как пригоршня холодной воды в заспанное лицо: «Что остается?» Что сохранилось от «я» или «личности» в смысле постоянной внутренней структуры? Для некоторых ответа практически нет, потому что они уже имеют дело не с «я», а с тем, что можно назвать «серийными я».

Сверхиндустриальная революция также требует новой концепции свободы — признания, что свобода, дошедшая до пределов, отрицает сама себя. Скачок общества на новый уровень дифференциации неизбежно приносит с собой новые возможности индивидуализации, и новая

технология, новые временные организационные формы требуют новой породы человека. Вот почему, несмотря на «люфты» и временные отступления, линия социального прогресса ведет нас к большей терпимости, более легкому принятию все более и более разнообразных человеческих типов.

Внезапная популярность лозунга «делай свое дело» отражает этот исторический момент. Поскольку чем более фрагментировано или дифференцировано общество, тем большее число различных стилей жизни оно предлагает. И чем больше социально принятых моделей стиля жизни продвигает общество, тем ближе оно само к условиям, в которых и в самом деле каждый человек делает свое собственное, неповторимое дело.

Таким образом, несмотря на всю антитехнологическую риторику эллюлей, фроммов и мамфордов, ясно, что сверхиндустриальное общество — наиболее развитое, чем когда бы то ни было, в технологическом отношении общество — расширяет возможности свободы. У людей будущего станет больше возможностей самореализации, чем когда-либо прежде в истории.

В новом обществе мало условий для истинно устойчивых отношений. Но оно предлагает более разнообразные жизненные ниши, больше свободы для продвижения внутри и из этих ниш и дает больше возможности создавать собственные ниши, чем все существовавшие ранее общества, вместе взятые. Оно также предлагает самое потрясающее удовольствие — одолеть изменение, достичь его вершины, изменяясь и вырастая вместе с ним, — вот процесс несравненно более увлекательный, чем кататься на доске по волнам, бороться с рулем, затевать опасные гонки на восьмиполосном скоростном шоссе или получать кайф от наркотиков. Это дает человеку возможность помериться силами с тем, что требует владения собой и высокого ума. Человеку, который вооружен этим и который делает необходимое усилие, чтобы понять быстро возникающую структуру суперииндустриального общества, человеку, который находит «верное» жизненное место, «верную» последова-

тельность избираемых им субкультур и моделей стиля жизни для подражания, обеспечен триумф.

Безусловно, эти высокие слова неприменимы к большинству людей. Большинство людей прошлого и настоящего остаются заключенными в жизненных нишах, которые не они создали и на которые они не очень надеются при нынешней ситуации вечного бегства. Для большинства возможностей по-прежнему мучительно мало.

Тюрьма прошлого должна быть — и будет — уничтожена. Но ее не уничтожить тирадами против технологии, «ощущением» или «интуицией» нашего пути в будущее, пока эмпирические исследования, анализ и рациональное усилие находятся в забвении. Те, кто действительно хочет разбить тюрьму прошлого и настоящего, должны не бичевать машины на манер луддитов, а содействовать контролированному — выборочному — внедрению завтрашних технологий. Для того чтобы заниматься этим, интуиции и «мистических озарений» вряд ли достаточно, нужно точное научное знание, квалифицированно применяемое к решающим, наиболее чувствительным точкам социального контроля.

Здесь не поможет принцип максимализации выбора как ключ к свободе. Мы должны учитывать возможность, о которой здесь говорилось, возможность, что выбор превратится в сверхвыбор, а свобода — в несвободу.

СВОБОДНОЕ ОБЩЕСТВО

Несмотря на романтическую риторику, свобода не может быть абсолютной. Ратовать за тотальный выбор (бессмысленная идея) или тотальную индивидуальность — значит ратовать против любой формы сообщества или общества в целом. Если каждый человек, трудолюбиво делая свое дело, будет совершенно иным, чем любой другой, не найдется двух людей, у которых была бы хоть какая-то основа для общения. Ирония в том, что те, кто громче всех

сожалеет, что люди не могут «относиться» один к другому или не могут «общаться» друг с другом, зачастую являются сторонниками большей индивидуальности. Социолог Карл Манхейм сознавал это противоречие, когда писал: «Чем более индивидуализированы люди, тем труднее достичь идентификации»[9].

Если мы не готовы буквально вернуться назад, в примитивную дотехнологическую эру и принять все последствия этого — более короткая, более грубая жизнь, больше болезней, боли, голода, предрассудков, ксенофобии, фанатизма и тому подобного, — мы пойдем вперед ко все более и более дифференцированным обществам. Это ставит трудные проблемы социальной интеграции. Каким образом мы должны скрепить узами образования, политики, культуры супериндустриальный порядок, чтобы получить функционирующее целое? Выполнимо ли это? «В основе такой интеграции, — пишет Бертрам М. Гросс из университета Уэйна, штат Мичиган, — должны лежать некие общепринятые ценности или некая осознанная взаимозависимость, если не совместно принятые задачи»[10].

Общество, быстро расколовшееся на уровне ценностей и стиля жизни, изменяет все прежние интегративные механизмы и требует совершенно новой основы для воссоздания. У нас нет иного выбора, мы должны найти эту основу. Но при том, что мы столкнемся со сложными проблемами социальной интеграции, нас ожидают еще более болезненные проблемы индивидуальной интеграции, поскольку множественность стилей жизни изменяет нашу способность удерживать целиком собственное «я».

Какое из многих потенциальных «я» мы выберем? Какая последовательность серийных «я» составит наш портрет? Как, коротко говоря, мы должны поступать со сверхвыбором на наиболее явно личностном и эмоциональном уровне? В нашем опрометчивом стремлении к разнообразию, возможности выбора и свободе мы не успели осознать весь ужас, заключенный в многообразии.

Когда же многообразие сойдется в одной точке с быстротечностью и новациями, мы дадим обществу толчок впе-

ред, к историческому кризису адаптации. Мы создаем окружающую среду настолько мимолетную, незнакомую и сложную, что она угрожает миллионам людей адаптивным нервным расстройством. Это нервное расстройство — шок будущего.

---

[1] Утрата консенсуса обсуждается в статье Anything Goes: Taboos in Twilight, Paul D. Zimmerman // Newsweek, November 13, 1967, c. 74.

[2] Груэн сообщает о своей работе в Composition and Some Correlates of the American Core Culture // Psychological Reports, vol. 18, c. 483—486. Материал взят из этого источника и из интервью.

[3] Стиль жизни английского джентльмена исследуется в: [215], с. 138.

[4] Клэпп цитируется по: [228], с. 37—38.

[5] О субкультуре вестсайдских интеллектуалов см.: [234].

[6] О роли моделей жизненного стиля см. статью The New Heroes, John Speicher, Cheetah, November, 1967, c. 27—28.

[7] Письмо Гинсберга цитируется по статье In the beginning, Leary turned on Ginsberg and saw that it was good..., Timothy Leary // Esquire, July, 1968, c. 87.

[8] О гнете сверхвыбора: Принятие стиля также ведет к непредсказуемости в обществе. Когда уровень новаций возрастает, мы становимся более неуверенными в поведении других людей, что приводит к отказу от повиновения, страху обнаружить свои чувства или страху перед сильными чувствами. Когда молодые люди рядятся в странные одеяния, одежду из «секонд-хэнда» и диковинные головные уборы, они вызывают некий страх у «правильных людей», поскольку своей манерой одеваться они демонстрируют, что их поведение может быть непредсказуемым. Но в то же время в силу своей привязанности к собственной субкультуре в своей группе они более предсказуемы. Они лучше прогнозируют поведение своих сверстников и сотоварищей по субкультуре, чем поведение людей во внешнем мире. Принятие стиля жизни или принадлежность к субкультуре могут рассматриваться как усилия снизить уровень новаций или непредсказуемости в микроокружении.

[9] Манхейм цит. по: [189], с. 46.

[10] Гросс цит. по: The State of the Nation: Social Systems Accounting, Bertram M. Gross, [313], c. 198.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПРЕДЕЛЫ АДАПТАЦИИ

Глава 15

ШОК БУДУЩЕГО: ФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Миллиарды лет назад высыхающие моря выбросили на только что образовавшиеся берега миллионы не очень для этого приспособленных водяных существ. Лишенные привычной окружающей среды, они умирали, задыхаясь и жадно хватаясь за каждое мгновение, отпущенное им вечностью. Лишь те немногие счастливчики, которые оказались более приспособленными к земноводному существованию, пережили этот шок от изменения, происшедшего с ними. Сегодня, говоря словами социолога Лоуренса Сума из университета штата Висконсин: «Мы переживаем период столь же болезненный, как и та эпоха в эволюционной предыстории человечества, когда существа, обитающие в воде, стали существами наземными... Те, кто смог, приспособились; те, кто не смог, либо продолжали развиваться на менее высоком уровне, либо исчезали, смытые прибоем».

Утверждать, что человек должен приспособиться, было бы преувеличением. Он уже показал, что принадлежит к наиболее приспособляемым формам жизни. Он способен пережить лето на экваторе и зиму в Антарктике. Он пережил концлагеря Дахау и Воркуты. Он ходил по поверхности Луны. Такие достоинства дают возможность высказать мнение, что его адаптивные способности «необыкновенны». Однако это не так. Несмотря на весь свой героизм и выносливость, человек остается биологическим организмом, «биосистемой», и как любая система может функционировать лишь в определенных жестких пределах.

Температура, давление, количество потребляемой энергии (в калориях), соотношение в атмосфере кислорода и углекислого газа — вот набор абсолютных ограничений, выйти за которые не отважится ни один человек, по крайней мере сегодня. Поэтому, когда мы посылаем человека в открытый космос, мы окружаем его совершенной, продуманной микросредой, способной учитывать и поддерживать все эти факторы в пределах жизнеобеспечения. Странно, но когда мы (мысленно) запускаем человека в будущее, мы меньше всего берем в расчет те страдания, которые он испытает в результате шока от изменения, происшедшего с ним. Представьте, если бы НАСА* запустило Армстронга и Олдрина** в космос голыми.

Одно из основных положений этой книги таково: существуют определенные (и мы их можем определить!) пределы тех изменений в окружающей среде, к которым человеческий организм может приспособиться. Если заранее не определить эти пределы и безудержно увеличивать эти изменения, мы можем подвергнуть массу людей таким воздействиям, которых они просто не выдержат. Мы очень рискуем, ввергая их в то необычное состояние, которое я называю шоком будущего.

Мы можем определить шок будущего как страдание, физическое и психологическое, возникающее от перегрузок, которые физически испытывают адаптивные системы человеческого организма, а психологически — системы, отвечающие за принятие решений. Проще говоря, шок будущего есть реакция человека на запредельное нервное раздражение.

Разные люди реагируют на шок будущего по-разному. Симптомы этой реакции существенно меняются, как в зависимости от стадии и интенсивности заболевания меняются его симптомы. Эти симптомы классифицируются, в зависимости от уровня страха, враждебного отношения к

---

* Национальное американское космическое агентство. — *Примеч. пер.*

** Первые американские астронавты, посетившие Луну. — *Примеч. пер.*

любому желанию помочь и бессмысленного озлобления, подобно таким заболеваниям, как депрессия или апатия. Жертвы этих симптомов часто проявляют себя беспорядочными отклонениями во взглядах и интересах и в беспорядочном образе жизни, затем следует попытка «забиться в свою конуру», замкнуться в себе посредством социального, интеллектуального и эмоционального отчуждения, отстранения от окружающего мира. Они все время чувствуют себя «затравленными» или потерявшими покой и безнадежно хотят уменьшить количество проблем, которые нужно решать.

Чтобы понять этот синдром, мы должны объединить такие разрозненные области знания, как психология, неврология, теория нейронных связей и эндокринология, — все, что наука может рассказать нам об адаптации человека. Это пока еще не будет наукой адаптации *per se.* И это не будет неким систематизированным списком болезней, связанных с адаптацией. В настоящее время имеются данные, полученные в ряде научных дисциплин, которые дадут возможность описать в общих чертах грубые контуры теории адаптации. И хотя исследователи, работающие в рамках этих дисциплин, часто игнорируют деятельность друг друга, их результаты прекрасно совместимы. Образуя ясный и увлекательный узор, они создают прочную основу для концепции шока будущего.

СМЕНА ОБРАЗА ЖИЗНИ И БОЛЕЗНЬ

Что реально люди имеют в виду, когда говорят, что меняют образ жизни снова и снова? Чтобы понять это, мы должны начать с человеческого тела, физического организма, с самого себя. К счастью, имеется ряд поразительных (хотя и неопубликованных) опытов, которые недавно высветили наличие связи этих изменений с физическим здоровьем.

Эти опыты выросли из работы покойного д-ра Гарольда Г. Вольфа, сотрудника Корнэльского медицинского центра в Нью-Йорке. Вольф постоянно отмечал, что здоровье индивида теснейшим образом связано с теми адаптивными требованиями, которые предъявляются ему окружающей средой. Один из его соратников, д-р Лоуренс Хинкль-младший, определил это медицинским термином «экология человека»[1] и яростно доказывал, что болезнь не есть результат некоторой единственной, особой причины, как, например, состояние зародыша или воздействие вируса, но следствие влияния многих факторов, включая общую природу среды, окружающей человека. Хинкль годы проработал над тем, чтобы профессионалы медики почувствовали важность для медицины учета факторов окружающей среды.

Сегодня, когда так распространилась тревога в связи с загрязнением воздуха и воды, тревога, вызванная скученностью людских масс в городах и другими подобными факторами, авторитетные специалисты все более и более склоняются к экологическому представлению, что нужды индивида следует рассматривать как часть общей системы и что его здоровье зависит от множества неуловимых внешних факторов.

Однако другой коллега Вольфа, д-р Томас Холмс, выдвинул идею, что не сами по себе изменения — не то или иное специфическое изменение, а общее количество их за жизнь индивида, — вот что может оказаться одним из важнейших факторов воздействия окружающей среды. Начав работу в Корнэльском университете, Холмс сейчас работает в Медицинской школе университета штата Вашингтон, где он совместно с молодым психиатром Ричардом Рейхом создал остроумную исследовательскую методику, которую назвал шкалой жизненных единичных изменений[2]. Это метод, позволяющий измерить количество изменений, которые испытываются в заданный промежуток времени. Его развитие стало важнейшим методологическим прорывом, впервые позволившим дать общую количественную оценку (пусть грубую) изменений в жизни индивида.

Исходя из того, что различные виды жизненных изменений воздействуют на нас по-разному, Холмс и Рейх начали с составления списка всех возможных жизненных изменений. Развод, свадьба, переезд в новый дом — каждое из этих изменений действует на нас по-разному. Более того, некоторые индивиды переносят бо́льшие потрясения, чем другие. Например, путешествие во время отпуска может оказаться приятным перерывом в обыденной жизни. Его невозможно сравнить с таким, скажем, потрясением, как смерть одного из родителей.

Холмс и Рейх затем составили списки жизненных изменений для тысяч мужчин и женщин различных профессий и общественного положения, живущих в США и Японии. Каждый человек был опрошен по специальной анкете и классифицирован в соответствии с количеством жизненных изменений. Какие максимальные изменения требовались, чтобы человек еще смог поставить им заслон или приспособиться к ним? Какие изменения были относительно минимальны?

К своему удивлению Холмс и Рейх обнаружили, что одни и те же изменения требуют от людей наибольшей адаптивности, другие же воспринимаются всеми как сравнительно несущественные. Таким образом, «полнота переживаний» различных жизненных событий выходит за пределы даже национальных и языковых барьеров*.

Люди склонны знать и соглашаются даже на такие изменения, которые приносят тяжелейшие потрясения.

Получив эту информацию, Холмс и Рейх смогли приписать числовые значения («веса») каждому типу жизненных изменений. После этого каждая позиция в их списке была оценена количественно. Исследуя суммарные изменения в одной человеческой жизни, можно ли узнать что-либо о влиянии жизненных изменений на здоровье человека?

Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, Холмс, Рейх и другие ученые отобрали буквально тысячи индивидов с «множеством жизненных изменений» и начали сравнивать

* Работа, проделанная в США и Японии, в настоящее время дополнена исследованиями во Франции, Бельгии и Нидерландах.

их с их «историями болезней». Никогда до этого не было идеи о связи жизненных изменений и здоровья. Никогда до этого не было собрано столько подробных данных о характере изменений в жизни отдельных людей. И редко когда результаты эксперимента были столь наглядными. В США и Японии, среди служащих гражданских и военных, среди беременных женщин и больных лейкемией людей, среди студентов-спортсменов и пенсионеров-отставников — у всех были поразительно схожие характеристики: те, у кого был высокий уровень этого множества жизненных изменений, с большей вероятностью, чем их соседи по выборке, заболевали в следующем году. Эксперимент достаточно ярко показал, что скорость изменений в жизни человека и размеренность его жизни теснейшим образом связаны с его здоровьем.

«Результаты были столь эффектны, — говорит д-р Холмс, — что сначала мы не решались их оглашать. Мы не публиковали наши первые открытия вплоть до 1967 года».

После этого и Шкала жизненных единичных изменений, и Вопросник о жизненных изменениях были применены к широкому кругу людей, различных по социальному положению и другим параметрам — от чернокожих безработных до офицеров военно-морского флота. В каждом случае обнаруживалась корреляция между изменениями в жизни индивида и болезнью. Было установлено, что «перемены в образе жизни», которые требуют от человека больших усилий для того, чтобы приспособиться и поставить преграду на их пути, коррелируют с болезнью — вне зависимости от того, были ли эти изменения инициируемы и находились под персональным прямым контролем индивида или они были неожиданны и нежелательны для него. Более того, чем в большей степени жизнь изменялась, тем выше был риск заболеть впоследствии тяжелой болезнью. И эти данные настолько доказательны, что можно, изучая жизненные изменения в совокупности, реально предсказывать уровни заболеваемости в различных слоях населения.

Так, в августе 1967 г. капитан первого ранга Рэнсом Дж. Артур, глава медицинской нейропсихиатрической исследова-

тельской части военно-морского флота США в Сан-Диего*, совместно с Ричардом Рейхом, теперь капитаном этой части, решили предсказать диагнозы болезней в выборке из 3000 моряков. Д-р Артур и д-р Рейх начали с того, что раздали Вопросник о жизненных изменениях матросам трех крейсеров, базирующихся в гавани Сан-Диего. Корабли собирались уходить в рейсы и должны были пробыть в море примерно по шесть месяцев. Все это время была возможность аккуратно вести медицинские карты, заведенные на каждого члена судовой команды. Ставился вопрос: могла ли информация относительно образцов жизненных изменений этих людей помочь нам оценить вероятность того, что они заболеют во время рейса?

Каждого члена команды попросили рассказать, какие жизненные изменения случились с ним в предыдущем году. В анкете содержались вопросы, затрагивающие широчайший круг тем. Так, спрашивалось, переживал ли человек более или менее сильные волнения, неприятности и т. п., связанные с начальством, в минувшем году. Спрашивалось о переменах в распорядке жизни — питании и сне. Выяснялось, были ли изменения в круге его друзей, в его одежде, а также в его развлечениях и отдыхе. Спрашивалось, произошли ли какие-нибудь изменения в его социальной деятельности, в семейной атмосфере, в финансовом положении. Были ли у него более или менее сильные ссоры, связанные с родней? А споры с женой? Их ребенок рожден в браке или усыновлен? Пережил ли он смерть жены, друга или родственника?

Далее в анкете были вопросы о количестве переездов на новое место жительства. Ставились в анкете и такие вопросы: был ли человек возмущен судебным преследованием за нарушения в торговле или другие мелкие нарушения? Не слишком ли много времени проводил он вдали от своей жены? Это было вызвано характером работы или тем, что он испытывал супружеские трудности? Менял ли он работу? Получал ли премии или выдвигался на повышение?

* штат Вашингтон. — *Примеч. пер.*

Изменялись ли его жизненные условия в результате перестройки дома или ухудшения жизни в округе? Начинала или бросала работу его жена? Брал ли он заем или получал кредит по закладной? Были ли какие-нибудь сильные изменения в его отношениях с родителями в результате смерти, развода, повторного брака и т. п.?

Короче говоря, анкета пыталась разобраться в качестве жизненных изменений, которые были частью нормального существования. Она не спрашивала, считает ли человек изменение в своей жизни «хорошим» или «плохим», а просто — было ли или нет это изменение.

Шесть месяцев все три крейсера оставались в море. Незадолго до возвращения кораблей из рейса Артур и Рейх послали туда исследовательские группы, которые приступили к детальному изучению медицинских карт. Кто заболел? Какие заболевания зарегистрированы? Сколько дней содержались больные в корабельном лазарете?

Когда компьютерная обработка была полностью закончена, связь между жизненными изменениями и заболеваемостью была подтверждена твердо. Те, у кого было более 10% условных единиц жизненных изменений (люди, которые смогли приспособиться к большинству изменений, происшедших с ними за предшествующий год), в среднем болели в полтора-два раза больше, чем те, у кого жизненных изменений было менее 10%. Снова подтвердилось, что чем шире круг жизненных изменений и чем они глубже, тем серьезнее заболевания. Изучение характера жизненных изменений — а они интерпретировались как влияние окружающей среды — значительно помогло обосновать возможность прогнозировать, предсказывать количество и серьезность заболеваний для различных групп.

«Прежде всего, — говорит д-р Артур, рассказывая об исследованиях жизненных изменений, — мы имеем градацию изменений. Если у вас за короткий промежуток времени произошло много изменений в жизни, это сильно отразится на вашем организме... Слишком большое число изменений за короткий промежуток времени должно подавить механизмы сопротивления».

«Ясно, — продолжает он, — что существует связь между защитными механизмами человеческого организма и требованиями к характеру изменений, которые налагаются обществом. Мы находимся в непрерывном неустойчивом равновесии... Различные «пагубные» факторы, как внутренние так и внешние, всегда имеются и всегда ищут возможности вызвать болезнь. Например, обычные вирусы живут в организме человека и вызывают болезнь только в том случае, когда резко понижена сопротивляемость организма. Вполне возможно так систематизировать защитные системы организма, что не понадобится большого количества требований к характеру жизненных изменений, которые окажутся результатом действия всего двух систем — нервной и эндокринной».

Роль исследования жизненных изменений высока не только при изучении заболеваемости, но и самой смертности; эта роль может быть связана с глубиной адаптационных требований, предъявляемых к человеческому организму. Так, отчет д-ра Артура, д-ра Рейха и их коллеги д-ра Джозефа Маккина-младшего начинается с цитаты из автобиографии английского писателя Сомерсета Моэма «Подводя итоги»:

«Мой отец... уехал в Париж и стал юрисконсультом английского посольства... После смерти матери ее горничная стала моей няней... Отец мой, насколько я понимаю, был романтиком. Он затеял постройку дома, где собирался жить летом. Купил участок на вершине холма в Сюренне... Новый дом должен был напоминать виллу на Босфоре, верхний его этаж был опоясан лоджиями... Дом был белый, ставни выкрашены в красный цвет. Перед домом разбили сад. Комнаты обставили, а потом мой отец умер».*

«Смерть отца Сомерсета Моэма, — пишут они, — на первый взгляд, выглядит внезапным, неожиданным событием. Однако если критически рассмотреть события одного или двух лет, предшествовавших смерти отца, обнаруживаются изменения в его работе, местожительстве, привычках,

* Уильям Сомерсет Моэм. «Подводя итоги». М., Высшая школа, 1991, с. 38–40. — *Примеч. пер.*

финансовом положении и составе семьи». Они приходят к мысли, что эти изменения вполне могли ускорить его смерть.

Эта линия рассуждений согласуется со статистикой: количество смертей, происшедших среди вдов и вдовцов в течение года после утраты супруга, больше, чем средняя смертность[3].

Ряд исследований, проведенных в Великобритании, приводит к строгому выводу, что шок, пережитый от вдовства, ослабляет сопротивляемость болезням и приводит к ускорению процесса старения и вдов, и вдовцов. Ученые лондонского института общественных исследований изучили данные 4486 вдов и вдовцов и пришли к выводу, что «всплеск смертности в первые шесть месяцев почти наверняка реален... [Вдовство], по-видимому, влечет за собой внезапный прирост смертности примерно на 40% в первые шесть месяцев».

Почему это похоже на правду? Было бы спекуляцией утверждать, что горе само по себе ведет к патологии. Однако ответ может быть связан не с горем как таковым, а с сильным потрясением, которое приносит потеря супруга, заставляя оставшегося в живых совершать множество серьезных жизненных изменений в небольшой период времени после смерти супруга.

Работа Хинкля, Холмса, Рейха, Артура, Маккина и других, нащупавшая связь жизненных изменений с болезнью, в настоящее время находится в начальной стадии. Но один урок уже, кажется, вполне ясен: любое жизненное изменение требует определенной физиологической «оплаты». И чем радикальнее изменение, тем выше эта «оплата».

РЕАКЦИЯ НА НОВОЕ

«Жизнь, — говорит д-р Хинкль, — ...подразумевает постоянное взаимодействие между организмом и окружающей средой». Когда мы говорим об изменении, которое вызвано

разводом, или смертью члена семьи, или сменой работы и даже отпуском, мы говорим о серьезных жизненных событиях. Но, как известно каждому, в жизни масса очень мелких событий, постоянный поток которых как бы пронизывает и обтекает наше восприятие. Некоторое жизненное изменение воспринимается как сильное только потому, что оно обрушивается на нас водопадом небольших жизненных изменений, а они в свою очередь состоят из более мелких и мельчайших изменений. Для того чтобы бороться с трудностями в ускоренно развивающемся обществе, нам нужно видеть, что происходит практически каждую минуту, отслеживать «микроизменения» нашей жизни.

Что же происходит, когда что-то изменяется в окружающей нас среде? Каждый из нас постоянно буквально купается под ливнем сигналов, идущих от нее: визуальных, слуховых, осязательных и т. д. Большинство из них имеет обычный, повторяющийся характер. Когда что-то изменяется в пределах наших восприятий, характер сигналов, идущих по каналам наших органов чувств в нашу нервную систему, тоже изменяется. Когда обычные, повторяющиеся сигналы прерываются, мы реагируем на это особенно резко.

Существенно то, что, когда некий новый набор возбудителей «ударяет» по нам, наше тело и наш рассудок узнают — и всегда моментально, — что это нечто новое. Изменение может быть лишь цветовым отблеском, отмеченным краешком глаза. Это может быть осязание, как будто некто любящий нежно прикоснулся к нам, чтобы снять пылинку с лица или одежды кончиками пальцев, но мгновенно отдернул руку. Каким бы ни было изменение, в игру вступает громадный суммарный механизм физического воздействия.

Когда собака слышит незнакомый голос, она поднимает уши и поворачивает голову. Мы делаем то же самое. Изменение — это спусковой механизм возбуждения, то, что в экспериментальной психологии называют «ориентированной реакцией». Ориентированная реакция (в дальнейшем будем употреблять аббревиатуру ОР) — это комплексный,

даже общефизиологический процесс, в котором участвует весь организм. Зрачки глаз расширяются. На ретине возникают фотохимические изменения. Наш слух моментально становится более острым. Мы непроизвольно используем наши мышцы, чтобы направить действие наших органов чувств в сторону источника звука, или прищуриваемся, чтобы лучше видеть. Общий тонус наших мышц реагирует на любые изменения, все это, кстати, можно увидеть на энцефалограмме. Наши пальцы рук и ног холодеют, когда их вены и артерии сужаются. Наши ладони потеют. Кровь приливает к голове. Наше дыхание и работа сердца учащаются.

Все это может произойти с нами при определенных обстоятельствах, более того, именно такова «реакция на испуг». Но даже когда нет причин для настороженности, эти физиологические изменения возникнут у нас всякий раз, когда мы ощутим нечто новое в окружающей нас среде.

Очевидно, в нашем мозгу имеется «специально встроенная аппаратура», своеобразный «детектор новизны», который лишь сейчас привлек внимание неврологов. Российский ученый Е. Н. Соколов был первым, кто подробно описал, как проходит процесс ориентированной реакции человека. Он высказал идею, что нервные клетки мозга хранят информацию о силе, продолжительности, качестве и последовательности приходящих возбуждений. Когда приходят очередные возбуждения, они находят аналогичные среди построенных в коре головного мозга «нервных моделей». Совсем новые возбуждения не находят аналогии ни с какой существующей в коре головного мозга моделью, и тогда происходит ОР. Если же процесс сравнения показывает полное совпадение с ранее созданными моделями, сигналы проникают в кору головного мозга, в ретикулярную (сетчатую) систему активизации, передавая ей, по существу, приказ «воздержаться от реакции»[4].

Отсюда следует, что уровень новизны воздействия на нас окружающей среды определяет и физические последствия. Более того, жизненно важно сознавать, что ОР не является чем-то необычным. Она происходит у большинства людей буквально тысячи раз в течение обычного дня как реакция на

различные изменения окружающей среды вокруг нас. Снова и снова ОР вспыхивает, даже во время сна.

«ОР велика! — говорит психолог-исследователь Арди Любин, эксперт по механизмам сна. — Весь организм затронут. И когда у вас возрастает ощущение новизны в воздействии окружающей среды (это зависит от того, какое количество изменений мы имеем в виду), вы получаете непрерывную ОР. Вероятно, это ведет организм к стрессу. Это чертовски тяжелый груз для организма.

Если вы перегружены воздействием новых изменений в окружающей вас среде, вы одержимы страхом так же, как им одержимы невротики — люди, чья нервная система непрерывно «заливается» адреналином, у которых сердце постоянно пульсирует и готово выпрыгнуть из груди, руки ледяные, растет сокращение и дрожание мышц — все это обычные характеристики ОР»[5].

Ориентированная реакция — не катастрофа. Это обычная, данная от природы способность человека — один из ключевых адаптационных механизмов. ОР позволяет человеку становиться более чувствительным, получать и перерабатывать большее количество информации — например, лучше видеть и слышать. Она готовит его мышцы к неожиданным напряжениям, если это будет необходимо. Короче, эта реакция готовит человека для битвы. Конечно, как подчеркивает Любин, каждая ОР оказывает утомляющее воздействие на человеческий организм, поскольку она требует энергетических затрат.

Таким образом, единственным результатом ОР является передача по нервам импульса энергии, предваряющего перенапряжение организма. Накопленная энергия есть в каждом активном центре, таком как мышцы или потовые железы. Как только нервная система возбудится в ответ на сигнал, ее синаптические везикулы* лопаются, выделяя малые количества адреналина и норадреналина. Эти гормоны в свою очередь работают как триггер, частями высвобождая накопленную энергию. Короче, каждая ОР не только

---

* пузырьки на синаптических нервных окончаниях. — *Примеч. пер.*

высвобождает ограниченные запасы жизненной энергии человеческого организма, но даже привлекает к действию более ограниченные запасы энергии тех механизмов, которые осуществляют это высвобождение.

Необходимо подчеркнуть, кроме того, что ОР не просто реакция на обыкновенные сенсорные входные сигналы*. Она возникает тогда, когда мы воспринимаем, буквально «продираемся сквозь» новые идеи или новую информацию — новые картины или звуки. Новая порция служебных сплетен, некая общая концепция или идея, даже новый анекдот или своеобразный оборот в услышанной фразе — все это может стимулировать такую реакцию.

Особым образом ОР приводит к стрессу, когда новое событие или факт затрагивает все сложившееся мироощущение человека. Возьмем тщательно разработанную идеологию, католицизм, марксизм или что-то подобное, и мы сразу увидим (или подумаем, что увидели) хорошо знакомые черты в некоем противоположном новом раздражителе, и это успокоит нас. На самом деле идеологии могут рассматриваться как большие картотеки для хранения ментальной информации, в которых есть свободные ящики или щели для карточек, ждущие поступления новых данных. Поэтому идеологии способны уменьшить интенсивность и частоту ОР.

Но ОР происходит только тогда, когда новый факт не ожидается, когда он «сопротивляется» введению в нашу «картотеку». Классический пример: религиозный человек, воспитанный в вере в доброту Господа, неожиданно сталкивается со случаем, буквально потрясшим его, — с бессмысленным злом.

До тех пор, пока новый факт не будет примирен с его мироощущением или его мироощущение не изменится, он будет испытывать острое возбуждение, смятение и страх.

Мы любим разнообразие ощущений и впечатлений, когда новизна переполняет нас, поэтому ОР является по своей природе стрессовой. На уровне идей и познания это — «ага!-

---

* на обыкновенную информацию, воспринятую органами чувств. — *Примеч. пер.*

реакция», озарение в момент открытия, когда мы окончательно понимаем то, что было для нас проблемой, загадкой. Мы можем быть подготовлены к озарению только и исключительно случайно, но и ОР, и «ага!-реакция» непрерывно возникают, когда снижается уровень сознания*.

Следовательно, новость — некая воспринимаемая новость — вызывает бурную активность в организме человека, особенно в его нервной системе. Вспышка ОР подобна фотовспышкам внутри нас, она (ОР) оценивает и определяет, что это случилось вне нас. Человек и окружающая его среда постоянно взаимодействуют, трепеща в ожидании.

АДАПТИВНАЯ РЕАКЦИЯ

В то время как новизна в окружающей среде приводит к росту или уменьшению скорости, с которой возникает ОР, определенные новые условия вызывают даже более сильный отклик в человеке. Мы мчимся по автомагистрали, слушая радио и грезя наяву. И вдруг рядом проносится автомобиль, заставляя нас отклониться от нашего ряда. Мы реагируем автоматически, даже мгновенно, и наша ОР ясно выражена. Мы можем почувствовать, как забилось наше сердце и задрожали руки. И так продолжается, пока напряжение не спадет.

Но что будет, если оно не спадет? Что происходит, когда мы попадаем в ситуацию, которая требует целого набора физических и психологических реакций и в которой давление на наш организм поддерживается непрерывно и постоянно? Что происходит, если, например, ваш начальник ежедневно придирается к вам? Что происходит, когда серьезно заболел один из ваших детей? Или когда мы напряженно ждем «великой даты» или важного события в нашем деле?

---

* Имеется в виду переход деятельности мозга на подсознательный уровень, а не снижение уровня понимания решаемой проблемы. — *Примеч. пер.*

Такие ситуации не могут контролироваться быстрым приливом энергии, осуществляемым ОР, для этого у нас есть то, что нужно называть «адаптивной реакцией». Она очень близка к ОР. Однако эти два процесса столь тесно связаны, что ОР можно считать частью или первой фазой процесса адаптивной реакции. Но в той фазе, когда ОР оказывается основной для нервной системы, адаптивная реакция существенно зависит от работы эндокринных желез и гормонов, которые эти железы вносят в поток крови. Первая линия защиты связана с нервной системой, вторая — с гормональной.

Когда люди вынуждены снова и снова приспосабливаться к новому, а особенно когда они вынуждены адаптироваться в ситуациях, включающих конфликт и неопределенность, начинает работать маленькая железа размером с горошину — гипофиз, — вырабатывая свои гормоны. Один из этих гормонов, АКТГ (адренокортикотропный гормон*), поступает в надпочечники. Это в свою очередь приводит к тому, что вырабатываются определенные химические соединения, называемые кортикостероидами (гормоны коры надпочечников). Когда это происходит, убыстряется метаболизм организма. Поднимается кровяное давление. Эти же гормоны посылают в кровь противовоспалительные субстраты, которые борются с инфекцией в местах ранения, например. И они же начинают преобразовывать жиры и протеины в энергию, которая затем собирается в человеческом организме в резервном хранилище биоэнергии. Реакция приспособления предусматривает наличие гораздо большего по силе и длительности накопления количества энергии, чем ОР.

Подобно ориентированной реакции, адаптивная реакция — явление нередкое. Она дольше возбуждается и длится дольше, но случается несчетное число раз даже в течение одного дня, соответствуя изменениям нашей природной и социальной окружающей среды[6]. Адаптивная реакция временами известна под более драматичным названием —

---

* гормон передней доли гипофиза, активизирующий деятельность коркового слоя другой железы внутренней секреции — надпочечников. — *Примеч. пер.*

«стресс», она может быть вызвана изменениями и переменами в психологическом климате вокруг нас. Беспокойство, потрясение, конфликт, неопределенность, даже предчувствие счастья, веселье и радость — все эти факторы заставляют железу гипофиз работать и выделять АКТГ. Сильное ожидание перемен может послужить спусковым крючком к действию адаптивной реакции. Необходимость изменить привычный жизненный уклад, сменить прежнюю работу на новую, влияние социальной среды, изменение социального статуса, преобразование образа жизни, конечно, все это ставит нас перед лицом неизвестности и может «включить» адаптивную реакцию.

Д-р Леннарт Леви, директор клинической лаборатории изучения стресса при Каролинском госпитале в Стокгольме, показал, например, что даже очень малые изменения в эмоциональном климате или в межличностных связях могут вызвать заметные изменения в химизме человеческого организма. Стресс часто измеряли количеством кортикостероидов и катехоламинов (адреналин и норадреналин, например), обнаруженных в крови и моче. В одной серии экспериментов д-р Леви использовал кинофильмы для возбуждения эмоций; затем он строил графики зависимости химических изменений в организме от этих эмоций[7].

Группе шведских студентов-медиков мужского пола были показаны фильмы, насыщенные сценами убийств, драк, пыток, издевательств и жестокого обращения с животными. Был зафиксирован рост содержания адреналина в их моче в среднем на 70% при измерениях до и после сеанса. Рост норадреналина в среднем составил 35%. Следующей группе — женщинам-служащим — показали четыре различных фильма за четыре вечера. Первым был милый фильм о путешествиях. Испытуемые описали ощущение спокойствия и невозмутимости, а их показатель катехоламина снизился. Второй вечер: они смотрели фильм Стэнли Кубрика «Дороги славы» и отметили ощущение возбуждения и гнева. Содержание адреналина пошло вверх. Третий вечер: они смотрели классическую «Тетку Чарлея» и оглушительно хохотали, покатывались со смеху над этой комедией. Не-

смотря на полученное удовольствие и отсутствие сцен насилия и проявления неистовства, их показатель катехоламина снова значительно вырос. Вечером четвертого дня они смотрели «Маску Дьявола», триллер, и по-настоящему кричали от страха. Естественно, их показатель катехоламина буквально взлетел вверх. Короче, эмоциональный отзыв, почти независимо от его характера, сопровождается (может быть, рефлекторно) активизацией работы желез внутренней секреции — надпочечников).

Аналогичные выводы были сделаны после вновь и вновь повторяющихся экспериментов с мужчинами и женщинами (не говоря уже о крысах, собаках, оленях и других подопытных животных), причем намеренно путались «реальность» и отличные от нее и «замещающие» ее переживания. Матросы-подводники из учебных подрывных отрядов, люди, побывавшие на отдаленных станциях в Антарктике, астронавты, заводские рабочие, руководящие работники — все имели одинаковые показатели химизма реагирования на изменения внешней окружающей среды.

Истинный смысл этого едва начал проясняться, но уже растут доказательства того, что повторяющееся воспроизведение адаптивной реакции может серьезно навредить организму; чрезмерное возбуждение эндокринной системы может повлечь за собой необратимое утомление (вплоть до истощения) организма. Так, д-р Рене Дюбо в своей книге «Человек приспосабливающийся» предупреждает нас, что такие изменяющиеся обстоятельства, как «ситуации конкурентности, существование и деятельность в перенаселенной среде — суть изменения, которые вызывают очень своеобразную секрецию гормональной системы. Это можно прочитать по анализам крови и мочи. Обычный контакт с общечеловеческой ситуацией автоматически дает почти полное представление об этом — это возбуждение всей эндокринной системы».

Что из этого следует? «Это, — заявляет Дюбо, — совершенно ясно показывает, что может перевозбудить эндокринную систему, и это имеет физиологические последствия, которые длятся всю последующую жизнь организма»[8].

Многими годами раньше д-р Ханс Селье, пионер исследований адаптивных реакций человеческого организма, писал, что «животные, у которых возникает и продолжается состояние стресса, испытывают его, по мнению некоторых ученых, из-за сексуальных расстройств... Клинические исследования подтверждают тот факт, что реакция людей, подверженных стрессу, во всех отношениях очень похожа на реакцию подопытных животных. У женщин во время стресса менструации становятся нерегулярными или совсем прекращаются, а у детей недостаточно вырабатывается фермент лактозы, перерабатывающий молоко. У мужчин при стрессе уменьшается сексуальное влечение и образование сперматозоидов»[9].

С тех пор представительные коллективы экспертов и экологов не раз предъявляли доказательные заключения, что в подверженных сильному стрессу группах крыс, оленей и людей более низкие способности к оплодотворению, чем в подверженных менее сильному стрессу контрольных группах. Например, собирая большие группы, постоянно поддерживали высокий уровень межличностных связей и создавали условия, вызывающие сильные адаптивные реакции; по крайней мере у животных при этом повышалось содержание в крови адреналина и заметно падала способность к оплодотворению[10].

Повторно вызванные ОР и адаптивные реакции, получаемые перенагрузкой нервной и эндокринных систем, сразу негативно сказывались на физическом состоянии организма. Быстрые, резкие изменения в окружающей среде приводили в действие запасы скрытой энергии организма. Это влекло за собой ускорение метаболизма жиров. В свою очередь это создавало серьезные трудности для людей больных или предрасположенных к диабету. Заметное изменение окружающей среды вызывало даже симптомы простудных заболеваний. В отчете об исследованиях д-ра Хинкля было отмечено, что частые насморки у женщин-работниц в Нью-Йорке, которые коррелируют с «изменениями в настроении и характере деятельности женщины, случаются в ответ

на изменение связей с окружающими ее людьми и даже с тем, что она с кем-то ссорится»[11].

Короче, если мы поймем цепь биологических событий, имеющих отношение к нашим возможностям приспосабливаться к изменениям и новостям, мы сможем понять, почему здоровье и изменение окружающей среды неразрывно связаны друг с другом. Открытия Холмса, Рейха, Артура и других ученых, изучающих жизненные изменения, ныне соединились с исследованиями в области эндокринологии и экспериментальной психологии. Совершенно ясно, что увеличение скорости изменений в обществе или усиление новизны социальных отношений приведет к определенным и довольно значительным изменениям в химизме человеческого организма у любого члена этого общества. С ростом научных, технических и социальных изменений мы вторгаемся в сферу химической и биологической устойчивости человеческой расы.

Но нужно тут же добавить, что это не обязательно воспринимать как нечто плохое. «Есть вещи худшие, чем болезни», — напоминает нам д-р Холмс, криво улыбаясь. «Никто не может жить, не переживая все время определенной степени стресса», — писал д-р Селье[12]. Для того чтобы исключить ОР и адаптивные реакции, нужно исключить все изменения, включая рост, саморазвитие и достижение зрелости. Это предполагает полную статику. Изменения — не просто необходимый элемент жизни, а сама жизнь. Образно говоря, жизнь есть адаптация, приспособляемость.

Однако существуют определенные пределы адаптации. Когда мы меняем стиль нашей жизни, когда мы создаем или рвем связи с вещами, местами или людьми, когда мы как одержимые проносимся сквозь организованное географическое пространство, где находится наше общество, когда мы воспринимаем новую информацию и новые идеи — мы приспосабливаемся, мы живем. Все это происходит в определенных границах — ведь мы не бесконечно «упруги». Каждая ориентированная реакция, каждая адаптивная реакция требует определенную плату, изнашивая человечес-

кий организм постепенно, ежеминутно, пока нанесенные повреждения не станут явно заметными.

Так человек остается в конце концов с тем, с чего он начинает в начале жизни: это биосистема с ограниченной способностью к изменениям. Когда эта способность сокрушена — последствие одно: шок будущего.

---

[1] Термин «экология человека» в приложении к медицине обсуждается в статье The Doctor, His Patient, and the Environment, by Lawrence E. Hinkle, Jr.; The American Journal of Public Health, January, 1964, с. 11.

[2] Материал об исследовании жизненных изменений основан частично на интервью с д-ром Т. Холмсом в Медицинской школе университета штата Вашингтон, а также с д-рами Р. Артуром и Э. Гендерсоном из Военно-морской медицинской невропсихиатрической исследовательской группы в Сан-Диего (штат Вашингтон). Кроме того, см. следующие статьи в журнале Journal of Psychosomatic Research: A Longitudinal Study of Life-Change and Illness Patterns by R.H. Rahe, J.D. McKean, Jr., and R.J. Arthur. Vol. 10, 1967, с. 355–366. The Social Readjustment Rating Scale by T.H. Holmes and R.H. Rahe. Vol. 11, 1967, с. 213–218. Magnitude Estimations of Social Readjustment by M. Masuda and T.H. Holmes. Vol. 11, 1967, с. 219–225. The Social Readjustment Rating Scale: A Cross-Cultural Study of Japanese and Americans by M. Masuda and T.H. Holmes. Vol. 11, 1967, с. 227–237. Quantitative Study of Recall of Life Events by R.L. Casey, M. Masuda and T.H. Holmes. Vol. 11, 1967, с. 239–247. Seriousness of Illness Rating Scale by A.R. Wyler, M. Masuda and T.H. Holmes. Vol. 11, 1968, с. 363–374, а также: Social and Environmental Factors in Illness Behavior by E.K.E. Gunderson, R.H. Rahe and R.J. Arthur. Статья представлена на ежегодный съезд Западной психологической ассоциации, Сан-Диего, Калифорния, март 1968. Life Crisis and Disease Onset — I. Qualitative and Quantitative Definition of the Life Crisis and its Association with Health Change; II. A Prospective Study of Life Crisis and Health Changes by R.H. Rahe and T.H. Holmes (оттиск). Department of Psychiatry, University of Washington School of Medicine, Seattle, Washington (штат).

Общие закономерности, полученные благодаря этим исследованиям, основаны на открытиях Джорджа Брауна (George Brown) и Бейли (J.L.T. Beiley) из Social Psychiatry Unit, Maudsley Hospital,

London. Браун и Бейли изучали случаи шизофренического рецидива и связь их с жизненными изменениями. См.: Journal of Health and Social Behavior, vol. 9, № 3 (1968), с. 263.

[3] Смертность супругов рассмотрена в: The Mortality of Widowers by M. Young, B. Benjamin and C. Wallis // Lancet, August 31, 1963, с. 454–456.

[4] Краткое, но исчерпывающее исследование реакции ориентации см.: [21]. См. также: Neurophysiological Contributions to the Subject of Human Communication by Mary A.B. Brazier in [7], с. 63. Neuronal Models and the Orienting Reflex by E.N. Sokolov в Brazier, M.A.B.(ed.), The Central Nervous System and Behavior, New York: J. Macy, 1960, с. 187–276. Higher Nervous Functions: The Orienting Reflex by E.N. Sokolov // Annual Review of Physiology, 1963, vol. 3, с. 545–580. «Нейронная модель раздражения: I. Образование нейронной модели повторным предъявлением раздражения», Е. Н. Соколов, Доклады Академии педагогических наук СССР (1959), с. 93–96 (русский язык).

[5] Любин (Lubin) цитируется по интервью, взятому автором.

[6] Ни одно обсуждение адаптивной реакции и стресса не может обойтись без д-ра Ханса Селье (Hans Selye), чья работа заложила основу для многих исследований последних лет. Его книга [26] стала классической.

Краткий параграф об АКТГ и его связи со стрессом появился в [10], с. 306. См. также [12], с. 330–334.

[7] Работа Леви (Levi) обсуждается в [20]; в Life Stress and Urinary Excretion of Adrenaline and Noradrenaline by L. Levi в [24]; а также в Conditions of Work and Their Influence on Psychological and Endocrine Stress Reactions by J. Froberg, C. Karlsson, L. Levi, L. Lidberg and K. Seeman, Report № 8, The Laboratory for Clinical Stress Research, Karolinska Sjukhuset, Stockholm, October, 1969.

[8] Дюбо (Dubos) цитируется по своей речи на Нобелевской конференции в Коллеже Густава Адольфа, 1966. Ее заглавие: «Adaptation to the Environment and Man's Future».

[9] Селье цитируется по: [26], с. 176.

[10] Данные об эффектах больших групп (толпа, теснота) можно найти в [343]. См. также: Population Density and Social Pathology by J.B. Calhoun в [241]; The New York Times, December 28, 1966.

[11] Исследования Хинкля (Hinkle) изложены в его статье Studies of Human Ecology in Relation to Health and Behavior // BioScience, August, 1965, с. 517–520.

[12] Селье в: [26], с. VII (предисловие).

Глава 16

ШОК БУДУЩЕГО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Если бы следствием шока будущего были только физические заболевания, их можно было бы легко предупредить и излечить. Но шок будущего поражает и психику. В то время как тело разрушается под напряженным воздействием окружающей среды, перегруженный «рассудок» не способен принимать адекватные решения. При беспорядочных скачках механизмов изменений мы не только можем подорвать здоровье, отчего уменьшится степень адаптации, но и утратить способность рационально реагировать на эти изменения.

Поразительные знаки нарушений работы психики, вызванных частичным затемнением сознания, мы видим вокруг себя: увеличение употребления наркотиков, рост мистицизма, периодические вспышки вандализма и неспровоцированного насилия, политика нигилизма и ностальгия по тираническим режимам, болезненное равнодушие миллионов людей — все это может быть понято лучше, если выявить связь этих явлений с шоком будущего. Эти формы социального абсурда прекрасно отражают ухудшение способности индивида к принятию решений, вызванное напряженным воздействием окружающей среды.

Психофизиологические исследования воздействия изменений на различные организмы показали, что адаптация проходит успешно, только когда уровень возбуждения (величина изменения и новизны в окружающей среде) не слишком низок и не слишком высок. «Центральная нервная система высших животных, — говорит профессор Д. Е. Берлин из университета г. Торонто (Канада), — способна справиться с воздействиями окружающей среды, которые производят определенные... возбуждения. Это, естественно, не относится к таким крайним воздействиям окружающей среды, как перенапряжение и перегрузка организма». Он делает аналогичный вывод относительно воздействия

окружающей среды, когда она перевозбуждает организм[1]. Однако опыты с оленями, собаками, мышами и людьми недвусмысленно показали существование явления, которое можно назвать «предел адаптации», ниже которого и выше которого способность индивида справиться с воздействием просто разрушается.

Шок будущего — это реакция на сверхвозбуждение. Она возникает, когда индивид вынужден управлять своим пределом адаптации. Серьезные исследования были посвящены изучению воздействия несоразмерных изменений и новых впечатлений на поведение человека. Результаты исследования людей, находящихся на научных станциях в Антарктике в полной изоляции, людей, лишенных органов чувств, поведения заводских рабочих на рабочих местах сходны — везде при реакции на сверхвозбуждение показатель духовных и физических способностей падает. У нас есть косвенные данные о воздействии запредельных возбуждений, т. е. драматичных и тревожных событий в нашей жизни.

ПЕРЕВОЗБУЖДЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Солдаты во время сражения часто оказываются захваченными окружающей средой, быстро, непредсказуемо меняющейся и незнакомой. Солдата бросает туда-сюда. То, что обеспечивало защиту, угрожает со всех сторон. Пули беспорядочно пролетают мимо. Огненные вспышки озаряют небо. Громкие крики, призывы о помощи, стоны раненых и грохот взрывов... Все меняется каждое мгновение. Чтобы уцелеть, выжить в такой сверхвозбуждающей среде, солдат вынужден управлять самыми высокими уровнями своего предела адаптации. Временами его выталкивает за границы этого предела.

Во время Второй мировой войны бородатый солдат Чиндит, сражавшийся в войсках британского генерала Уингей-

та в тылу линии японской армии в Бирме, как это ни странно, уснул во время шквального пулеметного огня, буквально бушующего вокруг него. Более позднее исследование показало, что этот солдат не только не реагировал на физическое утомление или недостаточный сон, а был сражен чувством сверхмощной апатии[2].

Апатия, сопровождающаяся желанием умереть, действительно столь обычна для партизан, которые проникают сквозь вражеские боевые линии, что английские военные врачи дали этому явлению собственное имя. Они определили его как глубоко проникающую нагрузку. Солдат, который страдал от такой нагрузки, по словам этих врачей, «не способен делать простейшие вещи для самого себя и выглядит как взрослый с интеллектом малого ребенка». Эта смертельная летаргия не ограничивается только партизанскими войсками. Через год после случая с Чиндитом аналогичные симптомы неожиданно возникли у большого количества солдат в войсках союзников, вторгшихся в Нормандию, и английские врачи-исследователи после изучения 5000 несчастных случаев среди английских и американских войск пришли к выводу, что эта странная апатия скорее всего является заключительной стадией сложного процесса психологического коллапса*[3].

Душевное расстройство часто начиналось с утомления. Затем возникало крайнее волнение, частичное затемнение сознания и нервная раздражительность. Человек становился сверхчувствительным к слабым возбуждениям вокруг него. Малейшее раздражение он сочтет «грязным покушением на свою жизнь». Он выказывает признаки замешательства. Он выглядит неспособным отличить звук вражеского обстрела от других, менее грозных звуков. Он становится напряженным, чего-то опасающимся и яростно вспыльчивым человеком. Его начальство никогда не знает, когда он впадет в бешенство, даже в неистовство в ответ на самое незначительное неудобство.

А затем наступает последняя стадия эмоционального истощения. Солдат теряет всякое желание жить. Он отка-

---

* от *лат.* collapsus — ослабевший. — *Примеч. пер.*

зывается бороться за собственное спасение, перестает вести себя рационально во время сражения. Он становится, говоря словами Р. Свенка, возглавляющего английские исследования, «тупым, вялым и неповоротливым... духовно и физически заторможенным, захваченным своими мыслями»[4]. Даже его лицо тупо и апатично. Стремление приспособиться к обстановке рухнуло, иссякло. Наступила стадия полного отказа, ухода.

Человек, который ставится в условия сильных изменений и новизны, ведет себя нерационально, явно действуя против своих собственных интересов. Это подтверждается и исследованиями человеческого поведения во время пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий и катастроф. Даже наиболее стойкие и «нормальные», физически здоровые люди могут быть ввергнуты в состояние, когда они не смогут адаптироваться. Зачастую, доведенные до полного замешательства и помрачения рассудка, они не способны принять даже самое элементарное решение.

Так, в работе, посвященной изучению реакции людей на ураганы (торнадо) в Техасе, Г. Е. Мур пишет, что «первой реакцией... может быть полубессознательное замешательство, временами недоверчивое отношение или по меньшей мере отказ признать реальность факта. Это, как нам кажется, совершенно объясняет поведение отдельных людей и групп в г. Вако, когда он был опустошен ураганом в 1953 году... На уровне отдельных людей это объясняло, почему девочка забралась в музыкальный магазин через разбитое окно, спокойно купила пластинку и вышла наружу, хотя стекла здания разбивались порывами ветра и осколки летали по воздуху внутри магазина»[5].

В работе, посвященной урагану в г. Удол в штате Канзас, цитируется домохозяйка, которая рассказала: «Когда это накатилось, мы с мужем тут же оделись, выпрыгнули из окна и бросились бежать. Я не знаю, где мы бежали, но... я не волновалась. Мне просто хотелось бежать»[6]. Классическая картина такого бедствия изображает мать, держащую на руках умершее или раненое дитя, ее застывшее лицо непроницаемо, как будто она совершенно не воспринимает ре-

альность вокруг себя. Иногда она изображается сидящей на ступеньках крыльца своего дома, нежно качая куклу вместо ребенка.

В стихийном бедствии, следовательно, как и во время военных действий, индивиды могут быть психологически подавлены. И снова письменные источники показывают высокий уровень воздействия окружающей среды. Жертва бедствия неожиданно оказывается в ситуации, в которой привычные вещи и связи совершенно изменились. Там, где стоял дом, нет ничего, кроме дымящихся руин. Человек может столкнуться с кабиной самолета, плывущей в потоке наводнения, или с лодкой, парящей в воздухе. Окружающая среда полна изменений и новизны. И снова и снова реакцией будут удивление, замешательство, страх, раздражение и отторжение, переходящие в апатию.

Культурный шок (растерянность при столкновении с чужой культурой) — т. е. глубокая дезориентация, испытываемая путешественником, который без необходимых предварительных приготовлений погружается в чужую культуру, — третий пример нарушения механизма адаптации. Здесь нет явных аналогий с войной или стихийным бедствием. Ситуация может быть совершенно мирной и безопасной. И тем не менее ситуация требует повторяющейся реакции адаптации к новым условиям. Культурный шок, если следовать психологу Свену Лундштедту, — это «форма личной слабой адаптации, которая есть реакция на временную безуспешную попытку приспособиться к новому окружению и людям».

Человек, испытывающий культурный шок, как солдат или жертва стихийного бедствия, усиленно пытается бороться с непривычными и непредсказуемыми вещами, связями и событиями. Его обычный способ действий и обращения с вещами теперь не срабатывает даже при решении таких простых задач, как звонок по телефону. Незнакомое общество меняется для него слишком медленно, для него все ново. Жесты, звуки и другие психологические сигналы обрушиваются на него прежде, чем он может понять их смысл. Чистый опыт приобретает сюрреалистическую окраску. Каждое слово, каждое движение неопределенно.

В такой обстановке утомление возникает быстрее, чем обычно. В связи с этим наш путешественник, столкнувшийся с иной культурой, часто испытывает то, что Лундштедт называет «субъективным чувством потери и ощущением изоляции и одиночества».

Непредсказуемость, возникающая от новизны, подрывает его ощущение реальности. А он страстно стремится, как отмечает профессор Лундштедт, «в такую окружающую среду, в которой полное удовлетворение его основных психологических и физических потребностей будет предсказуемо и полностью определено». Он становится «страстно желающим, смущенным и часто впадающим в апатию». И Лундштедт заключает, что «культурный шок может рассматриваться как стрессовая реакция на потерю эмоциональности и интеллектуальности»[7].

Тяжело читать эти (и многие другие) отчеты о нарушениях в поведении под действием различных стрессовых ситуаций — появляется острое желание понять их сходство. Пока мы уверены, конечно, в разнице между солдатом в сражении, жертвой стихийного бедствия и путешественником в иную культурную среду. Все три случая связаны с большой скоростью изменения, высоким уровнем новизны или с обоими этими факторами. Во всех трех случаях требуется быстрая и многократная адаптация к непредсказуемым раздражителям. И можно провести параллель между всеми тремя видами реакции с точки зрения их ответа на сверхвозбуждение.

Первое: исследования засвидетельствовали смущение, потерю ориентации, искаженное восприятие реальности. Второе: проявления усталости, страха, напряженности и предельной возбудимости (раздражительности) одинаковы. И третье: во всех случаях есть точка, после которой нет обратного хода, — точка апатии и потери эмоциональности.

Короче, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют: сверхвозбуждение может привести к странному и неадаптивному поведению.

Мы все еще очень мало знаем об этом феномене, чтобы авторитетно толковать о том, почему сверхвозбуждение, как представляется, вызывает неадекватное поведение. Однако мы собрали важную информацию, позволяющую признать, что перевозбуждение может сказаться по крайней мере на трех различных уровнях: восприятие, мышление (осознание) и принятие решения*.

Легче всего понять уровень восприятия. Эксперименты с людьми, лишенными органов чувств, во время которых добровольцы были изолированы от нормальных возбудителей их органов чувств, показали, что отсутствие новых сенсорных раздражителей может повлечь за собой эффект смущения, растерянности и ухудшения умственной деятельности[8]. Кроме того, слишком большая дезорганизация, отсутствие четкости или хаотичность воспринимаемых раздражений могут иметь те же последствия. Это объясняет тот факт, что в профессиональной политической или религиозной борьбе для «промывки мозгов» используются не только способы лишения сенсорных раздражителей (например, заключение в одиночную камеру или келью), но и бомбардировка сознания: яркие вспышки ламп, быстрая смена цветовых пятен, хаотические звуковые эффекты — весь арсенал галлюциногенной калейдоскопии.

Религиозный пыл и причудливое поведение некоторых неумеренных поклонников хиппи могут вырасти не только из злоупотребления наркотиками, но и таких групповых «экспериментов», как лишение восприятия или бомбардировка сознания. Монотонное пение мантр**, попытки фокусировать внимание индивида на внутреннем мире, своей

* Граница между каждым из этих уровней не совсем ясна даже психологам, но если мы просто, основываясь на здравом смысле, отождествим сенсорный уровень с ощущениями, осознание с мышлением, а принятие решения с решением определенных задач, мы не будем слишком далеки от истины.

** Восточные, в основном кришнаитские заклинания. — *Примеч. пер.*

внутренней сущности, персональный опыт, позволяющий не допустить в себя идущих извне раздражений*, — все это попытки вызвать, стимулировать сверхъестественные и порой галлюцинаторные эффекты перевозбуждения.

На другом конце этой шкалы мы отмечаем затуманенный пристальный взгляд и оцепенение, лишенные выражения лица юных танцоров в огромной рок-дискотеке, где вспыхивают световые пучки, движения повторяются на полиэкране, децибелы криков, воплей и стонов, гротескные костюмы и кривляющиеся разрисованные тела создают сенсорную окружающую среду, характеризующуюся наличием высокой и экстремальной непредсказуемости и новизны.

Возможность организма справляться с ощущениями не зависит от его физиологической структуры. Природа органов чувств и скорость, с которой импульсы проходят по нервной системе, создают биологические границы, принятые для количественных показателей сенсорных данных. Если мы будем измерять скорость передачи сигнала в различных организмах, мы обнаружим, что чем ниже уровень эволюционного развития, тем медленнее распространяется импульс. Например, у яиц морского ежа нервная система как таковая отсутствует, сигнал распространяется вдоль мембраны со скоростью около одного сантиметра в час. Ясно, что с такой скоростью организм может реагировать только на очень ограниченную часть окружающей его среды. По мере того как мы продвигаемся по лестнице эволюции к медузе, которая уже имеет примитивную нервную систему, сигнал распространяется в 36 тыс. раз быстрее: десять сантиметров в секунду. У червей эта скорость подпрыгивает до 100 см/сек. Среди насекомых и ракообразных нервный импульс распространяется со скоростью до 1000 см/сек. У антропоидов эта скорость доходит до 10 000 см/сек[9]. Эти примерные цифры не вызывают сомнения, они помогают объяснить, почему человек, бесспорно, — один из наиболее приспособленных живых существ.

У человека, который имеет скорость распространения нервного импульса около 30 000 см/сек., ограниченные

* йога. — *Примеч. пер.*

пределы системы впечатляют. (Заметим, что электрические сигналы в компьютере передаются в миллиарды раз быстрее.) Ограниченные возможности органов чувств и нервной системы означают, что многие события, происходящие в окружающей среде, имеют скорости распространения сигнала слишком большие, чтобы мы могли их воспринять. Поэтому мы вынуждены в лучшем случае отбирать возбуждения. Когда сигналы поступают к нам регулярно и повторяясь, этот процесс отбора может дать довольно хорошее представление о реальности. Но когда степень дезорганизованности поступающей информации высока, когда воспринимается новое и непредсказуемое, точность построения наших мысленных образов вынужденно снижена. Наше представление о реальности искажено. Этим можно объяснить, почему, переживая сенсорные сверхвозбуждения, мы испытываем крайнее волнение из-за того, что расплывается линия раздела между иллюзией и реальностью.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЕРЕГРУЗКА

Если сверхвозбуждение на сенсорном уровне увеличивает искажение, с которым мы воспринимаем реальность, то когнитивное (на уровне сознания) сверхвозбуждение создает помехи нашей способности «думать». Одни люди реагируют на новость непроизвольно, другие сначала осознают и обдумывают ее, и это зависит от способности впитывать, обрабатывать, оценивать и хранить информацию[10].

Рациональное поведение, как правило, зависит от непрерывного поступления потока данных от окружающей среды. Оно зависит от возможности индивида предсказать более или менее точно и честно последствия своих собственных действий. Индивид должен быть способен предвидеть, как будет реагировать окружающая среда на его действия. Поэтому здравый ум как таковой строится на этой человеческой способности предвидеть свое непосредственное лич-

ное будущее, основываясь на информации из окружающей среды.

Однако когда индивид окунулся в быстро и хаотично меняющуюся ситуацию или в напичканную новостями среду, точность его предвидения стремительно падает. Он не может больше делать разумные корректирующие оценки, от которых и зависит рациональное поведение.

Для того чтобы компенсировать это, чтобы поднять точность своего предвидения до нормального уровня, человек должен схватывать и далее получать гораздо больше информации, чем до того. Он должен это делать с экстремально большой скоростью. Короче, чем быстрее возникают изменения и новизна в окружающей среде, тем в большей информации нуждается индивид, чтобы наиболее эффективно реагировать и принимать рациональные решения.

Однако есть пределы восприятия сенсорной информации, есть генетический ограничитель нашей способности перерабатывать информацию. Говоря словами психолога Джорджа Миллера из Рокфеллеровского университета, это «строгие ограничения на количество информации, которое мы в состоянии принять, обработать и запомнить». Классифицируя информацию, реферируя и «кодируя» различными способами, мы в состоянии расширить эти пределы до тех пор, пока не получим веские основания считать, что наши возможности исчерпаны[11].

Для того чтобы обнаружить и измерить эти внешние пределы, психологи и специалисты в теории информации используют методы тестирования того, что они называют «пропускной способностью каналов» человеческого организма. Для того чтобы осуществить эти эксперименты, они рассматривают человека в качестве «канала»*. Информация входит в него извне. Она воспринимается и перерабатывается, затем «выходит» в виде поступка, основанного на принятом решении. Скорость и точность переработки человеком информации может быть измерена сравнением скорости подачи входной информации со скоростью и точностью выходной информации**.

---

* по которому проходит информация. — *Примеч. пер.*

** или выходных действий. — *Примеч. пер.*

Информация определяется и измеряется в особых единицах, называемых бит*. Теперь эксперименты устанавливают скорость обработки информации, включая широкий круг заданий: чтение, печатание на машинке, игра на пианино, чтобы создать числовые шкалы или вычислительное устройство. И поскольку исследователи расходятся в мнениях относительно точности получаемых данных, они строго договариваются о двух основных принципах: во-первых, что человек имеет ограниченную «пропускную способность»; во-вторых, что переполнение системы приводит к серьезным нарушениям в поведении.

Представим себе, например, рабочего сборочного конвейера на фабрике, производящей детские кубики. Его работа — нажимать на кнопку всякий раз, когда красный кубик проходит перед ним по ленте конвейера. Пока лента конвейера движется с умеренной скоростью, у него не возникает серьезных трудностей. Его деятельность проходит со стопроцентной точностью. Мы знаем, что, если скорость слишком мала, его сознание будет рассеиваться, мысли блуждать и его деятельность будет ухудшаться. Мы также знаем, что, если лента движется слишком быстро, он будет работать неуверенно, пропускать моменты нажатия кнопки, путаться, возрастет несогласованность его действий и работы конвейера. Он станет напряженным и раздражительным. Он может даже ударить по машине — от полного бессилия. В конце концов он откажется участвовать в тестировании.

В этом случае требования к информации просты, но картина подходит и для более сложного испытания. Пусть теперь кубики, идущие по ленте конвейера, разноцветные. Рабочему полагается нажимать кнопку только тогда, когда появляется определенное сочетание цветов — ну, скажем, за желтым кубиком следуют два красных и один зеленый. В этом задании он должен получать и обрабатывать гораздо

* Бит есть величина информации, необходимая для того, чтобы сделать выбор между двумя равносильными (т. е. равновероятными. — *Примеч. пер.*) решениями типа альтернативы. Количество битов, на которое должно превышать выбираемое решение, удваивается.

больше информации, перед тем как решить, нажимать ли ему на кнопку. Все остальное остается прежним, и у него будут такие же трудности, возрастающие по мере ускорения движения линии конвейера.

В еще более усложненном задании мы не только ставим рабочего в зависимость от количества данных, которые он должен переработать, перед тем как решить, нажимать ли ему кнопку, но мы заставляем его решать, какую из нескольких кнопок ему нажать. Мы также меняем число нажатий на каждую кнопку. Теперь его задание выглядит так: для набора цветов желтый-красный-красный-зеленый нажми на кнопку номер 2 один раз; для набора зеленый-голубой-желтый-зеленый нажми на кнопку номер 6 три раза; и т. д. Такие задания требуют от рабочего обрабатывать большое количество информации, чтобы выполнить данное ему задание. Изменение скорости конвейера в этом случае сразу сведет на нет точность его работы[12].

Подобные эксперименты были проведены для того, чтобы оценить влияние дополнительной степени сложности задания на поведение исполнителя. Тесты усложнялись, они включали световые вспышки, музыкальные звуки, письма, символы, разговоры и широкий круг других раздражителей. Испытуемых просили постукивать пальцами по столу, говорить отдельные фразы, решать головоломки, а также выполнять набор других заданий — это приводило их к полной неспособности что-либо делать.

Результаты недвусмысленно показали, что, независимо от характера задания, существует скорость предъявления, превысив которую, задание выполнить нельзя — и не просто из-за неадекватности мышечного усилия, отсутствия проворства, ловкости. Предел скорости чаще навязывался сознанием, а не мышечными ограничениями. Эти эксперименты обнаружили также, что чем больше времени давалось испытуемому на выбор решения и доведение дела до конца, тем больше альтернативных линий поведения ему открывалось.

Ясно, что эти открытия могут помочь нам понять известные формы психологических и даже психических рас-

стройств. Руководители озабочены требованиями быстрого, непрерывного и комплексного принятия решений; люди завалены информацией, фактами и все время подвергаются тестированию; домохозяйки противостоят орущим детям, резким телефонным звонкам, сломанным стиральным машинам, воплям рока из комнаты подростков и жалобному вою телевизора из маленькой гостиной. Способность людей думать и действовать существенно ослаблена воздействием, наплывом информации, сокрушающей их органы чувств. И более чем вероятно, что некоторые симптомы, отмеченные у солдат, попавших в состояние стресса во время сражения, у жертв стихийных бедствий и у путешественников, испытавших культурный шок, родственны этому типу информационной перегрузки.

Один из пионеров изучения информатики, д-р Джеймс Г. Миллер, директор института исследования душевного здоровья при Мичиганском университете, решительно заявил, что «насыщение человека информацией в количествах, больших чем он в состоянии переработать... ведет к срыву». Он заявил, что уверен в том, что информационная перегрузка может быть причиной различных форм душевных заболеваний[13].

Например, одна из поразительных черт шизофрении — «неточная ассоциативная реакция». Идеи и слова, которые должны быть связаны по аналогии в мозгу субъекта, не соединяются, и наоборот, соединяются те, которые у нормальных людей совершенно не ассоциируются друг с другом. Шизофреник стремится думать в случайных или чересчур субъективных категориях. Если дать набор различных фигур — треугольников, кубов, конусов и т. п., — нормальный человек разберет их, исходя из их геометрических свойств. Шизофреник, которого попросят классифицировать их, скорее всего скажет: «Это все солдаты» или «Они все наводят на меня уныние».

В книге «Беспорядки в информации» Миллер описывает эксперименты, в которых использовались тесты на ассоциации слов, позволившие сравнить нормальных людей и шизофреников. Нормальные испытуемые были разбиты на

две группы, у них просили найти ассоциации различных слов с другими словами или понятиями. Одна группа работала в своем естественном ритме. Вторая работала под давлением ограничения по времени, т.е. в условиях убыстряющегося поступления информации. Испытуемые, находящиеся в условиях ограничения времени, выдали реакции, более похожие на реакции шизофреников, чем на реакции нормальных испытуемых, работавших в собственном ритме[14].

Аналогичные эксперименты, проводившиеся психологами Г. Уздански и Л. Чапменом, сделали возможным более тонкий анализ типов ошибок, которые совершали испытуемые, работавшие под давлением ограничения времени и высокой скорости предъявления информации. Они тоже заключили, что возрастание скорости реакции среди нормальных людей дает ошибки того же характера, что и ошибки, характерные для шизофреников.

«Можно предположить одно, — заключает Миллер, — ...что шизофрения (как все еще непознанный процесс, возможно, связанный с дефектом метаболизма, который усиливает нервный «шум») снижает пропускную способность каналов, что включает в себя и обработку познавательной информации. Шизофреники, таким образом... испытывают трудности при получении информации, входящей с обычными скоростями, точно так же как нормальные люди испытывают трудности при получении информации с увеличенными скоростями. В результате шизофреники при обычных скоростях поступления информации делают такие же ошибки, какие делают нормальные люди при ускоренных темпах поступления информации».

Короче, Миллер доказывает, что механизм человеческого поведения ломается под действием перегрузки информацией, что может быть связано с психопатологией, а это мы еще не начинали изучать. Но уже сейчас, не понимая ее потенциального влияния, мы увеличиваем скорости изменений в обществе. Мы давим на людей, заставляя их адаптироваться к новым ритмам жизни, сталкиваться с новыми

ситуациями и справляться с ними за все более короткое время. Мы заставляем их выбирать быстро меняющиеся предметы. Другими словами, мы побуждаем их обрабатывать информацию с гораздо большей скоростью и в более быстром ритме, чем в медленно меняющихся обществах. Поэтому можно не сомневаться, что мы подвергаем по меньшей мере некоторых из них перевозбуждению сознания. Какие последствия это будет иметь для душевного здоровья людей в технически развитых обществах — еще надо определить.

СТРЕСС РЕШЕНИЙ

Соответствует или нет требованиям людей информационная перегрузка, она влияет на их поведение негативно, подвергая их еще и третьей форме сверхстимуляции — стрессу решений. Многие люди, воспитанные в скучном и маломеняющемся окружении, стараются перейти на новые места работы, меняя роли, которые требуют от них все более быстрых и более сложных решений. Но среди людей будущего эти проблемы также будут. «Решения, решения...» — бормочут они, решая задачу за задачей. Они чувствуют себя опустошенными и расстроенными, потому что быстротечные, совершенно новые ситуации и противоречивые требования держат их мертвой хваткой.

Удар ускорения и его психологический двойник — скоротечность — вынуждают ускорять темп принятия решений и в личном, и в общественном смыслах. Новые нужды, проявления новизны и кризисы требуют быстрого отклика.

Неожиданная новизна вносит почти революционные изменения в природу решений, которые необходимо принимать. Быстрые инъекции новизны в окружающую среду опрокидывают тонкий баланс «запрограммированных» и «незапрограммированных» решений в наших организациях и нашей личной жизни.

Запрограммированное решение привычно, повторяемо и легко выполняемо. Например, пассажир стоит на краю платформы, где в 8.05 должен остановиться поезд. Он поднимается в вагон, как он делает это каждый день, из месяца в месяц, из года в год. С давних времен он решил, что 8.05 — традиционное начало рабочего дня, поэтому конкретное решение сесть в поезд является запрограммированным. Это даже более похоже на рефлекс, чем на решение вообще. Непосредственные критерии, на которых такое решение основывается, — простота и легкая различимость, а поскольку все окружение знакомо, он едва ли хочет задумываться о них. Ему не требуется обрабатывать большое количество информации. В этом смысле запрограммированные решения имеют низкую психическую стоимость.

С этим контрастирует другой сорт решений, подобных тем, которые пассажир решает в городе. Должен ли он принять предложенную должность в корпорации X? Как он должен подать совету директоров свои предложения о рекламной кампании? Такие вопросы требуют нетривиальных ответов. Они подталкивают его делать единовременные и впервые принимаемые решения, которые требуют новых навыков и поведенческих стандартов. Многие факторы нужно изучить и взвесить. Огромное количество информации должно быть обработано. Эти решения нельзя запрограммировать. Они имеют высокую психическую цену.

Для каждого из нас жизнь является смесью этих двух составляющих. Если эта смесь содержит относительно много программируемых решений, мы не испытываем проблем, мы считаем жизнь однообразной и глупой. Мы ищем способы, порой бессознательно, внести новизну в нашу жизнь, таким образом изменяя пропорции решений. Но если эта смесь содержит слишком много непрограммируемых решений, если мы постоянно находимся под прессом такого количества совершенно новых ситуаций, что программируемость невозможна, жизнь становится болезненно неорганизованной, изнурительной и беспокойной. У доведенного до крайности человека в конце концов развивается психоз.

«Рациональное поведение..., — пишет специалист по теории организации Бертран М. Гросс, — ...сложная комбинация рутинности и творчества. Привычка является существенной... [поскольку она] освобождает творческую энергию для нового, неожиданного ряда проблем, для которых рутинный подход — иррационален»[15].

Когда мы не способны программировать большую часть нашей жизни, мы страдаем. «Не существует более жалкого человека, — писал Уильям Джеймс, — чем человек... для которого выкуривание каждой сигары, выпивание каждой чашки... начало каждого этапа работы являются объектом сомнения». Если мы не можем в достаточной степени программировать наше поведение, мы растрачиваем по мелочам огромное количество наших способностей по обработке и усваиванию информации. Вопрос заключается в том, что формирует наши привычки. Давайте взглянем, как некая комиссия прерывает свою работу для ленча и возвращается обратно в комнату заседаний: почти неизменно ее члены ищут те же места, которые они занимали ранее. Некоторые антропологи используют термин «территориальность» для объяснения такого поведения, когда человек требует «отрезать для себя» защищенный и освященный им «кусок дерна». Проще говоря, программированное поведение предоставляет возможность переработки информации. Выбор одного и того же стула избавляет нас от необходимости просматривать и оценивать другие возможности.

В этом же контексте понятно, почему мы способны управлять большей частью наших жизненных проблем с низкой психической стоимостью, если часто пользуемся программированными решениями. Изменение и новизна поднимают психическую цену принятия решений. Например, когда мы переезжаем на новое место жительства, мы вынуждены рвать старые связи и устанавливать новые. Это не может произойти без отказа от сотен запрограммированных ранее решений и выработки полного набора новых, дорогих, первостепенных, еще не запрограммированных решений. В результате мы вынуждены полностью перепрограммировать самих себя. То же можно сказать и о неподго-

товленном визите в чужую культуру и о человеке, который, еще находясь в своем привычном обществе, попадает в волну будущего, не подготовившись заранее. Новизна и изменения будущего делают все его болезненно связанные поведенческие привычки устарелыми. Он с ужасом обнаруживает, что привычные решения только усугубляют проблемы, что требуются новые и до сих пор не программированные решения. Короче говоря, новизна нарушает пропорции, изменяя баланс в сторону очень трудной и дорогой формы принятия решений.

Известно, что некоторые люди лучше приспособлены к новизне, чем другие. Оптимальные пропорции различны для каждого из нас. Однако число решений и их тип не находятся под нашим автоматическим контролем. Общество в основном определяет пропорции решений, которые мы должны делать, и скорость, с которой их необходимо принимать. Сегодня в нашей жизни существует скрытый конфликт между давлениями ускорения и давлениями новизны. С одной стороны, от нас требуются быстрые решения, с другой — решения твердые, требующие больше времени на обдумывание.

Беспокойство, вызванное этим столкновением в наших головах, сильно обостряется растущим разнообразием решений. Неопровержимо доказано, что разнообразие выбора, стоящего перед личностью одновременно, увеличивает количество информации, которое необходимо проанализировать для принятия решений. Лабораторные тесты над людьми и животными также свидетельствуют, что чем больше выбора, тем меньше время реакции[16].

Острое столкновение этих трех несравнимых требований и вызывает тот кризис принятия решений, который наблюдается сегодня в технически развитых обществах. Этот тройной прессинг соответствует термину «сверхстимуляция решений», который помогает понять, почему массы людей в этих обществах уже чувствуют себя опустошенными, бесполезными и неспособными решать задачи ближайшего будущего. Убеждение, что мышиная возня слишком опасна, что вещи находятся вне контроля, — неизбежное след-

ствие столкновения этих мощных сил. Неконтролируемое ускорение научных, технологических и социальных изменений неизбежно опрокинет усилия человека, который принимает разумные, компетентные решения относительно своей собственной судьбы[17].

ЖЕРТВЫ ШОКА БУДУЩЕГО

Когда мы объединяем эффекты стресса решений с чувствительной и познавательной перегрузкой, мы производим несколько общих форм плохой индивидуальной адаптации. Например, один из наиболее распространенных откликов на высокоскоростные изменения — это полное отрицание. Стратегия маленького человека заключается в «блокировании» себя от непрошеной реальности. Когда требования принятия решений достигают пика, он решительно отказывается получать новую информацию. Подобно жертве стихийного бедствия, чье лицо «регистрирует» общее неверие, этот маленький человек также не может принять очевидность своих ощущений, т. е. он решительно заключает, что все — неизменно и что все доказательства изменений являются просто кажущимися. Он находит успокоение в таких клише, как «молодые люди всегда были бунтарями», или «ничто не ново под луной», или «чем больше вещи меняются, тем больше они остаются теми же».

Безымянная жертва будущего, маленький человек сам организует свою личную катастрофу. Его стратегия борьбы увеличивает вероятность того, что, когда он будет вынужден адаптироваться, его столкновение с изменениями перерастет в форму одиночного сильнейшего кризиса жизни, а не в последовательность поддающихся управлению и решению проблем.

Другой типичный отклик жертвы шока будущего — это специализация. Специалист не блокируется от всех новых идей или информации. Он энергично пытается идти в ногу

с изменениями, но только в исключительно узком секторе жизни. Так, физик или финансист использует все последние инновации в своей профессии, но остается совершенно закрытым для социальных, политических или экономических инноваций. Чем больше университетов захвачено пароксизмом протеста, чем больше вспышек восстаний в гетто, тем меньше он хочет знать об этом и тем больше он сужает щель, через которую смотрит на мир.

Внешне он справляется хорошо. Но он также стремительно движется к разладу с самим собой. Он может однажды утром проснуться и осознать, что его специальность устарела или неузнаваемо трансформировалась событиями, взрывающимися вокруг него.

Третий типичный отклик на шок будущего — это одержимость возвращением к ранее успешным шаблонам адаптации (реверсионизм), которые в настоящий момент неуместны и неадекватны. Реверсионист упорствует в своих предыдущих программируемых решениях и привычках с догматическим безрассудством. Чем сильнее изменение угрожает извне, тем методичнее он повторяет прошлые режимы действий. Его социальная перспектива регрессивна. Испытав удар будущего, он истерически пытается сохранить не соответствующий действительности статус-кво или требует в той или иной замаскированной форме возврата к успехам прошлого.

Барри Голдуотер и Джордж Уоллес апеллируют к его трясущимся внутренностям, используя политику ностальгии. Они говорят, что полиция поддерживала порядок в прошлом, поэтому для поддержания порядка нам необходимо усилить полицию. Авторитарная обработка детей работала в прошлом, поэтому все сегодняшние несчастья от вседозволенности. Умеренно пожилые реверсионисты с правым уклоном тоскуют по простому, упорядоченному обществу небольших городков, где в размеренном социальном окружении все их старые шаблоны были уместны. Вместо адаптации к новому они продолжают автоматически применять старые решения, увеличивая все больше и больше разрыв с реальностью.

Если старый реверсионист мечтает о восстановлении прошлых небольших городков, молодой реверсионист с левым уклоном мечтает даже о возрождении старой системы. Это объясняет некоторое очарование сельской общины, сельского романтизма, которыми наполнена поэзия хиппи и субкультура пост-хиппи, обожествление Че Гевары (отождествляемого с горами и джунглями, а не с урбанистической и постурбанистической окружающей средой), почитание дотехнологических обществ и преувеличенное презрение к науке и технике. Все эти красочные требования изменений, разделяемые по крайней мере некоторыми левыми течениями, соответствуют тайным страстям Уоллесов и Голдуотеров по прошлому.

Их завиральные идеи такие же древние, как и их индейские головные повязки, их плащи эпохи короля Эдуарда, их оленья охотничья обувь и обрамленная золотом посуда. Терроризм начала века и эксцентричный черный флаг анархии неожиданно вновь вошли в моду. Руссоистский культ благопристойных дикарей процветает вновь. Старые идеи марксизма, применяемые в лучшем виде во вчерашнем индустриальном обществе, выдаются как безусловные рефлекторные ответы на проблемы завтрашнего сверхиндустриального общества. Реверсионизм маскируется под революционность.

И, наконец, мы имеем Сверхупростителя. После того как свергнуты старые герои и институты, на фоне забастовок, бунтов и демонстраций, пронзающих его сознание, он ищет простого, изящного уравнения, которое сможет объяснить весь комплекс новизны, угрожающий его поглотить. Беспорядочно хватаясь за те или иные идеи, он временно становится истинно верующим.

Это помогает объяснить неистовую интеллектуальную придурковатость (фаддизм), которая уже угрожает опередить темп изменения мнений. Маклюэн? Пророк электрического поколения? Леви-Строус? Браво! Маркузе? Сегодня я вижу это все! Махариши Вотчмакаллит? Фантастично! Астрология? Проникновение в сущность вечности!

Этот Сверхупроститель, отчаянно продвигаясь ощупью, принимает любую идею, к которой он случайно приходит, часто приводя в замешательство ее автора. Увы, идея моя или твоя не объясняет все на свете. Но Сверхупростителю нужны ответы на все случаи. Максимизация выгоды объясняет Америку. Коммунистический заговор объяснят расовые бунты. Демократия участия является самым верным ответом. Вседозволенность (или доктор Спок) — причина всех бед.

Этот поиск унитарного решения на интеллектуальном уровне имеет свои параллели в действии. Поставленный в тупик озабоченный студент, пинаемый родителями, неуверенный в своем статусе, измученный стремительно отживающей образовательной системой, вынужденный заботиться о будущей карьере, системе ценностей и сто́ящем стиле жизни, неистово ищет способы упростить свое существование. Прибегая к ЛСД, героину и другим наркотикам, он выполняет нелегальный акт, который имеет по меньшей мере одно достоинство — объединить его несчастья. Он выдает множество больных, кажущихся неразрешимыми проблем за одну большую проблему и таким образом радикально, но временно упрощает свое существование.

Девочки-тинэйджеры, которые не справляются с ежедневно накручиваемым клубком стрессов, могут выбрать другой драматический акт сверхупрощения — беременность. Подобно наркотикам, беременность может очень сильно усложнить ее жизнь позже, но сегодня беременность делает все ее другие проблемы незначительными.

Насилие также предлагает «простой» способ борьбы с растущей сложностью выбора и всеобщего сверхвозбуждения. Для старых поколений и политических организаций полицейские дубинки и военные штыки кажутся заманчивым лекарством, способом покончить раз и навсегда с разногласиями. И черные экстремисты, и белые дружины самоуправления используют насилие для сужения выбора и «очищения» своей жизни. Тем, кто потерял понимание окружающего, ясную программу, кто не может справиться с новизной и сложностью ослепляющих изменений, терро-

ризм заменяет необходимость думать: терроризм не может свергнуть режимы, но он избавляет от сомнения.

Многие из нас могут быстро распознать эти образчики поведения в других и даже в самих себе, не понимая их причин. Ученые-социологи воспринимают отрицание, специализацию, реверсию и сверхупрощение как классические способы борьбы с перегрузками.

Все они опасно отрицают сложности взаимосвязей. Они искаженно изображают действительность. Чем больше человек отрицает, чем больше он самоограничивается ценой более широких интересов, чем более механически он возвращается к шаблонам прошлого в поведении или политике, чем более отчаянно он сверхупрощает, тем сильнее не соответствует действительности его реакция на новизну и выбор, заполняющие его жизнь. Чем более он полагается на подобную стратегию, тем больше в его поведении проявляются неуправляемые и неустойчивые шараханья и общая нестабильность.

Каждый ученый — специалист по теории информации знает, что многие из этих стратегий могут быть необходимыми в условиях перегрузки, однако, если человек неясно понимает действительность, если у него нет четкой иерархии ценностей, возлагать надежды на такие методы нельзя, адаптивные трудности будут только усугубляться.

Эти предварительные условия все труднее и труднее удовлетворять. Таким образом, жертва шока будущего, которая действительно использует эти стратегии, испытывает всеуглубляющееся чувство смятения и неопределенности. Захваченный турбулентным потоком изменений, вынужденный принимать значительные, быстро следующие друг за другом решения, он чувствует не просто интеллектуальное замешательство, а дезориентацию на уровне персональных ценностей. По мере того как скорость изменений возрастает, к этому замешательству подмешиваются самоедство, тревога и страх. Он становится все напряженнее, он устает. Он может заболеть. Поскольку давление неумолимо усиливается, напряжение принимает форму раздражительности, гнева, а иногда выливается в бессмысленное насилие[18].

Небольшие происшествия получают несуразный отклик, а серьезные происшествия вызывают неадекватную реакцию.

И. П. Павлов много лет назад описал этот феномен как «парадоксальную фазу» в поведении собаки, с которой он проводил известные эксперименты[19]. Последующие исследования показали, что люди, когда их раздражают, тоже проходят через эту стадию под ударами сверхстимуляции, и это может объяснить, почему бунты иногда случаются даже без серьезных провокаций, почему без какой-либо видимой причины тысячи тинэйджеров во время своих сборищ начинают неожиданно неистовствовать, разбивая окна, бросая камни и бутылки, ломая автомобили. Это может объяснить, почему бессмысленный вандализм стал проблемой во всех технически развитых обществах, серьезность которой редактор японской газеты «Japan Times» объяснил на не очень правильном, но эмоциональном английском: «Мы никогда до этого не видели чего-либо подобного по широте размаха, с которым эти психопатические акты сегодня дозволяются»[20].

И наконец, мимолетное замешательство и неопределенность, новизна и разнообразие — все это может объяснить глубокую апатию, которая выключает из общественной жизни миллионы людей, безразлично — старых или молодых. Это неизученные, вырванные из жизни чувствительные индивиды, которые нуждаются в тихой безветренной жизни по крайней мере до тех пор, пока они снова не столкнутся со своими проблемами. Это общая и полная капитуляция перед напряжением принятия решения в условиях неопределенности и сверхвыбора.

Особенно много людей уходят в себя в период исторического перелома. Семейный человек, который проводит свой вечер с помощью небольшого количества мартини и позволяет телевизионным фантазиям усыпить себя, по крайней мере работает целый день, выполняя некие социальные функции, от которых зависят другие люди. Он только частично убивает время. Но некоторые (не все) хиппи, многие праздные мечтатели уходят в себя полностью и навсегда.

Связь с остальным обществом может быть у них только через отпустивших их родителей.

На острове Крит, на берегу Матала, около тихой открытой солнцу деревни, есть сорок или пятьдесят пещер, которые заняли сбежавшие из дома американские троглодиты, молодые мужчины и женщины, которые большей частью отказались от каких бы то ни было попыток бороться со стремительно нарастающими жизненными сложностями. Их выбор до предела сужен и в пространстве, и во времени. У них нет проблемы сверхстимуляции. Им не нужно что-либо понимать и даже чувствовать. Репортер, посетивший их в 1968 г., принес им новость об убийстве Роберта Ф. Кеннеди. Их реакция: молчание. «Ни шока, ни ярости, ни страха. Это что — новый феномен? Побег из Америки и побег от эмоций? Я понимаю невовлеченность, разочарованность, даже нежелание иметь какие-либо обязательства. Но куда подевались все чувства?»[21]

Репортер сможет понять, куда делись все чувства, если поймет воздействие сверхстимуляции, апатию партизана Чиндита, стертое лицо жертвы стихийного бедствия, интеллектуальный и эмоциональный уход в себя жертвы культурного шока. У этих молодых людей и у миллионов других — загнанных в тупик, неистовых и апатичных — уже видны симптомы шока будущего. Они — первые его жертвы.

ОБЩЕСТВО, ПОРАЖЕННОЕ ШОКОМ БУДУЩЕГО

Невозможно вызвать шок будущего у огромного числа индивидуумов без воздействия на рациональность общества как целого. Сегодня, если прислушаться к словам Даниэля Мойнигана, главного консультанта Белого дома по городским делам, США «так воздействует на индивидуума, что это ведет к нервному срыву». Общее влияние сверхстимуляции на чувства, мышление и принятие решений, не гово-

ря уж о физическом влиянии перегрузок на нервную или эндокринную систему, порождает в нас болезнь[22].

Эта болезнь отражается на нашей культуре, нашей философии, нашем отношении к реальности. Не случайно, что немало обычных людей относятся к окружающему нас миру как к «сумасшедшему дому»; тема умопомешательства стала последнее время основной в литературе, искусстве, театре и кино. Петер Вайс в своей пьесе «Преследование и убийство Жан-Поля Марата, представленное актерской труппой госпиталя в Шарантоне под руководством господина де Сада» нарисовал турбулентный мир, видимый глазами обитателей психиатрической лечебницы Шарантон. В фильмах типа «Морган» жизнь духовная, внутренняя важнее окружающего мира. В фильме М. Антониони «Blow-Up»* кульминация наступает тогда, когда герой принимает участие в игре в теннис, в которой игроки бьют по несуществующему мячу, летающему туда-сюда над несуществующей сеткой. Это символическое отношение к воображаемому и иррациональному показывает, что он больше не в состоянии распознавать и делать выбор между иллюзией и реальностью. Миллионы зрителей в этот момент могут быть идентифицированы с героем фильма.

Заявление, что мир «обезумел», надписи на стенах: «реальность — это костыль», интерес к галлюциногенным наркотикам, тяга к астрологии и мистике, поиск истины в сенсациях, экстаз и желание проводить рискованные опыты, крайний субъективизм, нападки на науку, растущая, как снежный ком, уверенность в том, что разум покинул человека, — все это отражает ежедневный опыт массы обычных людей, которые больше не могут разумно противостоять изменениям.

Миллионы чувствуют, что воздух буквально пропитан патологией, но не понимают корней этого явления. Корни надо искать не в той или иной политической доктрине, еще менее — в некоей мистической сущности страдания или

---

* Название это не переводится, это термин фотографов, обозначающий резкое увеличение при проявлении снимка. — *Примеч. пер.*

уединения, будто бы присущей «условиям человеческого существования». Корни скрыты не в науке, технике и религиозных требованиях к социальным изменениям. Они прослеживаются в неконтролируемой, неупорядоченной природе нашего проникновения в будущее. Они кроются в нашей неспособности осознанно и разумно направить движение к сверхиндустриальному обществу.

Таким образом, несмотря на свои экстраординарные успехи в искусстве, науке, интеллектуальной, моральной и политической жизни, США являются страной, в которой десятки тысяч молодых людей спасаются от действительности, выбирая наркотическое отупение; страной, в которой миллионы взрослых ввергают себя в постоянный телевизионный ступор или в алкогольный туман; страной, в которой легионы пожилых людей прозябают и умирают в одиночестве; в которой бегство из семьи и от принятой ответственности становится массовым; в которой широкие массы подавляют свои страстные желания различными транквилизаторами и психотропными препаратами. Такая страна, известно это или нет, пострадает от удара шока будущего.

«Я не вернусь обратно в Америку, — говорит Рональд Бьерл, молодой реэмигрант в Турцию. — Если вы можете создать для себя стабильное нормальное психическое состояние, вы не должны тревожиться о нормальном психическом состоянии других людей. И поэтому так много американцев, которые готовы побивать камнями душевнобольных»[23]. Многие разделяют столь неприятное мнение об американской действительности. Европейцы, японцы или русские еще самодовольны в своем душевном спокойствии, однако и их было бы неплохо спросить, не просматриваются ли и у них подобные симптомы. Уникальны ли американцы в этом отношении или они просто первыми пострадали от нового удара на психику, от которого вскоре закачаются и другие страны тоже?

Социальная рациональность предполагает наличие индивидуальной рациональности, а она, в свою очередь, зависит не только от определенного биологического (т. е. физического и душевного) снаряжения, но и от непрерыв-

ности, упорядоченности и регулярности окружающей среды. Это предполагает наличие определенной корреляции между темпом и сложностью происходящих изменений, с одной стороны, и способностью человека принимать решения, с другой. Увеличивая скорость изменений, уровень новизны и широту выбора, мы бездумно вмешиваемся в эти непременные экологические условия рациональности. Так мы приговариваем несчетные миллионы людей к воздействию шока будущего.

---

[1] Ограничения нервной системы обсуждаются в статье Curiosity and Exploration by D.E. Berlyne // Science, July 1, 1966, с. 26.

См. также важную статью Psychophysiological Response to the Mean Level of Environmental Stimulation: A Theory of Environmental Integration by Bruce L. Welch. Она опубликована в [32]. Уэлч определяет основной уровень возбуждения, который он назвал MLES (Mean Level Environmental Stimulation) и показал, как флуктуации от этого уровня могут вызывать явные психологические и поведенческие изменения в людях и животных.

Эффекты недовозбуждения исследовались в статье Adaptation of Small Groups to Extreme Environments by E.K. Eric Gunderson and Paul D. Nelson // Aerospace Medicine, December, 1963, с. 1114.

См. также:

Biographical Predictors of Performance in an Extreme Environment by E.K. Eric Gunderson and Paul D. Nelson // Journal of Psychology, 1965, № 61, с. 59—67.

Emotional Health in Extreme and Normal Environments by E.K. Eric Gunderson. Статья представлена на Международном конгрессе профессионального здоровья, Вена, 19—24 сентября 1966 г.

Performance Evaluations of Antarctic Volunteers by E.K. Eric Gunderson, Report № 64—19, US Navy Medical Neuropsychiatric Research Unit, San Diego, Calif.

[2] Случай с солдатом Чиндитом описан в Daily Telegraph (London), August 30, 1966.

[3] Исследование, проведенное в Нормандии, опубликовано в статье Combat Neurosis. Development of Combat Exhaustion by R.L. Swank and E. Marchand // Archives of Neurology and Psychiatry, LV, 236; 1946. Более раннее сообщение можно найти в статье Chronic Symptomatology of Combat Neurosis by R.L. Swank and B. Cohen, War Medicine, VIII, 143; 1945.

[4] На Свенка ссылаются в: [25], с. 38–39.

[5] Бедствие в г. Вако описано в: [23], с. 311.

[6] Случай в г. Удол рассмотрен в: [16]. Для более общего изучения поведения во время стихийного бедствия см.: [54].

[7] О культурном шоке см.: Personality Determinants and Assessment by Sven Lundstedt // Journal of Social Issues, July, 1963, с. 3.

[8] Эксперименты на потерю чувствительности описываются в статье Sensory and Perceptual Deprivation by Thomas I. Myers [32].

См. также:

Effects of Experiental Deprivation Upon Behavior in Animals by John L. Fuller. Статья представлена на Третьем всемирном конгрессе психиатров, Монреаль, 1961. Более короткую версию можно найти в [31].

Emotional Symptoms in Extremely Isolated Groups by E.K. Eric Gunderson // Archives of General Psychiatry, October, 1963, с. 362–368.

Summary of Research in Sensory Deprivation and Social Isolation by Howard H. McFann, NATO Symposium on Defense Psychology, August, 1961.

[9] Скорость нейронной реакции описывается в статье Biological Models and Empirical Histories of the Growth of Organizations by Mason Haire, [37], с. 375, а также в [279], с. 107.

[10] Понятное введение в теорию информации можно найти в статье Coping with Administrators' Information Overload by James G. Miller // Mental Health Research Institute, University of Michigan. Статья представлена в The First Institute on Medical School Administration, Association of American Medical Colleges in Atlanta, Georgia, October, 1963.

[11] Ограничения способности обработки информации у людей обсуждаются в: [22], с. 41–42.

[12] Нарушение исполнительности работника описано в: [6], с. 47–53.

См. также:

Automation: Some underlying Psychological Processes by E.D. Poulton // Transactions (Journal of the Association of Industrial Medical Officers), 15 (3), с. 96–99, 1965.

О ментальных, а не физических ограничениях упоминается в статье Components of Skilled Performance by Michael I. Posner// Science, June 24, 1966, с. 1712–1718.

[13] Информационное насыщение обсуждается в статье A Theoretical Review of Individual and Group Psychological Reactions to Stress by James G. Miller, [14], с. 14.

[14] Возможная взаимосвязь перегрузки с ментальными болезнями исследована в Disorders of Communication, vol. XLII, Research Publications, Association for Research in Nervous and Mental Disease, 1964, с. 98–99.

См. также:

Schizophrenic-like Responses in Normal Subjects Under Time Pressure by G. Usdansky and L.J. Chapman // Journal of Abnormal and Social Psychology, 60, 1960, с. 143–146.

[15] Цитата Гросса из его статьи The State of the Nation: Social Systems Accounting, [313], с. 250.

[16] Время реакции обсуждается в: Information Processing in the Nervous System by D.E. Broadbent // Science, October 22, 1965, с. 460.

[17] Для серьезного обсуждения режимов организационного отклика на условия перегрузки см.: Information Input Overload: Features of Growth in Communications-Oriented Institutions by Richard L. Meier, [41], с. 233–273.

См. также:

Some Sociological Aspects of Message Load by Lindsey Churchill, [41], с. 274–284.

Стратегии отрицания, специализации, реверсии и сверхупрощения — аналоги некоторых близких к организационным реакций, обсуждавшихся в этих статьях.

[18] Насилие как реакция на стресс обсуждается в статье Violence and Man's Struggle to Adapt by Marshall F. Gilula and David N. Daniels // Science, April 25, 1969, с. 404.

[19] Парадоксальная фаза описывается в: [25], с. 30–32, 44.

[20] Japan Times, July 3, 1966.

[21] История о критских троглодитах рассказана в Crete: A Stop in the New Odyssey by Thomas Thompson // Life, July 19, 1968, с. 23.

[22] Аналог нервного расстройства взят из Has This Country Gone Mad? by Daniel P. Moynihan // Saturday Evening Post, May 4, 1968, с. 13.

[23] Высказывание Бьерла взято из истории, рассказанной Томпсоном в Life, July 19, 1968, с. 28.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Глава 17

КАК СПРАВИТЬСЯ С ЗАВТРА

В голубых просторах южной части Тихого океана, прямо к северу от Новой Гвинеи находится остров Ману, где, как знает каждый первокурсник антропологического факультета, в XX в. в пределах жизни одного поколения возникла популяция каменного века[1]. Маргарет Мид в книге «Новое живет в старом» рассказывает историю этой, кажущейся чудом, культурной адаптации и утверждает, что первобытным людям намного труднее принять несколько разрозненных осколков западной технологической культуры, чем сразу принять новый способ жизни целиком.

«Любая человеческая культура, как и любой язык, это нечто целостное, — пишет она, — и если «индивидуумы или группы людей должны измениться... самое главное, чтобы они менялись от одного целостного образца к другому».

В этом есть смысл, так как ясно, что напряженность возникает из-за несоответствия культурных элементов. Вводить людей в жизнь города без канализации, без противомалярийных препаратов, без контроля за рождаемостью означает отбросить культуру и подвергнуть ее представителей мучительным, часто неразрешимым проблемам.

Но это только часть истории, потому что существует предел новизны, который любой индивидуум или группа могут усвоить за короткий отрезок времени, вне зависимости от того, насколько хорошо интегрированным может быть целое. Никого — ни жителя Ману, ни москвича — нельзя безболезненно вытолкнуть выше его адаптивного уровня —

его будет мучить тревога, он будет дезориентирован. Более того, обобщать опыт маленькой популяции Южного моря опасно.

На счастливую историю Ману (рассказанную и пересказанную, как современная народная сказка, часто ссылаются как на свидетельство того, что мы в своих высокотехнологичных странах также способны совершить скачок на новую стадию развития без лишних неудобств. Однако наша ситуация — мы устремляемся в сверхиндустриальную эру — радикальным образом отличается от ситуации островитян.

Мы не в состоянии, как они, импортировать оптом интегрированную, хорошо сформированную культуру, созревшую и испытанную в другой части света. Мы должны изобрести сверхиндустриализм, а не импортировать его. В следующие 30 или 40 лет мы должны ожидать не одну волну перемен, а ряд сильных ударов и потрясений. Части нового общества не будут аккуратно подгоняться друг к другу, наоборот, нас ожидают разрыв связей и слепящие противоречия. У нас нет «целостного паттерна» для адаптации.

Еще важнее то, что скорость перемен настолько возросла, темп настолько форсированный, что мы попадаем в исторически беспрецедентную ситуацию. Нас просят адаптироваться не к одной новой культуре, как жителей Ману, а к слепящей последовательности новых преходящих культур. Вот почему мы, может быть, приближаемся к верхней границе пределов адаптации. Ни одно из предшествующих поколений не сталкивалось с таким испытанием.

Поэтому только теперь, на нашем веку, и только в технологических обществах выкристаллизовалась потенциальная возможность массового шока будущего.

Однако сказать подобное — значит создать серьезное недоразумение. Во-первых, многие авторы, обращающие внимание на социальные проблемы, рискуют усилить и без того глубокий пессимизм, которым охвачены технологические общества. Снисходительное к себе отчаяние сегодня — чрезвычайно ходкий литературный товар. Однако отчаяние не просто прибежище безответственности, оно неоправданно.

Источником большинства осаждающих нас проблем, в том числе шока будущего, являются не неумолимые силы природы, а созданные человеком процессы, которые, по крайней мере потенциально, подвластны нашему контролю.

Кроме того, существует опасность, что те, кто высоко ценит статус-кво, могут использовать концепцию шока будущего как оправдание, чтобы добиться моратория на перемены. Любая попытка подавить перемены не только потерпит неудачу и повлечет за собой еще большие, более кровавые, неуправляемые и невиданные изменения, но будет нравственным безумием. По любым человеческим нормам определенные социальные изменения уже отчаянно запаздывают. Ответ на шок будущего не в неизменности, а в изменениях иного вида.

Единственный способ сохранить какое-то подобие равновесия в ходе сверхиндустриальной революции — ответить изобретением на изобретение: создать новые личные и социальные механизмы, регулирующие изменения. Следовательно, нам нужно не слепое принятие или слепое сопротивление, а множество творческих стратегий, чтобы избирательно формировать, отклонять, ускорять или замедлять изменение. Индивидууму нужны новые принципы, чтобы задавать темп своей жизни и планировать ее вместе с кардинально новой формой образования. Ему также могут понадобиться специальные новые технологические помощники, чтобы повысить его адаптивность. В то же время обществу нужны новые институты и организационные формы, новые буфера и регуляторы равновесия.

Все это, конечно, подразумевает еще большее изменение — изменение изначально созданной модели, которое сможет обуздать ускоряющийся рывок, управлять им и задавать ему темп. Это нелегко будет сделать. Быстро продвигаясь на социальную территорию, не нанесенную на карты, мы не имеем ни проверенных временем методов, ни планов. Поэтому мы должны экспериментировать с широким спектром мер, регулирующих изменения, изобретая и отвергая их по мере продвижения вперед. Именно в этом экспериментальном духе предлагаются следующие тактики и

стратегии, не как панацея, а как примеры новых подходов, которые необходимо испытать и оценить. Некоторые из них личностные, другие — технологические и социальные. Ведь борьба за то, чтобы направить изменения, должна происходить на всех уровнях одновременно.

Усвоив более ясное понимание проблемы и более разумный контроль над определенными ключевыми процессами, мы можем превратить кризис в возможность, помогая людям не просто выжить, но достичь вершины волн перемен, вырасти и получить новое ощущение господства над собственными судьбами.

СПОСОБНОСТЬ СПРАВЛЯТЬСЯ НАПРЯМУЮ

Мы можем начать свое сражение, чтобы предотвратить шок будущего, на личном уровне. Осознаем мы это или нет, но наше повседневное поведение в основном — это попытка отразить шок будущего. Мы используем разнообразные тактики, чтобы снизить уровни возбуждения, когда они угрожают поднять нас выше нашего адаптивного уровня. Однако по большей части эти техники используются бессознательно. Мы можем увеличить их эффективность, подняв их до сознательного уровня.

Например, мы можем периодически сосредоточиваться на самих себе, изучить собственные телесные и психологические реакции на изменения, на короткое время отключаясь от внешней среды, чтобы оценить свою внутреннюю среду. Речь идет не о манифестации субъективности, а о хладнокровном рассмотрении наших собственных качеств. По словам Ганса Селье, чья работа по стрессу открыла новые горизонты в биологии и психиатрии, индивидуум может «сознательно искать признаки перевозбуждения»[2].

Сердцебиение, тремор, бессонница или необъяснимая слабость вполне могут сигнализировать о перевозбуждении, точно так же как смятение, необычная раздражительность,

глубокая усталость и паническое ощущение, что все ускользает из-под контроля, являются психологическими показателями. Наблюдая за собой, оглядываясь на изменения в своем недавнем прошлом, мы можем определить, оперируем ли мы спокойно, в пределах своих адаптивных границ или наталкиваемся на их внешние рамки. Короче говоря, мы можем сознательно оценивать собственный жизненный темп.

Сделав это, мы можем начать сознательно влиять на него, ускоряя его или замедляя, сначала в отношении мелочей, микросреды, а затем в условиях более крупных, структурных паттернов опыта. Мы можем изучить наши собственные непреднамеренные реакции на перевозбуждение.

Мы используем дестимулирующую тактику, например, когда врываемся в спальню тинэйджера и выключаем стереосистему, которая бомбардирует наши барабанные перепонки невыносимыми прерывистыми звуками. Поистине мы с облегчением вздыхаем, когда уровень шума снижается. Мы ослабляем сенсорную бомбардировку и иными способами: опускаем жалюзи, создавая в комнате полумрак, отдыхаем в тишине на пустынной полосе пляжа. Мы можем включить кондиционер не столько для того, чтобы снизить температуру в комнате, сколько для того, чтобы заглушить непредсказуемые звуки с улицы равномерным, предсказуемым гудением.

Мы закрываем двери, надеваем темные очки, избегаем зловонных мест и шарахаемся в сторону от действующих на нас странных внешних впечатлений, когда хотим уменьшить количество новой сенсорной информации. Точно так же, как мы предпочитаем знакомую дорогу домой с работы, а не сворачиваем за новый угол, мы выбираем сенсорную неновизну. Короче говоря, мы используем «сенсорную защиту» — тысячи тонких поведенческих уловок, чтобы «выключать» сенсорные стимулы, когда они приближаются к нашему верхнему адаптивному пределу.

Мы используем подобные тактики, чтобы контролировать уровень когнитивного возбуждения. Даже лучшие ученики периодически устремляют взгляд за окно, блокируя

учителя, закрываясь таким образом от потока новых данных. Даже у ненасытных читателей бывает период, когда им невыносимо взять в руки книгу или журнал.

Почему на многолюдной вечеринке в доме приятеля одна гостья отказывается учиться играть в новую карточную игру, хотя другие уговаривают ее? Здесь играет роль множество факторов: самооценка индивидуума, боязнь показаться глупой и тому подобное. Но одним из незамечаемых факторов, обусловливающих нежелание, может быть общий уровень когнитивного возбуждения индивидуума в данный момент. «Не надоедайте мне новой информацией» — эту фразу обычно произносят шутливо. Но шутка часто маскирует реальное желание избежать слишком сильного давления новой информации.

Это отчасти объясняет наш специфический выбор развлечений — чтение, фильмы, телепередачи в часы досуга. Иногда мы стремимся к высокому коэффициенту новизны, богатому потоку информации. В другие моменты мы активно сопротивляемся когнитивному возбуждению и тянемся к «легким» развлечениям. Например, типичный детективный рассказ непредсказуем — кто-это-сделал? — в пределах тщательно структурированной обрядовой рамки, набора не новых, а, следовательно, легко предсказуемых отношений. Таким способом мы используем развлечение для повышения или снижения возбуждения, как регулятор эмоционального темпа, приводя его в соответствие с нашими возможностями.

Используя такие тактики более сознательно, мы можем «тонко настраивать» свою микросреду. Мы также можем отсечь нежелательное возбуждение, чтобы облегчить свое когнитивное бремя. «Стремление помнить слишком много вещей, конечно, один из главных источников психологического стресса, — пишет Селье. — Я совершаю сознательное усилие, чтобы немедленно забыть все, что не важно, и кратко записать данные, возможно, представляющие ценность... Эта техника может помочь каждому добиться величайшей простоты, совместимой со степенью сложности его интеллектуальной жизни».

Мы также действуем, чтобы регулировать поток решений. Мы откладываем решения или делегируем их другим, когда страдаем от чрезмерного груза решений. Иногда наша способность принимать решения бывает просто парализована. Я видел, как женщина-социолог, только что вернувшаяся с многолюдной, весьма напряженной конференции, сидела в ресторане и была абсолютно не в состоянии сделать заказ. «Чего бы тебе хотелось?» — спрашивал ее муж. «Реши за меня», — отвечала она. Когда ее попросили выбрать между специфическими альтернативами, она все равно эксплицитно отказалась, сердито настаивая на том, что ей не хватает «энергии» принять решение.

Такими методами мы пытаемся, насколько возможно, регулировать поток сенсорного, когнитивного и связанного с принятием решений возбуждения, стремясь каким-то сложным и пока неизвестным способом уравновесить их между собой. Но есть и более надежный способ справиться с угрозой перевозбуждения — контролировать норму быстротечности, новизны и разнообразия в нашем окружении.

ЗОНЫ ЛИЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

На уровень текучести нашей жизни могут влиять, например, сознательно принятые решения. Мы можем уменьшить изменение и возбуждение, сознательно поддерживать длительные отношения с различными элементами нашей физической среды. Так, мы можем не приобретать выбрасываемые на рынок продукты. Мы можем еще один сезон цепляться за старую куртку; можем упорно отказываться следовать последнему течению в моде; мы можем сопротивляться, когда торговец уговаривает нас сменить автомобиль. Таким образом мы уменьшаем потребность устанавливать и разрывать связи с окружающими нас физическими объектами.

Мы можем применять ту же тактику по отношению к людям и другим параметрам опыта. Бывают времена, когда

даже самый общительный человек чувствует себя неконтактным и отказывается от приглашений на вечеринки и другие мероприятия, которые требуют социального взаимодействия. Мы сознательно избегаем контактов. Мы можем свести к минимуму поездки. Мы можем сопротивляться бессмысленным реорганизациям в своей компании, приходе, братстве или общине. Принимая важные решения, мы можем сознательно взвешивать скрытые издержки перемен, сравнивая их с выгодами.

Однако это не значит, что перемены можно или нужно остановить. Нет ничего менее разумного, чем рекомендация герцога Кембриджа, который, как говорят, безответственно заявил: «Любое изменение в любое время по любой причине не следует одобрять». Теория адаптивных пределов предполагает, что, несмотря на физические издержки, некоторый уровень изменения так же жизненно важен для здоровья, как вредно слишком большое изменение.

Некоторые люди по до сих пор неясным причинам настроены на гораздо более высокий уровень раздражителей, чем другие. Кажется, что они страстно жаждут изменений, даже когда другие отшатываются от них. Новый дом, новая машина, еще одна поездка, еще один кризис с работой, больше гостей в доме, выходов, финансовых авантюр и неудач — кажется, что они принимают все это и еще многое без очевидных болезненных последствий.

Однако пристальный анализ таких людей часто выявляет то, что можно было бы назвать «зонами стабильности» в их жизни — определенные длительные отношения, которые тщательно поддерживаются, несмотря на все виды иных изменений.

Один мой знакомый прошел через ряд любовных историй, развод и новый брак за очень короткий отрезок времени. Он преуспевает в переменах, наслаждается путешествиями, новыми блюдами, новыми идеями, новыми фильмами, пьесами и книгами. Он обладает высоким интеллектом и низким «порогом надоедливости», его раздражают традиции, он неустанно стремится к новизне. На первый взгляд, он ходячий образец изменчивости.

Однако пристальный взгляд обнаружит, что он десять лет работает на одной и той же работе. Он ездит на потрепанном автомобиле, которому семь лет, носит одежду, давно вышедшую из моды. Его ближайшие друзья — это коллеги, с которыми он связан уже долгое время, и несколько старых приятелей еще по колледжу.

Другой случай: человек меняет места работы со скоростью, не укладывающейся в уме, перевозит свою семью с места на место 13 раз за 18 лет, очень много путешествует, берет машины напрокат, пользуется товарами, купленными на распродажах, гордится тем, что убедил соседей испробовать новые приспособления; кажется, он живет в беспокойном вихре новизны и разнообразия. Однако снова пристальный взгляд обнаружит в его жизни значимые зоны стабильности: хорошие, прочные отношения с женой в течение 19 лет, постоянные связи с родителями, старыми друзьями по колледжу, отношения с новыми людьми на уровне «знакомств».

Другой формой зоны стабильности является привычный образец, который постоянно остается с человеком, вне зависимости от того, каким другим изменениям подвергается его жизнь. Профессор, переезжавший с места на место семь раз за десять лет, постоянно ездящий в Соединенные Штаты, Южную Америку, Европу и Африку, то и дело меняющий работу, придерживается одного и того же режима дня, где бы ни оказался. Он читает с восьми до девяти утра, в обеденное время тратит 45 минут на физические упражнения, а затем урывает полчаса сна до работы, которой занимается до десяти вечера.

Поэтому проблема не в том, чтобы сдерживать изменение — это сделать невозможно, — а в том, чтобы управлять им. Выбирая быстрое изменение в определенных секторах жизни, можно сознательно устраивать зоны стабильности в других местах. Наверное, сразу после развода не следует менять работу. Поскольку рождение ребенка изменяет все человеческие связи внутри семьи, вероятно, не нужно сразу же менять место жительства, постольку это влечет за собой огромную реорганизацию человеческих связей за предела-

ми семьи. Недавно овдовевшей женщине, наверное, не следует тотчас продавать свой дом.

Однако чтобы создать действующие зоны стабильности, изменить более широкие паттерны жизни, нам нужны гораздо более мощные инструменты. Прежде всего нам нужна радикально новая ориентация на будущее.

В конечном счете, чтобы управлять изменением, мы должны принять его. Однако идее, что личное будущее до некоторой степени можно принять, противостоит стойкое человеческое предубеждение. В глубине души многие люди верят, что будущее — это неизвестность. Тем не менее правда в том, что мы *можем* навязывать возможности переменам, которые хранятся для нас про запас, особенно определенным крупным структурным изменениям, и есть способы использовать наши знания в создании личных зон стабильности.

Например, мы можем с определенностью предсказать, что, если преждевременная смерть не оборвет нашу жизнь, мы станем старше; наши дети, наши родственники и друзья тоже станут старше; с определенного момента наше здоровье начнет ухудшаться. Результат такого простого умозаключения очевиден: мы способны в значительной мере делать прогнозы относительно своей жизни на год, пять или десять лет, предвидеть изменения, которые с нами произойдут в этот промежуток времени.

Мало индивидуумов и семей систематически планируют будущее. Когда строятся планы, они обычно связаны с бюджетом. Однако мы можем так же, как предсказываем денежные траты, предсказывать свой расход времени и эмоций. Таким образом можно приоткрыть наше будущее и оценить общий уровень перемен, ждущих впереди, периодически составляя «Прогноз времени и эмоций». Это попытка оценить процент времени и энергии, вкладываемых в различные важные аспекты жизни, и увидеть, как этот процент может измениться с годами.

Можно, например, записать в столбик названия тех секторов жизни, которые кажутся нам наиболее важными: здоровье, профессия, досуг, супружеские отношения, отношения

с родителями, сыновьями или дочерьми и т. д. Затем можно записать в каждой строке «предположительную оценку» времени, которое мы в настоящее время уделяем каждому данному сектору. В качестве иллюстрации: работа с девяти до пяти, получасовая дорога и обычные отпуска и праздники. Человек, применив этот метод, выяснит, что тратит на работу примерно 25% своего времени. Можно также, хотя это, конечно, намного труднее, сделать субъективную оценку процента своей эмоциональной энергии, вкладываемой в работу. Если работа скучная и спокойная, он вкладывает в нее немного, то производить корреляцию между потраченным временем и эмоциями не нужно.

Если он выполнит такое упражнение для каждого значимого сектора своей жизни, заставит себя написать проценты, даже используя самую приблизительную оценку, и суммирует цифры, чтобы удостовериться, что они не превышают 100%, он будет вознагражден — он проникнет в суть удивительных вещей. Ведь способ, каким он распределяет свое время и эмоциональную энергию, — это непосредственный ключ к его системе ценностей и его личности.

Однако расплата за участие в данном процессе по-настоящему начинается, когда он мысленно переносится вперед, честно и подробно спрашивая себя, как его работа, брак, отношения с детьми и родителями будут развиваться в предстоящие годы.

Если, например, он сорокалетний средний менеджер с двумя сыновьями-подростками, еще живы двое его родителей или родители жены, а у него самого начинается дуоденальная язва, он может предположить, что лет через пять его мальчики поступят в колледж или будут жить отдельно. Время, уделяемое родительским заботам, вероятно, уменьшится. Следовательно, уменьшится эмоциональная энергия, которой требует его родительская роль. Поскольку его собственные родители и родители жены станут старше, вероятно, что его сыновние обязанности увеличатся. Если они заболеют, ему, возможно, придется посвящать больше времени и сил уходу за ними. Если статистически вероятно, что в изучаемый период они умрут, ему нужно смотреть в

лицо этому факту. Он говорит, что может ожидать крупного изменения своих обязательств. В то же время его собственное здоровье нисколько не улучшится. Таким же образом он может осмелиться сделать некоторые предположения о своей работе — шансы на повышение, вероятности реорганизации, переподготовки и т. п.

Все это трудно и не дает «знания будущего». Это скорее помогает ему сделать эксплицитными некоторые из его предположений относительно будущего. По мере того как он будет продвигаться вперед, заполняя прогноз на нынешний год, будущий год, пятый или десятый год, начнут появляться паттерны изменения. Он увидит, что в определенные годы нужно ожидать большего количества перемен и перераспределений, чем в другие. Одни годы более беспокойны, больше наполнены переменами, другие — меньше. Тогда он может на основании этих систематических допущений решить серьезные проблемы в настоящем.

Следует ли семье переезжать в будущем году или и без того будет достаточно суеты и перемен? Следует ли ему уходить с работы? Покупать новую машину? Ехать в дорогостоящий отпуск? Отправить пожилого тестя в дом для престарелых? Завести роман? Может ли он позволить себе нарушить семейные обязательства или переменить профессию? Следует ли ему пытаться сохранить неизменными определенные уровни обязательств? Эти техники — чрезвычайно грубые инструменты личного планирования. Может быть, психологи и социальные психологи разработают более точные инструменты, более чувствительные к различиям вероятности, тонкие, пробуждающие интуицию. Однако если нам нужны скорее ключи, чем определенность, даже такие примитивные методы могут помочь нам умерить или направить поток изменения в нашей жизни. Ведь помогая нам идентифицировать зоны быстрого изменения, они также помогают нам идентифицировать — или изобрести — зоны стабильности, образцы относительного постоянства в непреодолимом и непрерывном движении. Они уменьшают противоречия в стремлении человека управлять изменением.

Стремление подавить или ограничить изменение нельзя назвать чисто негативным процессом. Проблема для любого индивидуума, пытающегося справиться с быстрым изменением, в том, как удержаться в пределах границ адаптивности, а помимо этого, как найти ту совершенную оптимальную точку, в которой он живет с максимальной эффективностью. Д-р Джон Л. Фуллер, научный сотрудник Лаборатории Джексона, биомедицинского исследовательского центра в Бар Харборе, штат Мэн, проводит эксперименты по воздействию эмпирического лишения и перегрузки. «Некоторые люди, — говорит он, — достигают определенного чувства безмятежности даже среди суеты не потому, что они невосприимчивы к эмоциям, но потому, что они нашли способы воспринимать только «правильное» количество изменений в своей жизни»[3]. Стремление к этому оптимуму может быть тем, с чем соотносится понятие «погоня за счастьем».

На время пойманные в ловушку ограниченной нервной и эндокринной системой, данной нам эволюцией, мы должны разработать новые тактики, помогающие нам регулировать возбуждение, которому мы подвергаемся.

СИТУАТИВНОЕ ГРУППИРОВАНИЕ

Сложность в том, что такие личные тактики с каждым днем становятся все менее эффективными. Поскольку скорость изменения нарастает, индивидуумам становится труднее создавать необходимые им зоны личной стабильности. Издержки перемен увеличиваются.

Мы можем оставаться в старом доме — только чтобы увидеть, как изменилась округа. Мы можем сохранить старую машину — только чтобы убедиться, что счета за ремонт растут за пределы разумного. Мы можем отказаться переезжать в новое место — только в результате лишимся работы. В течение некоторого времени остаются меры, которые мы

можем принять, чтобы ослабить воздействие изменений на нашу личную жизнь, реальная проблема находится вне нас.

Чтобы создать среду, в которой изменение вносит разнообразие в жизнь индивидуума и обогащает, а не подавляет его, мы должны использовать не только личные тактики, но и социальные стратегии. Если нам нужно провести людей через период ускорения, мы должны сейчас начать встраивать «абсорбционные колонны шока будущего» в саму фабрику сверхиндустриального общества. А это требует нового подхода к проблеме изменчивости и неизменности нашей жизни. Это требует даже совсем иного способа классификации людей.

Сегодня мы делим людей на категории не в соответствии с изменениями, которые происходят с ними в настоящий момент, а в соответствии с их статусом и положением между изменениями. Мы рассматриваем члена профсоюза как человека, который вступил в союз и еще не вышел. Фокус внимания направлен не на вступление или выход, а на «неизменную» ситуацию между ними. Получатель социального пособия, студент колледжа, член методистской церкви — все это состояние человека, так сказать, между изменениями.

Однако есть принципиально иной способ смотреть на людей. Например, «тот, кто переезжает на новое место жительства», это классификация, под которую каждый день подпадают 100 тыс. американцев, однако о них редко думают как о группе[4]. Классификации «тот, кто меняет работу», или «тот, кто входит в церковь», или «тот, кто разводится» — все основаны на временных, преходящих состояниях, а не на длительных состояниях между переходами.

Внезапный перенос фокуса с размышлений о том, кем люди «являются», на размышления о том, кем они «становятся», предполагает огромное множество новых подходов к адаптации.

Один из самых образных и самых простых подходов предложил д-р Герберт Герджой, штатный психолог Исследовательской организации ресурсов человека. Он называет его «ситуативным группированием»; как многие хорошие

идеи, этот подход, очевидно, плодотворен, хотя он никогда не применялся систематически. Ситуативные группы вполне могут стать одной из ключевых социальных служб в будущем.

Д-р Герджой утверждает, что для людей, которые проходят в одно и то же время через похожие жизненные изменения, следует создать временные организации — «ситуативные группы». Такие ситуативные группы, заявляет Герджой, нужны семьям, которые переезжают на новое место жительства, мужчинам и женщинам, собирающимся развестись, людям, которым предстоит потеря родителя или супруга, тем, кто ждет рождения ребенка, мужчинам, готовящимся к переквалификации, семьям, только что переехавшим в сообщество, тем, кто готовится к браку последнего ребенка, тем, кто скоро уходит на пенсию, — иными словами, всем, кому предстоит важная жизненная перемена.

«Членство в группе, конечно, временное, только для того, чтобы помочь человеку в трудностях перехода. Некоторые группы могли бы встречаться несколько месяцев, другим, вероятно, достаточно провести одну встречу».

Собирая вместе людей, которые переживают или которым предстоит пережить одинаковый адаптивный опыт, утверждает он, мы помогаем им тем, что даем им необходимые знания. «Человек, которому нужно адаптироваться к новой жизненной ситуации, теряет некоторые основы своей самооценки. Он начинает сомневаться в собственных способностях. Если мы объединяем его с людьми, проходящими через те же переживания, с теми, с кем он может идентифицироваться и кого он может уважать, мы вселяем в него уверенность. Членов группы объединяет чувство идентичности. Они видят свои проблемы более объективно. Они обмениваются полезными соображениями и прогнозами. Что самое важное, они предлагают друг другу будущие альтернативы».

Этот акцент на будущем, говорит Герджой, имеет решающее значение. В отличие от сеансов групповой терапии цель встреч ситуативных групп — не распутывание прошлого и погружение в него, не самораскрытие, а обсуждение лич-

ных задач и планирование практических стратегий в новой жизненной ситуации. Члены могли бы смотреть фильмы о группах, борющихся с аналогичными проблемами, они могли бы слушать тех, у кого уже есть определенный опыт. Короче говоря, им дается возможность объединить в общий фонд свой личный опыт еще до момента перемен.

По существу, в этом подходе нет ничего нового. Даже сейчас некоторые организации основаны на ситуативных принципах. Группа волонтеров Корпуса мира, готовящихся выполнить свою миссию за границей, фактически такая же ситуативная группировка, как курсы для беременных и молодых матерей. Во многих американских городах есть Клубы новоселов, которые приглашают новых жителей на обеды и другие встречи, позволяющие им общаться с другими недавно прибывшими и сравнить проблемы и планы. Может быть, стоило бы создать также «Клуб уезжающих». Новое в этом то, что в обществе систематически возникают соты подобных «курсов, обучающих справляться»[5].

КРИЗИСНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Не всякая помощь индивидууму может или обязательно должна исходить от групп. Во многих случаях человеку, на которого давят перемены, во время кризиса адаптации больше всего нужна индивидуальная консультация. На жаргоне психиатров «кризисом» называется любой значительный переход. Это приблизительный синоним «крупной жизненной перемены».

Сегодня люди в кризисе перехода обращаются к разнообразным специалистам — врачам, консультантам по проблемам брака, психиатрам, специалистам в области профессий и другим, чтобы получить совет именно для себя. Однако для многих видов кризиса подходящих специалистов не существует. Кто поможет семье или индивидууму, столкнувшимся с необходимостью переехать в новый город

в третий раз за пять лет? Кто поможет лидеру, которого бросает вверх-вниз перестройка его или ее клуба или организации сообщества? Кто поможет секретарю, которого отправили работать в машинописное бюро?

Такие люди не больны. Им не нужен психиатр, им не нужно его внимание, им нужны совершенно иные консультанты.

Сегодня для множества жизненных переходов нет никакой рекомендательной помощи, а в будущем вторжение новизны столкнет индивидуумов с абсолютно новыми видами личных кризисов. Гетерогенность общества стремительно увеличивается, и разнообразие проблем будет нарастать. В медленно меняющихся обществах типы кризисов, которые испытывают индивидуумы, более единообразны, и источники специализированных советов легче идентифицировать. Человек, застигнутый кризисом, идет к своему священнику, своему знахарю или местному начальнику. Сегодняшние персонализированные консультационные службы в высокотехнологичных странах стали настолько специализированными, что в результате у нас появились советчики второго уровня, которые только дают человеку совет, куда пойти за советом.

Эти справочные службы — дополнительная бюрократическая прослойка, задерживающая помощь, в которой нуждается индивид. Поэтому нередко помощь приходит с запозданием, когда он, возможно, уже принял критическое решение — и совершил ошибку. До тех пор пока мы считаем, что совет всегда должен исходить от специалистов-профессионалов, мы можем предвидеть еще бóльшие трудности. Пока специализация основывается на том, чем люди «являются», а не на том, чем они «становятся», она вообще упускает из виду многие реальные адаптивные проблемы. Традиционные системы социальных служб не отвечают современным требованиям.

Системе ситуативного группирования необходимо дополнение — консультативный аппарат, где полный рабочий день заняты не только профессиональные советчики, но и непрофессиональные эксперты. Мы должны признать:

чтобы быть специалистом по какому-либо типу кризиса, не обязательно иметь формальное образование, порой опыт личного переживания может быть полезнее.

Чтобы помочь многомиллионному потоку людей в трудных переходах, с которыми они, по-видимому, столкнутся, мы будем вынуждены «назначить» огромное количество непрофессионалов — бизнесменов, студентов, учителей, рабочих и других — на должность «кризисных консультантов». Завтрашние консультанты — не представители таких традиционных дисциплин, как психология или медицина, а специалисты по кризисным ситуациям: перемена места жительства, продвижение по службе, развод или субкультурные проблемы. Вооруженные собственным недавним опытом, работающие как волонтеры или за минимальную плату, они выделят часть своего времени, чтобы слушать других непрофессионалов, говорящих о своих проблемах, опасениях и планах. Взамен они получат помощь, необходимую для их собственного адаптивного развития, от других.

В том, что люди ищут совета друг у друга, нет ничего нового. Новое — это наша способность, используя компьютеризованные системы, быстро собирать ситуативные группы, соединять индивидуумов с консультантами и делать то и другое со значительным соблюдением права на личную тайну и анонимность[6].

Сегодня «слушающие» и «заботящиеся» службы уже распространяются повсеместно. В Дэйвенпорте, Айова, одинокие люди могут набрать телефонный номер и их соединят со «слушателем» — человеком из постоянно меняющегося штата волонтеров, которые находятся у телефона 24 часа в сутки. Программа, начало которой положила местная комиссия по делам престарелых, подобна службе «Кольцо заботы» в Нью-Йорке. Служащие «Кольца заботы» за абонентную плату дважды в день в назначенное время звонят своим подопечным. Абонент предоставляет службе данные своего врача, соседа, управляющего домом и близкого родственника. В случае, если на звонок нет ответа, служба спустя полчаса делает еще одну попытку. Если ответа попрежнему нет, извещают врача и на место отправляют мед-

сестру. Службы «Кольца заботы» сейчас обретают права в других городах. В обеих этих службах мы видим прообразы кризисной консультативной системы будущего.

При такой системе предоставление и получение совета становится не «социальной услугой» в обычном, бюрократическом, безличном смысле, но в высшей степени адресной поддержкой, которая не только помогает индивидуумам справиться с переменами в их собственной жизни, но и связывает все общество в своего рода «сети любви» — интегрирующейся системе, основанной на принципе «Ты нужен мне настолько же, насколько я нужен тебе». Ситуативные группы и кризисное консультирование от человека к человеку, по всей вероятности, станут значимой частью жизни каждого по мере того продвижения к неопределенному будущему.

ДОМА НА ПОЛПУТИ

«Абсорбционной колонной шока будущего» совсем другого типа является «дом на полпути», идея, которая уже используется прогрессивными тюремными властями, чтобы облегчить возвращение преступника в нормальную жизнь. По словам криминолога Дэниела Глейзера, отличительным признаком коррективных учреждений будущего станет идея «постепенного освобождения»[7].

Раньше после монотонной, жестко регламентированной жизни тюрьмы человек без всякой подготовки оказывался в открытом обществе. Теперь его сначала переводят в промежуточное учреждение: днем он работает в общине, а на ночь возвращается в пенитенциарное учреждение. Постепенно ограничения снимаются, пока он полностью не приспосабливается к внешнему миру. Тот же принцип используется различными психиатрическими учреждениями.

Вероятно, если использовать этот принцип «дома на полпути», можно значительно смягчить проблемы сельских

жителей, внезапно перемещенных в городские центры, облегчить им вхождение в новый образ жизни. По этой теории, городам нужно облегчить прием, т. е. на некоторое время создать условия «полпути» между сельским обществом, которое покинули мигранты, и городским обществом, в которое они стремятся проникнуть[8]. Если бы вместо того чтобы обращаться с ними как с мигрантами, которых город вынужден принять, и предоставить им самим найти собственный путь, их бы сначала «акклиматизировали», они адаптировались бы намного успешнее.

Подобная идея — фильтрование через специалистов, которые сами обеспокоены «незаконным заселением земель» в крупных городах — существует и в технологически слаборазвитом мире. Вокруг Хартума в Судане тысячи бывших кочевников образовали концентрические круги поселений. В наиболее удаленных от города поселениях люди живут в палатках, весьма похожих на те, в которых они жили раньше. Следующая группа живет в глинобитных хижинах с палаточным верхом. Те, кто еще ближе к городу, устроились в глинобитных хижинах с жестяными крышами.

Когда полицейские отправились сносить палатки, городской планировщик Константинос Доксиадис порекомендовал *не* разрушать их, а предоставить жителям определенные муниципальные услуги. Он предложил рассматривать концентрические поселения их как огромный обучающий механизм, через который проходят индивидуумы и семьи, шаг за шагом вступая в урбанизированное общество[9].

Однако применение этого принципа не нужно ограничивать бедными, сумасшедшими или преступниками. Идея «вписаться» в перемены контролируемыми, градуированными этапами, а не резкими переходами, имеет решающее значение для любого общества, которое хочет справиться с быстрым социальным или технологическим смещением. Например, ветерана можно было бы освобождать от службы поэтапно. Студент из сельской местности мог бы до поступления в крупный городской университет провести несколько недель в колледже в городе средней величины. Пациенту, который провел в больнице долгое время, мож-

но было бы до выписки разрешить раз или два побывать дома.

Мы уже экспериментируем с этими стратегиями, но возможны и другие. Например, уход на пенсию не должен быть резкой, разрушающей эго переменой — все или ничего, какой она является сейчас для многих мужчин. Нет никаких причин, по которым нельзя это сделать постепенно. Призыв на военную службу, обычно резко и почти насильно разлучающий молодых людей с их семьями, можно проводить поэтапно. Легальную сепарацию, которая предположительно выполняет роль «дома на полпути» при разводе, можно было бы сделать юридически менее сложной и психологически менее дорогостоящей. Пробный брак следовало бы поощрять, а не порочить. Короче говоря, в любом случае возможна поэтапная смена статуса.

АНКЛАВЫ ПРОШЛОГО

Ни одно общество, мчащееся навстречу грядущим бурным десятилетиям, не сможет обойтись без специализированных центров, в которых темп перемен искусственно сдерживается. Иначе говоря, нам понадобятся анклавы прошлого, в которых реорганизация, новизна и выбор намеренно ограничиваются.

Это могут быть сообщества, где история частично заморожена, как в поселках менонитов в Пенсильвании, или места, где искусно моделируют прошлое, подобные Уильямсбургу, Виргиния, или Мистику, Коннектикут. Однако в отличие от Уильямсбурга и Мистика, через которые поток посетителей течет в постоянном и быстром темпе, анклавы завтрашнего дня должны быть местами, где люди, столкнувшиеся с шоком будущего, по желанию могут скрываться от перемен неделями, месяцами и даже годами.

В таких сообществах люди смогут сохранить размеренное и спокойное существование, которое им необходимо.

Сообщества должны быть сознательно изолированы, избирательно отрезаны от окружающего общества. Следует ограничить автотранспорт. Газеты должны быть еженедельными, а не ежедневными. Если вообще стоит сохранять радио- и телевещание, то оно должно вестись не круглосуточно, а лишь несколько часов. На уровне, максимально эффективном, какой могут позволить передовые технологии, должны поддерживаться только специальные экстренные службы, например медицинская помощь.

Такие сообщества не следует высмеивать, их нужно субсидировать как форму психического и социального страхования. Во времена чрезвычайно быстрых перемен более широкое общество, весьма вероятно, может совершить непоправимую, катастрофическую ошибку. Представьте себе, например, широкое проникновение пищевой добавки, которая, как вдруг оказывается, обладает действием талидамида. Можно представить себе несчастные случаи стерилизации или даже гибели всего населения.

Распространяя анклавы прошлого, так сказать, живые музеи, мы увеличиваем шансы, что будет тот, кто в случае массового бедствия соберет осколки. Такие сообщества могли бы также служить экспериментальными обучающими механизмами. Так, дети из внешнего мира могли бы провести несколько месяцев в смоделированной феодальной деревне, живя и действительно работая так, как дети столетия тому назад. Можно было бы сделать так, чтобы подростки в течение некоторого времени жили в типичном раннеиндустриальном сообществе и действительно работали там на мельнице или фабрике. Такое живое образование дало бы им историческое видение, какого не может дать ни одна книга. В этих сообществах мужчины и женщины, которым хочется более размеренной жизни, могли бы действительно сделать карьеру, «будучи» Шекспиром, или Беном Франклином, или Наполеоном — не просто исполняя их роли на сцене, но живя, обедая, отдыхая, как их герои. Карьера «исторической модели» привлекла бы великое множество одаренных от природы актеров.

Короче говоря, каждому обществу понадобятся субобщества, членам которых поручено оставаться в стороне от

самых последних увлечений. Может быть, мы даже захотим платить людям за то, что они *не* пользуются самыми новыми товарами, не наслаждаются большинством автоматизированных и изощренных удобств.

АНКЛАВЫ БУДУЩЕГО

По той же модели, точно так же, как мы создаем для людей возможность жить в более медленном темпе прошлого, мы должны создать для индивидуумов и возможность заранее испытать аспекты их будущего. Значит, нам придется создавать и анклавы будущего.

В каком-то смысле мы это уже делаем. Астронавтов, летчиков и других специалистов часто тренируют, помещая их в тщательно смоделированную ситуацию и среду, в которой им в будущем реально придется работать. Дублируя интерьер кабины или отделяемого модуля, мы позволяем им постепенно привыкнуть к будущей среде. Полицейские, разведчики, десантники и другие военные специалисты проходят предварительную подготовку в кинозалах, смотря фильмы о людях, с которыми им придется столкнуться, о фабриках, куда им придется проникнуть, о местности, которую им придется преодолеть. Таким образом их готовят к тому, чтобы они справились с множеством будущих случайностей.

Нет причины, почему тот же принцип нельзя было бы расширить. Перед переводом работника на предприятие, находящееся в другом месте, ему и его семье нужно показать подробные фильмы об округе, где они будут жить, школе, куда будут ходить их дети, магазинах, где они будут делать покупки, может быть, даже об учителях, продавцах и соседях, с которыми они встретятся. Предварительно адаптируя их таким образом, мы можем снизить их тревогу по поводу неизвестности и заранее подготовить их к решению многих проблем, с которыми они, по всей вероятности, столкнутся.

Завтра, по мере развития технологии экспериментального моделирования, мы сможем пойти еще дальше. Индивидуум, проходящий предварительную адаптацию, сможет не только увидеть и услышать среду, в которую ему предстоит войти, но и прикоснуться к ней, попробовать ее на вкус, ощутить ее запах. Он сможет модельно взаимодействовать с людьми из своего будущего, ощутить тщательно продуманные переживания, созданные, чтобы улучшить его способность справляться с ними.

«Психологические войска» будущего найдут изобильный спрос, создавая такие устройства предварительной адаптации и работая с ними. Целые семьи могут приходить в анклавы «работай-учись-и-играй», которые, в конце концов, станут музеями будущего, обучающими людей справляться со своими собственными личными «завтра».

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ КАРНАВАЛЫ

«Загипнотизированные самой идеей перемены, — пишет Джон Гарднер в *Self Rennewal*, — мы должны остерегаться представления, что непрерывность — это ничего не значащий, если не предосудительный, фактор в истории человечества. Непрерывность — чрезвычайно важный фактор в жизни индивидуумов, организаций и обществ»[10].

В свете теории пределов адаптивности становится ясно, что настойчивое требование непрерывности в нашем опыте не обязательно «реакционно», как и требование резкого или прерывистого изменения не обязательно «прогрессивно». В застойных обществах есть глубокая психологическая потребность в новизне и новых стимулах. В ускоряющемся обществе вполне может быть потребность в сохранении определенных непрерывностей.

В прошлом важный буфер перемен обеспечивал ритуал. Антропологи говорят, что определенные повторяемые церемониальные формы — ритуалы, окружающие рождение,

смерть, половую зрелость, брак и т. п. — помогали индивидуумам в первобытных обществах восстанавливать равновесие после того, как произошло какое-то крупное адаптивное событие.

«Неочевидно, — пишет С. Т. Кимболл, — что в секуляризованном урбанистическом мире уменьшилась потребность в ритуализированном выражении...»[11] Карлтон Кун заявляет: «Целые общества, каким бы ни был их размер и степень сложности, нуждаются в контроле, чтобы обеспечить сохранение равновесия, и контроль осуществляется в нескольких формах. Одна из них — ритуал». Он подчеркивает, что сегодня ритуал выживает в появлениях глав государств на публике, в религии, в бизнесе[12].

Однако это представляет собой не более чем самую верхушку ритуального айсберга. Например, в западных обществах посылать рождественские открытки — ежегодный ритуал, но он не только дань традиции, он помогает индивидуумам поддерживать слишком временную дружбу и знакомства. Еще примеры — торжества по случаю дней рождения, праздников или годовщин. Быстро разрастающееся производство поздравительных открыток — ежегодно только в Соединенных Штатах продают 2 млрд. 248 млн. рождественских открыток — это экономический памятник продолжающейся потребности общества в каком-то подобии ритуала[13].

Без конца повторяющееся поведение при выполнении определенных функций помогает придать смысл неповторяющимся событиям, предоставляя фон, на котором вырисовывается силуэт новизны. Джеймс Боссард и Элинор Болл, изучив 100 опубликованных автобиографий, обнаружили 73, где авторы описали процедуры, которые «недвусмысленно классифицировались как семейные ритуалы». Эти ритуалы, возникая из «каких-то простых или случайных фрагментов семейного взаимодействия, начинали устанавливаться, потому что были удачны или удовлетворяли членов семьи, повторяясь, «отлились» в весьма определенные формы»[14].

По мере того как темп перемен ускоряется, многие из этих ритуалов разрушаются или изменяют естественные

свойства. Однако мы стремимся поддерживать их. Одна нерелигиозная семья периодически предлагает за обеденным столом светскую молитву, чтобы почтить таких благодетелей человечества, как Иоганн Себастьян Бах или Мартин Лютер Кинг. Мужья и жены говорят о «нашей песне» и периодически вновь посещают «место, где встретились в первый раз». В будущем мы можем ожидать большего разнообразия ритуалов, которых придерживаются в семейной жизни.

По мере того ускорения и появления аритмических паттернов в новых переменах, нам нужно оградить определенные системы для сохранения точно таким же образом, как сейчас мы ограждаем для защиты определенные леса, исторические памятники или заповедники для птиц. Может быть, нам даже понадобится создавать ритуалы.

Нам, больше не отданным на милость стихий, как когда-то, больше не приговоренным к ночной темноте и утреннему морозу, больше не помещенным в неизменную физическую среду, помогают сориентироваться в пространстве социальные, такие отличные от естественных, системы.

В Соединенных Штатах для большинства городских жителей приход весны отмечен не неожиданной зеленью — зелени на Манхэттене мало, — а открытием бейсбольного сезона. Первый мяч бросает президент или другое лицо, занимающее высокий пост, а затем день за днем миллионы граждан следят, как разворачивается массовый ритуал. Подобным образом конец лета отмечен Мировой серией, как каким-то естественным символом.

Даже те, кто не интересуется спортом, осознают эти крупные и приятно предсказуемые события. Радио и телевидение несут бейсбол в каждый дом. Газеты полны спортивных новостей. Бейсбольные образы формируют фон, своего рода музыкальное облигато*, входящее в наше сознание. Что бы ни происходило на рынке ценных бумаг, в мировой

---

* Облигато (*ит.* obbligato, *лат.* obligatus — обязательный, непременный) — обязательная партия аккомпанирующего инструмента в музыкальном ансамбле. — *Примеч. ред.*

политике или семейной жизни, Американская лига и Национальная лига совершают то, что от них ожидают. Результаты отдельных игр различны. Положение команд в таблице становится выше или ниже. Но драма разыгрывается в пределах набора успокаивающе жестких и давно существующих правил.

Ежегодное открытие Конгресса в январе; появление новых моделей машин осенью, сезонные изменения моды, 15 апреля — крайний срок подачи налоговой декларации; наступление Рождества; новогодняя вечеринка; фиксированные государственные праздники. Все они предсказуемо перемежают наше время, обеспечивая основу временной регулярности, которая необходима (хотя едва ли достаточна) для психического здоровья.

Однако давление перемен, вероятно, «отцепит» их от календаря, ослабит их и сделает менее регулярными. Часто в том, чтобы это сделать, есть экономическая выгода. Но в этом могут быть также скрытые издержки из-за потери стабильных временных референтных точек, которые сегодня еще придают повседневной жизни некий паттерн и непрерывность. Вместо того чтобы уничтожать их оптом, мы можем пожелать что-то сохранить, ввести определенную регулярность туда, где ее не существует. (Матчи чемпионата по боксу проводятся нерегулярно, в непредсказуемое время. Может быть, эти весьма ритуальные соревнования стоит проводить в фиксированные периоды времени, как Олимпийские игры.)

Поскольку свободного времени становится больше, мы имеем возможность ввести в общество дополнительные точки стабильности и ритуалы, например новые праздники, карнавалы и игры. Такие механизмы могли бы не только обеспечить фон непрерывности в повседневной жизни, но и служить интеграции обществ и как-то смягчить фрагментирующее воздействие сверхиндустриализма. Мы могли бы, например, создать праздники в честь Галилея или Моцарта, Эйнштейна или Сезанна. Мы могли бы создать глобальное пышное зрелище в честь покорения человеком космоса.

Уже сейчас последовательность космических запусков и возвращений модулей начинает приобретать вид ритуального драматического паттерна. Миллионы останавливаются, пригвожденные к месту, когда начинается обратный отсчет времени. По крайней мере на краткий миг они разделяют единство человечества и его потенциальную компетентность перед лицом Вселенной.

Регламентируя такие события и добавив многое к пышному зрелищу, мы можем соткать из них ритуальную структуру нового общества и использовать их для сохранения нормального психического состояния в эпоху перемен. Конечно, 20 июля — день, когда астронавт Армстронг совершил «один маленький шаг человека и гигантский скачок человечества», должен быть превращен в ежегодный глобальный праздник единства людей.

Таким образом, извлекая пользу из нового материала, равно как и из уже существующих ритуалов, вводя там, где возможно, изменения в форму скорее предсказуемых, чем беспорядочных цепочек событий, мы можем помочь обеспечить элементы непрерывности даже посреди социального переворота.

Культурная трансформация островитян Ману была проще по сравнению с тем, что предстоит нам. Мы переживем ее, только если выйдем за пределы личных тактик к социальным стратегиям, — предоставляя новые службы поддержки индивидууму, встревоженному переменами, встраивая непрерывность и буфера изменчивости в возникающую завтрашнюю цивилизацию.

Все это имеет целью минимизировать негативные последствия быстрых перемен. Но есть и другой способ атаковать проблему. Он заключается в том, чтобы расширить адаптивные возможности человека — это центральная задача образования во время сверхиндустриальной революции.

---

[1] История Ману рассказана в: [44], с. 415.

[2] Ссылки Селье: [26], с. 265, 269.

[3] Фуллер цитируется по интервью с автором.

[4] Цифра 100 тыс. экстраполирована из Population Characteristics // U. S. Department of Commerce, August 14, 1969, Series P-20, № 188, с. 161.

[5] Материал по ситуативному группированию был разработан в интервью с Герджоем.

[6] Обсуждение кризисной интервенции см.: Crisis: A Review of Theory, Practice and Research by Allen Darbonne // International Journal of Psychiatry, November, 1968, с. 372.

[7] Упоминание о домах на полпути в уголовной сфере из Correctional Institutions in a Great Society by Daniel Glaser в Excerpta Criminologica, 3 (2/3)–3–6, 1965.

[8] Аналогичное предложение для адаптации жителей трущоб к новому жилью делается Margaret Mead. См.: Chicago Sun-Times. November 2, 1966.

[9] Хартум: основано на интервью автора с Доксиадисом.

[10] Гарднер о непрерывности: [39], с. 6.

[11] Кимболл цитируется из его введения к [50], с. xvii.

[12] Замечание Куна из его статьи Growth and Development of Social Groups, [177], с. 124.

[13] Данные о рождественских открытках основаны на Preliminary 1967 Census of Manufacturers // Industry Series — Greeting card publishers. MC-67 (P-27C-1) US Department of Commerce.

[14] Семейный ритуал исследуется в: [5], с. 32.

Глава 18

ОБРАЗОВАНИЕ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ

Во всенарастающем соперничестве за приоритет в доставке людей и техники на другие планеты огромные ресурсы вкладываются в возможность осуществления «мягкой посадки». Тщательнейшим образом прорабатывается каждая подсистема посадочного аппарата, чтобы он выдержал удар при посадке. Легионы инженеров, геологов, физиков, металлургов и прочих разных специалистов годами сосредоточенно трудятся над решением проблемы мягкой посадки. Выход из строя при посадке любой из подсистем может

пагубно сказаться на жизни людей, не говоря уж об аппаратуре стоимостью в миллиарды долларов и десятках тысяч человеко-лет труда.

Ныне один миллиард людей, т. е. все население развитых в техническом отношении государств, спешит в новое сверхиндустриальное общество — супериндустриализм. Что нам предстоит испытать в будущем? Массовый шок? Или мы сумеем тоже добиться «мягкой посадки»? Скорость нашего «сближения» стремительно нарастает. В дымке завтрашнего дня уже проступают очертания скалистых утесов нового общества. Однако именно тогда, когда мы становимся к нему все ближе, выясняется, что опасно «заболела» одна из наших важнейших подсистем — образование.

То, что происходит сейчас даже в «лучших» наших школах и колледжах, свидетельствует об одном: система образования безнадежно устарела. Родители рассматривают образование своих детей как подготовку их к будущей жизни. Учителя предупреждают, что плохое образование резко снизит шансы ребенка адаптироваться в мире дня грядущего. Правительственные чиновники, духовенство и средства массовой информации призывают, увещевают и предупреждают молодежь не бросать школу, настоятельно подчеркивая, что ныне, как никогда прежде, будущее каждого практически целиком и полностью зависит от полученного им образования.

Однако несмотря на все эти разглагольствования о будущем, школы наши обращены в прошлое и сориентированы не на нарождающееся новое общество, а на уже отжившую систему. Огромных усилий стоит воспроизводство *человека индустриального* — т. е. штамповка людей, пригодных для выживания в системе, которая умрет раньше, чем они сами.

Во избежание шока будущего мы должны сейчас сформировать супериндустриальную систему образования. А для этого мы должны искать свои цели и методы в будущем, а не в прошлом.

ШКОЛА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭРЫ

У каждого общества существует собственная специфическая установка по отношению к прошлому, настоящему и будущему, препятствующая адекватному восприятию времени, — своего рода предрассудок. Эта субъективная парадигма времени, сформировавшаяся как реакция на скорость происходящих перемен, и является одним из наименее заметных, но наиболее мощных решающих факторов социального поведения, что четко отражается в способе подготовки обществом своей молодежи к взрослой жизни.

В застойных обществах прошлое плавно перетекает в настоящее и повторяет себя в будущем. Самый разумный способ подготовки ребенка в обществах такого типа — это вооружить его навыками и умениями прошлого, потому что они-то и понадобятся ему в будущем. «В старцах — мудрость», — наставляет Библия.

Отец передавал сыну вместе со всевозможными практическими навыками и четко сформулированную, крайне традиционную систему ценностей. Знание передавалось не работающими в школах специалистами, а приобреталось в семье, религиозных организациях и в процессе обучения ремеслу. Ученики и учителя были рассредоточены по всей общине. Основа этой системы — беззаветная преданность сегодняшнему дню. Прошлое же было учебным курсом обучения прошлому.

Технический век от всего этого не оставил камня на камне, потому что развивающейся промышленности нужен был человек нового типа. Она требовала таких умений и навыков, каких ни сама по себе семья, ни церковь не в состоянии были обеспечить. Она же ускорила и переворот в системе ценностей. Более того, она потребовала от человека нового чувства времени.

Народное образование было тем искусным механизмом, который индустриализация создала для подготовки необходимого для своих нужд взрослого контингента. Поставленная задача была непомерно сложна. Как подготовить детей

к новому миру — миру напряженного однообразного труда в помещении среди дыма, шума, механизмов, к жизни в условиях скученности, коллективной дисциплины, миру, время в котором регламентируется не лунным или солнечным циклом, а фабричным гудком и часами.

Решением стала такая система образования, которая уже самой своей структурой воспроизводила этот новый мир. Однако система эта возникла не вдруг. В ней и сейчас все еще сохраняются атавистические элементы доиндустриального общества. Хотя сама по себе идея сосредоточить в одном месте массу учеников (сырья) для обработки ее учителями (рабочими) в расположенной в центре города школе (фабрике) принадлежит индустриальному гению. Административная иерархия сложившейся системы образования в целом повторяет модель промышленной бюрократии. Сама организация знания строилась, исходя из индустриальных посылок, — по принципу неизменных дисциплин. Дети строем переходили из одного помещения в другое и садились на отведенное каждому место. Звонки оповещали о наступлении перемены, отмечая тем самым изменения во времени.

Таким образом, внутренний распорядок школьной жизни был зеркальным отражением индустриального общества, а тем самым и подготовительным этапом успешного в него вхождения. В настоящее время наибольшей критике подвергаются именно те характерные особенности образования — строгая регламентированность, отсутствие индивидуального подхода, жесткая система распределения учеников по местам, группам и классам, а также оценки их знаний, — которые как раз и делали систему народного образования столь эффективным инструментом адаптации к месту и времени.

Пройдя сквозь этот образовательный механизм, молодежь вступала во взрослое сообщество, трудовые, ролевые и институциональные структуры которого были похожи на школьные. Школьник не просто узнавал факты, нужные ему впоследствии, он жил и знакомился с тем образом жизни, который в миниатюре повторял образ жизни, который ему предстояло вести в будущем.

Школы, например, постепенно и незаметно приучали к новой субъективной парадигме времени, ставшей столь необходимой в условиях развивающегося производства. Столкнувшись с невиданными прежде условиями, люди с удвоенной энергией осваивались в настоящем. Центр внимания и в образовании начал постепенно смещаться от прошлого к настоящему.

То историческое сражение, которое вели Джон Дьюи и его последователи за введение «прогрессивных» мер в американское образование, было отчасти отчаянной попыткой найти альтернативу прежней субъективной парадигме времени. Дьюи боролся против традиционной системы образования, обращенной в прошлое, стараясь переориентировать образование на задачи настоящего. «Вырваться из схоластической системы, превращающей прошлое в самоцель, — заявлял он, — можно лишь сделав знание прошлого *средством* понимания настоящего».

Несмотря на это, десятилетия спустя традиционалисты вроде Жака Маритена и неоаристотелианцы вроде Роберта Хатчинса все еще с гневом обрушивались на всякого, кто пытался склонить чашу весов в пользу настоящего. Хатчинс, бывший президент Чикагского университета, а ныне руководитель Центра по изучению демократических институтов, считал адептами «культа сиюминутности» тех преподавателей, которым хотелось, чтобы их студенты изучали проблемы современного общества. Прогрессисты обвинялись в гнусном преступлении осовременивания — «презентизме»*.[1]

Отголоски этих битв вокруг субъективной парадигмы времени слышны и сегодня, например в сочинениях Жака Барзена, настаивающего на том, что «абсурдно пытаться воспитывать... «для» дня сегодняшнего, который не поддается определению»[2]. Наша система образования так еще до сих пор и не адаптировалась к индустриальному веку, а уже грядет новая — суперииндустриальная революция. И точно так же, как вчерашние прогрессисты обвинялись в «презентизме», реформаторы системы народного образования завтрашнего дня, вполне возможно, будут обвиняться в

* «Presentism» (*англ.*). — *Примеч. пер.*

«футуризме». Ибо мы поймем, что подлинно супериндустриальное образование возможно только при условии, что мы еще раз сместим вперед нашу субъективную парадигму времени.

НОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В технологических системах завтрашнего дня — быстродействующих, маневренных и саморегулирующихся — на машины обрушится поток физических материалов, а на людей — информационный поток, который обострит способность проникать в суть вещей. Машины будут все быстрее выполнять рутинные задания, а люди — решать интеллектуальные и творческие задачи. И машины, и люди не будут сосредоточены на гигантских фабриках и в промышленных центрах, а будут разбросаны по всему земному шару и связаны друг с другом поразительно чувствительными, почти мгновенно действующими коммуникациями. Труд выйдет за пределы производственных цехов и многолюдных офисов, люди будут работать в небольших коллективах и на дому.

Машины будут синхронизироваться — и некоторые из них уже синхронизируются — в миллиардную долю секунды, у людей же отпадет необходимость согласовывать свои действия во времени. Исчезнет фабричный гудок. Даже часы, этот «главный механизм современного индустриального века», как лет тридцать назад назвал их Льюис Мамфорд, утратят свою власть над делами людей, но не над чисто технологическими процессами[3]. Соответственно и организации, необходимые для осуществления технического контроля, шагнут с уровня бюрократического на уровень руководства ad hoc: от неизменности — к мимолетности и от интереса к настоящему — к сосредоточенности на будущем.

В таком мире станут помехой наиболее высоко оцениваемые атрибуты промышленной эры. Технологии будущего не нужны миллионы малограмотных людей, готовых в

полном согласии трудиться над выполнением бесконечно повторяющейся работы, ей не нужны люди, безропотно исполняющие приказания, знающие, что цена хлеба насущного — это автоматическое подчинение начальству, — ей нужны те, кто способен к критическому суждению, кто может сориентироваться в новых условиях, кто быстро определяет новые связи в стремительно меняющейся действительности. Ей нужны люди, у которых — по меткому замечанию Ч. П. Сноу — «будущее в крови».[4]

И наконец, если только мы не возьмем в свои руки контроль над ускоряющимся напором (а пока мало что говорит о том, что нам это удастся), то человеку будущего придется справляться с гораздо более бурными переменами, чем нам сегодня. Образованию задание ясно: его первоочередная задача — повысить способность индивида преодолевать трудности, т. е. способность быстро и экономно адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям. И чем стремительнее скорость перемен, тем больше внимания нужно уделять распознаванию модели будущих событий.

Джонни уже больше недостаточно понимать прошлое и настоящее, ибо нынешняя среда вскоре исчезнет. Джонни нужно научиться предугадывать направление и скорость перемен. Ему нужно, формально говоря, научиться регулярно делать вероятностные, все более и более долгосрочные прогнозы на будущее. Этому же нужно научиться и учителям Джонни.

Для создания супериндустриального образования мы должны, в первую очередь, выработать удачные альтернативные представления о будущем — представить себе, какие виды работ, профессий и склонностей будут нужны в будущем, лет через двадцать — пятьдесят, какие формы приобретет семья и какие человеческие взаимоотношения будут превалировать; какие проблемы морально-этического плана могут возникнуть; какая техника будет нас окружать и с какими организационными структурами придется нам срабатываться.

И только вырабатывая такие представления, определяя, обсуждая, систематизируя и непрерывно модернизируя их,

мы можем прийти к заключению о характере когнитивных и эмоциональных навыков, которые понадобятся людям будущего для того, чтобы пережить ускоряющий напор.

В Соединенных Штатах сейчас существуют два финансируемых из федерального бюджета «научно-исследовательских центра политики в области образования», один — в Сиракьюсском университете, а другой — в Станфордском научно-исследовательском институте, на которые возложена обязанность внимательно изучать обстановку. Организация экономического сотрудничества и развития недавно создала в Париже отделение с аналогичными обязанностями. Группа ребят из студенческого движения также обратила внимание на будущее. И все же эти усилия ничтожно малы по сравнению с теми сложностями, которые стоят на пути перестройки образования, ориентированного на субъективную парадигму времени. Сейчас нужно массовое движение, чутко реагирующее на запросы будущего.

В каждой школе и в каждом населенном пункте мы должны создать Советы будущего — группы из людей, всецело посвятивших себя изучению будущего в интересах настоящего. Проектируя варианты «предполагаемого будущего», определяя соответствующие им характеристики образования, вынося свои альтернативные варианты на всеобщее активное обсуждение, такие советы, чем-то напоминающие «прогностические ячейки», пропагандировавшиеся Робертом Юнгом из Берлинского высшего технического училища, могли бы оказать мощное воздействие на образование.

Поскольку ни одной из групп не принадлежит монополия на предвидение будущего, советы эти должны носить демократический характер. Присутствие в них специалистов насущно необходимо. Однако Советы будущего не добьются успеха, если их захватят профессиональные педагоги, плановики или еще кто-либо из нерепрезентативной элиты. С самого начала нужно привлекать учащихся, но они не должны быть кооптированными «резиновыми штемпелями» для визирования мнений, высказанных взрослыми. Молодые люди должны участвовать в руководстве, выступать

инициаторами создания этих советов, чтобы «предполагаемое будущее» могли формулировать и обсуждать именно те, кому и придется, по-видимому, созидать и жить в этом будущем.

Движение советов предлагает выход из тупика, в котором оказались наши школы и колледжи. Современные школьники, втянутые в систему образования, превращающую их в живые анахронизмы, имеют полное право бунтовать. Однако попытки радикально настроенной учащейся молодежи строить свою социальную программу, используя смесь марксизма XIX в. с фрейдизмом начала XX в., свидетельствовали о такой же нерасторжимой их связи с прошлым и настоящим, как и у их старших предшественников. Революционизировать молодых могло бы создание групп специалистов по проблемам образования, ориентированных на будущее и формирующих его.

Ибо тем преподавателям, которые осознают банкротство современной системы образования, но не имеют четкого представления о своих последующих шагах, движение советов могло бы указать не только дальнейшую цель, но и возможность ее реализации в союзе с молодежью, а не враждуя с ней. Привлекая к участию родителей и общественность — бизнесменов, профсоюзных деятелей, ученых и пр., — движение смогло бы создать широкую поддержку супериндустриальной революции в образовании.

Было бы ошибочно предполагать, что современная система образования совершенно не меняется. Напротив, там идут быстрые перемены, но они направлены в первую очередь на совершенствование существующей структуры, повышение ее эффективности в достижении уже изживших себя целей. Это нечто вроде броуновского движения — самопрекращающегося некогерентного беспорядочного перемещения, в котором отсутствуют постоянство направления и логически обоснованный отправной момент.

Движение советов могло бы указать и направление, и отправной момент. Направление — это супериндустриализм. Отправной момент — будущее.

Движение такого типа должно будет преследовать три цели: трансформировать организационную структуру нашей системы образования, произвести коренную ломку ее учебных планов, сфокусировав внимание на будущем. А начать нужно с насущных вопросов о статус-кво, сиречь о существующем положении.

Мы уже упоминали, например, что организационные основы современной школьной системы соответствуют фабричным. Многие поколения принимали просто как данность, что школа — это именно то место, где должно происходить обучение. Однако если новому образованию предстоит способствовать развитию общества будущего, то стоит ли вообще заниматься этим в школе?

По мере того как возрастает уровень образования, все больше и больше родителей интеллектуально уже готовы взять на себя некоторые обязанности, ныне делегированные школе. В штате Калифорния около города Санта-Моника, где находится правление корпорации RAND, в так называемом исследовательском поясе Кембриджа, штат Массачусетс, или в таких наукоградах, как Окридж, Лос-Аламос или Хантсвилл, большинство родителей явно способны преподнести своим детям отдельные темы гораздо лучше, чем учителя местных школ. Переход промышленности на числовое программное управление увеличил долю свободного времени, что привело к возникновению небольшой, но знаменательной тенденции: высокообразованные родители стали заниматься со своими детьми по ряду дисциплин дома.

Данная тенденция получит энергичную поддержку в форме компьютерного обучения, электронной видеозаписи, голографии и других постоянно модернизирующихся технических областей. Родители и учащиеся получат возможность подписывать с соседней школой краткосрочные «контракты на обучение», поручая сторонам обучить-изучить определенные курсы или курсовые модули. Учащиеся

могли бы продолжать посещение школьных общественных и спортивных мероприятий или те предметы, которые не могут изучать самостоятельно или под руководством родителей и друзей дома. Поскольку школа уже не отвечает требованиям времени, давление на нее будет возрастать: суды окажутся завалены делами, оспаривающими законность устаревшего обязательного для всех посещения. Короче, мы можем оказаться свидетелями ограниченного отхода от существующей системы и диалектического возврата к домашнему образованию.

Ученый-теоретик из Станфорда Фредерик Дж. Макдоналд предложил «мобильное обучение», где учащихся выводят из класса не только для познавательных экскурсий, но и для участия в важных общественных мероприятиях[5].

В нью-йоркском микрорайоне Бедфорд-Стайвесант, вечно неспокойном конфликтном квартале негритянских трущоб, планировалось создать экспериментальный колледж, объекты которого располагались по всем магазинам, офисам и домам квартала 45 так, что было бы трудно определить, где кончается колледж и начинается микрорайон. Учащиеся колледжа обучались бы ремеслам у проживающих в квартале взрослых, а также у штатных преподавателей. Предполагалось также, что учебный план будет формироваться как самими учащимися и жителями квартала, так и профессиональными педагогами[6]. Бывший член Комиссии Соединенных Штатов по образованию Харолд Хоу II предложил сделать наоборот: жителей квартала пригласить в школу, т. е. предоставить местным магазинчикам, косметическим кабинетам, типографиям место в школьном здании в обмен на бесплатные уроки, которые проводили бы их владельцы[7]. От этого плана, разработанного для школ городского гетто, было бы больше пользы, если бы была продумана концепция отбора и в школу пригласили, например, бюро компьютерного обслуживания, проектные конторы, медицинские лаборатории, местные радиостанции и рекламные агентства.

Где-нибудь еще разгорается дискуссия вокруг проекта программ среднего и высшего образования с использова-

нием института «наставников», которые должны передавать не только профессиональные умения и навыки, но наглядно демонстрировать, как абстрактные знания претворяются в жизнь. Бухгалтеры, врачи, инженеры, бизнесмены, плотники, строители, плановики могли бы стать неотъемлемой частью «внеклассного факультатива» в условиях другого «диалектического возврата», на сей раз к новому типу профессионального ученичества.

Немало аналогичных перемен носится в воздухе. Они свидетельствуют о давно назревшем крахе «фабричной» модели школьной системы.

Сегодня школа не отвечает ни социально-географическим, ни временным требованиям. Совершенно ясно, что с быстрым устареванием знания и увеличением продолжительности жизни навыки, полученные в молодости, вряд ли сохранят свою актуальность к моменту наступления старости. Поэтому-то супериндустриальное общество должно предусматривать непрерывное образование на протяжении всей жизни по принципу подключения-отключения.

Если образование предполагается растянуть на всю жизнь, тогда не совсем справедливо заставлять малышей посещать все школьные занятия. Сочетание обучения «без отрыва от производства» с выполнением оплачиваемых или неоплачиваемых неквалифицированных общественных работ в течение неполного рабочего дня принесло бы больше удовлетворения многим молодым людям, да и большему бы их научило.

Подобные новшества вносят огромные изменения и в методические пособия. В настоящее время в классах все еще преобладает лекционный тип занятий. Данный метод олицетворяет собой старую нисходящую иерархическую структуру промышленности. Хотя лекции все еще нужны для выполнения небольшого круга задач, но такая форма занятий неизбежно отступит на второй план с введением новых обучающих методик, начиная от ролевых игр и кончая компьютерными конференциями и погружением учащихся в, так сказать, «воображаемые приключения». Разработанные корпусом психологов будущего методы эм-

пирического программирования, позаимствованные из сфер отдыха, развлечений и промышленности, заменят знакомую, нередко иссушающую мозги лекцию. Обучение может быть максимально интенсифицировано с помощью контролируемого питания или применения лекарственных препаратов, повышающих коэффициент умственного развития, увеличивающих скорость чтения или улучшающих усвоение информации. Такие перемены и лежащие в их основе технологии облегчат фундаментальное изменение организационной модели.

Ныне существующие административные структуры образования, которые зиждятся на индустриальном бюрократизме, будут просто не в состоянии справиться с трудностями и уровнем перемен, присущих выше описанной системе. Они будут вынуждены перейти к адхократическим организационным формам просто для того, чтобы сохранить некоторую видимость контроля. Однако гораздо важнее такое организационное соучастие для классной комнаты.

Человек индустриальный подвергался обработке и подгонке на станке школы, чтобы занять сравнительно надолго свою щель в социально-экономическом устройстве. Супериндустриальное образование должно готовить людей к работе во временных формированиях, специально создаваемых в каждом отдельном случае для решения конкретных задач адхократий будущего.

Дети, сегодня переступающие порог школы, незамедлительно оказываются частью стандартной организационной структуры: руководимого учителем класса. Один взрослый и определенное количество подчиненных ему молодых людей, сидящих обычно правильными рядами и смотрящих прямо перед собой, — вот основная стандартизированная единица школы индустриальной эры. Переходя из класса в класс, учащиеся постепенно достигают все более высоких уровней, но так и остаются в пределах одной и той же закрепленной организационной структуры. Они не приобретают опыта знакомства ни с иными формами организации, ни с проблемой перехода из одной организацион-

ной формы в другую. Не получают они и подготовки к ролевой маневренности.

Нет ничего, что было бы столь явно антиадаптивно. Школам будущего, если они захотят способствовать облегчению дальнейшей адаптации в жизни, придется экспериментировать с гораздо более разнообразными типами внутреннего распорядка. Классы с несколькими учителями и одним-единственным учеником, классы с несколькими учителями и группой учащихся, учащиеся, организованные во временные коллективы для решения конкретной задачи или составления проекта, учащиеся, переключающиеся с работы в группе на индивидуальную или даже самостоятельную работу; кроме того, всем им нужно найти применение, чтобы дать каждому учащемуся возможность заранее соприкоснуться в какой-то мере с тем жизненным опытом, с которым он столкнется впоследствии, когда начнет самостоятельное перемещение в организационно зыбком географическом пространстве супериндустриализма.

Таким образом, стало ясно, что перед Советами будущего стоят следующие организационные задачи: глубокое внедрение в общество, его рассредоточение и децентрализация, формирование адхократической администрации, разрушение жесткой системы календарного и классификационного планирования. Когда эти цели будут достигнуты, любое организационное сходство между школой и фабрикой индустриальной эпохи станет чисто случайным.

ВЧЕРАШНИЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН — СЕГОДНЯ

Что же касается учебных планов, то Советам будущего не следует исходить из того, что каждый из преподаваемых ныне предметов преподается небезосновательно, следует начать с прямо противоположной посылки: ничто не должно включаться в обязательный учебный план, пока не будет

подвергнуто тщательному анализу с точки зрения будущего. Если придется выбросить за негодностью значительную часть «казенного» учебного плана — пусть так и будет.

Все вышесказанное не следует рассматривать как заявление, направленное «против культуры», или как призыв к полному уничтожению прошлого. Не означает оно также, что мы можем проигнорировать такие фундаментальные основы, как чтение, письмо и счет. Дело в том, что десятки миллионов детей на законном основании заставляют сегодня тратить бесценные часы их жизни, усердно трудиться над материалом, практическая польза которого в будущем вызывает большие сомнения. (Никто даже и не заикается о том, весьма ли он полезен сегодня.) Стоит ли им тратить столько времени на изучение иностранного языка — французского, испанского или немецкого? А те часы, что потрачены на изучение родного английского языка, использованы ли они с максимальной отдачей? Стоит ли от всех детей требовать изучения алгебры? А не извлекут ли они гораздо больше пользы из изучения теории вероятностей? Логики? Компьютерного программирования? Философии? Эстетики? Массовых коммуникаций?

Приглашаем всякого, кто считает, что современный учебный план не лишен смысла и нужен, объяснить разумному сорокалетнему человеку, почему алгебра, иностранный язык или любой другой предмет имеют для него существенно важное значение. Взрослые почти всегда дают уклончивый ответ. А причина проста: современный учебный план — это бессмысленный пережиток прошлого.

Почему, например, преподавание должно строиться на таких неизменных дисциплинах, как родной английский язык, экономическая наука, математика или биология? А почему не на изучении периодов жизненного цикла человека: курс, посвященный рождению, детству, юности, браку, карьере, старости, смерти. Или на изучении современных социальных проблем? Или на изучении техники прошлого и будущего? Или на изучении бесчисленного множества других нетрадиционных предметов, которые только можно себе вообразить?

Современный учебный план с жестким внутренним делением не имеет в своей основе никакой хорошо продуманной концепции современных потребностей человека. Еще меньше в его основе осмысления какого бы то ни было понимания того, какие навыки понадобятся Джонни, который будет жить в эпицентре урагана перемен. В основе его — инерция и кровавый конфликт академических гильдий, каждая из них стремится к увеличению собственного бюджета, ставок зарплаты и повышения статуса.

Более того, этот отживший свое учебный план навязывает типовое деление школы на начальную и среднюю. У молодежи практически нет выбора, предметы предопределены программой. Минимально и отличие одной школы от другой. Учебный план намертво закреплен жесткими требованиями поступления в колледж, которые, в свою очередь, отражают профессиональные и социальные требования исчезающего общества.

В битве за модернизацию образования прогностические ячейки революции должны считать себя референтными советами учебного плана. Попытки нынешнего руководства системы образования то пересмотреть учебный план по физике, то усовершенствовать методы преподавания родного английского языка или математики — в лучшем случае всего лишь частичные меры. Хотя, вполне возможно, и важно сохранить некоторые аспекты современного учебного плана, а изменения вводить постепенно, но нам нужны не случайные попытки модернизации. Нам нужен системный подход к проблеме в целом.

Эти революционные референтные группы не должны, однако, ставить перед собой задачу создать один-единственный универсальный долговременный новый учебный план. Они должны создать ряд временных учебных планов, а одновременно с этим выработать процедуры развития и обоснования их с течением времени. Необходим системный подход к изменениям учебного плана, чтобы каждое новшество не создавало конфликтных ситуаций.

Нужно вести битву и за изменение соотношения между стандартизацией и разнообразием в учебном плане. Разнооб-

разие, доведенное до крайности, может привести к фрагментации общества. Отсутствие общих ценностных ориентаций затруднит общение между людьми еще больше, чем сегодня. Однако из-за опасения фрагментации общества нельзя сохранять крайне гомогенную систему образования тогда, когда остальная часть общества стремится к гетерогенности.

Единственный способ разрешения конфликта между необходимостью разнообразия и потребностью в единстве — провести различие в образовании между «данными», как это было прежде, и «умениями и навыками».

РАЗНООБРАЗИЕ ДАННЫХ

Общество находится в состоянии дифференциации. Более того, мы никогда не сможем предсказать — вне зависимости от того, насколько совершенны будут наши прогностические инструменты — последовательность будущих состояний общества. Самое лучшее в данной ситуации, как подсказывает здравый смысл, — это обезопасить выбор нашей системы образования. Точно так же, как генетическое разнообразие способствует сохранению видов, разнообразие систем образования повышает шансы общества на выживание.

Вместо стандартных учебных планов для начальной и средней школы, по которым все ученики подвергаются воздействию в основном одной и той же базы данных — т. е. обучаются той же самой истории, математике, биологии, литературе, грамматике, иностранным языкам и т. д., — ориентированное на будущее движение в системе образования должно постараться сформировать широкий спектр предлагаемой информации. Детям будет разрешен гораздо бóльший выбор, чем в настоящее время, их будут поощрять к знакомству с бóльшим количеством различных краткосрочных курсов (возможно, продолжительностью в две-три

недели), прежде чем они решатся приступить к длительному обучению. Каждая школа станет предлагать десятка два факультативных предметов, которые обязательно будут основаны на идентифицируемых предположениях относительно будущих потребностей.

Достаточно широким будет и тематический диапазон. Помимо изучения «известных» (т. е. весьма возможных) элементов супериндустриального будущего, будут темы, рассчитанные на интерес к непознанному, неожиданному, вероятному. Осуществить это можно с помощью «вероятностных учебных планов» — учебных программ, созданных с целью подготовки людей к оперированию проблемами, которые не только пока еще не возникли, но, возможно, так никогда и не реализуются. Нам нужно, например, большое количество специалистов для работы в условиях потенциальных, хотя, пожалуй, и маловероятных чрезвычайных ситуаций: заражения земли, занесенного с других планет или звезд, контактов с внеземной жизнью, с чудовищными порождениями генетических экспериментов и т. п.

Уже сейчас нам следует готовить кадры молодых людей для жизни в подводных поселениях. Вполне возможно, что часть следующего поколения будет жить в океанских глубинах. Нам следует вывозить группы школьников на экскурсии на подводные лодки, учить их нырять, знакомить их с материалами для строительства подводных жилищ, с энергетическими потребностями, с опасностями и перспективами, сопряженными с внедрением человека в жизнь океана. И нам следует заниматься этим не только со старшеклассниками, но и с детьми из младших классов и даже дошкольниками.

Других молодых людей следует одновременно знакомить с космическими чудесами, давая им пожить вместе с космонавтами или рядом с ними, узнать о планетарной среде, научиться так разбираться в космической технике, как большинство современных подростков разбирается в семейном автомобиле. Третьих следует не расхолаживать, а поощрять на экспериментирование с типами семьи будущего. Подоб-

ные эксперименты, осуществляемые под надежным руководством и направляемые в конструктивное русло, следует рассматривать как часть соответствующего необходимого обучения, а вовсе не как приостановку или отказ от процесса обучения.

В соответствии с принципом разнообразия при возрастании выбора из числа сложных малоизвестных специальностей будет требоваться меньше обязательных курсов. Работая в этом направлении и формируя вероятностный учебный план, предвосхищающий непредвиденные обстоятельства, общество сможет накопить широкий диапазон умений и навыков, включая и те, которые могут оказаться никогда не востребованными, но которые необходимо иметь наготове в случае, если наши высоковероятностные прогнозы будущего окажутся ошибочными.

Результатом такой политики станет появление людей с яркой индивидуальностью, многообразных идей, политических и социальных подсистем.

СИСТЕМА НАВЫКОВ И УМЕНИЙ

К сожалению, необходимость в диверсификации предложения информационных данных усугубит для нас проблему чрезмерно богатого выбора жизненных путей. Поэтому любая программа диверсификации должна сопровождаться энергичными усилиями, направленными на создание у людей общих референтных точек с помощью унификации квалификационной системы. Хотя от всех учащихся *не будет требоваться* изучения одного и того же курса, усвоения одних и тех же фактов или накопления совокупности одних и тех же данных, все учащиеся *обязательно будут* обучаться основам определенных, широко распространенных профессий, необходимых в человеческом общении и для социальной интеграции.

Если предположить дальнейшее непрерывное нарастание факторов быстротечности, новизны и разнообразия, то

характер некоторых из этих поведенческих навыков становится ясен. Людям, которые должны жить в супериндустриальном обществе, понадобятся новые умения и навыки в трех ключевых сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать.

Умение учиться. С началом дальнейшего ускорения развития мы сможем сделать вывод о том, что знание становится все более «скоропортящимся» продуктом. Сегодняшний «факт» превращается завтра в «дезинформацию». Это вовсе не довод против изучения фактов или суммы знаний — отнюдь нет. Однако общество, в котором отдельно взятая личность постоянно сменяет работу, место жительства, социальные связи и т. д. и т. п., расходует огромные деньги на эффективное профессиональное обучение. А потому в школах будущего должна преподаваться не только сумма знаний, но и умение ею оперировать. Школьники должны учиться умению отказываться от устаревших идей, а также тому, как и когда их заменять. Короче, они должны научиться учиться.

Первые компьютеры представляли собой «память», или банк данных, плюс «программа», или набор инструкций, объяснявших машине, как манипулировать данными. Большие компьютерные системы последнего поколения не только накапливают значительно бóльший массив данных, но и обладают режимом мультипрограммирования, т. е. оператор при обработке одной и той же базы данных может воспользоваться одновременно несколькими программами. Таким системам тоже нужна управляющая программа, которая выбирает программу для компьютера в данный момент. Способность к наращиванию числа программ и дополнение их главной управляющей программой неизмеримо повысила мощность компьютера.

Аналогичная стратегия должна использоваться и при наращивании адаптивных возможностей человека. Новым мощным дополнительным аспектом образования может стать инструктаж школьников о том, как учиться, как *раз*учиться и как *пере*учиться.

Психолог Херберт Герджой из Организации по исследованию людских ресурсов дал этому простую формулиров-

ку: «Новое образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать информацию, как оценивать ее достоверность, как при необходимости изменять категории, как переходить от конкретного к абстрактному и наоборот, как взглянуть на проблемы под новым углом зрения, как заниматься самообразованием. Неграмотным в будущем будет не тот человек, который не умеет читать, а тот, кто не научился учиться»[8].

Умение общаться. Если и дальше будет нарастать темп жизни, то можно предвидеть, что также все больше и больше станут возрастать трудности в установлении и поддержании полезных контактов между людьми.

Если внимательно прислушаться к тому, о чем говорят молодые люди, то выяснится, что умение завязывать дружбу — некогда простое дело — приобрело для них уже новый сложный оборот. Когда школьники, например, жалуются, что «с людьми невозможно общаться», то они имеют в виду не просто досаду на различие между поколениями, а еще и проблемы, которые возникают у них между собой. «Новые люди, встретившиеся мне за последние четыре дня, — вот все, кого я помню», — пишет Род Маккюэн, поэт-песенник, популярный сейчас среди молодежи[9].

Коль скоро фактор быстротечности признан как причина отчуждения, то становятся понятными некоторые моменты в поведении молодых людей, на первый взгляд странные. Многие из них, например, считают секс быстрым способом «с кем-нибудь познакомиться». Они представляют себе половые контакты не как итог длительного процесса любовных отношений, а как кратчайший путь к глубочайшему человеческому взаимопониманию.

То же самое желание ускорить дружеские контакты помогает объяснить их увлечение такими психологическими методиками, как «групповая психотерапия», «Т-группы», «микролаборатории», так называемые тачи-фили, невербальные игры и т. п., в целом всей совокупностью процессов и явлений подпадающими под определение групповой динамики. Вызывающая у них бурный восторг жизнь в комму-

нах тоже объясняется скрытым чувством одиночества и неспособностью «раскрыться», разоткровенничаться с другими.

Все эти «игры» ввергают своих участников в интимный психологический контакт без долгого подготовительного периода, а зачастую и без предварительного знакомства. Во многих случаях эти взаимоотношения и задуманы как недолговечные, если не сказать мимолетные. Цель игрового процесса — обострить эмоциональные отношения в данный момент.

Люди на огромной скорости проносятся через нашу жизнь, и мы не можем позволить себе потратить столько времени, сколь нужно на то, чтобы возникло чувство доверия, чтобы сложилась и окрепла дружба. Таким образом, мы присутствуем при поиске способа прорваться сквозь культуру «примерного» поведения сразу к непосредственному интимному сближению.

Кто-то, возможно, и усомнится в эффективности этих экспериментальных методик, попытается развеять подозрительность и заставить человека оттаять. Но пока «человекооборот» существенно не замедлится, образование должно помогать людям мириться с отсутствием глубокой дружбы, мириться с одиночеством и недоверием или оно должно искать новые способы формирования дружеских отношений в кратчайшие сроки. И все же, собирая в группы учащихся, более одаренных творческим воображением, организуя трудовые коллективы нового типа с помощью ли вышеописанных методик или как-то иначе, но образованию придется учить нас общению.

Умение выбирать. Если, допустим, переход к супериндустриализму увеличит возможность выбора и сложность встающих перед индивидом решений, то совершенно ясно, что образование должно немедленно взяться и за проблему сверхвыбора, т. е. чрезмерно богатого выбора.

Адаптация также подразумевает, что человек должен сделать правильный выбор. Оказавшийся перед многочисленными альтернативами индивид выбирает ту единственную, которая в наибольшей мере совпадает с его системой ценностей. По мере углубления проблемы сверхвыбора че-

ловек, у которого отсутствует четкое представление о собственных ценностях (не имеет значения, какими они могут быть), постепенно впадает в угнетенное состояние. Однако чем меньше желания у наших современных школьников попытаться разрешить проблему ценностной ориентации, тем большее значение она приобретает. Неудивительно, что миллионы молодых людей следуют в будущее неустойчивым курсом, кидаясь то туда, то сюда, как неуправляемая ракета.

В доиндустриальных обществах, где система ценностей была относительно стабильна, практически не возникало вопроса о правомочности старшего поколения навязывать свои ценности молодежи. Образование в равной мере занимается как внушением моральных ценностей, так и передачей профессиональных навыков. Как раз на заре индустриализации Герберт Спенсер подчеркивал, что «образование имеет своим предметом формирование характера», что в вольном прочтении означает: заманивать или загонять молодежь силой в систему ценностей стариков.

Когда мощные валы промышленной революции «проутюжили» старорежимную систему ценностей, а новые условия потребовали и ценностей новых, тут-то педагоги и отступили. В пику клерикальному образованию стало считаться прогрессивным преподавание фактов и «дозволение учащемуся принимать самостоятельное решение». Культурный релятивизм и появление научной нейтральности распространили это настоятельное требование и на традиционные ценности. Образование осталось верным риторике формирования характера, однако педагоги избегали собственно идеи внушения ценностных ориентаций, воображая, будто они не имеют ни малейшего отношения к ценностям бизнеса.

Сегодня многие учителя испытывают неловкость, когда им напоминают, что учащимся передаются любые ценности, и если уж не через учебники, которыми они пользуются, то через неформальный учебный план. Учащиеся по-прежнему рассажены по местам, звучит школьный звонок, сохраняется возрастное деление, социально-классовое разграничение, авторитет учителя. Они все еще находятся в

школе, а не собственно в обществе. Все эти организационные моменты в той или иной степени формируют социальные установки и взгляды учащегося. Однако формальный учебный план продолжает сохраняться, как будто он совершенно независим от системы ценностей. Идеи, события и явления лишаются всех ценностных смыслов и нравственного значения.

Хуже того, учащимся крайне редко рекомендуют анализировать свои собственные духовные ценности, а также ценности, на которые ориентируются их учителя и ровесники. Миллионы проходят через систему образования, и ни разу их не заставили поискать противоречия в их собственной системе ценностей, глубоко проанализировать собственные жизненные цели или хотя бы честно поговорить на эти темы со старшими или ровесниками. Учащиеся скачут из класса в класс. Учителя и преподаватели вечно спешат и все более и более отдаляются. Даже «разговор начистоту» — неформальные внеклассные мероприятия, на которых обсуждаются секс, политика или религия, что позволяет участникам определиться и прояснить свои ценностные ориентации, — проводятся все реже и реже и становятся все менее задушевными, по мере того как нарастает общая атмосфера временности и неустойчивости.

Ничего лучше не придумаешь, чтобы плодить людей, неуверенных в своих целях, людей, неспособных принимать эффективные решения в условиях сверхвыбора. Преподаватели супериндустриальной эпохи не должны даже и пытаться навязывать учащемуся жесткий ценностный комплекс, однако они обязаны систематически проводить официальные и неофициальные мероприятия, чтобы помочь учащимся определить, развить и проверить свои ценностные ориентации, каковы бы они ни были. Наши школы так и будут выпускать человека индустриального, пока мы не научим молодых людей тем навыкам, которые необходимы им, чтобы выявлять и объяснять, если уж не улаживать, конфликты в своих собственных системах ценностей.

Поэтому в учебный план будущего должны включаться не только курсы чрезвычайно широкого диапазона, ори-

ентированные на усвоение данных. Надо прививать необходимые в будущем навыки поведения. Учебный план должен сочетать в себе разнообразную, насыщенную фактами содержательную часть с общей подготовкой, которую можно было бы обозначить термином «жизненное ноу-хау» или назвать «знанием жизни». Нужно суметь заниматься и тем, и другим одновременно, передавая одно в условиях и обстановке, которые формируют другое.

Строя таким образом определенные предположения относительно будущего и планируя основанные на них организационные и учебные цели и задачи, Советы будущего могут приступить к формированию подлинно супериндустриальной системы образования. Однако остается еще один, последний решающий шаг. Ибо недостаточно переориентировать на будущее *систему*. Мы должны изменить субъективную парадигму времени самого *индивида*.

СТРАТЕГИЯ БУДУЩНОСТИ

И триста пятьдесят лет спустя после смерти Сервантеса ученые все еще находят свидетельства, подтверждающие его глубокое понимание адаптационной психологии, выразившееся в кратком афоризме: «Кто предостережен, тот вооружен». Казалось бы, самоочевидно, что в большинстве ситуаций мы можем людям помочь лучше адаптироваться, если просто снабдим их новейшей информацией о том, что их ждет впереди.

Изучение реакции космонавтов, семей вынужденных переселенцев и промышленных рабочих почти однозначно указывает на этот вывод. «Упреждающая информация, — пишет психолог Хью Боуэн, — допускает... поразительное изменение поведения»[10]. Идет ли речь о вождении автомобиля по запруженной народом улице, о пилотировании самолета, решении интеллектуальной головоломки, игре на виолончели или участии в межличностных конфликтах —

решение задачи заметно улучшается, когда индивид знает, к чему нужно быть готовым.

Мысленная обработка любых упреждающих данных, вероятно, сокращается до объема всей обработки и времени реакции в течение фактического времени адаптации. Уверен, что именно Фрейд сказал: «Мысль — это репетиция действия».

Однако привычка опережать события гораздо важнее специфических битов упреждающей информации. Эта обусловленная подготовкой способность заглядывать вперед играет в адаптации ведущую роль. В действительности одна из секретных пружин успешного преодоления, вполне возможно, кроется в чувстве будущего, свойственном конкретному индивиду. Те из нас, кто идет в ногу с переменами, кому удается хорошо адаптироваться, по-видимому, обладают более глубоким и более развитым чувством предстоящего, чем те, кто плохо с этим справляется. Предвидение будущего стало у них привычкой. Шахматист, который предвидит ходы своего соперника, руководитель, который прогнозирует долгосрочные и перспективные планы, учащийся, который, прежде чем начать чтение с первой страницы, заглянет сначала в оглавление, — всем им, по-видимому, живется гораздо лучше.

Люди весьма отличаются друг от друга тем, сколько они размышляют о будущем. Одни вкладывают гораздо больше душевных сил в заблаговременное самопрогнозирование — воображают, анализируют и оценивают будущие возможности и вероятности. Отличаются люди и тем, насколько *далеко* склонны они заходить в своих проектах. Одни привычно мыслят в категориях «отдаленного будущего». Другие же проникают не далее «ближайшего будущего».

Таким образом, у нас имеются по крайней мере два параметра «интереса к будущему»: как много и насколько далеко. Есть данные, что у нормальных подростков созревание сопровождается, по словам Стивена Л. Клайнберга из Принстона, «повышенным интересом к событиям отдаленного будущего»[11]. Тем самым предполагается, что людям разного возраста свойственно уделять будущему и разное внимание.

Могут различаться и их «временны́е горизонты». Однако не только возраст сказывается на нашем интересе к будущности. Влияет на него и общий культурный уровень, а уровень изменения окружающей среды — это одно из важнейших культурных влияний.

Вот почему имеющееся у индивида чувство будущего играет такую важную роль в его способности преодолевать трудности. Чем стремительнее темп жизни, тем быстрее ускользает от нас современная окружающая обстановка и тем интенсивнее потенциальные возможности реализуются. По мере того как наше окружение постепенно набирает обороты своего поступательного движения, мы не только вынуждены все больше размышлять о будущем, но и расширять горизонты нашего времени, зондируя все более и более отдаленное будущее. Водитель, тянущийся вдоль скоростной магистрали со скоростью двадцать миль в час, может вполне успешно вписаться в поворот на съездную полосу, даже если знак с отметкой «кратчайший путь» находится в непосредственной близости к съезду. Однако чем с большей скоростью он движется, тем дальше должен быть отодвинут знак, чтобы водитель успел прочитать и среагировать. Точно так же и общее ускорение темпа жизни вынуждает нас увеличить горизонт нашего времени, иначе мы рискуем оказаться застигнутыми врасплох непредвиденными событиями. Чем быстрее меняется среда, тем больше интереса к будущности надо проявлять.

Конечно, некоторые люди заносятся в настолько отдаленное будущее, что их предвидения превращаются в эскапистские фантазии. Гораздо чаще, однако, встречаются люди, предвидения которых настолько беспомощны и краткосрочны, что они не перестают удивляться и приходить в смятение от совершающихся перемен.

Индивид с хорошими адаптивными способностями умеет перенестись во времени ровно на такое расстояние, какое необходимо, чтобы рассмотреть и оценить открытые перед ним альтернативные направления деятельности, прежде чем возникнет необходимость принять окончательное решение, и заранее принять несколько пробных решений.

Исследования, проведенные социологами Ллойдом Уорнером в Соединенных Штатах и Эллиотом Джейксом в Великобритании, показали, например, насколько важен этот временно́й элемент для принятия решения в менеджменте. Человеку на поточной линии поручена работа, требующая от него сосредоточенности на событиях, близких к нему по времени. От человека, преуспевающего в менеджменте, ждут, что с каждым успешным продвижением по службе он все больше будет интересоваться событиями отдаленного будущего[12].

Социолог Бенджамин Д. Сингер из университета Западного Онтарио, специализирующийся в социальной психологии, пошел еще дальше. По утверждению Сингера, будущее играет громадную, в значительной мере недооцененную роль для поведения в настоящем. Он доказывает, например, что «я» ребенка — это отчасти возврат к источнику, где все устремлено к становлению». Цель, к которой стремится ребенок, — это его «сфокусированный будущий ролевой образ», представление о том, как ему или ей хотелось бы выглядеть в различные моменты будущего.

Этот «сфокусированный будущий ролевой образ, пишет Сингер, стремится... организовать и придать смысловое значение той модели жизни, на реализацию которой он (ребенок) рассчитывает. Однако там, где наличествует только смутно определяемая или функционально несуществующая будущая роль, смысловое значение, которое приписывается поведению после оценки большим обществом не существует, школьные занятия становятся бессмысленными, а равно нормы и правила средних слоев общества и требуемая родителями дисциплина».

Проще говоря, Сингер утверждает, что каждый индивид несет в своей памяти не только мысленное представление о себе самом в настоящем, некий собственный воображаемый образ, но и ряд мыслеобразов о себе, каким бы он хотел быть в будущем. «Этот человек из будущего является для ребенка средоточием внимания, это притягивающий его магнит, можно было бы даже сказать, что это — созданная будущим общая схема настоящего»[13].

Можно подумать, будто образование, занятое развитием личности и повышением способности к адаптации, готово сделать все, что в его силах, чтобы помочь детям в развитии соответствующего отношения к субъективной парадигме времени, приемлемой меры и степени интереса к будущности. Чудовищнее заблуждения и быть не может.

Остановимся, например, на колоссальной разнице в подаче современной школой материалов по пространству и времени. Каждому учащемуся практически любой школы старательно помогают локализоваться в пространстве. От него требуют изучать географию. Карты, диаграммы и глобусы — все помогает ему точно определить свое место в пространстве. Мы не только показываем ему, где находится его город, регион или страна, мы пытаемся даже объяснить, как расположена Земля в космическом пространстве относительно других планет солнечной системы и, конечно же, всей Вселенной.

Однако едва дело доходит до локализации ребенка во времени, как мы тут же играем с ним жестокую и злую шутку. Его погружают в прошлое собственной страны и прошлое всего мира. Он изучает Древнюю Грецию и Рим, развитие феодализма, Французскую революцию и так далее. Он знакомится с библейскими историями и легендами своего отечества. Он нашпигован бесконечными рассказами о войнах, революциях и переворотах, и все они заботливо снабжены ярлычками с соответствующими датами в прошлом.

В известной мере он даже ознакомлен с «текущими событиями». Его могут попросить принести газетные вырезки, а уж очень инициативный учитель может дойти даже до того, что предложит ему посмотреть по телевизору вечерние новости. Короче, от всего настоящего ему предлагается лишь тонюсенькая щепочка.

А дальше время остановилось. О завтрашнем дне школа хранит молчание. «Не одни только курсы нашей истории заканчиваются годом их изучения, — лет тридцать назад писал профессор Осип Флехтхайм, — но та же самая ситуация складывается при изучении управления и экономичес-

кой науки, психологии и биологии»[14]. Время, разогнавшись, резко остановилось. Внимание учащегося направлено не вперед, а назад. Будущее, так сказать, изгнанное из класса, изгоняется и из его сознания. И будто бы никакого будущего и не существует.

Это насильственное искажение чувства времени нашло отражение в наглядном эксперименте, поведенном психологом Джоном Кондри, профессором кафедры эволюции человека Корнэльского университета. В ходе совершенно самостоятельных исследований в Корнэльском университете и Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе Кондри предлагал группам студентов первый абзац из рассказа, где описывается вымышленный «профессор Хоффман», его жена и удочеренная ими кореянка. Девочка в слезах, платьице у нее разорвано, а остальные ребятишки стоят, уставившись на нее. Студентам предлагалось закончить повествование.

Студенты были заранее разделены на две группы. Одной группе первый абзац прочитали в прошедшем времени. Персонажи «слышали», «видели» или «бежали». Студентам предложили: «Расскажите, что мистер и миссис Хоффман сделали и что им сказали дети». Другой же группе весь абзац был прочитан в будущем времени. Им предложили: «Расскажите, что мистер и миссис Хоффман сделают и что им скажут дети». Не считая этой подвижки во времени, оба абзаца и полученные инструкции были абсолютно идентичны.

Результаты эксперимента оставили неизгладимое впечатление. В одной группе написали довольно увлекательные и интересные окончания рассказа. Творчески подойдя к делу, студенты ввели новые ситуации и диалоги. Концовки у другой группы получились крайне схематичными, неубедительными, надуманными и вымученными. Прошлое оказалось богато представленным в восприятии, будущее же — бессодержательным. «Складывается впечатление, — поясняет профессор Кондри, — что нам гораздо легче говорить о прошлом, чем о будущем»[15].

Если адаптация наших детей к стремительным переменам будет удачной, то это «искривление времени» прекратится. Мы должны сделать их более чуткими к возможностям и вероятностям завтрашнего дня. Мы должны усилить их чувство будущего.

У общества есть немного встроенных ключей времени, которые помогают осуществлять связь нынешнего поколения с прошлым. Наше чувство прошлого выработано у нас общением со старшим поколением, нашим знанием истории, накопленным художественным, музыкальным, литературным и научным наследием, дошедшим до нас сквозь года. Оно усиливается непосредственным контактом с окружающими нас предметами, каждый из которых связан с прошлым, каждый из которых снабжает нас энграммой отождествления с прошлым.

Нет таких ключей времени, которые усиливали бы наше чувство будущего. У нас нет ни предметов, ни друзей, ни родных, ни произведений искусства, ни музыкальных, ни литературных произведений, которые своими корнями уходили бы в будущее.

Несмотря на это, существуют способы послать человеческое сознание как вперед, так и назад. Нам нужно начать с создания у народа более глубокого, ориентированного на будущее сознания, но отнюдь не с помощью комиксов с Баком Роджерсом, фильмов типа «Барбареллы» или статей о чудесах космических путешествий или медицинских исследованиях. Конечно, и они вносят свой вклад, но сейчас необходимо все внимание сосредоточить именно на социальном и личностном значении будущего, а не только на его технологических параметрах.

Если у современного человека есть желание справиться с эквивалентом тысячелетий изменения в сжатом промежутке одной-единственной человеческой жизни, то он должен иметь у себя в голове достаточно правильные (пусть и грубые) образы будущего.

У людей средневековья был образ загробной жизни, «укомплектованный» живыми мысленными картинами рая и ада. Нам сейчас нужно распространять и разъяснять в

обществе динамические, но не сверхъестественные образы, показывающие, какой в стремительно надвигающемся будущем станет жизнь на слух, на вкус, на ощупь, какой у нее будет запах.

Чтобы создать такие образы и этим смягчить шок будущего, мы прежде всего должны сделать приемлемыми рассуждения и домыслы о самом будущем. Мы должны не высмеивать гадалок и прорицателей, а поощрять людей с самого детства свободно рассуждать, фантазировать не только о том, что сулит им грядущая неделя, а о том, что следующее поколение готовит всему человечеству. Мы предлагаем своим детям курсы истории, а почему бы и не курсы «Будущее», в которых получили бы такую же системную разработку возможности и вероятности будущего, как общественное устройство древних римлян или расцвет феодального менора?

Роберт Юнг, один из ведущих философов-футурологов Европы, как-то заметил: «В настоящее время почти исключительное значение придается знанию того, что уже произошло или уже сделано. В будущем... не менее трети всех лекций и практических занятий обязательно будет посвящаться находящимся в работе научным, техническим и философским трудам, произведениям искусства, а также ожидающимся кризисам и потенциально возможным решениям этих сложных проблем в будущем»[16].

Для этих курсов у нас нет литературы *из* будущего, но зато у нас есть литература *о* будущем, состоящая не только из великих утопий, но также и из современной научной фантастики. Как литературный жанр научная фантастика отнесена к разряду малопочтенных и, пожалуй, заслуживает такого неуважения критики. Но если мы взглянем на нее не как на литературу, а как на разновидность социологии будущего, то увидим, что научная фантастика может иметь колоссальное значение для формирования привычки к предвидению. Нашим детям обязательно следует изучать Артура Кларка, Уильяма Тенна, Роберта Хайнлайна, Рэя Брэдбери и Роберта Шекли вовсе не потому, что эти писатели могут им рассказать о звездолетах и машинах времени, но, что

гораздо важнее, потому, что они могут провести юные умы путями воображаемого освоения джунглей политических, социальных, психологических и этических проблем, с которыми эти дети столкнутся, став взрослыми. Научную фантастику следует включить в список обязательной литературы по программе «Будущее I».

Однако учащимся не следует ограничиваться только чтением. Было разработано много развивающих игр для детей и взрослых на тему будущих возможностей и альтернатив. Игра «Будущее», распространявшаяся Кайзеровской алюминиевой и химической корпорацией по случаю своей двадцатой годовщины, знакомит играющих с различными техническими и социальными альтернативами будущего и побуждает их делать свой выбор. Игра показывает, насколько связаны между собой события, происходящие в технике и в обществе, поощряет играющих думать в категориях вероятности и в различных модификациях может способствовать пониманию роли ценностей в процессе принятия решения. В Корнэльском университете профессор Хосе Вильегас с кафедры проектирования и исследования среды обитания создал с помощью группы студентов несколько игр, тематически построенных на базе домостроения и общественной деятельности в будущем. Еще одна игра, разработанная под его руководством, преследует цель разъяснить, как будут взаимодействовать друг с другом техника и система ценностей в грядущем мире.

С маленькими детьми возможны другие занятия. Чтобы усилить сориентированный на будущее ролевой образ индивида, учащимся можно предложить написать их собственные «будущие автобиографии», в которых они обрисуют себя через пять, десять или двадцать лет[17]. Предлагая эти сочинения для обсуждения в классе, сравнивая высказанные в них разумные предположения, можно выявить и проанализировать противоречия в собственных прогнозах детей. В тот момент, когда «я» разбивается на ряд последовательных самостей, эту методику можно использовать для восстановления цельной личности. Если, например, пятнадцатилетним подросткам дать их «будущие автобиографии»,

написанные ими лет в двенадцать, то они смогут наглядно убедиться, насколько созревание изменило их собственные образы будущего. Им можно помочь понять, как их ценности, таланты, навыки, умения и знания сформировали их собственные возможности.

Учащимся, которым предлагается представить себя через несколько лет, можно напомнить, что их братья, родители и друзья тоже станут старше, и предложить школьникам подумать о «значимых других», какими *те* станут в своей жизни.

Подобные практические занятия наряду с изучением вероятности и простых методов прогноза, которые могут быть использованы в личной жизни каждого, помогут наметить и модифицировать как личную, так и социальную концепцию будущего любого индивида. Они могут создать у индивида новую субъективную парадигму времени, новую восприимчивость к будущему, которая окажется полезной в преодолении трудностей дня сегодняшнего.

Среди высокоадаптивных индивидов, как мужчин, так и женщин, которые действительно живут в своем времени и чутко реагируют на него, отмечается реальная тоска по будущему. Нельзя сказать, чтобы они некритически воспринимали все потенциальные ужасы будущего или слепо верили в перемены ради перемен, просто их отличает всепоглощающее любопытство, непреодолимое стремление *узнать*, что случится потом.

Это непреодолимое стремление порождает необычайные и удивительные явления. Однажды я оказался свидетелем трогательной сцены: в группе новичков совершенно седой человек объяснял, что привело его сюда, на мои семинары по социологии будущего. В группу входили составители перспективных планов корпораций и сотрудники крупнейших фондов, издательств и научно-исследовательских центров. Каждый из участников выдвигал свои мотивации посещения семинара. Наконец очередь дошла до сидевшего в углу невысокого человека. Надтреснутым голосом он говорил языком английской риторики:

«Меня зовут Чарльз Стайн. Всю жизнь я работаю иглой. Мне семьдесят семь лет, и я хочу получить то, чего не смог получить в молодости. Я хочу *узнать* о будущем. Я хочу умереть образованным человеком!»

Необычайная тишина, с которой было встречено это простое заявление, все еще звенит в ушах присутствовавших тогда. Перед этой элоквенцией низко склонились все регалии ученых степеней, титулованных корпораций и престижных должностей. Надеюсь, что мистер Стайн все еще жив, радуется своему будущему и учит других, как и нас научил в тот вечер.

Когда миллионы разделят эту страсть к будущему, у нас будет общество, гораздо лучше подготовленное к ударам перемен. Сформировать такую любознательность и сознательную подготовленность — вот кардинальная задача образования. Создать образование, которое сформирует эту любознательность, — вот третья и, пожалуй, основная миссия супериндустриальной революции в школе.

Образование должно сместиться в будущее время.

---

[1] Дьюи и Хатчинс цитируются в [112]: посвящение и с. 70.

[2] Ссылка на Барзена взята из [101], с. 125.

[3] Значение часов исследуется в работе Mumford, Lewis, The Monastery and the Clock [293], с. 61. См. также великолепную статью: Thompson E. P. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism. // Past and Present, December, 1967, с. 56–97.

[4] Сноу цитируется из: [306], с. 12.

[5] Описание предложения Макдоналда см.: McDonald, Frederick J. Beyond the Schoolhouse [115], с. 230.

[6] О школе в Бедфорд-Стайвесанте см.: A College in the City: An Alternative // report issued by Educational Facilities Laboratories, Inc., March, 1969.

[7] Советы и предположения Хоу изложены в его статье This City as Teacher [115], с. 22.

[8] Комментарии Герджоя взяты из его интервью с автором.

[9] Маккюэн цитируется по: [230], с. 60.

[10] Цитату из Боуэна см.: [6], с. 52.

[11] Развитие будущих перспектив анализируется в Klineberg, Stephen L. Changes in Outlook on the Future Between Childhood and

Adolescence // Journal of Personality and Social Psychology, vol. 7, № 2, 1967, c. 192.

[12] Уорнер о времени см.: [350], с. 54–55; Джекс цитируется по [260], с. 231–233. См. также: Hill J. M. M. A Note on Time-span and Economic Theory // Human Relations, vol. XI, № 4, с. 373.

[13] Будущее как организационный принцип исследуется в неопубликованной статье Бенджамина Д. Сингера, социологический факультет, университет Западного Онтарио: The Future-Focused Role Image.

[14] Комментарий об отсутствии будущих перспектив в учебном плане взят из Flechtheim, Ossip K. Teaching the Future // The Futurist, February, 1968, c. 7.

[15] Описание эксперимента Кондри основано на интервью с экспериментатором и материалах тестирования. Проф. Кондри запланирована публикация. См. также: Le Shan, Lawrence L. Time and Social Class in [339].

[16] Цитата из Юнга взята из его статьи Technological Forecasting as a Tool of Social Strategy // Analysen und Prognosen, January, 1969, c. 12.

[17] Потрясающий отчет об экспериментах с будущими автобиографиями душевнобольных пациентов см.: [345].

Глава 19

УКРОЩЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Шок будущего — болезнь перемен — можно предотвратить. Но это потребует решительных социальных и даже политических действий. Не имеет значения, как индивидуумы пытаются задать темп своей жизни, не имеет значения, какие психические опоры мы им предлагаем, не имеет значения, как мы меняем образование — общество в целом все равно будет загнано вращать топчак*, пока не овладеет контролем над самим ускоряющимся темпом перемен.

* Топчак — машина, состоящая главным образом из расположенного по окружности плоского круга, насаженного на вертикальную ось, и вертикальных брусков, по которым человек

Высокую скорость перемен можно отследить по многим факторам. Рост населения, урбанизация, меняющееся соотношение молодых и стариков — все играет свою роль. Однако развитие технологии, очевидно, — решающий узел в сети причин; действительно это узел, который активизирует всю сеть. Поэтому одна мощная стратегия в борьбе за предотвращение массового шока будущего включает в себя сознательный контроль над развитием технологии.

Мы не можем и не должны поворачивать выключатель технического прогресса. Только романтические глупцы бормочут о возвращении в «естественное состояние», в котором дети чахнут и умирают из-за отсутствия элементарной медицинской помощи, в котором из-за недоедания лишаются рассудка, в котором, как напоминает нам Гоббс, типичная жизнь «бедна, грязна, груба и коротка». Повернуться спиной к технологии было бы не только глупо, но и безнравственно.

Учитывая, что большинство людей лишь метафорически живут в XX в., кто мы такие, чтобы даже размышлять о том, чтобы выбросить ключ к экономическому продвижению? Того, кто несет антитехнологическую чепуху во имя каких-то призрачных «общечеловеческих ценностей», нужно спросить: «Каких людей?» Обдуманно повернуть время вспять означало бы обречь миллиарды на вынужденную постоянную нищету именно в тот момент истории, когда их освобождение становится возможным. Ясно, что нам нужно не меньше, а больше технологии.

Верно, мы часто применяем новую технологию глупо и эгоистично. Спеша выдоить из технологии немедленную экономическую выгоду, мы сделали свою окружающую среду физически и социально легковоспламеняющейся.

Ускоряющееся распространение, саморазвитие технологии — каждый шаг вперед облегчает не один, а много дополнительных дальнейших шагов, — тесная связь между

взбирается безостановочно, чем приводит круг в движение, сам же остается на одном месте. С помощью топчака приводили в движение жернова, водяные насосы и пр. В 1817 г. топчак был введен в английских тюрьмах в виде наказания. — *Примеч. ред.*

технологическими и социальными устройствами — все это создает «психологическое загрязнение», кажущееся неостановимым ускорение темпа жизни.

Это психическое загрязнение происходит одновременно с промышленным, загрязняющим наши небеса и моря. Пестициды и гербициды проникают в нашу пищу. Искореженные остовы автомобилей, алюминиевые банки, стеклянные бутылки, которые нельзя сдать, синтетические пластмассы формируют в нашей среде гигантские помойки, в то время как наш детрит все больше и больше сопротивляется разложению. Мы даже еще не знаем, что делать с нашими радиоактивными отходами — закачивать ли их в землю, выбрасывать в космос или сливать в океаны.

Наши технологические мощности растут, но побочные эффекты и потенциальные опасности тоже увеличиваются[1]. Мы подвергаемся риску термозагрязнения самих океанов, их перегревания, уничтожения бесчисленных морских видов, может быть, даже таяния ледовых шапок на полюсах. На суше мы концентрируем на маленьких урбанистических технологических островках такие большие массы населения, что возникает угроза использовать весь содержащийся в воздухе кислород быстрее, чем он может быть замещен, и в воображении возникают картины новой Сахары на тех местах, где сейчас города. Из-за такого разрушения естественной экологии мы буквально можем, говоря словами биолога Барри Коммонера, «уничтожить эту планету как место, подходящее для обитания человека»[2].

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ НЕБЛАГОПРИЯТНАЯ РЕАКЦИЯ

Когда результаты безответственного использования технологии становятся мрачной очевидностью, нарастает неблагоприятная политическая реакция. Случай, когда в результате бурения в открытом море было загрязнено 800 квадратных миль в Тихом океане, вызывает сокрушитель-

ную волну возмущения во всех Соединенных Штатах. Говард Хьюг, мультимиллионер-промышленник из Невады, готовит судебный иск, чтобы помешать Комиссии по атомной энергетике продолжать подземные ядерные испытания. В Сиэтле общественность протестует против намерения компании «Боинг» строить транспортные сверхзвуковые реактивные самолеты[3]. В Вашингтоне общественное мнение вынуждает пересмотреть политику в области ракет. В MIT (Массачусетский технологический институт), Висконсине, Корнэле и других университетах ученые оставляют приборы и логарифмические линейки во время «моратория на исследования», призванного обсудить социальный смысл их работы[4]. Студенты организуют «экологическое обучение», президент читает стране лекцию об экологической опасности. Дополнительная озабоченность нашим технологическим курсом внезапно возникает в Великобритании, Франции и других государствах[5].

Здесь мы видим первые проблески международного бунта, который будет сотрясать парламенты и конгрессы в ближайшие десятилетия. Этот протест против разрушений, которые производит безответственно используемая технология, может кристаллизоваться в патологическую, подобную фашизму, форму: страх перед будущим может привести к созданию концентрационных лагерей для ученых, как когда-то для евреев. Когда напряжение перемен сильнее давит на индивидуума и распространенность шока будущего увеличивается, этот кошмар обретает плоть. Примечательно, что лозунг, нацарапанный на стене бунтующими студентами в Париже, гласил: «Смерть технократам!»[6]

Однако нельзя допустить, чтобы зарождающееся всемирное движение за контроль над технологией попало в руки безответственных технофобов, нигилистов и романтиков руссоистов. Ведь мощь технологической гонки слишком велика, чтобы ее можно было остановить выступлениями луддитов. Хуже того, безрассудные попытки остановить технологию приведут к точно таким же результатам, что и безрассудные попытки продвинуть ее.

Зажатые между этими двумя опасностями, мы отчаянно нуждаемся в движении за ответственную технологию. Нам нужна широкая политическая группировка, рационально связанная с дальнейшими научными исследованиями и технологическими новациями, но только на селективной основе. Не нужно тратить энергию на публичные обвинения Машины или негативистскую критику космической программы, необходимо сформулировать набор положительных технологических целей на будущее.

Такой набор целей, если он понятен и хорошо проработан, мог бы внести порядок в область, где сегодня царит полный кавардак. По мнению Аурелио Печчеи*, итальянского экономиста и промышленника, к 1980 г. объединенные расходы на исследования и развитие в Соединенных Штатах и Европе достигнут 73 млрд. долл. в год. Этот уровень расходов достигает трех четвертей триллиона долларов в десятилетие[7]. Когда речь идет о таких громадных суммах, можно подумать, что правительства тщательно планируют технологическое развитие своих стран, связывая его с широкими социальными целями и настаивая на строгой подотчетности. Нет ничего более ошибочного.

«Никто — даже самый блестящий из ныне живущих ученых — в действительности не знает, куда ведет нас наука, — говорит Ральф Лэпп, ученый, ставший писателем. — Мы находимся в поезде, который набирает скорость, мчимся по пути, где стоит неизвестное количество стрелок, ведущих к неизвестным пунктам назначения. В кабине паровоза нет ни одного ученого, а у стрелок могут оказаться демоны. Большая часть общества находится в тормозном вагоне и смотрит назад»[8].

Вряд ли обнадеживает то, что, когда Организация по экономическому сотрудничеству и развитию выпустила свой обширный доклад по науке в Соединенных Штатах, один из его авторов, бывший премьер-министр Бельгии, признался: «Мы пришли к выводу, что ищем что-то... чего нет: научную политику». Комитет мог бы искать еще упорнее и с

* Аурелио Печчеи — один из создателей и президент Римского клуба с 1967 до 1984 г. Скончался 14 марта 1984 г. — *Примеч. ред.*

таким же малым успехом что-нибудь, напоминающее сознательную технологическую политику[9].

Радикалы часто обвиняют «правящий класс», или «истеблишмент», или просто «их» в осуществлении контроля над обществом способами, неблагоприятными для благополучия масс. Такие обвинения в некоторых случаях правомерны. Однако сегодня перед нами даже более опасная реальность: многие социальные несчастья в меньшей степени являются следствием угнетающего контроля, чем угнетающего отсутствия контроля. Пугающая правда такова: за состояние технологии никто не отвечает.

ОТБОР КУЛЬТУРНЫХ СТИЛЕЙ

До тех пор пока индустриализирующееся государство бедно, оно склонно приветствовать любую техническую инновацию, которая обещает увеличить экономическую мощность или материальное благосостояние. В действительности это не выраженная словами технологическая политика, и она может дать направление чрезвычайно быстрому экономическому росту. Однако это отвратительно грубая политика, и в результате все виды новых машин и процессов изрыгаются в общество без учета их вторичных и долгосрочных воздействий.

Как только общество начинает свой взлет в сверхиндустриализм, эта политика «все годится» становится в целом рискованно неадекватной. Помимо возросшей мощности и спектра технологии, также множатся возможности выбора. Передовая технология помогает создавать избыточный выбор во всем, что касается доступных товаров, культурной продукции, услуг, субкультур и стилей жизни. В то же время избыточный выбор уже характеризует и саму технологию.

Все более разнообразные инновации выстраиваются перед обществом, и проблемы выбора становятся все более и более острыми. Старая простая политика, в рамках которой

выбор делался в соответствии с краткосрочной экономической выгодой, становится опасной, приводящей в замешательство, дестабилизирующей.

Сегодня, для того чтобы делать выбор между технологиями, нам нужны гораздо более изощренные критерии. Такие политические критерии нужны нам не только для того, чтобы предотвратить бедствия, которых можно избежать, но и для того, чтобы помочь нам открыть завтрашние возможности. Впервые столкнувшись с технологическим избыточным выбором, общество теперь должно подбирать свои машины, процессы, техники и системы по группам и подгруппам, а не по одному каждый раз. Оно должно выбрать способ, каким индивидуум выбирает свой стиль жизни. Оно должно принимать сверхрешения по поводу своего будущего.

Более того, совсем как индивидуум может применять сознательный выбор между альтернативными стилями жизни, общество может делать сознательный выбор между альтернативными культурными системами. Это новый факт в истории. В прошлом культура возникала естественно. Сегодня впервые мы можем сделать этот процесс сознательным. Применяя наряду с другими мерами продуманную технологическую политику, мы можем очертить контур культуры завтрашнего дня.

В своей книге «2000 год» Герман Кан и Энтони Винер перечисляют сто технических инноваций, «весьма вероятных в последней трети двадцатого века»[10]. К их числу относятся многочисленные применения лазера к новым материалам, новые источники энергии, новые воздушные и подводные транспортные средства, трехмерная фотография и «человеческое бездействие» для медицинских целей. Подобные списки следует создать повсюду. В транспорте, в коммуникациях, в каждой мыслимой и почти в немыслимых областях — море инноваций. Вследствие этого сложность выбора становится ошеломляющей.

Это хорошо иллюстрируют новые изобретения и открытия, которые имеют прямое отношение к проблеме адаптационной способности человека. Подходящий случай — так

называемый OLIVER*, который стремятся разработать некоторые специалисты-компьютерщики, чтобы помочь нам справиться с избыточным грузом решений. В самой простой форме OLIVER был бы просто персональным компьютером, запрограммированным предоставлять индивидууму информацию и принимать за него второстепенные решения. На этом уровне он мог бы хранить информацию о том, предпочитают его друзья Манхэттен или мартини, данные о транспортных магистралях, стоимости ценных бумаг и т. д. Можно установить устройство, чтобы оно напоминало о дне рождения жены или автоматически заказывало цветы. Оно могло бы возобновлять его подписку на журналы, вовремя вносить арендную плату, заказывать бритвенные лезвия и тому подобное.

Кроме того, поскольку компьютеризованные информационные системы разветвляются, данные можно поместить во всемирный динамический пул информации, хранимой в библиотеках, корпоративных файлах, больницах, магазинах, торгующих в розницу, правительственных службах и университетах. Таким образом, OLIVER стал бы для него универсальным справочником.

Однако некоторые ученые-компьютерщики видят многое за этими пределами. Теоретически возможно сконструировать OLIVER, который бы анализировал содержание слов своего владельца, исследовал его выбор, делал выводы о его системе ценностей, обновлял собственную программу, чтобы она отражала изменения его ценностей, и в конечном счете справлялся бы вместо него со все большим и большим количеством решений.

Так, OLIVER знал бы, как бы его владелец, по всей вероятности, реагировал на различные предложения, сделанные на собрании комитета. (В собраниях могли бы участвовать группы OLIVER'ов, представляющих своих уважаемых владельцев без присутствия самих владельцев. Действительно экспериментаторы уже проводили конференции такого типа «с посредничеством компьютеров».)[11]

---

* On-Line Interactive Vicarious Expediter and Responder (Диалоговый замещающий диспетчер и ответчик, работающий в режиме реального времени). Акроним был выбран в честь Оливера Селфриджа, автора концепции.

OLIVER, например, знал бы, голосовал ли бы его владелец за кандидата X, сделал ли бы он вклад в благотворительное учреждение Y, принял ли бы приглашение на обед от Z. По словам энтузиаста OLIVER, психолога, прошедшего компьютерную подготовку, «если вы невежливый грубиян, OLIVER будет об этом знать и действовать соответственно. Если вы брачный аферист, OLIVER будет об этом знать и помогать. Ведь OLIVER будет просто-напросто вашим механическим альтер-эго». Можно пофантазировать и представить себе OLIVER'ы размером с булавку, воткнутые в мозг младенцев и используемые в сочетании с клонированием для создания живых — а не просто механических — альтер-эго.

Еще одно технологическое продвижение, которое могло бы расширить адаптивные границы индивидуума, имеет отношение к коэффициенту интеллектуальности (IQ) человека. Эксперименты, о которых много рассказывали, были проведены в Соединенных Штатах, Швеции и где-то еще, и они упорно наводят на мысль, что в обозримом будущем мы, вероятно, будем способны увеличить интеллект и способность управлять информацией. Исследования в области биохимии и питания показывают, что протеин, РНК каким-то неясным образом коррелируют с памятью и обучением. Широкомасштабные усилия увеличить интеллектуальные возможности будут вознаграждены фантастическим улучшением адаптивности человека.

Может быть, именно сейчас подходящий исторический момент для скачка к новому сверхчеловеческому организму. Но каковы последствия и альтернативы? Хотим ли мы, чтобы мир был населен OLIVER'ами? Когда? При каких условиях и обстоятельствах? Кто должен иметь к ним доступ? Кто не должен? Следует ли использовать биохимическое лечение, чтобы поднять умственно неполноценных до уровня нормальных, следует использовать его, чтобы поднять средних, или нам следует сосредоточиться на попытках разводить сверхгениев?

В совсем иных областях множество сложных альтернатив. Следует ли нам рискнуть нашими ресурсами в

попытке получить недорогую атомную энергию? Или следует предпринять сравнимое усилие, чтобы определить биохимическую основу агрессии? Следует нам тратить миллиарды долларов на сверхзвуковые реактивные самолеты или эти средства следует вложить в разработку искусственного сердца?[12] Следует ли нам возиться с человеческим геном? Или нам следует, как вполне серьезно предлагают некоторые, затопить внутреннюю часть Бразилии, чтобы создать внутренний океан размером с Восточную и Западную Германию?[13] Скоро мы, несомненно, сможем класть в продукты, которые едим на завтрак, супер-LSD, или антиагрессивную добавку, или клеточное вещество, как у Хаксли. Мы скоро сможем селить колонистов на других планетах и вживлять зонды удовольствия в головы новорожденных младенцев. Но следует ли это делать? Кто должен решать? По каким человеческим критериям должны приниматься такие решения?

Ясно, что общество, которое выберет OLIVER, атомную энергию, сверхзвуковые транспортные средства, макроинженерию на континентальном уровне вместе с LSD и зондами удовольствия, разовьет культуру, решительным образом отличающуюся от той, которую разовьет общество, решившее повысить интеллектуальность, распространить антиагрессивные средства и создать дешевое искусственное сердце.

Между обществом, которое избирательно подавляет технологическое продвижение, и обществом, которое слепо хватается за первую же подвернувшуюся возможность, быстро возникнут резкие различия. Еще более резкие различия разовьются между обществом, в котором темп технологического развития умеряют и направляют, чтобы предотвратить шок будущего, и обществом, в котором массы простых людей лишают возможности принимать рациональные решения. В первом политическая демократия и широкомасштабное участие осуществимы; во втором мощное давление ведет к политическому правлению крошечной технологической и управленческой элиты. Короче говоря, наш выбор технологий решающим образом формирует культурные стили будущего.

Вот почему на технологические вопросы больше нельзя отвечать только технологическими терминами. Это политические вопросы. Они оказывают на нас более глубокое действие, чем поверхностные политические проблемы, занимающие нас сегодня. Вот почему мы не можем и дальше принимать технологические решения старым способом. Мы не можем позволить, чтобы их принимали случайно, независимо друг от друга. Мы не можем позволить, чтобы они диктовались только краткосрочными экономическими соображениями. Мы не можем позволить, чтобы их принимали в политическом вакууме. И мы не можем необоснованно делегировать ответственность за такие решения бизнесменам, ученым, инженерам или администраторам, которые не осознают глубоких последствий собственных действий.

ТРАНЗИСТОРЫ И СЕКС

Чтобы взять под контроль технологию и через этот контроль добиться определенного влияния на ускоряющий рывок в целом, мы, следовательно, должны начать подвергать новую технологию серии проверок, прежде чем спускать ее с привязи в своей среде. Мы должны задавать целую серию непривычных вопросов о любой инновации, прежде чем дать ей недокументированную закладную.

Во-первых, горький опыт уже научил нас, что мы должны гораздо внимательнее рассматривать потенциальные побочные эффекты любой новой технологии. Предлагаем ли мы новую форму энергии, новый материал или новый промышленный химикат, мы должны попытаться определить, как они изменят тонкое экологическое равновесие, от которого зависит наше выживание. Кроме того, мы должны предвидеть их косвенное воздействие на больших временных и пространственных отрезках. Промышленные отходы, сброшенные в реку, могут подняться на поверхность в океане в сотнях и даже тысячах миль от нее. ДДТ

может не проявлять своих эффектов годами после его применения. Об этом написано так много, что, по-видимому, едва ли необходимо еще рассуждать об этом.

Во-вторых, и это гораздо сложнее, мы должны ставить вопрос о долгосрочном воздействии технологической инновации на социальную, культурную и психологическую среду. Широко распространено мнение, что автомобиль изменил облик наших городов, сместил образцы домовладения и розничной торговли, оказал влияние на сексуальные привычки и ослабил семейные связи. Считается, что на Ближнем Востоке быстрое распространение транзисторных приемников содействует возрождению арабского национализма. Противозачаточные таблетки, компьютер, космические достижения, а также изобретение и распространение таких «мягких» технологий, как системный анализ, привели к значительным социальным изменениям.

Мы больше не можем позволить себе допускать, чтобы такие вторичные социальные и культурные эффекты просто «случались». Мы должны попытаться предвидеть их заранее, по возможности оценивая их природу, силу и воздействие. Если есть вероятность серьезного ущерба, мы должны быть готовы заблокировать новую технологию. Это очень просто. Нельзя позволять технологии буйствовать в обществе.

Совершенно верно то, что мы никогда не можем знать все побочные эффекты какого бы то ни было действия, технологического или иного. Но неверно, что мы беспомощны. Иногда, например, есть возможность испытать новую технологию на ограниченных территориях, в ограниченных группах, изучив ее вторичные воздействия, прежде чем разрешить ее распространение. Если бы у нас было воображение, мы могли бы придумать живые эксперименты, даже сообщества добровольцев, чтобы они помогали управлять нашими технологическими решениями. Мы можем создать анклавы прошлого, где уровень перемен искусственно замедляется, или анклавы будущего, в которых индивидуумы могут предварительно испытать будущую среду. Мы можем организовать поодаль и даже субсидировать специальные

сообщества чрезвычайной новизны, в которых экспериментально используются и исследуются передовые препараты, источники энергии, транспортные средства, косметика, приборы и другие инновации.

Сегодня корпорация по заведенному порядку проводит полевое испытание продукта, чтобы убедиться, что он выполняет свое основное назначение. Та же компания проводит рыночное испытание продукта, чтобы удостовериться, будет ли он продаваться. Но за редкими исключениями никто не проводит последующих проверок потребителя или сообщества для определения побочных воздействий. Выживание в будущем может зависеть от того, научимся ли мы это делать.

Даже когда живое тестирование невыполнимо, мы все равно можем систематически предвидеть отдаленные эффекты различных технологий. Исследователи поведения быстро разрабатывают новые инструменты — от математического моделирования и воспроизведения до так называемого анализа Дельфи, — которые позволяют нам выносить более информированные суждения о последствиях наших действий. Мы составляем из кусочков концептуальные аппаратные средства, необходимые для социальной оценки технологии; нам нужно только использовать их.

Третий, еще более трудный и острый вопрос. Помимо реальных изменений в социальной структуре, какое воздействие предлагаемая новая технология окажет на систему ценностей общества? Мы мало знаем о ценностных структурах и о том, как они меняются, но есть основание полагать, что и на них технология оказывает значительное воздействие. Где-то я предлагал разработать новую профессию «прогнозистов ценностного воздействия»[14]. Мужчины и женщины, получившие специальную подготовку на основе последних достижений различных наук о поведении, могли бы определять ценностные смыслы предлагаемой технологии.

В 1967 г. в университете Питтсбурга группа видных экономистов, ученых, архитекторов, планировщиков, писателей и философов в течение суток участвовала в экспериментальной

модели, цель которой — развитие искусства ценностного прогноза. В Гарварде Программа по технологии и обществу занималась работой, относящейся к этой же сфере. В Корнэле и Институте по изучению науки в жизни людей в Колумбии предпринимается попытка построить модель отношений между технологией и ценностями и создать игру, полезную для анализа воздействия первой на последние. Все эти инициативы, хотя пока они очень примитивны, обещают помочь нам более точно, чем когда-либо раньше оценить новую технологию.

Четвертое и последнее: мы должны поставить проблему, которая до сих пор почти не исследовалась, но которая имеет решающее значение, если мы хотим предотвратить масштабный шок будущего. Относительно каждой крупной технологической инновации мы должны задавать вопрос: каков ее ускоряющий смысл?

Проблемы адаптации уже намного превосходят трудность справиться с тем или другим изобретением или техникой. Наша проблема уже не инновация, но цепь инноваций, не сверхзвуковой транспорт или реактор по воспроизводству ядерного топлива, или основное действие машины, но все взаимосвязанные следствия таких инноваций и новизны, которую они посылают в мир.

Помогает ли нам предлагаемая инновация контролировать пределы и направление последующего продвижения? Или она имеет тенденцию ускорить множество процессов, над которыми у нас нет контроля? Какое воздействие она оказывает на уровень быстротечности, количество новизны и разнообразие выбора? Пока мы не будем систематически зондировать эти вопросы, наши попытки использовать технологию в социальных целях — и установить контроль над ускоряющим броском вообще — будут слабыми и тщетными.

Вот какова насущная интеллектуальная повестка дня для общественных и естественных наук. Мы научились создавать и конструировать мощные технологии. Теперь больной вопрос — узнать об их последствиях. Сегодня эти последствия грозят уничтожить нас. Мы должны узнать, и узнать быстро.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ОМБУДСМЕН*

Однако нам брошен не только интеллектуальный, но и политический вызов. В дополнение к созданию новых исследовательских инструментов — новых способов понять свою среду — мы также должны создать новые политические институты, которые гарантировали бы, что эти вопросы действительно исследуются, и продвигали или притормаживали (а может быть, даже запрещали) определенные предлагаемые технологии. В результате нам нужен механизм для проверки благонадежности механизмов.

Ключевой политической задачей следующего десятилетия будет создание этого механизма. Мы должны перестать бояться осуществлять систематический социальный контроль над технологией. Ответственность за его осуществление общественные службы должны разделить с корпорациями и лабораториями, в которых рождаются технологические инновации.

При любом предложении контроля над технологией ученые немедленно поднимают брови[15]. Вызывается призрак косорукого правительственного вмешательства. Однако контроль над технологией не обязательно подразумевает ограничения свободы проводить исследования. Речь идет не об открытии, а о его распространении, не об изобретении, а о его применении. Ирония состоит в том, что, как подчеркивает социолог Амитаи Этциони, «многие либералы, целиком принимающие кейнсианский экономический контроль, придерживаются позиции невмешательства в технологию. Их аргументы использовались когда-то, чтобы защитить невмешательство в экономику: любая попытка контролировать технологию задушила бы инновации и инициативу».

Не стоит с легкостью игнорировать предупреждения об избыточном контроле. Однако последствия недостаточного контроля могут быть намного хуже. В действительности наука и технология никогда не свободны в абсолютном

---

* Ombudsman (*англ.*) — чиновник, рассматривающий претензии граждан к правительственным служащим (Parliamentary Commissioner). — *Примеч. ред.*

смысле. Изобретения и границы, в которых они применяются, находятся под влиянием ценностей и институций общества, которое является их источником. Фактически каждое общество осуществляет предварительную проверку благонадежности технических инноваций до их широкого использования.

Однако сегодня это делается бессистемно, и критерии, на которых основывается отбор, нужно изменить. На Западе основным критерием для отсеивания определенных технических инноваций и применения других остается экономическая выгодность. В коммунистических странах конечные тесты должны установить, будет ли инновация способствовать общему экономическому росту и национальной мощи. В первом случае решения носят частный характер и плюралистически децентрализованы. Во втором они носят общественный характер и жестко централизованы.

Сейчас обе системы устарели — они не способны справляться с проблемами сверхиндустриального общества. Они обе имеют тенденцию игнорировать все, кроме самых непосредственных и очевидных последствий технологии. Однако нас больше должны беспокоить не непосредственные и не очевидные воздействия. «Общество должно организовать себя так, чтобы надлежащее количество самых способных и обладающих наибольшим воображением ученых постоянно занималось долгосрочным прогнозом новой технологии, — пишет О. М. Соландт, председатель Научного совета Канады. — Наш нынешний метод зависимости от бдительности индивидуумов, предвидящих опасность и формирующих группы давления, которые пытаются исправить ошибки, будет недостаточным в будущем»[16].

Одним из шагов в правильном направлении было бы создание технологического омбудсмена — общественной службы, уполномоченной получать жалобы, относящиеся к безответственному применению технологии, расследовать их и возбуждать по ним иски.

Кто должен быть ответственным за исправление неблагоприятных эффектов технологии? Быстрое распространение моющих средств, используемых в домашних стиральных

и посудомоечных машинах, усугубляет проблемы, связанные с очисткой воды во всех Соединенных Штатах. Решение о массовом производстве моющих средств было принято на частном уровне, но побочные эффекты в результате сказались на издержках, которые терпит налогоплательщик и (в форме более низкого качества воды) потребитель вообще.

От загрязнения воздуха страдает и налогоплательщик, и общество, даже если, как это часто случается, источники загрязнения прослеживаются до отдельных компаний, отраслей или правительственных органов. Может быть, и разумно, чтобы расходы по очистке воздуха как вид социальных расходов несла общественность, а не определенные производства. Есть много способов распределить расходы. Но какой бы способ мы ни выбрали, абсолютно необходимо, чтобы границы ответственности были проведены ясно. Слишком часто ни одна служба, группа или учреждение не имеют ясной ответственности.

Технологический омбудсмен мог бы служить официальным органом, расследующим жалобы. Привлекая внимание прессы к компаниям или правительственным организациям, которые безответственно или без должной предусмотрительности применяют новую технологию, такая служба могла бы оказывать давление, чтобы добиться более разумного использования новой технологии. Наделенная властью начинать иски о возмещении ущерба, она могла бы стать значимой сдерживающей силой против технологической безответственности.

ПРОВЕРКА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ

Но просто расследовать и распределять ответственность после события едва ли достаточно. Мы должны создать проверку экологической благонадежности, чтобы защитить себя от опасных вторжений, а также систему общественных

стимулов, чтобы побуждать развитие технологии, которая является одновременно безопасной и социально желательной. Для этого необходим правительственный и частный механизм для рассмотрения крупных технологических продвижений *перед* тем, как они выпускаются в общество.

Можно ожидать, что корпорации создадут собственный «персонал для анализа последствий», чтобы изучать потенциальные эффекты инноваций, которые они поддерживают. В некоторых случаях они могли бы осуществлять не только «пилотные» испытания новой технологии, но и делать публичный отчет о ее воздействии, прежде чем будет позволено распространить инновацию в обществе в целом. Значительную ответственность следует делегировать самой промышленности. Чем менее централизован контроль, тем лучше. Если самоуправление будет работать, оно предпочтительнее внешнего, политического контроля.

Однако там, где саморегуляция не удается, как это часто бывает, вполне может оказаться необходимым общественное вмешательство, и нам не следует уклоняться от ответственности. В Соединенных Штатах конгрессмен Эмилио К. Даддарио, председатель комитета палаты представителей по науке, исследованиям и развитию, предложил создать Управление технологической оценки в федеральном правительстве. Исследовательские работы Национальной академии наук, Национальной академии прикладных наук, Законодательной справочной службы библиотеки конгресса и программы по науке и технологии университета Джорджа Вашингтона направлены на определение подходящей модели такой службы. Мы можем спорить о форме, но ее необходимость несомненна[17].

Общество также могло бы установить определенные общие принципы технологического продвижения. Например, там, где введение инновации влечет за собой чрезмерный риск, можно было бы требовать, чтобы ответственная служба отложила средства на исправление неблагоприятных эффектов, если они материализуются. Мы могли бы также создать «пул технологического страхования», куда службы, распространяющие инновации, могли бы платить страховые премии.

Определенные широкомасштабные экологические вмешательства могут быть отсрочены или вообще запрещены, возможно, в соответствии с принципом: если вторжение в природу слишком велико или стремительно по своему действию, которое можно отследить и, вероятно, исправить, его не должно быть. Например, были предположения, что Асуанская плотина, отнюдь не способствующая развитию сельского хозяйства Египта, в какой-то момент может привести к засолению земель по обоим берегам Нила. Это стало бы бедствием. Но такой процесс не происходит внезапно. Поэтому его, вероятно, можно отследить и предотвратить. Напротив, план затопить внутреннюю часть Бразилии чреват такими мгновенными и не поддающимися учету экологическими последствиями, что его вообще нельзя разрешать, пока не будет выполнен адекватный мониторинг и не станут доступными аварийные коррективные меры.

Для предотвращения негативных социальных последствий новую технологию можно было бы представлять на рассмотрение жюри ученых, изучающих поведение — психологов, социологов, экономистов, политологов, — которые, в меру своих возможностей, определяли бы вероятную силу ее социального воздействия в разные моменты времени. Если есть вероятность, что инновация повлечет за собой серьезные разрушительные последствия или породит неудержимые ускоряющие толчки, нужно ввести процедуру подсчета социальных выгод и издержек. В случае сильно действующих инноваций службу технологической оценки можно было бы уполномочить искать ограничивающее законодательство или добиваться судебного постановления о приостановке, пока не будет закончено всестороннее общественное обсуждение и изучение. В других случаях такие инновации все же могут выпускаться для распространения при обеспечении достаточных предварительных мер, чтобы компенсировать негативные последствия. Таким образом, обществу не обязательно ждать катастрофы, чтобы заняться проблемами, порожденными технологией.

Рассматривая не просто специфические технологии, но и их отношения друг с другом, промежуток времени между

ними, предлагаемую скорость распространения и тому подобные факторы, мы могли бы в конце концов добиться некоторого контроля над темпом перемен, а также над их направлением.

Нет необходимости говорить, что эти предложения сами по себе чреваты взрывоопасными социальными последствиями и нуждаются в тщательной оценке. Могут существовать гораздо лучшие способы достижения желаемых целей. Но время истекает. Мы просто больше не можем себе позволить с завязанными глазами мчаться к сверхиндустриализму. Политика технологического контроля вызовет острый конфликт в предстоящие дни. Но будет конфликт или нет, технологию необходимо укротить, если надо взять под контроль ускоряющийся рывок. А ускоряющийся рывок необходимо взять под контроль, если надо предотвратить шок будущего.

---

[1] Материал по эффектам технологии частично взят из: [322]. См. также: Man's Deteriorating Environment by Julian Huxley and Max Nicholson в The Times (London), October 7, 1969.

[2] Цитата Коммонера из Attitudes Toward the Environment: A Nearly Fatal Solution. Статья представлена на ежегодной встрече Американской ассоциации за прогресс науки, Даллас, Техас, декабрь 1968. См. также: The New York Times, December 29, 1968.

[3] Дополнительный материал по технологическим воздействиям см.: [329] и The New York Times, March 31, April 15 and April 27, 1969.

[4] Исследовательский мораторий описан в The New York Times, March 5, 1969.

[5] Свидетельства беспокойства в Великобритании найдены в Britain: Scientists Form New Group to Promote Social Responsibility by D. S. Greenberg // Science, May 23, 1969, с. 931. Отчет о международных усилиях см.: Of Muck and Men // Economist, December 20, 1969, p. 15.

[6] Отношение молодежного движения к технократии обсуждается в Altering the Direction of Technology by Robert Jungk // Student World, № 3, 1968. Geneva: World Student Christian Federation, p. 224.

[7] Цифры исследования и развития из: [169], с. 24.

[8] Лэпп цитируется из: [290], с. 29.

[9] В отсутствии научной политики обвиняет доклад OECD [335]; см. также: The New York Times, January 13, 1968.

[10] Вероятные технологические инновации обсуждаются в: [159], с. 51–52.

[11] Потенциальные возможности OLIVER'а исследуются в Computer as a Communications Device by J. C. R. Licklider and Robert W. Taylor // Science and Technology, April, 1968, с. 31.

[12] Обсуждение сверхзвукового транспорта см.: The SST and the Government: Critics Shout into a Vacuum // Science, September 8, 1967, и Sonic Booms from Supersonic Transport by Karl D. Kryter, Science, January 24, 1969.

[13] Предложение искусственного океана в Бразилии описано в A Wild Plan for South America's Wilds by Tom Alexander // Fortune, December, 1967, с. 148.

[14] О прогнозировании изменения ценностей см.: Value Impact Forecaster — A Profession of the Future by Alvin Toffler в [131].

[15] Сопротивление ученых регулированию комментируется в Change and Adaptation by Amitai Etzioni // Science, December, 1966, с. 1533.

[16] Факты в пользу регулирования технологии высказываются в The Control of Technology by O.M. Solandt // Science, August 1, 1969. См. также глубокую дискуссию о проблемах политики в области науки и технологии в [333] и короткое заявление ведущего защитника технологической оценки в конгрессе в [314].

[17] Подробные теоретические и исторические исследования проблем технологической оценки см.: в статьях Mayo [323], [324] и [325]. См. также: Early Experiences with the Hazards of Medical Use of X-rays: 1896–1906 by Barbara Spenser Marx // Staff Discussion Paper 205. Program of Policy Studies in Science and Technology. Washington: George Washington University.

О необходимости технологической политики см.: [290], с. 220.

Глава 20

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФУТУРИЗМА

Может ли человек жить в обществе, которое вышло из-под контроля? Именно такой вопрос ставит перед нами концепция шока будущего. Ведь именно в такой ситуации

мы находимся. Если бы на свободу вырвалась только технология, наша проблема была бы достаточно серьезной. Однако ужасно то, что многие другие социальные процессы также начинают выходить из-под контроля, сопротивляясь нашим огромным усилиям управлять ими.

Урбанизация, межнациональные конфликты, миграция, население, преступность — в голове возникают тысячи областей, где наши старания придать переменам форму выглядят все более глупыми и тщетными. Некоторые из них тесно связаны с отрывом технологии, другие частично независимы от нее. Неуравновешенный, взлетающий уровень перемен, смещения и подергивания направления вынуждают нас задавать вопрос, не стали ли технологические общества, даже сравнительно небольшие, такие как Швеция или Бельгия, слишком сложными, слишком быстрыми, чтобы ими управлять?

Как мы можем предотвратить массивный шок будущего, избирательно регулируя темп перемен, повышая или снижая уровень возбуждения, когда правительства, в том числе имеющие лучшие намерения, по-видимому, не способны даже направить перемены в нужном направлении?

Так, ведущий американский урбанолог пишет с нескрываемым отвращением: «За цену более трех миллиардов долларов Служба обновления городов значительно преуспела в уменьшении запаса дешевого жилья в американских городах»[1]. Можно упомянуть о подобных провалах в десятке областей. Почему сегодня программы социальных пособий скорее уродуют своих клиентов, чем помогают им? Почему студенты — эта, по общему мнению, избалованная элита — бунтуют и буйствуют? Почему скоростные шоссе увеличивают транспортную перегрузку, а не снижают ее? Короче говоря, почему так много либеральных программ, созданных с благими намерениями, так быстро протухает, создавая побочные эффекты, которые уничтожают их основные результаты? Неудивительно, что Реймонд Флетчер, член британского парламента, пожаловался недавно на тщетность усилий: «Общество стало беспорядочным!»[2]

Если беспорядочность означает отсутствие паттерна, он, конечно, преувеличивает. Но если беспорядочность озна-

чает, что результаты социальной политики стали странными и труднопредсказуемыми, он попал точно в цель. Вот он, политический смысл шока будущего. Ведь если индивидуальный шок будущего происходит в результате неспособности поспеть за темпом перемен, то правительства страдают от своего рода коллективного шока будущего — разрушения процессов принятия решений.

Сэр Джоффри Викерс, выдающийся британский социолог, идентифицировал проблему с ясностью, приводящей в уныние: «Темп перемен увеличивается с возрастающей скоростью без соответствующего ускорения темпа, в котором можно давать дальнейшие ответы, и это подводит нас все ближе к порогу, за которым теряется контроль»[3].

СМЕРТЬ ТЕХНОКРАТИИ

Мы являемся свидетелями начала окончательного разрушения индустриализма и вместе с тем распада технократического планирования. Под технократическим планированием я понимаю не только централизованное национальное планирование, до недавнего времени характерное для СССР, но также менее формальные, более дисперсные попытки систематически изменить управление, которые происходят во всех высокотехнологичных странах, вне зависимости от их политических систем. Майкл Харрингтон, критик-социалист, утверждающий, что мы отвергли планирование, определил наш век как «случайный»[4]. Однако, как показывает Гэлбрейт, даже в контексте капиталистической экономики огромные корпорации идут на многое, чтобы рационализировать производство и распространение, чтобы, насколько возможно, планировать свое будущее[5]. Правительства также глубоко занимаются делами планирования. Кейнсианское манипулирование послевоенной экономикой может быть неадекватным, но оно не случайно. Во Франции *Le Plan* стал обычным признаком национальной жизни. В Шве-

ции, Италии, Германии и Японии правительства активно вторгаются в экономический сектор, чтобы защитить определенные отрасли промышленности, капитализировать другие и ускорить рост. В Соединенных Штатах и Великобритании даже на местном уровне есть то, что хотя бы *называется* отделами планирования.

Тогда почему, несмотря на все эти усилия, система должна вырываться из-под контроля? Проблема не просто в том, что мы слишком мало планируем, мы планируем слишком плохо. Отчасти трудности можно проследить до самых предпосылок, подразумеваемых нашим планированием.

Во-первых, само технократическое планирование является продуктом индустриализма, отражает ценности быстро исчезающей эпохи. И в своем капиталистическом, и в коммунистическом варианте индустриализм был системой, сосредоточенной на максимизации материального благосостояния. Так, для технократа как в Детройте, так и в Киеве экономическое продвижение — основная цель, технология — основной инструмент. Тот факт, что в одном случае продвижение приводит к личной выгоде, а в другом теоретически к общественному благу, не меняет сути, общей для обоих. Технократическое планирование *экономоцентрично.*

Во-вторых, технократическое планирование отражает субъективную парадигму времени индустриализма. Стремясь освободиться от подавляющей ориентации предшествующих обществ на прошлое, индустриализм пристально сосредоточивался на настоящем. На практике это означало, что его планирование касалось будущего, находящегося под рукой. Когда Советы в 20-х годах впервые предложили идею пятилетнего плана, она потрясла мир как безумно футуристическая. Даже сегодня, за исключением самых передовых организаций по обе стороны идеологического занавеса, прогнозы на один или два года считаются «долгосрочным планированием». Горстка корпораций и правительственных служб начала, как мы увидим, беспокоиться о горизонтах в 10, 20 и даже 50 будущих лет. Однако большинство — слепые приверженцы следующего понедельника. Технократическое планирование *краткосрочно.*

В-третьих, отражая бюрократическую организацию индустриализма, технократическое планирование основывалось на иерархии. Мир был разделен на управленцев и работников, тех, кто планирует и выполняет планы, и решения принимались одними для других. Эта система, адекватная, пока перемены разворачивались в индустриальном темпе, разрушается, когда темп достигает сверхиндустриальных скоростей. Все более нестабильная среда требует все большего количества незапрограммированных решений снизу; потребность в мгновенной обратной связи стирает различие между конвейером и персоналом; иерархия шатается. Планировщики слишком далеко, они слишком безразличны к местным условиям, слишком медленно откликаются на перемены. Поскольку контроль сверху не работает, исполнители планов начинают требовать права участвовать в принятии решений. Однако планировщики сопротивляются. Ведь подобно бюрократической системе, которую оно отражает, технократическое планирование по сути *недемократично.*

Силы, увлекающие нас к сверхиндустриализму, больше нельзя канализировать методами обанкротившейся индустриальной эпохи. В течение какого-то времени они могут продолжать работать в отсталых, медленно движущихся отраслях или сообществах. Но их неуместное применение в передовых отраслях, в университетах, в городах — там, где перемены идут быстро — может лишь интенсифицировать нестабильность, приводя ко все более и более диким шатаниям и кренам. Более того, по мере того как свидетельства провала накапливаются, появляются опасные политические, культурные и психологические течения.

Например, одним из откликов на потерю контроля является внезапное изменение отношения к интеллигенции. Наука первой дала человеку ощущение господства над средой и, следовательно, над будущим. Сделав будущее созидаемым, а не незыблемым, она расшатала религии, которые проповедовали пассивность и мистицизм. Сегодня растущая очевидность того, что общество неподконтрольно, питает разочарование в науке. Вследствие этого мы становимся

свидетелями яркого возрождения мистицизма. Внезапно входит в моду астрология. Дзэн, йога, спиритические сеансы и черная магия становятся популярными развлечениями. Культы формируются вокруг поиска дионисийского опыта, невербальной и предположительно нелинейной коммуникации. Нам говорят, что важнее «чувствовать», а не «думать», как будто между одним и другим существует противоречие. Экзистенциалистские оракулы присоединяются к католическим мистикам, юнгианским психоаналитикам и индийским гуру в превознесении мистического и эмоционального над научным и рациональным.

Неудивительно, что возвращение донаучных взглядов сопровождается огромной волной ностальгии в обществе. Антикварная мебель, афиши ушедшей эпохи, игры, основанные на памяти о вчерашних пустяках, возвращение Art Nouveau, распространение стилей Эдуардов, новое открытие таких исчезнувших знаменитостей поп-культуры, как Хэмфри Богарт или У. С. Филдс, отражают психологическое влечение к более простому, менее буйному прошлому. Мощные машины причуд включились в работу, чтобы извлечь выгоду из этого голода. Бизнес на ностальгии становится переживающей бум индустрией.

Провал технократического планирования и последовавшее за ним ощущение потери контроля питает также философию «теперешности». Песни и рекламные объявления приветствуют появление «нынешнего поколения», и ученые-психиатры, рассуждающие о предполагаемых опасностях подавления, советуют нам не откладывать удовольствия. Поощряется действие и стремление к немедленному вознаграждению. «Мы больше ориентированы на настоящее, — говорит журналисту девочка-подросток после гигантского фестиваля рок-музыки в Вудстоке. — Это вроде как делать то, что ты хочешь делать сейчас... Если остаешься где-нибудь очень долго, то начинаешь строить планы... Поэтому ты просто движешься»[6]. Стихийным образом личный эквивалент социальному отсутствию плана превратился в кардинальную психологическую добродетель.

Все это имеет свой политический аналог в возникновении странной коалиции правых и новых левых в поддержку

того, что можно назвать только «болтающимся» подходом к будущему. Так, мы слышим усиливающиеся призывы к антипланированию или непланированию, иногда выражающиеся эвфемизмом «органичный рост». Среди некоторых радикалов это приобретает анархистскую окраску. Ненужным или неразумным считается не только составлять долгосрочные планы на будущее для организации или общества, которое они хотят низвергнуть, но иногда считается признаком дурного тона планировать следующие полтора часа собрания. Прославляется бесплановость.

Утверждая, что планирование навязывает будущему ценности, антипланировщики упускают из виду тот факт, что непланирование тоже это делает, часто с гораздо худшими последствиями. Разгневанные узким, экономоцентрическим характером технократического планирования, они признают негодным системный анализ, учет финансовых льгот и подобные методы, игнорируя то, что эти же самые инструменты при ином использовании можно было бы превратить в мощные техники для гуманизации будущего.

Когда критики заявляют, что технократическое планирование античеловечно, т. е. пренебрегает социальными, культурными и психологическими ценностями, очертя голову бросаясь максимизировать экономическую прибыль, они обычно правы. Когда они заявляют, что оно недальновидно и недемократично, они обычно правы. Когда они заявляют, что оно недейственно, они обычно правы.

Но когда они погружаются в иррациональность, поддерживают антинаучные взгляды, испытывают своего рода болезненную ностальгию и превозносят «теперешность», они не только неправы, но опасны. Их альтернативы индустриализму — предындустриализм, их альтернатива технократии — не пост-, а предтехнократия.

Ничто не может быть опаснее дезадаптивности. Какими бы ни были теоретические аргументы, в мире свободны жестокие силы. Хотим ли мы предотвратить шок будущего или контролировать численность населения, препятствовать загрязнению или ослабить гонку вооружений, мы не можем позволить, чтобы глобальные решения принимались невни-

мательно, неразумно, беспланово. Выпустить ситуацию из рук — значит совершить коллективное самоубийство.

Мы нуждаемся не в возвращении к иррационализму прошлого, не в пассивном принятии перемен, не в разочаровании и нигилизме. Мы нуждаемся в сильной новой стратегии. По причинам, которые станут ясными, я называю эту стратегию «социальным футуризмом». Я убежден, что вооруженные этой стратегией, мы можем выйти на новый уровень компетентности в управлении переменами. Мы можем изобрести более гуманную, более дальновидную и более демократичную форму планирования, чем любая существовавшая до сих пор. Короче говоря, мы можем стать выше технократии.

ГУМАНИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ

Технократы страдают экономоцентризмом. За исключением военного времени и критических ситуаций, их исходной предпосылкой является то, что даже неэкономические проблемы можно решить экономическими средствами.

Социальный футуризм бросает вызов этому основному допущению управленцев, как марксистов, так и кейнсианцев. В свое историческое время, на своем историческом месте целеустремленная погоня индустриализма за материальным прогрессом хорошо послужила человечеству. Однако когда мы мчимся к сверхиндустриализму, возникает новый этос, в котором другие цели начинают приобретать паритет наряду с целями экономического благосостояния и даже вытеснять их. В личном смысле самоосуществление, социальная ответственность, гедонистический индивидуализм и множество других целей соперничают с голым стремлением к материальному успеху и часто затмевают его. Изобилие служит основой, от которой люди начинают стремиться к различным постэкономическим целям.

В то же время в обществах, устремленных к сверхиндустриализму, экономические переменные — зарплаты, пла-

тежный баланс, производительность — становятся все более чувствительными к изменениям в неэкономической среде. Экономические проблемы многочисленны, но видное место начинает занимать целый спектр вопросов, имеющих только второстепенное экономическое значение. Расизм, борьба поколений, преступность, культурная автономия, насилие — у всего этого есть экономические параметры, однако ни одним из них нельзя эффективно заниматься, используя исключительно экономоцентрические меры.

Движение от материального производства к производству услуг, психологизация как товаров, так и услуг и в конечном счете сдвиг к экспериментальному производству — все эти факторы намного теснее связывают экономический сектор с неэкономическими силами. Предпочтения потребителей меняются в соответствии с быстрыми изменениями стилей жизни, так что приход и уход субкультур находит свое отражение в экономической неразберихе. Сверхиндустриальное производство требует от работников умения манипулировать символами — значит, то, что приходит им в головы, становится намного важнее, чем в прошлом, и намного больше зависит от культурных факторов.

Есть даже признаки того, что финансовая система начинает больше реагировать на социальное и психологическое воздействие. Только в богатом обществе, находящемся на пути к сверхиндустриализму, мы видим изобретение новых инвестиционных способов — например, взаимные фонды, — которые сознательно мотивируются или ограничиваются неэкономическими соображениями. Взаимный фонд Вандербильта и Фонд сбережений отказываются вкладывать средства в ценные бумаги производителей алкоголя и табака. Гигантский Товарищеский фонд с презрением отвергает акции любой компании, связанной с производством вооружений, тогда как крошечный «Фонд преимущества 10/90» инвестирует часть своих активов в отрасли, способствующие смягчению продовольственных проблем и проблем населения в развивающихся государствах. Есть фонды, которые вкладывают средства исключительно (или главным образом) в расо-

во интегрированное жилищное строительство[7]. Фонд Форда и Пресвитерианская Церковь вкладывают часть своих немалых инвестиционных портфелей в компании, отбираемые не только по их выплатам, но и по их потенциальному содействию в решении урбанистических проблем[8]. Такие проявления, хотя количество их пока невелико, ясно сигнализируют о направлении изменений.

Тем временем крупные американские корпорации с фиксированными инвестициями в урбанистические центры, часто сами того не желая, втягиваются в ревущий вихрь социальных перемен. Сотни компаний сейчас вовлечены в программу занятости, в организацию программ по обучению грамоте и профессиональной подготовке и множество иных незнакомых им ранее видов деятельности. Такие новые формы участия стали настолько важными, что самая крупная в мире корпорация, Американская телефонная и телеграфная компания, недавно организовала отдел проблем окружающей среды. На эту службу, являющуюся первопроходцем, возложен целый спектр задач, в том числе проблемы загрязнения воздуха, эстетика транспорта и оборудования компании, поощрение обучающих программ для дошкольников в городских гетто. Это не обязательно подразумевает, что большие компании становятся альтруистичными, это просто подчеркивает все более тесные связи между экономическим сектором и мощными культурными, психологическими и социальными силами.

Эти силы уже колотят в наши двери; а технократические планировщики и управленцы в большинстве своем ведут себя так, будто ничего не произошло. Они продолжают действовать так, как будто экономический сектор герметически закрыт от социальных и психокультурных влияний. Действительно, экономоцентрические предпосылки так укоренены и их придерживаются столь многие и в капиталистических, и в коммунистических государствах, что они искажают сами информационные системы, имеющие существенное значение для управления переменами.

Например, все современные государства поддерживают детально разработанный механизм для оценки экономичес-

ких достижений. Мы фактически каждый день знаем о направлениях перемен во всем, что касается производительности, цен, капиталовложений и тому подобных факторов. Набором «экономических индикаторов» мы измеряем здоровье экономики, скорость, с которой она меняется, и общие направления перемен. Без этих критериев наш контроль над экономикой был бы значительно менее эффективным.

Но мы не имеем ни таких критериев, ни набора сравнимых «социальных индикаторов», которые говорили бы нам, здорово ли также общество. У нас нет критериев «качества жизни». У нас нет систематического показателя, который говорил бы нам, в большей или меньшей степени люди отчуждены друг от друга; стало ли образование эффективнее; процветают ли живопись, музыка и литература; растут ли вежливость, щедрость и доброта. «Валовой национальный продукт — это наш Священный Грааль, — пишет Стюарт Удэлл, бывший министр внутренних дел Соединенных Штатов, — ...но у нас нет никакого индекса окружающей среды, никакой статистики, чтобы оценить, становится ли страна год от года более жизнеспособной»[9].

На поверхностный взгляд, это могло бы показаться чисто техническим вопросом, предметом обсуждения для статистиков. Но проблема имеет самое серьезное политическое значение, ведь без таких критериев трудно согласовывать национальную или местную политику с соответствующими долгосрочными социальными целями. Отсутствие такого показателя увековечивает вульгарную технократию.

Общественность мало знает об этом, однако вежливая, но все более острая борьба вокруг этой проблемы началась в Вашингтоне. Технократические планировщики и экономисты видят в идее социальных индикаторов угрозу своему прочному положению у уха творца политики. О потребности в социальных индикаторах, напротив, красноречиво говорят такие выдающиеся представители социальных наук, как Бертрам М. Гросс из Государственного университета Вэйна, Элинор Шелдон и Уилберт Мур из Фонда Рассела Сейджа, Дэниел Белл и Реймонд Бауэр из Гарварда. Мы являемся свидетелями, говорит Гросс, «широкомасштабно-

го бунта против того, что называют «экономическим филистерством» нынешнего статистического истеблишмента правительства Соединенных Штатов»[10].

Этот бунт получил энергичную поддержку небольшой группы политиков и правительственных чиновников, которые признают нашу отчаянную нужду в посттехнократической социальной разведывательной системе. Среди них Дэниел П. Мойнихан, ведущий советник Белого дома; сенаторы Уолтер Мондейл из Миннесоты и Фред Харрис из Оклахомы; несколько бывших чиновников Кабинета. В недалеком будущем мы можем ожидать, что подобный бунт поднимется и в других мировых столицах, снова проведя границу между технократами и посттехнократами.

Однако опасность шока будущего сама по себе указывает на потребность в новых социальных критериях, еще даже не упоминающихся в быстро расцветающей литературе о социальных индикаторах[11]. Например, нам насущно необходимы техники для оценки уровня быстротечности в разных сообществах, разных группах населения и в индивидуальном опыте. В принципе возможно создать «индекс быстротечности», который мог бы обнаружить скорость, с которой мы устанавливаем и разрываем отношения с вещами, местами, людьми, организациями и информационными структурами, входящими в состав нашей среды.

Такой индекс, среди прочего, показал бы фантастические различия в опыте разных групп общества — статичное и монотонное качество жизни огромного количества людей, неистовое вращение жизни других. Правительственные политики, которые пытаются одинаково обходиться с обеими группами людей, обречены встретить гневное сопротивление одной из них — или обеих.

Нам также нужен показатель новизны в среде. Насколько часто сообщества, организации или индивидуумы вынуждены справляться с ситуациями с первого раза? Сколько предметов в доме средней рабочей семьи действительно «новые» по функции или внешнему виду, сколько традиционных? Какой уровень новизны (предметы, люди или любой иной значимый параметр) требуется для возбуждения без перевозбуждения? Насколько больше новизны могут

впитать дети по сравнению с их родителями, если правда, что они могут впитать больше? Каким образом возраст соотносится с меньшей терпимостью к новизне, как такие различия коррелируют с политическими и межпоколенческими конфликтами, раздирающими сейчас технологические общества? Изучая и оценивая вторжение новизны, мы, вероятно, можем начать контролировать приток перемен в наши социальные структуры и личную жизнь.

А как насчет выбора и сверхвыбора? Можем ли мы выработать критерии степени значимого выбора в жизни людей? Может ли правительство, которое претендует на демократизм, не беспокоиться по этому поводу? При всей риторике о свободе выбора ни одно правительство в мире не может заявить, что сделало какую-либо попытку оценить эту свободу. Просто существует допущение, что увеличение доходов и изобилия означает увеличение выбора, а увеличение выбора, в свою очередь, означает свободу. Не пришло ли время проверить эти базовые допущения наших политических систем? Посттехнократическое планирование должно заняться именно этими проблемами, если мы намерены предотвратить шок будущего и построить гуманное сверхиндустриальное общество.

Чувствительная система индикаторов, направленная к оценке достижения социальных и культурных целей и интегрированная с экономическими индикаторами, является частью технического оборудования, в котором нуждается каждое общество, прежде чем оно сможет успешно выйти на следующий этап экономотехнологического развития. Это абсолютное предварительное условие посттехнократического планирования и управления переменами.

Более того, гуманизация планирования должна также отразиться на наших политических структурах. Чтобы связать сверхиндустриальную систему социальной разведки с центрами принятия решений в обществе, мы должны институциализировать озабоченность качеством жизни. Так, Бертрам Гросс и другие представители движения за социальные индикаторы предлагают создать Совет социальных консультантов при президенте. Такой Совет, как им представляется, был бы устроен по образцу уже существующего Совета экономических консультантов (СЕА) и выполнял бы

параллельные функции в социальной области. Новая служба отслеживала бы ключевые социальные индикаторы точно так же, как CEA держит под наблюдением экономические показатели и истолковывает президенту изменения. Она выпускала бы ежегодный отчет о качестве жизни, ясно объясняя наш социальный прогресс (или его отсутствие) в отношении определенных целей. Таким образом, этот отчет дополнял бы и уравновешивал ежегодный отчет CEA. Предоставляя достоверные, полезные данные о нашем социальном состоянии, Совет социальных консультантов начал бы оказывать влияние на планирование в целом, делая его более чутким к социальным издержкам и выгодам, не таким холодно технократическим и экономоцентричным*.

Создание подобных советов не только на федеральном уровне, но также на муниципальном и уровне штатов не решило бы все наши проблемы; оно не уничтожило бы конфликт; оно не гарантировало бы, что социальные индикаторы используются надлежащим образом. Короче говоря, оно не удалило бы политику из политической жизни. Но оно дало бы признание — и политическую силу — идее, что цели прогресса выходят за пределы экономики. Создание служб, призванных наблюдать за индикаторами перемен в качестве жизни, поведет нас в длинный путь к гуманизации планировщика, что, по существу, и есть первая стадия стратегии социального футуризма.

ВРЕМЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Технократы страдают близорукостью. Они инстинктивно думают о ближайших прибылях, ближайших последствиях. Они незрелые представители теперешнего поколения.

---

* Сторонники расходятся во мнениях относительно того, следует ли Совету социальных консультантов быть организационно независимым или стать частью бо́льшего Совета экономических и социальных консультантов. Однако все стороны согласны в том, что необходима интегрирующая экономическая и социальная разведка.

Если региону нужно электричество, они додумываются до силовой установки. Тот факт, что подобная установка может резко изменить трудовые паттерны, что в пределах одного десятилетия она может оставить людей без работы, вызвать широкомасштабную переквалификацию работников и поглотить расходы ближайшего города на социальные пособия, — такие соображения слишком отдалены по времени, чтобы беспокоить их. Тот факт, что установка может повлечь спустя поколение опустошительные экологические последствия, в их временной структуре просто не регистрируется.

В мире растущих перемен следующий год ближе к нам, чем в более спокойную эпоху был следующий месяц. Этот радикально измененный факт жизни должен быть осознан теми, кто принимает решения в промышленности, правительстве и других местах. Их временные горизонты должны быть расширены.

Планировать на более отдаленное будущее — не значит привязывать себя к догматическим программам. Планы могут быть экспериментальными, текучими, подлежать постоянному пересмотру. Однако гибкость не обязательно означает недальновидность. Чтобы перешагнуть через технократию, наши социальные временные горизонты должны простираться в будущее на десятилетия и даже на поколения. Это требует большего, чем удлинение наших формальных планов. Это означает осознание всем обществом, сверху донизу, нового, социально понимаемого будущего.

Один из самых здоровых феноменов последних лет — внезапное разрастание организаций, занимающихся изучением будущего. По сути — это гомеостатическая реакция общества на ускорение перемен. В пределах нескольких лет созданы ориентированные на будущее центры, подобные Институту будущего; образованы академические исследовательские группы, подобные Комиссии 2000 года и Гарвардской программе технологии и общества; возникли футурологические журналы в Англии, Франции, Италии, Германии и Соединенных Штатах; в университетах введены курсы по прогнозированию и сопутствующим дисцип-

линам; состоялись международные встречи футурологов в Огайо, Берлине и Киото; появились такие группы, как Futuribles, «Европа 2000», «Человечество 2000», «Всемирное общество будущего».

Футурологические центры предполагается основать в Западном Берлине, Праге, Лондоне, Москве, Риме и Вашингтоне, в Каракасе и даже в далеких джунглях Бразилии в Белеме и Бело Хоризонте. В отличие от традиционных технократических планировщиков, чьи горизонты простираются не больше чем на несколько лет, эти группы озабочены переменами в следующие 15, 25 и даже 50 лет.

Каждое общество сталкивается не просто с последовательностью *вероятных* будущих, но с множеством *возможных* будущих и конфликтом по поводу *предпочтительных* будущих. Управление переменами — это попытка превратить определенные вероятности в возможности, следуя предпочтениям, по которым достигнуто согласие. Определение вероятности требуется от науки футурологии. Описание возможности требуется от искусства футурологии. Выяснение предпочтения требуется от политики футурологии.

Всемирное футурологическое движение сегодня еще не проводит четких различий между этими функциями. Оно уделяет особое внимание оценке вероятностей. Во многих этих центрах экономисты, социологи, математики, биологи, физики, исследователи-экспериментаторы и другие придумывают и применяют методы прогнозирования будущих вероятностей. В какой день аквакультура сможет кормить половину населения мира? Каковы шансы на то, что электрические автомобили в ближайшие 15 лет вытеснят машины, работающие на газовом топливе? Насколько вероятна разрядка международных отношений между Китаем и Советским Союзом к 1980 г.? Какие изменения наиболее вероятны в досуге, городском управлении, расовых отношениях?

Подчеркивая взаимосвязанность в корне отличных друг от друга событий и тенденций, ученые-футурологи также уделяют все больше внимания социальным последствиям технологии. Институт будущего, помимо прочего, исследу-

ет социальные и культурные эффекты передовой коммуникационной технологии. Группа в Гарварде озабочена социальными проблемами, которые, вполне вероятно, возникнут в результате биомедицинских достижений. Футурологи в Бразилии изучают вероятные результаты различных политик экономического развития.

Основной причиной изучения вероятных будущих является вынужденность. Для индивидуума невозможно прожить даже один рабочий день, не делая тысяч предположений относительно вероятного будущего. Пассажир, пользующийся сезонным билетом, который звонит, чтобы сказать: «Я буду дома в шесть», допускает, что поезд пойдет вовремя. Когда мать отправляет Джонни в школу, она мысленно предполагает, что, когда он придет, школа будет на месте. Точно так же, как летчик не может вести самолет, не зная курса, мы не можем вести свою личную жизнь, не делая постоянно подобных предположений, сознательно или нет.

Общества тоже выстраивают архитектуру предпосылок, касающихся завтрашнего дня. Те, кто принимает решения в промышленности, правительстве, политике и других секторах общества, без них не могли бы функционировать. Однако в периоды бурных перемен эти социально сформированные образы вероятного будущего становятся менее точными. Разрушение контроля в сегодняшнем обществе напрямую связано с нашими неадекватными образами вероятных будущих.

Конечно, никто не может «знать» будущее в каком-то абсолютном смысле. Мы можем систематизировать и углублять свои предположения и пытаться определить их вероятность. Даже это трудно. Попытки предсказать будущее неизбежно изменяют его. Подобным же образом, как только прогноз распространяется, сам акт распространения (как ясно из исследования) также вызывает беспокойство. Прогнозы имеют тенденцию становиться самоисполняющимися или самозащищающимися. Поскольку временной горизонт расширяется в более отдаленное будущее, мы вынуждены полагаться на предчувствие и предположение. Кроме того, определенные уникальные события, например

убийство, в сущности, непредсказуемы в настоящем (хотя мы можем предсказывать группы таких событий).

Несмотря на все это, настало время раз и навсегда уничтожить популярный миф, что будущее «неведомо». Трудности должны дисциплинировать и вызывать отклик, а не парализовывать. Уильям Ф. Огбурн, один из великих ученых мира в области социальных перемен, когда-то писал: «Мы должны принять в свое мышление идею приближений, то есть то, что существуют различные степени точности и неточности оценки»[12]. Грубое представление о том, что ждет впереди, лучше, чем ничего, продолжает он, а для многих целей чрезвычайная точность совершенно не обязательна.

Следовательно, мы не так беспомощны в том, что касается будущих вероятностей, как предполагают многие. Британский ученый, занимающийся общественными науками, Дональд Г. Мак-Рэй справедливо утверждает, что «современные социологи на самом деле могут сделать значительное количество сравнительно краткосрочных и ограниченных предсказаний с большой долей уверенности»[13]. Однако помимо стандартных методов социальной науки, мы экспериментируем с потенциально мощными новыми инструментами зондирования будущего. Они охватывают спектр от сложных способов экстраполяции существующих тенденций до создания чрезвычайно замысловатых моделей, игр и конструкций, подготовки подробных вероятностных сценариев, систематического изучения истории в поисках относящихся к делу аналогий, морфологического исследования, анализа релевантности и тому подобного[14]. Во всестороннем исследовании технологического прогнозирования д-р Эрих Янтц, бывший консультант OECD и член исследовательской группы MIT, определил множество новых техник, как используемых, так и находящихся на стадии эксперимента.

Институт будущего (IFF) в Мидлтауне, Коннектикут, прототип футурологической мысли, является лидером в проектировании новых инструментов прогнозирования. Один из них — Дельфи — метод, в значительной степени разработанный д-ром Олафом Хелмером, математиком и

философом, одним из основателей IFF. Метод Дельфи позволяет заниматься очень отдаленным будущим, применяя систематическое использование «интуитивных» догадок и оценок, которые делает широкий круг экспертов. Работа над Дельфи привела к дальнейшей инновации, которая имеет особую важность в попытке предотвратить шок будущего, регулируя темп перемен. Созданная Теодором Дж. Гордоном из IFF и названная Матричным анализом перекрестного воздействия, она прослеживает воздействие одной инновации на другую, впервые делая возможным предварительный анализ сложных цепочек социальных, технологических и других случайностей и скорости, с которой они, по всей видимости, будут происходить.

Короче говоря, мы являемся свидетелями совершенно необычного прорыва к более научной оценке будущих вероятностей, который, по всей видимости, сам по себе будет иметь сильное влияние на будущее. Все же было бы глупо переоценивать способность науки точно предсказывать сложные события. Но сегодня опасность не в том, что мы переоцениваем свою способность; реальная опасность в том, что мы ее недостаточно используем. Ведь даже когда наши пока примитивные попытки научного прогнозирования оказываются явно ошибочными, само усилие помогает нам идентифицировать ключевые переменные в изменениях, помогает прояснить цели и заставляет более тщательно оценивать политические альтернативы. Такими способами, если нет других, зондирование будущего окупается в настоящем.

Однако предвидение *вероятных* будущих — только часть того, что нужно сделать, если мы намерены сдвинуть временной горизонт планировщика и вселить во все общество большее ощущение завтра. Мы должны также значительно расширить свою концепцию возможных будущих. К суровой дисциплине науки мы должны добавить пылающее воображение искусства.

Сегодня мы особенно нуждаемся в множестве видений, снов и пророчеств — образов потенциальных завтра. Прежде чем мы сможем рационально решить, который из альтернативных путей выбрать, каким культурным стилям

следовать, мы должны сначала убедиться, какие из них возможны. Предположение, размышление и фантастическая картина, таким образом, становятся такой же холодно практичной необходимостью, какой в прежние времена был твердо стоящий на земле «реализм».

Вот почему сегодня некоторые самые большие и самые догматично мыслящие корпорации мира, когда-то бывшие живым воплощением приверженности настоящему, нанимают в качестве консультантов футурологов, писателей-фантастов и мечтателей. Гигантская европейская химическая компания берет на работу футуролога, который сочетает науку с теологией. Американская коммуникационная империя привлекает социального критика, ориентированного на будущее. Производитель стекла добивается, чтобы писатель-фантаст представил себе возможные корпоративные формы будущего. Компании обращаются к этим «парящим в облаках» «небожителям» не за научным прогнозом вероятностей, а за нетривиальными размышлениями о возможностях.

Но не только корпорации должны обращаться за подобными услугами. Органы местного управления, школы, добровольческие ассоциации и другие также нуждаются в образном изучении своего потенциального будущего. Чтобы помочь им, следовало бы создать в каждом сообществе «центры воображения», занимающиеся, при технической поддержке, мозговым штурмом. Это были бы места, где люди, обладающие скорее творческим воображением, чем техническим опытом, собирались вместе, чтобы исследовать нынешние кризисы, делать предположения о будущих кризисах и свободно, даже играючи, размышлять о возможных вариантах будущего.

Каковы, например, возможности будущих городских перевозок? Уличное движение — это проблема, включающая в себя пространство. Как может завтрашний город справиться с движением людей и объектов в пространстве? Поразмышлять над этим вопросом центр воображения может призвать художников, скульпторов, танцовщиков, конструкторов мебели, обслуживающий персонал автосто-

янок и разных других людей, которые так или иначе, используя воображение, «работают» пространством. Такие люди в определенных условиях неизбежно пришли бы к идеям, о которых и не мечтали технократические планировщики городов, инженеры, проектирующие шоссе, и руководители транзита.

Музыканты, люди, живущие вблизи аэропортов, те, кто работает с компрессорами, машинисты метро вполне могли бы придумать новые способы организовать, замаскировать или подавить шум. Группы молодых людей можно было бы пригласить пошевелить мозгами в поисках неизученных подходов к улучшению санитарных условий в городах, решению вопросов скученности, этнических проблем, проблем ухода за престарелыми и тысяче других нынешних и будущих проблем.

В любой такой попытке подавляющее большинство выдвинутых идей, конечно, будут абсурдными, смешными или технически невозможными. Однако сущность творчества — это готовность валять дурака, забавляться абсурдом, лишь позднее предоставляя поток идей для резкого критического суждения. Применение воображения к будущему требует, таким образом, среды, в которой безопасно заблуждаться, в которой новые сопоставления идей можно свободно выразить, прежде чем их будут тщательно и критично исследовать. Нам нужны заповедники социального воображения.

Поскольку самые разные творческие люди должны сделать предположения о возможных будущих, им следует получить немедленный доступ (лично или через телекоммуникации) к техническим специалистам — от инженеров-акустиков до зоологов, которые могли бы указать им, когда предложение технически невыполнимо (при этом следует помнить, что невыполнимость часто временна).

Научные знания могли бы играть скорее генеративную, чем тормозящую роль в процессе воображения. Искушенные специалисты могут конструировать модели, чтобы помочь мечтателям изучить все возможные перестановки данного набора отношений. Такие модели представляют реальные условия жизни. По словам Кристофа Бертрама из

Института стратегических исследований, Лондон, их цель «не столько предсказывать будущее, но, изучая альтернативы будущего, показывать открывающийся выбор»[15].

Соответствующая модель могла бы, например, помочь группе мечтателей отчетливо представить себе город, в котором расходы на образование неустойчивы. Как, предположим, это скажется на транспортной системе, театрах, профессиональной структуре и здоровье сообщества. Модель могла бы показать обратное: как изменения этих остальных факторов могут сказаться на образовании.

Стремительный поток необузданных, неортодоксальных, эксцентричных или просто фантастических идей, генерированных в этих заповедниках социального воображения, должен, после того как идеи будут высказаны, подвергнуться безжалостной проверке. Только крошечная часть потока пройдет через этот процесс фильтрования. Однако эти немногие могли бы иметь чрезвычайную важность в привлечении внимания к новым возможностям, которые в другом случае могут остаться незамеченными. По мере того как мы движемся от бедности к изобилию, политика превращается из того, что математики называют игрой с нулевой суммой в игру с ненулевой суммой. В первом случае, если один игрок выигрывает, другой должен проиграть. Во втором — все игроки могут выиграть. Поиск для наших социальных проблем решений с ненулевой суммой требует всего воображения, на какое мы только способны. Система генерирования идей обладающей воображением политики могла бы помочь нам добиться максимального преимущества ненулевых возможностей в будущем.

Итак, центры воображения сосредоточиваются на частных образах завтрашнего дня, определяя возможные будущие для одной отрасли, организации, города или его субсистем. Но нам нужны еще фантастические идеи широкого охвата, касающиеся нашего общества в целом. Увеличение количества образов возможных будущих важно, но эти образы нужно организовать, кристаллизовать в структурированную форму. В прошлом утопическая литература делала это для нас. Она играла практически решающую роль,

упорядочивая мечты людей об альтернативных будущих. Сегодня мы страдаем от нехватки утопических идей, которые организуют конкурирующие образы возможных будущих.

Большинство традиционных утопий изображают простые и статичные общества, т. е. общества, не имеющие ничего общего со сверхиндустриализмом. «Уолден-два» Б. Ф. Скиннера, модель нескольких существующих экспериментальных коммун, изображает доиндустриальный образ жизни — скромный, близкий к земле, построенный на фермерстве и ремесле. Даже две блестящие антиутопии — «Прекрасный новый мир» и «1984» — сейчас представляются чрезмерно простыми. Обе описывают общества, основанные на высокой технологии и низкой сложности: машины чрезвычайно сложны, но социальные и культурные отношения фиксированы и обдуманно упрощены.

Сегодня нам нужны мощные новые утопические и антиутопические концепции, которые смотрят вперед, на сверхиндустриализм, а не назад, на более простые общества. Однако эти концепции больше нельзя создавать старым способом. Во-первых, ни одна книга сама по себе не может эмоционально и адекватно описать сверхиндустриальное будущее. Любую концепцию сверхиндустриальной утопии и антиутопии необходимо воплотить во множестве форм — фильмах, пьесах, романах и произведениях изобразительного искусства, — а не в одном литературном произведении. Во-вторых, сегодня любому отдельному писателю — не важно, насколько одаренному — слишком трудно убедительно описать сложное будущее. Следовательно, нам нужна революция в производстве утопий: коллективный утопизм. Нам нужно создать «фабрики утопий».

Один из способов мог бы быть таким: собрать небольшую группу выдающихся представителей общественных наук — экономиста, социолога, антрополога и т. д. — и попросить их поработать вместе, а может быть, и пожить вместе достаточно долго, чтобы совместно выковать набор хорошо определенных ценностей, на которых, по их мнению, могло

бы основываться истинно сверхиндустриальное утопическое общество.

Затем каждый член команды мог бы попытаться описать в небеллетристической форме сектор воображаемого общества, построенный на этих ценностях. Какой была бы в нем структура семьи? Его экономика, право, религия, сексуальные практики, молодежная культура, музыка, искусство, его ощущение времени, степень дифференциации, психологические проблемы? В результате совместной работа и сглаживания несоответствий может быть нарисована исчерпывающая и адекватно сложная картина цельной временной формы сверхиндустриализма.

После завершения подробного анализа проект перешел бы на беллетристическую стадию. Романисты, режиссеры, писатели-фантасты и другие, работая в тесной связи с психологами, могли бы подготовить художественные произведения о жизни отдельных персонажей в воображаемом обществе.

Тем временем другие группы могли бы работать над противоположными утопиями. В то время как утопия А могла бы делать акцент на материалистических ценностях, ориентированных на успех, утопия В могла бы основываться на чувственных, гедонистических ценностях, С — на приоритете эстетических ценностей, D — на индивидуализме, Е — на коллективизме и так далее. В конце концов из этого сотрудничества искусства, социальной науки и футурологии возник бы поток книг, пьес, фильмов и телевизионных программ, знакомящих огромные массы людей относительно с издержками и преимуществами различных предполагаемых утопий.

Наконец, если социальное воображение — это дефицит, мы испытываем еще большую нехватку людей, желающих подвергнуть утопические идеи систематической проверке. Все больше и больше молодых людей, разочарованных в индустриализме, экспериментируют с собственными жизнями, организуя утопические коммуны, испытывая новые социальные устройства — от группового брака до коммун живого обучения. Сегодня, как и в прошлом, общество силь-

но давит на мечтателя, который пытается реализовать свою мечту или просто проповедовать. Мы должны не подвергать утопистов остракизму, а воспользоваться их готовностью к эксперименту, поощряя их деньгами, относясь к ним терпимо, если не с уважением.

Однако многие сегодняшние «умышленные сообщества» или утопические колонии отдают предпочтение прошлому. Они могут иметь ценность для индивидуумов внутри них, но обществу в целом лучше служили бы утопические эксперименты, основанные скорее на сверх-, а не на прединдустриальных формах. Почему общественная ферма, а не компания компьютерного программного обеспечения, программисты которой живут и работают сообща? Почему не компания образовательных технологий, члены которой объединяют свои деньги и соединяют свои семьи? Почему вместо того, чтобы растить редиску и шить сандалии, не заниматься сборкой океанографического оборудования, организованной в утопических рамках? Почему не группа медицинской практики, которая пользуется новейшей медицинской технологией, но члены которой согласны на умеренную оплату и объединяют свои доходы, чтобы организовать медицинскую школу совершенно нового стиля? Почему не набрать совместно живущие группы, чтобы испытать предложения фабрик утопий?

Короче говоря, мы можем использовать утопизм скорее как инструмент, чем как способ бегства, если положим в основу своих экспериментов технологию и общество завтрашнего дня, а не прошлого. Сделав это однажды, почему не подвергнуть результаты самому строгому научному анализу? Выводы могут оказаться бесценными, уберегут ли они нас от ошибок или поведут к более действенным организационным формам в промышленности, образовании, семейной жизни или политике.

Подобные требующие воображения исследования возможных будущих углубили бы и обогатили наше научное изучение вероятных будущих. Они бы заложили основу радикального дерзкого расширения временного горизонта

общества. Они помогли бы нам применить социальное воображение к будущему самой футурологии.

Действительно, имея такую подготовку, мы должны начать увеличивать число ощущающих будущее научных организаций общества. Научные футурологические институты должны быть вставлены, подобно узлам в неплотной сети, во всю правительственную структуру технологических обществ, чтобы в любом учреждении, местном или национальном, был штат людей, систематически занимающихся внимательным изучением вероятного долгосрочного будущего в своей определенной области. Футурологов следовало бы прикомандировать к каждой политической партии, университету, корпорации, профессиональной ассоциации, профсоюзу и студенческой организации.

Нам нужно обучить тысячи молодых людей представлениям и техникам научной футурологии, предлагая им принять участие в волнующем предприятии составления карты вероятного будущего. Нам нужны также национальные службы, предоставляющие местным сообществам техническую помощь в создании собственных футурологических групп. И нам нужен такой же центр, может быть, финансируемый совместно американскими и европейскими фондами, чтобы помочь зарождающимся футурологическим центрам в Азии, Африке и Латинской Америке.

Мы мчимся между повышающимися уровнями неопределенности, порожденной ускорением перемен и потребностью в разумно точных образах того, что в любой момент является наиболее вероятным будущим. Создание достоверных образов наиболее вероятного будущего, таким образом, становится делом величайшей национальной — а в действительности интернациональной — важности.

Когда весь земной шар будет испещрен сенсорами будущего, мы могли бы обдумать создание международного института, всемирного банка данных будущего. Такой институт, укомплектованный видными представителями естественных и социальных наук, имел бы своей целью сбор и систематическую интеграцию прогнозирующих отчетов, созданных учеными и обладающими воображением мыслителями всех интеллектуальных дисциплин во всем мире.

Конечно, работники такого института знали бы, что они никогда не смогут создать одну статическую схему будущего. Продуктом их усилий была бы постоянно меняющаяся география будущего, все время создаваемый вновь образ, основанный на лучшем из прогнозов. Мужчины и женщины, занимающиеся этой работой, знали бы, что нет ничего определенного; они знали бы, что должны работать с неадекватными данными; они бы оценивали трудности, присущие исследованию не нанесенных на карты территорий завтрашнего дня. Но человек всегда знает о будущем больше, чем он когда-либо пытался формулировать и интегрировать каким-либо систематическим или научным способом. Попытки собрать эти знания вместе породили бы интеллектуальное усилие — одно из самых крупных в истории по числу участников и одно из самых значимых.

Только когда те, кто принимает решения, будут вооружены лучшими прогнозами будущих событий, когда в результате последовательных приближений мы увеличим точность прогноза, наши попытки управлять переменами заметно улучшатся. Ведь разумно точные предположения о будущем являются предварительным условием понимания потенциальных последствий наших собственных действий. А без такого понимания управление переменами невозможно.

Если гуманизация планировщика — это первый этап в стратегии социального футуризма, то расширение нашего временного горизонта — второй этап. Чтобы перешагнуть технократию, нам нужно не только выйти за пределы своего экономического филистерства, но расширить кругозор до более отдаленного будущего, как вероятного, так и возможного.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Однако в конечном счете социальный футуризм должен вклиниться даже глубже. Ведь технократы страдают не только экономомышлением и близорукостью, они также страдают

от вируса элитизма. Чтобы взять под контроль перемены, мы поэтому должны требовать окончательного, радикального разрыва с технократической традицией: нам понадобится революция в самом способе, которым мы формулируем свои социальные цели.

Повышение новизны делает неуместными традиционные цели наших основных институтов — государства, церкви, корпорации, армии и университета. Ускорение порождает более быструю текучесть целей, увеличивает временность задач. Разнообразие или фрагментация ведет к неумолимому увеличению количества целей. Увязшие в этой болтающейся, создающей мешанину целей среде, мы, шокированные будущим, шатаясь, бредем от кризиса к кризису, преследуя неразбериху противоречащих друг другу и отменяющих самих себя целей.

Нигде это не видно так ярко, как в наших жалких попытках управлять городами. Жители Нью-Йорка в течение короткого промежутка времени страдали от кошмарной последовательности бедствий: нехватки воды, забастовки метро, расового насилия в школах, студенческого восстания в университете Колумбии, забастовки мусорщиков, нехватки жилья, забастовки бензоколонок, аварии телефонной сети, забастовки учителей, отключения электроэнергии, и это далеко не все. В здании муниципалитета, как в тысячах зданий муниципалитетов во всех высокотехнологичных странах, технократы бросаются с пожарным рукавом от одного пожара к другому без малейшего подобия внятного плана или политики относительно городского будущего.

Не то чтобы никто не планирует. Напротив, в этом бурлящем социальном вареве технократические планы, субпланы и контрпланы так и сыплются. Они требуют новых шоссе, новых дорог, новых силовых установок, новых школ. Они обещают лучшие больницы, жилье, центры психического здоровья, программы социальных пособий. Но планы отменяют друг друга, противоречат друг другу или случайно подкрепляют друг друга. Мало какие из них логически связаны друг с другом и ни один не связан с каким-либо общим образом предпочтительного города будущего. Никакое

видение — утопическое или иное — не снабжает энергией наши усилия. Никакие рационально интегрированные цели не вносят порядка в хаос. Отсутствие ясной политики отмечается в равной мере на национальном и интернациональном уровнях и опасно вдвойне.

Мы не просто не знаем, какие преследовать цели, будучи городом или государством. Беда кроется глубже. Ведь ускоряющиеся перемены делают устаревшими методы, которыми мы добивались социальных целей. Технократы еще не понимают этого и, реагируя на кризис целей по типу коленного рефлекса, они тянутся за проверенными и подлинными методами прошлого.

Так, скачкообразно, ошеломленное переменами правительство будет пытаться публично определять свои цели. Инстинктивно оно создает комиссию. В 1960 г. президент Эйзенхауэр использовал среди прочих генерала, судью, парочку промышленников, нескольких президентов колледжей и профсоюзного лидера, чтобы «разработать широкий спектр скоординированных национальных политик и программ» и «поставить ряд целей в различных сферах национальной деятельности». В свое время появилась книга в красно-бело-синей бумажной обложке: доклад «Цели американцев»[16]. Ни комиссия, ни ее цели не оказали ни малейшего воздействия на общество и политику. Бог перемен продолжал кружить над Америкой, не задетый, так сказать, управляющим умом.

Намного более значительное усилие по приведению в порядок правительственных приоритетов было инициировано президентом Джонсоном в его попытке применить PPBS (Системы планирования, программирования и ассигнований) ко всему федеральному истеблишменту. PPBS — это метод намного более тесного и рационального связывания программ с организационными целями. Так, например, применяя его, Департамент здравоохранения, образования и социальных пособий может оценивать издержки и выгоды альтернативных программ для достижения определенных целей. Но кто определяет эти более крупные, более важные цели? Введение PPBS и системного

подхода — крупное правительственное достижение. Оно имеет первостепенную важность в управлении крупными организационными усилиями. Но оно оставляет полностью незатронутым глубоко политический вопрос о том, как прежде всего следует выбирать общие цели правительства или общества.

Президент Никсон, по-прежнему обеспокоенный кризисом целей, попробовал третью линию. Он заявил: «Настало время, чтобы мы сознательно и систематично обратились к вопросу, государством какого рода мы хотим быть...» Таким образом, он затронул самый существенный вопрос. Но снова метод, выбранный для ответа, оказался неадекватным. «Сегодня я приказал создать в Белом доме Исследовательский штаб по национальным целям, — объявил президент. — Это будет небольшой, чрезвычайно специализированный штаб, состоящий из экспертов в области сбора... и обработки данных, касающихся социальных нужд, и проектирования социальных тенденций»[17].

Такой штаб, находящийся от президента на расстоянии крика, мог бы быть чрезвычайно полезным в сборе предлагаемых целей, в урегулировании (хотя бы на бумаге) конфликтов между службами, в предложении новых приоритетов. Укомплектованный замечательными представителями социальных наук и футурологами, он мог бы оправдать свое существование, не сделав ничего, но заставив высокие должностные лица задаться вопросом об их основных целях.

Однако даже этот шаг, как и два предыдущих, несет отпечаток технократического менталитета. Ведь он также обходит стороной несущую политическую нагрузку суть проблемы. Как должны определяться предпочтительные будущие? И кем? Кто должен устанавливать цели для будущего?

За всеми подобными усилиями стоит представление, что национальные (и в развитии — местные) цели общества на будущее должны формулироваться наверху. Эта технократическая предпосылка прекрасно отражает старые бюрократические формы организации, в которой линия и

персонал были разделены, в которой жесткие, недемократические иерархии отделяли лидера от ведомого, управляющего от управляемого, планировщика от исполнителя плана.

Однако реальные в отличие от бойко вербализованных цели любого общества на пути к сверхиндустриализму уже слишком сложны, слишком быстротечны и в своем достижении слишком зависимы от усердного участия управляемых, чтобы они были понятны и легко определимы. Мы не можем надеяться обуздать неудержимые силы перемен, собирая за кофе компанию стариков, чтобы они установили для нас цели, или перекладывая задачу на «чрезвычайно специализированный штаб». Нужен революционно новый подход к установлению целей.

Едва ли этот подход появится у тех, кто имитирует революцию. Одна радикальная группа, видящая все проблемы как манифестацию «максимизации прибылей», демонстрирует, во всей своей невинности, такой же узкий экономоцентризм, что и технократы. Другая надеется волей-неволей погрузить нас назад в доиндустриальное прошлое. Еще одна понимает революцию исключительно в субъективных и психологических терминах. Ни одна из этих групп не способна продвинуть нас к посттехнократическим формам управления переменами.

Привлекая внимание к растущей неспособности технократов и эксплицитно бросая вызов не только средствам, но и самим целям индустриального общества, сегодняшние молодые радикалы оказывают нам всем большую услугу. Но они знают о том, как справиться с кризисом целей, не больше, чем технократы, которых они презирают. Совсем как господа Эйзенхауэр, Джонсон и Никсон, они явно не способны представить какой-либо позитивный образ будущего, достойный того, чтобы за него бороться.

Так, Тодд Гитлин, молодой американский радикал и бывший президент общества «Студенты за демократию», отмечает, что, хотя «ориентация на будущее является отличительным признаком любого революционного — и в данном отношении либерального — движения последних полутора столетий», новые левые страдают «неверием в буду-

щее». Перечислив все очевидные причины, почему левое движение до сих пор не выдвинуло ясной концепции будущего, он лаконично признается: «Мы оказались неспособными сформулировать будущее»[18].

Другой теоретик из новых левых, как пушинка, кружащий над проблемой, убеждает своих последователей соединить будущее с настоящим, фактически живя сегодня стилем жизни завтрашнего дня. До сих пор это приводило к жалкой шараде — «свободным обществам», кооперативам, доиндустриальным коммунам, немногие из которых имеют что-либо общее с будущим, но многие из которых страстно привержены прошлому.

Нельзя без иронии относиться к тому, что некоторые (хотя едва ли все) сегодняшние молодые радикалы разделяют с технократами черту опасного элитизма. Принижая бюрократию и требуя «демократии участия», они сами часто пытаются манипулировать теми самыми группами рабочих, негров и студентов, от имени которых требуют участия.

Рабочие массы в высокотехнологичных обществах полностью индифферентны к призывам к политической революции, нацеленной на замену одной формы владения собственностью на другую. Для большинства людей рост изобилия означает лучшее, а не худшее существование, и они смотрят на свою весьма презираемую «жизнь пригородного среднего класса» скорее как на осуществление, чем как на лишение.

Столкнувшись с упрямой реальностью, недемократичные элементы в среде новых левых совершают скачок к маркузианскому выводу, что слишком буржуазны, слишком развращены и испорчены Мэдисон-авеню, чтобы знать, что для них хорошо. Значит, революционная элита должна установить более гуманное и демократическое будущее, даже если это означало бы запихнуть его в глотку тем, кто слишком глуп, чтобы понимать собственный интерес. Короче говоря, цели общества должны быть установлены элитой. Технократ и антитехнократ на поверку часто оказываются братьями по элитизму.

Однако системы формулирования целей, основанные на элитистских предпосылках, просто больше не являются «эффективными». В стремлении установить контроль над силами перемен они становятся все менее продуктивными. Ведь при сверхиндустриализме демократия становится не политической роскошью, а первейшей необходимостью.

Демократические политические формы возникли на Западе не потому, что несколько гениев захотели, чтобы они были, и не потому, что человек проявил «неутолимый инстинкт свободы». Они возникли из-за исторического толчка к социальной дифференциации и системам, обладающим большей скоростью, которых требовала чувствительная социальная обратная связь. В сложных дифференцированных обществах огромные количества информации должны еще быстрее течь между официальными организациями и субкультурами, которые образуют целое, и между слоями и подструктурами внутри них.

Политическая демократия, вовлекая все больше и больше людей в принятие социальных решений, облегчает обратную связь. И это именно та обратная связь, которая существенна для контроля. Чтобы взять на себя контроль над ускоренными переменами, нам понадобятся еще более передовые — и более демократичные — механизмы обратной связи.

Однако технократ, по-прежнему мысля в терминах верха — низа, часто строит планы, не организуя адекватной и мгновенной обратной связи с нужной областью, так что он редко знает, насколько хорошо работают его планы. Когда он все же организует обратную связь, то, о чем он обычно спрашивает и что получает от нее, в значительной мере касается экономики и неадекватно в социальном, психологическом или культурном отношении. Хуже того, он составляет эти планы, недостаточно принимая во внимание быстро меняющиеся потребности и желания тех, чье участие требуется, чтобы сделать их успешными. Он берет на себя право устанавливать социальные цели самостоятельно или слепо принимает их от вышестоящей власти.

Он не способен признать, что более быстрый темп перемен требует — и создает — новый вид информационной системы в обществе: скорее виток, чем лестницу. Информация должна пульсировать в этом витке со все большей скоростью, и выходной сигнал одной группы становится входным сигналом для многих других, так что ни одна группа, каким бы политическим потенциалом ни обладала с виду, не может независимо устанавливать цели для целого.

В то время как количество социальных компонентов увеличивается, а перемены сотрясают и дестабилизируют всю систему, разрушительная сила подгрупп чудовищно возрастает. По словам У. Росса Эшби, блестящего кибернетика, существует математически доказуемый закон такого эффекта: «когда вся система состоит из ряда подсистем, та, которая стремится доминировать, *наименее* стабильна»[19].

Действительно, когда количество социальных компонентов растет и перемены делают всю систему менее стабильной, становится все менее и менее возможным игнорировать требования политических меньшинств — хиппи, негров, нижних слоев среднего класса, Уоллсайтов, школьных учителей и вошедших в поговорку маленьких старушек в теннисных туфлях. В более медленном, индустриальном контексте Америка могла отвернуться от нужд своего черного меньшинства; в новом, быстром кибернетическом обществе это меньшинство может саботажем, забастовкой и тысячей других способов разрушить всю систему. По мере того как усиливается взаимозависимость, все меньшие и меньшие группы внутри общества обретают все большую и большую силу для решающего разрушения. Более того, когда скорость перемен нарастает, промежуток времени, в который их можно игнорировать, превращается почти в ничто. Следовательно: «Свободу сейчас!»

Это наводит на мысль, что лучший способ обойтись с разгневанными или непокорными меньшинствами — больше открывать систему, вводя их в нее как полноценных партнеров, позволяя им участвовать в определении социальных целей, а не пытаться подвергать их остракизму или изолировать. Красный Китай, не допущенный в Организа-

цию Объединенных Наций и широкое международное сообщество, с гораздо большей вероятностью дестабилизирует мир, чем включенный в систему. Молодые люди, искусственно вгоняемые в затянувшееся отрочество и лишенные права участвовать в принятии социальных решений, будут становиться все более и более нестабильными, и это создаст угрозу всей системе. Короче говоря, в политике, в промышленности определить цели без участия тех, на ком это скажется, будет все труднее. Продолжение технократических процедур постановки целей сверху вниз приведет ко все большей социальной нестабильности, все меньшему контролю над силами перемен, ко все большей опасности катаклизма, гибельного для человека.

Чтобы руководить переменами, нам, следовательно, понадобится прояснение важных долгосрочных социальных целей *и* демократизация способа, которым мы достигаем их. А это означает не меньше чем следующую политическую революцию в технологических обществах — захватывающее дух утверждение народной демократии.

Пришло время драматической переоценки направлений перемен, переоценки, которую делают не политики, не социологи, не духовенство, не революционная элита, не техники, не ректоры колледжей, а все люди вместе. Нам нужно вполне буквально «идти к людям» с вопросом, которого им почти никогда не задавали: «Какой мир вы хотите через десять, двадцать или тридцать лет?» Короче говоря, нам нужно инициировать непрерывный плебисцит о будущем.

Настал подходящий момент для формирования в каждом из высокотехнологичных государств движения за полный самопересмотр, общественную самопроверку, направленную на расширение и определение (в социальных и экономических терминах) целей «прогресса». На пороге нового тысячелетия, на грани нового этапа развития человечества мы вслепую мчимся в будущее. Но куда мы *хотим* идти?

Что произошло бы, если бы мы действительно попытались ответить на этот вопрос?

Представьте себе историческую драму, силовое и эволюционное воздействие, если каждое из высокотехнологичных государств определит ближайшие пять лет как период интенсивной национальной самооценки, если к концу пятилетия оно создаст собственную экспериментальную повестку дня будущего, программу, охватывающую не просто экономические цели, но, что так же важно, широкий набор социальных целей, если каждое государство заявит миру, чего оно хочет добиться для своего народа и человечества вообще за последние четверть века нашего тысячелетия.

Давайте созовем в каждой стране, каждом городе, каждой местности демократические правомочные ассамблеи, поручив им социальную инвентаризацию, поручив им определить и назначить приоритеты специфических социальных целей на остаток века.

Такие ассамблеи социального будущего могли бы представлять не просто географию, но социальные единицы — промышленников, рабочих, церкви, интеллектуальное сообщество, художников, женщин, этнические и религиозные группы, студентов — с организованным представительством также и тех, кто не входит в организации. Не существует совершенной техники, гарантирующей всем равное представительство или выявляющей желания бедных, молчаливых или изолированных. Но как только мы признаем необходимость учесть их, мы найдем способы. Действительно, проблема участия в определении будущего — это не просто проблема бедных, молчаливых или изолированных. Высокооплачиваемые администраторы, состоятельные профессионалы, чрезвычайно разговорчивые интеллектуалы и студенты рано или поздно чувствуют, что не могут уже оказывать влияние на направление и темп перемен. Присоединить их к системе, превратить их в часть руководящего механизма общества — самая насущная политическая задача идущего поколения. Представьте себе результат, если все, кому предстоит жить в будущем, могли бы высказать свои желания относительно будущего. Короче говоря, представьте себе грандиозное, глобальное упражнение в предварительной демократии.

Ассамблеи социального будущего не должны — а учитывая уровень быстротечности, и не могут — быть закрепленными постоянными институтами. Они могли бы принять форму специальных групп, создаваемых через регулярные промежутки времени с участием каждый раз разных представителей. Сегодня граждане, когда это нужно, работают в жюри присяжных. Они отдают несколько дней или несколько недель своего времени этой службе, признавая, что система жюри — одна из гарантий демократии, что, хотя эта работа может доставлять неудобства, кто-то должен ее делать. Ассамблеи социального будущего можно было бы организовать подобным образом с постоянным потоком новых участников, собираемых вместе на короткое время для выполнения работы «консультантов по будущему» для общества.

Эти обычные граждане выражают волю многих людей, которых прежде не спрашивали. Ассамблеи могли бы стать ратушами будущего, в которых миллионы помогают формировать собственные отдаленные судьбы.

Некоторым этот призыв к своего рода неопопулизму, несомненно, покажется наивным. Однако гораздо наивнее полагать, что мы можем продолжать политически управлять обществом так же, как делаем это сейчас. Некоторым этот призыв покажется непрактичным. Однако непрактичнее всего пытаться навязать людям будущее сверху. То, что было наивным при индустриализме, может быть реалистичным при сверхиндустриализме, что было практичным, может быть абсурдным.

Воодушевляет тот факт, что сейчас у нас есть потенциал для того, чтобы сделать громадный шаг вперед в демократическом принятии решений, если мы найдем требующее воображения применение новым технологиям, как «аппаратным», так и «программным», которые имеют отношение к данной проблеме. Так, с развитием передовых телекоммуникаций участникам ассамблей социального будущего не нужно лицом к лицу встречаться в одной комнате, они могут просто подключаться к всемирной коммуникационной сети. Встреча ученых для обсуждения исследовательских

целей будущего или целей качества окружающей среды могла бы собирать участников из многих стран одновременно. В ассамблее металлургов, профсоюзных деятелей и администраторов, созванной, чтобы обсудить цели автоматизации и улучшения самой работы, могли бы участвовать работники прокатных станов, офисов и складов, независимо от того, насколько они разбросаны и удалены друг от друга.

Деятелям культуры Нью-Йорка или Парижа — художникам и галерейщикам, писателям и читателям, драматургам и зрителям, которые собрались чтобы обсудить соответствующие долгосрочные цели культурного развития города, — можно было бы показывать, используя видеозапись и другую технику, художественную продукцию, о которой идет речь, архитектурные проекты, образцы новых художественных средств, ставших доступными в результате технологического продвижения и т. д. Какую культурную жизнь выберет великий город будущего? Какие ресурсы понадобятся, чтобы реализовать данный набор целей?

Все ассамблеи социального будущего, чтобы ответить на такие вопросы, могут и должны получать поддержку технического персонала в предоставлении данных по социальным и экономическим издержкам различных целей и в демонстрации издержек и выгод предлагаемых сделок, чтобы участники были способны делать, так сказать, разумно информированный выбор между альтернативными будущими. Таким образом, каждая ассамблея могла бы в результате не просто неясно выражать надежды, а определять приоритеты на завтра, сформулированные так, как и заявления о целях, сделанные другими группами.

Не стоит называть ассамблеи социального будущего «говорильней». Мы быстро разрабатываем игры и модели, главная красота которых в том, что они помогают игрокам прояснять собственные ценности. В Проекте Plato университета Иллинойса Чарльз Осгуд экспериментирует с компьютерами и обучающими машинами, которые привлекут широкие массы общественности к планированию воображаемых предпочтительных будущих через игру[20].

В Корнэльском университете Хосе Виллегас, профессор факультета проектирования и анализа окружающей среды, с помощью черных и белых студентов конструирует множество «игр гетто», которые открывают игрокам последствия различных предлагаемых образов действий и таким образом помогают им прояснить цели. Игра «Гетто 1984» показала, что произошло бы, если бы рекомендации, сделанные комиссией Кернера по бунтам (Национальной комиссией США по гражданским беспорядкам), действительно были приняты. Она показала, как последовательность, с которой эти рекомендации вводились, повлияла бы в итоге на ситуацию в гетто. Она помогла игрокам, как черным, так и белым, идентифицировать свои совместные цели, а также их неразрешимые конфликты. В играх, подобных «Перу 2000» и «Город незаконных поселенцев 2000», игроки создают сообщества будущего.

В «Нижнем Ист-сайде» — игре, которую Виллегас надеется действительно разыграть в Манхэттенском сообществе, которое носит это название, игроками были бы не студенты, а реальные жители сообщества — бедные рабочие, белые представители среднего класса, мелкие бизнесмены-пуэрториканцы или молодые безработные негры, полиция, хозяева квартир и городские чиновники.

Весной 1969 г. старшеклассники в Бостоне, Филадельфии и Сиракузах, штат Нью-Йорк, участвовали в телевизионной игре, включающей в себя смоделированную войну в Конго в 1975 г. В то время как по телевидению показывали команды, изображающие кабинеты министров России, Красного Китая и Соединенных Штатов, которые вырабатывали дипломатические и политические шаги, школьники и учителя смотрели, дискутировали и по телефону давали советы главным игрокам[21].

Подобные игры, включающие в себя не десятки, а сотни тысяч и даже миллионы людей, можно было бы создать, чтобы помочь нам сформулировать цели на будущее. В то время как телеигроки играют роль высших правительственных чиновников, пытающихся справиться с кризисом — например, экологическим бедствием, — можно было бы

провести собрания профсоюзов, женских клубов, церковных групп, студенческих организаций и других избирателей, на которых большое количество людей могло бы смотреть программу, выносить коллективное суждение о том, какой выбор следует сделать, и доводить эти суждения до основных игроков. Специальные коммутаторы и компьютеры могли бы собирать советы или подсчитывать голоса «за» и «против» и передавать их «тем, кто принимает решения». Большое число людей могло бы участвовать в игре прямо из дома. Таким образом, к процессу принятия решений были бы привлечены неорганизованные миллионы людей. При создании с воображением таких игр становится не только возможным, но и практичным получать цели будущего от масс, с которыми раньше не советовались.

Подобные техники, сегодня еще примитивные, станут фантастически изощренными в самые ближайшие годы, предоставляя нам систематический способ собирать и согласовывать конфликтующие образы предпочтительного будущего, даже исходящие от людей, неискушенных в академических дебатах и парламентской процедуре.

Предполагать, что такие ратуши будущего окажутся упорядоченным или гармоничным делом или что они будут организованы таким же образом где-нибудь еще, означало бы уподобиться Поллианне. В некоторых местах ассамблеи социального будущего могут быть созданы организациями сообществ, советами по планированию или правительственными службами. Еще где-то их могут поддерживать профсоюзы, молодежные группы или отдельные, ориентированные на будущее политические лидеры. В других местах церкви, фонды или добровольческие организации могут инициировать их созыв. И еще в каких-то местах они могут возникнуть не в результате формального созыва, а как спонтанная реакция на кризис.

Точно так же было бы ошибкой думать о целях, очерченных этими ассамблеями, как о вечных Платоновских идеях, плавающих где-то в метафизических недостижимых краях. Скорее их следует рассматривать как временные указатели направления, широкие, но для ограниченного вре-

мени задачи и рекомендации, предназначенные избранным политическим представителям сообщества или государства.

Такие ориентированные на будущее, формирующие будущее мероприятия могли бы иметь огромное политическое воздействие. Они могли бы оказаться спасением для всей системы репрезентативной политики — системы, которая сейчас находится в ужасающем кризисе.

Массы избирателей сегодня настолько далеки от контактов со своими избранными представителями, поскольку проблемы, которыми те занимаются, настолько специальны, что даже хорошо образованные представители среднего класса чувствуют себя безнадежно исключенными из процесса определения целей. Из-за всеобщего ускорения жизни между выборами многое происходит так быстро, что политик становится все менее объяснимым для «простых людей». Более того, эти простые люди продолжают меняться. В теории избиратель, недовольный действиями своего представителя, может в следующий раз проголосовать против него. На практике для миллионов невозможно даже это. Массовая мобильность удаляет их из округа, иногда вообще лишая избирательных прав. В округ вливаются вновь прибывшие. Политик обращается ко все большему количеству новых лиц. От него могут никогда не потребовать отчета в его действиях или обещаниях, данных предыдущим избирателям.

Еще более опасен для демократии временной уклон политики. Временной горизонт политика обычно не простирается дальше следующих выборов. Конгрессы, парламенты, городские советы — законодательные органы вообще — испытывают нехватку времени, ресурсов или организационных форм, необходимых, чтобы серьезно думать о долгосрочном будущем. Что касается гражданина, последнее, о чем его когда-либо спрашивают, — это более масштабные, более удаленные цели для его сообщества, штата или государства.

Избирателя могут в ходе опроса спросить о специфических проблемах, но никогда об общей форме предпочтительного будущего. В политике нет института, через который

простой человек может высказать свои идеи о том, каким должно быть отдаленное будущее по виду, ощущению или вкусу. Его никогда не просят подумать об этом, а в редких случаях, когда он задумывается, для него не существует организованного способа передать свои идеи на политическую арену. Отрезанный от будущего, он становится политическим евнухом.

По этим и другим причинам мы несемся к роковому разрушению всей системы политического представительства. Если законодательным органам вообще суждено выжить, им понадобятся новые виды контактов с избирателями, новые связи с будущим. Ассамблеи социального будущего обеспечивают средства нового соединения законодателя с его массовой базой, настоящего с будущим.

Проводимые часто и регулярно, такие ассамблеи — более чувствительный критерий народной воли, чем любой из доступных нам теперь. Сам акт созыва таких ассамблей привлек бы в поток политической жизни миллионы, которые сейчас ее игнорируют. Сталкивая мужчин и женщин с будущим, спрашивая их об их собственных личных судьбах, а также о наших ускоряющихся общих траекториях, этот институт зондировал бы глубокие этические проблемы.

Просто постановка перед людьми таких вопросов сама по себе утверждает освобождение. Сам процесс социальной оценки объединил бы и просветил население, смертельно уставшее от специализированных дискуссий о том, как добраться куда-то, куда оно не уверено, что хочет идти. Ассамблеи социального будущего помогли бы прояснить различия, все больше разделяющие нас в наших быстро фрагментирующихся обществах; они бы, напротив, идентифицировали общие социальные нужды — потенциальные основы для временных объединений. Таким образом, они бы собрали разные политические устройства в новой структуре, из которой неизбежно возникли бы новые политические механизмы.

Однако самое важное, что ассамблеи социального будущего помогли бы сместить культуру к более сверхиндустриальному временному уклону. Сосредоточив внимание

общественности на долгосрочных целях, а не на одной насущной программе, попросив людей выбрать предпочтительное будущее среди спектра альтернативных будущих, эти ассамблеи могли бы инсценировать возможности для гуманизации будущего — возможности, слишком многие из которых уже отброшены как потерянные. Делая это, ассамблеи социального будущего могли бы спустить с привязи мощные конструктивные силы — силы сознательной эволюции.

К настоящему моменту ускорение, запущенное в ход человеком, стало ключом ко всему эволюционному процессу на планете. Уровень и направление эволюции других видов, само их выживание зависит от решений, принятых человеком. Однако нет ничего присущего эволюционному процессу, что гарантировало бы собственное выживание человека.

В прошлом, по мере того как разворачивались последовательные стадии социальной эволюции, их осознание скорее следовало за событиями, чем предшествовало им. Поскольку изменение было медленным, человек мог адаптироваться бессознательно, «органично»; сегодня это уже невозможно. Получив власть изменить ген, создавать новые виды, заселять планеты и сократить население Земли, человек сейчас должен взять на себя сознательный контроль за самой эволюцией. Избегая шока будущего, мчась по волнам перемен, он должен управлять эволюцией, приспосабливая завтра к человеческой потребности. Поднимать бунт против будущего бессмысленно, человек должен с этого самого исторического момента предвидеть и создавать будущее.

Итак, конечная задача социального футуризма — не просто «перешагнуть» через технократию и ее заменить более гуманным, более дальновидным, более демократичным планированием, но подчинить сам процесс эволюции сознательному человеческому руководству. Ведь это высший момент, поворотный пункт истории, в который человек либо покоряет процессы перемен, либо исчезает, в который из бессознательной марионетки эволюции он превращается либо в ее жертву, либо в ее господина.

Вызов такой силы требует от нас разительно нового, более рационального отклика на перемены. Эта книга претерпела изменение, как ее главное действующее лицо — сначала как потенциальный злодей, потом, по-видимому, как потенциальный герой. Призывая к умеренности и регулированию перемен, она требует дополнительных революционных изменений. Это менее парадоксально, чем кажется. Перемены существенны для человека, так же существенны сейчас, в наш 800-й промежуток жизни, как были существенны в первый. Перемены — это сама жизнь. Но неистовые перемены, неуправляемые и несдерживаемые, ускоренные перемены, подавляющие не только физические защиты человека, но его процессы принятия решений, — такие перемены враждебны жизни.

Поэтому наша первая и самая настойчивая потребность, прежде чем мы сможем начать мягко управлять нашей эволюционной судьбой, прежде чем мы сможем строить гуманистическое будущее, — остановить ускорение, которое подвергает миллионы людей угрозе шока будущего, в тот же самый момент интенсифицируя все проблемы, которыми они должны заниматься: войну, вторжения в экологию, расизм, неприличный контраст между богатым и бедным, бунт молодежи и подъем потенциально смертельного массового иррационализма.

Нет легкого способа справиться с этим безумным ростом, этим раком истории. Нет также магического средства для лечения беспрецедентной болезни, которую он несет с собой: шоком будущего. Я предложил альтернативы для индивидуума, подавленного переменами, и более радикальные лечебные процедуры для общества — новые социальные службы, обращенную в будущее систему образования, новые способы управлять технологией и стратегию взятия перемен под контроль. Можно найти и другие способы. Однако основной смысл этой книги — диагноз. Ведь диагноз предшествует лечению, и мы не можем начать помогать себе, пока не станем чутко сознавать проблему.

Эти страницы послужат своей цели, если они в известной степени помогут сформировать сознание, нужное человеку, чтобы осуществлять контроль над переменами,

управлять своей эволюцией. Ведь с воображением используя и направляя перемены, мы можем не только уберечь себя от травмы шока будущего, но и достичь отдаленных завтра и гуманизировать их.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Среди наиболее почитаемых стереотипов нашего времени — представления о том, что жизнь автора одинока, что его идеи возникают из некоего мистического внутреннего источника и что он пишет, находясь во власти вдохновения. Многие профессиональные писатели знают лучше. Однако эти описания вполне могут применяться к другим авторам и другим книгам, но они неприменимы к этой. «Шок будущего» — результат сотрудничества, общения лицом к лицу и мысль к мысли с сотнями людей, действительно со столь многими в столь многих университетах, исследовательских институтах и ведомствах, что я не смог бы назвать их всех.

Единственным самым значительным влиянием на эту книгу, помимо моего собственного, было влияние моей жены Хайди, которая была не вошедшей в поговорку «терпеливой супругой, не допускающей детей в берлогу автора», а скорее активным интеллектуальным партнером, обсуждающим пункт за пунктом, вынуждающим меня прояснять и интегрировать концепции, на которых основывается книга. Как и прежде, она была также домашним редактором, читающим или слушающим каждую главу, предлагающим сокращения, дополнения и свежие идеи. В значительной мере это и ее книга.

Несколько друзей также заранее читали всю рукопись или ее часть, делая ценные замечания. Д-р Дональд Ф. Клейн, руководитель психиатрических исследований в Хилсайдской больнице Нью-Йорка; д-р Герберт Герджой, психолог; д-р Бенджамин Сингер, социолог, и Гарольд Ли Страдлер были

достаточно добры, чтобы таким образом помочь мне. Я также должен поблагодарить мисс Бонни Брауэр, которая выполняла роль помощника-исследователя на ранних стадиях проекта и бодро помогала мне фильтровать массы материала, временами угнетающе громоздящегося на моем столе.

Особую благодарность я должен выразить профессору Элис Л. Филлипс из Школы права университета округа Колумбия и Фонду Элис Л. Филлипс за проявленное сверхчеловеческое терпение, позволившее мне снова и снова отсрочивать важные обязательства перед Фондом, пока я заканчивал эту книгу.

---

[1] Урбанолог Скотт Грир цит. по: Urban Environment: General by Daniel P. Moynihan в [313], с. 497.

[2] Интервью автора с Реймондом Флетчером.

[3] Викерс цит. по: Ecology, Planning and the American Dream by Sir Geoffrey Vickers в [241], с. 374–395.

[4] Доводы Харрингтона см.: [318].

[5] Позиция Гэлбрейта разрабатывается в [82].

[6] Участница Вудстока цит. по: The New York Times», August 25, 1969.

[7] Информация о фондах из Playboy's Guide to Mutual Funds by Michael Laurence, Playboy, June, 1969, c. 152. Неэкономические интересы совместных фондов обсуждаются в The Funds of the Future: 2000 A.D. by Alvin Toffler // Channing Balanced Fund Annual Report, New York, 1969, c. 6.

[8] Фордовский проект «программы связанных инвестиций» описан в New Options in the Philanthropic Process // Ford Foundation statement of policy, New York: Ford Foundation, 1968. См. также: New Agency Lends First Million to Aid Ghetto Business by Vic Jameson // Presbyterian Life, reprint dated 1968; mimeographed PEDCO Guidelines for Loan Approval, issued by Presbyterian Economic Development Corp.

[9] Удэлл цит. в: The Idea of a Social Report by Daniel Bell // Public Interest, Spring, 1969, c. 81.

[10] Цитата Гросса из его предисловия к: [313], с. ix.

[11] Движение социальных индикаторов — сегодня одна из самых значительных сил в социальных и поведенческих науках. Однако литературы для анализа пока достаточно мало. Пять основных работ: [313], [317], [327], [330], [337].

[12] Огбурн цитируется из длинного обсуждения предсказывания в [47], с. 304.

[13] Замечание Мак-Рэя из его главы The Crisis of Sociology в [298].

[14] Ценные, хотя уже устаревшие, список и оценку методологий прогнозирования см.: [157].

Дельфи описывается в [155].

Короткое полезное введение к работе по перекрестному воздействию появляется в Initial Experiments with the Cross Impact Matrix Method of Forecasting by T.J. Gordon and H. Hayward // Futures, December, 1968, с. 100–116.

[15] Кристоф Бертрам цитируется по его статье Models of Western Europe in the 1970's — the Alternative Choices, Futures, December, 1968, с. 143.

[16] Доклад президента Эйзенхауэра о комиссии по целям см.: в [313]. Цит. с. xi.

[17] Никсон: из Statement by the President on the Establishment of a National Goals Research Staff // White House Press Release, July 13, 1969.

[18] The Politics and Vision of the New Left by Todd Gitlin, Radical Education Project, San Francisco, с. 2, 5.

[19] The Application of Cybernetics to Psychiatry by W. Ross Ashby в [48], с. 376; см. также: [1].

[20] Проект Осгуда PLATO отмечен в Report of Developments since the Conference of Overseas Sponsors held in London in November, 1965 // Mankind 2000, London: Preparatory International Secretariat, август 1966, стр. 2; позже доклад появился в Involving the Public in Futures // Futures, September, 1968, с. 69.

[21] Телевизионные игры упомянуты в Education Daily, April 25, 1969.

ОБ АВТОРЕ

Всемирно известный американский социолог и футуролог Элвин Тоффлер — автор трудов, имеющих большое значение. Его работами зачитываются более чем в 50 странах мира, он — один из наиболее известных американских авторов. «Шок будущего», посвященный проблемам ускорения перемен, получил во Франции престижную премию «Тысячное зарубежное издание». Книга привлекла внимание Белого дома, а ее название вошло в английский язык как идеома. «Третья волна», где описывается появление нового общества, вызвала интерес многих известных политических лидеров, начиная с Михаила Горбачева и кончая премьер-министром Японии. В Китае сначала эту книгу запретили, потом она стала «библией» китайской интеллигенции, второй по популярности после речей Дэнсяопина.

Э. Тоффлер работает в тесном творческом контакте со своей женой Хайди Тоффлер. Она помощница и соавтор Э. Тоффлера. Их анализ современного меняющегося мира представлен как в вышеупомянутой работе, так и в книгах «Адаптивная корпорация», «Наметки и предпосылки» и «Эко-спазм». Эти работы внимательно читает высшее руководство. Их изучают во многих университетах мира на курсах экономики и бизнеса, социологии, литературы, философии.

Э. Тоффлер начал свой путь вашингтонским корреспондентом, потом вошел в состав редакции журнала «Форчун». Работал он и как приглашенный ученый-исследователь в Фонде Рассела Сейджа, и как приглашенный профессор —

в Корнтельском университете, а затем в штате факультета Новой Школы социальных исследований (США). В настоящее время Тоффлер — член Международного института стратегических исследований.

За свои широкомасштабные работы он был принят в члены Американской ассоциации содействия развитию науки, получил книжную премию Фонда Макензи за «выдающийся вклад в литературу по менеджменту», правительством Франции был удостоен чести именоваться кавалером ордена искусства и литературы. Хайди Тоффлер, человек широких творческих интересов, имеет почетную ученую степень доктора юридических наук и Медаль Президента Республики Италия за свою работу футуролога.

БИБЛИОГРАФИЯ

АДАПТАЦИЯ

[I] Ashby, W. Ross, *Design for a Brain*. (London: Chapman and Hall, 1952.)

[2] Beer, Stafford, *Cybernetics and Management*. (New York: John Wiley, 1964.)'«Яг»«Яг»

[3] Berlyne, D. E., *Conflict, Arousal and Curiosity*. (New York: McGraw-Hill, 1960.)

[4] Bettelheim, Bruno, *The Informed Heart*. (Glencoe, Ill: The Free Press, 1960.)

[5] Bossard, James H. S., and Boll Eleanor S., *Ritual in Family Living*. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950.)

[6] Bowen, Hugh M., *Rational Design*. Reprint of seven articles from *Industrial Design*, February-August, 1964. (Distributed by Dunlap and Associates, Darien, Conn.)

[7] Dance, Frank E. X, (ed.), *Human Communication Theory*. (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1967.)

[8] Dubos, René, *Man Adapting*. (New Haven: Yale University Press, 1965.)

[9] Dunlop John.T., *Automation and Technological Change.* (Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1962.)

[10] Ganong, William F., *Review of Medical Physiology.* (Los Altos, California: Lange Medical Publications, 1967.)

[11] Glass, David C., (ed.), *Environmental Influences.* (New York: Rockefeller University Press and Russell Sage Foundation, 1968.)

[12] Goreman, Aubrey, and Bern, Howard A., *A Textbook of Comparative Endocrinology.* (New York: John Wiley, 1962.)

[13] Grinker, Roy R., and Spiegel, John P., *Men Under Stress.* (New York: McGraw-Hill, 1945.)

[14] Grosser, George M., Wechsler, Henry, and Greenblatt, Milton, (eds.), *The Threat of Impending Disaster.* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1964.)

[15] Gurin, Gerald, Veroff, Joseph, and Feld, Sheila, *Americans View Their Mental Health.* (New York: Basic Books, 1960.)

[16] Hamilton, R. V., Taylor, R. M., and Rice, G. E., Jr., *A Social Psychological Interpretation of the Udall, Kansas, Tornado.* (Washington: National Academy of Sciences-National Research Council, 1955.)

[17] Hollingshead, August B., and Redlich, Frederick C., *Social Class and Mental Illness.* (New York: John Wiley, 1964.)

[18] James, William, The *Principles of Psychology.* (New York: Dover, 1958.) (2 vols.)

[19] Lee, Alfred McCling, *Multi-Valent Man.* (New York: George Braziller, 1966.)

[20] Levi, Lennart, *Stress.* (New York: Liveright, 1967.)

[21] Lynn, R., *Attention, Arousal and the Orientation Reaction.* (Oxford: Pergamon, 1966.)

[22] Miller, George A., *The Psychology of Communication.* (New York: Basic Books, 1967.)

[23] Moore, H. E., *Tornadoes Over Texas.* (Austin, Texas: University of Texas Press, 1958.)

[24] Raab, Wilhelm, *Prevention of Ischemic Heart Disease: Principles and Practice.* (Springfield, Ill.: Chas. C. Thomas, 1966.)

[25] Sargant, William, *Battle for the Mind.* (London: Pan Books, 1963.)

[26] Selye, Hans, *The Stress of Life*. (New York; McGraw-Hill, 1956.)

[27] Skinner, B. F., *Science and Human Behavior*. (New York: The Free Press, 1953.)

[28] Vernon, Jack. *Inside the Black Room*. (New York: Clarkson N. Potter, 1963.)

[29] Vickers, Sir Geoffrey, *The Art of Judgment*. (New York: Basic Books, 1965.)

[30] Wooldridge, Dean E., *The Machinery of the Brain*. (New York: McGraw-Hill, 1963.)

[31] ———, *Proceedings of the Third World Congress of Psychiatry*. (Toronto: Toronto University Press, 1964.)

[32] ———, *Symposium on Medical Aspects of Stress in the Military Climate*. (Washington: Walter Reed Army Institute of Research, Walter Reed Army Medical Center, 1964.)

[33] ———, *Symposium on Preventive and Social Psychiatry*. (Washington: Walter Reed Army Institute of Research, Walter Reed Medical Center, 1957.)

[34] Bloch, Herbert A., *Disorganization*. (New York: Alfred A. Knopf, 1952.)

[35] Demerath, N. J., and Peterson, Richard A., (eds.), *System, Change and Conflict*. (New York: The Free Press, 1967.)

[36] De Vries, Egbert, *Man in Rapid Social Change*. (New York: Doubleday, 1961.)

[37] Etzioni, Amitai and Eva, (eds.), *Social Change*. (New York: Basic Books, 1964.)

[38] Frank, Lawrence K., *Society as the Patient*. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1948.)

[39] Gardner, John, *Self-Renewal*. (Evanston, Ill.: Harper, 1963.)

[40] Lerner, Daniel, *The Passing of Traditional Society*. (New York: The Free Press, 1958.)

[41] Massarik, Fred, and Ratoosh, Philburn, (eds.), *Mathematical Explorations in Behavioral Science*. (Home-wood, Ill: Richard D. Irwin and Dorsey Press, 1965.

[42] Mead, Margaret, *Continuities in Cultural Evolution*. (New Haven: Yale University Press, 1964.)

[43] Mead, Margaret, (ed.), *Cultural Patterns and Technical Change.* (New York: New American Library, 1955.)

[44] Mead, Margaret, *New Lives for Old,* (New York: New American Library, 1956.)

[45] Meier, Richard L., *Developmental Planning.* (New York: McGraw-Hill, 1965.)

[46] Moore, Wilbert E., *Social Change.* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.)

[47] Ogburn, William F., *On Culture and Social Change: Selected Papers.* (Chicago: University of Chicago Press, 1964.)

[48] Smith, Alfred G., (ed.), *Communications and Culture.* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966.)

[49] Touraine, Alain, Durand, Claude, Pecaut, Daniel, and *Willener, Alfred, Workers' Attitudes to Technical Change.* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1965.) (Summary version entitled *Acceptance and Resistance.*)

[50] Van Gennep, Arnold, *The Rites of Passage.* (Chicago: University of Chicago Press, 1960.)

[51] Wingo, Lowdon, Jr., (ed.), *Cities and Space.* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963.)

[52] ———, *Africa: Social Change and Mental Health.* (London: World Federation for Mental Health, 1959.)

[53] ———, *Mental Health Aspects of Urbanization.* (London: World Federation for Mental Health, 1957.)

[54] ———, *Training Requirements for Postattack Adaptive Behavior.* (Report for US Office of Civil Defense, prepared by Dunlap and Associates, Darien, Conn., December, 1965.)

[55] ———, *Urban America and the Planning of Mental Health Services.* (Philadelphia: Group for the Advancement of Psychiatry, vol. V, Symposium No. 10, November, 1964.)

АВТОМАТИЗАЦИЯ

[56] Bagrit, Leon, *The Age of Automation.* (New York: New American Library, 1965.)

[57] Diebold, John, *Beyond Automation.* (New York: McGraw-Hill, 1964.)

[58] Friedmann, Georges, *Industrial Society.* (Glencoe, Ill: The Free Press, 1955.)
[59] Greenberger, Martin, (ed.), *Computers and the World of the Future.* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1962.)
[60] Henderson, Mary Stephens-Caldwell, *Managerial Innovations of John Diebold.* (Washington: The LeBaron Foundation, 1965.)
[61] Michael Donald N., *Cybernation: The Silent Conquest.* (Santa Barbara, Calif.: Center for the Study of Democratic Institutions, 1962.)
[62] Simon, Herbert A., *The Shape of Automation for Men and Management.* (New York: Harper & Row, 1965.)
[63] Theobald, Robert, *The Challenge of Abundance.* (New York: New American Library, 1961.)
[64] ———, *Technology and the American Econòmy.* (Report of the Commission on Technology, Automation and Economic Progress, vol. 1, February, 1966.)

БИЗНЕС. ЭКОНОМИКА. ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ СТАНДАРТЫ

[65] Adams, Charles F., *Common Sense in Advertising.* (New York: McGraw-Hill, 1965.)
[66] Anshen, Melvin, and Bach, George Leland, (eds.), *Management and Corporations,* 1985. (New York: McGraw-Hill, 1960.)
[67] Backman, Julius, *Advertising and Competition.* (New York: New York University Press, 1967.)
[68] Baird, Mary K., *International Consumer Expenditure Patterns* (Report No. 196). (Menlo Park, Calif.: Stanford Research Institute, December, 1963.)
[69] Barish, Norman, and Verhulst, Michel, *Management Sciences in the Emerging Countries.* (Oxford: England-Alden Press, 1965.)
[70] Berle, Adolf A., Jr., *Power without Property.* (New York: Harcourt, Brace & World, 1959.)
[71] Best, Katherine, and Hillyer, Katherine, *Las Vegas: Playtown; USA.* (New York: David McKay, 1955.)

[72] Bogart, Ernest L., and Kemmerer, Donald L., Economic *History of the American People.* (New York: Longmans, Green, 1946.)

[73] Borges, Jorge Luis, *Labyrinths.* (New York: New Directions, 1964.)

[74] Boyd, Robert D., (ed.), *Changing Concepts of Productive Living.* (Madison, Wis.: University Extension, University of Wisconsin, 1957.)

[75] Brightbill, Charles K., *The Challenge of Leisure.* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960.)

[76] Dichter, Ernest, *Handbook of Consumer Motivations.* (New York: McGraw-Hill, 1964.)

[77] Fabricant, Solomon, *Basic Facts on Productivity Change.* (New York: National Bureau of Economic Research [Occasional Paper 63], 1959.)

[78] Fourastié, Jean, *Les 40,000 Heures.* (Paris: Editions Laffont, 1965.)

[79] Fuchs, Victor R., *The Crowing Importance of the Service Industries.* (New York: National Bureau of Economic Research [Occasional Paper 96], 1965.)

[80] Galbraith, John Kenneth, *The Affluent Society.* (Boston: Houghton-Mifflin, 1958.)

[81] Galbraith, John Kenneth, *The Liberal Hour.* (New York: New American Library, 1960.)

[82] Galbraith, John Kenneth, *The New Industrial State.* (Boston: Houghton-Mifflin, 1967.)

[83] Gordon, Theodore J., *A Study of Potential Changes in Employee Benefits.* (Middletown, Conn.: Institute for the Future, April, 1969.) (3 vols).

[84] Guzzardi, Walter, Jr., *The Young Executives.* (New York: New American Library, 1966.)

[85] Johnson, Arno H., Jones, Gilbert E., and Lucas, Darrell B., *The American Market of the Future.* (New York: New York University Press, 1966.)

[86] Katona, George, *The Mass Consumption Society*, (New York: McGraw-Hill, 1964.)

[87] Larrabee, Eric, and Meyersohn, Rolf, (eds.), *Mass Leisure.* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958.)

[88] Miller, Herman P., *Rich Man Poor Man.* (New York: Thomas Y. Crowell, 1964.)

[89] Packard, Vance. *The Hidden Persuaders.* (New York: David McKay, 1965.)

[90] Packard, Vance, *The Pyramid Climbers.* (New York: McGraw-Hill, 1962.)

[91] Packard, Vance, *The Waste Makers.* (New York: Pocket Books, 1964.)

[92] Scarff, Harold, *Multifamily Housing* (Report No. 151). (Menlo Park, Calif.: Stanford Research Institute, November, 1962.)

[93] Servan-Schreiber, J.-J., *The American Challenge.* (New York: Avon, 1967.)

[94] Tawney, R. H., *Religion and the Rise of Capitalism.* (New York: New American Library, 1948.)

[95] Uris, Auren, *The Executive Job Market.* (New York: McGraw-Hill, 1965.)

[96] Warner, W. Lloyd, and Abegglen, James, *Big Business Leaders to America.* (New York: Atheneum, 1963.)

[97] ———, *How American Buying Habits Change.* (Washington: US Department of Labor, 1959.)

[98] ———, *Markets of the Sixties by the Editors of Fortune.* (New York: Harper & Bow, 1960.)

ОБРАЗОВАНИЕ. МОЛОДЕЖЬ

[99] Asbell, Bernard, *The New Improved American.* (New York: McGraw-Hill, 1965.)

[100] Ashby, Eric, *Technology and the Academics.* (New York; St. Martin's Press, 1963.)

[101] Barzun, Jacques, *The American University.* (New York: Harper & Row, 1968.)

[102] Brim, Orville G., Jr., *Education for Child Rearing.* (New York: The Free Press, 1965.)

[103] De Grazia, Alfred, and Sobn, David, (eds.), *Revolution in Teaching.* (New York: Bantam Books, 1964.)

[104] Dewey, John, *Democracy and Education.* (New York: The Free Press, 1966.)

[105] Erikson, Erik H., (ed.), *The Challenge of Youth.* (Garden City, New York: Anchor Books, 1963.)
[106] Erikson, Erik H., *Childhood and Society.* (New York: W. W. Norton. 1963.)
[107] Evans, Luther H., and Arnstein, George, (eds.), *Automation and the Challenge to Education.* (Washington: National Education Association, 1962.)
[108] Friedenberg, Edgar Z., *The Vanishing Adolescent.* (New York: Dell Publishing, 1959.)
[109] Ginzberg, Eli (ed.), *The Nation's Children.* (New York: Colombia University Press, 1960.) (3 vols.)
[110] Hamblett. Charles, and Deverson, Jane, *Generation X.* (Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1964.)
[111] Hirsch, Werner Z., (ed.), *Inventing Education for the Future.* (San Francisco: Chandler, 1967.)
[112] Hook, Sidney, *Education for Modern Man.* (New York: Dial Press, 1946.)
[113] Newson, John and Elizabeth, *Patterns of Infant Care in an Urban Community.* (Baltimore: Penguin Books, 1965.)
[114] Salisbury, Harrison E., *The Shook-Up Generation.* (Greenwich, Conn.: Fawcett World Library, 1958.)
[115] Toffler, Alvin, (ed.), *The Schoolhouse in the City.* (New York: Praeger, 1968.)
[116] Weerlee, Duco van, *Wat De Provo's Willen.* (Amsterdam: Unitgeverij De Bezige Bij, 1966.)

СЕМЬЯ. СЕКС

[117] Bell, Norman W., and Vogel, Ezra F., (eds.), *A Modern Introduction to the Family.* (Glencoe, Ill. The Free Press, 1960.)
[118] Farber, Seymour, Mustacchi, Piero, and Wilson, Roger H. L., (eds.), *Man and Civilization.* (New York: McCraw-Hill, 1965.)
[119] Friedan, Betty, *The Feminine Mystique.* (New York: W. W. Norton, 1963.)
[120] Galdston, Iago, (ed.), *The Family in Contemporary Society.* (New York: International Universities Press, 1958.)
[121] Goode, William J., (ed.), *The Family.* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964.)

[122] Goode, William J., *Readings on the Family and Society.* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall. 1964.)
[123] Hunt, Morton M., *Her Infinite Variety.* (New York: Harper & Row, 1962.)
[124] Ogburn, W. F., and Nimkoff, M. F., *Technology and the Changing Family.* (Cambridge, Mass.: Houghton Mifflin Co, 1955.)
[125] Rimmer, Robert, *The Harrad Experiment.* (New York: Bantam Books, 1967.)
[126] Rimmer, Robert, *Proposition 31.* (New York: New American Library, 1968.)
[127] Schur, Edwin M., (ed.), *The Family and the Sexual Revolution.* (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1964.)

ПЕРСПЕКТИВЫ

[128] Adelson, Marvin, *The Technology of Forecasting and the Forecasting of Technology* (Report SP 3151-000-01). (Santa Monica, Calif.: System Development Corporation, April, 1968.)
[129] Adelson, Marvin, *Toward a Future for Planning* (Report SP-2022). (Santa Monica, Calif.: System Development Corporation, June 1966.)
[130] Baade, Fritz, *The Race to the Year 2000.* (New York: Doubleday, 1962.)
[131] Baier, Kurt, and Rescher, Nicholas, *Values and the Future.* (New York: The Free Press, 1969.)
[132] Bell, Daniel, (ed.), *Toward the Year 2000.* (Boston: Houghton Mifflin, 1968.) (Book version of special issue of *Daedalus*, Summer, 1967, based on work of Commission on the Year 2000.)
[133] Bohler, Eugene, *El Futuro, Problema del Hombre Moderno.* (Madrid: Alianza Editorial, 1967.)
[134] Boulding, Kenneth, *The Meaning of the 20th Century.* (New York: Harper & Row, 1964.)
[135] Brown, Harrison, *The Challenge of Man's Future.* (New York: Viking, 1954.)
[136] Calder, Nigel, (ed.), *The World in 1984.* (Baltimore: Penguin Books. 1965.), (2 vols.)
[137] Clarke, Arthur C., *Profiles of the Future.* (New York: Bantam Books, 1958.)

[138] De Jouvenel, Bertrand, *Futuribles*. (Santa Monica, Calif.: The RAND Corporation, January, 1965.)

[139] De Jouvenel, Bertrand, *The Art of Conjecture*. (New York: Bastc Books, 1967.)

[140] Drucker, Peter F., *America's Next Twenty Years*. (New York: Harper & Row, 1955.)

[141] Drucker, Peter F., *The Age of Discontinuity*. (New York: Harper & Row, 1968.)

[142] Duffus, R. L., *Tomorrow's News*. (New York: W. W. Norton, 1967.)

[143] Ernst, Morris L., *Utopia 1976*. (New York: Rinehart, 1955.)

[144] Ewald, Willam R, Jr., (ed.), *Environment For Man*. (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1967.)

[145] Franklin, H. Bruce, *Future Perfect*. (New York: Oxford Univeisity Press, 1966.)

[146] Fuller, R. Buckminster, and McHale, John, *World Design Science Decade, 1965—1975; Phcise I Documents 1—4*. (Carbondale, Ill: World Resources Inventory, Southern Illinois University, 1963.)

[147] Gabor, Dennis, *Inventing the Future*. (New York: Alfred A. Knopf, 1969.)

[148] Gibson, Tony, *Breaking in the Future*. (London: Hodder and Stoughton, 1965.)

[149] Gordon, Theodore J., *The Future*. (New York: St. Martin's Presa, 1965.)

[150] Gordon, Theodore J., and Helmer, *Olaf, Report on a Long-Range Forecasting Study*. (Santa Monica, Calif.: The RAND Corporation, September, 1964.)

[151] Gross, Bertram M., *Space-Time and Post-Industrial Society*. (Syracuse, N. Y.: Maxwell Graduate School, Syracuse University. Comparative Administration Group Occasional Paper, May, 1966.)

[152] Gumucio, Mariano B., *Los Días Que Vendrán*. (Caracas: Monte Avila Editores, 1968.)

[153] Heilbroner, Robert, *The Future as History*. (New York: Grove Press, 1959.)

[154] Helmer, Olaf, Gordon, Theodore J., Enzer, Selwyn, De Brtgard, Raul, and Rochbert, Richard, *Development of Long-Range Forecasting Methods for Connecticut.* (Middletown, Conn.: Institute for the Future, September, 1969.)

[155] Helmer, Olaf, *Social Technology.* (New York: Basic Books, 1966.)

[156] Helton, Roy, *Sold Out to the Future.* (New York: Harper & Row, 1935.)

[157] Jantsch, Erich, *Technological Forecasting in Perspective.* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, October, 1968.)

[158] Jungk, Robert, *Tomorrow is Already Here.* (New York: Simon and Schuster, 1954.)

[159] Kahn, Herman and Wiener, Anthony J., *The Year 2000.* (New York: Macmillan, 1967.)

[160] Kostelanetz, Richard, (ed.), *Beyond Left and Right.* (New York: William Morrow, 1968.)

[161] Lewinsohn, Richard, *Science, Prophecy and Prediction.* (Greenwich, Conn.: Fawcett, 1962.)

[162] Low, A. M., *What's the World Coming To?* (New York: J. B. Ltppincott, 1951.)

[163] Lundberg, Ferdinand, *The Coming World Transformation.* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1963.)

[164] McHale, John, *The Future of the Future.* (New York: George Braziller, 1969.)

[165] Marek, Kurt W., *Yestermorrow.* (New York: Alfred A. Knopf, 1961.)

[166] Medawar, P. B., *The Future of Man*, (New York: New American Library, 1959.)

[167] Michael, Donald N., *The Unprepared Society.* (New York: Basic Books, 1968.)

[168] Pauwels, Louis, and Bergier, Jacques, *The Morning of the Magicians.* (New York: Stein and Day, 1963.)

[169] Peccei, Aurelio, *The Chasm Ahead.* (London: Macmillan, 1969.)

[170] Platt, John Rader, *The Step to Man.* (New York: John Wiley, 1966.)

[171] Polak, Fred L., *The Image of the Future.* (New York: Oceana Publications, 1961.) (2 vols.)

[172] Ritner, Peter, *The Society of Space.* (New York: Macmillan, 1961.)

[173] Rodwin, Lloyd, (ed.), *The Future Metropolis.* (New York: George Braziller, 1961.)

[174] Shinn, Roger L., *Tangled World.* (New York: Charles Scribner's Sons, 1965.)

[175] Thomson, George, *The Foreseeable Future.* (New York: Viking, 1960.)

[176] Vickers, Geoffrey, *Value Systems and Social Process.* (New York: Basic Books, 1968.)

[177] Wolstenholme, Gordon, (ed.), *Man and his Future.* (London: J. and A. Churchill, 1963.)

[178] Zwicky, Fritz, Discovery, *Invention, Research.* (Toronto: Macmillan, 1969.)

[179] ———, *Commission on the Year 2000.* Working Papers. (Cambridge, Mass.: American Academy of Arts and Sciences, 1965—1967.) (5 vols.) Private circulation.

[180] ———, *El Futuro Immediate*, (Barcelona: Plaza and Janes, 1969.)

[181] ———, *Prospect for America: The Rockefeller Panel Reports.* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1961.)

[182] ———, *Prospective Changes in Society by 1980*, (Denver: Designing Education for the Future, July, 1966.)

[183] ———, *The World of 1975.* (Menlo Park, Calif.: Stanford Research Institute, 1964.)

Also consulted:

[184] *Analyse et Prévision* (Paris). A monthly.

Analysen und Prognosen (Berlin). A bi-monthly.

Futures (Surrey, England). A quarterly.

Futuribili (Rome). A quarterly.

Prospeccion Siglo XXI (Caracas). Irregular.

Prospective (Paris). Irregular.

The Futurist (Washington). A bi-monthly.

ИНДИВИДУАЛИЗМ

[185] Brooks, John, *The One and The Many.* (New York Harper & Row, 1962.)

[186] Ellul, Jacques, *The Technological Society.* (New York: Vintage Books, 1967.)
[187] Kardiner, Abram, *The Individual and His Society.* (New York: Columbia University Press, 1939.)
[188] Kluckhohn, Clyde, *Mirror For Man.* (Greenwich, Conn.: Fawcett, 1965.)
[189] Mannheim, Karl, *Systematic Sociology.* (New York: Grove Press, 1957.)
[190] Menaker, Esther and William, *Ego in Evolution.* (New York: Grove Press, 1965.)
[191] Odajnyk, Walter, *Marxism and Existentialism.* (Garden City, N. Y.: Anchor Books, 1965.)
[192] Riesman, David, *Abundance, for What? and Other Essays.* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1964.)
[193] Riesman, David, with Glazer, Nathan and Denney, Reuel, *The Lonely Crowd.* (Garden City, N. Y.: Anchor Books, 1950.)
[194] Riesman, David, *Selected Essays from Individualism Reconsidered.* (New York: Doubleday, 1954.)
[195] Sayles, Leonard R., *Individualism and Big Business.* (New York: McGraw-Hill, 1963.)
[196] Tenn, William, *The Human Angle.* (New York: Ballantine, 1968.)
[197] Whyte, William H., *The Organization Man.* (New York: Simon and Schuster, 1956.)

ИНФОРМАЦИЯ. ЗНАНИЯ

[198] Barraclough, Geoffrey, *An Introduction to Contemporary History.* (New York: Basic Books, 1964.)
[199] Barrett, William, *Irrational Man.* (Garden City, N. Y.: Doubleday Anchor, 1962.)
[200] Bell, Daniel, *The Reforming of General Education.* (New York: Columbia University Press, 1966.)
[201] Boulding, Kenneth, *The Image.* (Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1956.)
[202] Bram, Joseph, *Language and Society.* (Garden City, N. Y.: Donuleday, 1955.)

[203] Childe, V. Gordon, *Society and Knowledge*. (New York: Harper & Row, 1956.)

[204] De Chardin, Teilhard, *The Phenomenon of Man*. (New York Harper & Row, 1959.)

[205] De Fleur, Melvin L., and Larsen, Otto, *The Flow of Information*. (New York: Harper & Row, 1958.)

[206] Escarpit, Robert, *The Book Revolution*. (London: UNESCO and George, G. Harrap, 1966.)

[207] Glaister, G. A., *Encyclopedia of the Book*. (Cleveland: World Publishing, 1960.)

[208] Hauser, Arnold, *The Social History of Art*. (New York: Vintage Books, 1958.) (4 vols.)

[209] Knight; Arthur, *The Livelist Art*. (New York: New American Library, 1959.)

[210] Kuhn, Thomas S., *The Structure of Scientific Revolutions*. (Chicago: University of Chicago Press, 1962.)

[211] Machlup, Fritz, *The Production and Distribution of Knowledge to the United States*. (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1962.)

[212] Robinson, John A. T., *Honest to God*. (London: SCM Press Ltd., 1963.)

ОБРАЗ ЖИЗНИ. СУБКУЛЬТУРА. МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

[213] Amory, Cleveland, *Who Killed Society?* (New York: Harper & Row, 1960.)

[214] Baitzell, E. Digby, *The Protestant Establishment*. (New York: Random House, 1964.)

[215] Barber, Bernard, *Social Stratification*. (New York: Harconrt, Brace & World, 1957.)

[216] Barth, John, *The Floating Opera*, (New York: Avon Books, 1956.)

[217] Cox, Harvey, *The Secular City*. (New York: Macmillan, 1965.)

[218] Dahrendorf, Ralf, *Class and Class Conflict in Industrial Society*. (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1966.)

[219] Fishwick, Marshall, *The Hero, American Style.* (New York: David McKay, 1969.)

[220] Glazer, Nathan, and Moynihan, Daniel, *Beyond The Melting Pot.* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1963.)

[221] Goffman, Erving, *Behavior in Public Places.* (New York: The Free Press, 1963.)

[222] Goffman, Erving, *Interaction Ritual.* (Garden City, N. Y.: Doubleday, 1967.)

[223] Goodman, Paul, *Growing Up Absurd.* (New York: Vintage Books, 1960.)

[224] Greer, Scott, *The Emerging City.* (New York: The Free Press, 1965.)

[225] Hausknecht, Murray, *The Joiners.* (New York: Bedminster Press, 1962.)

[226] Hyman, Herbert H., and Singer, Eleanor, (eds.), *Readings in Reference Group Theory and Research.* (New York: The Free Press, 1968.)

[227] Josephson, Eric and Mary, (eds.), *Man Alone.* (New York: Dell Publishing, 1962.)

[228] Klapp, Orrin E., *Symbolic Leaders.* (Chicago: Aldine, 1964.)

[229] McClelland, David C., *The Achieving Society.* (New York: The Free Press, 1961.)

[230] McKuen, Rod, *Stanyan Street and Other Sorrows.* (New York: Random House, 1963.)

[231] Nadeau, Remi, California: *The New Society.* (New York: David McKay Co., 1963.)

[232] Newcomb, Theodore M., and Wilson, Everett K., (eds.), *College Peer Groups.* (Chicago: Aldine, 1966.)

[233] Packard, Vance, *The Status Seekers.* (New York: David McKay, 1959.)

[234] Podhoretz, Norman, *Making It.* (New York: Random House, 1967.)

[235] Pynchon, Thomas, *The Crying of Lot 49.* (Philadelphia:J. B. Lippincott, 1966.)

[236] Seeley, John R., Sim, R. Alexander, and Loosley, Elizabeth W., *Crestwood Heights.* (New York: John Wiley, 1963.)

[237] Sheckley, Robert, *Untouched By Human Hands.* (New York: Ballantine Books, 1954.)

[238] Sherif, Muzafer, and Carolyn W., *Reference Groups.* (New York: Harper & Row, 1964.)

[239] Wirth, Louis, *On Cities and Social Life.* (Chicago: The University of Chicago Press, 1964.)

[240] Yablonsky, Lewis, *The Violent Gang.* (Baltimore: Penguin Books, 1966.)

МОБИЛЬНОСТЬ

[241] Duhl, Leonard J., (ed.), *The Urban Condition*, (New York: Basic Books, 1963.)

[242] Lipset, Seymour M., and Bendix, Reinhard, *Social Mobility in Industrial Society.* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1964.)

[243] Morton, Herbert C., (ed.), *Brookings Papers on Public Policy.* (Washington: Brookings Institution, 1965.)

[244] Neymark, Ejnar, *Selectiv Rörlighet.* (Stockholm: Personaladministrativa Radet, 1961.)

[245] Österberg, Gunnar R., *An Empirical Study of Labour Reallocation Gains in Sweden Between 1950 and 1960.* (Stockholm: Industriens Utredningsinstitut, 1965.)

[246] Rundblad, Bengt G., *Arbetskraftens Rörlighet.* (Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1964.)

[247] Weil, Simone, *The Need for Roots.* (Boston: Beacon Press, 1952.)

[248] Woodward, Eliot G., and Kaufman, Joan, *International Travel* (Report No. 193). (Memo Park, Calif.: Stanford Research Institute, December, 1963.)

[249] ———, *International Joint Seminar on Geographical and Occupational Mobility of Manpower, (Finel Report).* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1964.)

[250] ———, *Joint International Seminar on Geographical and Occupational Mobility of Manpower; Supplement to the Final Report.*

Castelfusano, Nov. 19—22, 1963. (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1964.)

[251] ———, *L'Evolution del'emploi dans les Etats membres (1954—1958)*. (Brussels: Communaute Economique Europeene Commission, March, 1961.)

ТЕОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

[252] Bennis, Warren G., *Changing Organizations*. (New York: McGraw-Hill, 1966.)

[253] Blan, Peter M., *Bureaucracy in Modern Society*. (New York: Random House, 1956.)

[254] Blau, Peter M., and Scott, W. Richard, *Formal Organizations*. (San Francisco: Chandler, 1962.)

[255] Boulding, Kenneth. *The Organizational Revolution*. (New York: Harper & Row, 1953.)

[256] Gerth, H. H., and Mills, C. Wright, (eds.), *From Max Weber: Essays in Sociology*. (New York: Oxford University Press, 1958.)

[257] Gross, Bertram M., *The Managing of Organizations*, (New York: The Free Press, 1964.) (2 vols.)

[258] Kafka, Franz, *The Trial*. (New York: Alfred A. Knopf, 1945.)

[259] Likert, Rensis, *The Human Organization*. (New York: McGraw-Hill, 1967.)

[260] Rice, A. K., *The Enterprise and Its Environment*. (London: Tavistock Publications, 1963.)

СТАБИЛЬНОСТЬ. ПЕРЕМЕНЫ

[261] Donham, W. B., *Business Adrift*. (New York: Whittlesey House/MeGraw-Hill, 1931.) (Introduction by Alfred North Whitehead.)

[262] Dunham, Barrows, *Giant in Chains*. (Boston; Little, Brown, 1953.)

[263] Gellner, Ernest, *Thought and Change*. (Chicago: University of Chicago Press, 1965.)

[264] Huxley, Julian, *Essays of a Humanist.* (New York: Harper & Row, 1964.)

[265] Huxley, Julian, *Man in the Modern World.* (New York: New American Library, 1959.)

[266] Huxley, Julian, *New Bottles for New Wine.* (New York: Harper & Row, 1957.)

[267] Huxley, Julian, *On Living in a Revolution.* (New York: Harper & Row, 1942.)

[268] Schon, Donald A., *Technology and Change.* (New York: Dell, 1967.)

[269] Van Gennep, Arnold, *The Rites of Passage.* (Chicago: The University of Chicago Press, 1960.)

НАУКА. ТЕХНОЛОГИЯ

[270] Burlingame, Roger, *Machines that Built America.* (New York: New American Library, 1955.)

[271] Capek, Karel, *War with the Newts.* (New York: Bantam Books, 1964.)

[272] Cipolla, Carlo M., *The Economic History of World Population.* (Baltimore: Penguin Books, 1962.)

[273] Clarke, Arthur C., *The Challenge of the Spaceship.* (New York: Ballantine, 1961.)

[274] Clarke, Arthur C., (ed.), *Time Probe.* (New York: Dell, 1967.)

[275] Delgado, José M. R. *Physical Control of the Mind.* (New York: Harper & Row, 1969.)

[276] De Solla Price, Derek J., *Little Science, Big Science.* (New York: Columbia University Press, 1963.)

[277] De Solla Price, Derek J., *Science Since Babylon.* (New Haven: Yale University Press, 1961.)

[278] Dole, Stephen, *Habitable Planets for Man.* (Santa Monica, Calif.: The RAND Corp., March, 1964.)

[279] Ettinger, Robert C. W., *The Prospect of Immortality.* (New York: Doubleday, 1964.)

[280] Farrington, Benjamin, *Head and Hand in Ancient Greece.* (London: Watts and Co., 1947.)

[281] Fidell, Oscar, (ed.), *Ideas in Science.* (New York: Washington Square Press, 1966.)

[282] Forbes, R. J., and Dijksterhuis, E. J., *A History of Science and Technology.* (Baltimore: Penguin Books, 1963.) (2 vols.)

[283] Fourastié, Jean, *Idées Majeures.* (Paris: Editions Gonthier, 1966.)

[284] Fourastié, Jean, *Les Conditions de l'Esprit Scientifique.* (Paris: Editions Gallimard, 1966.)

[285] Gilman, William, *Science*: U.S.A. (New York: Viking, 1965.)

[286] Gordon, Theodore J., and Shef, Arthur L., *National Programs and the Progress of Technological Societies.* (Huntington Beach, Calif.: McDonnell Douglas Corporation, March, 1968.)

[287] Hanrahan. James S., and Bushnell, David, *Space Biology.* (New York: Science Editions, 1961.)

[288] Hulten, K. G. Pontus, *The Machine.* (New York: Museum of Modern Art, 1968.)

[289] Jewkes, John, Sawers, David, and Stillerman, Richard, *The Sources of Invention.* (New York: St. Martin's Press, 1958.)

[290] Lapp, Ralph E., *The New Priesthood.* (New York: Harper & Row, 1961.)

[291] Lesher, Richard, and Howick, George, *Background, Guidelines, and Recommendations for use in Assessing Effective Means of Channeling New Technologies in Promising Directions.* (Washington: National Commission on Technology, Automation and Economic Progress, November, 1965.)

[292] Levy, Lillian, (ed.), *Space: Its Impact on Man and Society.* (New York: W. W. Norton, 1965.)

[293] Lewis, Arthur O., Jr., (ed.), *Of Men and Machines.* (New York: E. P. Dutton, 1963.)

[294] Lilly, John C, *Man and Dolphin.* (New York: Pyramid, 1962.)

[295] London, Perry, *Behavior Control.* (New York: Harper & Row, 1969.)

[296] McLuhan, Marshall, *Understanding Media.* (New York: McGraw-Hill, 1965.)

[297] Newman, James R., (ed.), *What is Science?* (New York: Washington Square Press, 1961.)

[298] Plumb, J. H., (ed.), *Crisis in the Humanities.* (Baltimore: Penguin Books, 1964.)
[299] Rapport, Samuel, and Wright, Helen, *Science: Method and Meaning.* (New York: Washington Square Press, 1964.)
[300] Reichenbach, Hans, *The Rise of Scientific Philosophy.* (Los Angeles: University of California Press, 1951.)
[301] Schmeck, Harold, Jr., *The Semi-Arlificial Man.* (New York: Walker, 1965.)
[302] Schnapper, M. B., (ed.), *New Frontiers of Knowledge.* (Washington: Public Affairs Press, 1957.)
[303] Schramm, Wilbur, (ed.), *Mass Communications.* (Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1960.)
[304] Shannon, C. E., and McCarthy, J., (eds.), *Automata Studies.* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1956.)
[305] Snow, C. P., *Science and Government.* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961.)
[306] Snow, C. P., *The Two Cultures and The Scientific Revolution.* (New York: Cambridge University Press, 1959.)
[307] Stover, Carl F., *The Government of Science.* (Santa Barbara, Calif.: The Center for the Study ot Democratic Institutions, 1962.)
[308] Strachey, John, *The Strangled Cry.* (New York: William Sloane Associates, 1962.)
[309] Sullivan, Walter, *We Are Not Alone.* (New York: McGraw-Hill, 1964.)
[310] Vercors, *You Shall Know Them.* (New York: Popular Library, 1953.)
[311] Wiener, Norbert, *The Human Use of Human Beings.* (Garden City, N. Y.: Anchor Books, 1954.)
[312] ———, *Implications of Biomedical Technology.* (Cambridge, Mass.: Harvard University Program on Technology and Society, Research Review No. 1.)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ. ПЛАНИРОВАНИЕ. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

[313] Bauer, Raymond A., (ed.), *Social Indicators.* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1966.)

[314] Daddario, Emilio Q., *Technology Assessment.* Statement by the chairman of the Subcommittee on Science, Research and Development of the Committee on Science and Astronautics, U.S. House of Representatives. Ninetieth Congress. First Session. (Washington: Government Printing Office, 1968.)

[315] Elsner, Henry, Jr., *The Technocrats.* (Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 1967.)

[316] Gross, Bertram M., *A Great Society?* (New York: Basic Books, 1968.)

[317] Gross, Bertram M., (ed.), *Social Intelligence for America's Future.* (Boston: Allyn and Bacon, 1969.)

[318] Harrington, Michael, *The Accidental Century.* (New York: Macmillan, 1965.)

[319] Huxley, Aldous, *Brave New World.* (New York: Bantam Books, 1958.)

[320] Kahn, Alfred J., *Studies in Social Policy and Planning.* (New York: Russell Sage Foundation, 1969.)

[321] Kahn, Alfred J., *Theory and Practice of Social Planning.* (New York: Russell Sage Foundation, 1969.)

[322] Lyons, Gene M., *The Uneasy Partnership.* (New York: Russell Sage Foundation, 1969.)

[323] Mayo, Louis H., *Comments on Senate Resolution 78.* (Washington: George Washington University, March 4, 1969.)

[324] Mayo, Louis H., *The Technology Assessment Function.* Part I. Internal Reference Document 25. (Washington: George Washington University, July, 1988.)

[325] Mayo, Louis H., and Rao, P. L., *The Technological Assessment Function.* Part II. Internal Reference Document 25. (Washington: George Washington University, July, 1968.)

[326] Orwell, George, *1984.* (New York: New American Library, 1949.)

[327] Sheldon, Eleanor and Moore, Wilbert, *Indicators of Social Change.* (New York: Russell Sage Foundation, 1968.)

[328] Skinner, B. F., *Walden II.* (New York: Macmillan, 1962.)

[329] ———, *Establish a Select Senate Committee on Technology and the Human Environment*, Hearings on Senate

Resolution 68 before the Subcommittee on Intergovernmental Relations of the Committee on Government Operations, US Senate. (Washington: Government Printing Office, March and April, 1967.)

[330] ———, *Full Opportunity and Social Accounting Act (Seminar).* Hearings before the Subcommittee on Government Research, Committee on Government Operations, US Senate. Ninetieth Congress. First Session. S. 843, Parts 1—3. (Washington: Government Printing Office, 1967.)

[331] ———, *Goals for Americans.* Report of the President's Commission on National Goals. (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964.)

[332] ———, *Inquiries, Legislation, Policy Studies Re: Science and Technology.* 2nd Progress Report. Subcommittee on Science, Research and Development of the Committee on Science and Astronautics, US House of Representatives. Eighty-ninth Congress. Second Session. (Washington: Government Printing Office, 1966.)

[333] ———, *Policy Issues to Science and Technology.* Third progress report. Subcommittee on Science Research and Development of the Committee on Science and Astronautics, US House of Representatives. Ninetieth Congress. Second Session. (Washington: Government Printing Office, 1968.)

[334] ———, *Préparation du Ve Plan: Rapport sur les Principales Options. (Paris: Journal Offciel de la République Française. 1964.)*

[335] ———, *Review of National Science Policy-United States.* (Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1968.)

[336] ———, *Technology Assessment Seminar.* Proceedings before the Subcommittee on Science, Research and Development of the Committee on Science and Astronautics, US House of Representatives. (Washington: Government Printing Office, September, 1967.)

[337] ———, *Toward A Social Report.* (Washington: US Department of Health, Education and Welfare, January, 1969.)

ВРЕМЯ

[338] Abé, Kobo, *The Woman in the Dunes.* (New York: Berkley, 1964.)

[339] Beardslee, David C., and Wertheimer, Michael, (eds.), *Readings in Perception.* (Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1958.)

[340] Cohen, John, (ed.), *Readings in Psychology.* (London: Allen and Unwin, 1964.)

[341] De Grazia, Sebastian, *Of Time, Work and Leisure.* (New York: Twentieth Century Fund, 1962.)

[342] Fraser, J. T., (ed.), *The Voices of Time.* (New York: George Braziller, 1966.)

[343] Hall, Edward T., *The Hidden Dimension.* (New York: Doubleday, 1966.)

[344] Hall, Edward T., *The Silent Language.* (New York: Doubleday, 1959.)

[345] Israeli, Nathan, *Abnormal Personality and Time.* (New York: Science Press Printing Company, 1936.)

[346] Mac Iver, R. M., *The Challenge of The Passing Years.* (New York: Pocket Books, 1962.)

[347] Poulet, Georges, *Studies in Human Time.* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1956.)

[348] Priestley, J. B., *Man and Time.* (New York: Dell, 1964.)

[349] Wallis, Robert, Time: *Fourth Dimension of the Mind.* (New York: Harcourt, Brace & World, 1966.)

[350] Warner, W. Lloyd, *The Corporation in the Emergent American Society.* (New York: Harper & Row, 1962.)

ОБЩИЕ РАБОТЫ

[351] Berelson, Bernard, and Steiner, Gary A., *Human Behavior.* (New York: Harcourt, Brace & World, 1964.)

[352] Chapple, Eliot Dismore, and Coon, Carleton Stevens, *Principles of Anthropology.* (New York: Henry Holt, 1942.)

[353] Deutsch, Morton and Krauss, Robert M., *Theories in Social Psychology.* (New York: Basic Books, 1965.)

[354] Hartley, Eugene, Maccoby, Eleanor, and Newcomb, Theodore, (eds.), *Readings in Social Psychology.* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1947.)

[355] Lindzey, Gardiner, (ed.), *Handbook of Social Psychology.* (Cambridge, Mass.: Addison-Wesley, 1954.)

[356] Natanson, Maurice, (ed.), *Philosophy of the Social Sciences.* (New York: Random House, 1963.)

[357] Newcomb, Theodore, Turner, Ralph H., and Converse, Philip E., *Social Psychology.* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1965.)

[358] Wattenberg, Ben J. with Scammon, Richard M., *This U.S.A.* (New York: Doubleday, 1965.)

[359] ———, *The American Workers' Fact Book.* (Washington: United States Department of Labor, 1956.)

Издатели Элвина Тоффлера:

Болгария: Narodna Kultura
Бразилия: Distribuidora Record de Servicos de Imprensa
Великобритания: Bantam Books
Венгрия: Europa Konyvkiado
Германия: Econ Verlag
Греция: Cactus Editions
Дания: Holkenfeldts Forlag
Египет: Dar Al Hilal
Израиль: Sifriat Ma'ariv
Индонезия: P.T. Pantja Simpati
Испания: Plaza y Janes
Италия: Sperling & Kupfer
Китай: Xinhua
Корея: Korea Economic Daily
Литва: Tyto Alba
Малайзия: Dewan Bahasa Dan Pustaka
Нидерланды: Veen Publishers
Норвегия: J.W. Cappelens Forlag
Польша: Zysk i Ska
Португалия: Livros do Brasil
Россия: AST Publishers
Румыния: Edutura ANTET 2000
Словения: Univel d.o.o.
США: Bantam Books
Тайвань: China Times Publishing
Таиланд: Nan Mee Co. Ltd.
Турция: Altin Kitaplar
Финляндия: Otava Oy
Франция: Librairie Artheme Fayard
Швеция: Bokforlaget Bra Bocker
Япония: Fuso-sha

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – «Книги по почте»**

Научно-популярное издание

Тоффлер Элвин

Шок будущего

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14